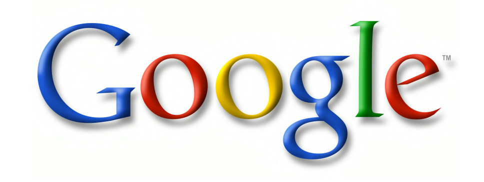

SIGILL: COLL: HARVARD: CANTAB: NOV: ANGL: 1650.
CHRISTO ET ECCLESIAE

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
·ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ·
ЛИТЕРАТУРЫ.
1868
5
ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 5-ая.
МАЙ. 1868.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 5-ая. — МАЙ, 1868.

Съ іюньской книги начнется печатаніе разсказовъ С. В. Максимова, подъ заглавіемъ: «Несчастные», въ трехъ частяхъ.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

Third Year

ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ XXXI. — ТОМЪ CLXXXV. — 1/13 мая 1868.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
УЛИЦА МОГИЛЕВСКАЯ, 2.
С.ПЕТЕРБУРГЪ

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Third Year

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Book 5 of Third year

ТОМЪ III.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста, № 30.

Экспедиція журнала: на Екатерингофскомъ проспектѣ, № 41.

С. САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

1*

1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler.
U. S. Consul
at Birmingham, Eng.

ЦАРЬ ѲЕДОРЪ ІОАННОВИЧЪ

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА[1]).

ЦАРЬ ѲЕДОРЪ ІОАННОВИЧЪ, сынъ Іоанна Грознаго.

ЦАРИЦА ИРИНА ѲЕДОРОВНА, жена его, сестра Годунова.

БОРИСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ГОДУНОВЪ, правитель царства.

КНЯЗЬ ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ШУЙСКІЙ, верховный воевода.

ДІОНИСІЙ, митрополитъ всея Руси.

ВАРЛААМЪ, архіепископъ Крутицкій.

ІОВЪ, архіепископъ Ростовскій.

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ ПРОТОПОПЪ.

ЧУДОВСКІЙ АРХИМАНДРИТЪ.

ДУХОВНИКЪ царя Ѳедора.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ, племянникъ князя Ивана Петровича.

---

[1]) При существующихъ театральныхъ правилахъ, не всѣ дѣйствующія лица, здѣсь поименованныя, могутъ явиться на сцену. О предполагаемыхъ вслѣдствіе того измѣненіяхъ, для сцены, выйдетъ особая статья, подъ заглавіемъ: *Проектъ постановки на сцену трагедіи: «Царь Ѳедоръ Іоанновичъ»*.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ
КНЯЗЬ ДМИТРІЙ } ШУЙСКІЕ, родственники кн. Ивана Петровича.
КНЯЗЬ ИВАНЪ

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКІЙ } ближніе воеводы } сторонники Шуйскихъ.
КНЯЗЬ ХВОРОСТИНИНЪ
КНЯЗЬ ШАХОВСКОЙ
МИХАЙЛО ГОЛОВИНЪ

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ ЛУПЪ-КЛЕШНИНЪ, бывшій дядька царя Ѳедора } сторонники Годунова.
КНЯЗЬ ТУРЕНИНЪ

КНЯЖНА МСТИСЛАВСКАЯ, племянница кн. Ивана Петровича и невѣста Шаховскаго.

ВАСИЛИСА ВОЛОХОВА, сваха.

БОГДАНЪ КУРЮКОВЪ } московскіе гости, сторонники Шуйскихъ.
ИВАНЪ КРАСИЛЬНИКОВЪ
ГОЛУБЬ, отецъ
ГОЛУБЬ, сынъ

ѲЕДЮКЪ СТАРКОВЪ, дворецкій кн. Ивана Петровича.

ГУСЛЯРЪ.

ЦАРСКІЙ СТРЕМЯННЫЙ.

СЛУГА Бориса Годунова.

ГОНЕЦЪ изъ села Тѣшлова.

ГОНЕЦЪ изъ Углича.

РАТНИКЪ.

Бояре, боярыни, сѣнныя дѣвушки, стольники, дьяки, попы, монахи, торговые люди, посадскіе, стрѣльцы, слуги, нищіе и народъ.

Дѣйствіе — въ Москвѣ, въ концѣ XVI-го столѣтія.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Домъ князя Ивана Петровича Шуйскаго.

На лѣвомъ концѣ сцены — столъ, за которымъ сидятъ всѣ ШУЙСКІЕ, кромѣ Ивана Петровича и Василія Ивановича.— Рядомъ съ Шуйскими: ЧУДОВСКІЙ АРХИМАНДРИТЪ, БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ ПРОТОПОПЪ и нѣкоторыя другія духовныя лица.— Нѣсколько бояръ также сидятъ за столомъ; другіе расхаживаютъ, разговаривая, въ глубинѣ сцены.—По правую руку, стоятъ купцы и люди разныхъ сословій.—Тамъ-же видѣнъ другой столъ съ кубками и сулеями. — За нимъ стоитъ, въ ожиданіи, СТАРКОВЪ, дворецкій князя Ивана Петровича.

АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ — къ духовнымъ.

Да, да, отцы! На это дѣло крѣпко
Надѣюсь я. Своей сестрой, царицей,
Сидитъ правитель Годуновъ. Онъ ею
Одной сильнѣй всего боярства вмѣстѣ;
Какъ вотчиной своею помыкаетъ
И думою, и церковью Христовой,
И всей землей. Но только лишь удастся
Намъ отъ сестры избавиться его —
Мы сладимъ съ нимъ!

ЧУДОВСКІЙ АРХИМАНДРИТЪ.

Такъ князь Иванъ Петровичъ
Свое согласье далъ?

АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

На силу далъ!
Вишь, больно жаль ему царицы было:
Я въ домѣ-де своемъ справляю свадьбу,
Племянницу за князя Шаховскаго,
Вишь, выдаю, — царицу-же съ царемъ
Я разлучу; у насъ веселье будетъ,
У нихъ-же плачъ!

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ ПРОТОПОПЪ.

Зѣло онъ мягкосердъ.

ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Такой ужъ норовъ: въ полѣ лютый звѣрь,
А снялъ доспѣхъ — и не узнаешь вовсе,
Другой сталъ человѣкъ.

ГОЛОВИНЪ.

А какъ-же онъ
Согласье далъ?

АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

Спасибо князь-Василью,
Онъ уломалъ его.

ГОЛОВИНЪ.

Не жду я проку
Отъ этого. По мнѣ: ужъ если дѣлать —
Такъ все, иль ничего.

АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

А что-бъ ты сдѣлалъ?

ГОЛОВИНЪ.

Попроще-бъ сдѣлалъ, да теперь, вишь, намъ
Не время толковать объ этомъ. Шшѣ!
Вотъ онъ идетъ!

Входитъ ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ШУИСКІЙ съ ВАСИЛІЕМЪ ШУЙСКИМЪ, который держитъ бумагу.

КНЯЗЬ ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Отцы! Князья! Бояре!
Бью вамъ челомъ — и вамъ, торговымъ людямъ!
Рѣшился я. Намъ долѣ Годунова
Терпѣть нельзя. Мы, Шуйскіе, стоимъ
Со всей землей за старину, за церковь,
За доброе строенье на Руси,
Какъ повелось отъ предковъ; онъ-же ставитъ
Всю Русь вверхъ дномъ. Нѣтъ, не бывать тому!
Онъ — или мы! Читай, Василь Иванычъ!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ — читаетъ.

«Великому всея Русіи князю,
«Царю и самодержцу, государю
«Ѳедору Иванычу — отъ всѣхъ
«Святителей, князей, бояръ, поповъ,
«Всѣхъ воинскихъ людей, и всѣхъ торговыхъ,
«Отъ всей земли: Царь, смилуйся надъ нами!
«Твоя царица, родомъ Годунова,
«Неплодна есть, а братецъ твой, Димитрій
«Ивановичъ, недугомъ одержимъ
«Падучіимъ. И еслибъ, волей Божьей,
«Ты, государь, преставился, то могъ-бы
«Твой родъ пресѣчься, и земля въ сиротство
«Могла-бы впасть. И ты, царь-государь,
«Насъ пожалѣй, не дай остаться пусту
«Отцовскому престолу твоему:
«Наслѣдія и чадородья ради,
«Ты новый бракъ пріими, великій царь,
«Возьми себѣ въ царицы (имя рекъ)....»

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Мы имя впишемъ послѣ; со владыкой
Рѣшимъ кого намъ указать. Читай!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ — продолжаетъ.

«Неплодную-жъ царицу отпусти,
«Царь-государь, во иноческій чинъ,
«Какъ то̀ твой дѣдъ покойный учинилъ,
«Великій князь Василій Іоанничъ.
«И въ томъ тебѣ мы, цѣлою землею,
«Отъ всей Руси, соборне бьемъ челомъ
«И руки наши прилагаемъ.»

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — къ боярамъ.

Всѣ-ли
Согласны подписаться?

БОЯРЕ.

Всѣ согласны!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — къ духовнымъ.

А вы, отцы?

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ ПРОТОПОПЪ.

Святой владыко насъ
Благословилъ тебѣ дать руки.

ЧУДОВСКІЙ АРХИМАНДРИТЪ.

Полно
Христову церковь Годунову долѣ
Насиловать!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — къ купцамъ.

А вы?

КУПЦЫ.

Князь-государь,
Ужъ намъ-ли за тобою не идти!
Отъ Годунова намъ накладнѣй всѣхъ
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ далъ льготы англичанамъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — беретъ перо.

Прости-жъ мнѣ Богъ, что я для блага всѣхъ
Грѣхъ на̀-душу беру!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

И, полно, дядя!
Какой тутъ грѣхъ? Не по враждѣ къ Иринѣ
Ты на нее идешь, но чтобъ упрочить
Престолъ Руси!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я на нее иду,
Чтобы сломить Бориса Годунова, —
И самъ себя морочить не хочу!
Мой путь пе прямъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Помилуй! Что̀ Иринѣ

Въ мірскомъ величьи? Супротивъ блаженства
Небеснаго все прахъ и суета!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я говорю тебѣ, мой путь не прямъ—
Но пятиться не стану. Лучше пусть
Безвинная царица пропадаетъ,
Чѣмъ вся земля! Подписывается.
Прикладывайте руки!

Всѣ начинаютъ подписываться. Кн. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ отходитъ въ сторону. Къ нему подходитъ КН. ШАХОВСКОЙ.

ШАХОВСКОЙ.

Князь-государь, когда-же мнѣ позволишь
Съ невѣстою увидѣться?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Тебѣ
Одна забота только о невѣстѣ?
Не терпится? Пожди, она сойдетъ
Тебя съ другими подчивать.

ШАХОВСКОЙ.

Ты, князь,
Вѣдь при другихъ мнѣ только и даешь
Съ ней видѣться.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

А ты-бъ хотѣлъ одинъ?
Ты молодъ, князь, а я держуся крѣпко
Обычая. Имъ цѣло государство,
Имъ—и семья.

ШАХОВСКОЙ.

Обычая-ль тогда
Держался ты, когда сидѣлъ во Псковѣ,
Тебя-жъ хотѣлъ Замойскій извести,
А ты его, въ лукавствѣ уличивъ,
Какъ честнаго, на поле звалъ съ собою?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не красная былъ дѣвица Замойскій,
Я-жъ не женихъ. Глазъ-на-глазъ со врагомъ
Быть не зазоръ.

ШАХОВСКОЙ отходитъ. Подходитъ ГОЛОВИНЪ.

ГОЛОВИНЪ вполголоса.

Когда-бъ ты захотѣлъ,
Князь-государь, короче-бъ можно дѣло
И лучше кончить. Углицкіе люди
Ко Дмитрію Ивановичу мыслятъ.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ну, что-же въ томъ?

ГОЛОВИНЪ.

А на Москвѣ толкуютъ,
Что Ѳедоръ царь и плотью слабъ и духомъ;
Такъ еслибъ ты —

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Михайло Головинъ,
Остерегись, чтобъ я не догадался,
Куда ты гнешь.

ГОЛОВИНЪ.

Князь-государь...

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я мимо
Ушей теперь намекъ твой пропускаю,
Но если ты его мнѣ повторишь,
Какъ святъ Господь, я выдамъ головою
Тебя царю!

Входитъ КНЯЖНА МСТИСЛАВСКАЯ въ большомъ нарядѣ; за ней двѣ дѣвушки и ВОЛОХОВА съ подносомъ, на которомъ чары. — Всѣ кланяются княжнѣ въ поясъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ — тихо Головину.

Нашелъ кого поднять

На прирожденнаго на государя!
Да онъ себя на мелкіе куски
Дастъ искрошить скорѣй. Брось дурь!

ГОЛОВИНЪ.

Кабы
Онъ только захотѣлъ —

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Кабы! Кабы
У бабушки бородушка была,
Такъ былъ-бы дѣдушка.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ну, гости дорогіе,
Теперь изъ рукъ племянницы моей
Примайте чары!

ВОЛОХОВА передаетъ подносъ княжнѣ, которая обноситъ гостей съ поклонами.

ШАХОВСКОЙ — ко Мстиславской шопотомъ, принимая отъ нея чару.

Скоро-ли поволишь
Мнѣ свидѣться съ тобою?

Княжна отворачивается.

ВОЛОХОВА — шопотомъ Шаховскому.

Завтра ночью,
Въ садовую калитку!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — подымая кубокъ, который поднесъ ему СТАРКОВЪ.

Напередъ
Во здравье пьемъ царя и государя
Ѳеодора Иваныча! Пусть много
Онъ лѣтъ царитъ надъ нами!

ВСѢ.

Много лѣтъ
Царю и государю!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

А затѣмъ
Пью ваше здравье!

КН. ХВОРОСТИНИНЪ.

Князь Иванъ Петровичъ!
Ты намъ щитомъ былъ долго отъ Литвы —
Будь намъ теперь щитомъ отъ Годунова!

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ ПРОТОПОПЪ.

Благослови тебя Всевышній Царь
Святую церковь нашу отстоять!

ЧУДОВСКІЙ АРХИМАНДРИТЪ.

И сокрушить Навуходоносора!

КУПЦЫ.

Князь-государь! Ты намъ — что̀ твердый Кремль,
А мы съ тобой въ огонь и въ воду!

КН. ХВОРОСТИНИНЪ.

Князь,
Теперь дозволь про молодыхъ намъ выпить,
Про жениха съ невѣстой!

ВСѢ.

Много лѣтъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Благодарю васъ, гости дорогіе,
Благодарю! Она хотя мнѣ только
Племянница, но та-же дочь. Княжна!
И ты, Григорій! Кланяйтеся, дѣти!

ВСѢ — пьютъ.

Во здравье удалому жениху
И дорогой невѣстѣ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Всѣмъ спасибо!
Ко Мстиславской.

Теперь ступай, Наташа. Непривычна
Ты, дитятко, еще казаться въ люди,
Вишь, раскраснѣлась, словно маковъ цвѣтъ. *Цѣлуетъ ее въ голову.*
Ступай себѣ! — КНЯЖНА, ВОЛОХОВА *и дѣвушки уходятъ.*

ВОЛОХОВА — *уходя, къ Шаховскому.*

Смотри-же, не забудь:
Въ садовую калитку! Да гостинчикъ
Мнѣ принеси, смотри-же!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Медлить намъ
Теперь нельзя. Пусть тотчасъ ко владыкѣ
Идетъ нашъ листъ, а тамъ по всей Москвѣ!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Не проболтаться, Боже сохрани!

ВСѢ.

Избави Богъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Простите-жъ, государи,
Простите всѣ! Владыко дастъ намъ знать
Когда къ царю сбираться съ челобитьемъ!
Всѣ расходятся.
Мой путь не прямъ. Сегодня понялъ я,
Что чистымъ тотъ не можетъ оставаться,
Кто борется съ лукавствомъ. Правды съ кривдой
Бой неравёнъ; а съ непривычки трудно
Кривить душой! Счастливъ, кто въ чистомъ полѣ
Передъ врагомъ стоитъ лицомъ къ лицу!
Вокругъ него и громъ, и дымъ, и сѣча,
А на душѣ спокойно и легко!
Мнѣ-жь нà-душу легло тяжелымъ камнемъ
Чтò нынѣ я неправо совершилъ.
Но, видитъ Богъ, намъ всѣ пути иные
Заграждены. На Ѳедора опоры
Нѣтъ никакой! Онъ — словно мягкій воскъ,
Въ рукахъ того, кто имъ владѣть умѣетъ.

Не онъ царитъ — подъ шуриномъ его
Стеня, давно земля защиты проситъ,
Отъ насъ однихъ спасенья ждетъ она!
Да будетъ же — нѣтъ выбора иного —
Неправдою неправда сражена,
И да падутъ на совѣсть Годунова
Мой вольный грѣхъ и вольная вина! Уходитъ.

СТАРКОВЪ — глядя ему вслѣдъ.

Неправда за неправду! Ну, добро!
Такъ и меня ужъ не вини, бояринъ,
Что предъ тобой неправду учиню я,
Да на тебя всю правду донесу!

Палата въ царскомъ теремѣ.

ГОДУНОВЪ, въ раздумьи, сидитъ у стола.—Близъ него стоятъ ЛУПЪ-КЛЕШНИНЪ и КНЯЗЬ ТУРЕНИНЪ. — У двери дожидается СТАРКОВЪ.

КЛЕШНИНЪ — къ Старкову.

И ты во всемъ свидѣтельствовать будешь?

СТАРКОВЪ.

Во всемъ, во всемъ, бояринъ! Хоть сейчасъ
Поставь меня лицомъ къ царю!

КЛЕШНИНЪ.

Добро!
Ступай себѣ, голубчикъ, съ насъ довольно!

СТАРКОВЪ уходитъ.

КЛЕШНИНЪ — къ Годунову.

Чтò? Каково? Сестру-молъ въ монастырь,
А брата пò-боку! И со владыкой
Идутъ къ царю!

ГОДУНОВЪ — въ раздумьи.

Семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,

Какъ царь Иванъ преставился. И нынѣ,
Когда удара я не отведу,
Земли едва окрѣпшее строенье,
Все, что̀ для царства сдѣлать я успѣлъ —
Все рушится — и снова станемъ мы
Гдѣ были въ ночь, когда Иванъ Васильичъ
Преставился.

КЛЕШНИНЪ.

Подкопы съ двухъ сторонъ
Они ведутъ. Тамъ, въ Угличѣ, съ Нагими
Спознался ихъ сторонникъ Головинъ,
А здѣсь царя съ царицею разводятъ.
Не тутъ, такъ тамъ; коль не мытьемъ удастся,
Такъ ка̀таньемъ!

ТУРЕНИНЪ — къ Годунову.

Бояринъ, не давай
Имъ съ челобитіемъ идти къ царю!
Его ты знаешь; супротивъ поповъ,
Пожалуй, онъ не устоитъ.

КЛЕШНИНЪ.

Пожалуй!
Разсчитывать нельзя. Покойный царь
Пономаремъ его не даромъ звалъ.
Эхъ, батюшка ты нашъ, Иванъ Васильичъ!
Когда-бъ ты здравствовалъ, ужъ какъ-бы ты
И Шуйскихъ и Нагихъ поуспокоилъ!

ГОДУНОВЪ.

Изъ Углича къ намъ не было вѣстей?

КЛЕШНИНЪ.

Не получалъ. Пусть только Битяговскій
Ту грамоту пришлетъ, что̀ Головинъ
Писалъ къ Нагимъ, ужъ мы скрутили-бъ Шуйскихъ!

ТУРЕНИНЪ.

А если онъ самъ отъ себя воруетъ?

КЛЕШНИНЪ.

Намъ нѣтъ нужды! Съ той грамотой они
У насъ въ рукахъ.

ТУРЕНИНЪ.

Твоими-бы устами
Пришлося медъ пить. У меня-жъ со княземъ
Иванъ Петровичемъ старинный счетъ:
Когда во Псковѣ съ голоду мы мерли,
А день и ночь насъ осыпали ядра
Каленыя, я въ жалости души,
И не хотя сидѣльцевъ погубленья,
Далъ имъ совѣтъ зачать переговоры
Съ Батуромъ королемъ. Но князь Иванъ
На шею мнѣ велѣлъ накинуть петлю,
И только по упросу богомольцовъ
Помиловалъ. Я не забылъ того,
И вотчины свои теперь-бы отдалъ
Чтобы на немъ веревку увидать!

КЛЕШНИНЪ.

Ему-бъ къ лицу! Съ кунцомъ, со смердомъ ласковъ,
А съ нами гордъ. Эхъ, грамоту-бъ добыть!

ТУРЕНИНЪ — къ Годунову.

Твоя судьба виситъ на волоскѣ —
Тебѣ рѣшиться надо!

ГОДУНОВЪ — вставая.

Я рѣшился.

ТУРЕНИНЪ.

На что?

ГОДУНОВЪ.

На миръ.

ТУРЕНИНЪ И КЛЕШНИНЪ — вмѣстѣ.

Какъ? Съ Шуйскими на миръ?

ГОДУНОВЪ.

Мы завтра-же друзьями учинимся.

ТУРЕНИНЪ.

Врагамъ своимъ ты хочешь уступить?
Ты согласишься подѣлиться съ ними
Своею властью?

КЛЕШНИНЪ.

Батюшка, дозволь
Тебѣ сказать: ты не съ ума-ли спятилъ?
Вѣдь ты козла въ свой пустишь огородъ!

ГОДУНОВЪ.

Когда, шумя, въ морскую бурю волны
Грозятъ корабль со грузомъ поглотить,—
Безуменъ тотъ, кто изъ своихъ сокровищъ
Не броситъ часть, чтобъ цѣлое спасти.
Часть правъ моихъ въ пучину я бросаю,
Но мой корабль отъ гибели спасаю!

КЛЕШНИНЪ.

А какъ сойдешься съ ними ты? Съ повинной
Къ нимъ, что-ль, пойдешь? Аль ихъ къ себѣ попросишь?
Кто миръ устроитъ между васъ?

ГОДУНОВЪ.

Самъ царь.

Стольникъ отворяетъ дверь.

ТУРЕНИНЪ.

А вотъ и царь!

Входитъ царь ѲЕДОРЪ.—За нимъ СТРЕМЯННЫЙ.

ѲЕДОРЪ.

Стремянный! Отчего
Конь подо мной вздыбился?

СТРЕМЯННЫЙ.

Государь,

Ты, вишь, въ мошну за деньгами полѣзъ
Для нищаго, конь подался впередъ,
Ты-жъ дернулъ за поводья, конь съ испугу
И сталъ дыбиться.

ѲЕДОРЪ.

Самого меня
Онъ испугалъ. Стремянный, не давать
Ему овса! Пусть сѣно ѣстъ одно!

КЛЕШНИНЪ.

А я-бы, царь, стремяннаго приструнилъ,
Чтобъ милости твоей такихъ не смѣлъ
Онъ бѣшеныхъ давать коней!

СТРЕМЯННЫЙ.

Помилуй,
Какой-же бѣшеный онъ конь? Ему
Лѣтъ двадцать-пять. На немъ покойный царь
Еще ѣзжалъ.

ѲЕДОРЪ.

Я, впрочемъ, можетъ быть,
Самъ виноватъ. Я слишкомъ сильно стиснулъ
Ему бока. Ты говоришь, съ испугу
Вздыбился онъ?

СТРЕМЯННЫЙ.

Съ испугу, государь!

ѲЕДОРЪ.

Ну, такъ и быть, ужъ я его прощу;
Но ѣздить я на немъ не буду болѣ.
Въ табунъ его! И полный кормъ ему
Давать по смерть!

Изъ другой двери входитъ ЦАРИЦА ИРИНА.

Аринушка, здорово!

ИРИНА.

Здорово, свѣтъ! Никакъ ты уморился?

ѲЕДОРЪ.

Да, да, усталъ. Отъ самаго Андронья
Все ѣхалъ рысью. Здѣсь-же, у крыльца,
Конь захотѣлъ меня сшибить, да я
Далъ знать себя! Бока ему какъ стиснулъ,
Такъ онъ и стихъ. Аринушка, я чаю,
Обѣдъ готовъ?

ИРИНА.

Готовъ, свѣтъ-государь,
Покушай на здоровье!

ѲЕДОРЪ.

Какъ-же, какъ-же!
Сейчасъ пойдемъ обѣдать. Я отъ этой
Ѣзды совсѣмъ проголодался. Славно
Трезвонятъ у Андронья. Я хочу
Послать за тѣмъ пономаремъ, чтобъ онъ
Мнѣ показалъ, какъ онъ трезвонитъ.... Ну,
Аринушка, какую у Андронья
Красавицу я видѣлъ! Знаешь кто?
Мстиславская! Она пришлася Шуйскимъ
Племянницей. Видалъ ее ты, шуринъ?

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, государь; мы съ Шуйскими давно ужъ
Не видимся.

ѲЕДОРЪ.

Жаль, шуринъ, очень жаль!...
Высокая, и стройная такая,
И бѣлая!

ИРИНА.

Да у тебя ужъ, Ѳедоръ,
Зазнобы нѣтъ-ли къ ней?

ѲЕДОРЪ.

И брови, знаешь,
Какія у нея!

ИРИНА.

Да ты и впрямь
Ужъ много говоришь о ней!

ѲЕДОРЪ — лукаво.

А что̀-жъ,
Аринушка? Вѣдь я еще не старъ,
Вѣдь я еще понравиться могу!

ИРИНА.

Стыдись, она невѣста!

ѲЕДОРЪ.

Да, она
Посватана за Шаховскаго. Шуринъ,
Ты Шаховскаго знаешь, князь-Григорья?

ГОДУНОВЪ.

Знавалъ когда-то, царь, но онъ вѣдь нынѣ
Сторонникъ Шуйскихъ.

ѲЕДОРЪ.

Шуринъ, даже грустно
Мнѣ слышать это: тотъ сторонникъ Шуйскихъ,
А этотъ твой! Когда-жъ я доживу,
Что вмѣстѣ всѣ одной Руси лишь будутъ
Сторонники?

ГОДУНОВЪ.

Я радъ-бы, государь,
За мной не стало-бъ дѣло, еслибъ зналъ я,
Какъ помириться?

ѲЕДОРЪ.

Право, шуринъ? Право?
Зачѣмъ-же ты мнѣ прежде не сказалъ?
Я помирю васъ! Завтра-же тебя
Я съ князь--Иванъ Петровичемъ сведу!

ГОДУНОВЪ.

Царь, я готовъ, но, кажется —

ѲЕДОРЪ.

Ни, ни!
Ты этого, Борисъ, не разумѣешь!
Ты вѣдай тамъ, какъ знаешь, государство,
Ты въ томъ гораздъ, а здѣсь я больше смыслю,
Здѣсь надо вѣдать сердце человѣка!...
Я завтра-жъ помирю васъ. А теперь
Пойдемъ къ столу.

Направляется къ двери и останавливается.

Аринушка, послушай:
А вѣдь Мстиславская-то на меня
Смотрѣла въ церкви!

ИРИНА.

Что̀-жъ мнѣ дѣлать, Ѳедоръ,
Такая, видно, горькая ужъ доля
Мнѣ выпала!

ѲЕДОРЪ — обнимая ее.

Родимая моя!
Безцѣнная! Я пошутилъ съ тобою!
Да есть-ли въ цѣломъ мірѣ кто нибудь,
Кого-бъ ты краше не была? Пойдемъ же,
Пойдемъ къ столу, а то обѣдъ простынетъ!

Уходитъ. — ИРИНА слѣдуетъ за нимъ. — ГОДУНОВЪ, КЛЕШНИНЪ и ТУРЕНИНЪ идутъ за обоими.

КЛЕШНИНЪ — къ Годунову, уходя.

Миришься ты? Въ товарищи возьмешь ты
Исконнаго, заклятаго врага?

ТУРЕНИНЪ.

Того, кѣмъ ты всѣхъ болѣ ненавидимъ?
А послѣ что-жъ?

ГОДУНОВЪ.

А послѣ — мы увидимъ!

Уходятъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Царская палата.

ЦАРЬ ѲЕДОРЪ сидитъ на креслахъ. — По правую его руку, ИРИНА вышиваетъ золотомъ въ пяльцахъ.—По лѣвую, сидятъ въ креслахъ ДІОНИСІЙ, митрополитъ всея Руси; ВАРЛААМЪ, архіепископъ Крутицкій; ІОВЪ, архіепископъ Ростовскій, и БОРИСЪ ГОДУНОВЪ. — Кругомъ стоятъ бояре.

ѲЕДОРЪ.

Владыко Діонисій! Отче Іовъ!
Ты, отче Варлаамъ! Я васъ позвалъ,
Святители, чтобъ вы мнѣ помогли
Благое дѣло учинить, давнишнихъ
Мнѣ помогли-бы помирить враговъ!
Вамъ вѣдомо, какъ долго я крушился,
Что Шуйскіе, высокіе мужи,
И Годуновъ Борисъ, мой добрый шуринъ,
Напрасною враждой раздѣлены.
Но, видно, внялъ Господь моимъ молитвамъ,
Духъ кротости въ Бориса онъ вложилъ.
И вотъ, онъ самъ мнѣ обѣщалъ сегодня
Забыть свои отъ недруговъ досады,
И первый Шуйскимъ руку протянуть.
Не такъ-ли, шуринъ?

ГОДУНОВЪ.

Твоему желанью
Повиноваться — долгъ мой, государь!

ѲЕДОРЪ.

Спасибо, шуринъ! Ты писанье помнишь
И свято исполняешь. Только вотъ,
О Шуйскомъ я хотѣлъ тебѣ сказать,
О князь-Иванъ Петровичѣ: онъ нравомъ
Немного крутъ, и гордъ, и щекотливъ;
Такъ лучше-бъ вамъ по-менѣ говорить-бы,
А чтобы ты къ нему-бы подошелъ,

И за-руку-бы взялъ его — вотъ этакъ —
И только-бы сказалъ, что все забыто,
И что отнынѣ ты со всѣми ими
Въ согласіи быть хочешь.

ГОДУНОВЪ.

Я готовъ.

ѲЕДОРЪ.

Спасибо, шуринъ! Онъ вѣдь мужъ военный,
Онъ взросъ въ строю, среди мечей желѣзныхъ,
Пищалей громоносныхъ, страшныхъ копій
И бердышей! Но онъ благочестивъ,
И вѣрно ужъ на ласковую рѣчь
Податливъ будетъ.
Къ Діонисію.
Ты-жъ, святой владыко,
Лишь только за-руки они возьмутся,
Ихъ поскорѣй благослови, и слово
Спасительное тотчасъ имъ скажи!

ДІОНИСІЙ.

Мой долгъ велитъ мнѣ, государь, о мирѣ
Вѣщать ко всѣмъ, а паче о Христовой
Пещися церкви. Аще не за церковь
Князь Шуйскій споритъ съ шуриномъ твоимъ,
Его склонять готовъ я къ миру.

ѲЕДОРЪ.

Отче,
Мы всѣ стоимъ за церковь! И Борисъ,
И я, и Шуйскій, всѣ стоимъ за церковь!

ДІОНИСІЙ.

Великій царь, усердіе твое
Намъ вѣдомо; дѣла-же, къ сожалѣнью,
Не всѣ исходятъ отъ тебя.
Смотритъ на Годунова.
Намедни
Новогородскіе купцы, которыхъ

За ересь мы соборомъ осудили,
Свобождены, и въ Новгородъ обратно,
Какъ правые, отпущены, къ соблазну
Всѣхъ христіанъ.

ГОДУНОВЪ.

Владыко, тѣ купцы
Съ нѣмецкими торгуютъ городами,
И выгоду приносятъ государству
Немалую. Мы съ ними разорили-бъ
Весь Новгородъ.

ДІОНИСІЙ.

А ересь ни во что
Ты ставишь ихъ?

ГОДУНОВЪ.

Избави Богъ, владыко!
Ужъ царь послалъ наказы воеводамъ
Той ереси учителей хватать.
Но соблазненныхъ отличаетъ царь
Отъ соблазнителей.

ѲЕДОРЪ.

Конечно, шуринъ!
Но самыхъ соблазнителей, владыко,
Ни истязать не надо, ни казнить!
Имъ передъ Богомъ отвѣчать придется!
Ты увѣщалъ-бы ихъ. Вѣдь ты, владыко,
Грамматикомъ не даромъ прозванъ мудрымъ!

ДІОНИСІЙ.

Мы дѣлаемъ, сколь можемъ, государь,
Чрезъ увѣщанья. Но тебѣ еще
Не все извѣстно: старосты губные
И сборщики казенныхъ податей
Въ обители входить святыя стали,
И въ волости церковныя въѣзжать,
И старые съ нихъ править недоборы,
Забытые отъ прежнихъ лѣтъ!

ГОДУНОВЪ.

Владыко,

Великій царь предупредилъ твое
Печàлованье. Чтò насъ крайность сдѣлать
Заставила, ужъ то не повторится.

Подаетъ ему грамоту.

Вотъ грамота, владыко, о невъѣздѣ
Въ имѣнья церкви никакимъ чинамъ,
И о рѣшеньи всякихъ дѣлъ не царскимъ,
Но собственнымъ твоимъ судомъ.

ѲЕДОРЪ.

Да, отче,
Онъ написалъ ее, а я печать
Привѣсилъ къ ней!

ДІОНИСІЙ — пробѣгаетъ грамоту.

Блаженны миротворцы!
Когда правитель обѣщаетъ мнѣ
И въ остальныхъ статьяхъ всѣ льготы церкви,
Ея права и выгоды блюсти —
То прошлое да будетъ позабыто!

ѲЕДОРЪ.

Такъ, такъ, владыко! Отче Варлаамъ,
Ты помоги владыкѣ!

ВАРЛААМЪ.

Государь,
Чтò въ дѣлѣ семъ святой владыко скажетъ,
Я повторю охотно.

ѲЕДОРЪ.

Отче Іовъ,
И на тебя разсчитываю я!

ІОВЪ.

Правитель твой, великій государь,
Незлобія и мудрости исполненъ,
А наше дѣло Господу молиться
О тишинѣ и мирѣ!

ѲЕДОРЪ.

И тебя,

Аринушка, прошу я: если Шуйскій
Упрется, ты привѣтливое слово
Ему скажи. Оно вѣдь много значитъ
Изъ женскихъ устъ, и умягчаетъ самый
Суровый нравъ. Я знаю по себѣ:
Мущинѣ я не уступлю ни въ чемъ,
А женщина попроситъ, иль ребенокъ,
Все сдѣлать радъ!

ИРИНА.

Мой царь и господинъ,
Какъ ты велишь, такъ мы и будемъ дѣлать;
Но наше слово, противъ твоего,
Что̀ можетъ значить? Если только ты
Имъ съ твердостію скажешь, что ихъ распря
Тебя гнѣвитъ, то князь Иванъ Петровичъ
Ослушаться тебя не будетъ властенъ.

ѲЕДОРЪ.

Да, да, конечно, я ему велю,
Я прикажу ему! А вы, бояре,
Скорѣй зачните съ ними разговоръ;
Не стойте, молча; хуже нѣтъ того,
Какъ если два противника сошлись,
Ужъ помирились, смотрятъ другъ на друга,
А всѣ молчатъ...

КЛЕШНИНЪ.

Мы рады говорить-бы,
Царь-государь, когда-бъ его лишь милость,
На Шуѣ князь, намъ рты разинуть далъ!

ѲЕДОРЪ.

Что̀ ты понесъ? Какой онъ князь на Шуѣ?

КЛЕШНИНЪ.

А то, что онъ себя удѣльнымъ княземъ,
А не слугой царевымъ держитъ — вотъ что̀!

КН. ХВОРОСТИНИНЪ.

Твой дядька, царь, простить не можетъ Шуйскимъ,
Что за Нагихъ вступаются они.

ГОЛОВИНЪ.

И что тебя хотѣли-бъ упросить
Царевича взять на Москву обратно.

ѲЕДОРЪ.

Димитрія? Да я и самъ-бы радъ!
Сердечный онъ! Ему, я чай, тамъ скучно,
А я-то здѣсь его-бы потѣшалъ:
И скомороховъ показалъ смѣшныхъ-бы,
И бой медвѣжій! Я просилъ Бориса,
Не разъ просилъ, да говоритъ: нельзя!

КЛЕШНИНЪ.

И въ томъ онъ правъ! Твой батюшка покойный
Нагимъ не даромъ Угличъ указалъ;
Онъ зналъ Нагихъ, онъ воли не давалъ имъ,
И шуринъ твой на привязи ихъ держитъ!

ѲЕДОРЪ.

Негоже ты, Петровичъ, говоришь,
Они дядья царевичу, Петровичъ!

КЛЕШНИНЪ.

Царевичу! Да нѣшто онъ царевичъ?
И мать его, седьмая-то жена,
Царица нѣшто? Этакихъ царицъ
При батюшкѣ твоемъ понабралось-бы
И болѣе, пожалуй!

ѲЕДОРЪ.

Полно, полно!
Мнѣ Митя братъ, ему-жъ дядья Нагіе,
Такъ ты при мнѣ порочить ихъ не смѣй!

КЛЕШНИНЪ.

А что-же мнѣ, хвалить ихъ, что они
Тебя долой хотѣли-бы съ престола,
А своего царенка на престолъ?

ѲЕДОРЪ.

Какъ смѣешь ты?

КЛЕШНИНЪ.

И Шуйскихъ тожъ хвалить,
Что за одно идутъ они съ Нагими?

ѲЕДОРЪ.

Я говорю тебѣ: молчи! Молчи!
Сейчасъ молчи!

КЛЕШНИНЪ — отходя къ окну.

Ну, что-жъ? И замолчу!

ѲЕДОРЪ — къ Годунову.

Не позволяй ему въ другой разъ, шуринъ,
Порочить мачиху и брата!

ГОДУНОВЪ.

Царь,
Онъ человѣкъ усердный и простой! — Крики на площади.

КЛЕШНИНЪ — глядя въ окно.

Ну, вонъ идутъ!

ѲЕДОРЪ.

Кто?

БОЯРЕ — смотрятъ въ окно.

Шуйскіе идутъ!

ѲЕДОРЪ — подходитъ къ окну.

Какъ? Ужъ пришли?

КЛЕШНИНЪ.

Да, вотъ ужъ у крыльца!
Крики слышны громче.

Вишь, впереди идетъ Иванъ Петровичъ,
А кругъ его валитъ съ купцами чернь!
Ишь, голосятъ и шапки вверхъ кидаютъ!
Еще, еще! Стрѣльцовъ сбиваютъ съ ногъ!
Державниковъ оттерли! Подхватили
Его подъ руки! Эвотъ, по ступенямъ
Его ведутъ! Не бось, и государя
Такъ не честятъ они!

ѲЕДОРЪ.

Смотри-же, шуринъ,
Не забывай, что̀ ты мнѣ обѣщалъ!
Аринушка — смотри-же, замѣчай!
Коль, неравно, у нихъ пойдетъ не гладко,
Ты помоги! Отцы мои — я паче
На васъ надѣюсь!

Возвращается поспѣшно на свое мѣсто.

СТОЛЬНИКЪ — отворяя дверь.

Князь Иванъ Петровичъ!

Входятъ ШУЙСКІЕ; за ними МСТИСЛАВСКІЙ, ШАХОВСКОЙ и другіе.

КЛЕШНИНЪ — тихо къ Туренину, глядя на Шуйскихъ.

Ишь, какъ идутъ! И шеи-то не гнутся!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — опускаясь на колѣни.

Великій царь! По твоему указу
Предъ очи мы явилися твои!

ѲЕДОРЪ.

Встань, князь Иванъ Петровичъ! Встань скорѣе!
Тебѣ такъ быть негоже! — Поднимаетъ его.
Мы съ царицей
Давно тебя не видимъ. Ты, должно быть,
Семейнымъ дѣломъ занятъ? Мнѣ сказали:
Племянницу ты за̀-мужъ выдаешь?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Такъ, государь.

ѲЕДОРЪ.

Я радъ, я очень радъ!
Я поздравляю васъ! Такъ вотъ я, князь,
Хотѣлъ сказать тебѣ, что мы давно
Тебя не видимъ — впрочемъ, можетъ быть,
Тебѣ не время? Это сватовство —
Ты оттого и въ думу, вѣроятно,
Давно уже не ходишь?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Государь,
Мнѣ въ думѣ дѣлать нечего, когда
Дѣла земли вершитъ уже не дума,
А шуринъ твой. Поддакивать ему
Довольно есть бояръ и безъ меня!

ѲЕДОРЪ.

Иванъ Петровичъ! Мнѣ прискорбно видѣть,
Что межъ тобой и шуриномъ моимъ
Такое несогласье учинилось!
Намъ самъ Господь велѣлъ любить другъ друга!
Велѣлъ, владыко?

ДІОНИСІЙ.

Истинно велѣлъ!

ѲЕДОРЪ.

Вотъ видишь, князь? Что̀ говоритъ апостолъ
Въ посланіи къ коринѳянамъ? «Молю вы...»
Какъ дальше, отче Варлаамъ?

ВАРЛААМЪ.

«Молю вы,
«Да тожде вы глаголете, да распри
«Не будутъ въ васъ, да въ томъ-же разумѣньи
«И въ той-же мысли будете!»

ѲЕДОРЪ.

Вотъ видишь!

А какъ въ своемъ посланіи соборномъ
Апостолъ Петръ сказалъ? «Благоутробни....»
Какъ далѣ говоритъ онъ, отче Іовъ?

ІОВЪ.

«Благоутробни будьте, братолюбцы,
«Не воздающе убо зла за зло,
«Ни досажденія за досажденье!»
И шуринъ твой, великій государь,
Апостольское слово исполняетъ
Во истину!

ѲЕДОРЪ.

Да, отче Іовъ, да!
Ты, князь Иванъ Петровичъ, будь увѣренъ,
Онъ чтитъ тебя — мы всѣ твои заслуги
Высоко чтимъ — такъ, видишь-ли — когда-бы
Ты захотѣлъ — когда-бы ты съ Борисомъ —

Тихо къ Годунову.

Кончай-же, шуринъ!

ГОДУНОВЪ.

Князь Иванъ Петровичъ!
Уже давно о нашей долгой распрѣ
Крушуся я. Коль ты забыть согласенъ
Все прошлое, я также все забуду,
И радъ съ тобой и съ братьями твоими
Быть за одинъ. И съ тѣмъ на примиренье
Тебѣ я руку подаю!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — отступая.

Бояринъ,
Упорно слишкомъ враждовали мы,
Чтобы могли теперь безъ договора
Сойтися вдругъ!

ГОДУНОВЪ.

Какого договора
Ты хочешь, князь?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Бояринъ Годуновъ!

Виню тебя, что ты нарушилъ волю
И завѣщаніе царя Ивана
Васильича, который, умирая
Русь пятерымъ боярамъ приказалъ!
Одинъ былъ — я; другой — Захарьинъ-Юрьевъ;
Мстиславскій — третій; Бѣльскій былъ четвертый,
А пятый — ты. Кто-жъ нынѣ, говори,
Кто государствомъ правитъ?

ГОДУНОВЪ.

Царь Ѳеодоръ
Ивановичъ, его-же царской воли
Я исполнитель.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не хитри, бояринъ!
Его ты волей завладѣлъ лукаво!
Едва лишь царь преставился Иванъ,
Ты Бѣльскаго въ изгнаніе услалъ,
Мстиславскаго насильно ты въ монахи
Велѣлъ постричь; отъ Юрьева-жъ, Никиты
Романыча, избавили тебя
Болѣзнь и смерть. Осталися мы оба.
Но ты, со мной совѣта избѣгая,
Своимъ высокимъ пользуясь свойствомъ,
Сталъ у царя испрашивать указы
На что̀ хотѣлъ, вступаться началъ смѣло
Въ права бояръ, въ права людей торговыхъ,
И въ самыя церковныя права.
Роптали всѣ —

ГОДУНОВЪ.

Князь, дай мнѣ слово молвить —

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Роптали всѣ. Но имя государя
Тебѣ щитомъ служило; мы же дѣло
Получше знали; люди на Москвѣ
Къ намъ мыслили — и мы за правду встали,
Мы, Шуйскіе, а съ нами весь народъ.
Вотъ нашей распри корень и начало.

Я все сказалъ. Пускай-же въ этомъ дѣлѣ
Насъ царь разсудитъ!

ГОДУНОВЪ.

Князь Иванъ Петровичъ!
Великій царь межъ насъ желаетъ мира,
Твоя-же рѣчь враждою дышетъ, князь;
Негоже мнѣ упрекомъ на упреки
Отвѣтствовать, но оправдаться долженъ
Я предъ тобой. Меня винишь ты, князь,
Что я одинъ вершу дѣла? Но вспомни;
Хотѣлъ-ли ты со мною совѣщаться?
Не ты-ль всегда мой голосъ отвергалъ?
И не снося ни въ чемъ противорѣчья,
Не удалился-ль ты онъ насъ? Тогда
Великій царь, твою холодность видя,
Мнѣ одному всю землю поручилъ.
Я-жъ, не въ ущербъ, во истину, для царства,
Ее пріялъ. Война съ Литвою миромъ
Окончена, а королю ни пяди
Не уступили русской мы земли.
Въ виду орды, мы подняли на хана
Племянника его, и ханъ во страхѣ
Бѣжалъ назадъ. Мы черемисскій бунтъ
Утишили. Отъ шведовъ оградились
Мы перемирьемъ. Съ цесаремъ нѣмецкимъ
И съ Даніей упрочили союзъ,
А съ Англіей торговый подписали
Мы договоръ, быть можетъ, неугодный
Гостямъ московскимъ, но обильный выгодъ
Для всей земли. И въ самое то время,
Когда ужъ Русь отъ смутъ и тяжкихъ бѣдствій
Въ устройство начинала приходить,
Ты, князь — я то тебѣ не въ укоризну
Теперь скажу — ты, съ братьями своими,
Вы собирали въ скопъ народъ московскій,
И черный людъ вы тайно научали
Бить государю на меня челомъ!

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ — выступаетъ впередъ.

Не за себя мы поднялись, бояринъ!

Когда ломать ты началъ государство,
За старину съ народомъ встали мы!

КН. ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Такихъ досадъ, какъ отъ тебя, бояринъ,
И при Иванѣ не было царѣ!

КН. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Покойный царь былъ грозенъ для окольныхъ;
Кто близокъ былъ къ нему, тотъ и дрожалъ;
Кто-жъ былъ далекъ, тотъ жилъ безъ опасенья
По своему обычаю. Ты-жъ словно
Всю Русь опуталъ сѣтью, и покоя
Нѣтъ отъ тебя нигдѣ и никому!

ГОДУНОВЪ.

Когда земля, по долгомъ неустройствѣ,
Въ порядокъ быть должна приведена,
Болѣзненно свершается цѣленье
Старинныхъ ранъ. Чтобъ зданіе исправить,
Насильственно коснуться мы должны
Его частей. Но, милостію Божьей,
Мы неизбѣжную страданья пору
Ужъ перешли, и мудрость государя
Сознали всѣ; вы только лишь одни,
Вы, Шуйскіе, противитесь упорно,
И жизни новой свѣтлое теченье
Отвлечь хотите въ старое русло!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Лишь мы одни? Владыко Діонисій!
Скажи ему, одни-ли о насильяхъ
Мы вопіемъ Христовой церкви?

ДІОНИСІЙ.

Княже,
Съ правителемъ до твоего прихода
Мы говорили. Все, о чемъ съ тобою
Скорбѣли мы—онъ отмѣнилъ.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не чисто!

ГОДУНОВЪ.

А въ остальномъ надѣюся я съ вами,
Князья, сойтись. Ужъ миновала нынѣ
Пора волненій; въ уровень законный
Вошла земля, и не-о-чемъ намъ спорить.
Ей вмѣстѣ мы теперь послужимъ лучше,
Чѣмъ могъ-бы я одинъ.

ДІОНИСІЙ.

Такое слово
Смиреномудренно. Совѣтъ нашъ, княже,
Не продолжать вамъ распри, несогласной
Съ ученіемъ Спасителя, и вредной
Для государства.

ѲЕДОРЪ.

Отче, я увѣренъ,
Они того не захотятъ! Не правда-ль?
Не правда-ль, князь? Вотъ и моя царица
Тому не вѣритъ. Что-же ты молчишь,
Аринушка?

ИРИНА—продолжая вышивать.

Не вѣрится мнѣ вправду,
Что долго такъ князь Шуйскій заставляетъ
Себя просить о томъ, что государь
Ему велѣть единымъ можетъ словомъ.

Смотритъ на Шуйскаго.

Скажи мнѣ, князь, когда-бы ты теперь
Не предъ царемъ Ѳеодоромъ стоялъ,
Но предъ отцомъ его, царемъ Иваномъ,
Раздумывалъ-бы столько ты? Ужели-жъ
За то, что царь съ тобою такъ негнѣвенъ,
Такъ милостивъ, такъ многотерпѣливъ,
Свой долгъ предъ нимъ забудешь ты?

КНЯЗЬ ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Царица,
Я говорилъ предъ государемъ нынѣ
Какъ говорилъ-бы предъ его отцомъ,
И прежде, чѣмъ отъ мысли отказаться,
На плаху я скорѣе бы пошелъ.
Но мнѣ на врядъ-бы при царѣ Иванѣ
Такъ говорить пришлось — затѣмъ, что врядъ-бы
Покойный царь такъ беззаботно отдалъ
Изъ рукъ своихъ въ чужія руки власть!

ИРИНА.

Когда во Псковѣ, князь Иванъ Петровичъ,
Ты, окруженъ литовцами, сидѣлъ,
И мужествомъ своимъ непобѣдимымъ
Такъ долго былъ оплотомъ для Руси —
Я, за твое спасенье и здоровье,
Дала тогда молитвенный обѣтъ:
На раку, гдѣ покоятся во Псковѣ
Святыя мощи Всеволода князя,
Вотъ этотъ вышить золотной покровъ.
Я шью давно—и вотъ моя работа
Къ концу приходитъ. Но ужель она,
Начатая во здравіе того,
Кто землю спасъ, окончится когда
Противникомъ онъ станетъ государству?

Встаетъ и подходитъ къ Шуйскому.

Ужели тотъ, за чье спасенье я
Такъ горячо со всей молилась Русью,
Ея покой упорствомъ возмутитъ?
Прошу тебя, не омрачи напрасно
Своей великой славы! Покорись
Святителямъ и царскому велѣнью!
Князь-государь —

Кланяется ему въ поясъ.

Моимъ большимъ поклономъ
Прошу тебя, забудь свою вражду!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ —въ волненіи.

Царица-матушка! Ты на меня
Повѣяла какъ будто тихимъ лѣтомъ!

Своимъ нежданнымъ, милостивымъ словомъ
Ты все нутро во мнѣ перевернула!
Какъ устоять передъ тобой? Повѣрь,
Велѣнье государево исполнить
Я радъ душой—но напередъ дозволь мнѣ
Сказать два слова брату твоему.

Къ Годунову.

Не въ первый разъ, бояринъ, хитрой рѣчью
Обходишь ты противниковъ своихъ.
Какой залогъ намъ дашь ты, что не хочешь
Насъ усыпить, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе послѣ
Погибель нашу уготовить?

ГОДУНОВЪ.

Князь,
Залогомъ вамъ мое да будетъ слово
И вмѣстѣ съ нимъ ручательство царя.

ӨЕДОРЪ.

Да, да, князья, я за него ручаюсь!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Какая участь ожидаетъ тѣхъ,
Которые, защитѣ нашей вѣря,
Къ намъ мыслили?

ГОДУНОВЪ.

Ихъ ни единый волосъ
Не упадетъ, и ни единымъ пальцомъ
Не тронутъ ихъ.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

И будешь ты на томъ
Крестъ цѣловать предъ государемъ?

ГОДУНОВЪ.

Буду!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — къ боярамъ пришедшимъ съ нимъ.

Какъ мыслите?

БОЯРЕ.

На что̀ согласенъ ты,
Мы всѣ согласны!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — къ Годунову.

Вотъ моя рука!

ѲЕДОРЪ.

Друзья мои! Спасибо вамъ, спасибо!
Аринушка, вотъ это въ цѣлой жизни
Мой лучшій день! Владыко Діонисій —
Крестъ имъ скорѣе! Крестъ!

Діонисій беретъ со стола крестъ и подаетъ сперва Шуйскому, потомъ Годунову.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Клянусь отнынѣ
Не враждовать ни мыслію, ни дѣломъ,
Къ великому боярину къ Борису
Ѳеодорычу Годунову; въ томъ-же
Я за себя и за своихъ за братьевъ,
И за сторонниковъ за нашихъ всѣхъ,
За всѣхъ бояръ, и всѣхъ людей торговыхъ,
Цѣлую крестъ Спасителя Христа!

Прикладывается ко кресту.

ГОДУНОВЪ.

Цѣлую крестъ, что съ Шуйскими отнынѣ
Мнѣ пребывать въ согласьи и въ любви,
Безъ ихъ совѣта никакого дѣла
Не начинать, сторонникамъ-же ихъ:
Князьямъ, боярамъ и торговымъ людямъ,
Ничѣмъ не мстить за прежнія вины!

Прикладывается ко кресту.

ѲЕДОРЪ.

Вотъ это такъ! Вотъ это значитъ: прямо
Писаніе исполнить! Обнимитесь!
Вотъ такъ! Ну, что? Вѣдь легче стало? Легче?

Не правда ли? Крики на площади.
О чемъ они кричатъ?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Должно быть, царь, хотѣлось-бы узнать имъ,
Чѣмъ кончилась сегодня наша встрѣча
Съ бояриномъ. Дозволь, я выйду къ нимъ.

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, останься! Сами пусть они
Сюда пріидутъ. Пусть умилятся, глядя
На ваше примиренье! — Къ Клешнину.
Выдь, Петровичъ,
Выдь на крыльцо и приведи ихъ!

КЛЕШНИНЪ.

Всѣхъ?
Да ихъ, я чай, тамъ сотень будетъ съ двадцать,
Аршинниковъ!

ѲЕДОРЪ.

Зачѣмъ же всѣхъ? Зачѣмъ?
Пусть выборныхъ пришлютъ!
КЛЕШНИНЪ уходитъ.
Я съ ними, шуринъ,
И не охотникъ, правда, говорить,
Когда они обступятъ вдругъ меня
На выходѣ, кто съ жалобой, кто съ просьбой,
И стукотня такая въ головѣ
Отъ нихъ пойдетъ, какъ словно тулумбасы
Въ ней загремятъ; тернѣть я не могу!
Стоишь и смотришь, и не знаешь ровно,
Что̀ отвѣчать? Но здѣсь другое дѣло,
Я радъ ихъ видѣть!

ГОДУНОВЪ.

Государь, боюсь,
Тебѣ ихъ вздорныхъ жалобъ не избыть;
Народъ докучливъ. Лучше прикажи мнѣ,
Я выйду къ нимъ!

КЛЕШНИНЪ — возвращаясь.

Царь! Выборные люди!
Отъ всѣхъ купцовъ, лабазниковъ, ткачей,
И шорниковъ, и мясниковъ, которыхъ
Привелъ съ собой князь Шуйскій! Вотъ они!

ВЫБОРНЫЕ — входятъ и становятся на колѣни.

Царь-государь! Спаси тебя Господь,
Что свѣтлыя свои повидѣть очи
Ты насъ пожаловалъ!

ѲЕДОРЪ.

Вставайте, люди!
Я радъ васъ видѣть. Я послалъ за вами
Чтобъ вамъ сказать — да что-жъ вы не встаете?
Я осерчаю!

Выборные встаютъ, исключая одного старика.

Что-же ты, старикъ?
Что-жъ не встаешь?

СТАРИКЪ.

И радъ-бы, государь,
Да не смогу! Вишь, на колѣни стать-то —
Оно кой-какъ и удалось, а вотъ
Подняться-то не хватитъ силы! Больно
Ужъ древенъ сталъ я, государь!

ѲЕДОРЪ — къ другимъ.

Возьмите-жъ
Его подъ руки, люди!

Двое купцовъ поднимаютъ старика.

Ну, вотъ такъ!
Ты, дѣдушка, себя не утрудилъ-ли?
Кто ты?

СТАРИКЪ.

Богданъ Семеновъ Курюковъ,
Московскій гость!

ѲЕДОРЪ.

Который годъ тебѣ?

КУРЮКОВЪ.

Да будетъ за-сто, государь! При бабкѣ
Я при твоей, при матушкѣ Оленѣ
Васильевнѣ, ужъ денежникомъ былъ,
Чеканилъ деньги, по ея указу,
Копейныя, на коихъ нонѣ князь
Великій знатенъ съ копіемъ въ руцѣ;
Оттоль онѣ и стали называться
Копейными. Такъ я-то, государь,
Въ ту пору ихъ чеканилъ. Лѣтъ мнѣ будетъ,
Пожалуй, за-сто!

ӨЕДОРЪ.

Дѣдушка, да ты
Шатаешься! Бояре, вы-бъ ему
Столецъ подставили!

КУРЮКОВЪ.

Помилуй, царь!
Какъ при твоей мнѣ милости сидѣть!

ӨЕДОРЪ.

Да ты вѣдь больно старъ, вѣдь ты, я чаю,
Ужъ много видѣлъ на своемъ вѣку?

КУРЮКОВЪ.

Какъ, батюшка, не видѣть! Всяко видѣлъ!
Блаженной памяти Василья помню
Иваныча, когда свою супругу
Онъ, Соломонью Юрьевну, постригъ,
Неплодья ради, бабку-же твою,
Олену-то Васильевну поялъ.
Тогда народъ, вишь, на-двое раздѣлился,
Кто, вишь, стоялъ за бабку за твою,
Кто за княгиню былъ за Соломонью.
А въ тѣ поры и межъ бояръ разрухи
Великія чинились; въ малолѣтство
Родителя, вишь, твоего, Ивана
Васильича, тягались до зарѣза
Князья Овчины съ Шуйскими князьями,

А изъ-за нихъ и весь московскій людъ.
А нашъ-то родъ всегда стоялъ за Шуйскихъ,
Ужъ такъ у насъ отъ предковъ повелось.
Бывало слышишь: бьютъ въ набатъ у Спаса —
Вставай, купцы! Вали къ одной за Шуйскихъ!
Тутъ поскорѣе лавку на запоръ,
Кафтанъ долой, захватишь что попало,
Что Богъ послалъ, рогатину-ль, топоръ-ли,
Бѣжишь на площадь, анъ ужъ тамъ и валка;
Одни горланятъ: Телепня Овчину!
Другіе: Шуйскихъ! и пошла катать!

ѲЕДОРЪ.

То грѣхъ великій, дѣдушка!

КУРЮКОВЪ.

А вотъ,
Какъ въ возрастъ сталъ твой батюшка входить,
Утихло все.

КЛЕШНИНЪ.

Что? Видно, не шутилъ?

КУРЮКОВЪ.

Избави Богъ! Былъ грозный государь!
При немъ и всѣ бояре пріутихли!
При немъ бѣда! Глядишь, столбовъ наставятъ
На площади; а казней-то и мукъ,
И пытокъ ужъ какихъ мы насмотрѣлись!
Бывало, вдругъ...

ѲЕДОРЪ.

Я, дѣдушка, позвалъ васъ,
Чтобъ вамъ сказать...

КУРЮКОВЪ.

Бывало, грянутъ бубны,
Чтобы народъ на площадь шелъ...

ѲЕДОРЪ.

Я васъ
Велѣлъ позвать...

КУРЮКОВЪ.

Тутъ, хочешь, аль не хочешь —
Неволею идешь...

МОЛОДОЙ КУПЕЦЪ — *дергая его за-полу.*

Богданъ Семенычъ!
Царь говоритъ съ тобой!

КУРЮКОВЪ.

Постой, племянникъ,
Дай досказать. Вотъ мы прійдемъ на площадь,
Анъ тамъ стоятъ...

ѲЕДОРЪ — *къ молодому.*

Такъ ты — ему племянникъ?

МОЛОДОЙ.

Да, государь, я внучатный ему
Племянникъ есть!

КУРЮКОВЪ.

Анъ тамъ ужъ палачи
Стоятъ и ждутъ...

МОЛОДОЙ — *дергая его за-полу.*

Богданъ Семенычъ! Чтò ты?

ѲЕДОРЪ — *къ молодому.*

Твое лицо мнѣ кажется знакомо?

КУРЮКОВЪ.

Съ сѣкирами...

ѲЕДОРЪ — къ молодому.

Гдѣ видѣлъ я тебя?

МОЛОДОЙ.

А о Миколѣ мы, великій царь,
Твое здоровье тѣшили: медвѣжій
Тогда былъ бой, а я медвѣдя принялъ,
И милость мнѣ твоя поднесть велѣла
Стопу вина!

КУРЮКОВЪ.

Съ сѣкирами стоятъ...

ѲЕДОРЪ.

Да что ты дѣдушка, одно наладилъ!
Что, въ самомъ дѣлѣ? Что тутъ вспоминать?
Съ сѣкирами! Съ сѣкирами! Не дашь
Мнѣ слова вымолвить!

Къ молодому.

Такъ ты тотъ самый,
Что запоролъ медвѣдя? Помню, помню!
Аринушка! Вотъ это тотъ купецъ,
О комъ тебѣ разсказывалъ я, знаешь?
Синельниковъ — вѣдь такъ тебя зовутъ?

МОЛОДОЙ.

Красильниковъ, великій государь,
Иванъ Артемовъ!

ѲЕДОРЪ.

Да, да — да, да — да!
Красильниковъ! Аринушка, представь:
Медвѣдь къ нему такъ близко подошелъ,
Такъ близко — вотъ какъ ты теперь, владыко,
Ко мнѣ стоишь, а онъ шагнулъ вотъ этакъ,
Да изловчилъ рогатину, да разомъ
Вотъ такъ ее всадилъ ему въ животъ!
Медвѣдь-то претъ, да все реветъ: уу!
Да загребаетъ лапами его,
Вотъ такъ его, владыка, загребаетъ,

Пока совсѣмъ не выбился изъ силъ
И на-бокъ не свалился!

ГОДУНОВЪ.

Государь,
Ты этимъ людямъ повѣстить хотѣлъ
О нашемъ примиреньи.

ѲЕДОРЪ — къ Красильникову.

У тебя
Былъ братъ еще, который Шаховскаго
Въ бою кулачномъ одолѣлъ?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Онъ мнѣ
Двоюродный есть братъ, царь-государь,
Микитой Голубемъ зовутъ.

Оборачивается къ своимъ.

Микита!
Слышь, выходи къ царю!

Голубь выступаетъ впередъ и кланяется.

ѲЕДОРЪ.

Здорово, Голубь!
Чтò какъ живешь? Чтò сила-то? Чтò сила?
Не голубиная въ тебѣ, чай, сила?
Не по прозванью?

ГОЛУБЬ.

Жаловаться грѣхъ,
Царь-государь, Господь насъ не обидѣлъ,
Мы силою своей довольны!

ѲЕДОРЪ — къ Шаховскому.

Князь!
Узналъ его?

ШАХОВСКОЙ.

Какъ друга не узнать!
Вѣдь ты ребро сломилъ мнѣ, Голубь, гладко!

По милости твоей, недѣли три
Я пролежалъ!

ГОЛУБЬ — кланяясь.

Усердно, князь Григорій
Петровичъ, здравствуемъ тебѣ! Дастъ Богъ,
Въ Великій Постъ мы на Москвѣ-рѣкѣ
Еще съ тобою встрѣтимся на славу —
Авось твоя удача будетъ!

ШАХОВСКОЙ.

Что-жъ,
Я встрѣтиться всегда съ тобою радъ —
Теперь держись!

ГОЛУБЬ.

А что̀ поставишь, князь?

ШАХОВСКОЙ.

Чеканный ковшъ! А ты?

ГОЛУБЬ.

Соболью шапку!

ИРИНА — къ Өедору.

Свѣтъ-государь, не позволяй имъ биться;
Часъ неровёнъ, не долго до бѣды!

ӨЕДОРЪ.

Ты думаешь, Аринушка?
Къ Шаховскому и Голубю.
Смотрите-жъ,
Не крѣпко бейтесь! Паче-же всего̀,
Подъ ложку берегитесь бить другъ друга,
То самое смертельное есть мѣсто!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Великій царь — дозволь я повѣщу имъ,
Зачѣмъ ты ихъ позвать велѣлъ!

ѲЕДОРЪ.

Ну, ну,
Добро, скажи имъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Выборные люди!
Вамъ вѣдомо да будетъ, что бояринъ
Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ
И я, князь Шуйскій, съ братьями моими,
Мы учинились въ мирѣ и въ ладу,
И обѣщали клятвою другъ другу,
Чтобы ни намъ, ни нашимъ межъ собою
Сторонникамъ, не враждовать отнынѣ,
А быть въ согласьи!

ГОЛУБЬ—отецъ.

Князь Иванъ Петровичъ!
Да какъ-же это? Мы съ тобою шли,
А ты насъ бросилъ?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я не бросилъ васъ!
Мнѣ обѣщалъ бояринъ, безъ меня
Не начинать отнынѣ ничего—
А я всегда за васъ стою!

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Эй, князь,
Остерегись!

ГОЛУБЬ — сынъ.

Эй, не мирися, князь!

ГОЛУБЬ — отецъ.

Не выдавай насъ, князь Иванъ Петровичъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не бойтесь, люди! Мнѣ бояринъ клятву
Святую далъ, что никого изъ васъ
Не тронетъ онъ ни пальцемъ!

ГОЛОСЪ — позади другихъ.

Дать-то клятву,
Онъ дастъ ее, да сдержитъ-ли?

КУРЮКОВЪ.

Поволь
Худое слово, князь Иванъ Петровичъ,
Мнѣ, старику, по старому сказать!
Когда твои насъ дѣды подымали
На Телепня-Овчину, при Олёнѣ
Васильевнѣ, при бабкѣ государя,
Они за насъ, а мы за нихъ тогда
Держались крѣпко; тѣмъ-то и силенъ
Твой дѣдушка Василій былъ Васильичъ!
А еслибъ онъ на миръ пошелъ съ Овчиной,
Пропалъ-бы онъ, и мы пропали-бъ съ нимъ!

ГОЛУБЬ — отецъ.

Когда ты, князь, съ врагомъ своимъ исконнымъ
Хотѣлъ мириться, не-зачѣмъ насъ было
И подымать!

ГОЛУБЬ — сынъ.

Эхъ, князь Иванъ Петровичъ!
Вы нашими миритесь головами!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — гнѣвно.

Молчи, щенокъ! Знай, бейся на кулачкахъ,
О дѣлѣ-жъ дай старѣйшимъ говорить!
Какъ смѣете не вѣрить вы ему,
Когда онъ крестъ — вы слышите-ли? крестъ —
Въ томъ цѣловалъ?

ГОДУНОВЪ — тихо къ Клешнину.

Замѣть ихъ имена
И запиши.

Выборные между тѣмъ совѣщались между собой, и всѣ разомъ подходятъ къ Өедору.

ВЫБОРНЫЕ.

Царь-государь! Помилуй!
Не дай погибнуть нашимъ головамъ!
Царь-государь! Помилуй! Защити!
Помилуй, государь! Не оставляй насъ.
Теперь пропали мы!

ӨЕДОРЪ.

Да что̀ вы? Что̀ вы?
Съ чего вы взяли? Отъ кого мнѣ, люди,
Васъ защищать?

ГОЛУБЬ — отецъ.

Отъ шурина твого!
Отъ Годунова, государь!

ГОЛУБЬ — сынъ.

Твой шуринъ
Вѣдь насъ теперь совсѣмъ заѣстъ!

ӨЕДОРЪ.

Какъ можно!
Кто вамъ сказалъ? Мой шуринъ любитъ васъ!
Ты имъ скажи, Борисъ, что ты ихъ любишь!
Вотъ онъ сейчасъ вамъ скажетъ! Онъ вамъ все,
Все растолкуетъ! Мнѣ-же самому,
Мнѣ нѣкогда теперь!

Хочетъ уйти; выборные обступаютъ его.

ВЫБОРНЫЕ.

Царь-государь!
Одна надежда наша на тебя!

Мы дурна не чинили! Мы за Шуйскихъ,
За слугъ твоихъ, стояли! Прикажи,
Чтобъ насъ Борисъ Θеодорычъ не трогалъ!
Вели ему!

ΘЕДОРЪ.

Да, хорошо! Пустите!
Мнѣ нѣкогда! Скажите все Борису!
Ему скажите!

ВЫБОРНЫЕ.

Какъ-же, государь,
Ему-же мы да про него-же скажемъ?
Яви намъ милость! Выслушай насъ, царь!
Дозволь тебѣ —

ΘЕДОРЪ — затыкая уши.

Ай-ай, ай-ай, ай-ай!
Скажите все Борису! Все Борису!
Мнѣ нѣкогда! Скажите все Борису!

Уходитъ, держа пальцы въ ушахъ.—Выборные съ недоумѣніемъ смотрятъ другъ на друга.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Ночь. Садъ князя Ивана Петровича Шуйскаго.

ВАСИЛИСА ВОЛОХОВА—выходитъ изъ дому.

Ну, темь, такъ темь! Ни звѣздочки не видно!
Пора-бъ ему прійти! Ужъ онъ не тамъ-ли,
Не за оградой-ли стоитъ?

Подходитъ къ калиткѣ и говоритъ шопотомъ.

Князь! Князь!
Нѣтъ никого! Прислушаться, нейдетъ-ли?
Эхъ, соловьи проклятые мѣшаютъ!
Расщелкались! Не слышно ничего!
Вотъ что-то хрустнуло! Идетъ, должно быть!

Оборачивается назадъ и говоритъ шопотомъ.

Княжна! Пожалуй!

КНЯЖНА МСТИСЛАВСКАЯ — шопотомъ.

Гдѣ ты, Василиса
Панкратьевна?

ВОЛОХОВА.

Здѣсь, матушка!

КНЯЖНА.

Не вижу!

ВОЛОХОВА.

Сюда, сюда пожалуй! Дай мнѣ ручку!
Да какъ-же ты, голубушка, дрожишь!

КНЯЖНА.

Свѣжо, какъ будто!

ВОЛОХОВА.

Нонѣ-то? Помилуй!
Теплынь какая! Ажъ травою пахнетъ!
А вонъ оттоль, изъ монастырской рощи,
Березой и черёмухой несетъ!
Ужъ подлинно весенняя-то ночка,
А ручка у тебя какъ ледъ!

КНЯЖНА.

Я лучше
Уйду домой!

ВОЛОХОВА.

Владычица святая!
Да ты чего боишься? Развѣ онъ
Тебѣ чужой? Вѣдь, слава Богу, я
Сама тебѣ присватала его!

КНЯЖНА.

У дядюшки гостей полна палата —
Что̀ если вдругъ кому прійдетъ на мысль
Въ садъ заглянуть!

ВОЛОХОВА.

Великая бѣда,
Что съ женихомъ застали-бы невѣсту!
Вотъ, если ты захочешь, послѣ свадьбы,
Съ какимъ нибудь молодчикомъ сойтись,
Вотъ тутъ, такъ надо дѣлать осторожно!
А впрочемъ не диковина и то!
За добрую пригоршню золотыхъ,
Все можно сдѣлать!

КНЯЖНА.

Полно, Василиса
Панкратьевна, стыдись!

ВОЛОХОВА.

А что̀ стыдиться,
Голубушка! Все вертится на деньгахъ!
Для нихъ и за̀мужъ отдаютъ, для нихъ
И женятся; для нихъ братъ губитъ брата,
А сынъ отца! Ужъ противъ нихъ никто
Не устоитъ!

КНЯЖНА.

Панкратьевна — постой —
Ты не слыхала ничего?

ВОЛОХОВА — прислушивается.

Позволь-ка!
Никакъ плеснула рыбица въ пруду....
Ужъ эти соловьи мнѣ! Пши, пши, пши!
Насилу-то за̀молкли! А теперь
Пошли въ травѣ кузнечики трещать!

КНЯЖНА.

Ты ничего не слышишь?

ВОЛОХОВА.

На Неглинной
Какъ бу̀дто мельница шумитъ....

ШАХОВСКОЙ—за оградой, въ полголоса.

Ау!

ВОЛОХОВА.

Ну, наконецъ!

Бѣжитъ къ калиткѣ и отворяетъ ее.

Войди-же, князь!

Показывается на оградѣ ШАХОВСКОЙ и спрыгиваетъ въ садъ.

Пострѣлъ!
Вѣдь я-жъ тебѣ калитку отворила!

ШАХОВСКОЙ.

На что̀ она? Жаль, что низка ограда!
Съ кремлевской я-бы соскочилъ стѣны,
Чтобъ поскорѣй мою увидѣть радость!
На силу-то мнѣ удалось!

Хочетъ обнять княжну.

ВОЛОХОВА.

Вотъ такъ!
Цѣлуй ее! Милуй ее! А я-то
За ручки подержу!

ШАХОВСКОЙ — отступая.

Княжна, не бойся!
Не подойду, доколѣ не поволишь!

ВОЛОХОВА.

Ну, соколъ-князь! Вѣдь я сдержала слово,
А ты принесъ-ли мнѣ гостинчикъ?

ШАХОВСКОЙ — подавая ей кошелекъ.

На!

ВОЛОХОВА — потряхивая деньгами.

Сердечные! Звенятъ! Эхъ, жаль темно!

ШАХОВСКОЙ — къ княжнѣ.

Да что̀-жъ ты отвернулась отъ меня!
Иль нелюбъ я тебѣ?

КНЯЖНА.

Вишь, ждать заставилъ!

ШАХОВСКОЙ.

А страшно было ждать?

КНЯЖНА.

Вѣстимо страшно!
Въ такую ночь!

ШАХОВСКОЙ.

Чай, бурная?

КНЯЖНА.

А лѣшій?
А мало-ль что̀? Вишь, онъ еще смѣется!

ШАХОВСКОЙ.

Да какъ-же не смѣяться мнѣ тебѣ?
Въ саду-то лѣшій!

КНЯЖНА.

Да, тебѣ смѣшно,
А мнѣ-то каково? А невзначай
Вдругъ выйдетъ братъ? Иль дядя? Что̀ тогда?
Постылый ты!

ШАХОВСКОЙ.

А что̀-же дѣлать мнѣ,
Когда тебя мнѣ видѣть не даютъ?
Кой-разъ увидишь, а поговорить
И думать нечего!

КНЯЖНА.

Вишь ты какой!
А ты о чемъ хотѣлъ-бы говорить?

ШАХОВСКОЙ.

О томъ, что нѣтъ тебя на свѣтѣ краше!
Что безъ тебя мнѣ стала жизнь не въ жизнь!
Что не втерпежъ мнѣ ждать, пока сыграемъ
Мы нашу свадьбу!

КНЯЖНА.

Вишь ты! Ну, а еслибъ
Братъ отказалъ тебѣ?

ШАХОВСКОЙ.

Тогда-бы я
Тебя увезъ!

КНЯЖНА.

А еслибъ не пошла я?

ШАХОВСКОЙ.

Насильно-бъ взялъ!

КНЯЖНА.

А я-бы убѣжала?

ШАХОВСКОЙ.

А я-бъ догналъ!

КНЯЖНА.

А я въ Москву-рѣку
Прыгнула-бы?

ШАХОВСКОЙ.

А я бы за тобой!

КНЯЖНА.

А водяной-бы за меня вступился?

ШАХОВСКОЙ.

А я-бъ его за бороду схватилъ
Да за усы моржевые!

КНЯЖНА.

Ха, ха!
Моржевые!

Оба смѣются.

ШАХОВСКОЙ.

А вотъ вѣдь разсмѣялась!
И смѣхъ-то твой — что̀ рокотъ соловьиный!
Краса моя! Когда ты засмѣешься,
Весь темный садъ какъ будто просіялъ!
Смотри, вонъ тамъ и звѣздочка явилась!
А вонъ другая! Третья! Вонъ еще!
Вишь, выглянули всѣ тебя послушать!
Вонъ и въ пруду зажглися! Берегись,
Разскажутъ водяному какъ надъ нимъ
Смѣешься ты!

КНЯЖНА.

Ха, ха!

ВОЛОХОВА.

Ну, вотъ пошла!

Слышенъ стукъ въ калитку.

КНЯЖНА.

Ай, что̀ это?

ВОЛОХОВА.

Стучатъ никакъ въ калитку!

Прячется съ княжной за дерево.

ШАХОВСКОЙ — подходитъ къ калиткѣ.

Кто тамъ стучитъ?

ГОЛОСЪ — извнѣ.

Впустите, ради Бога!

ШАХОВСКОЙ.

Кто тамъ?

ГОЛОСЪ.

То я! Красильниковъ, купецъ!
Бѣда случилась! Поскорѣй впустите!

ШАХОВСКОЙ отворяетъ калитку.—КРАСИЛЬНИКОВЪ вбѣгаетъ. Одежда его изорвана.

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Гдѣ Шуйскій князь? Гдѣ князь Иванъ Петровичъ?

ШАХОВСКОЙ.

На что̀ тебѣ?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Князь! Князь Иванъ Петровичъ!

Въ окнахъ дома показываются огни. КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ и гости его сходятъ съ крыльца. ШАХОВСКОЙ скрывается межъ деревъ.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Что̀ тутъ за шумъ? Кто звалъ меня?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

То я!

Князь-государь, помилуй, защити!
Сейчасъ стрѣльцы вломились къ намъ въ подворье!
Къ Ногаевымъ, и къ Голубю, ко всѣмъ,
Кто въ выборныхъ вчера былъ у царя!
Схватили всѣхъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Кто ихъ схватилъ?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Клешнинъ,

По приказанью Годунова!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Какъ?!

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Я самъ на силу вырвался отъ нихъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

По приказанью Годунова?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Да!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ты говоришь, что Годуновъ велѣлъ
Всѣхъ выборныхъ схватить?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Такъ намъ Клешнинъ
Самъ повѣстилъ: — Впередъ-де вамъ наука
Царю челомъ на Годунова бить! —

ГОЛОВИНЪ.

Что̀, князь, тебѣ я говорилъ? Ты видишь!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ты видишь, дядя! Не хотѣлъ ты вѣрить!
Больнымъ сказаться не хотѣлъ, когда
Пришли тебя къ царю звать!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Быть не можетъ!
Не можетъ быть!

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Князь-батюшка, пошли
Къ намъ во дворы узнать какъ было дѣло!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Онъ дорого заплатитъ мнѣ за то!

ГОЛОВИНЪ.

Сперва купцовъ, а тамъ, смотри, и насъ
Начнутъ хватать!

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

Безсовѣстный!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Безбожникъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Клялся на крестъ! На честный крестъ клялся!

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

Вѣдь это онъ не даромъ учинилъ:
Онъ раздѣлить хотѣлъ съ народомъ насъ!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Онъ всей Москвѣ тѣмъ показать хотѣлъ,
Что мыслить къ намъ и вѣрить намъ нельзя,
Что выдаемъ сторонниковъ мы нашихъ!

КН. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Чай, и теперь ужъ ропщутъ всѣ на насъ?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Да! Не во гнѣвъ сказать вамъ, государи:
Какъ нашихъ-то на тройкахъ повезли,
На шумъ людей сбѣжалося не мало,
Не слишкомъ васъ честили!

КН. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Что̀ тутъ думать!
Пока еще не всѣ отъ насъ отпали,
Поднять Москву!

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

Всѣ слободы поднять!

КН. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Раздать купцамъ оружіе!

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

Къ Борису
Идти во дворъ — убить его!

ГОЛОВИНЪ.

А въ Угличъ
Послать къ Нагимъ, чтобъ Дмитрія сейчасъ-же
Поставили царемъ! Чтобъ на Москву
Шли съ угличанами Нагіе!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — строго.

Тише!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ — къ Головину.

Такъ, зря, нельзя.

ГОЛОВИНЪ.

Съ Нагими я списался,
Они лишь знака ждутъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ты смѣлъ писать къ нимъ?
Ты на царя смѣлъ Угличъ подымать?
Ты головой за то заплатишь!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Дядя,
Въ чемъ онъ виной, за то на немъ одномъ
Лежитъ отвѣтъ; но ссориться теперь
Не время намъ!

ГОЛОВИНЪ.

Князь-государь, виновенъ
Я предъ тобой; однако-жъ пригодилась
Моя вина. Вѣдь по неволѣ, звать
Царевича прійдется!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Никогда!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ — къ Головину.

Накличешь ты бѣду на насъ, бояринъ!

КН. ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Поднять Москву!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ужъ и Москву поднять!
Зачѣмъ? Пойдемъ, какъ мы вчера хотѣли,
Просить о царскомъ о разводѣ!

КН. ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Поздно!
Вчера владыко былъ за насъ; сегодня-жъ
Съ Борисомъ онъ въ миру; вчера купцы
Намъ вѣрили; сегодня ужъ не вѣрятъ!

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

Убить его!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Да, такъ вотъ и убьешь!
Онъ караулъ теперь, небось, удвоилъ!
Вынимаетъ изъ кармана челобитню.
Вотъ подписи владыки и властей;
А вотъ дворянъ и всѣхъ людей торговыхъ;
Всѣ выдали себя — отстать не могутъ,
Хоть и хотѣли-бъ!

КН. ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Тѣмъ-ли угрожать
Ты будешь имъ, что этотъ листъ Борису
Покажешь ты?

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Показывать его
Намъ и не слѣдъ. Онъ—что̀ зарядъ въ пищали:
Страшонъ пока не выпущенъ! Заставитъ,
Коль захотимъ, всѣхъ на Бориса встать!

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

Убить вѣрнѣй!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Вы, словно, всѣ въ бреду!
Къ чему царя намъ разводить съ царицей?
Къ чему еще Бориса убивать?
Онъ самъ себя позорнымъ дѣломъ выдалъ!
Избавилъ насъ отыскивать средь тьмы
Кривыхъ путей! И можемъ нынѣ мы,
Хвала Творцу, не погрѣшая сами,
Его низвергнуть чистыми руками!

КН. ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Что̀ хочешь сдѣлать ты?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Идти къ царю
И уличить обманщика!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Напрасный
То, дядя, трудъ. Что̀ скажетъ Годуновъ,
Тому повѣритъ царь.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Царь слышалъ клятву!
Всѣ слышали ее! Себя очистить
Ничѣмъ не можетъ Годуновъ!

Къ Красильникову.

Иди,
Скажи купцамъ, что государь велитъ
Ихъ выборныхъ вернуть, а что Бориса
Онъ отрѣшитъ сегодня-же!

Звонъ къ заутрени.

Свѣтаетъ!
Иду къ царю! Не нужно много словъ —
Наружу ложь! И згинетъ Годуновъ
Лишь солнце тамъ, въ востокѣ, засіяетъ!

Уходитъ. — КРАСИЛЬНИКОВЪ также. Молчаніе.

КН. ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Ну, что̀, князья?

КН. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Да что-жъ? Признаться, я
Добра не жду!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Какое тутъ добро!
Съ чѣмъ онъ пошелъ, съ тѣмъ и назадъ вернется,
Лишь время мы напрасно потеряемъ.

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ — *къ кн. Василью.*

Зачѣмъ его не удержалъ ты?

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Дядю?
Да нѣшто вы не знаете его?
Когда что̀ разъ онъ въ голову втемяшилъ —
Не вышибешь. Знай, думаетъ, я правъ,
Такъ съѣмъ неправаго — младенецъ сущій!

КН. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Что-жъ дѣлать намъ?

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Да быть, къ его приходу,
Готовымъ всѣмъ, по прежнему, идти
Вотъ съ этой челобитней; пріискать бы
Царицу намъ, да имя-рекъ вписать!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Съ владыкой онъ объ этомъ самъ хотѣлъ
Держать совѣтъ.

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Да не успѣлъ. Позвали
Его къ царю, мириться, вишь. Намъ надо
Найти царицу до его прихода,
Чтобъ не ломалъ онъ даромъ головы.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Она-бъ должна царю прійтись по нраву,
И быть изъ нашихъ. А такихъ не много.

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Есть на примѣтѣ у меня одна.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Кто? Говори!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Да хоть твоя сестра.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Наташа? что̀ ты? Развѣ ты забылъ:
Она посватана за Шаховскаго!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Посватана — не выдана еще.
Послушай, князь: не шуточное дѣло
Мы затѣваемъ. Отъ родни царицы
Зависитъ все. Увѣрены-ли мы,
Что новая родня захочетъ быть
У насъ въ рукахъ? Сестра-жъ твоя изъ нашихъ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Оно-то такъ. Пригоднѣй нѣтъ ея,
Мнѣ самому на умъ ужъ приходило —
И если-бъ не́ дали мы слова —

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Князь!
Иль я не знаю какъ ты слово далъ?
Не по̀-сердцу тебѣ былъ Шаховской,
Боецъ кулачный, вѣтромъ голова
Наполнена! Въ расплохъ тебя засталъ
Онъ съ дядею, бухъ въ ноги, такъ и такъ,
Другъ друга любимъ! Князь Иванъ растаялъ,
А ты смолчалъ.

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

Я то-же говорилъ:
Зачѣмъ спѣшить? Наташа, слава Богу,
Могла пождать.

КН. ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Скоръ больно князь Иванъ.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Да, поспѣшилъ; Наташа-бы могла
Царицей быть!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

А будь она царицей —
Ты царскій шуринъ, тотъ-же Годуновъ,
Почище только.

МСТИСЛАВСКIЙ.

Да, кажись, почище.

КН. ВАСИЛIЙ ШУЙСКIЙ.

Надъ чѣмъ-же думать?

МСТИСЛАВСКIЙ.

Если-бы не слово —

КН. ВАСИЛIЙ ШУЙСКIЙ.

Такъ вотъ помѣха? Слово далъ ему!
А развѣ намъ ты также не́ далъ слова,
Во чтобъ ни стало, вырвать у Бориса
И раздѣлить его межъ нами власть!

МСТИСЛАВСКIЙ.

Какъ отказать ему?

КН. ВАСИЛIЙ ШУЙСКIЙ.

Затѣй съ нимъ ссору!

МСТИСЛАВСКIЙ.

Что̀ скажетъ дядя?

КН. ВАСИЛIЙ ШУЙСКIЙ.

Онъ вернется въ гнѣвѣ,
За то, что царь не дастъ ему суда;
Онъ будетъ радъ племянницу свою
Царицей сдѣлать.

КН. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКIЙ.

Такъ! Назадъ онъ слова
Самъ не возьметъ, а ссора приключись —
Не время будетъ разбирать, кто правъ,
Кто виноватъ.

КН. ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

И если быть Наташѣ
Царицею — такъ надо поспѣшить!

ГОЛОВИНЪ — къ Василію Шуйскому.

Позволь взглянуть мнѣ, князь Василь Иванычъ!

Беретъ челобитню и, пока другіе разговариваютъ, достаетъ съ пояса перо и чернилицу и вписываетъ что-то въ бумагу.

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ — къ Мстиславскому.

Рѣшайся, князь!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Когда-бъ на немъ какую
Вину найти!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Тогда-бъ ты былъ согласенъ?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Еще-бы!

ШАХОВСКОЙ — является между ними.

Князь! Спроси сперва меня,
Согласенъ-ли невѣсту уступить
Другому я?

ВСѢ.

Откуда онъ? Какъ смѣлъ онъ
Здѣсь тайно быть?

Слышенъ крикъ КНЯЖНЫ.

МСТИСЛАВСКІЙ.

То вскрикнула сестра!
Они здѣсь вмѣстѣ были!

Идетъ въ глубину сада и выводитъ КНЯЖНУ за руку. Показывается ВОЛОХОВА.

Вотъ и сваха!
Ты помогала имъ?

ВОЛОХОВА.

Помилуй! Что̀ ты?
Мы прогуляться только-что сошли —
А онъ скакни черезъ заборъ! Ей Богу!
Ей Богу-ну!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Такъ вотъ какъ бережешь
Ты нашу честь, сестрица! — Князь Григорій —
Твое негоже дѣло — я тебѣ
Даю отказъ!

ШАХОВСКОЙ.

Мою невѣсту хочешь
Царю ты сватать? Берегися, князь!
Доколѣ живъ я — не бывать тому!

ВОЛОХОВА — наступая на Шаховскаго.

А почему-жъ и не бывать? Смотри,
Какъ расходился! Не́видаль какая,
Что онъ женихъ! Царь Ѳедоръ-то Иванычъ
Небось, тебя почище! Негодяй!
Безсовѣстный! Срамникъ! Безбожникъ! Воръ!

ШАХОВСКОЙ.

Прочь, вѣдьма, прочь! Посторонитесь всѣ!
Ко мнѣ, княжна! Она моя предъ Богомъ —
Ее сейчасъ веду я подъ вѣнецъ —
И первый, кто изъ васъ —

Вынимаетъ кинжалъ.

ВСѢ.

Въ ножны кинжалъ!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ — къ Мстиславскому.

Хорошъ женихъ! На брата замахнулся!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Сестра, ко мнѣ! Князь — слышалъ ты меня?
Ступай отсель! Разорванъ нашъ союзъ!

ВСѢ.

Князь, не дури! Ступай! Его ты слышалъ!
Братъ надъ сестрой волёнъ!

ШАХОВСКОЙ.

Еще посмотримъ!
Княжна, скажи: ты хочешь за меня?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Молчи, сестра!

КНЯЖНА.

О Господи!

ШАХОВСКОЙ.

Княжна!
Ты хочешь-ли, чтобъ за царя тебя
Посватали?

КНЯЖНА.

Нѣтъ, нѣтъ! Я быть твоею,
Твоей хочу!

ШАХОВСКОЙ.

Иди-жъ со мной!

МСТИСЛАВСКІЙ — къ сестрѣ.

Ни съ мѣста!

ШАХОВСКОЙ.

Иди со мной!

КНЯЖНА.

Я не вольна, ты видишь!

ГОЛОВИНЪ — къ Шаховскому.

Князь, покорись, ты силой не возьмешь!
Все кончено межъ ними и тобой!
Иль думаешь, тебѣ Иванъ Петровичъ
Проститъ, что̀ ты сегодня учинилъ?
Все кончено.

Показываетъ ему челобитню.

Смотри: княжны Мстиславской
Здѣсь имя вписано!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ — про себя.

Ай-да бояринъ!

ГОЛОВИНЪ.

Подъ грамотой ты этой съ нами руку
Самъ приложилъ — назадъ не можешь!

ШАХОВСКОЙ — выхватывая у него грамоту.

Дай!

ГОЛОВИНЪ.

Стой! Что̀ ты? Стой!

ШАХОВСКОЙ.

Въ моихъ она рукахъ!

ВСѢ.

Держи его!

ШАХОВСКОЙ — грозя кинжаломъ.

Назадъ! Тотъ ляжетъ въ прахъ,
Кто подойдетъ! Иду на судъ великой
Къ царицѣ я — вотъ съ этою уликой!

Убѣгаетъ съ грамотой.

Покой царя Ѳедора.

Входитъ ГОДУНОВЪ, въ сопровожденіи дьяка, который кладетъ на столъ связку бумагъ и двѣ государственныя печати, большую и малую. — Изъ другой двери входитъ КЛЕШНИНЪ.

ГОДУНОВЪ — къ Клешнину.

Ты все-ль исполнилъ?

КЛЕШНИНЪ.

Сладилъ все, бояринъ;
Ихъ до зари схватили на домахъ;
Эхъ, кабы намъ изъ Углича прислали
Ту грамоту!

ГОДУНОВЪ.

Ты мнѣ ее, немедля,
Тогда подашь. — КЛЕШНИНЪ уходитъ.—Входитъ ЦАРИЦА ИРИНА.
Сестра-царица, здравствуй!
Еще не вышелъ государь?

ИРИНА.

Недавно
Съ иконой духовникъ въ опочивальню
Къ нему вошелъ.

Входитъ изъ другой двери ѲЕДОРЪ. За нимъ ДУХОВНИКЪ съ иконой.

ѲЕДОРЪ.

Аринушка, здорово!
Здорово, шуринъ! А вѣдь я проспалъ
Заутреню! Такой противный сонъ
Пригрезился: казалось мнѣ, я снова
Тебя, Борисъ, мирю съ Иваномъ Шуйскимъ,
Онъ руку подаетъ тебѣ — а ты —
Ты также руку протянулъ, но вмѣсто
Чтобъ за̀ руку, схватилъ его за горло
И сталъ душить — тутъ чепуха пошла:

Татары вдругъ напали, и медвѣди
Такіе страшные пришли, и стали
Насъ драть и грызть; меня-же преподобный
Іона спасъ. Что̀, отче духовникъ,
Вѣдь этотъ сонъ не грѣшенъ?

ДУХОВНИКЪ.

Нѣтъ, не то,
Чтобъ грѣшенъ былъ, а все-жъ недобрый сонъ.

ӨЕДОРЪ.

Братъ Дмитрій также снился мнѣ и плакалъ,
И что-то съ нимъ ужасное случилось,
Но что̀ — не помню.

ДУХОВНИКЪ.

Ты, ложася спать,
Усерднѣе молися, государь!

ӨЕДОРЪ.

Бррь! Скверный сонъ!

Увидя бумаги.

А это что̀ такое?
Надоѣдать мнѣ хочешь снова, шуринъ?
Надоѣдать?

ГОДУНОВЪ.

Не долго, государь,
Я задержу тебя; твое согласье
Лишь нужно мнѣ для нѣкоторыхъ дѣлъ.

ӨЕДОРЪ.

А безъ меня покончить ихъ нельзя?
Я не совсѣмъ здоровъ.

ГОДУНОВЪ.

Два слова только.

ѲЕДОРЪ.

Ну, такъ и быть. Ты, отче-духовникъ,
Угодника на по̀лицу поставь,
Вчерашняго-жъ угодника прійми
До будущаго года. А какого
У насъ святого завтра?

ДУХОВНИКЪ.

Іоанна
Ветхопещерника.

ѲЕДОРЪ.

Я житіе
Его въ Минеяхъ перечту, лишь только
Меня Борисъ отпуститъ; а теперь
Благослови меня заняться дѣломъ.

ДУХОВНИКЪ благословляетъ его и уходитъ. ѲЕДОРЪ садится. ГОДУНОВЪ развязываетъ бумаги.

Ну, что̀ тамъ, шуринъ, въ связкѣ у тебя?
Ужъ такъ и быть, вытаскивай!

ГОДУНОВЪ — вынимая изъ связки нѣсколько листовъ.

Намъ пишутъ
Украинскіе воеводы, царь,
Что ханъ опять орду на сѣверъ двинулъ.

ѲЕДОРЪ.

Да это сонъ мой въ руку! Не достало
Еще, чтобъ ты сталъ Шуйскаго душить!

ГОДУНОВЪ — кладетъ передъ нимъ бумаги.

Вотъ, государь, наказы воеводамъ.

ѲЕДОРЪ.

Прихлопни ихъ!

Годуновъ передаетъ бумаги дьяку, который прикладываетъ къ нимъ печать.

ГОДУНОВЪ — подавая другую бумагу.

А это, государь,
Царь Иверскій землей своею бьетъ
Тебѣ челомъ, и проситъ у тебя,
Чтобъ ты его въ свое подданство принялъ.

ѲЕДОРЪ.

Царь Иверскій? А гдѣ его земля?

ГОДУНОВЪ.

Она граничитъ съ царствомъ Кизилбашскимъ,
Обильна хлѣбомъ, шелкомъ и виномъ,
И дорогими, кровными конями.

ѲЕДОРЪ.

Такъ ею мнѣ челомъ онъ бьетъ? Ты слышишь,
Аринушка? Ты слышишь? Вотъ чудакъ!
Что̀ вздумалось ему?

ГОДУНОВЪ.

Его тѣснятъ
Персидскій царь съ султаномъ турскимъ.

ѲЕДОГЪ.

Бѣдный!
Онъ православной вѣры?

РОДУНОВЪ.

Православной.

ѲЕДОРЪ.

Ну, что-жъ? Скорѣй принять его въ подданство!
И знаешь, шуринъ, надо-бы ему
Подарокъ приготовить. Что̀-бы намъ,
Аринушка, послать ему?

ГОДУНОВЪ.

Сперва,
Вотъ эту грамоту съ твоимъ согласьемъ
И съ вызовомъ пословъ его къ Москвѣ.

ѲЕДОРЪ.

Ну, хорошо, привѣшивай печать,
Привѣшивай!

Дьякъ привѣшиваетъ печать.

А это что̀ такое?

ГОДУНОВЪ.

То князю Троекурову наказъ,
Какъ говорить ему на польскомъ сеймѣ,
Когда начнется выборъ короля.
Ты знаешь, царь, что щедростью твоею,
По смерти нашего врага Батура,
Мы многихъ привлекли къ себѣ пановъ,
И что они поднесть уже готовы
Тебѣ корону.

ѲЕДОРЪ.

Мнѣ? помилуй, шуринъ!
Что̀ я съ ней дѣлать буду? Мнѣ и такъ
Своихъ хлопотъ довольно. Вотъ еще!
И что̀ ихъ всѣхъ подмыло? Тамъ какой-то
Царь Иверскій свою даритъ мнѣ землю,
А тутъ паны корону суютъ! Нѣтъ!
Добро тотъ царь; а эти что̀? Латинцы!
Враги Руси!

ГОДУНОВЪ.

Затѣмъ-то, государь,
Престоломъ ихъ ты брезгать и не долженъ,
Чтобъ слугами ихъ сдѣлать изъ враговъ.

ѲЕДОРЪ.

Ты думаешь? Ну, хлопъ по ней! Вотъ такъ!
Что̀, все теперь?

ГОДУНОВЪ.

Еще двѣ челобитни
От двухъ бояръ, при батюшкѣ твоемъ
Въ Литву бѣжавшихъ. У тебя они
Теперь вернуться просятъ позволенья.

ѲЕДОРЪ.

Кто-жъ имъ мѣшаетъ? Милости прошу!
Да ихъ, я чай, туда бѣжало много?
Мое такое разумѣнье, шуринъ:
Намъ дѣлать такъ, чтобъ на Руси, у насъ,
Привольнѣй было жить, чѣмъ у чужихъ;
Такъ не зачѣмъ отъ насъ и бѣгать будетъ!
Ты знаешь что̀? Ты написалъ-бы къ нимъ
Ко всѣмъ въ Литву, что я имъ обѣщаю
Земли и денегъ, если пожелаютъ
Вернуться къ намъ.

ГОДУНОВЪ.

Я такъ и думалъ, царь,
И грамоту о томъ ужъ изготовилъ.

ѲЕДОРЪ.

Ну, хорошо, прихлопни-жъ и ее!
Что̀, все теперь?

ГОДУНОВЪ.

Все, государь.

Дьякъ беретъ печати, собираетъ бумаги и уходитъ.

ѲЕДОРЪ.

Ну, шуринъ,
Тебя я долѣ не держу. А ты,
Аринушка, Минеи-бъ разогнула
Да житіе святого Іоанна
Ветхопещерника прочла-бы мнѣ!

ИРИНА.

Дозволь сперва мнѣ, Θедоръ, челобитье
Тебѣ подать. Письмо я получила
Изъ Углича отъ вдовой отъ царицы,
Отъ Марьи Θедоровны. Слезно
Тебя она о милости великой,
О позволеньи проситъ, на Москву
Вернуться съ сыномъ, съ Дмитріемъ, своимъ.

ΘЕДОРЪ.

Аринушка, да какъ-же? Ты вѣдь знаешь,
Вѣдь я давно прошу о томъ Бориса,
Вѣдь я-бы радъ...!

ИРИНА.

А какъ сегодня ты
Опальниковъ простилъ своихъ литовскихъ,
То я подумала, что ты вернуть
И мачиху и брата согласишься.

ΘЕДОРЪ.

Аринушка, помилуй! Развѣ я
Не радъ вернуть ихъ?

Показывая на Годунова.

Вотъ кому скажи!

ИРИНА.

Я знаю, Θедоръ, что правленье царствомъ
Ты справедливо брату поручилъ;
Никто какъ онъ имъ править не съумѣлъ-бы;
Но здѣсь не государственное дѣло;
Оно твое, семейное; и ты,
Одинъ лишь ты, судьею быть въ немъ долженъ!

ΘЕДОРЪ.

Борисъ, ты слышишь что̀ она сказала?
Вѣдь это правда! Ты вѣдь, въ самомъ дѣлѣ,
И шагу мнѣ ни въ чемъ не дашь ступить!
На что̀ это похоже? Я хочу,

Хочу вернуть Димитрія! Ты знаешь,
Когда я такъ сказалъ, ужъ я отъ слова
Не отступлю!

ГОДУНОВЪ — къ Иринѣ.

Не дѣльно ты, сестра,
Вмѣшалася во что̀ не разумѣешь.

Къ Өедору.

Царевича вернуть нельзя.

ӨЕДОРЪ.

Какъ? Какъ?
Когда ужъ я сказалъ, что я хочу?

ГОДУНОВЪ.

Дозволь мнѣ, государь —

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ, это слишкомъ!
Я не ребенокъ! Это...

Начинаетъ ходить по комнатѣ.

СТОЛЬНИКЪ — отворяя дверь.

Князь Иванъ
Петровичъ Шуйскій!

ГОДУНОВЪ — къ стольнику.

Царь его сегодня
Принять не можетъ!

ӨЕДОРЪ.

Кто тебѣ сказалъ?
Впустить его!

Продолжаетъ ходить по комнатѣ.

Я скоро у себя
Не властенъ въ домѣ стану!

Входитъ Кн. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Здравствуй, князь!

Спасибо, что пожаловалъ! Съ тобою
Я буду говорить, съ тобою, князь,
О Дмитріѣ, о братѣ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Государь,
Я самъ давно хотѣлъ тебѣ повѣдать
О Дмитріѣ царевичѣ, но прежде —
На шурина на твоего тебѣ
Я бью челомъ!

ѲЕДОРЪ.

Какъ? На Бориса?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да!

ѲЕДОРЪ.

Что̀ сдѣлалъ онъ?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Свою солживилъ клятву!

ѲЕДОРЪ.

Что̀? Что̀ ты, князь?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ты слышалъ, государь,
Какъ онъ клялся, что ни единымъ пальцомъ
Не тронетъ онъ сторонниковъ моихъ?

ѲЕДОРЪ.

Конечно слышалъ! Ну?

КН. ИВ. ПЕТРОВИЧЪ.

Сегодня-жъ ночью
Онъ тѣхъ купцовъ, съ которыми вчера
Ты говорилъ, велѣлъ схватить насильно
И отвезти невѣдомо куда!

ѲЕДОРЪ.

Позволь, позволь — тутъ что-нибудь не такъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Спроси его!

ѲЕДОРЪ.

То правда-ль, шуринъ?

ГОДУНОВЪ.

Правда.

ИРИНА.

Помилуй, братъ!

ѲЕДОРЪ.

Побойся Бога, шуринъ!
Какъ могъ ты это сдѣлать!

ГОДУНОВЪ.

Я нашелъ,
Что ихъ въ Москвѣ оставить не годится.

ѲЕДОРЪ.

А клятва? Клятва?

ГОДУНОВЪ.

Я клялся не мстить имъ
За прежнія вины — и я не мстилъ.
Они за то увезены сегодня,

Что, послѣ примиренія, меня
Хотѣли снова съ Шуйскими поссорить,
Чему ты былъ свидѣтель, государь.

ѲЕДОРЪ.

Да, развѣ такъ! Но все-же надо было —

ГОДУНОВЪ.

Дивлюся я, что князь Иванъ Петровичъ
Стоитъ за тѣхъ, которые такъ дерзко
Пыталися межъ насъ разстроить миръ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

А я дивлюсь, какъ ты, бояринъ, смѣешь
Безсовѣстнымъ, негоднымъ двоязычьемъ
Оправдывать себя! Великій царь!
Онъ не въ глаза-ль смѣялся намъ вчера,
Тебѣ и мнѣ, когда, въ рукахъ владыки,
Онъ честный крестъ на кривѣ цѣловалъ?

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, шуринъ, нѣтъ, ты учинилъ не такъ!
Твои слова мы поняли не такъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Что̀ будетъ думать о тебѣ земля,
Великій царь, когда свою онъ клятву,
Тобою освященную, дерзнулъ
Попрать ногами?

ѲЕДОРЪ.

Этого не будетъ!
Купцовъ вернутъ сегодня-жъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Только, царь?

А онъ, который обманулъ тебя,
Меня-жъ безчестнымъ сдѣлалъ предъ народомъ —
По прежнему землею будетъ править?

ѲЕДОРЪ.

Но, князь, позволь.... тутъ не было обмана....
Вы только вѣдь не поняли другъ друга....
Да и къ тому-жъ, вѣдь вы ужъ сговорились,
Чтобъ вмѣстѣ вамъ обсуживать дѣла?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Онъ такъ клялся; ему на этомъ словѣ
Я подалъ руку — но ты видишь самъ,
Какъ цѣлованье держитъ онъ свое!
Великій царь, остерегись его!
Не довѣряй ему ни государства,
Ни собственной семьи не довѣряй!
Ты говорить со мной хотѣлъ о братѣ?
Ты знаешь-ли кто тотъ, кого приставилъ
Онъ въ Угличѣ ко брату твоему?
Тотъ Битяговскій? Знаешь-ли, кто онъ?
Измѣнникъ онъ! И воръ! И лжесвидѣтель,
Избавленный отъ висѣлицы имъ!
Не оставляй наслѣдника престола
Въ такихъ рукахъ!

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, на этомъ, князь,
Спокоенъ будь! Ужъ я сказалъ Борису,
Что Дмитрія хочу я взять къ себѣ!

ГОДУНОВЪ.

А я на то отвѣтилъ государю,
Что въ Угличѣ остаться долженъ онъ.

ѲЕДОРЪ.

Какъ? Ты опять? Ты споришь?

ГОДУНОВЪ.

Государь,
Дозволь тебѣ сказать —

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, не дозволю!
Я царь, или не царь?

ГОДУНОВЪ.

Дай объяснить мнѣ....
Лишь выслушай....

ѲЕДОРЪ.

И слушать не хочу!
Я царь, или не царь? Царь, иль не царь?

ГОДУНОВЪ.

Ты царь —

ѲЕДОРЪ.

Довольно! Больше и не надо!
Ты слышала, Арина? Князь, ты слышалъ?
Онъ согласился, что я царь! Теперь ужъ
Не можетъ спорить онъ! Теперь онъ — цыцъ!

Къ Годунову.

Ты знаешь что̀ такое царь? Ты знаешь?
Ты помнишь батюшку-царя? Ты, ты —
Князь, будь спокоенъ! Дмитрія къ себѣ
Изъ Углича я выпишу сюда!
И мачиху, и мачихиныхъ братьевъ,
Всѣхъ выпишу! Что̀ это въ самомъ дѣлѣ?
На что̀ это похоже? Даже въ потъ
Меня онъ бросилъ! Посмотри, Арина!

Ходитъ по комнатѣ и потомъ останавливается передъ ШУЙСКИМЪ и ГОДУНОВЫМЪ.

Ну, а теперь, какъ я васъ помирилъ,
Такъ полно вамъ сердиться другъ на друга!
Ну, полно, шуринъ! Полно, князь! Довольно!
Ну, поцѣлуйтесь! Ну!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Великій царь,
Тебя постичь я не могу! Ты видѣлъ,
Изъ собственныхъ его ты слышалъ устъ,
Что клятвой онъ двусмысленно играетъ,
Его насилье самъ ты отмѣнилъ,
Ты согласился, что оставить брата
Нельзя въ рукахъ наемника его —
А между тѣмъ ты оставляешь царство
Въ его рукахъ? Великій государь —
Одно изъ двухъ! Иль я теперь обманщикъ,
И ты меня суди за клевету —
Или его за вѣроломство долженъ
Ты отрѣшить!

ѲЕДОРЪ.

Да я вѣдь ужъ исправилъ
Его вину передъ тобой? Чего-же
Тебѣ еще? Ничѣмъ онъ не доволенъ!
Арина, слышишь?

ИРИНА.

Князь Иванъ Петровичъ,
Мнѣ кажется —

ГОДУНОВЪ.

Оставь его, сестра!
Царя избавлю я отъ затрудненья
Межъ насъ рѣшать. Великій государь!
Доколѣ ты мнѣ вѣрилъ, я тебѣ
Могъ годенъ быть—какъ скоро-жъ ты не вѣришь,
Я не гожусь. Князь Шуйскій молвилъ правду:
Одинъ изъ насъ другому долженъ мѣсто
Здѣсь уступить. Свой выборъ, государь,
Ты учинилъ, когда такъ благосклонно
Ты обвиненья выслушалъ его,
Мою-же рѣчь отвергнулъ на-отрѣзъ.
Дозволь мнѣ удалиться.

ѲЕДОРЪ.

Что̀ ты? Что̀ ты?

ГОДУНОВЪ.

Кому прикажешь, государь, дѣла̀
Мнѣ передать?

ѲЕДОРЪ.

Да ты меня не понялъ!
Ахъ, Боже мой! что̀ ты надѣлалъ, князь!

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, государь, твою я волю понялъ:
Тебѣ угодно тѣхъ людей, которыхъ
Я удалилъ, чтобъ городъ успокоить —
Вернуть назадъ. Тебѣ Нагихъ угодно,
Съ царевичемъ, въ Москву перевести,
Хоть есть причины важныя оставить
Ихъ въ Угличѣ. Когда, великій царь,
Ты такъ рѣшилъ — твоя святая воля
Исполнится, но на себя отвѣта
Я не беру!

ѲЕДОРЪ.

Да я не зналъ, Борисъ,
Что есть такія важныя причины!
Ужъ если ты —

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Прости, великій царь!

ѲЕДОРЪ.

Князь! Князь! Куда?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Куда-нибудь подалѣ,
Чтобъ не видать, какъ царь себя срамитъ!

ѲЕДОРЪ.

Князь, погоди, мы все уладимъ —

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Царь
Всея Руси, Ѳеодоръ Іоанцычъ —
Мнѣ стыдно за тебя — прости!

Уходитъ.

ѲЕДОРЪ.

Князь! Князь!
Ахъ, Боже мой — ушелъ! И этотъ вотъ
Меня оставить хочетъ! Шуринъ, ты —
Ты пошутилъ! А что̀-жъ съ землею будетъ?

ГОДУНОВЪ.

Великій царь, могу-ль тебѣ служить я,
Когда ты руки связываешь мнѣ?

ѲЕДОРЪ.

Да нѣту, шуринъ, нѣту! Будетъ все
По твоему. Ну, что̀-жъ? Согласенъ ты?
Да, шуринъ? Да?

ГОДУНОВЪ.

На этомъ уговорѣ,
Великій царь, согласенъ я, но помни,
Что только такъ могу я продолжать
Тебѣ служить.

ѲЕДОРЪ.

Спасибо-же тебѣ!
Спасибо, шуринъ. Знаешь-ли, теперь
Намъ Шуйскаго-бы надо успокоить!
Вѣдь онъ тебя не понялъ; я вѣдь тоже
Тебя вчера не понялъ!

Входитъ КЛЕШНИНЪ, подаетъ ГОДУНОВУ бумаги и уходитъ.—ГОДУНОВЪ пробѣгаетъ ихъ и передаетъ ѲЕДОРУ.

ГОДУНОВЪ.

Государь,
Сперва прочти вотъ это донесенье
Изъ Углича, и тайное письмо,

Которое Михайло Головинъ,
Сторонникъ Шуйскихъ, написалъ къ Нагимъ;
Его прислалъ съ нарочнымъ Битяговскій.

ѲЕДОРЪ — смотритъ въ бумаги.

Ну, что̀-же тутъ? «И въ пьяномъ видѣ часто
«Ругаются негодными словами....»
Да кто-же словъ не говоритъ негодныхъ,
Когда онъ пьянъ? «И деньги вымогаютъ
«Съ угрозами....» Да ты ужъ имъ не мало-ль
Назначилъ, шуринъ? Вѣдь они привыкли
Жить широко при батюшкѣ! Ты имъ-бы
Поболѣ далъ! Ну, что̀-же тутъ еще?
«И хвалятся, что, съ помощію Шуйскихъ,
«Они царя....» Помилуй, быть не можетъ!

ГОДУНОВЪ.

Ты грамоту прочти Головина.

ѲЕДОРЪ — читаетъ про себя, останавливается и качаетъ головой.

Меня согнать съ престола? Боже мой,
Зачѣмъ-бы имъ не подождать немного?
Всѣмъ вѣдомо, что я недолговѣченъ;
Не даромъ тутъ, подъ ложечкой, болитъ.
Не то, хоть Митѣ подрости-бы дали!
Ужъ какъ бы я охотно уступилъ
Ему престолъ! А то теперь насильно
Меня согнать, а малаго ребенка
Вдругъ посадить, а тамъ еще опека,
Разрухи, смуты, разоренье царству —
Не хорошо!

ГОДУНОВЪ.

Теперь ты видишь, царь,
Зачѣмъ Нагимъ нельзя позволить было
Вернуться на Москву?

ѲЕДОРЪ.

Не хорошо!

ГОДУНОВЪ.

Ты благодушно, царь, объ этомъ судишь,
А между тѣмъ, великая опасность
Грозитъ землѣ. Не терпитъ время. Намъ
Рѣшительное надо сдѣлать дѣло!

ѲЕДОРЪ.

Какое дѣло, шуринъ?

ГОДУНОВЪ.

Государь,
Изъ грамоты Головина ты видишь,
Что Шуйскіе съ Нагими въ заговорѣ.
Ты долженъ приказать, не медля, Шуйскихъ
Подъ стражу взять.

ѲЕДОРЪ.

Подъ стражу? Какъ? Ивана
Петровича подъ стражу? А потомъ?

ГОДУНОВЪ.

Потомъ — когда себя онъ не очиститъ —
Онъ долженъ быть —

ѲЕДОРЪ.

Что̀ долженъ быть?

ГОДУНОВЪ.

Казненъ.

ѲЕДОРЪ.

Какъ? Князь Иванъ Петровичъ? Тотъ, который
Былъ здѣсь сейчасъ? Котораго сейчасъ я
Бралъ за̀ руку?

ГОДУНОВЪ.

Да, государь.

ѲЕДОРЪ.

Съ которымъ
Тебя вчера я помирилъ?

ГОДУНОВЪ.

Тотъ самый.

ѲЕДОРЪ.

Онъ? Съ братьями казненъ?

ГОДУНОВЪ.

Со всѣми, кто
Причастенъ къ ихъ измѣнѣ.

ѲЕДОРЪ.

И съ Нагими?

ГОДУНОВЪ.

Безъ Шуйскихъ эти не опасны, царь.

ѲЕДОРЪ.

Того казнить сбираешься ты, шуринъ,
Кто землю спасъ?

ГОДУНОВЪ.

Того, кто посягаетъ
На твой престолъ.

ѲЕДОРЪ.

И это все затѣмъ,
Что, въ пьяномъ видѣ, на меня Нагіе
Грозилися? Что вздумалось кому-то
Къ нимъ написать, безъ вѣдома, должно быть,
И самыхъ Шуйскихъ? Шуринъ, ты скажи мнѣ,
Ты съ тѣмъ лишь мнѣ служить еще согласенъ,
Чтобъ я тебѣ ихъ выдалъ головой?

ГОДУНОВЪ.

Лишь только такъ могу я, государь,
Тебѣ за цѣлость царства отвѣчать.
Когда тебѣ мнѣ вѣрить не угодно,
Разъ навсегда, дозволь мнѣ удалиться,
А на себя за все возьми отвѣтъ!

ӨЕДОРЪ — послѣ долгой борьбы.

Да, шуринъ, да! Я въ этомъ на себя
Возьму отвѣтъ! Вотъ видишь-ли, я знаю,
Что не умѣю править государствомъ.
Какой я царь? Меня, во всѣхъ дѣлахъ,
И съ толку сбить, и обмануть не трудно.
Въ одномъ лишь только я не обманусь:
Когда межъ тѣмъ, что бѣло, иль черно,
Избрать я долженъ — я не обманусь.
Тутъ мудрости не нужно, шуринъ, тутъ
По совѣсти приходится лишь дѣлать.
Ступай себѣ, я не держу тебя;
Мнѣ Богъ поможетъ. Я измѣнѣ Шуйскихъ
Не вѣрю, шуринъ; еслижъ-бы и вѣрилъ,
И тутъ-бы ихъ на казнь я не послалъ.
Довольно крови на Руси лилося
При батюшкѣ, Господь ему прости!

ГОДУНОВЪ.

Но, государь —

ӨЕДОРЪ.

Я знаю что̀ ты скажешь:
Что черезъ это царство замутится?
Не правда-ли? На то Господня воля!
Я не хотѣлъ престола. Видно, Богу
Угодно было, чтобъ не мудрый царь
Сѣлъ на Руси. Каковъ я есть, такимъ
Я долженъ оставаться; я не вправѣ
Хитро впередъ разсчитывать что̀ будетъ!

ГОДУНОВЪ.

Но, государь, подумай....

ѲЕДОРЪ.

Чтò тутъ думать?
Чтò думать, шуринъ? Дѣло рѣшено.
Мнѣ твоего не надо уговора;
Свободенъ ты; оставь меня теперь;
Мнѣ одному остаться надо, шуринъ!

ГОДУНОВЪ.

Я ухожу, великій государь!...

Направляется медленно къ двери, но прежде, чѣмъ отворить ее, оборачивается на ѲЕДОРА. — ѲЕДОРЪ даетъ ему уйти, и кидается на шею ИРИНѢ.

ѲЕДОРЪ.

Аринушка! Родимая моя!
Ты, можетъ быть, винишь меня за то,
Что я теперь его не удержалъ?

ИРИНА.

Нѣтъ, Ѳедоръ, нѣтъ! Ты сдѣлалъ такъ, какъ должно!
Ты ангела лишь слушай своего,
И ты не ошибешься!

ѲЕДОРЪ.

Да, я тоже
Такъ думаю, Аринушка. Чтò-жъ дѣлать,
Что не рожденъ я государемъ быть!

ИРИНА.

Ты весь дрожишь, и сердце у тебя
Такъ сильно бьется!

ѲЕДОРЪ.

Бокъ болитъ немного;
Аринушка, я не пойду къ обѣднѣ.
Вѣдь тутъ грѣха большого нѣтъ, не правда-ль,
Одну обѣдню пропустить? Я лучше
Пойду къ себѣ въ опочивальню; тамъ
Прилягу я и отдохну часочекъ.
Дай нà-руку твою мнѣ опереться;
Вотъ такъ! Пойдемъ, Аринушка; на Бога
Надѣюсь я, Онъ не оставитъ насъ!

Уходитъ, опираясь на-руку ИРИНЫ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Домъ князя Ивана Петровича Шуйскаго.

КНЯЗЬ ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ и КНЯЖНА МСТИСЛАВСКАЯ.—Въ сторонѣ столъ съ кубками, за которымъ стоитъ СТАРКОВЪ.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не плачь, Наташа, я вѣдь не серчаю;
Тебѣ простилъ я; баба та тебя
Попутала, а Богъ и наказалъ.

КНЯЖНА.

Князь-дядюшка, а съ нимъ-то чтò-же будетъ?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Съ Григорьемъ-то? Да въ гору, чай, пойдетъ,
Когда захочетъ выдать насъ. Два раза
Я посылалъ за нимъ, чтобы его
Усовѣстить, да не могли найти.
Вотъ голова! Когда-бъ меня дождался,
Такъ не дошло-бъ до этого.

КНЯЖНА.

Ты, дядя,
Его простилъ-бы? Ты-бы за царя
Меня не сталъ неволить?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

За такимъ
Тебя мнѣ жаль-бы видѣть было мужемъ!

Я пожурилъ-бы васъ обоихъ, слова-жъ
Назадъ не взялъ-бы. Ошалѣли братья.

КНЯЖНА.

Онъ не пойдетъ къ царицѣ! Не захочетъ
Онъ выдать васъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

И самому мнѣ что-то
Не вѣрится; но выдастъ, иль не выдастъ,
Мы ждать не будемъ; прежде, чѣмъ вернулся
Я отъ царя, все было рѣшено.

КНЯЖНА.

Не мучь меня — скажи мнѣ, Бога ради,
Что̀ ты рѣшилъ?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не дѣвичье то дѣло,
Наташенька; узнаешь послѣ.

КНЯЖНА.

Дядя,
Твой мраченъ видъ — ты смотришь такъ сурово —
Со мной одной, по прежнему, ты ласковъ,
Ты добръ со мной; не страшно мнѣ смотрѣть
Тебѣ въ глаза — хотѣлось-бы по нимъ
Мнѣ отгадать, что̀ ты задумалъ?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Тотчасъ
Князья прійдутъ; мнѣ дѣло съ ними есть;
Поди къ себѣ, Наташа.

КНЯЖНА.

Дай остаться
Съ тобою мнѣ! Дай подчивать гостей!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Нельзя, Наташа.

КНЯЖНА — про себя.

Господи, ужели
Не даромъ сердцу чуется бѣда!

Уходитъ.—Входятъ братья кн. Ивана Петровича; купцы ГОЛУБЬ и КРАСИЛЬНИКОВЪ, съ другими сторонниками Шуйскихъ. — Всѣ останавливаются передъ нимъ въ почтительномъ молчанія.—КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ смотритъ на нихъ, нѣкоторое время, не говоря ни слова.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — сидя.

Вамъ вѣдомо, какъ дѣло повернулось:
Схватить насъ могутъ каждый мигъ. Хотите-ль
Погибнуть всѣ, или со мной идти?

ВСѢ.

Князь-государь, приказывай что̀ хочешь —
Мы всѣ съ тобой!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Такъ слушайте-жъ меня!
Князь Дмитрій — ты сейчасъ поѣдешь въ Шую,
Сберешь народъ, дворянъ и духовенство,
И съ лобнаго объявишь мѣста имъ,
Что Ѳедоръ царь во скудоумье впалъ
И государить долѣе не можетъ;
Царемъ-же намъ законнымъ учинился
Его наслѣдникъ Дмитрій Іоанньічъ.
Пусть крестъ ему цѣлуютъ.—Князь Андрей!
Тебя я шлю въ Рязань. Сбери войска
И на Москву веди ихъ. — Князь Ѳеодоръ!
Ты ѣдешь въ Нижній! — Князь Иванъ — ты въ Суздаль!
— Бояринъ Головинъ! Тебя избралъ
Я въ Угличъ ѣхать. Тамъ съ Нагими вы
Димитрія объявите царемъ,
И двинетесь, при звонѣ колокольномъ,
Съ нимъ на Москву, хоругви распустя.
Я со Мстиславскимъ и со князь-Васильемъ

Останусь здѣсь, чтобъ Годунова взять
Подъ караулъ.

Къ дворецкому.

Ѳедюкъ, подай братину!
Во здравье каждому и въ добрый путь —
И да живетъ царь Дмитрій Іоанньгчъ!

ВСѢ — кромѣ Василія Шуйскаго.

Да здравствуетъ царь Дмитрій Іоанньгчъ!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Князь-дядюшка—не въ гнѣвъ тебѣ сказать—
Не скоро-ль ты рѣшился? Вспомни только—
Сего утра еще ты не хотѣлъ
Дойти до этого!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я былъ дуракъ!
Предъ кѣмъ хотѣлъ я уличить Бориса?
Передъ царемъ? Нѣтъ на Руси царя!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Обдумай, князь —

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я все обдумалъ. Голубь!
Я виноватъ передъ тобой — ты правъ!
Какъ малаго мальчишку тотъ татаринъ
Меня провелъ—онъ лучше зналъ царя!
Какъ удалось тебѣ уйти?

ГОЛУБЬ.

Дорòгой,
Князь-батюшка, веревки перетёръ,
А на плоту, на Красной переправѣ,
Сшибъ двухъ стрѣльцовъ, съ повозки прыгнулъ въ воду
И вплавь утекъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ты во-время вернулся!
Сегодня же съ Красильниковымъ ты,
И съ этими другими молодцами,
Торговыхъ вы подымете людей!

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Ужъ положись на насъ, князь-государь!
Всѣ поголовно встанемъ на Бориса!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Лишь смеркнется, готовы будьте всѣ;
Когда-жъ раздастся выстрѣлъ изъ царь-пушки—
Входите въ Кремль!

Къ дворецкому.

Ѳедюкъ, подай стопу!
Во здравье всѣмъ!

Отпиваетъ, и передаетъ купцамъ.

КУПЦЫ.

Князь-батюшка! Ты намъ
Родной отецъ! Тобою лишь стоимъ!
Дай Господи тебѣ сломить Бориса —
И да живетъ Димитрій царь!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Аминь!

КУПЦЫ уходятъ.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—ко Мстиславскому.

Ты, князь, сейчасъ-же выбери надежныхъ
Пять сотъ жильцовъ. Пусть крестъ они цѣлуютъ
Царю Димитрію; когда-жъ стемнѣетъ,
Веди ихъ въ Кремль. Я съ князь-Васильемъ вмѣстѣ
Межъ тѣмъ схвачу Бориса на дому.

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Эй, дядюшка! Ты знаешь, я не трусъ,

Опаснаго я не боюся дѣла —
Но все-жъ подумай лучше!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Много думать —
Отъ дѣла отказаться. Намъ теперь
Ужъ нечего раскидывать умами —
И ясенъ путь открылся передъ нами!

Домъ Годунова.

ГОДУНОВЪ, въ волненіи, ходитъ взадъ и впередъ. — КЛЕШНИНЪ стоитъ, прислонясь къ печи.

ГОДУНОВЪ.

Я отрѣшенъ! Самъ Ѳедоръ словно нудитъ
Меня свершить чего-бъ я не хотѣлъ!
Нагіе ждутъ давно моей опалы,
И вѣсть о ней имъ дерзости придастъ.
Они теперь на все рѣшатся. Дмитрій
Имъ словно стягъ, вкругъ коего сбираютъ
Они враговъ и царскихъ и моихъ.
Того и жди: изъ Углича пожаромъ
Мятежъ и смуты вспыхнутъ. Битяговскій—
Мнѣ на него разсчитывать нельзя —
Меня продастъ онъ, если не приставлю
За нимъ смотрѣть еще кого нибудь.
Я принужденъ—я не могу иначе —
Меня тѣснятъ —

Къ Клешнину.

Ты хорошо-ли знаешь
Ту женщину?

КЛЕШНИНЪ.

На всѣ пригодна руки!
Гадальщица, лекарка, сваха, сводня,
Усердна къ Богу, съ чортомъ не въ разладѣ —

Единымъ словомъ: баба хоть куда!
Она ужъ здѣсь. Звать, что-ль, къ тебѣ?

ГОДУНОВЪ.

Не нужно.
Ты скажешь ей, чтобы она блюла
Царевича, а паче примѣчала-бъ
Что̀ говорятъ Нагіе. — Какъ царя
Оставилъ ты?

КЛЕШНИНЪ.

Надъ кипой тѣхъ бумагъ,
Которыя отнесть ему велѣлъ ты;
То лобъ потретъ, то за̀-ухомъ почешетъ,
И ничего, сердечный, не пойметъ!

ГОДУНОВЪ.

Не выдержитъ.

Задумывается.

Мнѣ все на умъ приходитъ
Что въ оный день, когда царя Ивана
Постигла смерть, предсказано мнѣ было.
Оно теперь свершается: помѣха
Моя во всемъ, вредитель мой и врагъ—
Онъ въ Угличѣ —

Опомнившись.

Скажи ей, чтобъ она
Блюла царевича!

КЛЕШНИНЪ.

А посмотрѣть
Ее не хочешь, батюшка?

ГОДУНОВЪ.

Не нужно!

Про себя.

«Слабъ, но могучъ—безвиненъ, но виновенъ—
«Самъ и не самъ—потомъ—убитъ!» *Къ Клешнину.*

Скажи ей,
Чтобы она царевича блюла!

Уходитъ.

КЛЕШНИНЪ — одинъ.

Чтобы блюла! Гмъ! Нѣшто я не знаю,
Чего-бъ хотѣлось милости твоей?
Пожалуй—что-жъ! Грѣхъ на-душу возьму!
Я не брюзгливъ—не бѣлоручка я!
Пока онъ живъ, отъ Шуйскихъ и Нагихъ
Не будетъ намъ покоя. Вишь, какъ крылья
Подрѣзали! Не ждалъ я этой рыси
Отъ Ѳедора Иваныча! Конечно,
Не выдержитъ—а если, между тѣмъ,
Случится чтò?

Отворяетъ дверь.

Сударыня, войди!

ВОЛОХОВА — входитъ съ просвирой въ рукахъ.

Благослови, Владычица святая!
Поклонъ тебѣ, бояринъ, принесла
Отъ Трехъ-Святителей, просвирку вотъ
Тамъ вынула во здравіе твое!

КЛЕШНИНЪ — ласково.

Садись сюда, голубушка, спасибо!
Тебѣ сказали, для чего послалъ
Я за тобой?

ВОЛОХОВА — садясь.

Сказали, государь,
Сказали, свѣтъ: бояринъ Годуновъ
Смѣняетъ-молъ царевичеву мамку,
Меня-жъ къ нему приставить указалъ.
Ужъ будь спокоенъ! Пуще ока стану
Его беречь; и ночи не досплю,
И куса не доѣмъ, а ужъ дитятю
Я соблюду!

КЛЕШНИНЪ.

Бывала въ мамкахъ ты?

ВОЛОХОВА.

Лгать не хочу, бояринъ, не бывала,

А ужъ куда охоча до дѣтей!
Ребеночекъ вѣдь тотъ-же ангелъ Божій!
Сама сынка вскормила своего,
Двадцатый вотъ пошелъ ему годокъ,
Все при себѣ, подъ крылышкомъ, держала,
До морового года; лишь въ тотъ годъ
Поопасалась вмѣстѣ жить.

КЛЕШНИНЪ.

Что̀ такъ,
Голубушка!

ВОЛОХОВА.

А въ этакую пору
Не долго до грѣха: какъ разъ подсыплетъ
Чего нибудь, отпѣлъ, похоронилъ,
Наслѣдство взялъ—и поминай какъ звали!
Кому въ такое время разбирать!

КЛЕШНИНЪ.

Ты свахою, голубушка, теперь?

ВОЛОХОВА.

Бываю въ свахахъ, батюшка-бояринъ,
Хвалиться грѣхъ, а безъ меня не много
Играется и свадебъ на Москвѣ!

КЛЕШНИНЪ.

Какую-же послѣднюю ты свадьбу
Устроила?

ВОЛОХОВА.

А Шаховскаго князя
Съ Мстиславскою княжною, государь.

КЛЕШНИНЪ.

Не съ тою-ли, которую вчера

Ты, при живой царицѣ, за царя
Хотѣла сватать?

ВОЛОХОВА.

Боже упаси!
Какой тебѣ разбойникъ то̀ сказалъ?
Какой собака, воръ и клеветникъ?
Чтобъ у него языкъ распухъ! Чтобъ очи
Полопались!

КЛЕШНИНЪ—грозно.

Молчи, старуха! Цыцъ!
Мы знаемъ все! Покойный государь,
Блаженной памяти Иванъ Васильичъ,
На медленномъ огнѣ тебя-бы, вѣдьму,
Изволилъ сжечь! Но жалостливъ бояринъ
Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ:
Онъ вмѣсто казни, дастъ тебѣ награду,
Когда свою исполнить службу ты
Съумѣешь при царевичѣ.

ВОЛОХОВА.

Съумѣю!
Съумѣю, батюшка! Съумѣю, свѣтъ!
Ужъ положися на меня! И мухѣ
Я на дитятю сѣсть не дамъ! Ужъ будетъ
И здравъ, и сытъ, и цѣлъ и невредимъ!

КЛЕШНИНЪ.

Но еслибъ что̀ не по твоей винѣ
Случилось съ нимъ —

ВОЛОХОВА.

Помилуй, ужъ чему
При мнѣ случиться!

КЛЕШНИНЪ — значительно.

Онъ тебѣ того

Въ вину-бы не поставилъ! Волохова смотритъ въ удивленіи.
Слушай, баба:
Никто не властенъ въ животѣ и смерти —
А у него падучая болѣзнь!

ВОЛОХОВА.

Такъ какъ-же это, батюшка? — Такъ — что-же?
Въ толкъ не возьму?

КЛЕШНИНЪ.

Бери, старуха, въ толкъ!

ВОЛОХОВА.

Да, да, да, да! Такъ, такъ, бояринъ, такъ!
Все въ Божьей волѣ! Безъ моей вины
Случиться можетъ всякое, конечно!
Мы всѣ подъ Богомъ ходимъ, государь!

КЛЕШНИНЪ.

Ступай, каргà! Съ тобой передъ отъѣздомъ
Увижусь я — но помни: денегъ вдоволь —
Или тюрьма!

ВОЛОХОВА.

Помилуй, государь,
Зачѣмъ тюрьма! Ужъ ты не поскупись,
Вѣдь наше дѣло вдовье. Да дозволь ужъ
Сынка забрать!

КЛЕШНИНЪ.

Ты въ томъ вольна; ступай!

ВОЛОХОВА.

Прости-же, государь; ужъ будешь нами
Доволенъ! Такъ! Конечно такъ, конечно!
Часъ не ровёнъ, случиться можетъ всяко!
Одинъ лишь Богъ силёнъ и всемогущъ,
Одинъ Господь, а наше дѣло вдовье!

Уходитъ.

СЛУГА — докладываетъ.

Өедюкъ Старковъ!

КЛЕШНИНЪ.

Зови его сюда!

СТАРКОВЪ входитъ, занавѣсъ опускается.

Царскій теремъ. Половина Царицы.

ӨЕДОРЪ сидитъ за кипою бумагъ и обтираетъ потъ съ лица.—Передъ нимъ стоятъ государственныя печати, большая и малая. — ИРИНА подходитъ и кладетъ ему руку на плечо.

ИРИНА.

Ты отдохнулъ-бы, Өедоръ.

ӨЕДОРЪ.

Ничего
Понять нельзя! Борисъ нарочно мнѣ
Дѣла такія подобралъ! Одинъ лишь
Толковый листъ попался: нашъ гонецъ
Изъ Вѣны пишетъ: цесарь-де готовитъ
Подарокъ мнѣ: шесть обезьянъ мнѣ шлетъ.
Аринушка, я ихъ отправлю къ Митѣ!

ИРИНА.

Такъ ты его не выпишешь?

ӨЕДОРЪ.

Вотъ видишь,
Аринушка, когда-бы согласился
Борисъ остаться —

ИРИНА.

На его ты мѣсто
Еще не выбралъ никого?

ѲЕДОРЪ.

Вѣдь ты-же,
Ты-жъ говорила: лучше подождать.
Ты думала, онъ самъ прійдетъ мириться,
А онъ прислалъ мнѣ этотъ ворохъ дѣлъ!
Ужъ я надъ нимъ измучился, и вотъ
Еще бѣда: за Шуйскимъ я послалъ,
За князь-Иваномъ, чтобъ помогъ онъ мнѣ
Все разобрать, а онъ велѣлъ отвѣтить,
Что нездоровъ; упрямится должно-быть.
Я вновь послалъ: челомъ-де бью ему,
Такое-де есть дѣло, о которомъ
Не знаетъ онъ!

Входитъ КЛЕШНИНЪ.

А, это ты, Петровичъ!
Откуда ты?

КЛЕШНИНЪ.

Отъ хвораго.

ѲЕДОРЪ.

Откуда?

КЛЕШНИНЪ.

Отъ хвораго отъ твоего слуги,
Отъ Годунова.

ѲЕДОРЪ.

Развѣ онъ хвораетъ?

КЛЕШНИНЪ.

А какъ-же не хворать ему, когда
Его, за всѣ заслуги, словно пса,
Ты выгналъ вонъ! Здорово-молъ живешь!

ѲЕДОРЪ.

Помилуй, я...

КЛЕШНИНЪ.

Да что̀ тутъ говорить!
Ты, батюшка, былъ отъ младыхъ ногтей
Суровъ и крутъ, и сердцемъ непреклоненъ.
Когда себѣ что̀ положилъ на мысль,
Такъ ужъ поставишь на своемъ, хоть тамъ
Весь свѣтъ трещи!

ѲЕДОРЪ.

Я знаю самъ, Петровичъ,
Что я суровъ...

КЛЕШНИНЪ.

Весь въ батюшку пошелъ!

ѲЕДОРЪ.

Я знаю самъ — но неужель Борисъ
Не помирится, если я скажу,
Что виноватъ?

КЛЕШНИНЪ.

Онъ столькаго не проситъ.
Лишь прикажи мнѣ приложить печать
Вотъ къ этому листу о взятьи Шуйскихъ
Немедленно подъ стражу — и онъ снова
Тебѣ слуга!

ѲЕДОРЪ.

Какъ? Онъ не пересталъ
Подозрѣвать?

КЛЕШНИНЪ.

Царь! Тутъ не подозрѣнье,
Тутъ полная улика на лицо!
Старковъ, дворецкій князь-Ивана намъ
Сейчасъ донесъ, что князь Иванъ сегодня
Рѣшилъ признать царенка государемъ,
Тебя-жъ рѣшилъ съ престола до утра
Согнать долой. Ты, батюшка, Старкова
Хоть самъ спроси!

ӨЕДОРЪ.

Ужъ эти мнѣ доносы!
Я въ первый разъ Старкова имя слышу,
А Шуйскаго звучитъ повсюду имя,
Какъ колоколъ. Ужели хочешь ты,
Чтобъ я какому-то Старкову болѣ,
Чѣмъ Шуйскому повѣрилъ?

КЛЕШНИНЪ.

Вѣрь, не вѣрь,
Я говорю тебѣ: когда ихъ всѣхъ
Ты не велишь сейчасъ-же...

СТОЛЬНИКЪ — докладываетъ.

Князь Иванъ
Петровичъ Шуйскій!

КЛЕШНИНЪ.

Какъ? Онъ самъ?

ӨЕДОРЪ — радостно.

Пришелъ!
Пришелъ, Аринушка!

КЛЕШНИНЪ.

Вели его
Подъ стражу взять!

ӨЕДОРЪ.

Стыдись, стыдись, Петровичъ!

Къ стольнику.

Пускай войдетъ!

Къ Клешнину.

Я при тебѣ его
Сейчасъ спрошу.

Входитъ КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Здорово, князь Иванъ!
Вообрази: есть на тебя доносъ —

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ смущается.

Но я ему не вѣрю. Я хочу,
Чтобъ ты мнѣ самъ сказалъ, что предо мною
Ты чистъ теперь, какъ ты предъ цѣлымъ свѣтомъ
Всегда былъ чистъ, и слова твоего
Съ меня довольно.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Государь —

ѲЕДОРЪ.

Ты, князь,
Меня пойми: вѣдь я не сомнѣваюсь,
Я лишь хочу —

КЛЕШНИНЪ.

Нѣтъ, батюшка, позволь!
Ужъ коль на то пошло, дай лучше мнѣ
Его спросить: Князь-государь! Ты можешь
Поцѣловать царю вонъ ту икону,
Что измѣнить не думалъ ты ему?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Допрашивать меня не признаю
Я права за тобой.

ѲЕДОРЪ.

Князь, то не онъ, —
То я прошу тебя!

КЛЕШНИНЪ.

Вотъ я икону
Сейчасъ сыму —

ѲЕДОРЪ.

Не нужно тутъ иконы.
Скажи по чести мнѣ, по чести только!
Ну, князь!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Уволь меня!

ИРИНА — которая не спускала глазъ съ Шуйскаго.

Свѣтъ-государь,
Зачѣмъ такимъ вопросомъ оскорблять
Того, чья доблесть всѣмъ давно извѣстна?
Не спрашивай его — потребуй только,
Чтобъ онъ тебѣ святое слово далъ,
И впредь остаться вѣрнымъ, какъ онъ вѣренъ
Доселѣ былъ!

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, я хочу, Арина,
Вотъ этого порядкомъ пристыдить.
Скажи мнѣ, князь, по чести мнѣ скажи:
Задумалъ ты что-либо надо мною?
Да говори-жъ!

КЛЕШНИНЪ.

По чести! Слышишь, князь?

Про себя.

А по иконѣ было-бы вѣрнѣе!

ИРИНА — къ Ѳедору.

Свѣтъ-государь —

ѲЕДОРЪ.

Ну, князь?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Уволь меня!

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, не уволю!

КЛЕШНИНЪ.

Ты, чай, трусишь, князь?

ѲЕДОРЪ.

Какое трусить? Онъ упрямъ и крутъ,
Да я его и круче и упрямѣй!
Нашла коса на камень, и пока
Онъ мнѣ не дастъ отвѣта, я его
Не выпущу отсель!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Такъ знай-же все!

ѲЕДОРЪ — съ испугомъ.

Чтò? Чтò ты хочешь?...

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да! Ты слышалъ правду —
Я на тебя вѣсталъ мятежомъ!

ѲЕДОРЪ.

Помилуй —

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ты слабостью своею истощилъ
Терпѣнье наше! Царство отдалъ ты
Въ чужія руки — ты давно не царь —
И вырвать Русь изъ рукъ у Годунова
Рѣшился я!

ѲЕДОРЪ — вполголоса.

Тсъ! Тише! Указывая на Клешнина.
Не при немъ!
Не говори при немъ — Борису онъ
Разскажетъ все!

КЛЕШНИНЪ.

Да продолжай-же, князь!

ѲЕДОРЪ.

Молчи, молчи! Глазъ-на-глазъ скажешь мнѣ!

КЛЕШНИНЪ.

Царь ждетъ отвѣта!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не тебя, но брата
Я твоего призна̀лъ царемъ!

ѲЕДОРЪ.

Петровичъ —
Не вѣрь ему! Не вѣрь ему, Арина!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Теперь тебя о милости единой
За прежнія заслуги я прошу:
Одинъ лишь *я* виновенъ! Не вели
Сторонниковъ моихъ казнить — не будутъ
Они тебѣ опасны безъ меня!

ѲЕДОРЪ.

Что̀ ты несешь? Что̀ ты городишь? Ты
Не знаешь самъ, какую небылицу
Ты путаешь!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не вздумай, государь,
Меня простить. Я на тебя-бы снова
Тогда пошелъ. Царить не можешь ты —
А подъ рукою Годунова быть
Я не могу!

КЛЕШНИНЪ — про себя.

Вишь, княжеская честь!
И подгонять не надо!

ѲЕДОРЪ — беретъ Шуйскаго въ сторону.

Князь, послушай:
Лишь потерпи немного — Митѣ только
Дай подрости — и я съ престола самъ
Тогда сойду, съ охотою сойду,
Вотъ-те Христосъ!

КЛЕШНИНЪ — подходитъ къ столу и беретъ печать.

Прихлопнуть, что̀-ль, приказъ?

ѲЕДОРЪ.

Какой приказъ? Ты ничего не понялъ!
Я Митю самъ велѣлъ царемъ поставить!
Я такъ велѣлъ — я царь! Но я раздумалъ;
Не надо болѣ; я раздумалъ, князь!

КЛЕШНИНЪ.

Да ты въ умѣ-ль?

ѲЕДОРЪ — на-ухо Шуйскому.

Ступай! Да ну, ступай-же!
Все на себя беру я, на себя!
Да ну, иди-жъ, иди!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — въ сильномъ волненіи.

Нѣтъ, онъ святой!
Богъ не велитъ подняться на него —
Богъ не велитъ! Я вижу, простота
Твоя отъ Бога, Ѳедоръ Іоанны̀чъ —
Я не могу подняться на тебя!

ѲЕДОРЪ.

Иди, иди! Раздѣлай что̀ ты сдѣлалъ!
Вытѣсняетъ его изъ комнаты.

КЛЕШНИНЪ — подымая печать надъ приказомъ.

Царь-батюшка, вели скрѣпить приказъ!

Не дай ему собрать войска! Царица —
Скажи ему, что участь государства
Въ приказѣ семъ!

ИРИНА.

Въ немъ нѣтъ уже нужды!
Гроза прошла, не врагъ намъ болѣ Шуйскій!

ѲЕДОРЪ.

Петровичъ, слышишь? Слышалъ ты, Петровичъ?
Аринушка, ты ангелъ! Отъ тебя
Ничто не скроется, ты все замѣтишь
И все поймешь! Да, Шуйскій намъ не врагъ!

Шумъ за дверью. — СѢННАЯ ДѢВУШКА вбѣгаетъ въ испугѣ.

СѢННАЯ ДѢВУШКА.

Царица, спрячься! Схоронись! Какой-то
Вломился въ теремъ сумасшедшій!

ГОЛОСЪ ШАХОВСКАГО — за сценой.

Прочь!
Прочь! Не держите! Я хочу къ царицѣ!

Въ дверяхъ показывается ШАХОВСКОЙ, удерживаемый нѣсколькими слугами. Онъ ихъ отталкиваетъ и бросается ИРИНѢ въ ноги.

ШАХОВСКОЙ.

Прости меня, прости меня, царица!
Напрасно я отъ самаго утра
Къ тебѣ прошусь!

ѲЕДОРЪ.

Да это Шаховской!

СЛУГИ — вбѣгаютъ со стрѣльцами.

Хватайте вора!

ѲЕДОРЪ.

Тише, тише, люди!
Здѣсь вора нѣтъ!

Къ Шаховскому.

Скажи мнѣ, растолкуй,
Чего ты хочешь?

ШАХОВСКОЙ.

Царь! Казни меня —
Казни меня, но выслушай! Тебя
Хотятъ съ твоей царицей развести!

ѲЕДОРЪ.

Ты бредишь, князь!

КЛЕШНИНЪ—про себя.

Такъ вотъ оно въ чемъ дѣло!

Къ Ѳедору.

Царь, выслушай его!

ШАХОВСКОЙ.

Мою невѣсту
Они хотятъ посватать за тебя!

ѲЕДОРЪ.

Кто? Кто они?

ШАХОВСКОЙ.

Дядья моей невѣсты,
Княжны Мстиславской, Шуйскіе князья!

ѲЕДОРЪ.

Да ты и впрямь помѣшанъ, князь!

ШАХОВСКОЙ—встаетъ и подаетъ бумагу.

Вотъ-вотъ
Ихъ челобитня! Матушка-царица!

Вели невѣсту мнѣ отдать! Вели,
Царь-государь, сегодня-же — сейчасъ-же
Насъ обвѣнчать!

КЛЕШНИНЪ.

Объ этой челобитнѣ
Слыхали мы. Позволь-ка поглядѣть!

Беретъ бумагу въ руки, и просмотрѣвъ, обращается къ Өедору.

Вотъ, батюшка, ты говорилъ сейчасъ,
Твоя царица знаетъ князь-Ивана —
А на повѣрку вышло, что не знаетъ!
Ее, сердечную, ее, голубку,
Ее, которая сейчасъ, какъ ангелъ,
Стояла за него — ее онъ хочетъ,
Какъ грѣшную, преступную жену,
Какъ блудницу, съ тобою развести,
Тебѣ-жъ свою племянницу посватать!
Не вѣришь, батюшка? Смотри, читай!

Подаетъ Өедору бумагу.

ӨЕДОРЪ — читаетъ.

«Ты новый бракъ пріими, великій царь,
«Мстиславскую возьми себѣ въ царицы....
«Ирину-жъ Годунову отпусти
«Во иноческій чинъ....

КЛЕШНИНЪ.

Ты руку знаешь
Иванъ-Петровича? Читай-же подпись!

ӨЕДОРЪ — читаетъ.

«И въ томъ тебѣ соборне бьемъ челомъ
«И руки прилагаемъ: Діонисій
«Митрополитъ всея Руси.... Крутицкій
«Архіепископъ Варлаамъ.... Князь....» Что?

Дрожащимъ голосомъ.

«Князь.... Князь Иванъ.... Иванъ Петровичъ Шуйскій!»
Его рука! Онъ также подписался!
Аринушка — онъ подписался!

Падаетъ въ кресла и закрываетъ лицо руками.

ИРИНА.

Өедоръ —

ӨЕДОРЪ.

Онъ! Онъ! Пускай-бы кто другой, но онъ!
Насъ разлучить съ тобой!

Плачетъ.

ИРИНА.

Опомнись, Өедоръ!

ӨЕДОРЪ.

Тебя сослать!

ИРИНА.

Мой царь и господинъ!
Не вѣдаю сама, что̀ это значитъ —
Но ты подумай: если князь Иванъ
Сейчасъ хотѣлъ свести тебя съ престола,
Онъ могъ-ли мыслить выдать за тебя
Мстиславскую?

ӨЕДОРЪ.

Тебя — мою Ирину —
Тебя постричь!

ИРИНА.

Вѣдь этого не будетъ!

ӨЕДОРЪ — вскакивая.

Не будетъ! Нѣтъ! Не дамъ тебя въ обиду!
Пускай прійдутъ! Пусть съ пушками прійдутъ!
Пусть попытаются!

ИРИНА.

Свѣтъ-государь,
Напрасно ты тревожишься. Кто можетъ
Насъ разлучить? Ты царь вѣдь!

ѲЕДОРЪ.

Да, я царь!
Они забыли, что я царь! Петровичъ —
Гдѣ тотъ приказъ?

Бѣжитъ къ столу и прикладываетъ печать къ приказу.

На! На! Отдай Борису!

ИРИНА.

Что̀ сдѣлалъ ты —

ѲЕДОРЪ.

Подъ стражу ихъ! Въ тюрьму!

ИРИНА.

Мой господинъ! Мой царь! Не торопись!

ѲЕДОРЪ.

Въ тюрьму! Въ тюрьму!

ШАХОВСКОЙ — выходя изъ оцѣпененія.

Царь-государь, помилуй!
Я не того просилъ! Я о невѣстѣ
Тебя просилъ!

ѲЕДОРЪ.

Борисъ васъ разберетъ!

ШАХОВСКОЙ.

Онъ изведетъ ихъ! Онъ погубитъ Шуйскихъ!

ѲЕДОРЪ.

Всѣхъ разберетъ онъ!

ШАХОВСКОЙ.

Я палачъ имъ буду!
Царь, смилуйся!

ѲЕДОРЪ.

Въ тюрьму! Въ тюрьму ихъ!

ШАХОВСКОЙ.

Боже!
Что сдѣлалъ я!

Убѣгаетъ.

ИРИНА.

Свѣтъ-государь, послушай —
Верни его! Верни ты Клешнина!
Не торопись! Не посылай ты Шуйскихъ
Теперь въ тюрьму, *теперь*, когда они
Обвинены въ измѣнѣ!

ѲЕДОРЪ.

Ни, ни, ни,
Аринушка! И не проси меня!
Ты этого не разумѣешь! Если
Я подожду, я ихъ прощу, пожалуй —
Я ихъ прощу — а имъ нужна наука!
Пусть посидятъ! Пусть вѣдаютъ, что значитъ
Насъ разлучать! Пусть посидятъ въ тюрьмѣ!

Уходитъ.

Берегъ Яузы.

Черезъ рѣку живой мостъ. — За рѣкой уголъ укрѣпленія съ воротами. — Въ сторонѣ рощи, мельницы и монастыри.—По мосту проходятъ люди разныхъ сословій.—КУРЮКОВЪ идетъ съ бердышомъ въ рукахъ. — За нимъ ГУСЛЯРЪ.

КУРЮКОВЪ.

— Стой здѣсь, парень, налаживай гусли, а какъ соберется народъ, зачинай пѣсню про князь-Иванъ Петровича! Господи, благослови! Господи, помоги! Вотъ до чего дожить довелось!

ГУСЛЯРЪ строитъ гусли; КУРЮКОВЪ осматриваетъ бердышъ.

Ишь, старый пріятель! Отъ самаго отъ блаженной памяти отъ Василь-Иваныча не сымалъ тебя со стѣны, ажъ всего

ржавчина съѣла. А вотъ сегодня еще послужишь. Ну, перебирай лады, парень, вона народъ подходитъ!

ПОСАДСКІЙ—подходитъ къ Курюкову.

— Добраго здоровья дѣдушкѣ Богдану Семенычу! Что̀ это у тебя за бердышъ?

КУРЮКОВЪ.

— Внучій бердышъ, батюшка, внучій бердышъ! Татары, слышно, оказались. Внуку-то, вишь, некогда, такъ я-то вотъ и взялся его бердышъ на справку снести, да вотъ парня послушать остановился.

ПОСАДСКІЙ.

— А близко, нѣшто, татары?

КУРЮКОВЪ.

— Близко, слышно.

ДРУГОЙ ПОСАДСКІЙ.

— А кого на встрѣчу пошлютъ?

ТРЕТІЙ ПОСАДСКІЙ.

— Чай, опять князь-Иванъ Петровича?

КУРЮКОВЪ.

— Годунова пошлютъ!

ПЕРВЫЙ.

— Что̀ ты, помилуй, Богданъ Семенычъ!

КУРЮКОВЪ —злобно.

— А что̀? Чѣмъ Годуновъ вамъ не воевода?

ТРЕТІЙ.

— Гдѣ-жъ ему супротивъ Иванъ Петровича?

КУРЮКОВЪ.

— Ой-ли? Къ гусляру. Ну, что-жъ пѣсня-то? Пѣсня?

ГУСЛЯРЪ—поетъ.

«Копилъ король, копилъ силушку,
«Подходилъ онъ подъ Опсковъ-городъ,
«Подошедши, похваляется:
«Ужъ собью городъ, собью турами,
«Воеводу, князя Шуйскаго,
«По рукамъ и по ногамъ скую,
«Царство русское насквозь пройду!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

— Царство русское насквозь пройду! Ха, ха! Малаго захотѣлъ!

ДРУГОЙ.

— Иванъ-Петровича скую! Да, скуешь его! Попробуй!

КУРЮКОВЪ—къ гусляру.

— Ну, парень!

ГУСЛЯРЪ—продолжаетъ.

«То не Божій громъ надъ Опсковомъ гремитъ,
«Бьютъ о стѣны тò ломы желѣзные,
«Ядра тò каленыя сыплются!»

ЖЕНЩИНА.

— Пресвятая Богородица, какіе страхи!

ГУСЛЯРЪ—продолжаетъ.

«А не младъ-то свѣтѣлъ мѣсяцъ зарождается,
«Государь-то Иванъ Петровичъ князь
«На стѣнѣ городской проявляется.
«Онъ идетъ по стѣнѣ, не сторонится,
«Ядрамъ сустрѣчь глядитъ, не морщится.»

ОДИНЪ.

— Да, этотъ не морщился!

ГУСЛЯРЪ—продолжаетъ.

«Цѣловали мы крестъ сидѣть до-смерти —
«Не сдадимъ по смерть Опскова-города!»

ОДИНЪ.

— И не сдали Пскова, не сдали!

ДРУГОЙ.

— Святые угодники боронили его!

ЖЕНЩИНА.

— Матерь Божія покрывала!

КУРЮКОВЪ.

— А кто сидѣлъ-то въ немъ, православные? Кто сидѣлъ-то въ немъ?

ОДИНЪ.

— Одно слово: Иванъ Петровичъ!

КУРЮКОВЪ.

— То-то!

ГУСЛЯРЪ—продолжаетъ.

«И пять мѣсяцовъ король облегаетъ Псковъ,
«На шестой повѣсилъ голову.
«А тѣмъ часомъ князь сдѣлалъ вылазку
«И побилъ всю силу литовскую,
«Насилу король самъ-третей убѣжалъ.
«Бѣгучи, онъ, собака, заклинается:
«Не дай Боже мнѣ на Руси бывать,
«Ни дѣтямъ моимъ, ни внучатамъ,
«Ни внучатамъ, ни правнучатамъ!»

ОДИНЪ.

— И по дѣломъ ему! Знай нашихъ! Знай князь-Иванъ Петровича!

ГУСЛЯРЪ — заканчиваетъ.

«Слава на небѣ солнцу высокому!
«Слава на землѣ Иванъ Петровичу!
«Слава всему народу христіанскому!»

ОДИНЪ.

— Слава, во истину слава! Вотъ утѣшилъ, добрый человѣкъ!

ДРУГОЙ.

— Воздалъ честь кому честь подобаетъ! Кладетъ ему деньги въ шапку. Нà тебѣ, добрый человѣкъ!

ВСѢ.

— Прими-жъ и отъ насъ! И отъ меня! И отъ меня!

Всѣ бросаютъ деньги въ шапку гусляра.

ОДИНЪ.

— Братцы, смотри, кто это сюда скачетъ?

ДРУГОЙ.

— Ишь какъ плетью жаритъ коня! Должно быть, гонецъ!

ГОНЕЦЪ — верхомъ.

— Мѣсто! Мѣсто! Раздайтесь на мосту!

ПОСАДСКІЙ.

— Эй, другъ, откуда? Съ чѣмъ ѣдешь?

ГОНЕЦЪ.

— Отъ Тѣшлова! Татары Оку перешли, на Москву идутъ! Мѣсто! Мѣсто!

Всѣ раздаются. — Гонецъ скачетъ пó-мосту въ городъ.

ОДИНЪ.

— Ишь, притча какая! Чай скоро подступятъ!

ЖЕНЩИНА — голоситъ.

— Ой, Господи-свѣты! Ой, батюшки-мои! Опять выжгутъ наши слободы!

ТРЕТІЙ.

— Ну, расхныкалась! Нѣшто мы не видывали ихъ! А князь-то Иванъ Петровичъ на-что̀?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— Король-то, небось, почище татаръ, а и тотъ отъ Иванъ Петровича, поджамши хвостъ, убѣжалъ!

ТРЕТІЙ.

— Не родился еще тотъ, кто-бы сломилъ Иванъ Петровича!

КУРЮКОВЪ — выступаетъ впередъ.

— Родился, православные, родился! Родился онъ окаянный! Сломилъ онъ Иванъ-Петровича! Сковалъ его, свѣта нашего! По рукамъ и по ногамъ сковалъ!

НАРОДЪ.

— Что̀ ты, дѣдушка, Господь съ тобой! Кто смѣловалъ обидѣть Иванъ-Петровича!

КУРЮКОВЪ.

— Годуновъ, православные, Годуновъ! Годуновъ хочетъ извести его! Сейчасъ его, отца нашего, въ слободскую тюрьму поведутъ, здѣсь по̀-мосту поведутъ! Шумъ и говоръ въ народѣ. Вспомяните, дѣтушки, кто всегда стоялъ за васъ! Кто васъ отъ лихихъ судей боронилъ? Отъ старостъ и воеводъ? Отъ приставовъ и отъ цѣловальниковъ? Кто не пустилъ короля на Москву? Кто татаръ столько разъ отгонялъ? Шуйскіе стояли за насъ, православные! Да есть-ли на цѣломъ свѣтѣ супротивъ Шуйскихъ? А

къ кому нонѣ примкнулись князья и бояре, нашему ворогу, Годунову, отпоръ дать? Пропадемъ мы безъ Шуйскихъ, дѣтушки!

ГОЛОСА ВЪ НАРОДѢ.

— Не дадимъ въ обиду Шуйскихъ! Не дадимъ въ обиду отца нашего, князь-Иванъ Петровича!

КУРЮКОВЪ.

— Такъ отобьемъ-же его у Годунова, православные, да на рукахъ домой понесемъ!

НАРОДЪ.

— Отобьемъ!

КУРЮКОВЪ.

— Постоимъ за Шуйскихъ, какъ при Ѳлёнѣ Васильевнѣ стояли! Вотъ онъ, православные! Вотъ онъ, отецъ нашъ, Иванъ Петровичъ! Вотъ онъ, съ братьями, въ кандалахъ идетъ!

Изъ городскихъ воротъ выѣзжаютъ бубенщики. За ними ѣдетъ КН. ТУРЕНИНЪ. За Туренинымъ стрѣльцы ведутъ КН. ИВАНА ПЕТРОВИЧА и другихъ ШУЙСКИХЪ (кромѣ Василья) въ кандалахъ.

ТУРЕНИНЪ — къ народу.

— Раздайтесь на мосту! Чтò дорогу загородили!

КУРЮКОВЪ.

— Батюшка, князь Иванъ Петровичъ! Говорилъ я тебѣ не мирись! Говорилъ, родимый, не мирись съ Годуновымъ!

НАРОДЪ.

— Правое твое дѣло, Иванъ Петровичъ, а мы за тебя!

ТУРЕНИНЪ.

— Раздайтесь, смерды! По царскому указу Шуйскихъ въ тюрьму ведемъ!

НАРОДЪ.

— По царскому? Не правда! По Годунова указу!

ТУРЕНИНЪ — къ стрѣльцамъ.

— Разогнать народъ!

КУРЮКОВЪ.

— Стойте дружно, православные! Кричите: Шуйскіе живутъ!

НАРОДЪ.

— Шуйскіе живутъ! Выручимъ отца нашего!

КУРЮКОВЪ.

— Ну, теперь за мной, какъ при Оленѣ Васильевнѣ! Шуйскіе! Шуйскіе!

Бросается съ бердышемъ на стрѣльцовъ.

НАРОДЪ — бросаясь за нимъ.

— Шуйскіе! Шуйскіе!

ТУРЕНИНЪ — къ стрѣльцамъ.

— Руби воровъ! Кидай ихъ въ воду!

Свалка.

КУРЮКОВЪ — падая съ моста.

— Шуйскіе! — Господи пріими мою душу!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

— Смирно, дѣтушки! Слушайте меня!

НАРОДЪ.

— Отецъ ты нашъ! Не дадимъ тебя въ обиду!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

— Слушайте, меня дѣтушки, разойдитесь! То во истину царская воля! Не губите головъ вашихъ!

ТУРЕНИНЪ.

— Впередъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

— Погоди, князь, дай послѣднее слово къ народу сказать. Простите, московскіе люди, не поминайте лихомъ! Стояли мы за васъ до конца, да не далъ Богъ удачи; новые порядки начинаются. Покоритесь-же волѣ Божіей, слушайтесь царскихъ указовъ, не подымайтесь на Годунова. Теперь не-съ-кѣмъ вамъ идти на него, и некому будетъ отстаивать васъ. А терплю я за вину мою, въ чемъ грѣшонъ, за то и терплю. Не въ томъ грѣшонъ, что съ Годуновымъ спорилъ, а въ томъ, что кривымъ путемъ пошелъ, хотѣлъ царицу съ царемъ развести. А потомъ и хуже того учинилъ, на самого царя поднялся! Онъ — святой царь, дѣтушки, онъ — отъ Бога царь, и царица его святая. Дай имъ, Господи, много лѣтъ здравствовать!

Къ Туренину.

Ну, теперь, князь, идемъ. Простите, московскіе люди!

НАРОДЪ.

— Батюшка! Отецъ нашъ! На кого ты насъ, сиротъ, покидаешь!

ТУРЕНИНЪ.

— Бейте въ бубны!

Бубенщики бьютъ въ бубны. — Народъ разступается. — ШУЙСКИХЪ проводятъ черезъ сцену.—Изъ городскихъ воротъ выбѣгаетъ ШАХОВСКОЙ, безъ шапки, въ одной рукѣ сабля, въ другой пистолетъ. — За нимъ КРАСИЛЬНИКОВЪ и ГОЛУБЬ съ рогатинами.

ШАХОВСКОЙ — внѣ себя.

— Гдѣ князь Иванъ Петровичъ?

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

— А на что̀ тебѣ? Выручать, что̀-ли? Опоздалъ, бояринъ!

ДРУГОЙ — указывая за сцену.

— Эвотъ, сейчасъ тюремныя ворота за нимъ захлопнулись!

ШАХОВСКОЙ.

— Такъ за мной, люди! Раскидаемъ тюрьму по бревнамъ!

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

— Чего, ребята, задумались? Аль не знаете насъ?

ГОЛУБЬ.

— Это князь Шаховской, а насъ вы знаете!

ГОВОРЪ ВЪ НАРОДѢ.

— А чтò-жъ, братцы! И въ самомъ дѣлѣ! Насъ-то много, какъ не выручить! Идемъ, чтò-ли, за княземъ?

ШАХОВСКОЙ.

— Къ тюрьмѣ, ребята! Шуйскіе живутъ!

НАРОДЪ.

— Шуйскіе! Шуйскіе!

Всѣ бѣгутъ за ШАХОВСКИМЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Покой въ царскомъ теремѣ.

ГОДУНОВЪ и КЛЕШНИНЪ.

ГОДУНОВЪ.

Сторонники захвачены-ли Шуйскихъ?

КЛЕШНИНЪ.

Быкасовы, Урусовы князья,
И Татевы, и Колычевы всѣ
Уже сидятъ. Не удалось накрыть лишь
Головина — пропалъ, какъ не бывало!
Мстиславскаго-жъ ты трогать не велѣлъ.

СЛУГА — докладываетъ Годунову.

По твоему боярскому указу,
Василь-Иванычъ Шуйскій приведенъ.

ГОДУНОВЪ.

Впустить его.

Къ Клешнину.

Ты насъ однихъ оставишь.

КЛЕШНИНЪ и слуга уходятъ. — ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ входитъ.

ГОДУНОВЪ.

Здорово, князь. Мнѣ вѣдомо, что дядю
Отъ заговора воровского ты
Удерживалъ. Хвалю тебя за это.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Царю быть вѣрнымъ крестъ я цѣловалъ.

ГОДУНОВЪ.

И доводить на вороговъ на царскихъ.
Но ты на князь-Ивана не довелъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Я зналъ, бояринъ, что черезъ Старкова
Все вѣдомо тебѣ.

ГОДУНОВЪ.

А зналъ-ли ты,
Что этотъ листъ мнѣ также вѣдомъ?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Зналъ.

ГОДУНОВЪ — показывая ему бумагу.

Ты сознаешься въ подписи своей?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Не въ ней одной. Я сознаюсь, бояринъ,
Что челобитня эта мной самимъ
Затѣяна. Зачѣмъ мнѣ запираться?
Тебѣ хотѣлъ я службу сослужить:
Когда дядья въ союзъ вошли съ владыкой,
А къ нимъ Москва пристала, каждый свой
Давалъ совѣтъ: нашлися и такіе,
Что̀ въ Угличѣ признать царемъ хотѣли
Димитрія. Чтобъ отвратить бѣду,
Я предложилъ имъ эту челобитню.
Зачѣмъ ее ты не далъ намъ подать?!
Ты зналъ о ней! Царя-бъ ты подготовилъ,
Онъ насъ-бы выслушалъ, намъ отказалъ-бы,
И все-бы кончилося тихо.

ГОДУНОВЪ.

Гладко
Ты рѣчь ведешь. Я вѣрю-ли тебѣ,
Или не вѣрю — въ этомъ нѣтъ нужды.
Ты человѣкъ смышленый; ты ужъ понялъ,

Что провести меня не такъ легко,
И что со мной довольно трудно спорить.
Въ моихъ рукахъ ты. Но не буду трогать
За прошлое тебя, и обѣщаній
Не требую на будущее время.
Какъ прибыльнѣй тебѣ: со мной-ли быть,
Иль на меня идти — объ этомъ ты
Разсудишь самъ. Подумай на досугѣ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Борисъ Өеодорычъ! О чемъ мнѣ думать?
Я твой слуга!

ГОДУНОВЪ.

Мы поняли другъ друга.
Прости-жъ теперь, на дѣлѣ я увижу,
Ты искренно-ли говорилъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ уходитъ.

СЛУГА — докладываетъ.

Бояринъ,
Царица къ милости твоей идетъ!

Входитъ ИРИНА, въ сопровожденіи нѣсколькихъ боярынь. ГОДУНОВЪ опускается передъ ней на колѣни.

ГОДУНОВЪ.

Великая царица — я не ждалъ
Прихода твоего —

ИРИНА — къ боярынямъ.

Оставьте насъ.

Боярыни уходятъ.

Братъ, не тебѣ — мнѣ на колѣняхъ быть
Предъ тобой приходится!

ГОДУНОВЪ — вставая.

Сестра,
Зачѣмъ ко мнѣ пришла ты безъ доклада?

ИРИНА.

Прости меня — мнѣ дорогъ каждый мигъ —
Тебя просить пришла я, братъ!

ГОДУНОВЪ.

О чемъ?

ИРИНА.

Ужели ты погубишь князь-Ивана?

ГОДУНОВЪ.

Въ своей измѣнѣ самъ сознался онъ.

ИРИНА.

Онъ въ ней раскаялся! Его мы слову
Повѣрить можемъ. Благостью царевой
Онъ побѣжденъ. Чего боишься ты?
Ужель опять ко днямъ царя Ивана,
Къ днямъ ужаса, вернуться ты-бъ хотѣлъ?
Имъ срокъ прошелъ! Не благостью-ли Ѳедоръ
Одной силёнъ? Не за нее-ли любитъ
Его народъ? А Ѳедорова сила —
Она твоя! Для самого себя
Ее беречь ты долженъ! Ею нынѣ,
Лишь ей одной, мы съ Шуйскими достигли,
Чего достичь не смогъ-бы страхомъ казни
Самъ царь Иванъ!

ГОДУНОВЪ.

Высокая гора
Былъ царь Иванъ. Изъ нѣдръ ея удары
Подземные равнину потрясали,
Иль пламенный, вдругъ вырываясь, снопъ
Съ вершины смерть и гибель слалъ на землю.
Царь Ѳедоръ не таковъ! Его-бы могъ я
Скорѣй сравнить съ проваломъ въ чистомъ полѣ.
Разсѣлины и рыхлая окрестность
Цвѣтущею травой сокрыты, но —
Вблизи отъ нихъ бродя неосторожно,

Скользитъ въ обрывъ и стадо и пастухъ.
Повѣрье есть такое въ нашихъ селахъ,
Что церковь въ землю нѣкогда ушла,
На мѣстѣ-жъ томъ образовалась яма;
Церковищемъ народъ ее зоветъ,
И ходитъ слухъ, что, въ тихую погоду,
Во глубинѣ звонятъ колокола
И клирное въ ней пѣнье раздается.
Такимъ святымъ, но ненадежнымъ мѣстомъ
Мнѣ Θедоръ представляется. Въ душѣ,
Всегда открытой недругу и другу,
Живетъ любовь, и благость, и молитва,
И словно тихій слышится въ ней звонъ.
Но для чего вся благость и вся святость,
Коль нѣтъ на нихъ опоры никакой!
Семь лѣтъ прошло, что надъ землею русской,
Какъ Божій гнѣвъ, пронесся царь Иванъ.
Семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, кладя за камнемъ камень,
Съ трудомъ великимъ зданіе я строю,
Тотъ свѣтлый храмъ, ту мощную державу,
Ту новую, разумную ту Русь, —
Русь, о которой мысля непрестанно,
Безсонныя я ночи провожу.
Напрасно все! Я строю надъ проваломъ!
Въ единый мигъ все можетъ обратиться
Въ развалины. Лишь стоитъ захотѣть
Послѣднему, ничтожному врагу —
И онъ къ себѣ царево склонитъ сердце,
И мной въ него вложенное хотѣнье
Онъ измѣнитъ. Враговъ-же у меня
Не мало есть — не всѣ они ничтожны —
Ты наглость знаешь дерзкую Нагихъ,
Ты знаешь Шуйскихъ нравъ неукротимый —
Не прерывай меня — я Шуйскихъ чту —
Но доблесть ихъ тупа и близорука,
Избитою тропой они идутъ,
Со стариной сковало ихъ преданье —
И при такомъ царѣ, каковъ царь Θедоръ,
Имъ мѣста нѣтъ, быть мѣста не должно!

ИРИНА.

Ты правъ, Борисъ, тебѣ помѣхой долго

Былъ князь Иванъ; но ты ужъ торжествуешь;
Его вина, которой нынѣ самъ
Стыдится онъ, порукой намъ, что нѣтъ
У Ѳедора слуги вѣрнѣе!

ГОДУНОВЪ.

Вѣрю;
Онъ вновь уже не встанетъ мятежемъ,
Измѣной болѣ царскаго престола
Не потрясетъ — но думаешь-ли ты
Перечить мнѣ онъ также отказался?

ИРИНА.

Ты поборолъ его, тобой онъ сломанъ;
Въ темницѣ онъ; ужели мщенья ты
Послушаешь?

ГОДУНОВЪ.

Я мщенія не знаю;
Не слушаю ни дружбы, ни вражды;
Передъ собой мое лишь вижу дѣло,
И не своихъ, но дѣла моего
Гублю враговъ.

ИРИНА.

Подумай о его
Заслугахъ, братъ!

ГОДУНОВЪ.

За нихъ пріялъ онъ честь.

ИРИНА.

Къ стѣнамъ Москвы съ ордою подступаетъ
Ногайскій ханъ. Кто дастъ ему отпоръ?

ГОДУНОВЪ.

Не въ первый разъ Москва увидитъ хана.

ИРИНА.

Отъ Шуйскаго отъ одного она
Спасенья ждетъ.

ГОДУНОВЪ.

Она слѣпа сегодня
Какъ и всегда. Опаснѣе, чѣмъ ханъ,
Кто въ самомъ сердцѣ царства подрываетъ
Его покой; кто плеveломъ стариннымъ
Не устаетъ упорно заглушать
Величья новаго посѣвъ. Ирина!
Въ тебѣ привыкъ я умъ высокій чтить
И свѣтлый взглядъ, которому доступны
Дѣла правленья. Не давай его
Ты жалости не дѣльной помрачать!
Я на тебя разсчитывалъ, Ирина!
Доселѣ ты противницей моею
Скорѣе, чѣмъ опорою была;
Ты думала, что Өедоръ государить
Самъ по себѣ научится; тебѣ
Внутри души казалося обиднымъ,
Что мною онъ руководимъ; но ты
Его безсилье видишь. Будь-же нынѣ
Помощницей, а не помѣхой мнѣ.
Не даромъ ты приставлена отъ Бога
Ко слабому царю. Отвѣтъ тяжелый
Есть на тебѣ. Ты быть должна царицей —
Не женщиной! Ты Өедора должна
Склонить теперь, чтобъ отказался онъ
Отъ всякаго вступательства за Шуйскихъ!

ИРИНА.

Когда-бъ могла я думать, что нужна
Погибель ихъ для блага государства,
Быть можетъ, я въ себѣ нашла-бы силу
Рыданье сердца подавить; но я
Не вѣрю, братъ, не вѣрю, чтобы дѣло
Кровавое пошло для царства въ прокъ,
Не вѣрю я, чтобъ самъ ты этимъ дѣломъ
Сильнѣе сталъ. Нѣтъ, тяжкимъ на тебя
Оно укоромъ ляжетъ! Помогать

Избави Богъ тебѣ! Нѣтъ, я надѣюсь
На Ѳедора!

ГОДУНОВЪ.

Со мною хочешь снова
Ты врозь идти?

ИРИНА.

Пути различны наши.

ГОДУНОВЪ.

Прійдетъ пора, и ты поймешь, Ирина,
Что намъ одинъ съ тобою путь.

Отворяетъ дверь и говоритъ за кулисы.

Царица
Зоветъ своихъ боярынь!

Боярыни входятъ.

ИРИНА.

Братъ, прости!

ГОДУНОВЪ — съ низкимъ поклономъ.

Прости меня, великая царица!

Площадь передъ Архангельскимъ соборомъ.

Нищіе толпятся у входа. — Въ глубинѣ сцены видѣнъ народъ.

ОДИНЪ НИЩІЙ.

— Скоро-ль выйдетъ царь?

СЛѢПОЙ.

— Слышишь, панихиду служатъ по покойномъ государѣ; ужъ вѣчную память пропѣли; должно быть, сейчасъ выйдетъ.

ДРУГОЙ НИЩІЙ.

— А кто служитъ панихиду-то?

СЛѢПОЙ.

— Іовъ служитъ Ростовскій. Его, слышно, и въ митрополиты поставятъ, а владыку сведутъ.

ПЕРВЫЙ НИЩІЙ.

— Діонисія-то сведутъ?

СЛѢПОЙ.

— Да, сведутъ. И Діонисія и Варлаама Крутицкаго сведутъ. Годунову, вишь, неугодны стали, за Шуйскихъ вступались!

ЧЕТВЕРТЫЙ — на костыляхъ, протѣсняется впередъ.

— Братіе! Слышали что̀ на Красной площади дѣется?

СЛѢПОЙ.

— А чему тамъ дѣяться?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— Купцамъ головы сѣкутъ!

ПЕРВЫЙ.

— Какимъ купцамъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— Ногаевымъ! Красильникову! Голубю, отцу съ сыномъ! Еще другихъ повели!

ВСѢ.

— Господи, Твоя воля! Да за что̀-жъ это?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— За то, что за Шуйскихъ стояли. Сами-то Шуйскіе ужъ въ тюрьмѣ сидятъ!

ПЕРВЫЙ.

— Боже ихъ помилуй! А царь-то что-же?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— Годуновъ обошелъ царя!

ВСѢ.

— Мѣсто! Мѣсто! Царица идетъ!

Нищіе сторонятся. — ИРИНА подходитъ со МСТИСЛАВСКОЙ; за ней боярыни. — Стольникъ идетъ впереди и раздаетъ милостыню.

ИРИНА.

— Стой здѣсь, княжна. Выйдетъ царь, поклонись ему въ ноги и проси за дядю.

КНЯЖНА.

— Государыня-царица, награди тебя Господь, что привела ты меня!

ИРИНА.

— Не бойся, дитятко, царь милостивъ. Что-же ты такъ дрожишь? Дай, я тебѣ поднизи поправлю; и косу-то растрепала ты свою!

КНЯЖНА.

— Царица-матушка, сердце замираетъ; научи меня, какъ царю сказать?

ИРИНА.

— Какъ у тебя на-сердцѣ, такъ и скажи, дитятко. Гдѣ женихъ твой? Ему-бы теперь съ тобою быть!

КНЯЖНА.

— Не видала я его, царица, съ той самой ночи, съ того часа, какъ —

Закрываетъ лицо и рыдаетъ.

ИРИНА.

— Бѣдная ты! И ему-то каково! Чай, теперь умереть-бы радъ, чтобы свое дѣло поправить!

КНЯЖНА.

— Воздай тебѣ Матерь Божія, что жалѣешь ты насъ!

Трезвонъ во всѣ колокола. Бояре выходятъ изъ собора. Двое изъ нихъ раздаютъ милостыню. За ними идетъ ѲЕДОРЪ.

КНЯЖНА — вполголоса.

— Теперь, царица?

ИРИНА.

— Нѣтъ еще, подождемъ, дитятко; видишь, онъ помолиться хочетъ.

ѲЕДОРЪ — становится на колѣни, лицомъ къ собору.

Царь-батюшка! Ты, столькимъ покаяньемъ,
Раскаяньемъ и мукой искупившій
Свои грѣхи! Ты, съ Богомъ нынѣ сущій!
Ты царствовать умѣлъ! Наставь меня!
Вдохни въ меня твоей частицу силы,
И быть царемъ меня ты научи!

Встаетъ и хочетъ идти.

ИРИНА — ко Мстиславской.

Княжна, теперь!

КНЯЖНА — бросается въ ноги Ѳедору.

Царь-государь, помилуй!

ѲЕДОРЪ.

Чего тебѣ, боярышня? Встань, встань!

КНЯЖНА.

Помилуй дядю моего!

ѲЕДОРЪ

Кто ты?
Кто дядя твой?

КНЯЖНА.

Иванъ Петровичъ Шуйскій!

ѲЕДОРЪ.

Такъ ты княжна Мстиславская? Да, да,
Я узнаю тебя!

ИРИНА — становится на колѣни.

Свѣтъ-государь!
Она тебя со мною вмѣстѣ молитъ.
За князь-Иванъ Петровича!

ѲЕДОРЪ.

Арина,
Чтò ты, Арина? Встань! Вставайте обѣ!
Я князь-Иванъ Петровича прощу,
Но надобно, чтобы въ тюрьмѣ немного
Онъ посидѣлъ!

ИРИНА.

Свѣтъ-государь, прости
Его теперь! Пошли за нимъ сейчасъ-же!
Вели ему оборонять Москву,
Какъ нѣкогда онъ Псковъ оборонялъ!

ѲЕДОРЪ.

Ну, хорошо, Арина, я и самъ
Хотѣлъ послать за нимъ — немного позже
Хотѣлъ послать — но для тебя, Арина,
Пошлю сейчасъ.

Къ Годунову.

Борисъ, пошли за нимъ!

ГОДУНОВЪ.

Великій царь, ты самъ-же намъ дозволилъ
Начать сперва надъ Шуйскими допросъ.
Онъ начался —

ѲЕДОРЪ.

Онъ долженъ прекратиться.

ГОДУНОВЪ.

Но, государь —

ѲЕДОРЪ.

Ты слышалъ мой приказъ?

ГОДУНОВЪ.

Великій царь —

ѲЕДОРЪ.

Не во-время ты вздумалъ
Перечить мнѣ. Отъ нынѣшняго дня
Я буду царь. Совѣты всѣ и думы
Я слушать радъ, но только слушать ихъ —
Не слушаться! Гдѣ приставъ князь-Ивана?
Гдѣ князь Туренинъ?

КЛЕШНИНЪ.

Эвотъ, онъ идетъ!

Подходитъ ТУРЕНИНЪ.

ѲЕДОРЪ — къ Туренину.

Сейчасъ всѣхъ Шуйскихъ свободить! Ивана-жъ
Петровича ко мнѣ прислать!

Туренинъ не трогается съ мѣста.

ѲЕДОРЪ.

Ты слышишь?
Чего ты ждешь?

ТУРЕНИНЪ.

Великій царь —

ѲЕДОРЪ.

Какъ смѣешь
Еще стоять ты предо мной, когда
Тебя я шлю!

ТУРЕНИНЪ.

Великій государь —
Не властенъ я твою исполнить волю....
Иванъ Петровичъ —

ѲЕДОРЪ.

Ну?

ТУРЕНИНЪ.

Онъ сею ночью —

ѲЕДОРЪ.

Что̀ — сею ночью? Говори! Ну, что̀?

ТУРЕНИНЪ.

Онъ сею ночью пѐтлей удавился!

КНЯЖНА.

Святая Матерь Божья!

ТУРЕНИНЪ.

Государь,
Въ томъ виноваты, что не досмотрѣли;
Мы береглися, какъ народъ его-бы
Не свободилъ; вчера толпу отбили;
Привелъ ее съ купцами Шаховской,
Да кабы я не застрѣлилъ его,
Вломились-бы!

Княжна падаетъ въ обморокъ.

ѲЕДОРЪ — смотритъ страшно на Туренина.

Князь Шуйскій удавился?
Иванъ Петровичъ? Лжешь! Не удавился —
Удавленъ онъ!

Хватаетъ Туренина обѣими руками за-воротъ.

Ты удавилъ его!
Убійца! Звѣрь!

Къ Годунову.

Ты вѣдалъ это?

ГОДУНОВЪ.

Богъ
Свидѣтель мнѣ — не вѣдалъ.

ѲЕДОРЪ.

Палачей!
Поставить плаху здѣсь, передъ крыльцомъ!
Здѣсь, предо мной! Сейчасъ! Я слишкомъ долго
Мирволилъ вамъ! Пришла пора мнѣ вспомнить
Чья кровь во мнѣ! Не вдругъ отецъ покойный
Сталъ грознымъ государемъ! Чрезъ окольныхъ
Онъ грозенъ сталъ — вы вспомните его!

ГОНЕЦЪ, весь запыленный, съ грамотой въ рукахъ, поспѣшно подходитъ къ ГОДУНОВУ.

ГОНЕЦЪ.

Изъ Углича, боярину Борису
Ѳеодорычу Годунову!

ѲЕДОРЪ — вырывая грамоту у гонца.

Дай!
Когда самъ царь стоитъ передъ тобой,
Такъ нѣту здѣсь боярина Бориса!

Глядитъ въ грамоту и начинаетъ дрожать.

Аринушка — мое неясно зрѣнье —
Не вижу я — мнѣ кажется, я что-то
Не такъ прочелъ — въ глазахъ моихъ рябитъ —
Прочти ты лучше!

ИРИНА — взглянувъ въ грамоту.

Боже милосердый!

ѲЕДОРЪ.

Чтò тамъ, Арина? Чтò?

ИРИНА.

Царевичъ Дмитрій —

ѲЕДОРЪ.

Упалъ на ножъ? И закололся? Такъ-ли?

ИРИНА.

Такъ, Ѳедоръ, такъ!

ѲЕДОРЪ.

Въ падучемъ онъ недугѣ
Упалъ на ножъ? Да точно-ль такъ, Арина?
Ты, можетъ быть, не такъ прочла — дай листъ!

Смотритъ въ грамоту и роняетъ ее изъ рукъ.

До смерти — да — до смерти закололся!
Не вѣрится! Не сонъ-ли это все?
Братъ Дмитрій мнѣ замѣсто сына былъ —
У насъ съ тобой вѣдь нѣтъ дѣтей, Арина?

ИРИНА.

Всю Русь Господь бѣдою посѣтилъ!

ѲЕДОРЪ.

Его любилъ какъ сына я — его —
Хотѣлъ къ себѣ я взять, но тамъ оставилъ —
Тамъ, въ Угличѣ. — Иванъ Петровичъ Шуйскій
Мнѣ говорилъ не оставлять его!
Чтò скажетъ онъ теперь? Ахъ, да-бишь! Онъ
Ужъ ничего не скажетъ — онъ удавленъ!

ГОДУНОВЪ — который, между тѣмъ, поднялъ и прочелъ грамоту.

Великій царь —

ѲЕДОРЪ.

Ты, кажется, сказалъ:
Онъ удавился? Митя-жъ закололся?
Арина — а? Что̀, если —

ГОДУНОВЪ.

Государь,
Тебѣ сейчасъ отправить въ Угличъ надо
Кого-нибудь....

ѲЕДОРЪ.

Зачѣмъ? Я самъ отправлюсь!
Я самъ хочу увидѣть Митю! Самъ!
Я никому не вѣрю!

РАТНИКЪ подходитъ къ Годунову.

РАТНИКЪ.

По дорогѣ
Серпуховской дымы сторожевые
Виднѣются!

ГОДУНОВЪ.

Великій государь,
То ханъ идетъ. Чрезъ нѣсколько часовъ
Его полки Москву обложатъ. Ѣхать
Не можешь ты теперь.

КЛЕШНИНЪ.

Царь-государь,
Пошли меня, холопа твоего!
Я, батюшка, хоть простъ, а что̀ увижу,
То и скажу!

ГОДУНОВЪ.

А розыскъ учинить

Объ этомъ дѣлѣ могъ-бы князь Василій
Иванычъ Шуйскій. Пусть поѣдутъ оба
И разберутъ, чьей въ Угличѣ виной
Бѣда случилась!

ѲЕДОРЪ — съ недоумѣніемъ.

Вправду? Вправду хочешь
Послать ты въ Угличъ Шуйскаго, Василья?
Послать племянника того, кого ты —
Кого они сегодня ночью —

Бросается Годунову на шею.

Шуринъ!
Прости меня! Я грѣшенъ предъ тобой!
Прости меня — мои смѣшались мысли —
Я путаюсь — я правду отъ неправды
Не отличу! Аринушка моя,
Поди ко мнѣ. Петровичъ, поѣзжай
Со князь-Васильемъ. Князь Василій—что̀-бишь
Тебѣ хотѣлъ сказать я? Позабылъ!
Да, вотъ что̀: я послалъ на той недѣли
Игрушекъ Митѣ —

Рыдаетъ.

Я хотѣлъ бы знать,
Успѣлъ-ли онъ —

КНЯЖНА — которую подводятъ боярыни.

Женихъ застрѣленъ — дядя
Въ тюрьмѣ удавленъ —

ИРИНА.

Дитятко, тебя
Къ себѣ возьму я, будешь ты отнынѣ
Мнѣ вмѣсто дочери!

КНЯЖНА.

Царица, я
Постричься бы хотѣла....

ѲЕДОРЪ.

Да, княжна,

Да, постригись! Уйди, уйди отъ міра!
Въ немъ правды нѣтъ! Я отъ него и самъ-бы
Хотѣлъ уйти — мнѣ страшно въ немъ — Арина —
Спаси меня, Арина!

Боярыни уводятъ КНЯЖНУ.

ИРИНА.

Свѣтъ мой, Ѳедоръ,
Въ молитвѣ мы у Бога утѣшенья
Должны просить!

ѲЕДОРЪ.

Въ молитвѣ? Да, Арина!
Я въ монастырь пойду, молиться буду —
Посхимлюсь тамъ —

ИРИНА.

Нельзя тебѣ, свѣтъ-Ѳедоръ!
Вѣнецъ наслѣдный некому тебѣ
Твой передать.

ѲЕДОРЪ.

Да, я послѣдній въ родѣ —
Послѣдній я. Что̀-жъ дѣлать мнѣ, Арина?

ИРИНА.

Свѣтъ-государь, нѣтъ выбора тебѣ;
Одинъ Борисъ лишь царствомъ править можетъ,
Лишь онъ одинъ. Оставь на немъ одномъ
Правленія всю тягость и отвѣтъ!

ѲЕДОРЪ.

Такъ, такъ, Арина! не вмѣшаюсь болѣ
Я ни во что̀!

ГОДУНОВЪ — тихо къ Иринѣ.

Пути сошлися наши!

ИРИНА.

О, еслибъ имъ сойтись не довелось!

Звонъ трубъ. Входитъ МСТИСЛАВСКІЙ въ бронѣ и въ шлемѣ. Оружничій Годунова приноситъ ему вооруженье.

МСТИСЛАВСКІЙ — къ Годунову.

Полки тебя, бояринъ, въ полѣ ждутъ!

ГОДУНОВЪ — вооружаясь.

Всѣ по мѣстамъ!

Бояре уходятъ.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Ты самъ-ли встрѣтить хана
Насъ поведешь?

ГОДУНОВЪ.

Бояринъ князь Мстиславскій!
Я мужъ совѣта, ты-же мужъ войны!
Отнынѣ будь верховнымъ воеводой —
За честь Руси, какъ вождь, веди насъ въ бой —
Я-жъ слѣдую, какъ ратникъ, за тобой!

Уходитъ со Мстиславскимъ. Народъ бѣжитъ за ними. На сценѣ остаются только ѲЕДОРЪ, ИРИНА и нищіе.

ѲЕДОРЪ.

Бездѣтны мы съ тобой, Арина, стали!
Моей виной лишились брата мы!
Князей варяжскихъ царствующей вѣтви
Послѣдній я потомокъ. Родъ мой вмѣстѣ
Со мной умретъ. Когда-бы князь Иванъ
Петровичъ Шуйскій живъ былъ, я-бъ ему
Мой завѣщалъ престолъ; теперь-же онъ
Богъ-вѣсть кому достанется! Моею,
Моей виной случилось все! А я —
Хотѣлъ добра, Арина! Я хотѣлъ
Всѣхъ согласить, все сгладить — Боже, Боже!
За что̀ меня поставилъ Ты царемъ!

Гр. А. К. Толстой.

17 марта 1868 г.

ГЕТМАНСТВО
ЮРІЯ ХМЕЛЬНИЦКАГО

IX *).

Послѣ Чудновской побѣды, коронный гетманъ возвратился въ Польшу, а Любомирскій двинулся въ Украину. Казаки отправились къ Корсуну. Тогда крымская орда разсѣялась по Украинѣ и начала дѣлать обычныя опустошенія. Казаки стали биться съ ними. Набравши плѣнныхъ обоего пола, татары погнали ихъ въ Крымъ, но наткнулись на запорожскій отрядъ, который подъ начальствомъ Суховія шелъ-было на помощь къ Шереметеву. Запорожцы разсѣяли татаръ и освободили плѣнниковъ. Вся Украина заволновалась. Народъ, по обычной ненависти къ ляхамъ, отвращался отъ мысли подчиниться вновь Польшѣ; много было нелюбившихъ и «москалей», послѣ того, какъ случались отъ ратныхъ людей насилія и оскорбленія. Къ довершенію горя народнаго, въ 1660 году была сильная засуха и не родилось хлѣба. Въ разоренной Малорусіи сдѣлалась дороговизна и голодъ. Народъ не зналъ, куда приклонить голову. Распространилась вѣсть о приближеніи страшнаго суда. Говорили, что въ слѣдующіе годы одно за другимъ постигнутъ родъ человѣческій разныя бѣдствія: въ слѣдующемъ 1661 году будетъ война на всемъ свѣтѣ, а въ слѣдующіе годы приключится землетрясеніе, потомъ потекутъ кровавыя рѣки, загорится земля по мѣстамъ, а въ 1670 году померкнетъ солнце и настанетъ день судный. По Малорусіи пошли слухи, что гдѣ-то въ вавилонскомъ царствѣ уже родился

*) См. выше т. II, стр. 485—536.

антихристъ, долженствующій предъ концомъ свѣта искушать и мучить родъ человѣческій.

При такомъ общемъ пораженіи духа, слабый Хмельницкій не зналъ, что̀ ему дѣлать—держать ли булаву, или послѣдовать своему обѣщанію, данному въ обозѣ подъ Слободищемъ. Юрій былъ по натурѣ робкаго ума, непредпріимчивой воли, грустнаго нрава и въ то же время раздражительнаго; онъ могъ переходить отъ мягкости къ суровости, отъ податливости къ упрямству, но такъ или иначе, а всегда могъ жить только чужимъ произволомъ и дѣлаться орудіемъ другихъ. Послѣ чудновскаго дѣла, нужно было держать совѣтъ съ казаками, обсудить дѣло на ра̀дѣ, мысленно оглядѣть Украину, поразмыслить, что̀ съ ней дѣлать и ка̀къ поступить. Назначена была ра̀да въ Корсу̀нѣ. Хмельницкій пригласилъ туда Бенёвскаго, конечно, надѣясь, что онъ съ своею ловкостію съумѣетъ направить толпу. Нужно было, чтобы кто нибудь говорилъ казакамъ отъ имени короля. Пока собрались всѣ полковники, сотники, прошелъ мѣсяцъ. По казацкимъ обычаямъ, нельзя было начинать ра̀ды, если хотя одинъ полковникъ не будетъ на-лицо, когда этотъ отсутствующій не дастъ за себя кому-нибудь полномочія.

Ра̀да собралась 20 ноября. Хмельницкій колебался, оставаться ли ему гетманомъ, или сложить съ себя это званіе. То заманчива была ему власть и почетъ, то страхъ бралъ верхъ надъ приманкою честолюбія. Нѣкоторые старшины и полковники, если не совѣтовали ему прямо отказаться отъ булавы, то двусмысленными намеками и холодностію показывали, что это было бы имъ по душѣ. Были люди, надѣявшіеся послѣ Юрія взять власть; были приверженцы Выговскаго. Негодовали на Юрія за то, что онъ уступилъ Москвѣ, недовольны были и за то, что онъ отрекся отъ русскаго княжества предъ поляками. Юрій не имѣлъ качествъ, внушающихъ повиновеніе. Казаки могли повиноваться только тогда, когда сознавали за своимъ начальникомъ матеріальную и нравственную силу.

Бенёвскій еще прежде совѣтовался съ Любомирскимъ, ка̀къ поступить польскому коммиссару въ томъ и другомъ случаѣ, и оба рѣшили, что надобно стараться удержать Хмельницкаго на гетманствѣ, а писаремъ назначить Тетерю, который, какъ надѣялись, за выгоды будетъ преданъ польской сторонѣ. Юрій Хмельницкій, по мнѣнію Бенёвскаго, былъ именно такой гетманъ, какого нужно было въ то время полякамъ. Имъ легче было овладѣть и легче было держать его въ рукахъ, чѣмъ кого-нибудь. Притомъ, уваженіе къ роду Хмельницкаго со стороны поляковъ могло дѣйствовать примирительно на казацкія симпатіи.

Бенёвскій, пріѣхавъ въ Корсунъ, прежде всего постарался вывѣдать у полковниковъ ихъ намѣренія, созвалъ ихъ къ себѣ, и сталъ уговаривать объ избраніи гетмана: «Юрій объявляетъ, что не хочетъ оставаться гетманомъ; если онъ будетъ упрямиться, кого вы считаете достойнымъ гетманскаго достоинства»? Ему отвѣчали: — «Пусть Юрій кладетъ булаву; объ этомъ нечего безпокоиться; у насъ уже есть такой, что̀ годится. Мы къ нему пошлемъ и тотчасъ выберемъ.»

Они говорили такимъ тономъ, какъ будто желая поддобриться къ Бенёвскому, въ предположеніи, что ему самому не хочется, чтобы Юрій былъ гетманомъ. Этотъ другой былъ — Выговскій. Но какъ ни казался преданъ Польшѣ бывшій гетманъ, какъ ни отличался въ войскѣ противъ своихъ соотечественниковъ, поляки соображали, что Выговскій хотѣлъ соединенія съ Польшею — федеративнаго; въ сущности, онъ добивался самостоятельности. Выговскій стоялъ за великое княжество русское, а Юрій отказался отъ него. Допустить Выговскаго гетманомъ, значило возбуждать вновь вопросъ о княжествѣ. Выговскій не отказался бы отъ него, сталъ бы снова требовать прежнихъ условій, ссылался бы на то, что сеймъ польскій, разъ согласившись на гадячскія статьи, не имѣлъ причины отвергать постановленнаго. Гораздо лучше было имѣть гетманомъ Юрія; при немъ о княжествѣ не было бы рѣчи, когда онъ именно отъ него отрекся.

Бенёвскій посѣтилъ Хмельницкаго и нарочно выбралъ для этого свиданія ночное время. — Для чего ваша милость хотите оставлять булаву? спрашивалъ Бенёвскій. — «Я молодъ, неопытенъ, говорилъ Юрій, да къ тому и больной — совсѣмъ неспособенъ.» Онъ страдалъ падучею болѣзнію и грыжею. По извѣстіямъ малорусскихъ лѣтописцевъ, онъ страдалъ болѣзнію половыхъ органовъ.

— Мнѣ жаль вашу милость—говорилъ Бенёвскій.—Это еще не важная причина, чтобы подвергать опасности домъ вашъ и имущество. Все это махинація этого Выговскаго. Если онъ сдѣлается гетманомъ, — васъ ожидаетъ бѣда; онъ постарается отъ васъ избавиться.

Хмельницкій сказалъ, что не думаетъ, чтобы такъ далеко простирались козни Выговскаго, и увѣрялъ, что Выговскаго не выберутъ.

— Я говорилъ съ полковниками и узналъ ихъ намѣреніе— сказалъ Бенёвскій — они мнѣ высказались, увѣряю васъ: только вы положите булаву, они непремѣнно выберутъ его, а не кого нибудь иного; спросите ихъ: они не посмѣютъ при мнѣ сказать вамъ иного въ глаза.

Хмельницкій послалъ за полковниками. Беневскій ждалъ, пока они сошлись. Еще все была ночь. Беневскій сказалъ:

— Вотъ, панове полковники, я уговариваю пана-гетмана, чтобы онъ скорѣе собралъ раду. Ожидая вашей рады, панъ маршалъ королевскій не распускаетъ кварцянаго войска, а долѣе держать его въ голодномъ краѣ невозможно. Онъ проситъ, чтобы послать къ нему обозпаго войска запорожскаго, Носача, уговориться съ нимъ, какъ войско размѣстить, чтобы оно могло стать на квартиры безъ всякой тягости для казаковъ. Да, вотъ еще я уговариваю пана-гетмана, чтобы онъ не оставлялъ булавы, не попиралъ славы отца своего; да никакъ не могу его уговорить. Я сказалъ ему, что ваши милости, паны полковники, намѣрены, если панъ Хмельницкій окончательно покинетъ булаву, выбрать не кого другого въ гетманы, какъ *оного*.

Полковниковъ видимо привела въ смущеніе такая неожиданная очная ставка. Имъ некуда было вывертываться, и они всѣ разомъ крикнули:

— Завтра пусть будетъ рада; если ты, панъ гетманъ, покинешь булаву, то намъ нельзя быть безъ гетмана, и мы тотчасъ пошлемъ къ нему и отдадимъ своихъ женъ и дѣтей въ покровительство.

— Рано утромъ, завтра, пусть будетъ рада,—сказалъ Юрій и отпустилъ полковниковъ.

Оставшись снова наединѣ съ Беневскимъ, Юрій измѣнилъ тонъ, уже не говорилъ объ отреченіи, напротивъ, показывалъ твердую рѣшимость не выпускать булавы изъ рукъ. Онъ понялъ, что бывшіе отъ полковниковъ намеки и потачки его попыткамъ кинуть гетманство исходили отъ тайныхъ козней Выговскаго. Юрій началъ сердиться на полковниковъ.

— Всѣ они люди двоедушные и измѣняли Рѣчи-Посполитой, сказалъ онъ; они затѣмъ и хотятъ такого гетмана, чтобы можно было своевольствовать.

Беневскій почелъ удобнымъ озадачить Хмельницкаго, дать ему знать, что есть причина не довѣрять и ему, и онъ долженъ дѣломъ доказать иное.

— Напротивъ, — сказалъ Беневскій, — полковники показываютъ все на тебя, пане гетмане; говорятъ, будто за тебя начинаются всѣ смуты: и Сирко, и Апостолъ, и Цыцура, и еще прежде Пушкарь, все за тебя возставали; они говорятъ, будто ваша милость послалъ къ царю Бруховецкаго съ частью своихъ сокровищъ, а родной твой дядя, Сомченко, по твоему подущенію, поднялъ бунтъ въ Переяславлѣ. Такъ про тебя полковники говорятъ.

Хмельницкій объявилъ ему, что на него клевещутъ, но, однако, кое-въ-чемъ и сознавался, стараясь извиняться молодостію. Онъ, наконецъ, сказалъ:

— Я прошу вашу милость быть мнѣ отцомъ, и ходатайствовать за меня предъ его величествомъ королемъ. Присягаю вашей милости, что буду слушать вашу милость, а дурныхъ совѣтовъ слушать не стану.

— Вашей милости одно спасеніе: быть вѣрнымъ королю и держаться ему за-полы, иначе пропадете отъ вашихъ враговъ. Не отказывайся ваша милость отъ булавы, а что ты говоришь, что молодъ и нездоровъ, такъ возьми въ писари Тетерю; онъ человѣкъ умный и преданный тебѣ, и король будетъ доволенъ, если ты его возьмешь писаремъ; этимъ получишь довѣріе и короля и всей Рѣчи-Посполитой. У Семена Остаповича Голуховскаго писарство надобно отнять, потому что онъ поставленъ царемъ, и весь, какъ есть, царскій человѣкъ. Слушайся во всемъ пана Тетери, все будетъ хорошо.

Хмельницкій только и могъ отвѣтить, что просилъ Беневскаго руководить его, какъ неопытнаго юношу.

На другой день, 20 ноября, въ гетманскомъ дворѣ собрали раду. Туда сошлись только полковники и сотники. Беневскій проговорилъ рѣчь, объявилъ, что казачество снова возвращается подъ власть законнаго короля, именемъ королевскимъ уничтожалъ всѣ распоряженія, сдѣланныя по волѣ московскаго правительства, и, не задавая вопроса объ избраніи, прямо отъ имени короля вручилъ булаву Хмельницкому.

Стоявшіе на радѣ не смѣли противорѣчить, потому что не имѣли повода. Юрій прежде былъ избранъ ими, не слагалъ съ себя достоинства, какъ того нѣкоторые хотѣли, а потому не было повода протестовать противъ поступка Беневскаго. Но не прошло дня, какъ до ушей Беневскаго начало долетать, что простые казаки волнуются. Они кричали: — «Раду собрали въ избѣ; тамъ были одни старшіе, это противъ извѣчныхъ обычаевъ; войска не допускаютъ въ раду. Старшіе замышляютъ что-то противное войску.»

Беневскій вспомнилъ несчастный исходъ гадячской коммиссіи, послѣ которой простые казаки побили знатныхъ людей, думая, что эти люди дѣйствуютъ вопреки желанію всей черни. Чтобы этого не повторилось, Беневскій нашелъ, что нужно составить «черную» раду; пусть такого состава рада приметъ договоръ съ поляками, и сверхъ того, еще нужно обязать все казачество присягою. Онъ сказалъ объ этомъ Хмельницкому и полковникамъ.

И гетманъ, и полковники возстали противъ этого. — «Да будетъ

извѣстно вашей милости, — сказалъ Хмельницкій, — что, если теперь созвать черную раду, когда въ Корсунѣ ярмарка и много народу, такъ и меня, и полковниковъ, и всю старшину, и вашу милость, панъ воевода, чернь погубитъ.»

— Я надѣюсь на Бога, — говорилъ Беневскій, — и увѣренъ, что вашъ страхъ напрасенъ. Если же не будетъ черной рады, то ничего не сдѣлается.

Хмельницкій хотѣлъ-было вооружиться противъ этого своею гетманскою властію, но Беневскій напомнилъ ему:

— А забылъ, ваша милость, что обѣщалъ меня во всемъ слушать.

Хмельницкій повиновался, досадовалъ на самого себя и вновь показалъ слабость характера; и прежде онъ просилъ Беневскаго давать ему совѣты; и теперь, попытавшись-было поставить на своемъ, снова обѣщался во всемъ поступать по совѣтамъ королевскаго коммиссара. Не только казацкіе начальники, самые поляки, бывшіе тогда съ Беневскимъ, возражали противъ намѣренія собрать черную раду. Беневскій настоялъ на своемъ, и 21 ноября, въ воскресенье, по сдѣланному Хмельницкимъ оглашенію, собрана черная рада на Корсунской площади, передъ соборною церковью св. Спаса. Хмельницкій не пошелъ туда самъ. Полковники собрались около него, и также не хотѣли идти. Пусть, говорили они, Беневскій идетъ туда самъ, когда онъ ее собралъ. Пусть попробуетъ, что ему скажетъ чернь. Они скрывали отъ Беневскаго, что намѣрены не ходить на раду, и послали къ нему извѣстить, что рада собрана, и казаки ожидаютъ королевскаго коммиссара.

Беневскій, квартировавшій далеко отъ площади, пріѣхалъ на раду въ увѣренности, что найдетъ тамъ и гетмана, и старшину, но не нашелъ никого.

Казаки, по обыкновенію, стали въ кругъ. Увидѣвъ Беневскаго, его ввели въ кругъ и посадили на скамью. Всѣ оказывали ему знаки уваженія.

— Гдѣ панъ гетманъ? спросилъ прежде всего Беневскій.

— Ваша милость на королевскомъ мѣстѣ; когда велишь послать за нимъ, онъ долженъ придти.

Беневскій послалъ за Хмельницкимъ. Онъ прибылъ. Пришли вмѣстѣ съ нимъ и полковники. Снявъ шапку, гетманъ кланялся на всѣ стороны, вступилъ въ кругъ, положилъ на землю шапку, а на нее булаву, и сказалъ, что снимаетъ съ себя гетманство. Потомъ онъ объявилъ: — «По Божіей волѣ и по вашему желанію, вы обратились къ нашему прироженому государю. Теперь, чтобы не оставались у васъ московскіе порядки, то его величество ко-

роль прислалъ къ намъ коммиссара своего, учинить между вами иной порядокъ.»

Бенёвскій произнесъ длинную рѣчь, восхвалялъ великодушіе короля, порицалъ «москалей», и окончилъ объявленіемъ всеобщей амнистіи отъ имени короля и Рѣчи-Посполитой.

Казаки крикнули:—«Слава Богу и королю нашему милостивому! Вся эта бѣда сложилась у насъ отъ старшихъ; они для своего лакомства обманывали насъ. Мы теперь будемъ вѣрны королю его милости, и хоть бы самъ батько сталъ бунтовать, такъ и батько убьемъ.»

Бенёвскій объявилъ, что все, устроенное Московскимъ государемъ, уничтожается; его милость король назначаетъ вновь начальство войску и жалуетъ въ званіе гетмана Хмельницкаго. Бенёвскій поднялъ съ земли булаву и вручилъ ее Хмельницкому. Тутъ же въ званіи обознаго, онъ утвердилъ Носача и далъ ему другую булаву, принадлежащую достоинству обознаго.

Казаки съ радостными восклицаніями приняли Хмельницкаго.

— Теперь, сказалъ Бенёвскій, принесемъ благодарность Богу, пойдемъ въ церковь, и тамъ пусть войско все присягнетъ на вѣрность его величеству королю.

— Всѣ пойдемъ присягать,—кричали казаки.

Всѣ пошли въ церковь.

Протопопъ Мужиловскій [1]) прежде всего произнесъ проповѣдь, а потомъ передъ евангеліемъ, лежащимъ на налоѣ, поставленномъ посреди церкви, казаки присягали, повторяя слова, которыя громко произносилъ писарь (dictante notario). Они отрекались отъ московскаго государя и клялись въ вѣрности польскому королю.

По выходѣ изъ церкви, Хмельницкій пригласилъ Бенёвскаго съ товарищами обѣдать. Пиръ былъ веселый и обильный. Гремѣли пушки, когда пили заздравныя чаши за короля и королеву. Подгулявшіе полковники прославляли братство съ Польшею, величали короля и особенно королеву, которой, по наущенію Бенёвскаго, приписывали заступничество за войско Запорожское передъ королемъ.—Ото мати наша!—восклицали они.

— А дивно, — замѣчали нѣкоторые, — какъ это наша чернецкая рада, да прошла такъ згодно!

Гулянка тянулась до поздней ночи.

На другой день, 22 ноября, созвали вновь раду, и Бенёвскій приказалъ прочитать привилегіи, данныя на гадячской ком-

---

[1]) Одинъ изъ замѣчательныхъ ученыхъ своего времени, знаменитый своими сочиненіями на польскомъ языкѣ въ защиту православія противъ латинства.

миссіи войску Запорожскому, но только безъ княжества русскаго. Казаки слушали чтеніе въ глубокомъ молчаніи, потомъ закричали громко:

— Вотъ, коли-бъ его милость панъ-воевода кіевскій, будучи еще у насъ гетманомъ, прочиталъ намъ такъ, и растолковалъ,— такой бы бѣды не сталось! — При этомъ Выговскій былъ помянутъ грубыми выраженіями.

Тогда люди изъ казаковъ, подученные заранѣе Беневскимъ, объявили требованіе, чтобы Семенъ Голуховскій положилъ писарскую печать, и этотъ знакъ писарскаго достоинства отданъ былъ Павлу Тетерѣ. Беневскій устроилъ такъ, что казалось, будто эта перемѣна дѣлается безъ всякаго содѣйствія съ его стороны, по добровольному желанію рады. Гетманъ, вѣрный обѣщанію слушаться во всемъ Беневскаго, присовокупилъ свое желаніе, чтобы Тетеря былъ писаремъ. Полковники не смѣли противорѣчить. Голуховскій пришелъ въ раду безъ малѣйшаго подозрѣнія, что ему устроиваютъ смѣну, и теперь это измѣненіе судьбы постигло его неожиданно. Молча положилъ онъ свою печать. Беневскій передалъ ее изъ рукъ въ руки Тетерѣ, и сказалъ, что онъ теперь писарь войска запорожскаго по волѣ гетмана и полковниковъ. По извѣстіямъ Беневскаго, и самъ Тетеря не зналъ, что на него возложатъ въ этотъ день писарскую должность. Беневскій, заранѣе задумавши удалить Голуховскаго и поставить на его мѣсто Тетерю, въ преданности котораго былъ увѣренъ, не сказалъ однако же объ этомъ самому Тетерѣ, вѣроятно для того, чтобы тотъ не проговорился прежде времени. Теперь это случилось такъ внезапно, что никому не дали одуматься. Тетеря также молча принялъ печать, какъ Голуховскій ее отдалъ. Погодя нѣсколько времени, Тетеря сказалъ: — «Вы знаете, что я былъ у царя московскаго посломъ; въ Москвѣ я узналъ, что царь замышляетъ надъ нашею Украиною. Если въ войскѣ запорожскомъ опять явится измѣна противъ своего прироженаго государя, то я не хочу знать не только писарской печати, но и Украины.»

— Не дай Господи, — восклицали казаки, — чтобы мы подумали бунтовать и къ царю склоняться. Ты, панъ Тетеря, во всемъ наставляй молодого пана гетмана; на тебя полагаемся, тебѣ мы вручаемъ и себя, и женъ, и дѣтей, и худобу нашу.

Казаки соглашались безропотно на все, чего ни требовалъ Беневскій, что ни предлагалъ онъ. Тогда отъ лица гетмана и всего войска запорожскаго отправлены письма къ Барятинскому и Чаадаеву, а также въ Переяславль, къ тамошнему воеводѣ. Казаки побуждали ихъ выйти изъ городовъ съ московскими

полками, потому что войско запорожское со всею страною не хочетъ болѣе находиться подъ властію царя и возвращается къ своему прежнему государю, королю польскому, и къ своему отечеству, Рѣчи-Посполитой. Хмельницкій написалъ къ Сомку письмо, убѣждалъ къ покорности и грозилъ смертною казнію за непослушаніе. Разомъ съ этими письмами изданъ былъ универсалъ, объявлявшій Сомка измѣнникомъ и запрещавшій всей Украинѣ слушать его. Къ переяславцамъ написано особо воззваніе, чтобы они поднялись и вырѣзали «москалей», если послѣдніе не выйдутъ по добру-по-здорову.

Какъ полки полтавскій, прилуцкій и миргородскій открыто не хотѣли присягать Москвѣ, и объявляли себя за гетмана Хмельницкаго и за соединеніе съ Польшею, то этимъ полкамъ предписывалось дѣйствовать вмѣстѣ съ частью чигиринскаго и каневскаго, для подчиненія королю остальныхъ.

X.

На лѣвой сторонѣ Днѣпра, Сомкò услышавши, что Юрій склонился на сторону Польши, собралъ рàду изъ чиновныхъ и простыхъ казаковъ въ Переяславлѣ и уговаривалъ переяславцевъ стоять за царя. Его выбрали наказнымъ гетманомъ. Немедленно онъ отправилъ посольство въ Москву. Въ Москвѣ нѣсколько времени не знали о горькой судьбѣ Шереметева и его войска, и узнали объ этомъ прежде всего чрезъ посредство Сомка. Онъ жаловался на него, обвинялъ въ измѣнѣ, изображалъ погибель Украины и умолялъ скорѣе присылать ратную московскую силу. Нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко также не хотѣлъ признать дѣйствительность Слободищенскаго договора для Украины и стоялъ за царя. Полки прилуцкій и полтавскій упорствовали противъ Москвы. Полтавскій полковникъ Ѳедоръ Жученко явился тогда главнымъ коноводомъ противъ нея, думая, что счастіе покинуло Москву. Мѣстечки и села полтавскаго полка вооружились. Лубенскій полковникъ Шамрицкій (иначе онъ пишется Шемлцкій) и сотники полка лубенскаго, говорили: «Намъ все равно, москаль или ляхъ; кто сильнѣе, затѣмъ мы и будемъ.» Таково на лѣвой сторонѣ Днѣпра было болѣе или менѣе общее настроеніе послѣ чудновскаго пораженія; совсѣмъ не то, чтò еще недавно было при Пушкарѣ. Тогда Москва казалась сильною; теперь, послѣ свѣжаго несчастія, она мало внушала надежды на защиту; притомъ народъ въ Украинѣ познакомился покороче съ обращеніемъ великорусскихъ ратныхъ людей и успѣлъ уже натерпѣться отъ

ихъ своевольствъ. Поэтому всѣ стали сговорчивѣе по отношенію къ Польшѣ. За Полтавою и Лубнами, Роменъ, Лохвицы, Пирятинъ, Миргородъ, Гадячъ открыто объявили себя противъ царя. Украинцы хватали московскихъ ратныхъ людей и бросали въ воду. Казнь постигала малоруссовъ, которыхъ обвиняли въ склонности къ Москвѣ. Малоруссы притомъ боялись, что вотъ придутъ изъ-за Днѣпра поляки съ тамошними казаками, приведутъ еще и татаръ, и будутъ ихъ разорять, а царское войско не придетъ ихъ выручать, а потому они спѣшили на дѣлѣ показать свое расположеніе къ полякамъ, чтобы взаимно расположить ихъ къ милосердію надъ собою. Но Золотаренко и Сомкò, посреди такого волненія, оставались вѣрными царю, писали къ Ромодановскому, умоляли его поспѣшить въ Украину; Ромодановскій на эти мольбы отвѣчалъ, что ему велѣно стоять въ Сумахъ. Только то и сдѣлалъ онъ по ихъ письмамъ, что послалъ отрядъ московскихъ людей подъ Гадячъ разорять мятежныхъ казаковъ и жителей полтавскаго полка.

Поляки дожидались только морозковъ, чтобы перейти Днѣпръ. Зимою явился на лѣвомъ берегу этой рѣки отрядъ подъ начальствомъ Чарнецкаго. Съ нимъ были праваго берега казаки, подъ начальствомъ Гуляницкаго. Съ нимъ были и татары. Чарнецкій прошелъ земли полка черниговскаго, и осадилъ Козелецъ, но былъ отбитъ. Поляки опустошили сёла нѣжинскаго полка. Гуляницкій покушался-было письмами склонить нѣжинцевъ къ отступленію отъ царя, но этого ему не удалось. Сдѣлано было нападеніе на Нѣжинъ. Нѣжинцы отбились, и даже взяли въ плѣнъ кіевскаго наказнаго полковника Моляву, и послали его въ Москву. Золотаренко напрасно еще разъ просилъ помощи у Ромодановскаго. Ромодановскій отправился изъ Сумъ въ Бѣлгородъ, вмѣсто того, чтобы идти въ Украину, потому что онъ прослышалъ о нападеніи татаръ на украинныя земли московскаго государства, а товарищъ его, стольникъ Семенъ Зміевъ, посланъ былъ уже поздно. Въ переяславскомъ полку явились правобережные казаки, подъ начальствомъ Бережецкаго и Макухи. Съ ними были и татары. Городки переяславскаго полка: Березань, Барышполе, Басань, Воронковъ, Быковъ, Гоголевъ, сдались и признали государемъ польскаго короля. Но Сомкò выступилъ противъ враговъ и разбилъ ихъ. Бережецкій былъ схваченъ и повѣшенъ. Макуха успѣлъ убѣжать за Днѣпръ. Сомкò не ограничился этимъ: къ его переяславскимъ казакамъ пристали остатки, разбитаго подъ Чудновымъ, войска казацкаго и московскихъ людей; выгнавъ казацкіе и татарскіе загоны изъ своего полка, Сомкò перешелъ затѣмъ на правый берегъ Днѣпра, разбилъ

своихъ непріятелей еще и тамъ, подъ Терехтемировымъ и подъ Стайками.

Скоро послѣ того и самъ Чарнецкій оставилъ лѣвый берегъ Днѣпра, и вообще поляки не могли болѣе распространять свою власть надъ этою частью Украины, потому что ихъ войско возмутилось за неплатежъ жалованья, и пустилось въ польскія области разорять королевскія имѣнія.

По поводу измѣны Юрія, изъ Москвы послана была царская грамота объ избраніи новаго гетмана, въ присутствіи отправленнаго для этого дѣла Полтева. Но Полтевъ не могъ пробраться далѣе Нѣжина и воротился. Первые мѣсяцы 1661 года прошли въ битвахъ съ непріятелемъ, вошедшемъ въ лѣвобережную Украину, и потому нельзя было думать о рàдѣ. Притомъ же надобно было, чтобы, кромѣ переяславскаго и нѣжинскаго, другіе полки также были за одно подъ царскою рукою.

Но вотъ настроеніе умовъ лѣвобережной Украины мгновенно измѣнилось, какъ только жители почувствовали, что близко ихъ нѣтъ поляковъ съ татарами. Прилуцкій и лубенскій полковники написали къ Сомку повинную. Марта 28, прислалъ къ нему грамоту войтъ лубенскій отъ имени всѣхъ жителей города и повѣта. Въ письмѣ своемъ онъ хитрилъ и увѣрялъ, что еще давно жители хотѣли изъявить свое желаніе оставаться въ вѣрности царю. Лубенскій полковникъ поѣхалъ къ Сомку съ повинной, а войтъ и горожане просили за него въ письмѣ своемъ въ такихъ выраженіяхъ: «Покорное прошеніе о немъ приносимъ, какъ за оберегателемъ нашимъ. Смилуйся, не имѣй на него разгнѣваннаго сердца, а невинности его, яко вѣрному и правдивому слузѣ Е. Ц. В., которой и здоровье свое умаляетъ, изволь простить и милость свою показать».

Въ половинѣ апрѣля, прибылъ въ Нѣжинъ князь Ромодановскій. Тогда составилась рàда въ третье воскресенье по Пасхѣ, подъ Нѣжиномъ, въ селѣ Быковѣ, для избранія гетмана. Самъ Ромодановскій туда не поѣхалъ, а послалъ товарища своего Семена Зміева. На рàдѣ были, кромѣ Сомкà, полковники лубенскій, прилуцкій и черниговскій съ своими сотниками. Сверхъ того тамъ были и полки слободскіе (острогожскій, ахтырскій, сумскій), которые вообще не принадлежали къ гетманскому управленію, но на этотъ разъ, находясь при войскѣ Ромодановскаго, допущены были къ выбору гетмана. Переяславцы, лубенцы, прилучане, черниговцы и ахтырцы подавали голоса за Сомкà, но нѣжинцы хотѣли возвести на гетманство своего полковника Василія Золотаренко, соперника Сомкòва. Спорили и ни на чемъ не порѣшили. Наконецъ, утомившись отъ напрасныхъ споровъ, положили послать

къ царю и просить присылки изъ Москвы особаго посланца, который бы именемъ царскимъ утвердилъ гетмана. Такимъ образомъ, въ случаѣ, если произойдетъ еще разъ такое разногласіе, какое случилось въ Быковѣ, то царскій посланецъ долженъ будетъ разрѣшить его. Собственно для выбора гетмана пріѣзжалъ уже прежде Полтевъ, но онъ не могъ быть на рàдѣ, да и рàда не могла собраться; у Зміева же не было никакого наказа объ избраніи гетмана, да и у самого князя Ромодановскаго его не было. И потому-то на рàдѣ порѣшили отправить въ Москву такое посольство.

Съ этой цѣлью поѣхалъ въ Москву есаулъ Иванъ Воробей (Горобецъ) съ сотниками полковъ нѣжинскаго, черниговскаго, прилуцкаго, миргородскаго и лубенскаго. Посольство это должно было извѣстить царя о томъ, чтò случилось, и просить о присылкѣ особаго царскаго чиновнаго человѣка. Имъ поручалось также узнать царскую волю, на какомъ положеніи останется впередъ Украина. Сомкò спѣшилъ обезпечить себя, и просилъ царя наградить его за труды, такъ какъ онъ во все время послѣдней войны понесъ большія издержки и подвергъ разоренію свое послѣднее имѣніе. Пробивая себѣ дорогу къ полному гетманству, Сомкò видѣлъ, что поперегъ ему на этой дорогѣ хочетъ стать Золотаренко, и потому чернилъ его и писалъ къ думному дьяку Алмазу Иванову: — «Когда непріятель наступалъ на насъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, я не одинъ разъ писалъ къ нѣжинскому полковнику, а онъ ни намъ (переяславцамъ), ни черниговцамъ никакой помощи не давалъ и не чинилъ, и для того непріятель гдѣ хотѣлъ, тамъ ходилъ, жегъ, разорялъ по всей Украинѣ, никакихъ страховъ не ожидаючи, никого не боячись; и нынѣ тотъ же полковникъ въ нѣкакомъ изпротивленіи ходитъ и на рàду не поѣхалъ, по указу его царскаго величества». Вмѣстѣ съ тѣмъ Сомкò жаловался на Ромодановскаго, что онъ не оказалъ Малой Руси никакого заступленія, во время нахожденія враговъ изъ-за Днѣпра.

XI.

Всю весну 1661 года въ Малой Руси шло дѣло усмиренія и приведенія жителей къ подданству царю. Послѣ быковской рàды, семь тысячъ московскихъ ратныхъ людей отправилось, подъ начальствомъ Григорія Косогова, въ полтавскій полкъ. Съ нимъ пошло до двухъ тысячъ малоруссовъ. Сомкò отправился къ Остру.

Малоруссы, освободившись отъ страха со стороны поляковъ, и своихъ заднѣпровскихъ братій, теперь боялись воинскаго ра-

зоренія отъ московскихъ войскъ и спѣшили приносить повинную московскому царю, подобно тому, какъ прошлый годъ, услышавши о пораженіи Шереметева, спѣшили заявить преданность Польшѣ. Теперь мѣстечки и сёла сдавались царскимъ воеводамъ и Сомку безъ сопротивленія одно за другимъ, и признавая царскую власть, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были изъявлять желаніе признавать временнымъ гетманомъ Сомкà, приводившаго ихъ къ покорности царю. Такимъ образомъ, этотъ человѣкъ готовилъ себѣ опору, чтобы тогда, когда вновь будетъ избирательная рàда, ему можно было заявить, что народъ уже признавалъ его достойнымъ гетманскаго званія. Съ другой стороны онъ старался заслужить и у царя доброе вниманіе. Онъ покорилъ царю Остеръ, Веремѣевку, Жовнинъ, Ирклѣевъ. Войты городовъ присылали къ нему письма съ изъявленіемъ послушанія и умоляли избавить ихъ города отъ разоренія. Въ Кременчугѣ избранъ былъ полковникомъ Кирило Андріéвичъ. Онъ поддавался царю, умолялъ избавить его полкъ отъ разоренія, просилъ Сомкà, какъ тогдашняго главнаго начальника края, утвердить его въ званіи и прислать знаки полковничьяго достоинства: шестоперъ и литавры. Въ Кременчугѣ тогда въ первый разъ явился полковникъ. Кременчугъ сдѣлался временно полковымъ городомъ. Обширный полтавскій полкъ со многими мѣстечками и селами покорился тотчасъ, какъ только явился туда Косоговъ. Смѣнили Жученка; на его мѣсто избрали полковникомъ Гуджела. 19 мая, новый полковникъ явился къ Косогову съ сотниками своего полка, и билъ челомъ въ послушаніи царю. Вслѣдъ затѣмъ, бывшій полковникъ Ѳедоръ Жученко, отправился къ Ромодановскому съ повинною. Сотники полтавскаго полка просили помиловать его.

Такимъ образомъ, лѣваго берега Украина опять вся казалась вѣрною царю. Сомкò считалъ этотъ подвигъ своимъ и надѣялся, что въ Москвѣ оцѣнятъ это, и ему болѣе не будетъ препятствія сдѣлаться навсегда верховнымъ начальникомъ страны. Сомкò такъ осмѣлился, что просилъ чрезъ посланцевъ своихъ московское правительство, чтобы, во вниманіе къ большимъ расходамъ, неразлучнымъ съ гетманскою должностію, полковники давали ему всѣ доходы, подобающіе носящему полное гетманское званіе. Но, не смотря на всѣ его старанія, на всѣ его увѣренія въ преданности Москвѣ, ему не довѣряли въ царской столицѣ. Доходовъ, которыхъ онъ домогался, ему не дали, на томъ основаніи, чтобы не было изъ-за этого ссоры между полковниками; никакихъ денежныхъ милостей ему не оказали, только сказали посланцамъ, что объ уплатѣ собственныхъ его денегъ, истраченныхъ на жалованье ратнымъ людямъ, будетъ данъ указъ.

Но исполненія онъ не дождался. Московское правительство не сдѣлало даже различія между нимъ и Юріемъ Хмельницкимъ, и какъ-бы заставило Сомка̀ отвѣчать за поступки Юрія: Сомко̀ просилъ о возвращеніи брата своего Богдана Колющенка, задержаннаго въ Москвѣ на томъ основаніи, что къ Юрію посланъ Ѳеоктистъ Сухотинъ и задержанъ Юріемъ. Ясно было, что Сомко̀ оговаривали: тайнымъ врагомъ его былъ Василій Золотаренко, искавшій булавы для себя, а за Василія Золотаренко хлопоталъ протопопъ Максимъ Филимоновъ, которому довѣряли въ Москвѣ болѣе чѣмъ кому либо изъ малоруссовъ въ то время. Этого мало: пріѣхавшій къ Сомку посланецъ Ѳедоръ Протасьевъ, привезъ ему выговоръ за то, что въ грамотѣ, которую онъ посылалъ къ царю, были пропуски въ титулѣ, и, кромѣ того, ему ставили въ вину, что онъ въ своей граматѣ подписался съ *«вичемъ»* — *Іоакимъ Семеновичъ*,—тогда какъ, замѣчали ему, самые бояре пишутся безъ *«вича.»* Послѣднее, однако, прощено было Золотаренку, который подписался Василіемъ Никифоро*вичемъ*. Сомко̀ объяснялъ, что онъ человѣкъ-неграмотный [1]), а писарь у него новый; что же касается до пропусковъ въ титулѣ, то эта прописка случилась неумышленно: у писаря былъ образецъ отъ переяславскаго протопопа, образецъ былъ невѣренъ, но въ Украинѣ этого не понималъ никто.

Всего непріятнѣе для Сомко̀ должно было отозваться то, что ему теперь поручали сношеніе съ Хмельницкимъ. Въ то время, когда Сомко̀ приводилъ Украину подъ власть царя, и надѣялся за это себѣ *«нагороды»* (а вождѣленною нагородою было для него гетманство), Юрій прислалъ въ Москву Михаила Суличенка, и объяснялъ, что нереходъ на польскую сторону подъ Слободищемъ случился по неволѣ, по крайности, и присягу польскому королю онъ учинилъ по принужденію заднѣпровскихъ полковниковъ, измѣнниковъ, которые, «по ляцкому хотѣнію, ищутъ погибели всего войска запорожскаго»; Юрій просилъ не класть на него вины за это невольное отступленіе; онъ теперь за то будетъ промышлять о возвращеніи царю заднѣпровской Украины, и самъ хочетъ навсегда пребывать въ подданствѣ и послушаніи его царскаго величества. По этому-то отзыву московское правительство поручало Сомку войти съ Юріемъ, своимъ племянникомъ, въ сношеніе, убѣждать его оставаться въ вѣрности царю и обнадеживать царскою милостію. Это значило заставлять Сомка̀ работать противъ самого себя, подрывать себѣ самому возможность получить гетманское достоинство: оно уже упразднилось

[1]) Это было притворство: Сомко́ учился въ Кіевской коллегіи.

измѣною Юрія; но если Юрій получитъ царское прощеніе, то, естественно, гетманство будетъ оставлено за Юріемъ, какъ за носящимъ это званіе; притомъ отъ его гетманства ожидалась прямая польза Москвѣ, тѣмъ болѣе, что онъ привлечетъ къ царю Запорожье, гдѣ его не переставали считать гетманомъ. Сомку велѣно было выразиться въ письмѣ къ Юрію, что царь утвердитъ за нимъ въ подданствѣ городъ Гадячъ, со всѣми принадлежностями, чѣмъ владѣлъ покойный отецъ его, а если онъ захочетъ поѣхать въ Москву и видѣть царскія очи, то ему не только не будетъ воспомянуто его прежнее невольное отступленіе, но онъ обрящетъ милость, и честь и многое жалованье.

Недовѣріе къ Сомку поддерживалось въ Москвѣ получаемыми однимъ за другимъ доносами отъ Золотаренка и Максима; и потому гонцу, отправленному въ Переяславль, было поручено развѣдать— подлинно вѣренъ ли Сомкò, и нѣтъ ли въ немъ «оскорбленія и сомнѣнія», и если окажется за нимъ какая нибудь шатость, то снестись объ этомъ съ переяславскимъ воеводою, княземъ Василіемъ Волконскимъ, и извѣстить царя. Тотъ же гонецъ, который пріѣзжалъ къ Сомку съ приказаніемъ писать къ Юрію убѣжденія, и обнадеживать его царскою милостію, возилъ милостивую грамоту къ Золотаренку, постоянно оговаривавшему Сомкà. Сомко притворился, и говорилъ посланцу, что онъ надѣется, что Юрій отстанетъ отъ заднѣпровскихъ полковниковъ, и послалъ письмо къ племяннику. Гонецъ дожидался отвѣта въ Переяславлѣ. Сомко, послѣ сношеній съ Хмельницкимъ, отвѣчалъ въ своей грамотѣ къ царю, писанной отъ 21 августа: «По указу вашего царскаго величества, я писалъ къ сродичу своему Юрію Хмельницкому, и напоминалъ ему именемъ Творца Сотворителя Бога, чтобы онъ вспомнилъ отца своего и свою присягу, и пришелъ въ обращеніе и пребывалъ бы по прежнему въ вѣрности и подданствѣ царскому величеству; но я имѣю подлинную вѣдомость отъ Семена Голуховскаго, бывшаго писаря Юрія Хмельницкаго, что Юрій Хмельницкій единодушно сталъ съ «приводцами» ко всему злу; онъ моего посланца приказалъ засадить въ тюрьму, и призывалъ на помощь къ себѣ крымскаго хана. Уже ханъ съ ордою въ уманскомъ полку собирается воевать противъ царя и покорять украинскіе города лѣвой стороны Днѣпра». Въ заключеніе Сомкò просилъ прислать ратныя силы противъ покушеній Юрія. Вмѣстѣ съ царскимъ посланцемъ отправилъ онъ въ Москву самого Семена Голуховскаго.

Этотъ бывшій писарь, по снятіи съ него писарства, ѣздилъ было въ Варшаву, но былъ принятъ тамъ нерадушно: поляки считали его сторонникомъ московскаго царя, и не вѣрили его

словамъ о покорности королю. Теперь, воротившись изъ Польши, онъ прибылъ въ Москву искать милостей у царя, которому изъявилъ уже преданность во время слободищенской катастрофы. Василій Золотаренко, соперникъ Сомка, по отношенію къ Юрію, говорилъ тогда съ Сомкомъ за одно, и писалъ къ царю объ опасностяхъ со стороны Заднѣпрія, ссылаясь на Голуховскаго, которому поручилъ разсказать все подробно. Семенъ Голуховскій ѣхалъ въ царскую столицу съ тѣмъ, чтобы провести обоихъ своихъ довѣрителей.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, съ другимъ гонцемъ, Юріемъ Никифоровымъ, Сомко извѣщалъ совсѣмъ другое: Юрій дѣйствительно желаетъ отложиться отъ Польши, потому, что полковники не даютъ ему воли; Юрій писалъ къ Сомку о своемъ желаніи быть въ подданствѣ у царя. Сомко при этомъ давалъ совѣтъ держать, близъ Юрія, московскаго приближеннаго человѣка, послать на заднѣпровскую сторону великорусскихъ ратныхъ людей и занять ими города: Чигиринъ, Корсунъ, Умань, Брацлавль, Бѣлую Церковь, такъ, что если поляки задумаютъ идти на лѣвую сторону Днѣпра, то русскія войска будутъ находиться на правой у нихъ сзади; а если придется уступить заднѣпровскіе города, то слѣдуетъ прежде вывести изъ этихъ городовъ всѣхъ людей на лѣвый берегъ, а города уступить пустыми, и этою уступкою выговорить у поляковъ уступку лѣваго берега Днѣпра. Такимъ образомъ, Сомко предлагалъ въ это время то, что силою обстоятельствъ дѣйствительно случилось не такъ скоро, уже послѣ его смерти.

Въ своихъ письмахъ, отправляемыхъ въ Москву, какъ Сомко, такъ и врагъ его Золотаренко и всѣ другіе полковники безпрестанно просили о присылкѣ и прибавкѣ великорусскихъ ратныхъ людей въ Малой Руси, даже въ противномъ случаѣ грозили, что край не въ силахъ будетъ обороняться отъ поляковъ и заднѣпровскихъ казаковъ, и, въ случаѣ нападенія, отпадетъ поневолѣ отъ царя. Дѣло было въ томъ, что нравственныя силы Малой Руси чрезвычайно подорвались вслѣдствіе прошлыхъ потрясеній, неудачъ и внутреннихъ волненій; двѣ политическія партіи стояли враждебно одна противъ другой; онѣ успѣли уже раздѣлить прежде нераздѣльную Украину по теченію Днѣпра: одна, сосредоточиваясь на лѣвой сторонѣ, наклонялась къ Москвѣ,—другая, на правомъ берегу Днѣпра, къ Польшѣ; но не было вѣры въ правду и тамъ, и здѣсь, и въ сущности малоруссы не предпочитали ни ляховъ «москалямъ», ни «москалей» ляхамъ, а готовы были склоняться то сюда, то туда, смотря по наклоненію обстоятельствъ, не отъ нихъ зависѣвшихъ. Къ лѣвой сторонѣ Днѣпра была ближе

Москва, она могла скорѣе дать знать свою грозу, и потому лѣвая сторона, казалось, тянула къ Москвѣ. Но прежней народной ненависти къ Польшѣ противоположно становилось неудовольствіе противъ великоруссовъ, сильно возраставшее отъ обидъ, какія дѣлали московскіе ратные люди туземцамъ. Какъ царское войско обращалось тогда съ малоруссами, описываетъ между прочимъ въ своей жалобѣ кіевопечерской лавры архимандритъ Иннокентій Гизель, 29-го мая 1661 года. Ратные люди разорили, сожгли мѣстечко Иванковъ, принадлежащее кіевопечерской обители, подъ предлогомъ, что жители противятся царю и не даютъ корма по требованію ратныхъ царскихъ людей. 12-го іюня, три села той же обители, Михайловка, Бундаевка и Богданъ ограблены и опустошены, и жители должны были еще возить въ Кіевъ у нихъ же награбленное.—«Обиды не мало—говоритъ архимандритъ—ратные люди кіевскіе разными времены обители святой печерской починили, и описати намъ невозможно. Сіе есть многимъ извѣстно, что многіе преже вотчины и хуторы пресвятыя Богородицы отъ нихъ есть разорены, церкви разрушены, престолы спровержены, тайны пресвятыя съ сосудовъ пометаны, священники обнажены, иноки за выи связаны, жены порублены и иные на смерть побиты, и подданные наши отъ убожества и нажитковъ своихъ разорены, и иные помучены и попечены, а инымъ руки и ноги отсѣчены, прочіе же на смерть побиты. Намъ вѣдомо есть, что по изволенію начальныхъ своихъ ратные люди то чинятъ, а по нашему челобитью ихъ не наказываютъ, и управы святой не чинятъ». Случалось, ратные люди займутъ квартиру въ домѣ мѣщанина, распоряжаются его семьей и считаютъ принадлежащимъ себѣ его домъ со всѣмъ имуществомъ. По московскому обычаю наймитъ, опредѣлившійся къ хозяину безъ особаго ряда или договора, дѣлался его холопомъ, и подобнымъ образомъ московскіе люди обращали въ рабство вольныхъ малоруссовъ, а во время войнъ ратные люди брали въ плѣнъ жителей и продавали ихъ, разрозневши семьи. Въ современныхъ извѣстіяхъ сохранилась жалоба или извѣтъ второго воеводы въ Кіевѣ Чаодаева на князя Юрія Барятинскаго: такого рода неустройства и безпорядки приписываются въ ней послѣднему. По этому извѣстію, Барятинскій грабилъ малорусскія села и мѣстечки, и не щадилъ даже церквей.—«Какъ былъ въ Кіевѣ (пишетъ Чаодаевъ) бояринъ В. Б. Шереметевъ, и куды бывали посылки ратнымъ людямъ изъ Кіева въ черкасскіе города, и заказъ былъ ратнымъ людямъ крѣпкій, подъ смертною казнію, чтобы церквей Божіихъ не грабили и ничего изъ нихъ не имали, и хотя малая на кого улика бывала, и имъ за то было жестокое наказаніе; а онъ, князь Юрій, и

ратнымъ людямъ своимъ велитъ и самъ церкви грабитъ». Впрочемъ, извѣтъ Чаодаева могъ быть преувеличенъ, ибо онъ былъ въ сильной враждѣ съ Барятинскимъ, и жаловался, что послѣдній отстраняетъ его отъ дѣлъ вовсе. Между тѣмъ на этого же самаго Чаодаева жаловался переяславскій воевода князь Волконскій, что онъ посылалъ въ Переяславль изъ Кіева ратныхъ людей, и эти ратные люди дѣлали утѣсненія переяславскимъ жителямъ, попамъ, мѣщанамъ и казакамъ, били ихъ, домы ихъ ломали и жгли... При этомъ, казаки давали московскимъ людямъ припомнить, что въ прежніе годы у казаковъ съ ляхами брань сталась за то, что ляхи насильно становились въ ихъ дворахъ. Безчинство и грабежи надъ туземцами отъ ратныхъ людей были въ то время неизбѣжны, потому что московскіе ратные люди терпѣли чрезвычайную скудость. Производительность края была подорвана недавними смутами, но всего болѣе повредили теченію экономической жизни выпущенныя мѣдныя деньги, которыя причиняли тогда страшную передрягу и тревогу во всей Руси. Начальники всякаго рода, какъ только имѣли случай, вымогали у подчиненныхъ серебрянныя деньги и ефимки, принуждали брать мѣдныя деньги по цѣнѣ наравнѣ съ серебрянными; мѣдныя деньги падали, и вмѣстѣ съ тѣмъ поднимались на предметы цѣны. Какъ плохо было жить московскимъ ратнымъ людямъ въ Украинѣ—можно видѣть изъ того, что они безпрестанно бѣгали. Въ Кіевѣ, въ 1661 году, было четыре тысячи пятьсотъ человѣкъ гарнизона; изъ нихъ съ 15-го августа по 4 сентября убѣжало 103, съ 4 по 12 сентября—351 человѣкъ; изъ нихъ татаръ 204 человѣка. Причиною этому, по донесенію воеводы, была скудость большая въ съѣстныхъ запасахъ и въ конскихъ кормахъ, происходившая оттого, что запасы покупались чрезвычайно дорого на мѣдныя деньги. Понятно, что при такомъ положеніи ратные люди приходили въ отчаяніе, дисциплина потерялась, они бѣгали и неистовствовали надъ жителями. Побѣги до того усилились, что правительство не ограничивалось уже обычными наказаніями, но приказывало бѣглецовъ вѣшать. Что̀ касается до жалобъ на разграбленіе и оскверненіе церквей ратными московскими людьми, то дѣло это было возможное при множествѣ нехристіанъ въ числѣ ратныхъ людей. При малѣйшей распущенности со стороны воеводъ, они не были удерживаемы благочестивымъ страхомъ въ отношеніи христіанскихъ храмовъ, гдѣ не молились сами. Кромѣ того и самые великоруссы могли тогда не оказывать достодолжнаго уваженія къ малорусской святынѣ. То было время религіознаго волненія въ московскомъ государствѣ, породившее на грядущіе вѣка раздвоеніе церкви, а впослѣдствіи и раздробленія на секты старо-

обрядства, враждебнаго реформѣ обрядовъ, признаваемой государствомъ. Ревнители старинныхъ обрядовъ, видя въ малорусской церкви отмѣны въ богослуженіи и святопочитаніи, не только не сходныя съ своими завѣтными обычаями, но сходныя съ тѣми, какія вводились на ихъ родинѣ въ Московскомъ государствѣ, естественно, изливали свою злобу на то, что̀ ненавидѣли. Достаточно было видѣть, что малоруссъ знаменуется проклятою щепоткою, чтобъ не считать его за единовѣрнаго себѣ. Ясно, что всѣ такіе поступки не способствовали усмиренію вражды и установленію добраго согласія между туземцами и пришельцами. Не смотря однако на всю тягость, какую терпѣлъ малорусскій народъ отъ московскихъ войскъ, не смотря на непрестанныя жалобы царю и боярамъ на безчинства великорусскихъ войскъ, начальство малорусское то и дѣло что просило московское правительство о присылкѣ поболѣе ратныхъ людей изъ Московскаго государства: этимъ ясно высказывалось, что Малая Русь можетъ держаться при Московскомъ государствѣ только единственно чуждою помощію. Совсѣмъ не то было въ первые годы присоединенія: тогда казаки вмѣстѣ съ московскими людьми одерживали побѣды, тогда не они московскимъ государствомъ, а скорѣе Московское государство стало сильно ими въ борьбѣ съ Польшею. Теперь наступалъ для казачества періодъ растлѣнія и разложенія.

Многіе искали тогда себѣ счастія и возвышенія, стараясь заслужить довѣріе и милости московскаго правительства, но никому такъ не удалось, какъ извѣстному уже намъ нѣжинскому протопопу Максиму Филимоновичу, потому что никто такъ охотно не казался готовымъ попирать всякія такъ-называемыя *права и вольности*, подчинять Малую Русь московской власти и поставить ее наравнѣ съ другими старыми землями московскаго владѣнія. Въ первыхъ мѣсяцахъ 1661 года, онъ отправился въ Москву, при покровительствѣ боярина Ртищева, тамъ посвященъ былъ подъ именемъ Меѳодія въ санъ епископа Мстиславскаго и Оршанскаго, и назначенъ блюстителемъ митрополичьяго престола. Конечно, онъ надѣялся быть современемъ митрополитомъ. Діонисій, нерасположенный къ Москвѣ, не хотѣвшій ни за что посвящаться и благословляться отъ московскаго патріарха, вопреки древнимъ извѣчнымъ правамъ константинопольскаго, не признаваемъ былъ за митрополита. Меѳодія послали въ Кіевъ, дали ему на прокормленіе 6,100 р., наградили соболями и повѣрили ему сумму въ 14,000 р. на раздачу войскамъ жалованья и на устройство ямовъ. Сверхъ того онъ еще получалъ деньги для подарковъ тѣмъ, кого, по его усмотрѣнію, потребуется привлечь на московскую сторону. Пріятель его, протопопъ Си-

меонъ писалъ въ Москву: «Многіе духовные и свѣтскіе съ радостію примутъ его (Меѳодія) надѣясь его заступленіемъ многую милость Малой Руси у его царскаго пресвѣтлаго величества получить, и надѣятся на милость Божію, какъ его господина возвратятъ, вскорѣ послушаютъ совѣта и рады его заднѣпровскіе полковники.» Меѳодій получилъ порученіе отъ правительства наблюдать и надъ Сомкомъ, и надъ всѣми другими. До сихъ поръ онъ казался другомъ Золотаренка; съ нимъ за одно дѣйствовалъ онъ еще противъ Выговскаго. Теперь онъ сталъ считать Золотаренка, также какъ и Сомка, недостойнымъ гетманскаго достоинства, но оставался наружно расположеннымъ къ Золотаренку, и нѣсколько времени относился не враждебно и къ Сомку; и того и другого поджигалъ другъ на друга, а самъ вошелъ въ сношенія съ кошевымъ запорожскимъ Иваномъ Мартыновичемъ Бруховецкимъ, и старался доставить булаву ему. Въ Украинѣ рѣзко стояли одни противъ другихъ знатные и простые, городовые и низовые; Сомко̀ и Золотаренко, хотя соперники между собою, оба принадлежали къ «значнымъ»; то, за что̀ стоялъ Выговскій съ своею польскою партіею, было и ихъ цѣлію. И они хотѣли шляхетства, избраннаго сословія между казаками; люди зажиточные замыкались въ кругъ противъ черни и, не смотря на взаимныя несогласія, старались сохранить свое состояніе, обезпечить себя и получить такія права, которыя допускали бы ихъ обогащаться на счетъ громады; хотѣли управлять дѣлами Украины. Въ Запорожье, гдѣ толпились такіе, которымъ не везло почему нибудь въ Украинѣ, держались за равенство, ненавидѣли всякое возвышеніе, хотѣли, казалось, власти черни, вмѣстѣ съ тѣмъ хвалились преданностію царю, подозрѣвали и разсѣевали подозрѣніе въ измѣнѣ и склонности къ Польшѣ всѣхъ «значныхъ». Знаменитый Сирко̀, прежде заступникъ и сторонникъ молодого Хмельницкаго противъ Выговскаго, ненавидѣлъ Юрія за Слободище, не терпѣлъ и Сомка̀, обзывалъ его измѣнникомъ. Вездѣ были толки о предстоящемъ избраніи въ гетманы; отъ него всѣ ожидали или боялись того, чего желали или не желали. Выборъ Сомка̀, или Золотаренка одинаковымъ образомъ казался въ Запорожьи торжествомъ шляхетскаго направленія. Мысль о шляхетствѣ, распространяясь между городовыми казаками, невольно должна была тянуть ихъ къ Польшѣ; гадячскій договоръ отвергнутъ былъ сгоряча; прошло довольно времени, и казаки стали въ него вдумываться, и день ото дня увеличивалось число тѣхъ, которые, будучи зажиточнѣе другихъ, сожалѣли о прошедшемъ, порицали свою поспѣшность и недогадливость, и желали возвращенія потеряннаго. Казаковъ раздражало то, что не многимъ

дано было шляхетство; но послѣ чудновскаго договора, когда уничтожена статья гадячскаго договора о способѣ возвышенія въ дворянство, сторонники поляковъ стали толковать, что этимъ теперь все казацкое сословіе уравнивается въ званіи высшаго шляхетскаго достоинства. Зная, что между городовыми казаками ходятъ такіе толки, пущенные поляками, преимущественно Беневскимъ, въ Сѣчѣ составили воззваніе къ народу и разослали по городамъ. Содержаніе этого воззванія было таково: «Славное войско запорожское низовое остерегаетъ всѣхъ казаковъ, чтобы они не вѣрили измѣнничьимъ льстивымъ письмамъ. Не принимайте ихъ, братья, и не поступайте подобно безбожному Выговскому, — соединитесь съ нами единомысленно, чтобы бусурманы и ляхи не утѣшались; а буде вы для проклятаго шляхетства не захотите стать за себя, то утеряете души свои; — сами знаете, что вамъ, чернякамъ, это шляхетство ненадобно: добре знаете, что ляхи не для помощи, а для погибели вашей приходятъ къ намъ, а татары хотятъ до остатка христіанъ извести».

Запорожскіе казаки ненавидѣли вообще казаковъ городовыхъ; въ Украинѣ поспольство ихъ ненавидѣло; не любя вообще казаковъ изъ зависти, за то, что они пользуются привилегіями, которыхъ лишены посполитые, послѣдніе сочувствовали въ этомъ казакамъ запорожцамъ, которые, при случаѣ, проповѣдывали, что казачество должно быть достояніемъ всѣхъ, хотя на самомъ дѣлѣ у тѣхъ запорожцевъ, которые, говоря подобное, видѣли для себя лично возможность возвышенія надъ другими, было на умѣ другое. Въ Запорожьи издавна находили пріютъ тѣ, которые принадлежали къ посполитымъ, самовольно называли себя казаками; Запорожье казалось стремилось къ тому, чтобы весь народъ уравнять и сдѣлать казаками. Лукавый Бруховецкій, задумавъ захватить верховную власть и разбогатѣть, разсчелъ, что у него два средства къ достиженію цѣли. Надобно, съ одной стороны, потакать зависти черныхъ и бѣдныхъ противъ знатныхъ и богатыхъ, чтобы такимъ образомъ вооружить народную громаду за себя противъ своихъ соперниковъ; надобно, съ другой стороны, поддѣлаться къ московскому правительству и обѣщать ему болѣе, чѣмъ сговорились бы обѣщать Сомкò и Золотаренко. У Москвы было относительно Малой Руси завѣтное желаніе закрѣпить ее за собою, и сравнять съ прочими областями своего государства; а потому, чѣмъ болѣе какой малоруссъ оказывался помогать этимъ видамъ, тѣмъ скорѣе онъ заслуживалъ у московскаго правительства благосклонность. Такимъ образомъ, выскочилъ Меѳодій. Будучи еще протопопомъ, онъ въ своихъ пись-

махъ выражалъ желаніе не только потери вольностей, но даже уничтоженія казацкаго порядка. Москва еще не рѣшилась на это, ибо не имѣла къ тому средствъ, но Москва дорожила людьми, такъ думающими, хотѣла, чтобы ихъ было побольше на будущее время, и вотъ протопопъ сдѣланъ епископомъ-блюстителемъ, сталъ на одной ступени до митрополита, сдѣлался самымъ довѣреннымъ лицомъ у московскаго правительства. Бруховецкій разсчелъ, что надобно въ этомъ отношеніи подражать ему, держаться его, и писалъ къ нему, вѣроятно, съ тою цѣлію, чтобы его письмо читалось: — «Явная бѣда нашей бѣдной, плача достойной, умаленной отчизнѣ. Не хотимъ мы ее оборонять отъ непріятеля, а только за гетманствомъ гоняемся; паны городовые печалятся о томъ, какъ-бы прибавить новаго наслѣдника Выговскому и Хмельницкому, — и кто надѣялся такой измѣны отъ Хмельницкаго; она явна всему свѣту. А ваша святыня заговариваешь измѣнника Сомка, который пуще цыгана людей морочитъ; онъ настоящій измѣнникъ, посылаю листъ его на обличенье. Намъ не о гетманствѣ надобно стараться, а о князѣ малорусскомъ отъ его царскаго величества, на которое княжество желаю Ѳедора Михайловича (Ртищева), чтобы былъ лучшій порядокъ и всякое обереженье, чтобы служилый народъ былъ готовъ на встрѣчу непріятелямъ, а что есть подъ панами полковниками маетности и мельницы, тѣ взять на доходы войсковому скарбу, а намъ всѣми силами слѣдуетъ держаться крѣпко его царскаго величества, то и будетъ намъ славно и здорово». Само собою разумѣется, что въ Москвѣ долженъ былъ нравиться человѣкъ, который заявляетъ мысль, что лучше въ Малоруссіи желать управлять великорусса, чѣмъ избраннаго по казацкимъ правамъ гетмана. Бруховецкій зналъ, что Москва, съ ея осторожною политикою, не назначитъ великорусса управлять Малою Русью, а дастъ гетманство тому малороссу, который совѣтуетъ это сдѣлать. О Золотаренкѣ въ письмѣ къ тому же Меѳодію Бруховецкій выражался: — «Онъ напрасно хочетъ вылгать у его царскаго величества булаву; его на то не хватитъ; и прежде онъ многихъ добрыхъ людей потерялъ; не такой онъ, чтобы войско его здѣсь слушало; войско въ откупахъ не ходитъ; они (вообще «значные») научились на года табакъ откупать, а войско только за свои вольности обыкло умирать. Хотятъ (говоритъ онъ разомъ о Сомкѣ и Золотаренкѣ) быть гетманами надъ запорожскимъ войскомъ: безъ разума завидуютъ нашей луговой саломатѣ, а мы съ ними обмѣняемся на ихъ городовую. Пусть бы отвѣдали, какъ солона наша луговая саломата; напрасно только губятъ невинныя души и пустошатъ землю, и выманиваютъ жалованье его царскаго ве-

личества. Добро было бы, если бы ваша святыня изволилъ писать объ этомъ къ его царскому величеству, и извѣстить меня, чтобы я войску сказалъ, а то войско сердитуетъ, говоритъ: покуда намъ терпѣть такую неволю, что въ городахъ гетмановъ ставятъ намъ на пагубу; и прежде они ничего добраго отчизнѣ не сдѣлали. Васюта все о богатствѣ думаетъ — къ ляхамъ отвезетъ въ заплату за вольности: онъ уже и то у нихъ въ конституціи написанъ; боюсь, чтобы онъ дурнаго чего не сдѣлалъ».

Всѣ эти замѣчанія были извѣстны въ Москвѣ и располагали тамъ власть въ пользу Бруховецкаго. Князь Ромодановскій, главный начальникъ московской рати на югѣ, былъ за Бруховецкаго. Бруховецкій въ письмахъ къ Меѳодію хвалилъ его, и говорилъ: — «мы бы всѣ пропали, если бы не Ромодановскій», и это, разумѣется, доходило до Ромодановскаго и до другихъ изъ московскихъ людей, до кого нужно. Меѳодій, сошедшись съ Бруховецкимъ, работалъ въ его пользу всѣмъ своимъ вліяніемъ въ Москвѣ, велъ интригу тайно, явно до поры до времени онъ льстилъ Золотаренку и продолжалъ казаться по прежнему его другомъ. Меѳодій хотѣлъ, чтобы Золотаренко писалъ на Сомка побольше доносовъ, чтобы, такимъ образомъ, при помощи его, какъ можно болѣе заподозрить и впослѣдствіи погубить послѣдняго. Золотаренко поддавался Меѳодію во всемъ, какъ своему давнему другу, и строчилъ въ Москву на Сомка злые наговоры, также точно, какъ Сомкò писалъ на Золотаренка. Москва, давно не вѣря Сомку, не стала вѣрить и Золотаренку.

Нѣсколько времени, однако, Москва наклонялась болѣе всего къ примиренію съ Хмельницкимъ, въ надеждѣ, что многіе за Днѣпромъ, по примѣру Юрія, обратятся къ царю. Въ пользу Хмельницкаго располагалъ въ Москвѣ правительственныхъ людей бывшій писарь Семенъ Голуховскій, котораго приняли въ Москвѣ радушно, и который поэтому съ другой стороны располагалъ къ Москвѣ и Хмельницкаго и обнадеживалъ царскою милостію. Золотаренко и Сомкò ошиблись въ этомъ человѣкѣ: и тотъ и другой надѣялись, что Голуховскій будетъ за нихъ стоять, а вышло, что онъ не сталъ ни за того, ни за другого, а былъ щедръ на обѣщанія и заступался передъ царемъ за молодого гетмана. Хмельницкій получалъ отъ него изъ Москвы убѣжденія быть вѣрнымъ царю. Вѣроятно, Голуховскому принадлежитъ одно письмо, напечатанное въ т. IV «Памятниковъ» Кіевской коммиссіи, безъ имени, тѣмъ болѣе, что пишущій говоритъ о недавнемъ своемъ пребываніи у короля польскаго: «Мнѣ—пишетъ онъ—на дорогѣ и на разныхъ мѣстахъ въ это время говорили поляки, и старшины ихніе, и чернь, и духовные: ужъ мы всѣхъ казаковъ

забрали въ мѣшокъ, только еще не завязали! Поэтому надобно остерегаться поляковъ: они никогда не желали и не желаютъ добра войску запорожскому и всему народу греческой вѣры. Я, имѣя хлѣбъ и соль въ войскѣ запорожскомъ, какъ прежде совѣтовалъ, такъ и теперь совѣтую: обратитесь по прежнему къ его царскому величеству, яко ко благочестивому христіанскому монарху, помня свою присягу, заранѣе видя надъ собою ляцкую и бусурманскую хитрость». Онъ пишетъ, что царь знаетъ, что Хмельницкій измѣнилъ подъ Слободищемъ поневолѣ, что онъ тогда спѣшилъ подать помощь Шереметеву, но, по грѣхамъ, это намѣреніе не исполнилось; царь прощаетъ и предаетъ забвенію этотъ поступокъ; царь подтвердитъ всѣ вольности, дастъ вдвое. Голуховскій припоминалъ Юрію его родителя, отдавшаго царю Малую Русь, и пребывавшаго ему въ вѣрности.

XII.

Хмельницкій колебался то туда, то сюда. Съ Польшею не ладилось у него вскорѣ послѣ замиренія, какъ и слѣдовало ожидать. На него писали и доносили; его подозрѣвали въ Варшавѣ; польскіе коронные гетманы ожидали отъ него измѣны, а онъ въ письмахъ своихъ къ королю жаловался на сплетни и на клеветы, которыми его чернили въ Польшѣ. Въ Украинѣ дожидались польскаго сейма, который долженъ былъ утвердить слободищенскій договоръ. На этотъ сеймъ посланы были послы отъ войска Запорожскаго. Договоръ былъ утвержденъ. Объявлена всеобщая амнистія. Старшины за преданность Польшѣ получили привилегіи на разныя имѣнія [1]). Но отъ этого не прекратилось недовольство. Казаки жаловались, что татары, союзники поляковъ, подъ видомъ

[1]) По конституціи 1661 года, приняты съ потомствомъ обоего пола въ шляхетское званіе: брацлавскій полковникъ Михайло Зеленскій и пожалованъ селомъ Серебренымъ, въ ленное владѣніе, Павелъ. Иванъ Хмельницкій получалъ привилегію на Бугаевку и Берковъ; Исидоръ Карпенко — на Водянки; Василій и Андрей Глосинскіе на Баклику и Яслиманицу въ ленное владѣніе; Евстафій Гвовскій — на Черную Каменку въ ленное владѣніе; Иванъ Өедоровичъ Яцковскій — на мельницы въ ленное владѣніе Петръ Дорошенко, полковникъ чигиринскій, Михаилъ Ханенко, Иванъ Юрьевичъ Сербинъ, Евстафій Новаковскій, Өома Войцеховичъ, Михайло Каленковичъ, Михайло Ратковичъ, Яковъ Войцеховичъ, Михайло Попадайло, Самуилъ Пукержинскій, Семенъ Зеленскій, Александръ Доленкевичъ, Максимъ Силницкій, Иванъ Лабушный, Степанъ Холминскій, Іеремія Урошевичъ съ сыновьями, Иванъ Кравченко, иначе Бовдыновичъ (съ привилегіями на хуторы Хвастовку и Пархомовку въ ленное владѣніе), Степанъ Подуцкій, Севериненко-Косця, Евстафій Гоголь, Захарій и Христофоръ Петровичи утверждены въ дворянствѣ. (Volum. Leg. IV. 359—360; изд. Спб. 1860.)

готовности гетмана на войну противъ москвитянъ, разсыпались загонами по украинской землѣ, грабили, разоряли и уводили въ плѣнъ русскихъ жителей. Гетманъ Хмельницкій разъ десять просилъ польское правительство, чтобы послано было скорѣе коронное войско совмѣстно съ казаками и ордою на лѣвый берегъ Днѣпра, чтобы такимъ образомъ можно было отклонить орду отъ праваго берега. Не дождавшись отъ Польши войска для избавленія подвластнаго себѣ края отъ татаръ, 7-го октября 1661 г. Хмельницкій самъ заключилъ договоръ съ ханомъ Мехметъ-Гиреемъ. Ханъ обязался послать съ казаками на лѣвый берегъ свою орду, запретить дѣлать набѣги и опустошенія въ тѣхъ полкахъ, которые пойдутъ на войну, не дѣлать насилій лицамъ и имуществамъ въ тѣхъ жилыхъ мѣстностяхъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, которыя будутъ отдаваться гетману, не останавливаться болѣе трехъ дней подъ тѣми городами, которые не станутъ сдаваться, чтобы не подать татарамъ возможности разсыпаться по краю и дѣлать грабежи, не входить въ переговоры съ непріятелемъ безъ вѣдома польскаго короля, а при отступленіи въ Крымъ ордѣ воротиться по лѣвой сторонѣ Днѣпра, а не по правой.

Это были мѣры, найденныя тогда возможными, чтобы прекратить разорительное пребываніе татарскихъ ордъ на Украинѣ праваго берега. Соединившись такимъ образомъ съ татарами, Хмельницкій отправился на лѣвый берегъ Днѣпра въ октябрѣ. 21-го октября 1661 года, Хмельницкій и ханъ, перешедши Днѣпръ, стали подъ Переяславлемъ. Хмельницкій съ казацкими полками стоялъ обозомъ на Поповкѣ за рѣкою Трубежемъ. Великорусскій воевода въ Переяславлѣ, Песковъ, доносилъ впослѣдствіи царю, что у Хмельницкаго постановлялся тогда тайный договоръ съ своимъ дядею Сомкомъ; послѣдній обѣщалъ измѣнить царю, когда пойдутъ изъ-за Днѣпра польскія военныя силы подъ Переяславль; что это намѣреніе не состоялось оттого, что въ пору прибыли въ Переяславль великорусскія ратныя силы. Этому доносу нельзя, конечно, слишкомъ довѣрять, потому что тогда подобныя донесенія писались подъ вліяніемъ Сомковыхъ враговъ, которыхъ было много у наказнаго гетмана. Сомкò съѣзжался съ своимъ племянникомъ на разговоръ на плотинѣ между городомъ и непріятельскимъ станомъ. Онъ объяснялъ московскимъ воеводамъ, что на этихъ разговорахъ онъ убѣждалъ племянника обратиться къ царю, быть подъ его высокою державою, обнадеживая его царскою милостію, дѣлалъ однимъ словомъ то, что̀ ему было прежде приказываемо дѣлать; но Юрій не послушалъ его. Сомкò убѣждалъ его писать къ царю.—«Нечего мнѣ писать, сказалъ Юрій, я гетманъ, свободный человѣкъ; надо мной нѣтъ королевскаго гетмана

и воеводы, а если и есть королевское войско, то подъ моею властію; а ты наказной гетманъ не самъ по себѣ, а отъ меня; ты прогони московскихъ людей изъ украинскихъ городовъ, отдай мнѣ весь снарядъ со всѣми принадлежностями, и покорись королю своему вотчиннику. Эта отчина королевская, а не царская».

Передавъ эти слова воеводамъ Чаодаеву и Пескову, Сомко замѣтилъ, что Юрій такимъ образомъ говорилъ только по нуждѣ, подъ вліяніемъ Лѣсницкаго, Носача и Гуляницкаго; безъ нихъ онъ бы иное говорилъ, иначе бы поступалъ.

Постоявъ нѣсколько времени подъ Переяславлемъ, Хмельницкій разослалъ отряды возмущать казаковъ и склонять на свою сторону, но это не удалось ему. Въ мѣстечкѣ Песчаномъ, полковникъ уманскій Иванъ Лизогубъ попался въ плѣнъ. Хмельницкій, ничего не сдѣлавши, отошелъ отъ Переяславля съ ханомъ, а по уходѣ его воеводы жаловались царю, что во все время этой осады Сомко пилъ, худо распоряжался, никакого отъ него прока не было, явно дружилъ врагамъ. Какъ только казаки съ московскими ратными людьми выйдутъ на вылазку, Сомко посылаетъ ясауловъ загонять ихъ опять въ городъ, и до плѣнныхъ не допускалъ великоруссовъ, чтобы они не могли получить никакой вѣдомости. Взятый въ плѣнъ Лизогубъ отданъ былъ подъ надзоръ брату его, переяславскому мѣщанину. Сомко не допускалъ до него московскихъ людей, чтобы они не получали отъ него никакихъ свѣдѣній. Сомко впослѣдствіи объяснялъ, что Лизогубъ объявилъ о своемъ переходѣ на царскую сторону.

Ханъ и Хмельницкій двинулись къ Нѣжину; отряды казаковъ и татаръ дѣлали разоренія по лѣвобережной Украинѣ, доходили вверхъ даже далѣе Стародуба, врывались въ великорусскія земли; по извѣстію донесеній отъ Хмельницкаго королю, казаки и татары доходили до Калуги. Но ни одинъ укрѣпленный городъ не былъ взятъ ими; проходивши по Украинѣ до праздника Богоявленія, ханъ и Хмельницкій ушли за Днѣпръ. Часть казаковъ, оставшуюся подъ начальствомъ Тимоѳея Цыцуры въ Ирклѣевѣ разгромилъ Ромодановскій. Ирклѣевъ, принявшій Цыцуру, былъ за это сожженъ; самъ Цыцура взятъ въ плѣнъ. Въ Кропивнѣ былъ взятъ другой предводитель казацкаго загона, Мартынъ Курощупъ. Обоихъ отправили въ Москву.

Это нашествіе увеличило безпорядокъ въ Украинѣ. Ожидали, что Хмельницкій, усиливъ себя королевскими войсками, прибудетъ снова. Противная Сомку партія продолжала дѣйствовать всѣми силами, чтобы очернить его въ глазахъ московскаго правительства. Воеводы московскіе, находившіеся въ Украинѣ, были настроены противъ него, потому что онъ не ладилъ съ ними и

вообще не любилъ великоруссовъ. Казаки, не расположенные къ нему, подлаживались къ великоруссамъ, говорили имъ: — «Якимъ (Сомкò) умыслилъ учиниться гетманомъ, хочетъ взять волю надъ всѣми полковниками, а тѣхъ, которые ему непослушны, изведетъ; всѣхъ грубѣе ему теперь Васюта (Золотаренко) да Бруховецкій, да Дворецкій. Если онъ станетъ гетманомъ, то первымъ дѣломъ убьетъ ихъ и возьметъ верхъ надъ Украиною, а тогда учинитъ по всей волѣ Юрасковой; а если Васюта убережется, то будетъ у насъ то, чтò было съ Выговскимъ и Пушкаренкомъ; великая бѣда и разоренье великое чинится намъ отъ старшихъ нашихъ; больно намъ, какъ нашъ же братъ мужикъ да старшимъ станетъ, и хлѣба наѣстся и государево жалованье возьметъ, да захочетъ быть великимъ паномъ, поищетъ свободы и сойдется съ ляхами и татарами и измѣнитъ». Нѣкоторые, поддѣлываясь къ московскимъ людямъ, говорили: — «Совсѣмъ незачѣмъ быть у насъ гетману; гетманскимъ полководствомъ не уберечь Украины безъ ратныхъ государевыхъ людей: не устоять намъ противъ непріятельской силы»! Самъ Сомкò, чтобы снять съ себя подозрѣніе въ наклонности къ измѣнѣ, говорилъ тоже, что и Бруховецкій, вмѣстѣ съ другими полковниками: — «Пусть государь отдаетъ намъ казаковъ вѣдать окольничему Ѳедору Михайловичу Ртищеву; онъ къ намъ ласковъ и царскому пресвѣтлому величеству по нашему прошенію всякую рѣчь доноситъ». Этимъ заявленіямъ не вѣрили воеводы и доносили правительству, что Сомкò и всѣ казаки съ Сомкомъ готовы измѣнить и отдаться Юраску, что удержать страну можно только прибавкою московской рати, содержать же эту рать въ то время дѣлалось день-ото-дня труднѣе. Мѣдныхъ денегъ не хотѣли брать малоруссы ни за что, а старшины, пользуясь случаемъ, продолжали вымогать насиліемъ у посполитыхъ послѣднее серебро, и насильно давали мѣдныя деньги, которыя не ходили: дороговизна сдѣлалась неслыханная, за лошадь надобно было заплатить не менѣе ста рублей; за десять рублей мѣдныхъ денегъ съ трудомъ можно было вымѣнять полтину серебрянныхъ; овесъ и сѣно стали чрезвычайно дороги; лошади у ратныхъ людей пропадали; разоренія, произведенныя недавнею войною, увеличили обѣднѣніе народа; ратные буквально подвергались голодной смерти. Весною 1662 года, въ Кіевѣ состояло только 3206 ратныхъ людей; изъ нихъ было больныхъ 458 человѣкъ. Изъ 737 рейтаръ у 250 не было лошадей; у драгунъ, которыхъ было 92 чел., не было ни у одного лошади. На содержаніе этого гарнизона у воеводы Чаодаева было серебрянныхъ денегъ 1600 рублей, ефимковъ на 6502 р., а мѣдныхъ 76,837 р.; но въ Кіевѣ, какъ и по всей Украинѣ, не брали мѣдныхъ. Въ Нѣжинѣ, по донесенію та-

мошняго воеводы Семена Шаховскаго, по причинѣ побѣговъ оставалось очень мало людей московскихъ, всего 4 пищали и почти не было въ запасѣ—свинцу и фитилей. Край вокругъ Нѣмана до того обнищалъ, что нельзя было купить для фитилей поскони и льну, и воевода не ручался за возможность отсидѣться отъ непріятелей, которыхъ безпрестанно ожидали. Въ Черниговѣ осталось всего двѣсти человѣкъ московскихъ людей, и городъ не надѣялся никакъ оборониться. Переяславскій воевода князь Волконскій писалъ въ Москву тоже, жаловался на малолюдство, на побѣги ратныхъ людей, на недостатокъ съѣстныхъ припасовъ для ратныхъ, и между тѣмъ продолжалъ обвинять Сомкà и, вообще, всѣхъ переяславскихъ казаковъ, въ тайной измѣнѣ.

Ожидая вновь нашествія Хмельницкаго, Сомкò, 23 апрѣля 1662 года, оповѣстилъ рàду въ Козельцѣ, какъ бы для совѣщанія о средствахъ обороны. Онъ надѣялся, что здѣсь, между прочимъ, состоится выборъ его въ гетманы, и тогда останется только просить царскаго утвержденія. Партію его держали полковники наказной переяславскій Щуровскій, ирклѣевскій Матвѣй Попкѣевичъ, кременчугскій Константинъ Гавриленко, наказной лубенскій Андрей Пырскій, наказной миргородскій Гладкій, прилуцкій полковникъ Терещенко, зинковскій Шиманъ; все это были его подручники; черниговскій полковникъ Силичъ былъ за него съ своей партіею. Но противъ него были нѣжинцы съ Золотаренкомъ, а главное, былъ его злѣйшимъ врагомъ Меѳодій, не дававшій ему пріобрѣсть доброе расположеніе ни московской власти, ни казацкой громады. Когда одна часть казаковъ желала имѣть его гетманомъ, другая, настроенная Меѳодіемъ и Золотаренкомъ, кричала, что онъ недостоинъ, что онъ измѣнникъ, сносится съ Юраскомъ, дружитъ полякамъ. Преданная ему партія составила избирательный актъ; приложены были руки и печати; другіе, подстрекаемые Меѳодіемъ, не признавали законнымъ этого акта. Сомкò остался тѣмъ, чѣмъ былъ, не болѣе. Постановили просить царя о присылкѣ рати, а тѣмъ часомъ дѣйствовать съобща противъ Хмельницкаго, избраніе же отложить до того времени, когда прибудетъ царскій посланникъ.

Съ тѣхъ поръ приверженцы Сомкà полагали, что избраніе въ Козельцѣ совершилось: присланному отъ царя не останется ничего, какъ только утвердить совершенное избраніе; но противники ихъ говорили, что никакого избранія отнюдь не было, и оно должно произойти снова при царскомъ посланникѣ, и не иначе, какъ черною рàдою, то-есть гдѣ бы участвовали громады казаковъ и поспольства. Послѣ этой неудачной рàды, Меѳодій и Золотаренко опять писали въ Москву, жаловались на самовольство Сомкà,

еще лишній разъ увѣряли, что онъ измѣнникъ, сносится съ своимъ племянникомъ, и хочетъ для того только захватить власть, чтобы измѣнить и увлечь за собою лѣвую сторону Днѣпра. Воевода Волконскій повторялъ въ своихъ донесеніяхъ въ Москву тоже, и князь Ромодановскій также описывалъ Сомка̀ измѣнникомъ; Бруховецкій, наконецъ, съ своей стороны чернилъ Сомка̀ какъ только могъ. За Бруховецкимъ вопіялъ противъ Сомка̀ и знаменитый Сиркò. Сохранилось его энергическое письмо къ Сомку (хотя въ крайне испорченномъ спискѣ), гдѣ онъ пишетъ къ нему между прочимъ такъ:

«Многомилостивый господинъ Якимъ Сомкò, нашъ любезный пріятель! Покинь мудрить; лукавство твое и измѣна уже явны всему войску; я знаю твою лукавую лесть: ты въ соумышленіи съ своимъ племянникомъ хочешь измѣнить Богу и его царскому величеству, но Богъ не потерпитъ великой неправды; вы оба однодумны съ онымъ псомъ Выговскимъ, съ которымъ вы породнились, и его наученіемъ дышите, гоняясь за чертовскимъ шляхетствомъ ляцкимъ. Пусть тебѣ памятно будетъ, какъ на сеймъ ты бѣгалъ для титуловъ и маетностей; ты получилъ свое наказное гетманство не отъ войска, а отъ клятвопреступнаго Хмельницкаго, и неправильно пишешься наказнымъ гетманомъ; лучше бы тебѣ покинуть свое гетманство, вспомнивши о войсковой казни, издавна постигавшей тѣхъ, которые присвоивали себѣ титулы безъ заслугъ и единодушнаго согласія всего низоваго войска. Какія твои заслуги? Донскихъ казацкихъ посланцевъ у насъ много; они всѣ знаютъ, какъ ты на Дону виномъ шинковалъ. Ты людей притѣсняешь, поставилъ сторожи на переправахъ будто отъ непріятелей, а за ними своимъ нельзя проходить, и только въ убытокъ государству все это дѣлается въ совѣтѣ съ нечестивымъ Хмельницкимъ. Ты по шею купаешься въ братней крови; но вотъ Богъ дастъ — войско совокупится; станетъ дума всѣхъ черныхъ людей войсковыхъ; не сердитесь на насъ, что мы вамъ правду объявляемъ».

Запорожцы отъ себя, а Меѳодій отъ себя писали въ Москву одно и тоже, что избраніе гетмана прочно можетъ стать только посредствомъ черной рады, такого сборища, на которомъ были бы всѣ малорусскіе черные люди, а не одна старшина, съ толпою казаковъ, покорной старшинѣ.

Московское правительство, уже настроенное противъ Сомка̀, имѣло причину быть имъ еще болѣе недовольнымъ за козелецкую ра̀ду, ибо на предшествовавшей иченской ра̀дѣ сами казаки рѣшили просить о присылкѣ боярина, и ждать его, чтобы не иначе какъ въ его присутствіи избранъ былъ всенародно гетманъ,

а теперь, недождавшись боярина, Сомкò сталъ распоряжаться выборомъ очевидно для своихъ видовъ. 13 мая, изъ Москвы отъ царскаго имени послана грамота къ Ромодановскому; ему предписывалось идти въ черкасскіе города для обереганія отъ непріятельскаго нашествія, и собрать рàду для избранія всѣми голосами настоящаго гетмана. Велѣно было непремѣнно, чтобы изъ Запорожья казаки прибыли на эту рàду съ Бруховецкимъ. На этой радѣ должны быть, кромѣ старшины и казаковъ, мѣщане и чернь. Москвѣ — черная рада была на руку. Опытъ предыдущихъ событій показалъ уже, что въ Украинѣ малорусское поспольство предано царю, и готово подчиняться всѣмъ перемѣнамъ, какія окажутся нужными для московскихъ видовъ. Оно не имѣло тѣхъ шляхетскихъ и политическихъ правъ и вольностей, которыми дорожили казаки, а между тѣмъ хотѣло улучшенія своего быта, чувствовало надъ собою тягость казацкихъ привилегій, и надѣялось льготъ, охраны и защиты отъ царя; оно гораздо меньше чѣмъ казаки впитало въ себя польскихъ понятій и взглядовъ, болѣе оставалось русскимъ. Оно желало черезъ чуръ много, даже невозможнаго, но требовать могло очень мало, и болѣе способно было надѣяться и ждать, чѣмъ домогаться. Его идеалъ было широкое всеобщее равенство, свобода отъ всякихъ податей, повинностей, стѣсненій; но такъ какъ этотъ идеалъ недостигаемъ по существу вещей, то, при отсутствіи опредѣленныхъ и ясныхъ требованій, оно легко обращалось къ прежней долѣ терпѣнія. Московская политика понимала, что, опираясь на черную громаду, можно довести край до подчиненія самодержавной власти, такъ какъ Бруховецкій и его запорожскіе соумышленники понимали, что въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась растрепанная Украина, взволновавъ эту громаду и потакая ея похотѣніямъ, хотя бы неумѣреннымъ и неосуществимымъ, можно взять надъ нею верхъ и потомъ поработить ее и обогащаться на ея счетъ, погубивши тѣхъ, которые думали жить и обогащаться на ея счетъ другимъ болѣе легальнымъ путемъ. Поэтому, какъ Бруховецкому и его благопріятелямъ, такъ и Москвѣ была нужна черная рада. Сомку она была чрезвычайно непріятна; онъ предвидѣлъ себѣ возможность бѣды, но долженъ былъ притворяться, и говорилъ воеводѣ, что одобряетъ такой способъ избранія, самъ же вовсе не хочетъ гетманства и готовъ оставаться чернякомъ, служа вѣрою и правдою царю своему. Ничего другого не могъ говорить тогда Сомкò. Что касается до Золотаренка, то онъ былъ достаточно ограниченъ, чтобы съ перваго раза понять грозящую бѣду, а поддаваясь внушеніямъ Меѳодія, надѣялся для себя выигрыша во всякомъ случаѣ.

Между тѣмъ Москва все еще не оставляла надежды уладить съ Хмельницкимъ. У него, и у казаковъ, державшихся польской стороны, не ладилось и долго не могло ладиться съ Польшею. Поляки продолжали подозрѣвать Юрія и надѣялись отъ него каждый часъ измѣны. Коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій писалъ къ маршалу коронному Любомірскому, по слухамъ, что Хмельницкій ищетъ у константинопольскаго патріарха разрѣшенія отъ чудновской присяги, что онъ переговаривается и съ Бруховецкимъ, и съ Сомкомъ, и хотѣлъ бы, чтобы вѣрные царю казаки напали на него, когда онъ будетъ съ малымъ числомъ войска, чтобы потомъ извинять себя, какъ будто онъ передается по-неволѣ Москвѣ, такъ какъ онъ уже извинялъ себя въ Москвѣ, что передался Польшѣ по-неволѣ. Эти подозрѣнія имѣли свою долю правды. Хмельницкій писалъ въ Сѣчу письма, изъявлялъ желаніе идти воевать противъ татаръ, исконныхъ враговъ христіанства, и надѣялся на союзъ европейскихъ государей противъ турокъ. Недоразумѣнія по поводу религіи съ Польшею не прекращались. Сеймъ утвердилъ чудновскую коммиссію, которая подтвердила многія статьи гадячскаго договора; за уничтоженіемъ русскаго княжества, послѣдній оставался во всей силѣ законнаго значенія. Діонисій Балабанъ, хотя ненавидѣлъ Москву, былъ вѣрный православный и писалъ письма къ королю, чтобы согласно съ конституціею, утверждавшей гадячскій договоръ, были скорѣе отобраны отъ уніатовъ монастырскія и церковныя имѣнія, данныя издавна православными предками пановъ православнымъ монастырямъ, что только этою мѣрою утвердится въ Украинѣ спокойствіе, и Запорожское войско будетъ оставаться въ незыблемой вѣрности королю и Рѣчи-Посполитой. Гетманъ въ мартѣ послалъ въ Варшаву Гуляницкаго съ тремя другими старшинами (Креховецкимъ, войсковымъ писаремъ Глосинскимъ и Каплонскимъ) для отобранія, согласно конституціи, отъ уніатовъ всѣхъ епископскихъ каѳедръ, архимандритствъ и духовныхъ имѣній, просилъ короля скорѣе назначить съ польской стороны четырехъ коммиссаровъ и дать имъ полномочіе для исполненія вмѣстѣ съ казацкими послами «святого дѣла», какъ онъ выражался. Но исполнить этого было невозможно, не смотря на всѣ обязательства и конституціи; пока поляки были католики, невозможно было имъ совершить такого дѣла, которое клонилось къ ущербу ихъ религіи. Кромѣ того поднимался старый вопросъ о свободѣ народа отъ пановъ, за что ратовалъ южно-русскій народъ въ одинаковой степени какъ и за свою вѣру.—«Доношу вашему величеству — писалъ Хмельницкій королю — что паны, шляхта и поссесоры имѣній вашего величества и дѣдичныхъ, отя-

гощаютъ невыносимыми чиншами, десятинами, поволовщинами и иными тягостями, и приневоливаютъ къ работамъ вѣрныхъ вашему величеству казаковъ, проливающихъ кровь за благо Рѣчи-Посполитой, нашему народу чинятъ великое беззаконіе, нарушаютъ вольности наши, утвержденныя договорами и конституціями прошлыхъ сеймовъ». Но въ то время, когда съ такимъ требованіемъ явились послы гетмана войска Запорожскаго, на тотъ же сеймъ явились послы отъ шляхетства, и жаловались, что гетманъ дозволяетъ своимъ универсаломъ дѣлать панамъ всякое насиліе, однихъ не допускать до владѣнія имуществомъ, другихъ выгонять изъ наслѣдственныхъ имѣній, захватывать государственные и частные доходы имѣній королевскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ особъ. По этимъ жалобамъ, въ силу послѣдовавшаго объ нихъ сеймоваго рѣшенія, король отвѣчалъ польскимъ посламъ отъ южно-русскихъ воеводствъ, что будетъ дано приказаніе Хмельницкому возвратить захваченное достояніе обывателямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, что всѣ привилегіи, выданныя прежде казакамъ на шляхетскія имѣнія, хотя бы онѣ были одобрены постановленіями прежнихъ сеймовъ, уничтожаются новою конституціею, и всѣ такія имѣнія, находящіяся во владѣніи казаковъ, должны быть, по введеніи коронныхъ войскъ въ Украину, возвращены прежнимъ законнымъ владѣльцамъ. Въ особенности признавались недѣйствительными постановленія прошлаго 1661 года. Новое постановленіе налегало особенно на уничтоженіе въ прежней конституціи словъ, имѣющихъ такой смыслъ, что реестръ казацкій, со стороны казацкаго правительства, не долженъ быть приведенъ въ исполненіе прежде возвращенія церковныхъ имѣній. Только три мѣсяца спустя послѣ этого удовлетворенія православныхъ, гетманъ обязанъ былъ реестровать войско. Такъ какъ этотъ пунктъ не оказался внесеннымъ въ конституціи, записанныя въ градскія варшавскія книги, то теперь, на этомъ основаніи, его и уничтожили. Окончательное реестрованіе было очень желательно для поляковъ: оно легально полагало предѣлъ неяснымъ отношеніямъ между казаками и посполитствомъ, должно было прекратить вступленіе посполитыхъ въ казачество, а гетману и его старшинѣ преградить путь вмѣшательства въ дѣла края, не входящія исключительно въ кругъ казацкаго управленія. Но и для казаковъ было чрезмѣрно важно составить реестръ свой только тогда, когда будутъ удовлетворены духовныя требованія русскаго православнаго народа, и когда чрезъ то будетъ удалена важнѣйшая причина возстаній, побуждавшая казаковъ привлекать къ себѣ сколько возможно большее число посполитыхъ для борьбы съ Польшею. По-

ляки, нарушая теперь то, что̀ сами прежде постановили, и домогаясь завершенія реестра прежде возврата церквей и церковнаго вѣдомства имѣній въ руки православныхъ, явно показывали, что не хотятъ исполнять послѣдняго никогда, а обманываютъ казаковъ и весь русскій народъ только для того, чтобы стѣснить казаковъ и по возможности лишить ихъ на будущее время средствъ защищать православіе и подниматься противъ Польши подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ. Понятно, что при такомъ обращеніи между собою наружно помирившихся враговъ, прочнаго мира и союза казаковъ съ Польшею не могло быть. Со стороны поляковъ слишкомъ рано давала себя знать іезуитская политика, да и Хмельницкій и его полковники всегда готовы были перейдти на сторону царя, если бы только могли уладиться и окончиться недоразумѣнія, возникшія съ Москвою, а казаки могли быть довольны подъ московскимъ правительствомъ и надѣяться осуществленія своихъ желаній. Но въ то время со стороны Москвы было мало оказываемо лестнаго для казацкихъ надеждъ. Москва не расположена была дѣлать уступокъ, какихъ хотѣли казаки, и какія вовсе не содѣйствовали прочнѣйшему сплоченію Украины съ Московскимъ государствомъ. Москва, слѣдуя своей завѣтной политикѣ—подчиненія русскихъ земель и собиранія Руси въ единое тѣло, не рѣшилась бы принимать Юрія или какого бы то ни было другого гетмана иначе, какъ держась твердо условій, ненавистныхъ для казацкой старшины, условій второго переяславскаго договора; но къ тому же существенной помощи отъ царя казакамъ въ тѣ смутныя времена было мало. Сомко̀ и лѣвобережные полковники, то-и-дѣло что просили ратныхъ силъ, а имъ то-и-дѣло отвѣчали, что объ этомъ будетъ данъ указъ, но московское войско въ Украину не посылалось, а тѣ ратные люди, которые находились съ воеводами въ городѣ, не въ силахъ будучи оборонять Украины отъ чужихъ, были бичами для своихъ.—«Мы,—говорилъ черниговскій полковникъ великорусскому гонцу—безпрестанно просимъ у государя войска, а насъ только тѣшатъ словами, и ратныхъ людей не шлютъ, а у воеводъ какіе есть ратные, такъ отъ нихъ наши домы разорены. Третій годъ сами боронимся отъ непріятеля». Въ самомъ дѣлѣ, въ то время не было числа челобитнымъ, подаваемымъ отъ малоруссовъ царю: одинъ жаловался, что ратные московскіе люди отняли у него жену, другой—дочь, третій—что малолѣтнихъ дѣтей завезли въ «Московщину», и завезенные терпятъ неволю неизвѣстно гдѣ; нѣкоторые выпрашивали проѣзжія грамоты и разъѣзжали по московской землѣ, отыскивая своихъ дѣтей и кровныхъ. Число ратныхъ уменьшалось, и потому все менѣе и менѣе Малая Русь

имѣла надежду на помощь отъ нихъ противъ внѣшнихъ враговъ. Насилія же, грабежи, убійства, всякаго рода оскорбленія малорусскій народъ не переставалъ терпѣть отъ тѣхъ, которые оставались въ Украинѣ. Все это извѣстно было на правомъ берегу, и, разумѣется, останавливало Хмельницкаго и его старшину отъ новаго подданства царю. Притомъ же разсчетъ былъ таковъ: если они отложатся отъ Польши, поляки и татары ихъ примутся разорять, истреблять поголовно; московскій государь не подастъ имъ помощи, такъ точно, какъ не подаетъ малоруссамъ на лѣвой сторонѣ, и потому — перейдти на сторону царя въ то время, значило для праваго берега Украины, отважиться на явную погибель. Понятно, что оставаться подъ властію поляковъ было не любо послѣ того, какъ послѣдніе, сознавая бѣдственное положеніе Украины, упадокъ ея народныхъ силъ и разложеніе казачества, начали уже явно показывать, что все обѣщанное ими былъ обманъ, что Украинѣ грозитъ прежняя доля. Тѣмъ не менѣе правобережные казаки все еще держались Польши, потому что считали ее больше для нихъ сильною и въ случаѣ вражды съ нею болѣе опасною, чѣмъ Московское государство, которое поставило себя такъ, что дружба съ нимъ казалась имъ опаснѣе вражды. Вотъ почему Хмельницкій, хотя и переговаривался много разъ о подданствѣ царю, но въ своей нерѣшимости, не получивши еще свѣдѣнія о новомъ постановленіи польскомъ, вредномъ для казаковъ, снова лѣтомъ 1662 года отправился подчинять себѣ лѣвобережную Украину, вмѣстѣ съ ордою и польскими вспомогательными хоругвями.

XIII.

Сомко съ вѣрными ему полковниками и на этотъ разъ должны были встрѣчать его безъ ратной помощи царской, предоставленные самимъ себѣ. Сомко счастливо отбилъ передовой татарскій набѣгъ, въ концѣ мая изловилъ тридцать человѣкъ татарскихъ языковъ и отослалъ къ царю. Въ этотъ разъ имъ послано было такого содержанія письмо: — «Смиренно молю и въ стопы ногъ вашему царскому пресвѣтлому величеству упадаю — писалъ онъ — покажи премногую милость надо мною, слугою своимъ вѣрнымъ: не дай меня въ поношеніе тѣмъ моимъ соперникамъ, которые описываютъ меня передъ вашимъ величествомъ въ своихъ обманныхъ листахъ измѣнникомъ; они и прежде сидѣли въ своихъ домахъ, и нынѣ сидятъ, никуда нейдутъ, помочи не даютъ на непріятеля и давать не хотятъ, а мою работу Богъ видитъ, какъ

я не часъ и не два, не щадя головы своей, имѣлъ бой съ непріятелемъ съ однимъ полкомъ своимъ переяславскимъ, умирая за ваше величество и за цѣлость Малой Россіи. Не знаю, зачѣмъ меня епископъ съ Васютою описываютъ измѣнникомъ; я въ невинности своей буду слезно плакать предъ вашимъ величествомъ, пока увижу, что ваша государева милость сниметъ съ меня вражду и ненависть, и ваше величество изволитъ прислать такія грамоты, чтобы всякій мнѣ противникъ и непослушникъ устыдился. Въ десятый разъ бью челомъ вашему величеству, чтобы епископъ пересталъ побуждать на зло, и тѣ люди, которые надуты епископскимъ совѣтомъ, пусть все это оставятъ и со мною служатъ вѣрно вашему царскому величеству. Мы бьемъ челомъ вашему величеству: изволь прислать къ намъ боярина для избранія гетмана; изволь ваше царское величество оставить это дѣло на волю всему войску Запорожскому, а не мнѣ, и не боярину, какъ по стародавнымъ обычаямъ нашихъ предковъ дѣлалось, епископъ же пусть въ это вовсе не вступается». Вмѣстѣ съ тѣмъ Сомкò жаловался на Ромодановскаго, который явно дружилъ съ епископомъ и Васютою, и былъ нерасположенъ къ Сомку. Сомкò указывалъ на то, что онъ, Ромодановскій, вопреки правамъ казацкимъ, требовалъ съ зинковскаго полка триста человѣкъ, подводы и пятьдесятъ провожатыхъ. «Нашимъ извоеваннымъ людямъ, выражался Сомкò, съ такой налоги и безъ войны война». Онъ просилъ запретить Ромодановскому вступаться въ права и вольности Запорожскаго войска, не приводить епископа и Васюту на зло, и не быть въ казацкой радѣ при избраніи гетмана, а знать ему свое дѣло войсковое, порученное царемъ: оберегать край отъ непріятеля. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сомкò просилъ о возвращеніи ему данныхъ воеводѣ Чаодаеву собственныхъ денегъ на жалованье войску, о чемъ онъ уже объявлялъ теперь не первый разъ.—«Храни Боже, по моей смерти—писалъ онъ—некому будетъ бить челомъ о тѣхъ деньгахъ; сыновъ у меня милыхъ было два, и тѣхъ Богъ до славы своей святой обоихъ взялъ вдругъ».

Хмельницкій съ своими казаками, а также со вспомогательнымъ отрядомъ поляковъ и съ татарами, стоялъ станомъ недалеко Переяславля болѣе мѣсяца. Происходили частыя стычки. Между тѣмъ татары и праваго берега казаки ходили по окрестностямъ. 23 іюня, чигиринскаго полка казаки овладѣли Кременчугомъ. Мѣщане кременчугскіе впустили ихъ; пятьсотъ человѣкъ ратныхъ московскихъ людей заперлись въ маломъ городкѣ съ запасами и орудіями. Съ ними было небольшое число кременчугскихъ жителей, не хотѣвшихъ измѣнять царю. Три дня они отбивались отъ приступовъ, но, наконецъ, 25 іюня прибылъ Ро-

модановскій съ десятью тысячами конныхъ. Тогда осажденные сдѣлали вылазку и, ударивъ на враговъ, разсѣяли ихъ и прогнали. Другіе загоны казацко-татарскіе слѣдовали по направленію къ сѣверу, 20 іюня взяли Носовку, перебили жителей, взяли въ плѣнъ священника съ семьею. Въ іюлѣ, загоны татаръ, поляковъ и казаковъ опустошили окрестности Козельца. Нѣжинъ со дня на день ожидалъ ихъ посѣщенія, не надѣясь отстояться отъ непріятельскаго нашествія. Тѣмъ не менѣе нѣжинскій полковникъ не хотѣлъ дѣйствовать за одно съ Сомкòмъ, не хотѣлъ признавать его наказнымъ, чтобы впослѣдствіи не признать настоящимъ гетманомъ. Сомкò писалъ къ нему, жаловался, что самъ онъ одинъ съ переяславцами долженъ отбиваться отъ многочисленной силы; другъ друга оба они укоряли. Сомкò во время осады выходилъ неоднократно на вылазки, посылалъ подъѣздъ, ловилъ плѣнниковъ и посылалъ ихъ къ царю. Такъ, 15 іюня, Сомко отослалъ въ Москву трехъ взятыхъ на бою поляковъ, и снова обычно умолялъ царя прислать скорѣе московское войско на выручку Переяславля, чтобы предупредить непріятеля, который, какъ показывали языки, ожидаетъ къ себѣ свѣжихъ силъ.—«Самимъ намъ, писалъ Сомко, силъ и помочи ни отъ Васюты, ни отъ князя Ромодановскаго не имѣючимъ, придется сѣсть въ запоръ и самимъ намъ голодомъ помереть и конямъ и всякому животному». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ снова просилъ опять защитить его отъ внутреннихъ непріятелей, и дать ему власть карать своихъ враговъ.—«Прикажи, милосердый государь, на таковыхъ гетману и полковнику и всему войску дать власть, чтобы таковыхъ смутниковъ и раскольниковъ, намъ вольно было, по своему войсковому обычаю, судить и карать; инако та измѣна искоренитись не можетъ». Тогда онъ жаловался на Семена Голуховскаго. Воротившись изъ Москвы, Семенъ Голуховскій прибылъ въ Нѣжинъ; тамъ, вѣроятно, онъ совѣщался съ Золотаренкомъ и съ Меѳодіемъ, потомъ отправился въ зинковскій, а потомъ въ полтавскій полкъ, и волновалъ вездѣ казаковъ противъ Сомкà, оттуда отправился въ Кременчугъ, гдѣ изрубилъ атамана за что-то: тамъ его схватили и препроводили къ Сомку. Сомкò доносилъ, что у Голуховскаго нашли приготовленныя имъ письма къ Ромодановскому, гдѣ бывшій писарь описывалъ Сомкà измѣнникомъ и смутникомъ, и кромѣ того разсыпалъ на зинковскій и миргородскій полки обвиненія, которыя Сомкò называлъ несправедливыми. Сомкò доносилъ, будто Голуховскій, проѣзжая по полкамъ лѣвой стороны, распускалъ между казаками слухи, что только Полтава и другіе крайніе города останутся въ цѣлости, а прочіе, и въ томъ числѣ Переяславль, будутъ сожжены—неизвѣстно кѣмъ, замѣчалъ

при этомъ Сомкò, сообщая слова Голуховскаго. Московское правительство не отвѣчало Сомку на его просьбы расширить власть гетманскую; не вызвали никакого отвѣта жалобы на Васюту, епископа Меѳодія, Голуховскаго; московское правительство какъ будто не получало нѣкоторыхъ строкъ въ его письмахъ, но за вѣрную службу милостиво похваляло, заохочивало впередъ служить и всякаго добра его царскому величеству хотѣть, и надъ непріятелемъ промыслы чинить, надѣясь, что у великаго государя его служба забвенна не будетъ. Царская грамота извѣщала Сомка, что на выручку Переяславля и всей Украины лѣваго берега велѣно быть въ черкасскихъ городахъ воеводѣ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, который уже вступилъ въ черкасскіе города, и Петру Васильевичу Шереметеву, который вслѣдъ затѣмъ уже посланъ и скоро вступитъ туда.

Вслѣдъ за этою царскою грамотою пріѣхалъ въ Украину стольникъ Осипъ Коковинскій съ грамотами; въ этихъ грамотахъ царь столь же ласково хвалилъ Золотаренка, какъ и Сомкà; и тому и другому писано было, что великій государь велѣлъ учинить полную ра̀ду и выбрать на ней гетмана. Сомкò долженъ былъ въ отвѣтъ на это сказать стольнику, пріѣхавшему къ нему съ грамотою: — «Я радъ государевой милости, а не гетманству; хоть я буду и послѣднимъ казакомъ,—я радъ ему государю служить, радъ я тому, когда, согласно съ государевымъ указомъ, выберутъ вольными голосами гетмана».

Болѣе мѣсяца Сомкò держался противъ Хмельницкаго въ осадѣ. Хмельницкій все это время стоялъ подъ Переяславлемъ за три версты. Нѣсколько разъ былъ съѣздъ у него съ Сомкомъ. Послѣдній говорилъ воеводѣ Волконскому, что онъ продолжаетъ уговаривать племянника отстать отъ поляковъ и быть вѣрнымъ царю, но писарь Сомкà Глосовскій, дружившій тайно съ Золотаренкомъ, подпивши, проговорился и объявлялъ, что Сомкò ссылается съ племянникомъ о томъ, какъ бы имъ соединиться съ крымскимъ ханомъ, что они тянутъ время нарочно, пока соберется король съ поляками и придетъ подъ Кіевъ.

Наконецъ, прибылъ подъ Переяславль Ромодановскій съ войскомъ; къ нему присоединился и Золотаренко съ своимъ полкомъ, не хотѣвшій быть за одно съ Сомкомъ, но слушавшій Ромодановскаго какъ царскаго воеводу. Хмельницкій, стоя близь Переяславля, не зналъ о прибытіи московскаго войска; только татары, сдѣлавшіе набѣгъ на Пирятинъ, поймали московскаго языка, узнали о прибытіи Ромодановскаго, и дали знать Хмельницкому. Тогда гетманъ поспѣшно снялся со всѣмъ обозомъ и сталъ отступать къ Днѣпру. Ромодановскій, узнавши объ этомъ

отступленіи, двинулся за нимъ; вмѣстѣ съ нимъ пошли Сомко и Золотаренко и черниговскій полковникъ Силичъ.

17 іюля произошелъ бой. У Юрія было до 20,000 войска, въ этомъ числѣ польскихъ двадцать четыре хоругви и нѣмцы драгуны; татары отстали отъ Хмельницкаго и ушли въ свою сторону. Бой открылъ Сомкò съ своими казаками, бился упорно два съ половиной часа, но когда наступилъ на Хмельницкаго Ромодановскій съ конницею, войско Хмельницкаго подалось и уже не могло поправиться; одни, бросивши таборъ, побѣжали къ Днѣпру, другіе съ самимъ Хмельницкимъ бѣжали въ лѣсъ; только нѣмецкая пѣхота сомкнулась въ углу табора въ числѣ тысячи человѣкъ, оборонялась храбро и вся погибла. Тѣхъ, которые бѣжали къ Днѣпру, преслѣдовало московское и казацкое войско, и приперло ихъ къ рѣкѣ такъ, что, не находя исхода, они бросились въ рѣку и погибли. Очевидецъ говоритъ, что тогда ихъ потонуло такъ много, что впослѣдствіи трудно было приступить къ Днѣпру по причинѣ чрезмѣрнаго смрада отъ труповъ. Тѣ, которые успѣли сбросить съ себя платье и переплыть Днѣпръ, ушли домой нагишомъ. Послѣ, Хмельницкій, пользуясь тѣмъ, что лѣсъ закрывалъ его отъ непріятеля, переправился за Днѣпръ.

18 іюля, побѣдители стали совѣтоваться. Сомко и державшій его сторону Силичъ, разсчитывая, что и въ Нѣжинскомъ полку многіе не любятъ Васюты и охотно провозгласятъ Сомкà гетманомъ, объявили, что теперь непремѣнно слѣдуетъ выбрать гетмана, и такъ какъ войско въ сборѣ, прежде похода за Днѣпръ слѣдуетъ собрать рàду; иначе нельзя идти за Днѣпръ. Сомко уже прежде отправилъ за Днѣпръ Лизогуба, назначивъ его каневскимъ полковникомъ, и поручалъ ему разсылать на правой сторонѣ письма для убѣжденія заднѣпровскихъ полковниковъ и ихъ казаковъ къ переходу на сторону царя. Наказной гетманъ увѣрялъ, что полки: бѣлоцерковскій, корсунскій и черкасскій готовы отстать отъ Хмельницкаго и присягнуть на вѣрность царю, — нужно только, чтобы видѣли на лѣвой сторонѣ Днѣпра порядокъ и знали, что есть избранный и утвержденный царемъ гетманъ. Этимъ хотѣлъ онъ убѣдить къ скорѣйшему собранію избирательной рàды. Но всѣ его старанія были напрасны. Ромодановскій противился; кричалъ противъ Сомкà Меѳодій, за нимъ Золотаренко, — произошла ссора; въ особенности Сомкò и Меѳодій другъ друга укоряли очень язвительно. Ромодановскій, какъ главный надъ всѣми воевода царскій, наотрѣзъ объявилъ, что недопуститъ теперь до рàды, что выборъ долженъ совершиться послѣ, когда можно будетъ собрать всѣхъ казаковъ и чернь, и когда прибудетъ для того нарочный бояринъ отъ царя.

Думая склонить на свою сторону казаковъ, Сомкò началъ устраивать имъ пирушки на радости послѣ побѣды, а тѣмъ временемъ Меѳодій и Золотаренко стали совѣтовать Ромодановскому оставить Сомкà. «Пусть себѣ пьянствуетъ», говорили они. Они требовали немедленно идти за Днѣпръ. Они разсчитывали, что война окончится безъ Сомкà, и такимъ образомъ кредитъ его безвозвратно подорвется у царя. Ромодановскій, ненавидя Сомкà, послушалъ ихъ и двинулся, не сказавъ ничего объ этомъ Сомку. Послѣдній, узнавъ, что воевода и прочіе казаки вышли, самъ наскоро собрался и торопился догнать Ромодановскаго, но не успѣлъ.

Ромодановскій сталъ въ Богушевкѣ надъ Днѣпромъ и отправилъ на другой берегъ стольника Приклонскаго съ значительнымъ отрядомъ московскихъ людей и казаковъ, а самъ съ остальнымъ войскомъ пошелъ далѣе внизъ, по лѣвому берегу Днѣпра. Приклонскій, счастливо переправившись, вошелъ въ городъ Черкасы безъ сопротивленія, и поставилъ въ Черкасахъ полковникомъ Михайла Гамалѣю. Изъ Черкасъ Приклонскій пошелъ далѣе, намѣреваясь взять Чигиринъ. Но въ то время Хмельницкій уже успѣлъ явиться въ Чигиринъ и собрать орду. Ханъ прислалъ ему большое войско подъ начальствомъ султановъ Селимъ-Гирея и Мехметъ-Гирея. Приклонскій, не дошедши до Чигирина, услыхалъ неожиданно, что на него идетъ сила, и поворотилъ къ Днѣпру къ Бужину. Противъ самаго Бужина у Крюкова стоялъ на лѣвой сторонѣ Ромодановскій. Приклонскій поспѣшилъ туда, но татары догнали его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ переправиться. По донесенію Хмельницкаго, московскимъ ратнымъ людямъ на правомъ берегу Днѣпра нанесли два пораженія: одно 1 августа подъ Крыловымъ, гдѣ татары уничтожили отрядъ московскихъ людей и украинскихъ дейнековъ, — вѣроятно, передовой отрядъ Приклонскаго, — взяли двѣ пушки, всѣ военные снаряды; потомъ, 3 августа, нагнали самого Приклонскаго подъ Бужинымъ съ десятью тысячами, и тамъ поразили его нà-голову, взяли семь пушекъ, много знаменъ, барабановъ и боевыхъ снарядовъ. Но по извѣстію лѣтописи самовидца, участвовавшаго если не въ этомъ самомъ сраженіи, то вообще въ войнѣ этихъ дней, Приклонскій потерялъ мало, и, защищаясь, успѣлъ съ таборомъ своимъ переправиться на лѣвый берегъ. Потерпѣли наиболѣе малоруссы; у нихъ не стало терпѣнія идти въ таборѣ; они выскочили изъ табора и пустились скорѣе вплавь черезъ Днѣпръ, тогда мелководный, но и то съ другого берега пушечными выстрѣлами русскіе разгоняли татаръ и мѣшали истреблять плывущихъ. Переправившись черезъ Днѣпръ, Приклонскій соединился съ Ромодановскимъ,

и все войско поспѣшно отступило. По извѣстію Хмельницкаго, султанъ Мехметъ-Гирей догналъ его при переправѣ черезъ Сулу и поразилъ жестоко, взявъ восемнадцать пушекъ, и весь таборъ достался татарамъ. Ромодановскій съ остаткомъ войска ушелъ въ Лубны. Самовидецъ не говоритъ объ этомъ пораженіи вовсе; кажется, что вообще донесенія Хмельницкаго, хотѣвшаго передъ королемъ уменьшить стыдъ своего пораженія, преувеличены, и довѣрять имъ нельзя, тѣмъ болѣе, что для самого Хмельницкаго его успѣхи не исправили послѣдствій его пораженія на лѣвой сторонѣ Днѣпра.

XIV.

Это-то послѣднее пораженіе произвело всеобщее волненіе въ Украинѣ праваго берега. Всѣ видѣли неспособность Хмельницкаго; надежда на поляковъ и страхъ ихъ силы поколебались. Коронное войско не приходило въ пору на помощь казакамъ, воевавшимъ противъ Москвы, а та часть его, которая находилась съ запорожскимъ гетманомъ, была несчастлива. Татары разсыпались по Украинѣ, грабили своихъ союзниковъ, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Татары стали уже чувствовать презрѣніе къ полякамъ и совѣтовали казакамъ отдаться оттоманской портѣ: подъ ея могучею властію Украина найдетъ свою цѣлость и безопасность. Великая сила оттоманской монархіи и ея подручныхъ татаръ защититъ ее и отъ ляховъ, и отъ москалей, на которыхъ нѣтъ казакамъ надежды. Турецкій государь великодушно будетъ хранить права казацкія,—такъ говорили татарскіе мурзы, и этотъ голосъ достигалъ уже до свѣдѣнія поляковъ. Въ тоже время татары стращали малоруссовъ, что если не станется по волѣ хана, то Украинѣ придется очень плохо: и въ самомъ дѣлѣ, шестьдесятъ тысячъ орды, разгостившейся въ русскихъ провинціяхъ, были опаснѣе всѣхъ враговъ. Но успѣхъ царскихъ войскъ сталъ возвращать подорванное уваженіе къ московской силѣ; возобновлялась прежняя наклонность быть подъ рукою православнаго монарха. Запорожцы, первые провозгласившіе Юрія гетманомъ во дни Выговскаго, теперь стояли за возведеніе въ гетманы Бруховецкаго, подъ царскимъ покровительствомъ, показывали Хмельницкому злобу и писали къ нему посланія съ такими выраженіями:—«Пролитая тобою кровь, какъ кровь Авеля, вопіетъ къ Богу о мщеніи; знай, что ни орда, ни поляки не спасутъ тебя отъ ожидающей тебя бѣды. У насъ есть вѣрный способъ взять тебя посреди твоего Чигирина и выкинуть прочь, какъ выкидываютъ изъ верши негодную піявку... Не вводи ты насъ болѣе въ грѣхъ;

выбирайся самъ изъ Чигирина и бѣги куда хочешь; не забирай только съ собою войсковыхъ клейнотовъ, ибо ты нигдѣ съ ними отъ насъ не спрячешься... И если ты заблаговременно изъ Чигирина не выѣдешь, то мы явимся и не только размечемъ стѣны дома твоего, но не оставимъ въ живыхъ и тебя, злодѣй и разоритель нашей отчизны»!

Подобныя угрозы возбуждали сочувствіе и въ городовыхъ казакахъ, подчиненныхъ Хмельницкому. Хмельницкій со дня на день ожидалъ нападенія изъ Запорожья, или бунта въ подчиненномъ ему войскѣ. Вездѣ ему мерещилась измѣна; куда бы онъ ни шелъ — говоритъ лѣтопись — все оглядывался, не спѣшитъ ли кто за нимъ и не хочетъ ли его поймать и отдать запорожцамъ. Пробудилось въ немъ угрызеніе совѣсти за свое непостоянство, сознаніе собственной неспособности; изъ его дѣлъ выходило одно зло; онъ видѣлъ разореніе отъ татаръ, посрамленіе церквей; бусурманы со дня на день становились нахальнѣе и тяжелѣе народу; между полковниками возрастали раздоры. Хмельницкій, какъ казакъ (сколько показываютъ его письма), воспитанный съ пеленокъ въ отцовскихъ преданіяхъ завѣтнаго стремленія къ самостоятельности своего народа, хотѣлъ для своего отечества одного — самостоятельности. Онъ не любилъ поляковъ, хотя и льстилъ имъ. Поляки уже не хотѣли скрывать, что они обманули Украину, что всѣ ихъ обѣщанія были неискренни, что православная вѣра не освободится никогда отъ своего поруганія, русскія земли будутъ подъ властію поляковъ, и русскій народъ ни въ какой формѣ не достигнетъ того, чтобъ уважали его права; Хмельницкій готовъ былъ поминутно обратиться къ царю, но поминутно и отступалъ отъ этой мысли, отталкиваемый твердостью, съ какою московское правительство держалось своихъ государственно-мудрыхъ, но ненавистныхъ для казаковъ послѣднихъ переяславскихъ статей. Хмельницкій не имѣлъ самобытнаго ума, который бы могъ соединить другіе умы и направить къ одной цѣли, а у казаковъ было черезъ чуръ много разномыслія и взаимной вражды и непостоянства, и Хмельницкій не могъ понять, какъ хочетъ поступать казацкая громада, чего ожидаетъ и надѣется народъ въ данную минуту, какъ слѣдуетъ ему въ угоду соразмѣрять свои поступки. Одни ему говорили: надобно ладить съ поляками; въ этой мысли болѣе всѣхъ поддерживалъ его Тетеря, бывшій при Богданѣ переяславскій полковникъ, при Юріѣ выбранный генеральнымъ писаремъ. Онъ скоро оставилъ эту должность, съѣздилъ въ Польшу, былъ тамъ за услуги Польшѣ пожалованъ титуломъ стольника Полоцкаго, и пріѣхалъ отъ короля въ качествѣ наблюдателя за поведеніемъ

казаковъ. Тоже твердили и другіе старшины; но громада казацкая безпрестанно волновалась, не любила по прежнему ляховъ, и боялась ихъ, но и «москали» представлялись ей немилыми. Татарскія насилія всего нагляднѣе указывали Хмельницкому плоды, приготовляемые новымъ соединеніемъ съ Польшею. Всѣ бѣды, терпимыя народомъ вообще и лицами по одиночкѣ, стали приписывать Хмельницкому. Онъ глава народа, онъ старшій во всемъ; онъ и виноватъ за управляемыхъ; его проклинали. Тетеря писалъ къ королю, что онъ старался всѣми силами примирить войско съ гетманомъ, но безуспѣшно. Что̀ сдѣлать съ этимъ упрямымъ народомъ, писалъ онъ, когда у него такой нравъ, что какъ кто потеряетъ у него расположеніе, тому уже нелегко будетъ пріобрѣсть его вновь. Презирая гетма́на, многіе казаки совсѣмъ отказались отъ службы и занялись своими домашними дѣлами. Общественныя побужденія охладѣвали; хотѣлось жить какъ попало. Хмельницкій чувствовалъ возраставшее всеобщее презрѣніе къ себѣ; самолюбіе боролось въ немъ. Онъ злился на казаковъ, на всю Украину, на весь народъ свой; то сознавая свою слабость и ничтожество, Хмельницкій готовился сложить булаву самъ, то вдругъ, замѣчая, что этого только и требуютъ и хотятъ презирающіе его казаки, держался за нее обѣими руками, грозилъ даже отдаться въ руки ордѣ и посредствомъ ея укрощать непослушное казачество. Осенью, чтобы сколько-нибудь избавить Украину праваго берега, онъ повелъ орду опять къ Кіеву и за Кіевъ, гдѣ Десна сливается съ Днѣпромъ, но казаковъ пошло съ ни́мъ мало; не хотѣли его слушать. Хмельницкій, пользуясь, вѣроятно, малочисленностію ратныхъ въ Кіевѣ, хотѣлъ, по выраженію Тетери, подбодрить татаръ къ службѣ Рѣчи-Посполитой, доставивъ имъ возможность набрать плѣнныхъ малоруссовъ. Но онъ ничего не сдѣлалъ, скоро воротился, и этимъ походомъ только болѣе вооружилъ противъ себя единоземцевъ. Каждый шагъ его былъ новымъ преступленіемъ. Меланхолія терзала его. Онъ мучился и дрожалъ какъ Каинъ, говоритъ лѣтопись. Наконецъ, подъ вліяніемъ мучительной тоски, растерзанной совѣсти и страха, рѣшился онъ исполнить свой обѣтъ, данный подъ Слободищемъ, и вступить въ монастырь. Хмельницкій собралъ казаковъ въ ра̀ду подъ Корсунъ, въ монастырь Ольшанскій. Когда казаки съѣхались, Юрій явился въ собраніе, поклонился и говорилъ:

«Памятуя заслуги родителя моего, вы избрали меня гетманомъ, но я не могу быть достоинъ этой чести, я не могу уподобиться моему родителю, и отцовскаго счастья мнѣ не далъ Богъ! Я рѣшился разстаться съ вами и исполнить давнишнее желаніе — удалиться отъ свѣта и стараться о спасеніи моей грѣшной

души. Желаю вамъ всѣмъ счастья; выберите себѣ иного гетмана, и такъ какъ намъ нѣтъ возможности отбиться отъ ляховъ и москалей — отдайтесь лучше турку, чтобы посредствомъ союза съ нимъ дать Украинѣ свободу».

Нѣкоторые совѣтовали ему оставить это намѣреніе; удерживалъ его болѣе всѣхъ Павелъ Тетеря, болѣе всѣхъ внутренно желавшій его удаленія, съ тѣмъ, чтобы самому заступить его мѣсто. Другіе, ненавидѣвшіе его и прежде, говорили смѣло: — «А нехай иде собі къ дідьку, коли зъ нами жити не хоче! злякався, то теперь підъ каптуръ хоче голову зховати. Знайдемо собі такого, шчо стане за наши вольности»!

Хмельницкій удалился, и 6 января 1663 года въ Чигиринскомъ монастырѣ былъ постриженъ подъ именемъ Гедеона. Фамилія его не потеряла значенія и подъ клобукомъ; скоро мы его увидимъ архимандритомъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ придется увидѣть его еще разъ на безславномъ военномъ поприщѣ, отступникомъ христіанства.

Послѣ отреченія Хмельницкаго, казаки собрались на избирательную раду въ Чигиринѣ. Нѣкоторые предложили Выговскаго.

— Онъ сенаторъ и воевода, возражали другіе; — если онъ станетъ гетманомъ, то не будетъ послушенъ казацкой радѣ.

Были тогда два соперника у Выговскаго, оба женатые на дочеряхъ Хмельницкаго. Первый, по извѣстію Коховскаго, былъ Иванъ Нечай, вѣроятно какимъ-то образомъ получившій увольненіе изъ плѣна въ Москвѣ. За него старалась жена его Елена. Другой — Тетеря; его жена Стефанида умѣла обдѣлать дѣло своего мужа лучше сестры. Она обдарила отцовскими деньгами знатнѣйшихъ вліятельныхъ людей на радѣ и расположила ихъ въ пользу своего мужа. За знатными были пріобрѣтены и голоса толпы. Многіе, зная Тетерю, не считали его способнымъ ни по уму, ни по совѣсти, но золото и серебро соблазнило ихъ. По извѣстію украинскаго лѣтописца (Величко, 36), каждый изъ тогдашнихъ казаковъ ради сребра и злата не только далъ бы выколоть себѣ глазъ, но не пощадилъ бы отца и матери. — Всѣ они — говоритъ этотъ лѣтописецъ — были тогда подобны Іудѣ, продававшему за серебро Христа, и могли ли они думать о погибающей матери своей Украинѣ. — Это было какъ нельзя естественнѣе. Дѣло Малой Руси проигрывалось. Неуспѣхъ и безпрестанныя неудачи истощали надежды, лишали вѣры, отклоняли отъ цѣли, возбуждали мысль о ея недостижимости, отчего терялась воля и терпѣніе, изсякала любовь къ отечеству, къ общественному добру; подвиги самоотверженія оказывались безплодны и напрасны. Эгоизмъ частный бралъ верхъ надъ благородными побужденіями; слишкомъ невыносимо становилось каж-

дому свое домашнее горе, не выкупаемое тѣмъ, за что̀ ему подвергались; всякій сталъ думать о себѣ самомъ, потому что убѣдился въ суетности думъ о всѣхъ; души мельчали, пошлѣли; умы тупѣли подъ бременемъ безъисходнаго исканія средствъ къ спасенію; все, что̀ считалось прежде дорогимъ и святымъ, продавалось дешевле и дешевле, и героемъ времени сталъ тотъ, кто умѣлъ сберечь самого себя среди всеобщихъ потрясеній, выскочить изъ водоворота смутъ, потопивши другихъ, обезпечить себя на счетъ другихъ; добродѣтелью сталъ ловкій обманъ, доблестію — безсердечное злодѣяніе, великодушіе—глупостію. Такъ бывало всегда въ исторіи въ тѣ періоды, когда общество, вслѣдствіе сильныхъ потрясеній, не достигая цѣлей, руководившихъ его посреди прожитыхъ невзгодъ, не выносило ударовъ противной судьбы и начинало умирать и разлагаться. Такая смерть начиналась тогда и въ Украинѣ, въ обществѣ, промелькнувшемъ въ исторіи славянъ подъ именемъ войска Запорожскаго. Цѣль его была достиженіе національной политической самобытности. Край, гдѣ оно зародилось, по историческимъ обстоятельствамъ, не способствовалъ развитію въ немъ въ предшествовавшее время гражданственныхъ началъ въ необходимой степени; оно заявило въ исторіи свои требованія безъ этого запаса; три противоположныя силы стали тянуть его къ себѣ; то были — Московское государство, Рѣчь-Посполитая и мусульманскій міръ въ образѣ Крыма и Турціи. Недостатокъ самобытныхъ гражданственныхъ началъ лишалъ ткань его той упругости, какая нужна была, чтобы противостоять такой ужасной тройной тягѣ; эта ткань начала разрываться, — а гдѣ общество разрушается, тамъ существенно должны брать верхъ частныя побужденія тѣхъ, которые составляли это обреченное на погибель общество, такъ точно, какъ послѣ разрыва ткани остаются видимы составлявшія ее нити.

Тетеря, по извѣстію донесеній московскихъ воеводъ, былъ родомъ изъ Переяславля, гдѣ при Хмельницкомъ онъ былъ полковникомъ. Въ молодости онъ получилъ образованіе выше многихъ другихъ изъ казацкаго званія, но оно не дало ему ни военныхъ дарованій, ни мужества, ни чести. Всегда, во всемъ, онъ заботился объ одномъ себѣ, и потому въ эти годы явился вполнѣ человѣкомъ своего времени. Еще во время своего полковничества онъ успѣлъ собрать состояніе; женитьба на дочери Хмельницкаго сдѣлала его богачемъ. Соумышленникъ Выговскаго въ дѣлѣ отложенія отъ Московскаго государства, онъ вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ дѣлѣ гадячскаго договора, получилъ дворянство, при пособіи Бенёвскаго былъ сдѣланъ писаремъ войска Запорожскаго, уѣхалъ потомъ въ Польшу, поддѣлался къ королю

и къ знатнымъ панамъ, получилъ тамъ между прочимъ маетности въ награду за свое расположеніе къ Рѣчи-Посполитой, для пріобрѣтенія наличныхъ денегъ заложилъ ихъ въ началѣ 1662 года и пріѣхалъ въ Украину въ качествѣ коммиссара, съ жалованьемъ до 2,000 зл. въ четверть года. Теперь этотъ человѣкъ буквально купилъ себѣ гетманство. Деньги, употребленные на подкупъ, были, ради возможности пріобрѣсти большія богатства въ гетманскомъ званіи, затрачены, какъ затрачиваетъ капиталы купецъ на оборотъ для большей наживы. Прежде пріятель Выговскаго, онъ видѣлъ въ немъ соперника, и съ этихъ поръ сдѣлался его злѣйшимъ врагомъ; впослѣдствіи онъ и погубилъ его. Такъ какъ онъ положилъ себѣ цѣль нажиться при помощи поляковъ, то угодливость полякамъ была у него въ то время до того велика, что въ письмахъ своихъ къ королю и къ государственнымъ лицамъ, онъ старался держать себя отдѣльно отъ войска Запорожскаго, какъ будто онъ человѣкъ чужой для него, только наблюдающій надъ нимъ, какъ будто не принадлежалъ никогда ни къ нему, ни къ южно-русскому народу; онъ какъ будто самъ забылъ свое происхожденіе изъ переяславскихъ мѣщанъ. Кромѣ собственной наживы и удовлетворенія эгоистическихъ потребностей, у него другихъ цѣлей и идей не было. Сдѣлаться главою народа ему нужно было только для того, чтобы обобрать этотъ народъ и потомъ покинуть его навсегда. Вполнѣ передовой человѣкъ своей эпохи, онъ долженъ былъ, сообразно своимъ цѣлямъ, выиграть больше всѣхъ, и выигрывалъ. Сдѣлавшись гетманомъ, онъ держался польскою помощью, послалъ Гуляницкаго посланцемъ въ Варшаву и упрашивалъ короля двинуться съ войскомъ для покоренія польской странѣ оторванныхъ земель. Нужно, однако, было исполнить и всеобщее требованіе толпы. Тетеря долженъ былъ, подобно своему предшественнику, просить объ исполненіи условій относительно православной вѣры; повторилось домогательство отобрать отъ уніатовъ церковныя имѣнія и отдать православнымъ, древнимъ ихъ владѣльцамъ. Лично для самого Тетери этотъ вопросъ не былъ вопросомъ сердца; впослѣдствіи онъ отрекся и отъ вѣры, за которую теперь ходатайствовалъ, потому только, что иначе на первыхъ порахъ не могъ бы держаться на гетманствѣ.

Итакъ, по странному, можно сказать, стеченію обстоятельствъ, послѣ удаленія сына Богдана Хмельницкаго отъ дѣлъ, въ Украинѣ явились претендентами на власть, соперниками между собою за эту власть — свойственники стараго Богдана; Сомкò былъ его шуринъ, братъ первой жены; Золотаренко другой шуринъ, братъ третьей его жены; Тетеря — мужъ его дочери; явился за

ними и четвертый соперникъ: онъ уже былъ не родственникъ, не свойственникъ стараго Богдана, какъ прочіе; онъ былъ когда-то слугою этого Богдана, не болѣе,—и онъ-то успѣлъ переспорить всѣхъ на лѣвомъ берегу Днѣпра.

XV.

Тетеря, послѣ своего избранія, разослалъ письма и воззванія на лѣвобережную Украину, убѣждалъ покориться себѣ какъ законному гетману войска Запорожскаго, и грозилъ, что вотъ скоро прибудетъ польскій король съ сильнымъ войскомъ, а съ нимъ и ханъ крымскій. Эти «прелестныя» письма мало имѣли дѣйствія; только въ Переяславлѣ, гдѣ знали лично издавна Тетерю, какъ тамошняго уроженца и полковника, нашлись у него кое-какіе благопріятели. Сомко̀ писалъ къ полковникамъ, приказывалъ ловить агентовъ Тетери, перехватывать его письма и доставлять къ нему; но въ тоже время, однако, писалъ къ Тетерѣ отвѣты на предложенія его, подавалъ надежды присоединить лѣвобережную Украину къ Польшѣ, если бы только былъ увѣренъ, что ни король, ни Рѣчь-Посполитая не будутъ ему мстить. Это сообщено было черезъ Тетерю королю, и отъ короля послѣдовало Сомку прощеніе. Переговоры Сомка̀ съ Тетерею велись тайно, но про нихъ провѣдали враги Сомка̀. Впрочемъ, Сомко̀ не очень-то довѣрчиво готовился отдаваться полякамъ; переписываясь дружелюбно съ Тетерею, онъ въ тоже время наряжалъ агентовъ въ заднѣпровскіе города возбуждать противъ Тетери и противъ польской власти тамошніе полки. Сомко̀, какъ видно, не довѣряя судьбѣ, заготовлялъ себѣ только на случай возможность увернуться, если въ самомъ дѣлѣ польская сторона возьметъ верхъ, или если подъ властію Москвы ему покажется уже черезъ чуръ невыносимо.

Король былъ очень доволенъ, что избранъ въ гетманы Тетеря—человѣкъ, на котораго болѣе чѣмъ на кого-нибудь Польша могла положиться,—и послалъ къ нему знаки гетманскаго достоинства съ Иваномъ Мазепою, еще молодымъ русскимъ шляхтичемъ, тѣмъ самымъ, которому, чрезъ нѣсколько лѣтъ, суждено было самому быть гетманомъ. Такъ какъ Мазепа былъ еще человѣкъ незначительный, то Тетеря нашелъ, что отправленіе этой церемоніи черезъ такого человѣка унизитъ достоинство гетмана войска запорожскаго, и вспоминалъ, что нѣкогда Богдану Хмельницкому вручалъ подобные знаки власти Адамъ Кисель, носившій санъ воеводы, указывалъ и на то, что за Днѣпръ отъ царя

будетъ посланъ, для врученія тамошнему будущему гетману подобныхъ знаковъ, знатный бояринъ, и просилъ дозволить принять посылаемые знаки не отъ Мазепы, а отъ болѣе, чѣмъ онъ, знатнаго, отъ пана Ѳомы Корчевскаго, носившаго тогда титулъ саноцкаго подкоморія. Король позволилъ это.

Возведеніе новаго гетмана не положило конца ужаснымъ опустошеніямъ, которыя продолжала терпѣть правобережная Украина отъ татаръ.—«Распоряжаясь достояніемъ бѣдныхъ людей и честью дѣвицъ и женщинъ—писалъ Тетеря королю—татары совершаютъ такія гнусныя, приводящія въ ужасъ христіанъ, злодѣянія, что многіе изъ войска Запорожскаго готовы отдаться въ ту неволю, какая досталась въ удѣлъ валахамъ и молдаванамъ, лишь бы не терпѣть такого невыносимаго и непривычнаго ярма отъ орды». Но противъ орды двинуло тогда московское правительство калмыковъ, которые издавна враждовали съ татарами, и необычныя для Украины полчища появились и разбили орду подъ Чигириномъ.

На лѣвой сторонѣ, враги Сомка̀ узнали о его сношеніяхъ съ Тетерею и воспользовались этимъ, чтобы еще больше очернить его и заподозрить передъ Москвою. Осенью 1662 года, Бруховецкаго запорожцы провозгласили кошевымъ гетманомъ,—это былъ неслыханный еще чинъ въ Украинѣ. Кошевымъ атаманомъ сдѣланъ знаменитый Иванъ Сирко̀. Въ качествѣ кошевого гетмана, Бруховецкій явился въ Украинѣ, чтобы сдѣлаться гетманомъ войска Запорожскаго. Онъ сталъ въ Гадячѣ. Сторону его держалъ князь Ромодановскій. Это одно уже располагало въ пользу его половину Украины, видѣвшей, что правительство болѣе всѣхъ претендентовъ склоняется на его сторону. Много помогало ему то, что до сихъ поръ Золотаренко довѣрялъ Меѳодію, и былъ увѣренъ, что Бруховецкій и все Запорожье никого не желаютъ въ гетманы, кромѣ его, Золотаренка; онъ и теперь не ожидалъ, не понималъ, что̀ дѣлается. Узнавши, что Бруховецкій въ Гадячѣ, ждалъ отъ него писемъ и удивлялся, что̀ это такъ долго не получаетъ ихъ; необычно ему стало это, и другъ его Меѳодій, находясь вмѣстѣ съ кошевымъ гетманомъ, вдругъ замолчалъ. Золотаренко рѣшился самъ ѣхать въ Гадячъ, тѣмъ болѣе, что тамъ былъ и Ромодановскій. Въ Батуринѣ, куда онъ пріѣхалъ, его окружили значные товарищи и совѣтовали ему не ѣхать къ Бруховецкому, а скорѣе примириться съ Сомко̀мъ, держать сторону послѣдняго, и помогать ему въ достиженіи гетманскаго достоинства. Эти совѣты показались Золотаренку плодомъ Сомковыхъ козней и такъ его раздражили, что онъ почиталъ тѣхъ, которые ихъ давали, своими врагами, и подобно тому, какъ нѣкогда

съ своими друзьями сдѣлалъ Цыцура въ Переяславлѣ, хотѣлъ онъ собрать ихъ по-пріятельски и перебить. Онъ повѣрилъ это дѣло пѣхотѣ, но пѣхота не согласилась на такое злодѣяніе и чуть-было его самого не убила. Тогда Золотаренко, считая вообще московскихъ воеводъ падкими на корысть, послалъ къ Ромодановскому подарки, и приказалъ тѣмъ, которые повезли ихъ, узнать навѣрное, что̀ думаютъ запорожцы. Посланцы Золотаренка нашли Ромодановскаго въ Зинковѣ, гдѣ были запорожцы. Князь не только не принялъ подарковъ, но еще насмѣялся надъ ними и замѣтилъ, что у него, князя и боярина, больше своего, чѣмъ у Золотаренка. Тогда нѣкоторые запорожцы, у которыхъ развязались отъ вина языки, передъ посланцами Золотаренка проговорились и откровенно объявили, что они сошлись за тѣмъ, чтобы перебить городовую старшину, которая обогащается на счетъ простого народа, а прежде всѣхъ достанется Сомку и Васютѣ. Такое извѣстіе посланцы привезли Золотаренку: Тогда разъяснилось для него, что онъ былъ до сихъ поръ въ дуракахъ у Меѳодія, и обносилъ передъ московскимъ правительствомъ въ измѣнѣ Сомка̀ не для своей пользы, а для того, чтобы проложить путь другимъ, самому же за то, быть можетъ, потерять голову за одно съ Сомкомъ, вмѣсто награды отъ тѣхъ, для кого такъ усердно постарался. Онъ написалъ къ Сомку, просилъ забыть все прежнее, изъявлялъ желаніе примириться и обѣщалъ быть ему на будущее время покорнымъ. Свиданіе между бывшими двумя врагами произошло въ мѣстечкѣ Ичнѣ. Туда съѣхались полковники, сотники, значные товарищи; въ церкви, стоявшей на рынкѣ, они произнесли присягу слушаться Сомка̀, и на предстоящей ра̀дѣ избрать его, а не другого, въ полные гетманы. Васюта Золотаренко, какъ бы желая загладить прежнюю непріязнь къ Сомку, теперь изъ всѣхъ силъ хлопоталъ за него, однихъ убѣждалъ, другихъ принуждалъ обѣщать вѣрность Сомку. Такимъ образомъ, тогда полки нѣжинскій, черниговскій, лубенскій, переяславскій, прилуцкій признали Сомка̀ гетманомъ; но противъ него оставались полки полтавскій, зиньковскій и миргородскій. Бруховецкій понималъ, что его сила въ Украинѣ зависитъ отъ временныхъ обстоятельствъ, что громада склоняется къ нему, пока ее льстятъ надежды на ограбленіе значныхъ людей, и пока всѣмъ явно, что московская власть на его сторонѣ. Онъ зналъ, что у громады память коротка, и онъ до тѣхъ только поръ могъ на нее разсчитывать, пока самъ былъ у ней на глазахъ, и если бы скрылся хотя на короткое время, то враги его могли бы взять верхъ и вооружить противъ него ту же громаду, которая теперь такъ за него стояла. Имъ бы также новѣрили,

какъ вѣрили до сихъ поръ ему, потому что онъ не переставалъ кричать, что не должно вѣрить имъ. Поэтому, когда царскій посланникъ, Ладыженскій [1]), потребовалъ отъ Бруховецкаго, въ видахъ прекращенія смутъ, уѣхать на зиму въ Запорожье, и прибыть снова въ Украину весною, на черную рàду, когда послѣдняя должна будетъ собраться, Бруховецкій отвѣчалъ:—«Я не могу явиться въ Запорожье безъ окончанія черной рàды, меня убьютъ казаки, а не то—Сомкò меня на дорогѣ сгубитъ, какъ Выговскій Барабаша; если же со мною станется что-нибудь дурное, вся Украина отложится отъ царя. «Бруховецкій увѣрялъ, словесно въ сношеніяхъ съ московскими посланцами и въ письмахъ своихъ въ Москву, что все спасеніе Украины теперь зависитъ отъ собранія черной рàды,—если же не соберется черная рàда весною, то Сомкò отдастся королю. Думая расположить московское правительство видами на выгоды, Бруховецкій говорилъ:—«У насъ теперь наказной гетманъ, полковники и начальные люди побрали города, села и мельницы самовольно, и чернымъ людямъ такую тяготу дѣлаютъ, что въ Царѣ-градѣ у бусурманъ того не дѣлается; а какъ черная рàда станется, то всѣ доходы у гетмана, полковниковъ, и начальныхъ людей отнимутся, и будутъ собираться въ государеву казну, и ратнымъ людямъ будетъ на жалованье. Вотъ отчего и Сомкò, и Золотаренко, и прочіе начальные люди такъ не хотятъ черной рàды, — оттого, что тогда у нихъ доходы умалятся, а царская казна обогатится». Сомкò, напротивъ, представлялъ тому же московскому посланцу, что, если казна остается въ убыткѣ, то развѣ отъ того безпорядка, какой производитъ Бруховецкій съ своими запорожцами.—«У насъ,—говорилъ онъ,—казаки будутъ переписаны по реэстру особо, а мѣщане и посполитые особо; казаки служить будутъ военною службою, а мѣщане и посполитые будутъ платить въ казну подати; а теперь, въ этой розни, всѣ казаками называются, и не хотятъ платить податей, а какъ непріятель придетъ, такъ отъ него убѣгаютъ, избываютъ службы и бѣгаютъ въ Запорожье, и тамъ рыбу на себя ловятъ, и говорятъ потомъ, будто на непріятеля ходили».—Бруховецкій увѣрялъ, что Сомкò сносится съ Тетерей и хочетъ отдать Украину Польшѣ; что онъ вмѣстѣ съ Золотаренкомъ непремѣнно измѣнитъ царю; а Сомкò, въ свою очередь, говорилъ Ладыженскому:—«Бруховецкому нельзя вѣрить; Бруховецкій полу-ляхъ; онъ былъ ляхъ, да присталъ къ войску Запорожскому, но онъ никогда казакомъ не былъ, и у Богдана Хмель-

[1]) Статейнаго списка Ладыженскаго, которымъ пользовался С. М. Соловьевъ для своей исторіи, мы не отыскали въ дѣлахъ Малороссійскаго приказа.

ницкаго служилъ во дворѣ, а не въ войскѣ, и Богданъ его не бралъ на службу».

Но Сомкò не умѣлъ такъ подлаживаться къ московскимъ воеводамъ и гонцамъ, и вообще къ московскому правительству (которому всѣ бесѣдовавшіе съ Сомкомъ московскіе люди въ точности передавали его рѣчи), какъ это дѣлалъ Бруховецкій. Сомкò, напротивъ, раздражалъ Москву противъ себя.—«Намъ,—говорилъ онъ, — только что обѣщаютъ, а ничего не даютъ. Мнѣ сулили милости, а не заплатили даже собственныхъ моихъ денегъ, чтò я издержалъ на жалованье ратнымъ людямъ царскимъ». Онъ указывалъ на гибельныя для народа слѣдствія мѣдныхъ денегъ, онъ, такъ сказать, кололъ глаза московскимъ людямъ этими замѣчаніями; онъ то-и-дѣло что роп талъ и жаловался на московскихъ ратныхъ людей, которые, будучи сами разорены въ конецъ и доведенные до крайности мѣдными деньгами, посягаютъ на всякаго рода безчинства и грабежи. Онъ писалъ царю жалобу на царскихъ ратныхъ людей въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ:—«Мы, вѣрные подданные вашего царскаго величества, сколько лѣтъ подставляемъ свои головы, проливаемъ кровь, лишаемся своихъ имѣній и пожитковъ, скитаемся наги и босы, и до конца приходимъ въ разореніе и расхищеніе отъ чужихъ и отъ стояльцевъ (то есть ратныхъ, стоявшихъ на квартирахъ); народъ нашъ россійскій отъ грабежа и крадежа ратныхъ людей разсѣянъ во всѣ стороны; въ Переяславлѣ много найдется пустыхъ дворовъ; хозяева, не терпя болѣе непривычныхъ для нихъ большихъ обидъ, разбрелись, и остальные думаютъ разойтись». На эти жалобы присланъ въ Переяславль отъ царя стольникъ Бунаковъ; онъ въ Переяславлѣ производилъ сыскъ и нашелъ возможнымъ наказать кнутомъ одного только Якушку Нечаева за воровство, а болѣе никого виновнаго не оказалось изъ ратныхъ людей. Сомкò объяснялъ тогда, что московскіе ратные люди и переяславскіе жители, первые отвѣтчики, вторые челобитчики на нихъ, — еще до пріѣзда Бунакова то въ бояхъ побиты, то въ полонъ взяты, то умерли; отъ этого теперь выходитъ, что по иному дѣлу есть челобитчики, да нѣтъ отвѣтчиковъ, а по другому есть отвѣтчики, да нѣтъ челобитчиковъ, и, въ заключеніе, просилъ, чтобы впередъ государь не велѣлъ ратнымъ людямъ обижать переяславскихъ жителей. Эти жалобы, по которымъ нельзя было произвести слѣдствія, естественно внушали еще болѣе подозрѣнія противъ Сомкà; онѣ казались явнымъ доводомъ нелюбви Сомкà къ великоруссамъ и Московскому государству. Въ Москвѣ заключили, что Сомку нельзя ни въ чемъ вѣрить, и, напротивъ, тѣ, которыхъ онъ хотѣлъ ого-

ворить передъ правительствомъ, черезъ это самое пріобрѣтали довѣріе.

Въ это время, когда въ Москвѣ уже считали епископа Меѳодія самымъ преданнымъ, надежнымъ и достойнымъ человѣкомъ въ Украинѣ, Сомкò то-и-дѣло что писалъ противъ него, умоляя запретить ему мѣшаться въ войсковыя дѣла, и сказалъ Ладыженскому такъ:—«Если государь не велитъ вывести Меѳодія изъ Кіева и изъ украинскихъ городовъ всѣхъ, и велитъ ему быть на рàдѣ, то никто на рàду не поѣдетъ; намъ нельзя служить государю отъ такихъ баламутовъ, да и прежде никогда митрополиты не ѣздили на рàду и не выбирали въ гетманы». Эти выходки противъ Меѳодія только болѣе располагали власть къ послѣднему, а Сомкò тѣмъ самымъ казался соучастникомъ заднѣпровской, враждебной царю, партіи. Діонисій Балабанъ, называясь митрополитомъ, считалъ Меѳодія похитителемъ своего законнаго достоинства, и обращался къ константинопольскому патріарху. Послѣдній выдалъ на Меѳодія отлученіе, а Діонисій, какъ ему слѣдовало, отослалъ его въ Кіевъ. Малая Русь привыкла издавна повиноваться въ дѣлахъ церкви константинопольскому патріарху, какъ верховной духовной власти, и приходила въ волненіе. Меѳодій обратился къ царю, и царь хлопоталъ о снятіи отлученія. Въ это время Сомкò вдругъ вооружается противъ Меѳодія и какъ бы противодѣйствуетъ царскому расположенію къ этому человѣку.

Въ Москвѣ привыкли считать Сомкà такимъ двоедушнымъ человѣкомъ, который говоритъ одному то, другому иное объ одномъ и томъ же; и въ самомъ дѣлѣ, Сомкò то увѣрялъ, что снимаетъ съ себя гетманство, готовъ уступить его тому, кого выберутъ на черной рàдѣ, самъ же будетъ служить царю чернякомъ; то ссылался на козелецкую рàду, говорилъ, что выборъ уже оконченъ, что настоящій уже избранный гетманъ — онъ, что у него есть и листъ за руками и печатями полковниковъ; прежде не приступалъ къ его выбору Золотаренко; теперь, когда и Золотаренко съ своею партіею призналъ уже его гетманомъ, не было, казалось, причины не быть ему въ этомъ достоинствѣ; дѣло кончено, и если будетъ весною еще рàда, то на ней некого болѣе выбирать, и остается только князю Ромодановскому вручить царскую утвердительную грамоту избранному на козелецкой рàдѣ гетману. Въ то же время Сомкò черезъ посланцевъ говорилъ о вольностяхъ и правахъ казацкихъ, надѣялся ихъ утвержденія отъ царя. Бруховецкій поступалъ въ этомъ случаѣ гораздо политичнѣе и практичнѣе; онъ не жаловался на великоруссовъ, не просилъ подтвержденія какихъ бы то ни было правъ, зная, что Мо-

скве всего непріятнѣе слышать отъ малоруссовъ о правахъ и вольностяхъ; онъ весь предавался на волю царя,—этимъ-то онъ и выигрывалъ въ Москвѣ, а доброе о немъ мнѣніе, какъ о надежномъ человѣкѣ, давало ему право надѣяться, что гетманство останется за нимъ, кто бы ни былъ его соперникъ.

Золотаренко, помирившись съ Сомкомъ, не только не выигралъ, но проигралъ въ Москвѣ; онъ уже и такъ утрачивалъ прежнее довѣріе къ себѣ; теперь, когда узнали, что онъ сошелся съ Сомкомъ, котораго не любили, то и на него стали смотрѣть какъ на подозрительнаго человѣка; въ добавокъ, онъ однимъ поступкомъ навлекъ на себя неблагосклонное вниманіе: у него было имущество, которое онъ держалъ въ Великой Руси, въ Путивлѣ, чтобы спасти отъ случайнаго расхищенія въ безпокойной Украинѣ; но какъ только онъ примирился съ Сомкомъ, тотчасъ перевезъ это имущество въ Нѣжинъ. Тогда враги его стали толковать и объяснять, что Золотаренко, поладивши съ Сомкомъ, сдѣлалъ это потому, что заодно съ Сомкомъ хочетъ измѣнить царю и передаться Польшѣ, какъ только выберутъ Сомка въ гетманы. Этотъ человѣкъ, послѣ своего примиренія съ Сомкомъ, утвержденнаго обоюдною присягою въ церкви, не переставалъ строить козни противъ того, кому торжественно обѣщалъ повиноваться. Надежда на гетманство еще воскресла въ немъ. Московскій гонецъ сказалъ ему, что Сомко думаетъ, что уже дѣло кончено, онъ избранъ въ гетманы и хвалится тѣмъ, что нѣжинскій полковникъ призналъ его. Въ Васютѣ пробудилось прежнее самолюбіе и онъ сказалъ:—«До черной рàды пусть будетъ Сомкò гетманомъ, чтобы между нами розни не было, но потомъ гетманомъ будетъ тотъ, кого выберетъ чернь; мы не выбирали совершеннымъ гетманомъ Сомкà, это онъ самъ затѣялъ; Сомкò измѣнникъ: онъ сносится съ Тетерею; ему вѣрить нельзя». Понятно, что при такой двуличности, какую оказывали два помирившіеся наружно соперника, при тѣхъ наговорахъ, которые про нихъ разсыпали, Москва не могла, въ видахъ благоразумія, вѣрить ни тому, ни другому, должна былà остерегаться и того, и другого, и болѣе всего склоняться вѣрить Бруховецкому, по крайней мѣрѣ, потому, что послѣдній говорилъ всегда одно и безъ видимыхъ уловокъ, постоянно отдавался на волю московскаго правительства, на одного царя полагалъ надежды.

XVI.

Наступила весна 1663 года. Московское правительство оповѣстило, что, согласно общему желанію, въ Украинѣ будетъ черная рада въ половинѣ іюня, а на ней долженъ быть выбранъ гетманъ большинствомъ голосовъ народа. Мѣстомъ для рады назначили Нѣжинъ. Казаки и поспольство должны были сходиться туда со всѣхъ сторонъ и вступать въ собраніе безъ оружія. Это всенародное собраніе долженъ былъ открыть посланный нарочно для этой цѣли окольничій, князь Данило Степановичъ Великогагинъ. Бруховецкому не совсѣмъ нравилось, что рада происходить будетъ въ Нѣжинѣ, городѣ ему противномъ; ему хотѣлось бы, чтобы она собралась въ Гадячѣ, гдѣ онъ, такъ сказать, уже насидѣлъ себѣ мѣсто. Но надобно было пользоваться временемъ. Бруховецкій разослалъ своихъ запорожцевъ по разнымъ краямъ склонять народъ идти въ Нѣжинъ на раду; запорожцы подстрекали чернь противъ значныхъ, кричали, что значные, находясь на начальствѣ, дѣлали простымъ людямъ утѣсненія, и теперь пришелъ часъ отплатить имъ. Уговаривали народъ ограбить Нѣжинъ — гнѣздо значныхъ.

Назначенный отъ царя окольничій прибылъ вмѣстѣ со стольникомъ, Кирилломъ Степановичемъ Хлоповымъ, въ сопровожденіи вооруженныхъ отрядовъ, подъ начальствомъ полковниковъ Страсбурга, Инглиса, Полянскаго, Воронина, Шепелева и Скрябина. По извѣстію, сообщаемому украинскою лѣтописью (извѣстною подъ именемъ «Лѣтописи Самовидца»), Бруховецкій, прежде, чѣмъ великорусскіе посланцы достигли до Нѣжина, поспѣшилъ имъ навстрѣчу, сошелся съ Великогагинымъ и Хлоповымъ; съ нимъ былъ и Меѳодій. Они постарались убѣдить и расположить въ свою пользу царскихъ посланныхъ подарками. Такъ, по замѣчанію лѣтописца, обычно людямъ соблазняться дарами. Но если Бруховецкій въ самомъ дѣлѣ дарилъ тогда Великогагина, какъ и должно быть, по обычаямъ того времени, то это могло имѣть значеніе одного почета, а расположить царскаго окольничаго къ себѣ Бруховецкій не могъ болѣе того, сколько дѣло его было уже подготовлено въ его пользу въ Москвѣ. Ромодановскій давно былъ на его сторонѣ. Въ Москвѣ считали его единственнымъ въ Украинѣ лицомъ, годнымъ для гетманскаго достоинства, и Великогагинъ, ѣдучи на Украину, былъ уже настроенъ правительствомъ благопріятствовать Бруховецкому, а не кому-нибудь другому. Это же тѣмъ болѣе было легко, что посполь-

ство украинское было все за Бруховецкаго, а въ то же время и за Москву.

Московскіе люди вступили въ Нѣжинъ и расположились въ старомъ и новомъ городѣ. Ра̀да назначена была 17 іюня. Оставалось нѣсколько дней до этого времени. Толпы народа отовсюду валили къ Нѣжину и укрывали поле въ окрестности города. Васюта съ своими нѣжинцами былъ въ городѣ. Сомко̀ съ переяславцами, сопровождаемый значными товарищами, сталъ у воротъ, называемыхъ Кіевскими. Прибыли полковники лубенскій, черниговскій съ своими полками и стали близъ Сомка̀. Они были вооружены, наперекоръ приказанію царкаго посланца; въ таборѣ у нихъ были пушки. Сомко̀ и его приверженцы продолжали твердить, что собственно новаго выбора быть не должно; избирательная ра̀да была уже въ Ичнѣ, остается только подтвердить и объявить народу царское утвержденіе. По извѣстію украинской лѣтописи, Сомко̀ представлялся князю Великогагину, оказалъ ему подобающую почесть, поручилъ себя, всѣхъ полковниковъ и войско на милость царскаго величества, увѣрялъ въ непоколебимой своей вѣрности престолу, предъявлялъ свои права, ссылаясь на двукратное свое избраніе ра̀дою казацкою въ Козельцѣ и въ Ичнѣ, и замѣчалъ, что собраніе черной ра̀ды опасно; такое собраніе черни не можетъ обойтись безъ бунтовъ и безпорядковъ. Князь Великогагинъ выслушалъ его сухо и отвѣчалъ, что по царскому указу слѣдуетъ быть черной ра̀дѣ, на которой спросятъ: кого народъ хочетъ, и кто народу окажется любъ, того и утвердятъ на гетманствѣ.

Золотаренко, вѣроятно видя, что въ городѣ беретъ верхъ сторона противная, выѣхалъ изъ Нѣжина къ Сомку съ своимъ полкомъ въ одинъ таборъ; его казаки были вооружены, и везли пушки, не смотря на то, что князь Великогагинъ запрещалъ царскимъ именемъ брать оружіе. Окольничій велѣлъ своимъ людямъ пропустить нѣжинцевъ изъ городскихъ воротъ, чтобы преждевременно не раздражить партіи значныхъ.

Бруховецкій сталъ на противоположной сторонѣ города. Его таборъ съ запорожскимъ кошемъ и казаками полковъ, не приставшихъ къ Сомку, и съ громадою отовсюду стекавшейся черни, помѣщался на урочищѣ Романовскій-Кутъ.

Дѣло шло о томъ, на какомъ концѣ города будетъ происходить ра̀да. И та и другая партія разсчитывала на это и надѣялась отъ этого себѣ успѣха, потому что, въ случаѣ нужды, можно было взять числомъ не голосовъ, а рукъ. Сомко̀ и его приверженцы много полагались на мѣстность; у нихъ казаки были вооружены, слѣдовательно, если бы дошло до драки, то

меньшее число, въ сравненіи съ громадою черни, могло взять надъ нею верхъ, умѣя хорошо владѣть оружіемъ.

Вотъ, съ прискорбіемъ узнаетъ Сомкò, что царскій шатеръ разбивается на той сторонѣ, гдѣ стоитъ Бруховецкій. Онъ отправилъ ко князю посланца, просилъ, чтобы рàда происходила непремѣнно у Кіевскихъ воротъ, и въ случаѣ отказа грозилъ уйти въ Переяславль. Окольничій не обратилъ на это вниманія. Сомкò, своими рѣзкими требованіями и угрозами, могъ только болѣе вредить себѣ, еслибъ судьба его и безъ того не была рѣшена.

16 іюня, наканунѣ рокового дня, князь Великогагинъ послалъ къ Сомку и прочимъ полковникамъ приказаніе перейти на другую сторону города и стать по лѣвую сторону шатра безъ оружія и пѣшкомъ. Скрѣпя сердце, Сомкò повиновался. За нимъ повиновались и другіе. Они обошли городъ и явились на пространную равнину съ восточной стороны города Нѣжина. Уже красовался нарядный царскій шатеръ, присланный изъ Москвы; передъ нимъ были устроены подмостки, на которыхъ стоялъ длинный столъ; на этотъ столъ слѣдовало поставить новоизбраннаго гетмана и показать его народу. Гетманская булава лежала на виду и ожидала достойнаго избранника народной воли.

Сомкò и его приверженцамъ велѣли явиться пѣшими и безоружными; они явились на коняхъ, съ саблями, ружьями, и даже привезли съ собой пушки. Имъ велѣно было стать на лѣвой сторонѣ отъ шатра, — они стали на правой, гдѣ стоялъ и Бруховецкій: они боялись, что ихъ умышленно хотятъ отдалить и не дать имъ возможности одержать верхъ на рàдѣ послѣ того, какъ прочтется царскій указъ. Ихъ кармазинные, вышитые золотомъ, жупаны, богатые уборы на коняхъ, составляли противоположность съ сермяжными свитами и лохмотьями пѣшихъ, обнищалыхъ, разоренныхъ сторонниковъ Бруховецкаго, сбѣжавшихся отовсюду на добычу — грабить тѣхъ, которые пышнились своими богатствами во времена, печальныя для громады украинскаго народа.

Въ этотъ день рàда не открывалась. Князь Великогагинъ пріѣхалъ изъ города, вошелъ въ царскій шатеръ, и за нимъ послѣдовалъ Бруховецкій. Они дружески совѣтовались, кàкъ поступить, чтобы на предстоящей рàдѣ устроилось дѣло въ пользу Бруховецкаго. Послѣдній обѣщалъ князю употребить остатокъ дня на то, чтобы привлечь на свою сторону приверженцевъ Сомкò.

Враги не могли спокойно провести вечера и ночи передъ завѣтнымъ днемъ. Князю пришлось разбирать возникшую между ними вспышку. Бруховецкій прислалъ къ нему сотника и жало-

вался, что Сомко взялъ въ плѣнъ нѣсколькихъ его казаковъ и отнялъ у нихъ лошадей по тому поводу, что посыланъ былъ отрядъ въ триста человѣкъ освободить нѣкоего Гвинтовку, который впослѣдствіи замѣстилъ Золотаренка на полковничьемъ урядѣ. Окольничій послалъ къ Сомку какого-то маіора потребовать объясненія. Князь приказывалъ прекратить всякія ссоры и несогласія. Дѣло объяснялъ Золотаренко.—«Мой братъ—сказалъ онъ—взятъ однимъ изъ старшихъ у Бруховецкаго, Гвинтовкою, и окованъ цѣпями, и я посылалъ освободить своего брата. Болѣе ничего».

17 іюня, съ восходомъ солнца, начали бить въ литавры и бубны. Московское войско стало въ боевой порядокъ. Солдаты становились по правую сторону шатра, стрѣльцы по лѣвую. Малоруссы начали подвигаться волнистыми толпами изъ своихъ таборовъ. Съ обѣихъ сторонъ развивались распущенныя знамена казацкія. Около десяти часовъ утра, князь Великогагинъ съ Хлоповымъ и товарищами отправился въ царскій шатеръ, и увидавши, что казаки идутъ вооруженные, послалъ къ нимъ еще разъ приказаніе оставить оружіе. Бруховецкій изъявлялъ готовность оставить оружіе, но объяснялъ, что это будетъ для него не безопасно, потому что соперники его идутъ съ оружіемъ и могутъ напасть на безоружныхъ. Сомко и подавно не рѣшался обезоружить себя; онъ ясно видѣлъ, что князь Великоганинъ склоняется на сторону Бруховецкаго; для него оружіе составляло послѣднюю надежду; его положеніе было такимъ, что—либо панъ, либо пропалъ.

Вслѣдъ затѣмъ Сомко увидалъ, что Бруховецкій не лѣнивъ, и не даромъ трудился въ предъидущій день чрезъ своихъ пособниковъ. Чуть только Сомко, идя изъ табора съ своими полками, поравнялся на одной линіи съ Бруховецкимъ, простые казаки толпами переходили изъ рядовъ Сомка въ ряды Бруховецкаго: они увидѣли, что за послѣдняго царь и народъ.

Пріѣхалъ епископъ Меѳодій и вошелъ въ шатеръ.

Наступалъ часъ рады. Говоръ утихъ. Всѣ ожидали съ напряженнымъ вниманіемъ. Князь вышелъ изъ шатра съ царскою грамотою въ рукѣ. Подлѣ него былъ Меѳодій. Онъ послалъ своихъ офицеровъ къ Сомку и Бруховецкому.

— Князь приказываетъ вамъ, говорили они, оставить лошадей и оружіе и явиться пѣшкомъ къ шатру съ вашею старшиною и знатнѣйшими казаками слушать царскую грамоту.

Обѣ стороны отправились. Но Сомко явился, въ противность приказаній, съ саблею и сандакомъ; о-бокъ его шелъ его зять и несъ бунчукъ, такъ что Сомко являлся напоминая своею обстановкою, что онъ считаетъ себя уже гетманомъ, избраннымъ ка-

заками, и стоитъ крѣпко за свое право. Толпа казàковъ его полка слѣзла съ коней и стояла вдали, готовая по первому знаку броситься съ оружіемъ на противниковъ.

Князь Великогагинъ съ своими товарищами взошелъ на подмостки и читалъ царскую грамоту. Въ ней говорилось, что царь соизволилъ быть черной рàдѣ для избранія единаго гетмана войска Запорожскаго. Князь не успѣлъ прочитать и половины этой грамоты, по обыкновенію очень плодовитой словами, какъ сторонники Сомкà хлынули къ шатру и закричали:

— Сомкò — гетманъ! Якимъ Семеновичъ Сомкò воинъ храбрый и въ дѣлахъ искусный; онъ не щадилъ здоровья своего за честь и славу его царскаго величества. Его хочемъ совершеннымъ гетманомъ устроити!

— Бруховецкій гетманъ! Сомкò измѣнникъ! заревѣла громада, приверженная къ Бруховецкому, и также хлынула къ шатру.

И тѣ и другіе бросали вверхъ шапки по казацкому обычаю и кричали — Сомкò гетманъ! Бруховецкій гетманъ! Сомкò измѣнникъ! Бруховецкій измѣнникъ!

Сторонники Сомкà сперва опередили противниковъ, схватили своего претендента, подняли, поставили на столъ и прикрыли знаменами. Но вслѣдъ затѣмъ наперли на нихъ сторонники Бруховецкаго, понесли своего претендента на рукахъ, и поставили на томъ же длинномъ столѣ, гдѣ уже стоялъ Сомкò, прикрытый знаменами и бунчуками.

Князь съ своими товарищами, не дочитавъ грамоты, былъ спихнутъ и оттиснутъ; онъ ушелъ въ свой шатеръ.

Началась свирѣпая рукопашная драка и борьба между ожесточенными противниками. Зять Сомкà, державшій подлѣ него бунчукъ, былъ убитъ; его бунчукъ изломали. Сомкò не удержался на столѣ; булаву у него вырвали. Драка разгоралась сильнѣе и участниковъ прибывало все болѣе и болѣе, но московскаго войска полковникъ нѣмецъ Страсбургъ велѣлъ пустить въ дерущуюся между собою толпу ручныя гранаты; много отъ нихъ легло убитыхъ и раненыхъ. Эта энергическая мѣра прекратила свалку. Бруховецкій остался побѣдителемъ надъ грудою мертвыхъ и умиравшихъ, и со знаками гетманскаго достоинства, съ булавою и бунчукомъ, вошелъ въ царскій шатеръ. Сомкò успѣлъ съ трудомъ сѣсть на коня и убѣжать въ свой обозъ. За нимъ слѣдовала толпа его сторонниковъ, гонимая московскими гранатами. Бруховецкій дружески бесѣдовалъ съ окольничимъ; съ нимъ былъ и неразлучный Меѳодій. Чернь ликовала и провозглашала Бруховецкаго гетманомъ. Восклицаній въ пользу Сомкà скоро не раздавалось ни одного.

Сомкò, въ своемъ станѣ поговоривши съ старшиною, отправилъ ко князю посольство.—«Сомко проситъ—говорили его посланцы—возвратить тѣло бунчужнаго, его зятя, для погребенія, а также возвратить раненыхъ и оказать правосудіе надъ тѣми, которые перебили и переранили такое множество нашего народа. Войско не признаетъ Бруховецкаго гетманомъ, хотя онъ и захватилъ булаву въ свои руки. Сомкò съ полками уйдетъ въ Переяславль, а оттуда учнетъ писать къ его царскому величеству, что Бруховецкому дали булаву противъ общаго желанія, а войско не принимаетъ его.»

— Сомко и его люди — сказалъ князь — сами виноваты; они подали поводъ къ безпорядку; зачѣмъ они пришли съ оружіемъ и насильно хотѣли поставить гетманомъ Сомкà?

Потомъ окольничій послалъ къ Сомку какого-то Непшина (вѣроятно дворянина или сына боярскаго).

— Князь зоветъ тебя со старшиною въ шатеръ; тамъ порѣшите мирно и согласно.

— Мы не можемъ довѣрять, — отвѣчали ему, — насъ также убьютъ, какъ убили бунчужнаго. Да и рѣшать нечего; дѣло давно кончено. Гетманъ выбранъ. Гетманъ — Сомкò.

Бруховецкій отправился въ свой таборъ съ булавою и бунчуками. Чернь бѣжала за нимъ и около него, метала вверхъ шапки и кричала: Бруховецкій гетманъ!

На другой день, 18 іюня, окольничій съ товарищами и епископъ Меѳодій опять собрались въ шатрѣ. Послѣ совѣта между собой послали двухъ офицеровъ, одного къ Сомку, другого къ Бруховецкому.

«Рàда не окончена — извѣщали они — приходите опять къ царскому шатру со старшиною, а казаки пусть стоятъ на полѣ, поодаль, только безоружные.

Оба обѣщали. Новая рàда назначена была на третій день.

Но въ тотъ же день она оказалась ненужною. Въ войскѣ Сомкà поднялся бунтъ. Собственно его истинные приверженцы были только старшины и значные казаки. Простые казаки, бывшіе до сихъ поръ на его сторонѣ, раздѣляли въ душѣ одинаково съ толпою, стоявшею за Бруховецкаго, злобу противъ тѣхъ, которые поставлены были выше ихъ по званію или по состоянію, и потому легко заразились примѣромъ большинства громады народной. Притомъ же значные, пріѣхавшіе туда черезъчуръ великолѣпно, привезли съ собой на показъ свои богатства; возы ихъ были не пусты. Это соблазняло бѣдняковъ, особенно когда Бруховецкій черезъ своихъ пособниковъ возбуждалъ ихъ ограбить эти возы. Нѣсколько сотенъ изъ войска Сомкò, вѣ-

роятно сговорившись прежде, похватали свои знамена и, распустивъ ихъ, ушли къ Бруховецкому, и поклонились ему какъ гетману, а потомъ повернули назадъ, бросились на возы своей старшины и принялись выбирать изъ нихъ, что̀ кому нравилось, и что̀ кто успѣвалъ себѣ схватить. Сомко̀, Золотаренко, полковники лубенскій и черниговскій и ихъ полковые чины бросились искать у князя Великогагина спасенія отъ разнузданной толпы. Князь Великогагинъ приказалъ ихъ всѣхъ взять подъ стражу и препроводить въ нѣжинскій замокъ. Современникъ говоритъ, что они сами тогда желали, чтобы ихъ укрыли хоть куда нибудь. Всѣхъ ихъ было человѣкъ пятьдесятъ. У нихъ отобрали лошадей, оружіе, сбрую, сняли съ нихъ даже платье и посадили подъ замо̀къ. Золотаренко еще прежде отправилъ туда свою жену и дѣтей, повѣривъ ихъ Михайлу Михайловичу Дмитріеву.

Послѣ того, когда чернь не голосами, а самымъ дѣломъ показала, кого она не желаетъ видѣть гетманомъ, князь Великогагинъ послалъ звать Бруховецкаго.

— Какъ прикажетъ князь явиться, съ оружіемъ или безъ оружія? спрашивалъ Бруховецкій.

Ему отвѣчали: — Безъ оружія все войско должно собраться.

Тогда впередъ выѣхала стройно конница, безъ оружія, но со знаменами; за нею слѣдовала пѣхота, также безоружная. Конница стала въ видѣ полумѣсяца около шатра, такъ что одинъ ея конецъ упирался въ правый, а другой въ лѣвый бокъ шатра. Пѣхота стала въ срединѣ противъ шатра. Окольничій съ московскими чинами и съ неизбѣжнымъ Меѳодіемъ вышелъ подъ прикрытіемъ алебардъ въ средину казацкаго круга. Бруховецкій, полковники, сотники, атаманы, эсаулы отдавали ему почетъ. Онъ спрашивалъ:—Кого хотите имѣть гетманомъ?—Толпа отвѣчала:—Мы выбрали Ивана Мартыновича Бруховецкаго.

— Твоя милость долженъ взять бунчукъ и обойти кругомъ ряды казаковъ, сказалъ князь Великогагинъ.

Бруховецкій сдѣлалъ это, и мимо какихъ казаковъ онъ проходилъ, тѣ казаки склоняли передъ нимъ знамена и бросали вверхъ шапки, давая тѣмъ знать, что они выбрали и признаютъ его гетманомъ.

Послѣ этой церемоніи, князь съ московскими чинами вошелъ въ шатеръ. За нимъ Бруховецкій и Меѳодій.

Здѣсь царскій посланникъ вручилъ новоизбранному гетману булаву и бунчукъ изъ своихъ рукъ и проговорилъ оффиціально рѣчь, утверждавшую его въ гетманскомъ достоинствѣ. Бруховецкій на радости предложилъ тогда же, въ знакъ своей признательности за поставленіе его въ гетманы, чтобы въ украинскихъ го-

родахъ были помѣщены московскія залоги (гарнизоны) и на содержаніе ихъ обращенъ былъ лановой налогъ, который народъ когда-то платилъ польскимъ королямъ, и хлѣбъ, собираемый до того времени въ каждомъ полку на полковника; сверхъ того, чтобы при каждомъ городѣ, гдѣ будутъ гарнизоны московскихъ людей, воеводамъ и офицерамъ московскаго войска отведены были на пятнадцать верстъ земля для пастбища и сѣнокосъ, да въ добавокъ слѣдовало обложить особою данью мельницы для содержанія ратныхъ царскихъ силъ. Для себя собственно онъ просилъ выдачи враговъ своихъ, Сомкà и Золотаренка съ товарищами, и увѣрялъ, что такъ хочетъ народъ и волнуется по этому поводу.

Князь подалъ ему надежду, что будетъ такъ, какъ онъ хочетъ.

Торжествующій Бруховецкій въ тотъ же день въ нѣжинской соборной церкви присягнулъ на вѣрность и получилъ царскую жалованную грамоту съ золотыми буквами. Пушечные выстрѣлы возвѣстили народу, что избранный имъ гетманъ утвержденъ волею великаго государя.

Новый гетманъ тотчасъ смѣнилъ всѣхъ полковниковъ и старшину, и назначилъ новыхъ изъ своихъ запорожцевъ, съ которыми съ самаго начала умышлялъ удавшійся теперь переворотъ. Бруховецкій исполнилъ свое обѣщаніе, которое сообщали черному народу его пособники: онъ дозволилъ грабить богатыхъ и потѣшаться вообще надъ значными въ теченіе трехъ дней. По этому дозволенію, безобразное пьянство, грабежи, насилія, продолжались три дня; значныхъ мучили безпощадно; никто за нихъ не взыскивалъ, все обращалось въ шутку, говоритъ самовидецъ. Все имѣніе тѣхъ, которые сидѣли въ зàмкѣ подъ стражею, было расхищено, такъ что у нихъ во дворахъ не осталось ровно ничего. Худо было всякому, кто носилъ кармазинный жупанъ; иныхъ убивали, а многіе тѣмъ спасли себя, что одѣлись въ сермяги. Городъ Нѣжинъ охранило московское войско, а иначе его бы ограбили, а потомъ съ-пьяна и сожгли бы до основанія. По истеченіи трехъ льготныхъ дней, Бруховецкій далъ приказаніе прекратить грабежи и безчинія, предоставивъ каждому искать судомъ за оскорбленіе, если оно прежде было нанесено. Не одинъ значный человѣкъ потерпѣлъ тогда отъ своего слуги, который мстилъ своему господину за то, что самъ отъ него прежде переносилъ брань и побои, какъ это часто во дворахъ бываетъ, по замѣчанію лѣтописца. Мѣстечко Ичня, гдѣ была рàда, избравшая Сомкà, было сожжено въ пепелъ; сгорѣла и церковь, гдѣ присягали Сомку на вѣрность и послушаніе.

Новопоставленные изъ запорожцевъ полковники получили каждый по сту человѣкъ стражи. Эти временщики тотчасъ же по-

казали, что̀ они такое, и чего можно впередъ ожидать отъ нихъ. Не только значные, но и простые потерпѣли отъ нихъ утѣсненія и оскорбленія на первыхъ же порахъ. На Украинѣ настало господство холоповъ, которые вдругъ сдѣлались господами, и, упоенные непривычнымъ достоинствомъ, не знали предѣловъ своимъ необузданнымъ прихотямъ и самоуправству. Они брали у жителей провіантъ и фуражъ безденежно; жители обязаны были ихъ кормить и одѣвать. Они — говоритъ русскій лѣтописецъ — дѣлали такое озлобленіе, что можно было подумать, что ихъ назначилъ не гетманъ, избранный народною волею, а тиранъ ненасытный, оскорбитель человѣчества [1]). Въ то время, когда на лѣвой сторонѣ происходилъ этотъ переворотъ, на правой загорѣлось возстаніе противъ Тетери. Виновникомъ его былъ священникъ въ Паволочи по имени Иванъ Поповичъ. Онъ нѣкогда былъ казацкимъ полковникомъ, потомъ посвятился во священники, а теперь снялъ съ себя священническое достоинство, опять принялъ званіе полковника, вошелъ въ сношенія съ Сомкомъ, надѣялся съ лѣвой стороны помощи и началъ возстаніе свое тѣмъ, что велѣлъ изрубить всѣхъ жидовъ въ Паволочи. Народъ, ненавидя поляковъ, обрадовался, что находится предводитель и началъ къ нему стекаться, но въ то время Сомко̀ былъ уже въ неволѣ. Поповичу все равно было, что̀ Сомко̀, что̀ Бруховецкій, и онъ обратился къ Бруховецкому, прося помощи. Но Бруховецкій не подалъ ему помощи, и «паволоцкій попъ», стѣсненный Тетерею, чтобы избавить городъ отъ гибели, сдался и умеръ въ ужасныхъ мукахъ пытокъ. Такимъ образомъ, эта попытка остановить раздвоеніе Украины не удалась.

Съ избраніемъ полнаго, а не наказнаго, гетмана на лѣвой сторонѣ, начинается въ южной Руси печальный и бурный період двугетманства. Московское правительство медлило утвержденіемъ особаго гетмана на лѣвой сторонѣ, пока Хмельницкій носилъ гетманское званіе. Оно ожидало, что слабый гетманъ, когда поляки доведутъ его до отчаянія, рѣшится наконецъ возвратиться къ своей прежней присягѣ, тѣмъ болѣе, что онъ не разъ подавалъ надежду на свое обращеніе. Это было бы,

[1]) Эти новыя начальственныя лица по актамъ значутся: судьи генеральные Юрій Незамай и Петръ Забѣла, обозный Животовскій, потомъ Иванъ Цесарскій, эсаулъ войсковой Парфенъ Нужный, эсаулъ арматный Богданъ Щербакъ, писарь войсковой Степанъ Гречановичъ, войсковой дозорца скарбу (казначей) Ракушка, полковники лубенскій Игнатъ Вербицкій, сосницкій (новообразованный полкъ) Яковъ Скиданъ, полтавскій Демьянъ Гудшелъ, зиньковскій Василій Шиманъ, стародубовскій Иванъ Плотникъ, прилуцкій Данило Писецкій, нѣжинскій Матвѣй Гвинтовка; въ Кіевѣ былъ Василій Дворецкій.

какъ уже замѣчено выше, очень выгодно для Москвы; съ нимъ вмѣстѣ заднѣпровская Украина опять присоединилась бы къ Москвѣ. Притомъ имя Хмельницкаго заключало въ себѣ все-таки еще обаятельную силу для людей Малой Руси. Когда же Юрій принялъ монашество и сошелъ съ политическаго поприща, Москвѣ не оставалось болѣе ждать ничего; на Тетерю не было надежды. Такимъ образомъ, въ Украинѣ, прежде единой и нераздѣльной, теперь полнѣе и законченнѣе означилось раздѣленіе на двѣ половины: одна была за Московскимъ государствомъ, другая за Польшею. Люди, видѣвшіе впереди неминуемую гибель неокрѣпшаго политическаго тѣла гетманщины, со вздохомъ припомнили слова евангельскія: «всякое царство раздѣлившееся на ся не станетъ»! Это еще не выросшее тѣло умирало столько же отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, сколько отъ внутреннихъ недостатковъ своей природы, и правду сказать — болѣе всего отъ послѣднихъ.

Бруховецкій, вмѣстѣ съ изъявленіемъ благодарности царю, доносилъ на Сомкà, Золотаренка и на ихъ приверженцевъ, посаженныхъ подъ стражу, что они измѣнники. Доводомъ служило то, что у Сомкà найденъ былъ гадячскій договоръ, доставшійся казакамъ по разбитіи Выговскаго въ 1659 году. Сомкò не уничтожилъ его, не доставилъ царю, а держалъ у себя, слѣдовательно хотѣлъ при случаѣ воспользоваться этимъ документомъ. Бруховецкій увѣрялъ, что если бы Сомкò добился гетманства, то потребовалъ бы новаго договора съ московскимъ государствомъ въ смыслѣ гадячскихъ статей, а если бы ему отказали, то сталъ бы иначе промышлять. Царь приказалъ отдать обвиняемыхъ на судъ войску Запорожскому.

Обвиненія противъ Сомкà были не совсѣмъ несправедливы. Изъ современныхъ писемъ Тетери къ королю видно, что Сомкò, ожидая черной рàды, велъ сношенія съ Тетерею о присоединеніи лѣвой стороны Днѣпра къ Польшѣ. Не приступая ни къ чему рѣшительному (хотя ему съ Тетерею удобнѣе было сойтись, чѣмъ съ самимъ Юріемъ; если бы пришлось къ дѣлу, Тетеря вѣроятно уступилъ бы гетманство Сомку, получивъ за то отъ короля воеводство или что нибудь подобное), Сомкò, вѣроятно, подготовлялъ себѣ дружбу съ Польшею, какъ послѣднее средство, когда уже съ Москвою не оставалось бы никакой возможности кончить такъ, какъ онъ хотѣлъ. А такъ какъ Москва ни за что не соглашалась на умаленіе своей власти въ Украинѣ, и на расширеніе мѣстной автономіи (чтò было завѣтною цѣлью Сомкà и значныхъ, потому что сходилось съ ихъ эгоистическими стрем-

леніями),—поэтому измѣна была бы неизбѣжна, если бы Сомко сдѣлался гетманомъ; впослѣдствіи, не избѣжалъ ея и Бруховецкій.

Судъ надъ обвиненными происходилъ въ Борзнѣ и былъ коротокъ. Онъ велся, разумѣется, такъ, что подсудимымъ не дано никакихъ средствъ къ спасенію и оправданію. Сомка, Золотаренка, черниговскаго полковника Силича, лубенскаго Шамрицкаго и нѣсколькихъ другихъ приговорили къ отрубленію головы [1]); нѣкоторыхъ же, не такъ ненавистныхъ Бруховецкому, рѣшили послать въ оковахъ въ Москву [2]), для отправки ихъ въ ссылку по распоряженію московскаго правительства.

18 сентября, на рынкѣ въ Борзнѣ совершена была казнь. Сомку послѣднему пришлось испить смертную чашу. По извѣстію, сообщаемому лѣтописью Гробянки, татаринъ, исполнявшій должность палача, былъ пораженъ мужественною красотою Сомка, хотя уже далеко не молодого.

— Неужели и этому надобно рубить голову? спросилъ онъ. Безсмысленныя вы и жестокія головы! Этого человѣка создалъ Богъ на показъ цѣлому свѣту, и вамъ не жаль предавать его смерти!

Вслѣдъ затѣмъ, разумѣется, онъ немедленно исполнилъ свою обязанность.

Обозный Иванъ Цесарскій и кіевскій полковникъ Василій Дворецкій присутствовали, вмѣстѣ съ прилуцкимъ полковникомъ Писецкимъ, при казни, а потомъ отвезли въ Полтаву двѣнадцать приговоренныхъ къ ссылкѣ. Изъ Москвы ихъ отправили въ Сибирь.

Н. Костомаровъ.

---

1) Аѳанасія Щуровскаго, Павла Киндія, Ананію Семенова, Кирилла Ширяя.

2) Кіевскаго полковника Семена Третьяка, ирклѣевскаго полковника Матвѣя Попкѣвича, Дмитрія Черняевскаго, писаря Сомка, Самуила Савицкаго, Михаила Вуяхевича, писаря переяславскаго полка Ѳому Тризнича, барышевскаго сотника Ивана Воробья (Горобця), двое братьевъ переяславцевъ Семена и Порфирія Кулжонки, нѣжинскаго полка эсаула Левка Бута, писаря Захара Шикія, и мгарскаго монастыря игумена Виктора Зегаровскаго.

ТЫСЯЧА-ВОСЕМЬСОТЪ-ВТОРОЙ-ГОДЪ

ВЪ

ГРУЗІИ

VII *).

Юридическое, гражданское и военное устройство Грузіи.

Особенности юридическаго, гражданскаго и военнаго устройства Грузіи, укорененныя вѣками, могутъ лучше всего объяснить намъ тѣ явленія, которыми сопровождалось русское господство въ этой странѣ съ самаго начала его утвержденія. Потому и мы должны заключить нашъ общій обзоръ нравовъ и быта грузинъ разсмотрѣніемъ главнѣйшихъ изъ тѣхъ особенностей, а уже за тѣмъ перейти къ исторіи 1802 года, который былъ первымъ годомъ нашего господства въ Грузіи, когда старые и новые порядки стали, наконецъ, лицомъ къ лицу.

Съ самаго начала грузинской исторіи, монархическая форма правленія оставалась въ ней постоянно господствующею. Царь имѣлъ неограниченную власть и всѣ его повелѣнія считались закономъ; онъ былъ главою правосудія, и дворъ его служилъ почти обыкновеннымъ мѣстомъ суда. Но въ городахъ были *салакбо*—мѣсто общественной бесѣды, куда собирались грузины всѣхъ состояній для разговоровъ и разсужденій о дѣлахъ государственныхъ. Тутъ же производились судъ и расправа. Въ Тифлисѣ, *салакбо* было

---

*) См. выше, т. II, стр. 9—52, и 537—584.

передъ царскимъ дворцомъ. Въ судахъ и при разборахъ тяжебныхъ дѣлъ, царь руководствовался однимъ собственнымъ произволомъ и обычаями Востока: по его приговору рубили преступникамъ члены, выкалывали глаза и т. п.

«Грузія есть страна, одаренная всѣми благами, говоритъ царь Вахтангъ въ введеніи къ собранію грузинскихъ законовъ; но, по непостоянству временъ и измѣненію обстоятельствъ, въ ней судили и рядили по своему мудрованію: одни — по родству и дружбѣ, другіе — изъ боязни, иные, — по отсутствію страха Божія, а нѣкоторые — по лихоимству, однимъ словомъ, кому какъ было угодно».

Вахтангъ былъ первымъ изъ царей, который позаботился о составленіи законовъ для грузинскаго народа. Собранные и изданные [1]) имъ законы служили руководствомъ только однимъ судьямъ. Царь же при своихъ рѣшеніяхъ никогда ими не руководствовался, считая себя выше и внѣ всякаго закона.

Вахтангово уложеніе было простымъ сборникомъ правилъ и народныхъ обычаевъ; помѣщенныя въ немъ статьи часто противорѣчили другъ другу. Такъ, духовные законы не сходились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ гражданскими. Первыми предоставлялось, напримѣръ, право лицамъ духовнаго званія быть рѣшительными судьями въ дѣлахъ свѣтскихъ, тогда какъ гражданскими законами запрещено духовнымъ лицамъ мѣшаться въ мірскія дѣла [2]). Въ уложеніи нашли мѣсто извлеченія изъ греческихъ, армянскихъ законовъ и книгъ Моисея. Законы варварскихъ народовъ, какъ напримѣръ, плата за убійство и рану, оправданіе раскаленнымъ желѣзомъ и кипяткомъ, также вошли въ составъ уложенія.

Въ семейныхъ отношеніяхъ грузинъ, было запрещено вдовцу жениться на дѣвицѣ. Христіане не должны были отдавать своихъ дочерей за иновѣрцевъ, и въ свою очередь не жениться на ихъ дочеряхъ. Если кто женится на невѣсткѣ своей, того «да зальютъ съ нею другъ противъ друга известкою».

Мужъ и жена по причинѣ бездѣтства не могли быть разведены. Расторженіе супружества дозволялось только въ случаѣ

---

[1]) Изданіе это ходило по Грузіи въ рукописи. Уложеніе никогда не было напечатано самими грузинами, хотя церковныя книги и печатались въ Тифлисѣ. Въ 1801 году, во всей Грузіи нашли едва три экземпляра, да и тѣ неполные. Въ самомъ уложеніи было сказано, что если въ какомъ-либо мѣстѣ не окажется законовъ, то судъ долженъ производиться по обычаямъ того мѣста.—Зап. Буткова (рукоп.) Арх. Гл. Шт.

[2]) Противорѣчіе это произошло отъ того, что духовные законы и правила были составлены католикосомъ Дементіемъ, братомъ царя Вахтанга, въ собраніи всѣхъ грузинскихъ архіереевъ. Вахтангъ утвердилъ ихъ безъ сличенія съ гражданскими, писанными другими лицами, не совѣщавшимися съ духовенствомъ.

прелюбодѣянія; тогда приданое и незаконный ребенокъ отдавались женѣ.

По убѣжденію грузинъ, «какъ бы мужъ и жена ни ненавидѣли другъ друга, но развестись имъ не дозволяется. Въ такомъ случаѣ католикосъ долженъ ихъ мирить увѣщаніемъ».

Грузинка не имѣла почти никакого положенія въ обществѣ, не пользовалась никакими юридическими правами, или весьма незначительными. Каждый мужчина, какого бы званія онъ ни былъ, имѣлъ преимущество передъ женщиною самаго высшаго рода. Женщина не бывала почти никогда въ обществѣ мужчинъ, ея совѣтовъ не спрашивали. Въ церкви, напримѣръ, мужчины всегда стояли впереди, женщины — позади; оба пола старались не смѣшиваться. Царскія особы не исключались изъ этого общаго правила. Если женщинѣ сопутствовалъ слуга, то онъ никогда не шелъ позади, а всегда впереди,—изъ уваженія къ мужескому полу. Отъ женщины не принимали доносовъ, не допускали до суда, не приводили къ присягѣ.

«Женщина можетъ приносить жалобу въ судъ на мужчину; но не слѣдуетъ возлагать на отвѣтчика присягу или отбирать у него что-либо. Если она сошлется на свидѣтельство мужчины, то и такого свидѣтеля не допускать къ присягѣ.» Споры и иски между женщинами не разбираются въ судебныхъ мѣстахъ, до которыхъ — сказано въ уложеніи — имъ нѣтъ дѣла, а оканчиваются выборнымъ отъ общества [1]).

Ни одна грузинка не могла быть ни въ чемъ поручительницею. За долги, сдѣланные ею до замужества, мужъ не отвѣчалъ; она сама должна была уплатить ихъ. Женщина ни за какое преступленіе не могла быть посажена въ темницу.

Жена не могла расточать своего приданаго, но постороннимъ пріобрѣтеніемъ располагала по своей волѣ. Если женщина умретъ бездѣтною, то приданое возвращается въ домъ родителей, а прочее наслѣдство переходитъ къ мужу. Запрещено женамъ осуждать своихъ мужей въ военномъ дѣлѣ; на этотъ счетъ у грузинъ существуетъ даже пословица: «Мужъ съ поля битвы, а жена ему на встрѣчу разсказываетъ про войну» [2]). Законъ запрещалъ: разлучать новобрачныхъ и требовать ихъ на войну; мужья не могли одѣваться въ женскую, а жены въ мужскую одежду.

Отецъ долженъ имѣть попеченіе о добромъ воспитаніи своихъ дѣтей. Мать не имѣла права наказать сына. Сынъ не могъ рав-

---

[1]) Законы Вахтанга, § 216.

[2]) «Грузинскія пословицы и изреченія», И. Евлаховъ. Зап. кавк. отд. имп. рус. геогр. общ., кн. I, стр. 263.

няться въ судѣ съ отцомъ и разсчитывать на одинаковое съ нимъ почтеніе.

Овдовѣвшую жену въ теченіе девяти дней запрещено было чѣмъ-либо безпокоить. Послѣ смерти жены, мужчина носилъ трауръ въ теченіе шести мѣсяцевъ, а женщина послѣ смерти мужа носила его нерѣдко до новаго замужества, которое могло быть не ранѣе десяти мѣсяцевъ — иначе она, по уложенію царя Вахтанга, лишалась всякаго наслѣдства и теряла даже доброе имя. Вдова, у которой послѣ смерти мужа умретъ сынъ, и она останется затѣмъ бездѣтною, могла, если желала, остаться въ домѣ мужа и имѣла свою часть.

Если у крѣпостного останется малолѣтній сынъ, то господинъ долженъ былъ представить опекуна. Опекуномъ могъ быть не глухой, не нѣмой и не моложе 25 лѣтъ. Имѣнія послѣ родителей получали сыновья. Для того, чтобы въ родовыхъ имѣніяхъ не могли появляться постороннія совмѣстничества, то незамужнимъ дочерямъ, при раздѣлѣ, выдѣлялось приданое. На этомъ основаніи женскій полъ въ большинствѣ случаевъ, не исключая и вдовъ, устранялся отъ наслѣдства недвижимымъ имѣніемъ. Родовое имѣніе не передавалось по произволу умирающаго никому, кромѣ сыновей, и только за неимѣніемъ ихъ поступало во владѣніе дочери; благопріобрѣтеннымъ же онъ могъ располагать по своей волѣ [1]). Выморочныя имѣнія казенныхъ землевладѣльцевъ отписывались на царя, а помѣщичьихъ — на помѣщика. Духовныя завѣщанія совершались и признавались законными только тогда, когда къ нимъ приложена была печать мѣстнаго начальника. Духовное завѣщаніе слѣпого признавалось законнымъ при подписи шести или семи свидѣтелей. Не получалъ наслѣдства тотъ, кто женился безъ воли отца, и дочь, которая, по увѣщанію и по приготовленіи ей приданаго, не желала выйти замужъ.

Раздѣлъ имѣній между наслѣдниками признавался вреднымъ, хотя и не запрещался закономъ. Со временъ Адама, сказано въ немъ, земля была раздѣляема, а потому нельзя и впредь не допускать этого.

«Какое бы несогласіе ни возникло, говорится въ § 98 Вахтанговыхъ законовъ, между братьями, между дядею и племянниками, между двоюродными братьями и нераздѣльными родственниками, они не могутъ раздѣлиться безъ царя или господина. Въ такомъ случаѣ, царь или господинъ долженъ всячески стараться, посредствомъ увѣщанія старшимъ, угрозъ младшимъ или

[1]) Записки Буткова (рукоп.), Арх. Главн Шт.

наказанія посѣвающимъ между ними раздоръ, умиротворять ихъ и уклонять отъ раздѣла, а между тѣмъ опредѣлить особый за ними присмотръ, чтобы они не грабили общихъ крестьянъ и не тратили напрасно вина и хлѣба».

Этотъ законъ повелъ къ тому, что однимъ имѣніемъ владѣли нерѣдко цѣлыя фамиліи, и оттого раздоры между родственниками не прекращались. Старшій въ родѣ завѣдывалъ имѣніемъ и, соблюдая только свой личный интересъ, весьма мало заботился объ его улучшеніи.

Раздѣлъ имѣній между братьями дѣлался всегда письменно,— иначе онъ не утверждался. Братья, приступая къ раздѣлу, должны были прежде всего отдѣлить приданое для своихъ сестеръ.

Старшій братъ получалъ лишнюю часть за свое старшинство, а изъ остального имѣнія одна двадцатая часть за раздѣлъ поступала царю. Часть эта называлась *гасамкрело*, и отдѣлялась та, которую царь пожелаетъ выбрать. Меньшому брату, сверхъ части, отдавался домъ и все, что расположено было внутри ограды. Затѣмъ все остальное имѣніе дѣлилось между братьями по-ровну. Кладбище, церковная утварь, и церковное имѣніе оставалось въ общемъ владѣніи [1]).

Если старшій братъ умиралъ бездѣтнымъ, то часть слѣдуемую за старшинство получалъ второй братъ.

Никто, моложе 25-лѣтняго возраста, не имѣлъ права продавать своего недвижимаго имѣнія. При покупкѣ и продажѣ продавцы обязаны были извѣщать своихъ родственниковъ и утверждать сдѣлку при свидѣтеляхъ, изслѣдующихъ подробно обязательства, не внесено ли въ нихъ чего нибудь чужого. Продавецъ, взявшій задатокъ и отказавшійся потомъ продать вещь покупщику, обязанъ возвратить задатокъ вдвойнѣ.

Въ долговыхъ искахъ, законъ запрещалъ брать за отданныя въ долгъ деньги выше 12%. «На сей предметъ, говоритъ Вахтангъ, въ Грузіи не обращали вниманія: недавно еще отдавали въ заемъ за 120 процентовъ, а часто брали и проценты на проценты».

«Кто несправедливъ, говоритъ онъ далѣе, и ненавидитъ душу свою, тотъ отдаетъ деньги въ заемъ за 30%; кто хотя немного любитъ ее, — за 24%; кто побольше любитъ, — за 18%; а кто

---

[1]) Подробности раздѣла были слѣдующія. Старшій братъ получалъ «прежде всего двадцатое лучшее по своему выбору и двадцатое же худшее по выбору другихъ братьевъ семейство крестьянъ; младшій братъ одно худшее съ двадцати, вмѣстѣ съ родительскимъ домомъ — среднія братья всѣ вмѣстѣ также одно съ двадцати, и затѣмъ остальное дѣлилось по-ровну».

подлинно любитъ, — за $12^0/_0$. Всего же лучше для души совсѣмъ не брать процентовъ. Процентовъ на проценты ни въ какомъ случаѣ не требовать, не давать и не взыскивать; проценты прекращаются, если сравняются съ капиталомъ».

При займѣ же хлѣбомъ допускалось право взиманія до $36^0/_0$. Должникъ обязанъ возвратить заимодавцу долгъ тою же монетою, какою получилъ. Послѣ 30 лѣтъ, со времени полученнаго долга, не дозволялось взыскивать уплату его за одинъ разъ.

«Когда братъ твой или же посторонній будетъ продавать недвижимое имѣніе, для уплаты долга, а ты заплатишь за нихъ долгъ и избавишь его отъ нужды, то можешь держать его въ закладѣ до семи лѣтъ».

Если хозяинъ въ это время не выкупитъ имѣнія, то оно считалось купленнымъ.

Заимодавецъ не можетъ взыскивать долга ни съ кого, кромѣ должника своего, но отецъ обязанъ платить за сына; долгъ же отца платятъ тѣ, которые владѣютъ оставленнымъ имѣніемъ. Если у умершаго должника осталась дочь, то изъ имѣнія его выдѣлялась сначала часть на ея содержаніе, и затѣмъ остальное шло на уплату долга.

Никто за долгъ не могъ самовольно удерживать ничего чужого безъ разрѣшенія царя.

По грузинскимъ законамъ, смертная казнь, отъ князя до раба, зависѣла единственно отъ царя, но вельможамъ предоставлено было право, у людей имъ подвластныхъ, выкалывать глаза, отсѣкать члены и проч.

Хищники, разбойники, воры, человѣкопохитители подвергались лишенію зрѣнія и другимъ лютымъ казнямъ. Поймавшій вора не имѣлъ права его убить или какъ-либо искалечить. За поджогъ сожигали; за наущеніе къ поджогу — рубили голову. Фальшивымъ монетчикамъ отрубали руки; кто ворожилъ свѣчею или зернами, того законъ признавалъ колдуномъ, а кто говорилъ, что по такой-то звѣздѣ слѣдуетъ умереть такому-то вельможѣ, того называли звѣздословомъ. Суды по поводу чародѣйства были ужасны.

Взысканіе за кровь существовало въ Грузіи и производилось деньгами, причемъ принимался въ разсчетъ родъ и званіе. Высшая степень взысканія за убійство первѣйшаго князя составляла сумму въ 15,360 руб. [1]). Относительно католикоса

[1]) Такихъ первѣйшихъ князей считалось только *шесть*: Арагвскій эриставъ самъ лично до раздѣла; Ксанскій эриставъ лично до раздѣла; Амилахваръ лично до раздѣла; Орбеліанъ, — старшій въ домѣ до раздѣла; старшій въ домѣ Цицiановыхъ, ко-

(главы грузинскаго духовенства) сказано: досада (оскорбленіе) царю и католикосу одинаковы, «ибо одинъ изъ нихъ имѣетъ власть надъ тѣломъ, а другой надъ душёю. Благословеніе отъ Бога и почтеніе отъ людей также пріемлютъ они равно. Хотя царю и оказывается болѣе почтенія, но единственно изъ страха». Самая низшая плата за кровь хлѣбопашца и ремесленника была 120 руб. Вмѣсто денегъ можно было платить быками, коровами, лошадьми, оружіемъ, годными желѣзными и мѣдными вещами.

Безъ разрѣшенія царя, законъ запрещалъ взыскивать за кровь. Если у убитаго человѣка не было дѣтей, а нѣсколько братьевъ, то плата за кровь отдавалась тому, кто былъ съ нимъ не въ раздѣлѣ, за исключеніемъ нѣкоторой части, которая поступала на удовлетвореніе жены убитаго. Если всѣ братья были въ раздѣлѣ, то законъ опредѣляетъ правила, какъ дѣлить между ними получаемое за кровь. Если у убитаго были дѣти, то деньги взысканныя за кровь поступали на удовлетвореніе ихъ. Кто не въ состояніи былъ заплатить за кровь, тотъ осуждался или на смерть или другую строгую казнь.

За неумышленное убійство не было взысканія за кровь, и убійца подвергался только церковному покаянію.

Денежное взысканіе опредѣлено было и за нанесеніе раны. Законъ опредѣляетъ, за какую рану и что̀ слѣдуетъ взыскивать. За кражу со взломомъ и мошенничествомъ взысканіе опредѣлено было не однообразное: оно подлежало сужденію по древнимъ мѣстнымъ обычаямъ, и родъ суда этого употреблялся не только между грузинами, но и между армянами и татарами.

Въ большей части Грузіи, однако же, мѣра взысканія съ вора въ первый разъ составляла въ семь разъ болѣе украденнаго. Изъ этого взысканія двѣ части шли на удовлетвореніе истца, четыре — царю или въ казну и одна — моураву, разбиравшему дѣло.

Въ городахъ Тифлисѣ, Гори, Телавѣ, въ Кизихскихъ селеніяхъ и крѣп. Цхинвалѣ, гдѣ жили евреи, существовали особыя правила [1]). По закону, установленному евреями, воръ обязанъ былъ возвратить вдвое противу украденнаго.

Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ преступники судились, относительно воровства, по установленію помѣщиковъ правилами, освященными давностію. У армянъ въ Шулаверахъ съ вора взыскивалось въ пятеро, изъ нихъ: двѣ части поступали истцу, двѣ— царю, и одна—моураву. У нѣкоторыхъ татаръ истцу возвраща-

---

гда еще фамилія не была въ раздѣлѣ, и Сомхетскій Меликъ. См. Собраніе законовъ Вахтанга, § 17—41.

[1]) Записки Буткова (рукоп.), Арх. Гл. Шт. въ Спб.

лась только стоимость потеряннаго или убытокъ, а съ виновнаго дѣлалось взысканіе по назначенію моурава. Изъ этого взысканія девять-десятыхъ принадлежали царю, и одна десятая — моураву. Въ другихъ татарскихъ селеніяхъ моураву предоставлена одна треть взысканія, а двѣ трети—царю. Въ княжескихъ, царскихъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ доходъ съ этой статьи принадлежалъ весь владѣльцу.

За второе воровство, кромѣ матеріальнаго взысканія съ вора, ему рѣзали уши, носъ, руки и проч. Большая же часть дѣлъ этого рода вознаграждалась денежною платою.

Доносы принимались судьею неиначе, какъ письменные. Доносъ человѣка наказаннаго за какое-либо преступленіе или бѣжавшаго съ поля сраженія не могъ быть принятымъ.

По грузинскимъ обычаямъ и правиламъ, обвиняемый могъ оправдывать себя шестью способами: 1) присягою, 2) раскаленнымъ желѣзомъ, 3) кипящею водою, 4) вызовомъ на саблю или поединокъ, 5) свидѣтельствомъ, и 6) принятіемъ на себя грѣха или подверженіемъ себя заклятію.

Для того, чтобы доказать свою справедливость *присягою*, обвиняемый долженъ представить свидѣтеля своей невинности. Если онъ обвиняется по доносу, то долженъ, кромѣ своего свидѣтеля, выбрать еще одного свидѣтеля изъ числа лицъ назначенныхъ доносчикомъ. Тотъ, кто заставляетъ присягать, долженъ принести образъ. Если обвиняемый и принятые имъ свидѣтели поклянутся передъ образомъ въ его невинности, то справедливость ихъ показанія не подвергается сомнѣнію.

Къ присягѣ прибѣгали рѣдко, а старались разобрать дѣло другими способами. Женщинъ къ присягѣ не допускали; за нихъ не могли присягать посторонніе, но одни только самые близкіе родственники.

Обвиняемому клали на руки листъ бумаги, а на нее раскаленное желѣзо. Если онъ, сдѣлавъ три шага впередъ и бросивъ потомъ желѣзо, не обожжетъ руки—то считался правымъ, и этотъ способъ оправданія носилъ названіе испытанія *раскаленнымъ желѣзомъ*.

Испытаніе *кипяткомъ* состояло въ томъ, что въ котелъ съ водою опускали грудной крестъ. Когда вода закипала, котелъ снимали съ огня — и обвиняемый долженъ былъ, во имя Божіе, вынуть изъ котла крестъ. Послѣ того на руку надѣвали мѣшечекъ, завязывали его и прикладывали печать; если на третій день рука оказывалась не обожженною — то обвиняемый правъ.

Передъ оправданіемъ при помощи *поединка*, доносчикъ и обвиняемый молились Богу 40 дней; потомъ каждому изъ нихъ

надѣвали на шею или на копье бумагу, на которой написана краткая молитва. «Боже правосудный! — сказано въ молитвѣ. Я, такой-то, прошу и молю тебя, не помяни днесь другихъ прегрѣшеній моихъ. Но если я во взводимомъ на меня такомъ-то дѣлѣ правъ, то предаждь мнѣ главу его; если же не правъ, то предаждь ему мою главу.» Вооружившись, они выѣзжали на арену, имѣя при себѣ секундантовъ вооруженныхъ щитами и плетьми. Поединокъ происходилъ въ присутствіи царя и продолжался до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не собьетъ другого съ лошади. Тогда секунданты представляли побѣжденнаго, какъ признаннаго виновнымъ, царю, который поступалъ съ нимъ по своему усмотрѣнію. Оружіе побѣжденнаго отдавалось побѣдителю, а конь — секунданту. Если оба упадутъ съ лошадей, то должны пѣшіе драться до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ сшибетъ другого съ ногъ. Поединокъ назначался преимущественно въ дѣлахъ объ измѣнѣ, разграбленіи церковной казны и святотатствѣ.

Свидѣтелей умныхъ и добросовѣстныхъ достаточно двухъ лицъ; а въ противномъ случаѣ нужно двадцать и не менѣе десяти.

Принятіемъ на себя грѣха рѣшались иски весьма незначительныя, непревышающіе одного марчила (около 60 коп. сереб.). Иногда мѣра эта допускалась въ тяжбахъ о быкѣ. Обвиняемый долженъ поднять на своей спинѣ истца и сказать: «*Да будетъ грѣхъ твой на мнѣ при второмъ пришествіи, и да буду самъ за тебя осужденъ, если я сдѣлалъ то, въ чемъ ты меня обвиняешь*».

Законъ опредѣлялъ случаи, въ какихъ и какой именно родъ очищенія употреблялся. Никто изъ обвинителей или обвиняемыхъ не могъ уклониться отъ присяги. Присягающему давалось время обдумать, чтобы поспѣшностію не заставить дать ложную присягу: «ложная присяга есть отверженіе отъ Бога, и ложно принятой присяги Господь не предаетъ забвенію. Кто учинитъ ложную присягу, сказано въ уложеніи, тотъ есть жидъ, съ тѣмъ и хлѣба не слѣдуетъ ѣсть». Малолѣтнія дѣти и духовныя лица къ присягѣ не допускались.

Свидѣтель долженъ быть достойный человѣкъ и не менѣе 20 лѣтъ отъ роду. Свидѣтельство иновѣрца не принималось. Поэтому о свидѣтелѣ прежде всего узнавали, какого онъ вѣроисповѣданія и какихъ качествъ. Свидѣтельскія показанія принимались только тѣ, которыя самъ свидѣтель видѣлъ, а не слышалъ; но о границахъ земли, построеніи дома, можно было свидѣтельствовать по наслышкѣ. Нищіе или убогіе въ свидѣтели не допускались. Купленный человѣкъ не могъ быть свидѣтелемъ, ни для

своего господина, ни для его сына. Отецъ для сына и сынъ для отца не могли быть также свидѣтелями. Свидѣтели должны быть представлены предъ тѣми лицами, о преступленіи которыхъ свидѣтельствуютъ.

Таковъ былъ, въ общихъ и краткихъ чертахъ, юридическій бытъ грузинскаго народа.

Для охраненія правъ каждаго члена общества, существовали правительственныя учрежденія и во главѣ ихъ стоялъ: *верховный царскій судъ.*

Въ судѣ этомъ предсѣдательствовалъ самъ царь и присутствовали: а) наслѣдникъ царскій; б) прочіе царевичи по особому царскому назначенію; в) *мдиванъ-беки* — совѣтники или собственно судьи — четыре князя карталинскіе и четыре кахетинскіе [1]); г) *мдиваны* или лица, назначаемыя собственно для исполненія дѣлъ, производимыхъ въ судѣ; и д) *тавалидаръ*, хранитель письменныхъ дѣлъ и разныхъ актовъ верховнаго царева суда. На его же обязанности лежало собирать и хранить деньги, взыскиваемыя по суду съ виновныхъ.

Въ верховномъ судѣ разсматривались дѣла какъ Карталиніи, такъ и Кахетіи.

Дѣла ясныя царь рѣшалъ самъ, но если они были запутаны, неполны или особенно важны, то онъ передавалъ ихъ въ верховный судъ, гдѣ самъ иногда присутствовалъ, при производствѣ дѣла. По бóльшей же части онъ поручалъ рѣшеніе однимъ судьямъ, которые, руководствуясь формою, установленною въ законахъ, призывали въ засѣданіе преступника, истца, отвѣтчика и свидѣтелей, разсматривали ихъ показанія, дополняли ихъ удостовѣреніями, и приведя дѣло въ совершенную ясность, сообразуясь съ законами или съ обычаями того народа, у коего произошелъ разбираемый случай, произносили приговоръ и вносили его къ царю на утвержденіе. Отъ произвола царя зависѣло поступить согласно приговору верховнаго суда или иначе.

Къ царю же приносимы были жалобы на неправое рѣшеніе низшихъ судебныхъ мѣстъ и властей и, въ такомъ случаѣ, дѣло разсматриваемо было или царемъ или въ верховномъ судѣ.

Судьи могли быть не моложе 25 лѣтъ. Имъ запрещено было производить судъ въ торжественные и праздничные дни, но убійцъ и разбойниковъ законъ повелѣвалъ судить и въ св. четыредесятницу. Преступниковъ не наказывали тотчасъ же, а спустя нѣкоторое время. Въ законахъ сказано было, что если царь велитъ наказать преступника, то есаулы должны помедлить. Если

---

[1]) Въ 1804 г., они переименованы въ коллежскіе и надворные совѣтники.

царь признаетъ преступника виновнымъ, то и народъ долженъ быть согласенъ.

Всѣ вообще дѣла рѣшались весьма скоро и почти безъ всякаго письменнаго производства, однимъ словеснымъ разбирательствомъ. О всякомъ же рѣшеніи верховнаго суда исходилъ баратъ или указъ за царскою печатью, заключавшій въ себѣ содержаніе приговора.

За каждое дѣло, рѣшенное въ верховномъ судѣ, взималась установленная пошлина, изъ которой часть принадлежала царю, часть царевичамъ, участвовавшимъ въ судѣ, и часть мдиванъ-бекамъ, мдиванамъ, тавалидару и прочимъ членамъ суда.

Непосредственно за верховнымъ царевымъ судомъ, одною ступенью ниже, были такъ называемые *частные суды*, карталинскій, кахетинскій и телавскій. Первые два находились въ Тифлисѣ, а послѣдній въ Телавѣ. Вѣдѣнію этого послѣдняго суда подлежалъ самый городъ Телавъ и весь округъ средней Кахетіи; остальная же часть Кахетіи причислена была къ суду кахетинскому. Частные суды состояли: первый, изъ четырехъ мдиванъ-бековъ, князей карталинскихъ, а второй и третій — каждый изъ четырехъ мдиванъ-бековъ, князей кахетинскихъ. Будучи членами верховнаго *царева суда* и рѣшая тамъ дѣла совмѣстно съ прочими членами, здѣсь мдиванъ-беки имѣли отдѣльное присутствіе.

Обязанностью суда было разбирательство дѣлъ низшихъ классовъ жителей Тифлиса и такихъ мѣстъ Карталиніи, гдѣ волости, селенія и деревни управлялись моуравами, неимѣвшими власти судебной. На судъ мдиванъ-бековъ поступали всѣ тѣ иски, по членовредительствамъ и насиліямъ, которые составляли вторую степень уголовныхъ преступленій. По этимъ дѣламъ они представляли свои приговоры на разсмотрѣніе царя, безъ утвержденія котораго не могли приводить ихъ въ исполненіе.

Мдиванъ-беки принимали доносы въ разныхъ злоумышленіяхъ. Если изъ слѣдствія оказывалось, что преступленіе относилось до князей, и пользующихся преимуществами дворянъ, то тогда мдиванъ-беки представляли дѣло на сужденіе верховнаго суда; въ дѣлахъ же второстепенныхъ, при обвиненіи людей низшаго состоянія, составляли сами приговоръ и препровождали его царю на утвержденіе.

Сверхъ занятій по суду, мдиванъ-беки были совѣтниками салтхуцеса или государственнаго казначея. Послѣдняя должность возлагала на мдиванъ-бековъ обязанность — чрезъ каждые семь лѣтъ осматривать лично внутреннее состояніе царства, приводить въ извѣстность народонаселеніе его, собирать и доставлять свѣдѣнія о народной промышленности, для соображеній прави-

тельства о соразмѣрномъ распредѣленіи повинностей. Салтхуцесовъ было два, одинъ для Карталиніи, другой для Кахетіи [1]).

Для земскаго управленія страною, вся Грузія, какъ Карталинія, такъ и Кахетія, была раздѣлена на *моуравства*. Слово *моуравъ* означаетъ собственно земскаго начальника [2]). Пользуясь одинаковымъ названіемъ должности, различныя лица, въ ней состоявшія, пользовались различною властію. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли свой судъ и расправу, другіе же только одну расправу.

Въ моуравы съ судомъ и безъ суда опредѣлялись царемъ князья и дворяне, изъ коихъ многіе имѣли эту должность наслѣдственно.

Вообще, отъ должности моурава не только не отказывались, но искали ее. За услуги отечеству, князья награждались пожалованіемъ моуравства въ родъ, по смерть или на извѣстное время.

Армяне, составляя главнѣйшую часть населенія Тифлиса, и имѣя въ своихъ рукахъ всю торговлю и ремесла, требовали управленія сообразнаго съ ихъ обычаями. Первоначально ими управляли *мамасахлисы* (что въ тѣсномъ смыслѣ означаетъ домоначальника) и *нацвалы*, но потомъ обѣ эти должности соединены были въ *меликѣ*. Званіе это учреждено еще въ то время, когда Грузія находилась подъ властію Персіи. Шахъ-Надиръ утвердилъ особою грамотою въ званіи мелика, карталинскаго князя Бебутова, и потомки его носили званіе мелика до введенія русскаго управленія. Грузины же и татары, жившіе въ Тифлисѣ, были подчинены тифлисскому *моураву* (изъ князей Циціановыхъ). Власть мелика и моурава была одинакова, и оба вмѣстѣ они составляли такъ называемое *тифлисское городовое правленіе*, существовавшее только въ одной столицѣ Грузіи. По законамъ, на мелика возлагалось: содержаніе купечества въ добромъ порядкѣ и наставленіе его въ правдѣ; наблюденіе за вѣрностію мѣры, вѣса; за продажею безъ обмана и подлога. Онъ обязанъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы торгующіе довольствовались умѣренною прибылью, не заводили ссоръ и не причиняли другъ другу обидъ.

Когда въ Тифлисѣ происходили у купцовъ и мѣщанъ тяжбы объ имѣніи, или споры при раздѣлахъ между наслѣдниками,

---

[1]) Описаніе Грузіи, составленное Лазаревымъ. Акты Кав. Арх. Ком., изд. 1866 г., Т. I, 193.

[2]) Моуравъ происходитъ отъ слова *урва* — забота, попеченіе, управленіе. Слово моуравъ выражало сначала власть, которая стояла выше эриставовъ и замѣнила ихъ потомъ. Впослѣдствіи званіе моурава снизошло отъ важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ до мелкихъ правителей, уѣздныхъ, участковыхъ и сельскихъ.

по разсчетамъ торговымъ, также иски вексельные и другія гражданскія дѣла, меликъ созывалъ именитыхъ купцовъ, рѣшалъ дѣла письменнымъ приговоромъ, утверждая его печатью своею, и лицъ участвовавшихъ съ нимъ при разборѣ дѣла. Разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ маловажныхъ, меликъ имѣлъ право передавать на разсмотрѣніе и рѣшеніе двухъ или болѣе достойныхъ гражданъ, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ.

Князь въ своихъ имѣніяхъ имѣлъ власть мдиванъ-бека. Онъ давалъ судъ и расправу своимъ крестьянамъ по уложенію царства и по мѣстнымъ обычаямъ, лично или чрезъ своихъ повѣренныхъ, которыхъ могъ имѣть по закону. По преступленіямъ уголовнымъ: первой степени, представляли царю; а по насиліямъ второй степени, князь дѣлалъ самъ приговоры и вносилъ къ царю на утвержденіе. Денежные сборы отъ дѣлъ, поступавшіе въ казенныхъ имѣніяхъ въ казну, въ помѣщичьихъ принадлежали помѣщику и составляли значительную часть ихъ доходовъ. Князья, имѣвшіе у себя дворянъ, пользовались преимуществомъ, по которому ихъ суду подлежали не только крестьяне дворянскіе, но и сами дворяне, по дѣламъ объ имѣніяхъ. Дворяне эти, владѣя недвижимостію, данною имъ князьями, располагали ею только съ дозволенія своихъ князей и допускаемы были къ закладу и продажѣ имѣній только дворянамъ того же князя, съ тою цѣлію, чтобы, не нарушать округлости вотчины, т. е. чтобы, по обычаю издревле существовавшему, князья не имѣли другъ съ другомъ черезполосныхъ владѣній.

Военное управленіе въ Грузіи распредѣлялось соотвѣтственно слѣдующимъ чинамъ:

1) *Сардаръ* — полный генералъ. Чинъ этотъ былъ самый высшій, и имъ пользовались наслѣдственно знатнѣйшіе князья Грузіи, въ Карталиніи 4, а въ Кахетіи — 1.

2) *Минбаши* или *Атасисъ-тави*—тысяченачальникъ. Они находились въ мирное время въ вѣдѣніи сардаря и всегда были готовы на службу. Каждый сардарь имѣлъ своихъ минбашей, соразмѣрно тому числу войскъ, которое могло соединяться подъ его начальствомъ, и потому у нѣкоторыхъ было трое, у другихъ меньше.

Комендантъ тифлисской крѣпости имѣлъ чинъ *минбаши*; въ другихъ же крѣпостяхъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи моуравовъ, комендатовъ вовсе не было.

3) *Хутасисъ-тави* или *Гундистави* — пятисотенникъ; *Асистави* — сотникъ; *дасбаши* — начальникъ надъ десятью.

Первое учрежденіе въ Грузіи артиллеріи послѣдовало около 1770 года, при царѣ Ираклiѣ Теймуразовичѣ. Въ это время, со-

стояло въ грузинской полевой артиллеріи не болѣе 10-ти орудій и 60-ти рядовыхъ; начальство надъ ними ввѣрено было минбашѣ. Когда возвратился въ Грузію князь Паата Андрониковъ, пріобрѣвшій въ Россіи нѣкоторыя познанія въ артиллерійской наукѣ, то съ принятіемъ въ свое вѣдѣніе грузинской артиллеріи, онъ пожалованъ царемъ въ чинъ *топчи-баши*,—званіе, которое носилъ и самъ царь. Князь Андрониковъ устроилъ въ Тифлисѣ литейный дворъ, на которомъ отливались мѣдныя пушки, мортиры и снаряды. Онъ перелилъ орудія по европейскимъ калибрамъ, увеличилъ число ихъ до 15-ти, а по присоединеніи къ нимъ, въ 1787 году, еще 12-ти орудій, изъ числа 24-хъ, пожалованныхъ въ 1784 году императрицею Екатериною II царю Ираклію, онъ установилъ въ артиллеріи русскіе чины: маіора, капитана, поручика и сержанта. Нижніе чины носили названіе *топчи*, и число ихъ простиралось до 100 человѣкъ. Топчи набраны были изъ русскихъ солдатъ, оставшихся въ Грузіи дезертирами въ бытность тамъ русскихъ войскъ въ 1769 — 1787 г., и изъ выкупленныхъ царемъ изъ плѣна отъ кавказскихъ горскихъ народовъ. Въ 1794 году, считалось тѣхъ и другихъ 375 человѣкъ; а по выступленіи изъ Грузіи русскихъ войскъ, бывшихъ тамъ въ 1796 и 1797 г., осталось бѣглыхъ около 300 человѣкъ. Бо̀льшая часть этихъ солдатъ были женаты на грузинкахъ и тамъ водворились. При открытіи русскаго правленія, всѣ изъ нихъ, которые оказались способными къ службѣ, опредѣлены въ учрежденныя въ Грузіи штатныя воинскія команды, по знанію ими грузинскаго языка.

Главный недостатокъ полевой артиллеріи состоялъ въ томъ, что ее возили въ походахъ на вьюкахъ.

Царь Георгій Иракліевичъ, ввѣривъ артиллерію сыну своему царевичу Іоанну, наименовалъ его фельдцейхмейстеромъ.

Въ штабъ и оберъ-офицерскіе чины артиллеріи производили князей и дворянъ, а унтеръ-офицерами опредѣлялись лица и другихъ сословій.

Сверхъ гражданскаго раздѣленія обоихъ областей Грузіи, Кахетіи и Карталиніи, каждой на верхнюю, среднюю и нижнюю, Грузія имѣла еще раздѣленіе военное по сардарьствамъ.

Въ Карталиніи было такихъ округовъ — 4, въ Кахетіи — 2.

Во всѣхъ карталинскихъ и въ одномъ кахетинскомъ округѣ, главные начальники были сардари; татары же составляли всегда особые корпуса подъ предводительствомъ своихъ моуравовъ.

Всѣ князья и дворяне, имѣвшіе въ этихъ округахъ помѣстья и крестьянъ, точно также какъ и моуравы государственныхъ, удѣльныхъ и церковныхъ имѣній, въ случаѣ поголовнаго воору-

женія, должны были со своими людьми присоединяться къ войскамъ своего сардаря. Царь каждый разъ опредѣлялъ сколько и съ какого участка слѣдовало выставить войска. Люди эти должны были имѣть свое оружіе и запасъ провіанта, на назначенное время, и во все продолженіе войны находились подъ командою своего сардаря. Жители городовъ и мѣстъ неудобныхъ для хлѣбопашества, въ особенности осетины, получали въ походѣ провіантъ отъ царя. По древнимъ грузинскимъ обычаямъ, подчиненные обязаны были подносить своимъ сардарямъ 5-ю часть добычи, пріобрѣтенной на войнѣ.

Сосредоточившись на какомъ-либо пунктѣ, все ополченіе Карталиніи и Кахетіи устраивалось слѣдующимъ образомъ.

Передовой полкъ. Онъ состоялъ: 1) изъ войскъ нижней Карталиніи или Самхетіи, подъ начальствомъ своего сардаря, князя Орбеліани, у котораго было подъ командою 6 другихъ княжескихъ фамилій; 2) изъ войскъ нижней Кахетіи, т. е. кизика подъ начальствомъ сардаря и моурава своего, князя Андроникова.

Большой полкъ. Его составляли: войска карталинскія, изъ селеній находившихся къ сѣверу отъ Тифлиса, по правому берегу Куры, подъ начальствомъ сардаря князя Циціанова, у котораго подъ командою состояло еще 4 княжескія фамиліи.

Войска верхне-кахетинскія изъ хевсуръ, пшавовъ и тушинъ подъ начальствомъ моурава князя Челокаева и своихъ деканозовъ [1]). Этимъ полкомъ предводительствовалъ самъ царь.

Правая рука или *правое крыло.* Этотъ полкъ составляли:

1) Войска средней или собственной Карталиніи, подъ начальствомъ сардаря и своего моурава князя Амилахварова, подъ командою котораго состояли 14-ть фамилій другихъ князей. При этомъ же отрядѣ находился всегда царскій наслѣдникъ; и —

2) Войска средней Кахетіи, при нихъ находился архіепископъ Руставельской. Преимущество это дано издревле архіепископу Руставельскому въ память важной военной услуги, оказанной Грузіи однимъ архіереемъ этой епархіи. Войсками начальствовалъ одинъ изъ князей, а архіепископъ поощрялъ ихъ къ храбрости.

Лѣвая рука. Этотъ полкъ составляли: войска верхне-карталинскаго и мухранскаго округовъ и осетины, подъ начальствомъ сардаря кн. Багратіона-Мухранскаго, у котораго подъ командою были эриставы Ксанскій и Арагвскій.

Войска татарскія составляли особый корпусъ, и татары казахскіе съ своими моуравами стояли всегда на правомъ флангѣ

---

[1]) Декановъ — лицо духовное и вмѣстѣ съ тѣмъ правитель и предводитель народа.

правой руки, а татары борчалинскіе съ своимъ моуравомъ — на лѣвомъ флангѣ лѣвой руки.

Во всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ царя Ираклія II Теймуразовича, во второй половинѣ XVIII стол., никогда не участвовало болѣе 10,000 человѣкъ. Князья, дворяне, слуги ихъ, кизики, татары и осетины, жившіе по берегамъ рѣкъ: Терека, Арагвы и Ксаны, служили преимущественно на конѣ, а пѣшими: хевсуры, пшавы, тушины и тѣ изъ земледѣльцевъ, которые не имѣли средствъ содержать въ походѣ лошадей.

Вооруженіе состояло: изъ ружей, пистолетовъ, сабель и кинжаловъ. Хевсуры, пшавы и туши употребляли еще небольшіе щиты. Но бывали въ пѣхотѣ и такіе бѣдняки, которые ходили на войну съ одними деревянными палками.

Такъ какъ продовольствіе не обезпечивалось отъ правительства, то военныя дѣйствія внѣ предѣловъ Грузіи не были продолжительны, въ особенности въ томъ случаѣ, если пропитаніе тамъ не пріобрѣталось отъ непріятелей или союзниковъ.

Русскіе офицеры видѣли неоднократно, какъ грузинскіе воины, израсходовавъ весь свой запасъ провіанта, возвращались домой при началѣ еще кампаніи, для снабженія себя хлѣбомъ.

Царь Теймуразъ, желая оградить предѣлы Грузіи отъ хищническихъ вторженій горныхъ народовъ, учредилъ для этого особое военное сословіе, извѣстное подъ именемъ *нокари* и постановилъ правиломъ, чтобъ изъ казенныхъ, удѣльныхъ, церковныхъ и помѣщичьихъ селеній высылалось на границу, по-очередно и на одинъ годъ, 2,000 конныхъ воиновъ. Провіантъ и фуражъ этимъ войскамъ производился отъ казны, а жалованьемъ каждое селеніе снабжало своего воина, платя ему отъ 20 до 40 р. въ годъ.

Царь Ираклій Теймуразовичъ уничтожилъ нокари, а въ замѣнъ ихъ устроилъ въ 1773 г. другое ополченіе, подъ именемъ *мориге*, на томъ основаніи, чтобы каждый поселянинъ изъ грузинъ, армянъ или татаръ, имѣющій землю, хлѣбопашество, скотоводство, садоводство и другіе промыслы, отслужилъ одинъ мѣсяцъ въ году на границахъ Грузіи въ назначенномъ царемъ мѣстѣ.

Отъ этой повинности освобождены были осетины, хевсуры, пшавы, тушины и другіе горскіе жители, жившіе на границахъ въ съ сосѣдствѣ хищныхъ народовъ, а также жившіе въ городахъ купцы и ремесленники. Въ одну очередь собиралось 5 т. человѣкъ при князьяхъ, тысяченачальникахъ, пятисотникахъ и сотникахъ. Князья служили помѣсячно, а прочіе чиновники безсмѣнно, получая отъ казны жалованье. Войска эти частію были конныя,

частію пѣшія и всѣ на собственномъ содержаніи. Въ случаѣ нужды соединяли двѣ и три очереди вмѣстѣ.

Изъ этихъ отрядовъ содержались караулы, человѣка по четыре въ каждомъ, изъ людей надежныхъ и знающихъ всѣ скрытнѣйшія мѣста, чрезъ которые проникали въ Грузію лезгины изъ Ахалцыха и другихъ мѣстъ. По своей малочисленности, караулы могли укрывать себя весьма удобно и при появленіи лезгинъ тотчасъ извѣщали отряды и ближайшія селенія.

Для возбужденія въ подданныхъ усердія къ охраненію отечества, царь Ираклій Теймуразовичъ находился самъ ежегодно одинъ мѣсяцъ на стражѣ. Примѣру его послѣдовали царевичи, и служба эта скоро стала почетною, такъ сказать аристократическою, хотя не надолго. Старшій сынъ Ираклія II, Георгій, первый подалъ поводъ къ ослабленію этого учрежденія, неисполненіемъ своей очереди. Тогда и прочіе царевичи, а потомъ и князья, избѣгая исполненія этой обязанности, скоро совершенно уничтожили это учрежденіе. Въ послѣдніе годы жизни престарѣлаго Ираклія, при раздробленіи Грузіи на удѣлы между царевичами, мало уважавшими повелѣнія царя, Грузія была поставлена въ такое положеніе, что царь, по опустошеніи Тифлиса Агою-Магометъ-Ханомъ въ 1795 г., не имѣя средствъ оградить страну отъ хищничества горскихъ народовъ, рѣшился содержать у себя по найму отъ 5 до 10 т. лезгинъ. Ихъ продовольствовали припасами, взятыми у народа чрезвычайными поборами. Въ такомъ положеніи получилъ Грузію и царь Георгій XII; хотя бѣдствія страны извнѣ казалось и уменьшились, но за то наемные лезгины производили безнаказанно ужасные грабежи, пока не прибыли въ Грузію русскія войска.

Такова была Грузія, принявшая наше подданство; Грузія искала въ нашемъ покровительствѣ спасенія отъ домашнихъ неурядицъ правленія своего царскаго дома и отъ внѣшнихъ непріятелей, предъ которыми было безсильно прежнее правительство страны. Каковы же были первые дни русскаго правленія Грузіи, и почему, въ самомъ непродолжительномъ времени, Лазаревъ вынужденъ былъ доносить, что всѣ грузины — «столь же недовольны, сколько днесь желали россійскаго правленія»?

VIII.

Первые дни русскаго правленія въ Грузіи.

По принятіи Грузіи въ наше подданство, главнокомандующій вмѣстѣ съ правителемъ Грузіи получили право измѣнять, по своему усмотрѣнію, правила и инструкціи, на основаніи которыхъ должны были дѣйствовать мѣстныя управленія или такъ называемыя экспедиціи; въ этомъ-то и правѣ заключался прежде всего корень всѣхъ злоупотребленій и послѣдовавшихъ за ними безпорядковъ.

Кнорингъ очепь скоро устранилъ себя отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла, предоставивъ правителю Коваленскому избрать и назначить на должности гражданскихъ чиновниковъ лица, по своему усмотрѣнію. Коваленскій не замедлилъ этимъ воспользоваться. Собравъ отовсюду своихъ родственниковъ или людей какъ съ нимъ самимъ, такъ и съ его родственниками, «по какимъ нибудь отношеніямъ въ связи состоящихъ» [1]), онъ отправился вмѣстѣ съ ними въ Грузію. Въ самомъ распредѣленіи должностей существовалъ полнѣйшій произволъ; должностныя лица перемѣщались съ одного мѣста на другое безъ всякаго основанія, смотря по видамъ правителя. Указомъ сената назначенъ начальникомъ въ экспедицію казенныхъ дѣлъ коллежскій совѣтникъ Тарасовъ, но съ открытіемъ правленія, экспедиція эта предодоставлена была родному брату правителя, а Тарасовъ очутился начальникомъ экспедиціи уголовныхъ дѣлъ. Назначеніе грузинскихъ князей и дворянъ въ составъ управленія подверглось не меньшему произволу. По мнѣнію нашего правительства, такое назначеніе признавалось необходимымъ; цѣль его была—ввести народный элементъ въ управленіе страною. Съ этою цѣлію Кнорингу хотя и предоставлено было право выбора князей, но только при одномъ условіи добросовѣстности,—чтобы «на первый разъ вступили въ должности люди способнѣйшіе, отличаемые общимъ уваженіемъ и довѣренностію согражданъ своихъ». Такое желаніе и мысль императора осуществились обратно. Грузины или были совсѣмъ устранены отъ участія въ управленіи, или же набраны такіе, которые не могли мѣшать самовластію и произволу. Такъ, къ татарамъ, обитавшимъ въ Грузіи, были назначены въ помощники приставовъ такія лица изъ грузинъ, которыя не только не пользовались общимъ уваженіемъ или отличались хорошею служ-

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

бою, но, напротивъ того, имѣли такія достоинства «о коихъ упоминать здѣсь пристойность запрещаетъ» [1]).

Самъ главнокомандующій не сознавалъ своего положенія и той обязанности, для которой былъ призванъ. Кнорингъ не считалъ грузинъ подданными Россіи, и заблуждался на столько, что сдѣлалъ замѣчаніе Лазареву, назвавшему ихъ подданными въ одномъ изъ своихъ донесеній. Лазаревъ долженъ былъ въ свое оправданіе приводить подлинныя слова двухъ манифестовъ, собственныя предписанія Кноринга и другіе документы.

«Ваше превосходительство изволили примѣтить и удивиться— писалъ онъ [2]) — что я грузинъ называю подданными, то прошу въ ономъ извиненія, но оное сдѣлано не умышленно и основываясь на обоихъ манифестахъ и вашемъ предписаніи, а сверхъ того и на партикулярныхъ письмахъ, изъ Петербурга мною полученныхъ, гдѣ ихъ не иначе разумѣютъ.... а по сему и не могъ я иначе полагать какъ то, что они дѣйствительно подданные, такъ какъ имъ сіе и публиковано; но теперь, видя свою ошибку, конечно, сего слова употреблять больше не буду».

Съ такимъ взглядомъ на дѣла, Кнорингъ не могъ принести большой пользы Грузіи. Крупные безпорядки открылись въ управленіи съ самаго начала. Высочайшія повелѣнія не исполнялись весьма продолжительное время. Отдача трехъ деревень въ области Хепенисъ-Хеобской, князю Абашидзе не приведена въ исполненіе до самаго октября 1802 г., не смотря на то, что повелѣніе императора было получено уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Тифлисѣ. Князь жаловался, но безуспѣшно. Всѣ жалобы останавливались въ верховномъ грузинскомъ правленіи, какъ въ самомъ высшемъ учрежденіи для каждаго грузина. Грузія была раздѣлена на пять уѣздовъ, а правленіе на четыре экспедиціи. Послѣднимъ предоставлена весьма широкая власть.— Уголовныя дѣла рѣшались по общимъ законамъ россійской имперіи. Подсудимый, въ случаѣ неудовольствія на рѣшеніе, хотя и имѣлъ право аппелировать, но аппеляція его, по инструкціи, данной Кнорингомъ, переносилась въ общее собраніе верховнаго грузинскаго правительства, точно на такомъ же основаніи «какъ въ правительствующій сенатъ» [3]) и далѣе Тифлиса не шла. Экспедиціи гражданскихъ дѣлъ предоставлена власть гражданской палаты, «то и переносъ дѣлъ изъ экспедиціи сей въ общее со-

---

[1]) Донесеніе Соколова.

[2]) Кнорингу, отъ 11 марта 1802 г.: Ак. Кавк. Ком. изд. 1866 г. Т. I, 353.

[3]) Наставленіе уголовной экспедиціи. Акты Кавк. ком. Т. I, 447.

браніе да происходитъ тѣмъ же порядкомъ, какой наблюдается при переносѣ дѣлъ изъ палаты въ правительствующій сенатъ» [1]).

Такимъ образомъ, общее собраніе верховнаго грузинскаго правительства было для грузинъ тоже, что сенатъ для всей Россіи. Для совершеннаго отдѣленія и большей самостоятельности Кнорингу и Коваленскому удалось выхлопотать себѣ право въ своихъ дѣйствіяхъ не отдавать никакого отчета сенату и не имѣть въ правленіи прокурора [2]), обязаннаго, по должности своей, слѣдить за правильностію дѣйствій правительственнаго мѣста. Вслѣдствіе того, всѣ важнѣйшія дѣла рѣшались въ верховномъ правительствѣ, которое приводило въ исполненіе свои постановленія черезъ экспедицію исполнительныхъ дѣлъ. Въ этой послѣдней экспедиціи рѣшались также дѣла по такимъ искамъ, которые не подлежали оспариванію, напримѣръ, подписанные должникомъ счеты, векселя, контракты и проч. Экспедиція дѣйствовала черезъ уѣздные суды, управы земской полиціи, комендантовъ и моуравовъ съ ихъ помощниками.

На обязанность земскихъ управъ возложено имѣть свѣдѣніе о торговыхъ цѣнахъ, наблюдать за вѣрностію вѣса, мѣры, чтобы въ уѣздѣ не было бѣглыхъ, чтобы ихъ никто не принималъ, не держалъ и не скрывалъ.

Въ управѣ засѣдалъ капитанъ-исправникъ съ двумя засѣдателями.

Въ уѣздныхъ городахъ поставлены были коменданты изъ русскихъ чиновниковъ; ихъ назначили изъ числа военныхъ офицеровъ, и никто не зналъ круга своихъ дѣйствій и цѣли самой должности.

Инструкціи, данныя капитанъ-исправникамъ и комендантамъ были, если не одинаковы совершенно, то на столько сходны, что какъ тѣ, такъ и другіе исполняли почти одинаковыя обязанности. Отъ этого обязанность комендантовъ была скорѣе городническая. Самъ главнокомандующій не уяснилъ себѣ основательно круга дѣйствій и обязанностей комендантовъ. Лазаревъ просилъ Кнōринга объяснить ему, какъ должны относиться къ комендантамъ воинскіе начальники. Главнокомандующій отвѣчалъ,—какъ къ городничимъ, и писалъ, что онъ снабдилъ уже ихъ городническою инструкціею, и что названіе комендантовъ имъ дано только «изъ причинъ политическихъ». Какъ бы то ни было, но отъ такихъ политическихъ причинъ происходили большія неудобства. Отношеніе комендантовъ къ войскамъ было крайне за-

---

[1]) Наставленіе гражданской экспедиціи, тамъ же, стр. 449.

[2]) Прокуроръ назначенъ только 19-го іюля 1803 г. См. П. Соб. Зак. томъ XXVII.

путано инструкціею. Они были подчинены непосредственно правителю и обязаны приводить въ исполненіе рѣшенія всѣхъ экспедицій правленія. Правитель Грузіи, своими инструкціями и объясненіями, еще болѣе запутывалъ ихъ обязанности. Тифлисскій комендантъ, родной племянникъ правителя, завѣдывалъ разбирательствомъ по вексельнымъ искамъ.

Запутанность обязанностей каждаго повела къ недоразумѣнію между правителемъ Грузіи и Лазаревымъ, начальникомъ войскъ тамъ расположенныхъ.

Карскій паша прислалъ къ Лазареву своего посланнаго съ письмами. Коваленскій отобралъ эти письма, и тѣ, которыя были адресованы къ Лазареву, отправилъ къ нему, а остальныя оставилъ у себя. По переводѣ ихъ оказалось, что паша поручилъ своему посланному переговорить словесно съ Лазаревымъ. Когда тотъ потребовалъ къ себѣ посланнаго, то его уже не было въ Тифлисѣ,—Коваленскій отправилъ его обратно. Лазаревъ донесъ Кнорингу и отдалъ приказъ, чтобы на гауптвахтахъ у городскихъ воротъ караульные справлялись у всѣхъ подобныхъ посланныхъ, пріѣзжающихъ изъ-за границы, не имѣютъ ли они писемъ къ командующему войсками, и въ послѣднемъ случаѣ препровождали бы ихъ къ нему. Коваленскій жаловался Кнорингу на такое распоряженіе Лазарева. Главнокомандующій, слѣпо вѣря правителю Грузіи и не разузнавъ дѣла, сдѣлалъ Лазареву выговоръ и сообщилъ ему, что всѣ пріѣзжающіе изъ-за границы должны являться комендантамъ, непосредственно подчиненнымъ правителю. Копію съ предписанія Лазареву Кнорингъ отправилъ и къ Коваленскому, который разослалъ ее ко всѣмъ комендантамъ и земскимъ начальникамъ. Лазаревъ считалъ себя обиженнымъ. Давнишняя вражда между двумя лицами закипѣла. Власть военная стала враждовать съ гражданскою. Злоупотребленія, безпорядки и упущенія стали увеличиваться. Лазаревъ узналъ, что царица Дарья намѣрена отправить въ Эривань къ царевичу Александру 1,000 рублей, кафтанъ и возмутительныя письма. Онъ требовалъ задержанія посланнаго и доставленія его къ себѣ. Комендантъ, не отвѣчая нѣсколько дней, на вторичное требованіе сообщилъ Лазареву, что посланный уѣхалъ въ Эривань по билету, выданному ему правителемъ Грузіи.

Съ открытіемъ экспедицій и правленія не было принято никакихъ мѣръ къ тому, чтобы ознакомить народъ съ новыми учрежденіями. Ни одинъ даже и образованный грузинъ не зналъ, съ какимъ дѣломъ куда слѣдуетъ обращаться. Затрудненіе это было тѣмъ болѣе ощутительно, что верховному правленію вмѣнено въ обязанность привести въ ясность имущество каждаго.

Потребность въ подачѣ просьбъ и объясненій была огромна, но просьбъ не подавали за незнаніемъ куда подать. Отсюда произошло то, что въ теченіе года ровно ничего не было сдѣлано по этому вопросу.

Съ объявленіемъ о дѣйствіи въ Грузіи русскихъ законовъ, никто не зналъ, какіе предѣлы имѣетъ власть земскихъ чиновниковъ. Помѣщики не знали своей власти надъ крестьянами, крестьяне — своихъ отношеній къ помѣщикамъ. Съ уничтоженіемъ грузинскихъ обычаевъ и законовъ, русскіе законы не были переведены на грузинскій языкъ.

Прошенія, иски и т. п. должны были поступать на русскомъ языкѣ. Въ составѣ управленія не было ни чиновниковъ, ни переводчиковъ, знающихъ грузинскій языкъ. Чиновникъ и проситель не понимали другъ друга. Для устраненія этого впали въ другую крайность, весьма странную. Постановили правиломъ, что каждый проситель долженъ проговорить все свое дѣло наизусть на русскомъ языкѣ безошибочно, подъ опасеніемъ потерять право иска [1]). Въ самыхъ экспедиціяхъ русскіе чиновники не понимали своихъ товарищей грузинъ. Отъ этого «дѣла рѣшались болѣе домашнимъ производствомъ у правителя Грузіи, нежели явнымъ и законнымъ теченіемъ въ самыхъ палатахъ, что наноситъ, какъ замѣтно, всеобщее неудовольствіе [2]).»

Правитель Грузіи никогда не ходилъ въ присутствіе, а занимался на дому. Совѣтъ верховнаго грузинскаго правительства существовалъ только на бумагѣ, а не въ дѣйствительности. Просьбъ, подаваемыхъ гражданами въ исполнительную экспедицію, никто не принималъ. Изъ двухъ совѣтниковъ, бывшихъ въ экспедиціи, одинъ, по слабости здоровья, а другой по молодости не бывали никогда въ присутствіи. Просители уходили безъ удовлетворенія и не знали, гдѣ найти его. «Обыватели Грузіи— пишетъ Лофицкій [3])—обращенные къ исканію правосудія въ единой особѣ правителя, не имѣли удовольствія найтить сбывчивыми надежды свои по предметамъ закона защищенія, а потому возвращались въ домы свои съ мрачнымъ впечатлѣніемъ и съ сумнѣніемъ о благоденствіи, котораго ожидали отъ русскаго правительства.»

«Коротко сказать,—доносилъ Лазаревъ,—всѣ теперь столь же недовольны, сколько днесь желали россійскаго правленія.»

---

[1]) Изъ донесенія кн. Циціанова Г. И. 13 февраля 1804 г. Арх. мин. внут. дѣлъ. Дѣла Грузіи ч. VI.

[2]) Акты Кав. арх. ком., изд. 1866 г. т. I, 398.

[3]) Записка Лофицкаго, поданная императору Александру 30 апрѣля 1806 г. Арх. Главн. Штаба въ С.-Петерб.

Товары и жизненные припасы въ Грузіи вздорожали; курсъ золота чрезвычайно понизился, а серебра вовсе не стало. Всѣ вообще служащіе ощущали нужду, а въ особенности войска. Жалованье войскамъ производилось червонцами по курсу 4 р. 80 к. Червонецъ же въ Тифлисѣ упалъ до 13 абазовъ [1]), что составляло 2 р. 60 к. При всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ за червонецъ можно было получить только 4 р. Пока можно было мѣнять червонецъ на серебро, ропота еще не происходило, хотя каждый и терялъ не менѣе 80 к.; но когда размѣнъ червонцевъ вовсе прекратился, тогда ропотъ послышался отовсюду. Солдатъ, имѣя надобность по большей части въ мелочныхъ вещахъ, не могъ ничего купить на рынкѣ, потому что у него, кромѣ червонца, ничего не было. Купцы сдачи не давали, а отобравъ проданный товаръ возвращали покупщику деньги. Гражданскіе чиновники получали жалованье серебромъ и потому находились въ лучшемъ нѣсколько положеніи. Впрочемъ бо́льшая часть гражданскихъ чиновниковъ жалованья вовсе не получали со времени своего прибытія въ Грузію по октябрь мѣсяцъ. Правитель Грузіи назначилъ жалованье большей части чиновниковъ менѣе, чѣмъ они получали во внутреннихъ губерніяхъ Россіи на соотвѣтственныхъ мѣстахъ. Не пользуясь кредитомъ, многіе изъ нихъ были доведены до такого состоянія, что не имѣли ни пищи, ни одежды, ни обуви. Снискивая себѣ пропитаніе продажею оставшагося имущества, чиновники перестали ходить въ должность. Къ тому же Коваленскій приказалъ выдавать жалованье не деньгами, а сукнами. Бѣдные чиновники считали себя счастливыми, если успѣвали продать его за одну треть стоимости, и потому терпѣли крайнюю нужду во всемъ.

Всѣ суммы находились въ распоряженіи правителя Грузіи, который выдавалъ ихъ по своему произволу. Денежные сборы, поступавшіе въ приходъ, показывались по вѣдомостямъ безъ всякаго порядка. Въ статьяхъ писалось, что «столько-то денегъ въ число такой-то подати взысканы правителемъ Грузіи и зачтены имъ себѣ въ число жалованья [2]).» Изъ 10 т. суммы, назначенной на содержаніе канцелярскихъ служителей, былъ представленъ отчетъ, къ которому приложенъ безъименный списокъ съ простою оговоркою, «что чиновники сіи удовольствованы жалованьемъ по 1-е ноября, а нѣкоторые изъ нихъ и далѣе.» Въ спискѣ между канцелярскими служителями, были показаны такіе чинов-

[1]) Абазъ равняется нашему двугривенному.
[2]) Арх. мин. внут. дѣлъ, дѣла Грузіи ч. II, 271—276.

ники, которые употреблялись правителемъ для его собственныхъ услугъ, «а одинъ изъ нихъ нерѣдко бывалъ въ ливреѣ [1])».

Въ казенной экспедиціи, со дня ея отркытія, ни разу не происходило свидѣтельствованіе денежныхъ суммъ. Казна хранилась не въ экспедиціи, а на квартирѣ казначея и безъ всякаго караула. Уголовная экспедиція просила объ ассигнованіи и отпускѣ ей суммы необходимой для расходовъ, но отпуска не послѣдовало. Не смотря на свои жалобы Коваленскому и Кнорингу, уголовная экспедиція, со времени ея открытія, не имѣла ни вахмистра, ни сторожа, «и въ ней, какъ она доносила, не метутся и не топятся комнаты [2]).»

Всѣ деньги шли на удовлетвореніе прихотей правителя. Онъ отдѣлалъ себѣ квартиру, платилъ щедрое жалованье своимъ прислужникамъ и выводилъ его въ расходъ подъ скромнымъ обозначеніемъ—на содержаніе караульныхъ для наблюденія за хищниками около Тифлиса, въ которомъ стояло нѣсколько батальоновъ пѣхоты.

Крупныя злоупотребленія повели къ болѣе мелкимъ, — правителя обвиняли въ сдѣлкѣ съ самымъ богатымъ купцомъ въ Тифлисѣ, Бегтабековымъ, который былъ сдѣланъ губернскимъ казначеемъ. Бегтабековъ, еще во времена царей грузинскихъ, всегда монополизировалъ курсомъ въ Грузіи, теперь же, когда всѣ казенныя деньги были въ безотчетномъ его распоряженіи, онъ еще болѣе злоупотреблялъ ими. Въ домѣ Бегтабекова и правителя открыто размѣнивалась серебрянная монета, собираемая съ жителей въ казенное вѣдомство. Въ небольшой промежутокъ времени своего правленія правитель нашелъ средство, чтобы скупить всю шерсть въ Грузіи, имѣя въ виду сбыть ее съ выгодою на строившуюся въ Тифлисѣ суконную фабрику.

Всѣмъ извѣстно было, что фабрика эта строится подъ именемъ казенной, на землѣ принадлежащей казнѣ, а между тѣмъ на постройку ея употребляется матеріалъ изъ стѣнъ бывшаго царскаго дворца, разореннаго въ послѣднее вторженіе въ Грузію Аги-Магометъ-Хана и принадлежавшаго царевичу Давыду.

Царевичъ жаловался на произволъ правителя, на расхищеніе его собственности, но стѣны по прежнему ломали и строили изъ нихъ фабрику. Коваленскій отговаривался тѣмъ, что получилъ на то разрѣшеніе Кноринга, и что будто стѣна дворца, стѣсняя улицу, угрожаетъ паденіемъ [3]). «Главнѣйшее то, доносилъ

---

[1]) Слѣдственное дѣло надъ Коваленскимъ.

[2]) Акт. Кав. арх. ком., изд. 1866 г. т. I, 506.

[3]) Слѣд. дѣло надъ Коваленскимъ.

Соколовъ [1]), что правитель для употребленія въ хозяйственныя заведенія привезъ сюда мастеровыхъ людей иностранцевъ, которые, не получая отъ него платы по контрактамъ, скитаются здѣсь по міру. Люди сіи неоднократно являлись ко мнѣ съ неотступными просьбами оказать имъ помощь и избавить ихъ отсюда».

О приведеніи въ извѣстность доходовъ никто и не думалъ. Только въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1802 г., когда въ Грузію былъ назначенъ уже новый главнокомандующій, было предписано полицейскимъ чиновникамъ обратить на это вниманіе. До этого же времени дѣло шло какъ попало. Поступившіе въ оброчныя статьи два сада въ Тифлисѣ, принадлежавшіе царевичамъ Іулону и Александру, были отдаваемы на откупъ. Гр. Мусинъ-Пушкинъ предлагалъ за одинъ изъ нихъ дать 300 руб. откупной суммы. Коваленскій отказалъ графу и передалъ ихъ другому. По отчетамъ сады эти за полтора года принесли доходу 23 руб. 7 коп., тогда, когда опредѣленный къ нимъ смотритель получалъ жалованья по 300 руб. въ годъ.

Со времени учрежденія верховнаго грузинскаго правительства до 1803 года, оно имѣло только одиннадцать общихъ собраній. Дѣла поступали въ домашнюю канцелярію правителя и по девяти мѣсяцовъ оставались безъ всякаго исполненія. «Въ шестой день по пріѣздѣ моемъ сюда, писалъ кн. Циціановъ министру внутреннихъ дѣлъ, посѣтилъ я присутственныя мѣста верховнаго грузинскаго правительства, и въ исполнительной экспедиціи не нашелъ ни одного изъ присутствующихъ, кромѣ правящаго должность секретаря, который, вмѣсто настольнаго реестра, подалъ мнѣ приватную записку съ ложнымъ показаніемъ, что правитель Грузіи, прибывъ въ присутствіе 5-го числа въ 8 часовъ пополуночи, слушали и проч., когда, по собственному признанію секретаря, Коваленскій въ присутствіе не являлся....

«Въ казенной экспедиціи встрѣтилось такое же неустройство и совершенное бездѣйствіе, поелику всѣ дѣла по казенной части отъ предмѣстника моего также препоручены были правителю Грузіи, коего домашняя канцелярія управляла, въ видѣ присутственныхъ мѣстъ, всѣми въ Грузіи дѣлами, съ самовластіемъ, какого и управляющій имѣть не можетъ» [2]).

«Однимъ словомъ, писалъ кн. Циціановъ въ другомъ донесеніи, домъ г. Коваленскаго былъ верховнымъ мѣстомъ прави-

---

[1]) Кн. Куракину. Арх. Минис. Иностр. дѣлъ.

[2]) Отнош. гр. Кочубею 10 февр. 1803 г. Арх. М. В. Д. по деп. общ. дѣлъ, д. Грузіи ч. II, 271—276.

тельства, откуда разсылались повелѣнія, розыски, аресты и конфискаціи» [1]).

Злоупотребленіе чиновниковъ доходило до крайнихъ предѣловъ. Грузія, избѣгая отъ ига многочисленной царской фамиліи, ее разорявшей, по свидѣтельству современника, получила тягчайшее для себя иго, наложенное родственниками Коваленскаго, которые занимали главнѣйшія мѣста въ правительствѣ [2]).

«Коваленскій угнетаетъ людей къ Россіи приверженныхъ, состоя въ тѣсныхъ связяхъ съ фамиліею царскою, которая, покровительствуя участниковъ въ своихъ замыслахъ, ходатайствуетъ за нихъ у правителя». Исправники, объѣзжая деревни, запрещали крестьянамъ повиноваться и платить подати помѣщикамъ, говоря, что они поступили въ составъ государственныхъ крестьянъ, обязанныхъ податью только одной казнѣ, но это не мѣшало самимъ исправникамъ брать съ крестьянъ все, что только можно. Грузины должны были исполнять всѣ требованія ихъ безпрекословно, потому что въ нуждахъ своихъ не могли имѣть ни къ кому прибѣжища, «ибо, куда ни обратятся, вездѣ находятъ или родственниковъ Коваленскаго, или его приверженцевъ, или судей изъ князей и дворянъ, преданныхъ царской фамиліи, коими наполнилъ Коваленскій верховное правительство» [3]).

Правило, изложенное въ инструкціи управѣ земской полиціи, чтобы никто не смѣлъ отягощать народъ никакими поборами, кромѣ установленныхъ [4]), съ самаго начала не исполнялось. Точно также не исполнялось и то постановленіе, по которому члены земской полиціи обязаны были, для производства слѣдствія, отправляться на мѣсто происшествія для того, чтобы не отрывать жителей отъ ихъ работъ. Напротивъ того, по одному только подозрѣнію, жителей хватали, связывали назадъ руки, накидывали на шею петлю, и какъ уголовныхъ преступниковъ, отводили пѣшкомъ за 50 верстъ и далѣе. Чиновники и офицеры силою увозили женщинъ и дѣвицъ изъ селеній и насиловали ихъ.

Общее ослабленіе и несостоятельность тамошняго правленія все болѣе и болѣе обнаруживались [5]). Грузины съ каждымъ днемъ терпѣли бо̀льшія притѣсненія. Военные начальники вмѣшивались

---

[1]) Письмо его же гр. Кочубею, 27 февр. Тамъ же.

[2]) Слѣдственное дѣло надъ Коваленскимъ.

[3]) Арх. Министер. Внут. дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. II, 360—363.

[4]) Акты Кавк. Арх. Ком., изд. 1866 г. Т. I, 451.

[5]) Неизвѣстный авторъ писемъ съ Кавказа (Русскій Вѣст. 1865. № 10, стр. 713) хотя и говоритъ, что при Коваленскомъ формы правленія были проще, «расходы меньше и вмѣстѣ съ тѣмъ меньше запутанности въ дѣлахъ», но съ нимъ, къ сожалѣнію, нельзя согласиться.

во внутреннее управленіе страны. Самовольно по своимъ прихотамъ дѣлали нарядъ подводъ и лошадей; при проѣздахъ не платили прогоновъ, допускали похищеніе у жителей «скота, живности, плодовъ и прочаго». Лазаревъ долженъ былъ написать строгій приказъ и объявить войскамъ, что виновные въ оскорбленіяхъ и насиліяхъ жителямъ подвергнутся примѣрному наказанію [1]).

Положеніе страны было неестественно. Народъ былъ крайнѣ недоволенъ и жаловался «на многочисленность мелкихъ чиновниковъ, снѣдающихъ жалованьемъ своимъ доходы здѣшніе». Простой народъ терпѣлъ разореніе, преданные намъ князья были недовольны тѣмъ, что остались не только не награжденными, но даже лишились тѣхъ отличій и доходовъ, которые по мѣстамъ своимъ имѣли. Напротивъ того, многіе «изъ противниковъ россійскихъ награждены или отличіями или жалованьемъ» [2]). Раздача должностей и жалованья лицамъ враждебной партіи нисколько не привязывала ихъ къ намъ. Короче сказать, всѣ состоянія грузинскаго народа были недовольны и отягощены до такой степени, что рѣшились сами выдти изъ столь стѣснительнаго положенія и заявить о своемъ состояніи русскому императору.

IX.

Начало волненій и участіе въ нихъ членовъ царскаго дома, бывшихъ въ Грузіи.

Можно-ли обвинять грузинъ, которые, какъ мы видѣли, имѣли весьма своеобразные и нравы и порядки—обвинять въ томъ, что они привыкли смотрѣть, наприм., на своего царя своими особыми, имъ только однимъ свойственными глазами, что они не понимали нашего правленія, порядка нашего судопроизводства; но такъ полагали наши первые администраторы, призванные императоромъ для того, чтобы показать благость русскаго правленія, а явившіеся въ сущности для того, чтобы извлечь личныя выгоды изъ управленія краемъ. Для народа были чужды тѣ административныя мѣры, которыя были хороши для великорусскихъ губерній. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ самоуправленіи Грузіи существовали не меньшія злоупотребленія, чѣмъ допустило ихъ верховное правительство; что произволъ царскій и кня-

---

1) Акты Кав. Арх. Ком., изд. 1866 г. Т. I, 412, № 516.

2) Письмо гр. Мусина-Пушкина Трощинскому, 20 августа 1802 г., № 61.—Тамъ же, стр. 398, № 502.

жескій ложился тяжелымъ гнетомъ на народъ; но произволъ этотъ вылился изъ народнаго характера, былъ освященъ обычаями и вѣковою давностію, сроднившею его съ политическимъ тѣломъ Грузіи. И при всемъ томъ, никто изъ князей не рѣшился бы заикнуться, а тѣмъ болѣе заставить грузина внести подать такую, какую онъ прежде не вносилъ; никто не заставилъ бы его исполнять такую службу, которую его предки не исполняли. Верховное же правительство, съ первыхъ дней своего правленія, нарушило этотъ народный обычай и тѣмъ породило множество недовольныхъ и обиженныхъ. Грузины отстаивали старый порядокъ, наше правительство требовало повиновенія новому. Отъ этого, съ самаго же начала, почти со дня объявленія манифеста, стали высказываться недоразумѣнія и народное неудовольствіе. Злоупотребленія же, вкравшіяся въ администрацію края, подавали новый поводъ къ безпорядкамъ и броженію умовъ.

Жители Кахетіи не повиновались судамъ, хотѣли устранить русское правительство и согласились сами управлять собою. Многіе изъ князей удалились даже въ Эривань, къ бывшему тамъ царевичу Александру. Въ Карталиніи—«дѣла на такой же ногѣ», доносилъ Лазаревъ. Татары, непривычные къ военному постою, были недовольны тѣмъ, что у нихъ расположены войска, собирались бѣжать и перекочевать за границу Грузіи. Кочующій народъ казахи, магометанскаго закона, были недовольны на наше правительство за желаніе перемѣнить ихъ моурава.

Со времени признанія надъ собою власти грузинскаго царя, казахи всегда управлялись моуравами изъ роду князей Чавчавадзе [1]). Узнавъ еще при жизни Георгія XII, что управленіе ими хотятъ поручить другому лицу, они тогда уже объявили, что не останутся на степяхъ Грузіи и перекочуютъ за границу.

Тоже самое было и теперь. Правитель Грузіи, желая устранить князя Чавчавадзе отъ управленія казахами, призвалъ къ

---

[1]) Казахи кочевали въ Грузіи съ самыхъ древнихъ временъ еще до Шахъ-Аббаса Великаго. Трудно опредѣлить время поселенія этого народа въ Грузіи. Они платили дань грузинскимъ царямъ и для управленія ими назначались грузинскіе князья, сверхъ ихъ собственныхъ старшинъ. — Шахъ-Надиръ отдалъ казаховъ въ вѣчное владѣніе Ираклію II, а тотъ поручилъ управленіе ими роду князей Чавчавадзе.

Находясь въ концѣ прошлаго столѣтія въ Петербургѣ, кн. Чавчавадзе получилъ свѣдѣнія, что казахи откочевали въ Персію, а вслѣдъ за тѣмъ письмо отъ Ираклія, который требовалъ, чтобы онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ. Съ разрѣшенія нашего правительства, кн. Чавчавадзе отправился сначала въ Грузію, потомъ въ Персію, уговорилъ казаховъ вернуться и самъ привелъ ихъ на прежнія мѣста. Предоставивъ управленіе своему сыну, онъ опять вернулся въ Петербургъ. См. Арх. мин. внутр. дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. II, 199.

себѣ старшинъ народа и вымогалъ отъ нихъ, чтобы они высказали неудовольствіе на своего моурава. Казахи отказались исполнить такое требованіе и предъявили просьбу объ оставленіи ихъ подъ управленіемъ князя Чавчавадзе, обѣщаясь въ противномъ случаѣ удалиться изъ Грузіи [1]).

Произвольныя, ни на чемъ не основанныя дѣйствія правителя, увеличивали число недовольныхъ. Тифлисскіе купцы отказались платить дань и, въ день отъѣзда Кноринга въ Георгіевскъ, заперли всѣ лавки. Графъ Мусинъ-Пушкинъ писалъ Лазареву, прося его поспѣшить изъ лагеря въ Тифлисъ, для возстановленія порядка. Графъ прибавлялъ, что объ этомъ просятъ его многія лица изъ первѣйшихъ княжескихъ фамилій. Прибывъ въ столицу Грузіи, Лазаревъ увидалъ, что царская фамилія «есть первая пружина всѣмъ волненіямъ».

Лица, приверженныя къ Россіи, притѣснялись; въ городѣ народъ волновался. Царица Дарья отправила посланнаго въ Эривань къ сыну Александру съ новымъ платьемъ и 1 тыс. рублей денегъ. Царевичъ Вахтангъ, бывшій въ Душетѣ, запретилъ своимъ подвластнымъ повиноваться душетскому исправнику. Парнаозъ писалъ изъ Имеретіи, что скоро прибудетъ въ Грузію съ значительными войсками лезгинъ, имеретинъ и турокъ. Онъ приглашалъ народъ присоединиться къ нему. Царевичъ Давыдъ, подъ предлогомъ устройства мѣднаго завода, намѣренъ былъ собрать себѣ приверженцевъ, подъ скромнымъ именемъ рабочихъ. Для удобнѣйшаго исполненія своихъ намѣреній, онъ собирался оставить Тифлисъ и уѣхать въ Борчалы, гдѣ будто бы отыскалъ уже пріиски мѣдной руды. Для отвода всякаго подозрѣнія, онъ писалъ графу Мусину-Пушкину, спрашивалъ его мнѣнія и совѣтовъ, но тотъ сначала медлилъ отвѣтомъ, а потомъ совѣтовалъ оставить эти изысканія. Тогда Давыдъ отправился чрезъ горы къ борчалинскимъ татарамъ, подъ предлогомъ лучшаго тамъ воздуха и для поправленія разстроеннаго своего здоровья, въ сущности же для оказанія содѣйствія своимъ дядямъ и братьямъ, къ которымъ присоединился.

Католикосъ царевичъ Антоній, хотя и былъ «человѣкъ необыкновенно тяжелаго сложенія, но за всѣмъ тѣмъ не послѣднее дѣйствующее лицо съ царицею Дарьею» [2]).

---

[1]) Докладная записка Лошкарева вице-канцлеру, 9-го іюля 1802 г. — Прошеніе кн. Чавчавадзе Г. И., въ іюлѣ 1802 г., Арх. министерства внутр. дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. II, 199 и 200.

[2]) Рап. Соколова кн. Куракину, отъ 20-го сентября 1802 г.: Арх. мин. иностр. дѣлъ.

Будучи зачинщицею всѣхъ замысловъ, царица Дарья ободряла приверженныхъ къ себѣ, и напротивъ стращала всякаго рода слухами и угрозами лицъ преданныхъ къ Россіи. Энергичная и искусившаяся въ интригахъ женщина, не стѣснялась въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли. Такъ, разсказывали, что сгорѣвшій авлабарскій мостъ, былъ подожженъ подосланнымъ ею человѣкомъ; что выстрѣлы, слышанные въ предмѣстьи Тифлиса, были произведены ея же людьми для устрашенія жителей и распространенія слуховъ о мнимомъ дерзкомъ вторженіи лезгинъ въ самую столицу Грузіи.

Дарья нѣсколько разъ подсылала своихъ приверженцевъ къ сардарю кн. Орбеліани, съ цѣлію привлечь его на свою сторону. Она старалась доказать ему, что русскіе ограбили его совершенно, отняли званіе сардаря и салхтхуцеса. Царица спрашивала: гдѣ его деревни? богатство? — и, указывая на то, что они будто бы отняты русскими, обѣщалась возвратить ему все, если онъ будетъ принадлежать ея партіи. Орбеліани требовалъ письменнаго обѣщанія. Дарья соглашалась исполнить это только тогда, когда Орбеліани присягнетъ ей. Бывшій сардарь отказался исполнить такое желаніе, а царица отказалась излагать свои обѣщанія на бумагѣ.

Царица Марія, будучи до сихъ поръ въ ссорѣ съ царевичемъ Давыдомъ, своимъ пасынкомъ, теперь помирилась и стала часто посѣщать его.

Казахскіе агалары получили письмо Александра. Говоря о скоромъ вступленіи своемъ въ Грузію съ войсками, царевичъ просилъ ихъ не опасаться этого. Александръ увѣрялъ, что идетъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы разорить страну, но съ единственною цѣлію выгнать русскихъ изъ Грузіи. Нѣкоторые агалары отправились къ царевичу съ подарками и выраженіемъ своей преданности. Борчалинскіе татары смотрѣли на казахскихъ и думали слѣдовать ихъ примѣру.

Теймуразъ, находившійся въ это время въ своихъ владѣніяхъ въ Сурамѣ, волновалъ народъ и князей [1]). Князья Абашидзевы, преданные царевичу, вошли въ переписку съ имеретинами и просили помощи.

— Что ты ко мнѣ въ домъ не ходишь, спрашивалъ Теймуразъ Хадырбекова, — видно преданъ русскимъ.

— Преданъ, отвѣчалъ Хадырбековъ, потому что принялъ присягу.

— Ну, я могу еще бить тебя, замѣтилъ Теймуразъ. Я донесу

---

[1]) Рап. капит. Бартенева, 29-го іюня 1802 г.

царевичу Давыду, и ты будешь посаженъ подъ караулъ. Не надѣйся на капитана [1]) и на русскихъ; черезъ двадцать дней совсѣмъ здѣсь русскихъ не будетъ.

— Гдѣ будутъ русскіе, тамъ буду и я.

— Отецъ мой отдалъ царство русскимъ, говорилъ Теймуразъ черезъ три дня тому же Хадырбекову, потому что былъ глупъ, а я умнѣе его и буду владѣть всѣми крѣпостями.

Въ церквахъ, по приказанію того же царевича, поминали, во время службы, его и брата его Давыда. Князья Абашидзевы продолжали переписку съ ахалцыхскимъ пашею и имеретинами. 5-го іюля, сурамскій житель Николай Чубадзе донесъ, что царевичъ Теймуразъ получилъ письма изъ Тифлиса и Имеретіи. Прочтя письма, онъ спряталъ ихъ подъ постель и говорилъ Абашидзе, что отрядъ русскихъ, расположенныхъ въ Бомбакахъ, потерпитъ отъ нападенія персіянъ, и по своей незначительности будетъ, конечно, уничтоженъ.

Князь Абашидзе съ своими приверженцами разглашалъ, что Кнорингъ, возвращаясь въ Георгіевскъ, былъ убитъ горцами и что бывшіе съ нимъ казаки также перебиты [2]).

Слухи эти казались тѣмъ болѣе вѣроятными, что царевичъ Вахтангъ, жившій въ Душетѣ, также подтверждалъ ихъ. Говорили, что онъ былъ и причиною мнимаго несчастія, случившагося съ Кнорингомъ.

— Справедливы ли эти слухи? спрашивали Вахтанга душетскій судья и уѣздный исправникъ.

— Я полагаю, что я одинъ о семъ свѣдѣніе имѣю, отвѣчалъ двусмысленно царевичъ.

Зная вѣроломство и нравъ тагаурцовъ, грузины вѣрили въ возможность несчастія Кноринга. Вскорѣ Лазаревъ узналъ источникъ, изъ котораго исходили такія извѣстія и самый поводъ къ ихъ разглашенію.

Грабежи въ тагаурскомъ ущельи, разбои и нападенія на проѣзжающихъ заставили Кноринга принять мѣры къ наказанію одного изъ главныхъ старшинъ тагаурскаго народа, Ахмета Дударуку. Главнокомандующій приказалъ одной ротѣ кавказскаго гренадерскаго полка, изъ двухъ расположенныхъ во Владикавказской крѣпости, двинуться на 25 верстъ впередъ, внутрь дефиле кавказскихъ горъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы рота могла прибыть на назначенное ей мѣсто къ 20 іюня, т. е. къ тому

---

[1]) Т. е. Бартенева.

[2]) Рап. кап. Бартенева Симоновичу, 29-го іюня и 2-го іюля.—Письмо ему же, 5-го іюля.—Рап. Лазарева кн. Циціанову, 18-го февраля 1803 г. Акт. Кав. Арх. Ком., Т. I.

времени, когда самъ Кнорингъ прибудетъ туда же съ казачьимъ конвоемъ, при возвращеніи своемъ изъ Грузіи.

20-го іюня, отряды соединились, и Кнорингъ остановился на высокой горѣ. Напротивъ отряда, также на возвышеніи, раскинулось селеніе Дударуки Ахметова. Главнокомандующій потребовалъ къ себѣ Дударуку для объясненій. Ахметовъ въ отвѣтъ на это приспособлялъ къ оборонѣ три каменныя сакли, въ которыхъ засѣлъ съ своими сообщниками. Рота и 200 казаковъ отправлены для атаки селенія. Тагаурцы встрѣтили наступающихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Селеніе сожжено, многія сакли разрушены, опасность грозила атакованнымъ. Дударука просилъ остановить наступленіе, обѣщая исполнить всѣ требованія. Шесть осетинскихъ старшинъ поручились и приняли на себя отвѣтственность въ томъ, что Дударука прекратитъ грабительства и выдастъ все захваченное. Съ своей стороны Дударука выдалъ аманатовъ.

Обезпеченіе сообщенія кавказской линіи съ Грузіею было такъ важно, что Кнорингъ, не смотря на этотъ успѣхъ въ августѣ, заключилъ съ тагаурцами письменное условіе, по которому предоставилъ имъ право: 1) владѣльцамъ десяти тагаурскихъ фамилій, владѣющихъ проходомъ отъ Балты до Дарьяла, брать пошлины съ проѣзжающихъ купцовъ, грузинъ и армянъ; 2) за каждый построенный нами мостъ во владѣніяхъ тагаурцовъ обязался платить по 10 рублей въ годъ; 3) обѣщалъ обезпеченіе ихъ отъ притѣсненій и набѣговъ кабардинцовъ; 4) дозволилъ свободный проѣздъ тагаурцамъ въ Моздокъ и Тифлисъ, гдѣ обѣщано имъ покровительство и обезпеченіе отъ притѣсненій со стороны мѣстнаго населенія [1]).

Въ залогъ вѣрности и сохраненія заключенныхъ условій, онъ взялъ аманата, которому обѣщалъ выдавать жалованье по 120 рублей въ годъ.

Таковы въ дѣйствительности были происшествія съ Кнорингомъ, которыя переиначивались въ своей сущности и въ измѣненномъ, ложномъ видѣ распускались по Грузіи.

Лазаревъ, сообщая о всѣхъ ходившихъ слухахъ Коваленскому, просилъ вызвать царевичей изъ ихъ помѣстій въ Тифлисъ, и въ особенности царевича Теймураза.

Не дождавшись однако же отвѣта, Лазаревъ самъ отправился въ Сурамъ, чтобы сначала убѣдиться въ справедливости слуховъ, а потомъ, если они дѣйствительно существовали, то арестовать князей Абашидзевыхъ, какъ главныхъ сообщниковъ царевича.

---

[1]) Условіе, подписанное Кнорингомъ, 30-го августа 1802 г.

13-го іюля, не доѣзжая до Сурама, онъ встрѣтилъ Теймураза возвращающагося въ Гори. Царевичъ и Лазаревъ старались предупредить другъ друга. Теймуразъ получилъ наканунѣ извѣстіе о скоромъ прибытіи Лазарева въ Сурамъ, въ тотъ же день собирался выѣхать въ Гори, и избѣжать тѣмъ свиданія. Опасность проѣзда отъ лезгинъ заставила его выѣхать на слѣдующее утро, что̀ и было причиною ихъ встрѣчи. Не объяснивъ другъ другу настоящей цѣли своего путешествія, каждый отправился своею дорогою, Теймуразъ поѣхалъ въ г. Гори, а Лазаревъ, — въ Сурамъ. Здѣсь Лазаревъ призвалъ къ себѣ одного изъ князей Абашидзе.

— Какая причина, спрашивалъ онъ князя, заставляетъ васъ дѣлать поступки противные присягѣ, данной государю императору?

Абашидзе отвѣчалъ, что никакихъ проступковъ за собою не знаетъ, и заперся во всемъ.

— Почему же вы не повинуетесь суду? спросилъ его Лазаревъ.

— Потому, что мы всѣ сравнены теперь съ мужиками, отвѣчалъ Абашидзе.

Лазаревъ приказалъ арестовать князя Абашидзе и всѣхъ его приверженцевъ. Царевичъ же Теймуразъ оставленъ въ Гори до времени [1]).

Среди такихъ безпорядковъ, положеніе Грузіи становилось съ каждымъ днемъ болѣе затруднительнымъ, отъ разорительныхъ набѣговъ лезгинъ. Въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться съ Лазаревымъ, полагавшимъ, что особенно частые грабежи и вторженія лезгинъ происходятъ по проискамъ царской фамиліи. Царевичамъ и царицамъ хотѣлось указать народу, что при всей бдительности и попеченіи о его спокойствіи, русское правительство мало успѣваетъ въ этомъ. Старались возбудить недовѣріе въ народѣ и показать, что, вступивъ въ подданство Россіи и не пріобрѣтя спокойствія, онъ потерялъ многое.

«...Дабы скорѣе, писалъ Лазаревъ [2]), и гораздо ощутительнѣе видѣть въ предпріятіи своемъ успѣхи, всесильно стараются они разсѣивать разные слухи, умножать въ жителяхъ здѣшнихъ странъ ропотъ противу насъ, стараясь также вперить въ мысли ихъ, сколь не выгодно для нихъ возстановленное нынѣ правленіе россійское».

Бѣжавшіе въ Имеретію царевичи очень нуждались въ содѣйствіи Вахтанга, который, находясь въ сосѣдствѣ съ жителями

[1]) Рап. Лазарева Кнорингу, 18-го іюля 1802 г., № 355.

[2]) Рапор. Лазарева Кнорингу, 20-го іюля 1802 г.

горъ, долженъ былъ помочь имъ возмущеніемъ горскихъ племенъ и пресѣченіемъ сообщенія съ кавказскою линіею.

Войдя въ сношеніе и переписку, они убѣдили царевича, подъ видомъ защиты себя отъ лезгинъ, никогда не дѣлавшихъ впрочемъ набѣговъ на его владѣніе, собрать толпу вооруженныхъ, какъ-бы готовясь на ихъ отраженіе. Вахтангъ велъ переговоры съ тагаурцами и осетинами, жившими по ущельямъ горъ, по которымъ пролегала дорога изъ Россіи въ Грузію. Онъ склонялъ ихъ къ возмущенію.

Дѣятельная переписка между членами царскаго дома, поселившимися въ разныхъ пунктахъ Грузіи и внѣ ея, охватила всю страну какъ сѣтью и имѣла одну цѣль, — уничтоженіе русскаго владычества въ краѣ. Первое время успѣхи ея были удовлетворительны. Тифлисъ, какъ центръ интригъ, волновался. Легковѣрный народъ увѣрили о скоромъ и сильномъ нападеніи на городъ. Говорили, что русскіе, узнавъ о значительныхъ силахъ непріятеля, и не будучи въ состояніи съ нимъ бороться, думаютъ отступить. Отступленіе это, по словамъ недоброжелателей, должно быть скорое и поспѣшное, такъ какъ нельзя было разсчитывать, по ихъ словамъ, на помощь съ линіи, потому что народы, живущіе въ горахъ, по совѣту Вахтанга, всѣ возстали и занявъ дороги отрѣзали путь, по которому могли бы слѣдовать русскія войска въ Грузію. Народъ роптали, терялъ присутствіе духа и представлялъ въ преувеличенномъ видѣ предстоящія бѣдствія отъ вторженія лезгинъ. По приказанію царицы Дарьи, произведено нѣсколько выстрѣловъ въ предмѣстьи Тифлиса. Они произвели свое дѣйствіе и увеличили страхъ народа, услышавшаго на утро, что то была партія лезгинъ, безнаказанно пробравшихся въ столицу.

«Изъ князей и дворянъ здѣшнихъ, доносилъ Лазаревъ [1]), кои всѣ имѣютъ преданными имъ нѣсколько подданныхъ своихъ, осталась усердствующихъ самая малая часть; да и изъ сихъ кажущихся, безъ сомнѣнія, найдутся и такіе, кои равно преданы намъ и противной партіи, и при случаѣ пристанутъ они къ той сторонѣ, которая въ виду ихъ будетъ выгоднѣйшею. Казахи, борчалинцы и вообще татары намъ весьма не вѣрны и не упустятъ при чаямой перемѣнѣ, явно противустать намъ, къ коимъ присоединится также и ханъ ганжинскій, неблагонамѣреніе свое и прежде оказавшій. Я полагаю, что и эриванскій ханъ за лучшее разсудитъ пристать къ партіи ихъ, хотя теперь и кажется къ нимъ непричастнымъ...»

---

[1]) Рап. Лазарева Кнорингу, 20-го іюля 1802 г.

При такомъ состояніи нельзя было одними словами успокоить народъ, необходимо было показать ему дѣйствительную, фактическую защиту, и прежде всего охранить отъ всякихъ вторженій, хищничества и разоренія. Охраненіе границъ Грузіи было первою и самою насущною необходимостію.

Объѣхавъ границу Грузіи, побывавши въ селеніяхъ Бомбакской провинціи, посѣтивъ татарскіе народы: казахъ и борчалинцевъ, селенія шамшадыльскія и шулаверскія, прилегавшія къ владѣніямъ ганжинскаго хана, нельзя было не убѣдиться въ бѣдственномъ положеніи жителей. Повсюду встрѣчалась земля плодородная, но селенія, отъ внѣшнихъ вторженій хищниковъ и внутреннихъ крамолъ, были крайне разорены. Часть, прилегающая къ ганжинскому и эриванскому ханствамъ, потерпѣла наибольшія бѣдствія. Бомбаки и Шамшадыль требовали наибольшаго обезпеченія войсками, какъ по важности своего положенія, такъ и въ защиту наиболѣе разоренныхъ жителей.

Въ первомъ пунктѣ были расположены только двѣ роты мушкетерскія, одна егерская и одно орудіе, а въ Шамшадылѣ не было вовсе войскъ. Кнорингъ въ бытность свою въ Грузіи усилилъ постъ въ Бомбакахъ еще одною егерскою ротою и 80-ю казаками, назначивъ командующимъ всѣмъ отрядомъ 17-го егерскаго полка полковника Карягина. Въ Шамшадыль отправлены одна рота мушкетеръ, восемь ротъ егерей [1]), 70 казаковъ, и три орудія подъ начальствомъ шефа 17-го егерскаго полка генералъ-маіора Лазарева.

Обезпечивъ такимъ образомъ границу Грузіи со стороны Персіи, защиту ея съ прочихъ сторонъ Кнорингъ по необходимости долженъ былъ оставить до болѣе удобнаго времени, т. е. до увеличенія войскъ, ихъ укомплектованія и приведенія полковъ въ трехъ-баталіонный составъ, вмѣсто бывшаго двухъ-баталіоннаго. Кнорингъ уѣхалъ изъ Грузіи. Лазарева, обстоятельства вызвали въ Тифлисъ. Волненія въ краѣ требовали присутствія войскъ въ разныхъ пунктахъ и выше приведенное расположеніе ихъ оказалось неудобнымъ и не соотвѣтствующимъ цѣли. Теперь надо было расположить такъ, чтобы можно было уничтожить внутреннія волненія, обезпечить отъ вторженія лезгинъ и выставить на границу Персіи на показъ шаху, что покушенія его противу Грузіи не останутся безнаказанными, что русскія войска всегда готовы его встрѣтить.

Въ случаѣ покушеній Баба-Хана, Лазареву вмѣнено въ обя-

---

[1]) Сформированныхъ по новымъ штатамъ изъ одного баталіона и ожидавшихъ укомплектованія.

занность собрать тотчасъ отрядъ и двинуться на границу Эривани, требовать отъ правителя Грузіи, чтобы всѣ народы воинственные какъ-то: жители Кизиха (Сигнаха), Казахи и Бомбаки были присланы въ отрядъ въ наибольшемъ числѣ.

Военныя дѣйствія, во избѣжаніе новыхъ разореній народа, приказано переносить за границы Грузіи, и встрѣчать персидскія войска во владѣніяхъ эриванскаго хана. Это послѣднее приказаніе крайне стѣсняло Лазарева, при весьма незначительной боевой силѣ бывшей въ его распоряженіи.

Въ Грузіи были полки: кавказскій гренадерскій, тифлисскій и кабардинскій мушкетерскія и 17-й егерскій полкъ. Кавалерія состояла изъ двухъ донскихъ полковъ: Тарасова 2-го и Щедраго 2-го. Все число пѣхоты доходило до 7,000 человѣкъ [1]).

Безпокойства и волненія внутри царства, опасность грозившая Грузіи отъ внѣшнихъ нападеній, заставили Лазарева, по необходимости, разбросать войска по всему пространству Грузіи незначительными отрядами.

Взглянувъ на карту Грузіи и на расположеніе войскъ, легко видѣть, что съ такою горстью войскъ и при столь большой ихъ разбросанности, все-таки было трудно предупредить по границамъ грабежи и хищничество лезгинъ, прокрадывавшихся незначительными партіями и нерѣдко одновременно въ нѣсколькихъ пунктахъ.

Среди такого грабежа и безпокойствъ всякого рода между народомъ распространялось уныніе, а иногда и отчаяніе. Поселяне, видя со всѣхъ сторонъ и даже подъ самымъ Тифлисомъ разоренныя селенія, не смѣли приступать къ сельскимъ работамъ. Путешественники отправлялись въ путь свой со страхомъ и какъ-бы украдкою, прокрадываясь по ночамъ отъ селенія къ селенію. Русскіе чиновники и должностныя лица ѣздили не иначе, какъ съ сильнымъ конвоемъ.

---

[1]) Хотя по существовавшимъ штатамъ полковъ, числительность пѣхоты и должна была бы доходить до 8,064 человѣкъ (въ каждомъ гренадерскомъ и мушкетерскомъ полку полагалось по штату 2,160 челов., а въ егерскомъ 1,584 человѣка); но полки были не комплектные. 26 марта 1802 года, Кнорингъ доносилъ императору Александру I, что войска, расположенныя въ Грузіи, весьма частыми поисками и преслѣдованіемъ хищниковъ «по труднымъ утесамъ, стремнинамъ и по лѣсамъ», лишаются обуви прежде срока, а потому и просилъ «повелѣть коммисаріату хотя на половинное число войскъ Грузію облегающихъ, т. е. на 3,500 человѣкъ отпускать ежегодно въ распоряженіе мое по одной парѣ сапогъ натурою», сверхъ отпускаемыхъ прочимъ войскамъ. (См. Арх. Мин. Внут. Д., дѣла Груз. Ч. II, 34). Ходатайство Кнорингa было утверждено (См. П. С. З.), и кавказскія войска пользовались этимъ преимуществомъ почти до настоящаго года. Такимъ образомъ, Кнорингъ самъ опредѣлилъ число пѣхоты въ 7,000 человѣкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что опредѣленіе это вѣрно. Лица, долго служившія на Кавказѣ и извѣстныя

«Таковыя неудовольствія, доносилъ гр. Мусинъ-Пушкинъ [1]), не мало не могутъ быть приписаны какому-либо недостатку въ бдѣніи со стороны военнаго начальства. Напротивъ того, войска здѣшнія въ безпрерывномъ движеніи и, по истинѣ сказать можно, что въ Кавказскомъ гренадерскомъ полку подъ Тифлисомъ стоящемъ, и егерскомъ генералъ-маіора Лазарева едва проходитъ не токмо недѣля, но и единый день, чтобы не гонялися разными отрядами за таковыми хищниками, — рѣдко однако же съ успѣхомъ; ибо возможно ли пѣхотѣ догнать конницу, на персидскихъ лошадяхъ воюющею?»

Просьба нѣкоторыхъ лезгинскихъ обществъ, жившихъ на восточной границѣ Грузіи о дозволеніи имъ вести торгъ съ Грузіею, была принята какъ надежда на возможность къ мирнымъ сношеніямъ съ лезгинами и какъ средство къ прекращенію грабежей. Грузинское купечество само просило о пропускѣ къ нимъ лезгинскихъ каравановъ. Кнорингъ разрѣшилъ обоюдную просьбу съ условіемъ, что лезгины прекратятъ набѣги, дадутъ въ залогъ аманатовъ и тѣ, которые будутъ пріѣзжать для торгу въ Грузію не будутъ служить проводниками хищникамъ [2]).

Лезгины подписали условіе, но обѣщанныхъ аманатовъ не прислали. Въ іюлѣ, лезгинскій караванъ прибылъ къ границамъ царства и былъ пропущенъ во внутрь страны.

Желаніе нѣкоторыхъ обществъ на мирное и торговое сношеніе съ Грузіею не было обязательно для прочихъ лезгинскихъ обществъ, потому усиленіе отряда признавалось всеже необходимымъ, тѣмъ болѣе что и властитель Персіи заявлялъ свои притязанія на Грузію.

Имеретинскій царь Соломонъ успѣлъ отправить Александра къ Баба-Хану, снабдилъ его открытымъ баратомъ къ ханамъ эриванскому, ганжинскому и шушинскому и владѣльцамъ Дагестана. Онъ просилъ ихъ поднять оружіе противъ русскихъ войскъ находившихся въ Грузіи, для изгнанія ихъ соединенными силами, для возстановленія царства и возведенія на престолъ царевича Іулона.

Къ Ахалцыхскому пашѣ Соломонъ писалъ, прося его содѣйствовать лезгинамъ. Шерифъ-паша ахалцыхскій не только изъявилъ полную готовность, но и снабдилъ царевича Александра

своею опытностію, говорили мнѣ, что по сапогамъ точнѣе всего можно опредѣлить во всякое время числительность войскъ кавказскаго корпуса.

[1]) Письмо гр. Мусина-Пушкина Трощинскому, 20 авг. № 61. Акты Кавк. Арх. Ком. т. I, № 502, 395.

[2]) Письмо Кноринга лезгинскимъ обществамъ 15 мая. — Рап. Коваленскаго Кнорингу, 13 іюля № 701.

фирманами утвержденными, какъ оказалось впослѣдствіи, ложною печатью султана, ко всѣмъ ханамъ по пути слѣдованія царевича. Фирманы гласили, что если ханы будутъ содѣйствовать къ изгнанію русскихъ изъ Грузіи, то и султанъ окажетъ имъ помощь своими войсками. Въ Грузію же, подъ видомъ просьбы о принятіи Имеретіи въ подданство Россіи, Соломонъ отправилъ своего дивана (писца) кн. Леонидзе, снабдивъ его письмами ко всѣмъ князьямъ и товадамъ кахетинскимъ, и хвалясь своимъ успѣхомъ у хановъ, приглашалъ ихъ къ совокупному дѣйствію [1]).

Для лучшаго отвода подозрѣній, Соломонъ прислалъ въ Тифлисъ съ кн. Леонидзе фирманы, полученные имъ отъ Баба-Хана, призывающіе его къ дѣйствію противъ Грузіи. Посланный Имеретинскаго царя, какъ-бы подъ секретомъ объявилъ Коваленскому, что Соломонъ, ставъ независимымъ отъ Порты, желаетъ передать свое царство въ верховную власть русскаго императора. Леонидзе увѣрялъ, что царь желаетъ присоединить Имеретію къ Грузіи, съ одною только просьбою—сохранить Соломону до смерти почести и самый титулъ царя.

— Будучи бездѣтенъ, говорилъ кн. Леонидзе, царь далѣе не простираетъ своихъ претензій и, если бы имѣлъ удостовѣреніе въ его просьбѣ, то прислалъ бы полномочныхъ ко двору.

Кнорингъ, думая, что желаніе Соломона искренне, что онъ въ самомъ дѣлѣ готовъ вступить въ подданство Россіи, — старался отклонить его отъ такого намѣренія, боясь возбудить тѣмъ вниманіе Порты, въ наружной зависимости которой находилась Имеретія [2]).

Пока длились переговоры съ кн. Леонидзе, онъ успѣлъ привести въ исполненіе главное порученіе и цѣль поѣздки своей въ Грузію. Письма были розданы по принадлежности.

Царевичъ Александръ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Шушу, получилъ письмо отъ матери своей царицы Дарьи, просившей сына поспѣшить выполненіемъ предпринятаго ими дѣла. Царица извѣщала сына, что теперь самое удобное время для нападенія, по малочисленности русскихъ войскъ [3]).

Персидскія войска расположились у урочища Осіанъ, въ 60 верстахъ отъ Нахичевани. Царевичи Іулонъ и Парнаозъ находились, по-прежнему, въ Имеретіи. Изъ Дагестана въ Бѣлоканы

---

[1]) Изъ донесенія Соколова кн. Куракину, 30 августа Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ 1—5, 1802—1803 г. № 1.

[2]) Рап. Кнорннга Г. И., 19 іюля 1802 г.

[3]) Рап. Лазарева Кнорингу, 20 іюля, № 356.

собирались лезгины [1]). Ганжинскій ханъ присоединился къ сторонѣ непріязненной Россіи. Эриванскій ханъ сохранялъ глубокое молчаніе. Казалось, небо Грузіи заволакивалось тучами и надъ бѣдною страною готовъ разразиться новый и сильный громъ съ его послѣдствіями....

X.

Развитіе безпокойствъ и ихъ усмиреніе. — Арестованіе царевича Вахтанга. — Назначеніе кн. Циціанова главнокомандующимъ въ Грузію.

Оставивъ Грузію послѣ открытія правленія и приведенія къ присягѣ народа, Кнорингъ уѣхалъ въ Георгіевскъ и не пріѣзжалъ съ тѣхъ поръ ни разу въ Тифлисъ. Главнокомандующій не понялъ важности для насъ занятія Грузіи, не понялъ того административнаго и боеваго значенія, которое предназначено было странѣ этой имѣть въ дѣлѣ покоренія Кавказа. Предоставивъ право правителю распоряжаться въ Грузіи по своему произволу, Кнорингъ предпочелъ мелкіе и ни къ чему не ведущіе переговоры съ горцами, дѣйствительному умиротворенію края. Горцы на первыхъ же порахъ не исполняли данныхъ обѣщаній и заключенныхъ условій, но это не мѣшало главнокомандующему заключать съ ними новыя, надѣясь въ этомъ случаѣ на *авось*, всегда вывозившее русскаго человѣка изъ затруднительнаго положенія. На Грузію Кнорингъ смотрѣлъ изъ Георгіевска въ тѣ ложныя очки, которыя были подставляемы правителемъ ея, и за то заслужилъ, впослѣдствіи, много нареканій, хотя вовсе не заслуженныхъ имъ лично, но допущенныхъ по слабости ли характера или почему-либо другому. Хотя злоупотребленія, вкравшіяся въ верховное грузинское правленіе и нельзя ни въ какомъ случаѣ отнести къ личности Кнорингa, но народъ смотрѣлъ на него, какъ на главнокомандующаго, во власти котораго было уничтожить ихъ. Грузины прежде всего укоряли Кноринга въ своихъ бѣдствіяхъ, и укоряли справедливо. Слабость и безтактность иногда вреднѣе, чѣмъ твердость и сила воли, хотя бы и направленныхъ въ дурную сторону. Отъ послѣдней можно устраниться, тогда какъ первою могутъ завладѣть сотни лицъ неблагонамѣренныхъ, отъ наброшенной сѣти которыхъ трудно избѣжать. Такъ было въ этомъ случаѣ и съ Кнорингомъ. Грузинамъ была тяжела его административная дѣятельность, и они

[1]) Рап. Лазарева ему же, 12 авг. № 409. Акт. Кавк. Арх. Ком. т. I, 380.

пріискивали средства къ тому, чтобы выйти изъ такого непріятнаго положенія. — «Главнокомандующій, писалъ современникъ, какъ кажется неумышленно, по единой слабости и по неограниченному довѣрію къ правителю, упустилъ изъ виду весьма много предметовъ, къ доставленію народу грузинскому благосостоянія, какого онъ надѣялся получить отъ монарха, сострадательнымъ окомъ на судьбу его воззрѣвшаго.»

Въ концѣ іюля, въ Кахетіи обнаружилось нѣкоторое волненіе народныхъ умовъ. Князья, недовольные присоединеніемъ Грузіи къ Россіи, стали распускать слухи о томъ, что русское правительство намѣрено всѣхъ князей вывезти въ Россію; что всѣ грузины будутъ переселены, а на мѣсто ихъ заселятъ казаками; что въ непродолжительномъ времени будетъ рекрутскій наборъ; что церковныя недвижимыя имѣнія будутъ отобраны, а съ народа потребуютъ сразу двугодичную подать [1]).

«Если ты любопытенъ о здѣшнихъ вѣстяхъ, писалъ неизвѣстный кн. Ивану Орбеліани манифестъ, — конечно, ты уже видѣлъ, а теперь Дмитрію Орбеліани дали сардарьство, ты-жъ не имѣешь уже онаго. Царевичей обратно не отпускаютъ, да слышалъ я, что и тѣхъ, которые находятся у васъ, требуютъ сюда; а когда они будутъ переведены, то расположено дѣло такъ, что и всѣхъ родственниковъ и свойственниковъ Богратіоновыхъ перевесть сюда-жъ, а притомъ и всѣхъ знатныхъ людей, князей, дворянъ и мужиковъ тамошнихъ хотятъ перевесть и поселить здѣсь, а здѣшнихъ казаховъ 14 тысячъ дворовъ переводятъ въ Грузію. Если хочешь знать, все сіе сдѣлано вашимъ Герсеваномъ. Ему дали генеральскій чинъ, а вы погибли. Я ѣдалъ хлѣбъ отца твоего и пишу къ тебѣ справедливо [2]).

Царевичъ Давыдъ разсказывалъ, что всѣ татары обращены будутъ въ казаки, и что начальникомъ надъ ними будетъ назначенъ бывшій сардарь кн. Орбеліани, который будетъ имѣть отъ того 40 тысячъ доходу. Татары получили объ этомъ также письмо царевича.

— Почему же вы не искали этого мѣста? спрашивали князья царевича Давыда.

— Я ни зачто на свѣтѣ не надѣну казачьяго платья, отвѣчалъ онъ.

— Лучше носить казацкій мундиръ, который есть императорскій, чѣмъ грузинскій кафтанъ.

— Я имѣю генералъ-лейтенантскій мундиръ.

---

[1]) Изъ письма князю Герсевану Чавчавадзе Т. А. К. Н.

[2]) 3 янв. 1802 г. — Ак. Кав. Ком. Т I, 442, № 557.

— Почему же вы носите грузинскую шапку, шаровары и туфли съ такимъ почетнымъ мундиромъ, а не хотите имѣть тотъ же почетный мундиръ и при немъ 40 тысячъ доходу?

— Да, говорилъ царевичъ, шутите, а татары будутъ казаки. Вотъ каково просить русскихъ.

— Лучше быть въ бѣднѣйшемъ состояніи у христіанъ, чѣмъ богатѣйшему у магометанъ, или при такомъ правленіи, какое было при царяхъ, — отвѣчали князья.

На другой день болѣе двадцати князей собрались къ Лазареву для узнанія истины [1]). Подобныя разглашенія находили такихъ, которые вѣрили имъ вполнѣ, и тѣмъ болѣе, что тамошнее правительство какъ-бы подтверждало всѣ нелѣпые слухи, ходившіе по Грузіи. Такъ, телавскій капитанъ-исправникъ разсказывалъ, что отъ князей будутъ отобраны моуравства и ихъ удалятъ отъ всѣхъ должностей. Грузины, «какъ народъ весьма вѣтренный, легковѣрный и любящій весьма частыя перемѣны, а особливо гдѣ они видятъ на тотъ разъ свои выгоды, вѣрятъ всему, что имъ говорятъ и отъ сего иногда происходятъ непріятные слухи» [2]).

Исправникъ, объѣзжая деревни, объявлялъ жителямъ, что онъ моуравъ, что имъ слѣдуетъ обращаться къ нему со всѣми жалобами, рѣшеніе которыхъ зависитъ только отъ него. Князья, коихъ жизнь и содержаніе зависѣли отъ одной должности, конечно, не могли оставаться равнодушными къ такимъ разглашеніямъ, которыя для нихъ становились вопросомъ о жизни и смерти. Князья сознавали, что пропитаніе ихъ состоитъ въ доходѣ, получаемомъ отъ должности, лишившись которой, говорили они, намъ все равно, что жить, что умереть «потому что мы содержать себя не можемъ» [3]). Они просили императора Александра, оставить ихъ при занимаемыхъ должностяхъ [4]), и когда узнали, что прошеніе это не отослано по назначенію, просили правителя Грузіи о томъ же, но и тутъ получили отвѣтъ, не соотвѣтствовавшій ихъ просьбѣ [5]). Тогда князья и дворяне обратились съ просьбою къ генералъ-маіору Гулякову. Они жалова-

---

[1]) Письмо Лазарева Кнорингу, 11 марта Ак. Кав. Арх Ком. Т. I, 352.

[2]) Акт. Кавк. Арх. Ком. Т. I, 245.

[3]) Изъ прошенія Кахетинск. кн. и дворянъ Коваленскому. Ак. Коммис. 1866 г. Т. I, 388.

[4]) Прошеніе императору, тамъ же.

[5]) Коваленскій отвѣчалъ на это очень неудачно. Вмѣсто того, чтобы опровергнуть эти ложные слухи, онъ писалъ, что собираетъ свѣдѣнія и справки о правахъ каждаго изъ князей съ тѣмъ, чтобы ходатайствовать у государя о соотвѣтственномъ вознагражденіи каждаго. Этимъ сообщеніемъ онъ какъ будто подтверждалъ слова телавскаго исправника.

лись ему, что не исполняются обѣщанія, данныя въ манифестѣ о присоединеніи Грузіи къ Россіи.—«Безопасность намъ обѣщана, но въ чемъ она видна? Села и деревни терзаются лезгинами, а вы ни о чемъ не заботитесь; велѣно возвысить честь церквей и епископовъ, а вы отобрали отъ нихъ всѣ вотчины и крестьянъ; велѣно прибавить почести князьямъ, а между тѣмъ мы, которые были почтены отъ нашихъ владѣтелей и черезъ то кормились, лишены и этой чести. Права тѣхъ изъ насъ, которые управляли деревнями за свои великіе подвиги и пролитіе крови, нарушены; крестьянамъ Государь обѣщалъ милость—не требовать съ нихъ въ теченіе 12 лѣтъ подати [1]); также повелѣлъ остатки отъ жалованья правителямъ обращать на возстановленіе нашего разрушеннаго города [2]), но и это не сбылось....»

У урочища Кельменчуры собрались кахетинскіе князья, тушинскіе и кизихскіе старшины. Они пришли сюда поговорить о предстоящей имъ участи, о грозящемъ новомъ бѣдствіи. Здѣсь рѣшено было защищать свои права и привилегіи. Князья видѣли, что защита ихъ безъ содѣйствія и согласія народа не можетъ быть сильною и упорною; необходимо было опереться на желаніе народа. Тогда по окружнымъ селеніямъ производился по ночамъ закликъ (приглашеніе), чтобы всѣ жители шли на общее совѣщаніе. При этомъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, не обходилось безъ насилій. Кто не хотѣлъ идти на совѣщаніе, того выгоняли силою [3]). Въ Кельменчурскомъ собраніи князья, духовенство и народъ составили подписку, письменный актъ, и поклялись передъ св. Троицею, чтобы просить русскаго императора утвердить духовное завѣщаніе покойнаго царя Ираклія II, и поставить надъ ними царя изъ дома Багратіоновъ, который бы находился во всегдашней зависимости и покровительствѣ русскаго императора.

«Кто же отъ обязательства сего отстанетъ, сказано въ подпискѣ [4]), тотъ да будетъ отъ св. Троицы проклятъ, Багратіоновскому дому измѣнникъ, коего и повинны мы вообще наказать». Кельменчурская подписка была тотчасъ разослана князьями ко всѣмъ кахетинскимъ жителямъ. Царевичу Іулону отправлено письмо, которымъ онъ приглашался скорѣе пріѣхать въ Грузію для принятія царства. Для бо̀льшаго убѣжденія жителей не участво-

¹) Такого обѣщанія никогда даваемо не было.

²) Хотя въ Актахъ Кав. Археогр. Коммис. сказано, что слова «разоренный городъ» относятся къ Телаву, но едвали это вѣрно. По моему мнѣнію, они относятся къ Тифлису, разрушенному Агою-Магометъ-Ханомъ.

³) Рап. Соленіуса Лазареву, 26 іюля.

⁴) Приложенной къ письму къ князю Чавчавадзе. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ.

вавшихъ въ собраніи, распущенъ слухъ, что князь Соломонъ Аваловъ писалъ изъ Петербурга, будто императоръ Александръ отправилъ въ Грузію тайнаго совѣтника Лошкарева, спросить народъ, не имѣетъ ли онъ желанія имѣть по прежнему своего царя [1]). Основываясь на этомъ извѣстіи, многія лица считали свои поступки правильными и законными.

Въ разныхъ мѣстахъ Кахетіи стали собираться князья и народъ для переговоровъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ. Нѣкоторыя собранія соглашались слѣдовать безусловно всему тому, что было постановлено въ Кельменчурскомъ совѣщаніи, другіе, напротивъ, прочитавъ подписку, возвращали ее посланнымъ говоря, что «они дѣлаютъ весьма не похвальное дѣло, противное Богу и Государю» [2]).

Въ этомъ случаѣ съ наибольшимъ тактомъ и смысломъ велъ себя простой народъ; онъ оставался «искренне преданнымъ и вѣрнымъ» [3]). Жители цѣлыми деревнями приходили къ генералъ-маіору Гулякову спрашивать наставленій, какъ поступать имъ въ такихъ смутныхъ обстоятельствахъ. Жители дер. Калаури объявили, что не только «не покусятся на таковой бунтъ и возмущеніе противу присяги и вѣрности русскому императору, но даже и мыслить объ ономъ не хотятъ».

Такимъ образомъ, волненіе это было дѣломъ однихъ князей и выраженіемъ ихъ простого протеста противу распущенныхъ ложныхъ слуховъ объ ограниченіи ихъ вѣковыхъ привилегій. Протестомъ этимъ, какъ увидимъ ниже, воспользовались лица недоброжелательныя Россіи и всѣ члены царскаго дома.

25 іюля, кахетинскіе князья въ присутствіи вытребованнаго ими митрополита Іоанна Бодбельскаго, сначала присягнули императору Александру, а потомъ царевичу Іулону [4]), какъ законному царю Грузіи. Замѣчательно то, что присягавшіе просили Некресскаго митрополита ободрить народъ и обязать его быть усерднымъ императору и царю Іулону.

Происшествія въ Кахетіи скоро стали извѣстными и въ Тифлисѣ. Коваленскій писалъ Лазареву [5]), что получилъ достовѣрное свѣдѣніе «о составленномъ въ Кахетіи соглашеніи и даже о подпискѣ, для нарушенія общаго спокойствія и ниспроверженія существовавшаго правительства».

---

[1]) Изъ показанія кн. Симона Кабулова А. К. К. Т. I, 370.

[2]) Показаніе Андрея Швили. 29 іюля. Ibid.

[3]) Акты Кавказск. Арх. Ком. 1866 г. Т. I, 392.

[4]) Рап. Гулякова Лазареву, 26 іюля № 181. Показаніе митрополита и письмо кахетинскихъ князей Лазареву, 27 іюля. Акт. Кав. Арх. Ком. Т. I, № 470, 364.

[5]) Письмо Коваленс. Лазареву, 22 іюля 1802 г., № 49.

Вслѣдъ за тѣмъ въ Тифлисѣ получено прошеніе на имя императора Александра, подписанное 69 лицами.

«Когда мы присягали на вѣрность вашего императорскаго величества, писали подписавшіеся [1]), тогда объявленъ былъ намъ высочайшій манифестъ, въ которомъ между прочимъ изображено, якобы мы донесли высочайшему двору, что царя не желаемъ имѣть, и будто бы безъ царя поступили мы подъ покровительство и верховное управленіе вашего величества.

«Сіе уподоблялось бы французской республикѣ! Наши цари никакой вины передъ нами не сотворили и намъ отъ нихъ нечего отрекаться. Болѣе тысячи лѣтъ, какъ родъ Богратіоновъ есть царственный; многіе изъ нихъ за Христа и за насъ мученіе воспріяли и кровь свою проливали и мы при нихъ умирали.

«Итакъ, отрицаніе отъ нихъ не есть наше дѣло, а выдумка обманщиковъ; наше желаніе и просьба въ томъ состоитъ, чтобъ духовное завѣщаніе, ознаменовавшагося великими подвигами на пользу отечества, покойнаго царя Ираклія было утверждено, и по силѣ онаго данъ былъ бы намъ царь, съ которымъ оставались бы мы подъ высочайшимъ покровительствомъ вашимъ и по мѣрѣ силъ нашихъ употребили бы себя на службу вашего величества. Сего просимъ съ колѣнопреклоненіемъ и воздыханіемъ».

Съ письмомъ этимъ думали отправить въ Петербургъ царицу Дарью [2]), которая, въ предупрежденіе подозрѣній, ранѣе этихъ происшествій заявила Коваленскому желаніе ѣхать въ нашу столицу съ двумя своими дочерьми.

Изъ показаній князей видно, что рѣшившись просить о возведеніи на царство Іулона, они думали приступить къ этому не ранѣе, какъ по разсмотрѣніи этой просьбы императоромъ Александромъ.

Совѣщанія и съѣзды между тѣмъ продолжались; князья манавскіе ѣздили каждый день на сборное мѣсто за гору, гдѣ ожидали царевича Александра, и стращали жителей разореніемъ ихъ деревень, если не присоединятся къ нимъ. Оставаясь непреклоннымъ, народъ просилъ защиты. Тогда рѣшено было арестовать князей [3]). Посланная въ Манаву команда успѣла арестовать двухъ князей, остальные четыре, отстрѣливаясь, скрылись въ густомъ лѣсу, приказавъ сказать жителямъ, что «они отъ рукъ ихъ не уйдутъ и будутъ разорены».

---

[1]) Акты Кавк. Арх. Комис. 1866 г. Т. I, 387.

[2]) Донес. кн. Челокаева Коваленскому, 15 іюля 1802, тамъ же стр. 385.

[3]) Рап. ген.-маіора Леонтьева, 28 іюля, № 138. Манава лежитъ не подалеку отъ Сагореджо, гдѣ стоялъ Леонтьевъ.

Бѣжавшіе князья, боясь преслѣдованія, собирались для совѣщаній по ночамъ, и по прошествіи однихъ или двухъ сутокъ назначали другое мѣсто для сборовъ [1]).

Необходимо было принять мѣры къ тому, чтобы лица неблагонамѣренныя не могли волновать народъ и грозить ему новымъ разореніемъ. Совѣтники Корнѣевъ и Лофицкій отправлены изъ Тифлиса въ Телавъ для изслѣдованія. Правитель Грузіи просилъ Лазарева, назначить имъ конвой и приказать начальникамъ войскъ тамъ расположенныхъ, арестовать лицъ, признанныхъ ими виновными.

Получено извѣстіе, что нѣсколько князей и жителей деревень Сигнахскаго уѣзда ушло къ царевичу Александру. Коваленскій конфисковалъ ихъ имѣніе и приказалъ арестовать ихъ сообщниковъ [2]), что и было исполнено Корнѣевымъ при содѣйствіи генералъ-маіора Гулякова. Князья протестовали противу такого рода дѣйствій. «Что было намъ повелѣно отъ всемилостивѣйшаго государя, писали они, присяга или другое что,—все мы исполнили, что доказываютъ и наши подписки, а вы предали насъ такой скорби». Князья просили показать повелѣніе императора, а «безъ повелѣнія государя, писали они, не хватайте князей,—это не въ порядкѣ вещей» [3]).

Аресты продолжались по прежнему. Князья снова обратились съ просьбою къ Гулякову. — «Передъ симъ мы къ вамъ писали и все подробно доложили, а вы подателя нашего письма заарестовали [4]). Даже и государь не изволилъ бы этого сдѣлать. Кромѣ сего, вы еще задержали князей, которые ни въ чемъ не виновны. Мы доселѣ были весьма довольны вами, такъ какъ вы за нашу землю много потрудились и въ другихъ отношеніяхъ хорошо обращались; не думали, что вы безъ вины обидите нашихъ братьевъ. Если наши рѣчи толкуютъ вамъ иначе, то это ложь. Какъ наша рѣчь, такъ и ихъ (арестованныхъ), заключается вотъ въ чемъ: покойный царь Ираклій, много за насъ подвизавшійся, оставилъ завѣщаніе, на которомъ мы присягали, — чтобы послѣ царя Георгія быть царемъ надъ нами Юлону (Іулону). Мы и стоимъ на этомъ завѣщаніи и на нашей клятвѣ; мы — вообще Андрониковы, Вачнадзе, Джандіеровы, весь Кизикъ и другіе князья и простой народъ, сперва присягнули на вѣрность государю, а

---

[1]) Рап. его же, 29 іюля, № 139.

[2]) Предпис. Коваленскаго, 22 іюля № 51.

[3]) Письмо кн. кахетинскихъ Гулякову, 21 іюля. Акты Кав. Арх. Ком. Изд. 1866 г. Т. I, 389.

[4]) Письмо Кахетинскихъ князей ему же, 25 іюля, тамъ же стр. 369.

затѣмъ Іулону, а этотъ въ свою очередь намъ, и мы, по мѣрѣ возможности, будемъ служить... Сперва мы присягали на вѣрность государю, а потомъ наслѣдственному нашему владѣтелю... Нынѣ мы вамъ докладываемъ, ради Христа, не предавайте насъ несчастію и не вводите въ измѣну противу государя... Еще умоляемъ освободить задержанныхъ нашихъ братьевъ, чтобы успокоились и наши сердца и народныя».

Нѣкоторые изъ князей хотѣли силою освободить арестованныхъ, подговаривали къ тому народъ, но, неуспѣвъ въ этомъ, раздѣлились на незначительныя партіи и скрывались днемъ въ лѣсахъ, а ночью въ селеніяхъ. Затѣмъ всѣ они собрались въ Кизикѣ (Сигнахѣ). Не получивъ удовлетворительнаго отвѣта отъ генералъ-маіора Гулякова, они обращались съ протестомъ къ подполковнику Соленіусу, прося его прекратить аресты. Лазаревъ писалъ Гулякову, чтобы онъ производилъ аресты съ осторожностію, чтобы не арестовать невинныхъ и не возбудить тѣмъ справедливаго негодованія народа. Онъ думалъ самъ двинуться въ Кахетію съ батальономъ егерей, однимъ орудіемъ и съ нѣсколькими казаками.

29 іюля, кн. Луарсабъ Орбеліани объявилъ Лазареву, что партія, противная Россіи, воспользовавшись волненіемъ въ краѣ, писала къ царевичу Вахтангу, прося его не пропускать въ Грузію нашихъ войскъ, сломать по дорогамъ мосты и вообще пресѣчь всякое сообщеніе съ Россіею. Лица царской фамиліи старались казаться не принимающими никакого участія въ этихъ безпорядкахъ. Теймуразъ пріѣхалъ въ Тифлисъ и жилъ въ столицѣ Грузіи. Католикосъ царевичъ Антоній старался наружно казаться преданнымъ намъ, хотя извѣстно было, что принималъ весьма дѣятельное участіе въ интригахъ царскаго дома [1]). Царица Дарья заявила генералъ-маіору Тучкову свое желаніе имѣть въ своемъ домѣ русскій караулъ. Лазаревъ воспользовался этимъ заявленіемъ царицы и тотчасъ же отправилъ къ ней 12 человѣкъ солдатъ, съ приказаніемъ слѣдить за ея дѣйствіями. Царица казалась довольною такою предупредительностью, хотя и не оставила своихъ интригъ, средоточіемъ которыхъ на этотъ разъ былъ царевичъ Вахтангъ.

Находясь въ Душетѣ, онъ велъ переписку съ царицею Дарьею и съ царевичами Іулономъ и Александромъ. Первый изъ нихъ былъ въ Имеретіи, а второй — въ Персіи. Вахтангъ сообщалъ имъ обо всемъ происходящемъ въ Грузіи, получалъ отъ нихъ разныя свѣдѣнія, велъ переписку со многими князьями, давалъ имъ по-

---

[1]) Рап. Лазарева Кнорингу, 29 іюля 1802 г.

собіе, совѣты и «дѣлая сверхъ сего комуникацію изъ Россіи сюда весьма трудною» [1]).

Бывшіе въ Петербургѣ царевичи Іоаннъ и Багратъ также не оставались праздными.

«Почему такъ позабыли меня и уже не вспоминаете единокровія! писалъ Іоаннъ кн. Мокашвилову [2]). Въ какомъ находитесь состояніи? Всякъ, ищущій большаго, намѣревается пасть, и вы сему должны послѣдовать. Нѣтъ уже столько разума,—кому что̀ лучше. Ежели имѣете какое либо насиліе, или кто-либо васъ чѣмъ нибудь безпокоитъ, то всѣ вообще пишите и подъ прошеніемъ Государю секретно приложите печати четырехъ или пяти князей и пришлите ко мнѣ. Я здѣсь подамъ ихъ съ письмомъ къ Лошкареву, со всѣми подробностями; потомъ я знаю, что сдѣлать. Имѣйте сіе за секретъ и исповѣдь, чтобы никто не узналъ. Если вы желаете своего имѣть царя — пишите и о томъ; будетъ сдѣлано. Я все предоставляю вамъ, а то горестнѣе перваго будетъ — воля ваша»....

Для возстановленія полнаго спокойствія, Лазаревъ признавалъ необходимымъ и почти единственнымъ средствомъ, арестовать царицу Дарью и царевича Вахтанга, какъ средоточіе всѣхъ интригъ и волненій.

На совѣщаніи положено, Лазареву двинуться въ Кахетію, а генералъ-маіору Тучкову съ кн. Тархановымъ, — въ Душетъ, пригласить Вахтанга пріѣхать въ Тифлисъ, а если онъ не согласится, то арестовать царевича [3]).

Прибывъ 2-го августа на р. Лагбе и узнавъ, что неподалеку отъ мѣста его расположенія происходило собраніе князей, Лазаревъ отправилъ 3-го августа письмо ко всѣмъ кахетинскимъ князьямъ, которымъ требовалъ, чтобы они, сознавшись въ своихъ заблужденіяхъ, прибыли къ нему въ Сигнахъ къ 5 августа.

3-го августа Лазаревъ подошелъ къ Сигнаху и расположился въ селеніи Нукреянахъ ожидать результата своего письма. Чрезъ два дня явился къ нему митрополитъ, кн. Мокашвиловъ и съ ними нѣсколько князей изъ знатнѣйшихъ фамилій.

Князья объявили Лазареву, что являются къ нему съ полнымъ раскаяніемъ, какъ нарушители присяги, сознаютъ свои проступки какъ противные долгу и будутъ «всесильно стараться заслужить вину ихъ [4])». На другой день, 6-го и 7-го авгу-

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Переводъ письма отъ 8-го августа. Тиф. Арх. Канц. Намѣст.
[3]) Акты Кавказ. Арх. Ком. изд. 1866 г. Т. I, 270.
[4]) Рап. Лазарева Кнорингу, 11-го августа.

ста, являлись и остальные князья кахетинскіе съ такимъ же точно объясненіемъ.

Приведя ихъ снова къ присягѣ и узнавъ, что они писали письмо царевичу Іулону, призывающее его на царство, Лазаревъ совѣтовалъ написать царевичу о теперешнемъ ихъ рѣшеніи. Князья тотчасъ же согласились и написали новое письмо Іулону, въ которомъ отказывались отъ данной ему присяги, какъ противной русскому императору.

Лазаревъ возвратился въ Тифлисъ (10-го августа), куда въ скорѣ прибылъ и генералъ-маіоръ Тучковъ съ царевичемъ Вахтангомъ.

Въ отклоненіе всякаго подозрѣнія, наканунѣ, въ домѣ кн. Орбеліани, находившемся въ предмѣстьи Тифлиса, назначенъ вечеръ, на который приглашены Тучковъ и кн. Тархановъ. Съ наступленіемъ ночи, Тучковъ оставилъ домъ Орбеліани и выѣхалъ изъ города. Казаки, назначенные ему въ конвой, высланы за городъ заранѣе, черезъ разныя ворота и въ разное время небольшими партіями. Въ близълежащемъ лѣсу собрался отрядъ и соединился съ Тучковымъ. Рано утромъ 1-го августа, Тучковъ прибылъ въ Душетъ. Осмотръ роты его полка, квартировавшей въ Душетѣ, былъ видимою цѣлію пріѣзда Тучкова въ этотъ городъ. Онъ послалъ сказать царевичу, что желаетъ посѣтить его. Посланному отвѣтили, что царевичъ еще спитъ. Послѣ того Тучковъ три раза посылалъ къ царевичу, но тотъ подъ разными предлогами откладывалъ свиданіе.

Стоявшіе въ отдаленіи отъ зàмка казаки замѣтили, между тѣмъ, что изъ воротъ выѣхалъ одинъ конно-вооруженный грузинъ, котораго они хотѣли задержать, но тотъ бѣжалъ, былъ пойманъ и приведенъ къ Тучкову. Приказавъ его допросить, самъ Тучковъ отправился къ царевичу Вахтангу. На пути ему донесли, что изъ задней калитки зàмка вышли два человѣка, и за тѣмъ, что царевичъ бѣжалъ. Вскочивъ на лошадь, Тучковъ съ казаками бросился въ погоню, приказавъ гренадерамъ, бывшимъ въ Душетѣ, занять зàмокъ царевича Вахтанга.

Вдали, въ глазахъ казаковъ, Вахтангъ, въ сопровожденіи одного всадника, спѣшилъ къ зàмку верстахъ въ трехъ отъ Душета и принадлежавшему дворянину Глахи Челадзе.

Царевичъ скрылся въ оградѣ, которая тотчасъ же была окружена казаками. Приказавъ выбить ворота, Тучковъ нашелъ всѣ двери запертыми и самыя комнаты пустыми. Повидимому, ничто не изобличало присутствія людей въ зàмкѣ. Въ комнатахъ найдены однако съѣстные припасы, значительное количество ружей,

пороху и свинцу.—«Наконецъ, отыскали мы, пишетъ Тучковъ [1]), спрятавшуюся старуху, которую допросивъ принудили показать погребъ и отъ онаго подземный ходъ, простирающійся до сосѣдняго лѣса. Царевичъ ушелъ такимъ образомъ отъ нашего преслѣдованія. Не оставалось ничего болѣе, какъ начать наши поиски въ горахъ вооруженною рукою».

Цѣль побѣга Вахтанга была скрыться въ неприступныя мѣста своего владѣнія, лежавшаго по рѣкамъ Арагвѣ и Тереку въ ущельяхъ, примыкающихъ къ пути на кавказскую линію. Окруживъ себя толпою вооруженныхъ, онъ думалъ поддерживать возмущеніе. Поэтому онъ прежде всего бросился къ тіулетинцамъ, какъ къ народу, наиболѣе воинственному изъ всѣхъ его подданныхъ.

Оставивъ у за̀мка караулъ, Тучковъ бросился въ близълежащій лѣсъ, но и тамъ не нашелъ царевича. Вернувшись обратно въ Душетѣ, онъ зашелъ къ царевнамъ супругамъ: Вахтанга I-го умершаго, и племянника его, бѣжавшаго царевича Вахтанга, но и отъ нихъ не узналъ ничего о мѣстѣ пребыванія царевича.

Подходя къ дому, въ которомъ остановился, Тучковъ замѣтилъ до 10-ти человѣкъ конно-вооруженныхъ грузинъ, скакавшихъ по окружнымъ горамъ, дѣлавшихъ закликъ на народное собраніе и на всеобщее вооруженіе. То были близкіе царевича.

Въ Душетѣ было 60 человѣкъ гренадеръ и 50 казаковъ. Послѣднимъ, не смотря на утомленіе отъ долгихъ поисковъ, приказано, если не переловить скачущихъ, то, по крайней мѣрѣ, не допустить до деревень, гдѣ они могли взволновать народъ. Рота егерей, стоявшая въ Гартискаро и двѣ гренадерскія роты, бывшія въ Тифлисѣ, получили приказаніе немедленно прибыть въ Душетъ. Скликальщики разогнаны; одинъ изъ нихъ, тіонетскій моуравъ, приведенъ къ Тучкову.

По уѣздамъ душетскому и горійскому разослано объявленіе, въ которомъ говорилось, что если кто осмѣлится принять сторону царевича Вахтанга, то съ семействомъ того поступлено будетъ «съ неожидаемою жестокостію [2])». Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ имѣнія царевича конфискованы. Къ хевсурамъ, пшавамъ и тушинамъ отправлено также обвѣщеніе и увѣщаніе не содѣйствовать замысламъ царевича.

Тучковъ потребовалъ къ себѣ дворянина Мурвазева, извѣстнаго своею преданностію къ царевичу Вахтангу. Отдавъ ему письмо, Тучковъ приказалъ доставить его непремѣнно царевичу

[1]) Записки Тучкова, стр. 132. Арх. Глав. Шт. въ СПБ.
[2]) Рап. Ген. М. Тучкова Лазареву, 12-го августа 1802 г., № 117.

подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, быть наказаннымъ, какъ измѣннику, семейство котораго будетъ подвергнуто всѣмъ несчастіямъ. Хитрость удалась. Испуганный угрозами, дворянинъ пустился въ путь и черезъ двадцать четыре часа привезъ Тучкову отвѣтъ царевича.

— Гдѣ же находится царевичъ? было первымъ вопросомъ Тучкова.

— Я нашелъ его въ лѣсу, отвѣчалъ Мурвадзе, верстахъ въ тридцати отъ Душета. Царевичъ болѣе двухъ часовъ не остается на одномъ мѣстѣ.

Посланный въ указанное мѣсто разъѣздъ не отыскалъ тамъ царевича. Тучковъ ограничился тѣмъ, что завелъ, до времени, переписку съ Вахтангомъ, убѣждая его возвратиться, но царевичъ отвѣчалъ отказомъ.

Усиливъ отрядъ свой прибывшимъ подкрѣпленіемъ, Тучковъ отправилъ въ дер. Казбекъ команду изъ 80 человѣкъ казаковъ и грузинъ, съ цѣлію предохранить тагаурцевъ отъ возмущенія и подговоровъ Вахтанга.

Разосланные по одиночкѣ и по разнымъ направленіямъ люди, успѣли узнать, что царевичъ находится въ ущельи тіулетинскихъ горъ, извѣстномъ подъ именемъ гудомакарскаго ущелья. Къ нему прилегали жилища хевсуръ, пшавовъ и тушинъ, къ которымъ царевичъ хотя и засылалъ своихъ посланныхъ, но безуспѣшно.

8-го августа получено извѣстіе, что Вахтангъ намѣренъ пробраться къ тіулетинцамъ. Капитанъ-исправникъ Переяславцовъ съ казаками направленъ въ Коби для пресѣченія ему пути [1]). Тіулетинцы—народъ храбрый отъ рожденія, исповѣдывали особую религію, хотя и видны были у нихъ во многихъ мѣстахъ христіанскіе храмы.

«Я вызвалъ деканозовъ къ себѣ, пишетъ Тучковъ, склонялъ этихъ бородастыхъ священниковъ ласками, подарками, на выдачу мнѣ царевича, но они отвѣчали: [2]) — «Онъ Богратіонъ и былъ у священнаго дуба. Это не помѣшало однако деканозамъ указать на всѣ тѣ мѣста, занявъ которыя можно было пресѣчь путь Вахтангу, если бы онъ вздумалъ уйти отъ нихъ.

Занявъ отрядами всѣ выходы, Тучковъ самъ сталъ у входа въ самое главное ущелье—Гудомакарское. «Пушечные выстрѣлы и звуки барабановъ при вечерней зарѣ слышны были со всѣхъ сторонъ пребыванія царевича». Не прерывая начатой переписки, Тучковъ писалъ Вахтангу и просилъ посланнаго сказать царе-

---

[1]) Рап. Тучкова Лазареву, 9 августа. Ак. К. А. К. Т. I, 274.

[2]) Записки Тучкова, 134. Арх. Глав. Шт. въ С. Петерб.

вичу, что если онъ, на честное слово, не выѣдетъ къ нему для переговоровъ, то пойдетъ къ нему съ войсками, гдѣ бы онъ ни находился. Вахтангъ жаловался Кнорингу на причиненную ему обиду и описывалъ свою невинность. Главнокомандующій совѣтовалъ ему отправиться во всякомъ случаѣ въ Тифлисъ и тамъ уже оправдаться въ своихъ поступкахъ. Тогда царевичъ написалъ правителю Грузіи — и соглашался пріѣхать въ Тифлисъ только тогда, когда будутъ исполнены три условія: 1) возвращено и передано ему въ управленіе конфискованное имѣніе; 2) онъ не будетъ удаленъ изъ Грузіи, и 3) во время пребыванія его въ Тифлисѣ не будетъ дѣлаемо ни ему, ни его свитѣ никакого оскорбленія [1]). Въ отвѣтъ на это царевичъ получилъ простое приглашеніе, безъ всякихъ ограниченій, пріѣхать въ Тифлисъ.

Имѣя при себѣ только 20 человѣкъ приверженныхъ, зная, что всѣ пути ему отрѣзаны, Вахтангъ выслалъ своего посланнаго на шесть верстъ передъ ущелье, приказавъ сказать Тучкову, что скоро и самъ явится лично.

10-го августа, онъ пріѣхалъ къ Тучкову со всею своею свитою. Снявъ съ пояса саблю и повѣсивъ ее, по азіятскому обычаю на шею, Вахтангъ въ такомъ видѣ подошелъ къ Тучкову.

— Вотъ голова моя, вотъ и сабля, проговорилъ онъ. Ему отвѣчали, что требуютъ только покорности и прибытія въ Тифлисъ, и что онъ можетъ вполнѣ положиться на великодушіе императора.

Царевичъ, принятый со всѣми почестями, приличными его званію, былъ препровожденъ сначала въ Душетъ, а потомъ въ Тифлисъ.

Вахтангъ, повидимому, сознавалъ свою вину и раскаявался въ своихъ поступкахъ.

— За многую мою службу [2]), говорилъ онъ, можно одну вину простить. Мать моя и всѣ родственники, если что и сдѣлали, я не виноватъ и въ томъ не участвовалъ.

— Въ побѣгѣ своемъ, говорилъ онъ впослѣдствіи, я не имѣлъ никакого злого намѣренія, но сдѣлалъ это, опасаясь безславія быть препровожденнымъ изъ Душета въ Тифлисъ въ видѣ арестанта.

Въ Тифлисѣ Вахтангъ поселился въ домѣ матери, царицы Дарьи. Для лучшаго присмотра за ними, сверхъ караула, нахо-

---

1) Акт. Кав. Арх. Ком. т. I, 273 и 274, изд. 1866 г.

2) При проходѣ войскъ съ кавказской линіи въ Грузію, Вахтангъ впослѣдствіи, въ подтвержденіе своей преданности и невинности, выставлялъ то, что онъ былъ первый изъ царевичей, которые присягнули на вѣрность Россіи.

дившагося у царицы, въ Авлабарѣ, гдѣ былъ домъ ея, поставленъ батальонъ егерей. Царевичу разрѣшено пользоваться доходами съ имѣній, но запрещенъ выѣздъ изъ Тифлиса [1]). Запрещеніе это было равносильно тому, какъ-бы имѣніе оставалось конфискованнымъ. Вахтангъ сознавалъ, что не могъ принять личнаго участія въ управленіи имѣніемъ. Онъ бросался теперь ко всѣмъ болѣе или менѣе вліятельнымъ лицамъ, жившимъ въ Тифлисѣ, успѣлъ написать старшинамъ своего имѣнія, прося дать ему свидѣтельство въ томъ, что не участвовалъ въ происходившихъ въ Кахетіи волненіяхъ. Старшины спрашивали совѣта Лазарева, дать-ли такое свидѣтельство царевичу или нѣтъ? Имъ сказано, что это зависитъ отъ нихъ; что имъ лучше извѣстно, былъ-ли онъ участникомъ въ волненіяхъ или нѣтъ? Не отвѣтивъ прямо на вопросъ, старшины отказались однакоже выдать свидѣтельство [2]).

Вахтангъ не терялъ все-таки надежды на возвращеніе имѣнія; онъ по прежнему старался доказать свою невинность.

— Не заслуживаете-ли вы названія безумныхъ, говорилъ ему гр. Мусинъ-Пушкинъ, если разсчитываете на то, что всѣми покушеніями дому вашего и вооруженіями скитающихся хищниковъ и разслабленныхъ войскъ азіятскихъ можете противустоять могуществу россійской имперіи и войскамъ, отъ которыхъ неоднократно трепетала Европа? Какія могутъ быть послѣдствія для васъ и единомышленниковъ вашихъ отъ такихъ покушеній, на которыя, кромѣ нѣсколькихъ мятежныхъ князей, народъ грузинскій никогда не согласится? Не нанесете-ли, наконецъ, при гибели союзниковъ вашихъ, и разоренія вашему отечеству, которое, какъ думаю, любите?

— Вы утверждаете, продолжалъ графъ, равно какъ и царица, что никакого доказательства намѣреній вашихъ нѣтъ. Я и самъ увѣренъ, что вы черезъ-чуръ остроумны, чтобы ввѣрить таковыя доказательства, а особливо письменныя, въ руки постороннихъ; но, отвѣчайте искренно, можно-ли благоразумному человѣку положиться на увѣренія ваши?

— Нельзя, отвѣчалъ смѣявшись царевичъ.

— На что же вы жалуетесь? и какія должно было принять мѣры правительство противу такихъ покушеній совершенно противныхъ государю императору? Какія послѣдствія для васъ и дому вашего всѣ произшествія эти имѣть будутъ?

---

[1]) Рап. Кноринга Г. И. 25-го августа, арх. минист. внутр. дѣлъ.

[2]) Рап. Соколова кн. Куракину, 20-го сентября 1802 г. Арх. минист. иностран. дѣлъ.

— Весьма гибельныя, отвѣчалъ Вахтангъ. Я весьма тревожусь положеніемъ моимъ.

— Напрасно сомнѣваетесь вы въ милосердіи императора, но если хотите, чтобы я подалъ вамъ дружескій совѣтъ, то заслужите его, отнесяся прямо къ е. и. в. съ чистымъ признаніемъ какъ со стороны вашей, такъ и ея высочества царицы. Я увѣренъ, что гораздо пріятнѣе будетъ для государя, если, оставя всѣ косвенныя дороги, довѣренностію вашею передъ императоромъ стараться будете пріобрѣсти его прощеніе, а притомъ и объявите, чего вы желаете въ замѣнъ короны изъ дому вашего вышедшей [1]). Постарайтесь усмирить мятежи, Грузію изнуряющіе, и уговорить братьевъ вашихъ, изъ царства сего удалившихся, къ покорности. Я увѣренъ, что по вліянію вашему на нихъ не безуспѣшно сіе предпримите. Вотъ единственная дорога, которую, по истинной къ вамъ дружбѣ, предложить могу, къ отвращенію той гибели, которая безъ того вамъ и соучастникамъ вашимъ угрожаетъ.

— Не навлечемъ-ли мы своимъ признаніемъ, спрашивалъ царевичъ, еще болѣе страшнаго для насъ гнѣва е. и. в.?

— Развѣ вы думаете, что ваши поступки скрыты отъ государя? они извѣстны ему многими путями. Что же пріятнѣе будетъ для него: узнать ли о нихъ отъ постороннихъ, или видѣть собственное раскаяніе ваше въ чистомъ и искреннемъ признаніи?

— Всячески стараться буду, говорилъ царевичъ передъ образомъ, висѣвшимъ на груди и взятымъ въ руки, переговоря съ матерью моею, убѣдить ее къ признанію. Къ братьямъ напишу также.

Такимъ образомъ, участіе лицъ царской фамиліи, въ бывшихъ волненіяхъ въ Кахетіи, выразилось фактически. Трудно было прекратить имъ на будущее время всѣ способы къ такого рода дѣйствіямъ. По мнѣнію всѣхъ представителей Россіи [2]), было одно только средство, — удалить ихъ навсегда изъ Грузіи. Кнорингъ нѣсколько разъ просилъ о томъ императора Александра, который не раздѣлялъ однакоже этого мнѣнія о необходимости къ принятію столь строгихъ мѣръ. Даровавъ Грузіи всѣ тѣ права и преимущества, «каковыми всѣ прочіе подданные великой имперіи

---

[1]) Вахтангъ воспользовался этимъ совѣтомъ, но обратно. Выставляя свои заслуги русскому правительству, онъ жаловался, что отъ него отняли имѣніе и что Тучковъ, прибывъ неожиданно въ Душетъ со множествомъ казаковъ, «поколебалъ каждаго изъ народовъ, тутъ находившихся и изобразилъ на сердцахъ ихъ сумнѣніе». Просьба царевича императору 10-го сентября 1802 г. Арх. мин. внутр. дѣлъ, ч. V. 51—57.

[2]) См. рапорты Лазарева, Кноринга, Коваленскаго, гр. Мусина-Пушкина, Соколова и другихъ.

пользуются», Александръ разрѣшилъ царевичамъ, бывшимъ въ Россіи, имѣть полную свободу и, если пожелаютъ, то ѣхать въ Грузію. Вслѣдъ за тѣмъ онъ приказалъ Кнорингу употреблять добровольное соглашеніе лицъ царскаго дома къ выѣзду въ Россію, «безъ чего подстреканіямъ ихъ конца видѣть не можно» [1]). Принудительный же вывозъ ихъ изъ Грузіи, казался императору «весьма крайнимъ», такимъ средствомъ, къ которому можно прибѣгнуть только въ самомъ послѣднемъ и необходимомъ случаѣ.

Стараніе отправить царевича Вахтанга въ Россію оставалось напраснымъ. Царевичъ отвѣчалъ отказомъ.

«Правда, писалъ онъ грузинскому священнику Алексѣю Гаврилову [2]), жизнь въ Россіи должны мы принять за первое счастіе; но если бы были въ молодыхъ лѣтахъ, конечно бы было хорошо. Мнѣ уже наступилъ 40-й годъ; время-ли теперь пуститься мнѣ изъ своего отечества на странствованіе? Если по сіе время жили мы въ нашей землѣ и никуда не переселились, когда были столько угнетаемы и порабощаемы окружающими врагами, то почему дѣлать это съ нами теперь, когда приспѣло къ намъ вѣчно успокоивающее покровительство сильной десницы нашего всемилостивѣйшаго государя? Далѣе, если даже при бытности моей здѣсь, уже не буду имѣть во владѣніи моемъ, которое пожаловано мнѣ покойнымъ родителемъ моимъ и утверждено за мною въ высочайшемъ манифестѣ, того голоса, какой имѣю я теперь, а лишь буду имѣть содержаніе изъ однихъ доходовъ,— то можетъ-ли быть больше сего какое-либо несчастіе, хотя бы земля наша изобиловала богатствомъ доходовъ? Я въ рабской подданнической вѣрности моего государя Александра I-го со всѣмъ моимъ вожделѣніемъ былъ, есмь и по гробъ мой пребуду. Я, какъ Бога признаю за Бога, такъ равно и императора Александра I-го—за моего государя, ибо какъ и отъ своего Создателя за добрыя дѣла мои ожидаю въ будущемъ вѣкѣ вѣчной славы, такъ и отъ его величества въ настоящей жизни ожидаю благоденствія».

Извѣстіе о томъ, что царевичамъ, бывшимъ въ Россіи, разрѣшено возвратиться въ Грузію опечалило народъ и весьма ободрило партію, противную Россіи. Въ Тифлисѣ приготовлялся домъ для помѣщенія царевичей. Народъ, радовавшійся тому, что въ Грузіи было менѣе тремя особами царской фамиліи, допытывался: справедливо-ли то, что царевичи уже на пути въ Грузію? Лица, стоявшія во главѣ управленія, должны были отго-

---

[1]) Рескриптъ Кнорингу 20-го августа, арх мин. внутр. дѣлъ.

[2]) Акты кавк. арх. ком. т. I, 268, № 277.

вариваться незнаніемъ. Различнаго рода толки стали распространяться по городу. Партія, желавшая возстановленія царя, объясняла ихъ по своему. «Въ теченіи тридцати лѣтъ, говорили они, русскіе были въ Грузіи при царяхъ и всегда, по окончаніи защиты, нашимъ царямъ оставляли страну. Нынѣшнее пребываніе войскъ — также временное и продолжится только до того времени, пока императоръ Александръ не назначитъ кого-либо изъ царскаго поколѣнія царемъ. Намѣреніе императора, продолжали они убѣждать народъ, доказывается тѣмъ, что онъ не только не вызываетъ изъ Грузіи членовъ царскаго дома, но, напротивъ того, и бывшихъ уже въ Россіи отпускаетъ въ свое отечество. Партія, преданная Россіи, при распространеніи такихъ слуховъ, страшилась за свою будущность и думала, въ случаѣ справедливости ихъ, искать спасенія въ Россіи.

Среди такого говора, въ октябрѣ мѣсяцѣ, прибылъ въ Грузію изъ С.-Петербурга бывшій посолъ князь Герсеванъ Чавчавадзе. Фамилія князей Чавчавадзе пользовалась особымъ уваженіемъ народа. Князья изъ этого рода всегда занимали самыя важныя и видныя мѣста въ административномъ управленіи страны при ея царяхъ. Почти всѣ агалары казахскаго народа, находившагося въ управленіи князя Герсевана Чавчавадзе, выѣхали къ нему на встрѣчу въ дер. Казбекъ, въ сопровожденіи двухъ сотъ человѣкъ татаръ. Такая встрѣча въ обычаѣ азіятскихъ народовъ— она была и въ характерѣ казаховъ. Никакія объясненія къ волненію не могли имѣть здѣсь мѣста. То была простая привычка, способъ выражать свое уваженіе человѣку,—любимому народомъ. Не такъ смотрѣло на это тамошнее правительство; оно объяснило этотъ поступокъ началомъ новыхъ волненій.

По пріѣздѣ въ Тифлисъ, ни кн. Чавчавадзе, ни сопровождавшіе его князья не явились къ правителю, какъ это было имъ заведено. Онъ потребовалъ отъ князя Чавчавадзе письменный видъ и приказалъ исполнительной экспедиціи привести какъ его, такъ и всѣхъ прибывшихъ съ нимъ князей къ присягѣ на вѣрность. Чавчавадзе, присягавшій уже въ Петербургѣ, исполнилъ требованіе. Пріѣхавъ въ экспедицію, онъ присягнулъ вторично на вѣрность русскому императору, хотя и не избѣжалъ тѣмъ наговоровъ, возведенныхъ на него впослѣдствіи.

Пріѣздъ изъ нашей столицы такого лица, очень естественно, возбуждалъ вниманіе грузинъ, желавшихъ разъяснить свое положеніе. Народъ сталъ сходиться со всѣхъ сторонъ и просилъ свиданія къ княземъ Герсеваномъ Чавчавадзе. Между князьями начались сходбища, обмѣнъ мыслей, а между народомъ — разговоры. Коваленскій писалъ, что кн. Чавчавадзе нарушаетъ обще-

ственное спокойствіе и издалъ прокламацію, которою запрещалъ всякія сходбища, скопы и совѣщанія [1]). Недоброжелательныя лица, для производства волненія въ народѣ, стали распускать слухъ, что князь Чавчавадзе уполномоченъ составить новое предположеніе объ участи Грузіи. Это еще болѣе привлекло къ нему народъ. Кнорингъ, со словъ правителя Грузіи, составилъ обвинительный актъ противъ кн. Чавчавадзе.—«Князья грузинскіе, писалъ онъ [2]), предавшись его внушеніямъ и стекаясь отовсюду, по его называмъ начали дѣлать сходбища, скопы и совѣщанія, являя новое движеніе умовъ въ нарушеніи общественнаго спокойствія.... Князь Чавчавадзе и супруга его съ братьями своими и прочими ихъ сообщниками были и суть источниками колебанія народнаго... Кн. Чавчавадзе, сверхъ развлеченія князей грузинскихъ, вошелъ въ переписку за границу, вступилъ самъ собою въ управленіе казахскихъ и шамшадыльскихъ татаръ, что онъ имѣлъ при покойномъ царѣ Георгіѣ, кои по невѣдѣнію, движимы будучи его внушеніями, ослушны оказались даже приказаніямъ правителя Грузіи и явно не повинуются приставленному къ нимъ чиновнику, через что происходитъ затрудненіе въ сборѣ съ татаръ сихъ подлежащихъ въ казну податей, а по ихъ примѣру и другіе въ повинности сей колеблются»....

Кн. Чавчавадзе не скрывалъ своего мнѣнія и высказывалъ открыто, что грузины должны быть счастливы тѣмъ, что присоединены къ Россіи, но что благополучіе ихъ не будетъ имѣть мѣста и твердаго основанія, пока они должны будутъ повиноваться настоящему образу правленія [3]). Коваленскому не нравились эти разглашенія. Правитель Грузіи зналъ, что кн. Чавчавадзе былъ однимъ изъ первыхъ лицъ, устранившихъ его вліяніе на Георгія XII, въ то время, когда онъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при дворѣ царя грузинскаго. Онъ былъ нерасположенъ къ князю Чавчавадзе. Князь зналъ объ этомъ нерасположеніи, но надѣялся на репутацію, составленную имъ въ Петербургѣ, какъ о лицѣ искренно преданномъ Россіи.

Чавчавадзе не скрывалъ о всеобщемъ неудовольствіи и ропотѣ народа на тамошнее правленіе; говорилъ, что не знаетъ, какъ избавиться отъ посѣтителей, пріѣзжающихъ къ нему отовсюду, приносящихъ ему жалобы и требующихъ мѣръ, къ заявленію всеобщаго желанія перемѣнить правительство, которое для народа чрезъ-мѣру тягостно.

---

[1]) Акт. кавказс. арх. ком. изд. 1866 г. т. I, 405.

[2]) Рап. Кнорингa Г. И. 30-го ноября, арх. мин. внутр. дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. II, стр. 225.

[3]) Донесеніе Соколова гр. Воронцову, 1 ноября 1802 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

— Такой образъ мыслей, говорилъ Соколовъ князю Чавчавадзе, будетъ сочтенъ не иначе, какъ поступкомъ несообразнымъ съ высочайшею волею, постановившею правленіе въ Грузіи. Это будетъ явнымъ нарушеніемъ присяги, данной русскому императору.

— Мы охотно подвергаемъ себя всякому наказанію, отвѣчалъ Чавчавадзе, если только поступимъ противно высочайшей волѣ, но желанія и намѣренія наши не къ тому вовсе клонятся. Мы хотимъ только повергнуть къ стопамъ милосердаго монарха всенижайшую просьбу, съ объясненіемъ въ ней всего горестнаго положенія нашего. Просьбу эту хотимъ отправить съ избраннымъ отъ общества княземъ.

«Лучше бы было гораздо, писалъ онъ Лошкареву [1]), если бы перемѣнился планъ здѣшняго правительства и учинился бы другой родъ порядка. Съ моей же стороны, какъ вѣрный рабъ и подданный, буду стараться исполнять все то, что̀ мнѣ будетъ приказано. Если продолжится на такомъ же основаніи правленіе, я не предвижу никакой пользы, и потому прошу васъ убѣдительно пещись обо мнѣ, чтобы я могъ съ семействомъ моимъ имѣть свое тамъ жительство подъ протекціею моего всемилостивѣйшаго государя, ибо нѣтъ для меня возможности жить здѣсь ни подъ какимъ видомъ».

Слухи о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, существовавшихъ въ управленіи Грузіею, обратили на нее вниманіе петербургскаго кабинета. Отправляя въ Имеретію коллежскаго совѣтника Соколова, по вопросу объ освобожденіи царевича Константина изъ заключенія, императоръ Александръ поручилъ ему принимать прошенія и жалобы отъ всѣхъ горскихъ князей, владѣльцевъ и вообще отъ всѣхъ азіятскихъ народовъ, какого бы званія и вѣроисповѣданія они ни были. Ему же поручено обратить вниманіе на причины неудовольствія и ропота грузинскаго народа противу нашего правительства, «нѣтъ ли особеннаго какого у нихъ въ виду предмета, къ коему духъ народа имѣетъ бо̀льшую наклонность [2])».

Донесенія различныхъ лицъ, посланныхъ въ Грузію, разсказы путешественниковъ, посѣтившихъ страну, и, наконецъ, письма самихъ грузинъ къ нѣкоторымъ лицамъ, стоявшимъ во главѣ нашего правительства, убѣждали одинаково въ безпорядочности верховнаго грузинскаго правительства, и свидѣтельствовали о крайнемъ порабощеніи грузинскаго народа. Безпорядочность правленія

---

[1]) Отъ 30 нояб. 1802 г. Арх. Мин. Внут. Д. Дѣла Грузіи ч. II, стр. 232.

[2]) Изъ Инструкціи Соколову.—Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

происходила сколько отъ своеволія нѣкоторыхъ лицъ, столько же и отъ изолированнаго, чуждаго народному характеру порядка веденія дѣлъ. Правленіе не слилось съ народомъ, не вошло въ изученіе привычекъ, характера и обычая народнаго. Оно дѣйствовало при томъ искреннемъ убѣжденіи, что не правленіе существуетъ для блага народнаго, но грузины созданы для произвола правленія; что не правитель призванъ въ Грузію, для устройства страны и благоденствія каждаго, но Грузія создана для того только, чтобы Коваленскій былъ правителемъ ея. Очевидно, что при такомъ взглядѣ, не могло быть порядка въ управленіи страны, народъ не могъ быть доволенъ правленіемъ и, естественно, желалъ его перемѣны.

Для лучшаго водворенія порядка и спокойствія, необходимо было поставить во главѣ управленія такого человѣка, который, зная народный характеръ, войдя въ его нужды и потребности, могъ бы очистить страну отъ накопившагося въ ней сору; слѣдовательно имѣлъ бы твердый характеръ и достаточную степень энергіи. Такимъ являлся генералъ-лейтенантъ князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ.

Въ сентябрѣ 1802 г., императоръ Александръ призналъ необходимымъ отозвать отъ управленія краемъ генерала Кноринга [1]), смѣнить Коваленскаго, и назначилъ кн. Циціанова главнокомандующимъ на Кавказѣ. Грузинъ по происхожденію, князь Циціановъ былъ призванъ для устройства порядка въ управленіи и оправдалъ выборъ императора самымъ блестящимъ образомъ.

Н. Дубровинъ.

[1]) Въ газетѣ «Кавказъ» 1847 года № 16 помѣщены: «Матеріалы для біографіи генералъ-лейтенанта Карла Өедоровича Кноринга». Свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ весьма кратки — не болѣе, какъ перечень названій тѣхъ должностей, которыя исполнялъ Кнорингъ съ 1799 года по 1802 годъ. Основанныя на словахъ старожила, они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невѣрны. Не Ираклій II отдалъ Грузію въ подданство Россіи, а сынъ его Георгій XII. Присоединеніе Грузіи къ Россіи совершилось вовсе не такъ тихо и спокойно, какъ говоритъ статейка, и Кнорингъ, при всѣхъ своихъ лично отличныхъ качествахъ, умѣ и благородствѣ, не съумѣлъ однакоже заслужить любовь и благодарность жителей. Грузины никогда не называли его миротворцемъ, какъ говоритъ авторъ статьи; напротивъ, изъ имѣющихся письменныхъ актовъ видно, что они были недовольны его правленіемъ.

ГАБСБУРГСКАЯ
СЕМЕЙНАЯ ПЕРЕПИСКА
ВЪ XVIII ВѢКѢ.

III *).

Собираясь — весною 1777 г. — навѣстить сестру Марію-Антуанету, Іосифъ указывалъ матери на важность посѣщенія Франціи, на необходимость изученія тамъ двухъ весьма различныхъ предметовъ — двора и страны. — «Чтó касается двора, должно быть весьма интересно современнику, человѣку въ моемъ положеніи, узнать лично короля, его главныхъ совѣтниковъ, увидѣть своими глазами, какъ управляется машина, какъ она обставлена, чтó заставляетъ ее двигаться, и чего можно ждать отъ нея или *чего должно страшиться.*» Съ другой стороны, желая видѣть не одинъ Парижъ, но и Францію, Іосифъ избѣгалъ ошибки не только иностранцевъ, но и большей части французовъ: «Страна и обозрѣніе ея только одни могутъ ознакомить съ дѣйствительными силами государства, разсѣять иллюзіи, которыя могла бы породить столица, и указать на все, что можно бы еще сдѣлать въ ней.» Іосифъ говорилъ, кромѣ того, о понятномъ желаніи увидѣть сестру и ея положеніе, дать ей разные совѣты, пригодные въ будущемъ; и наконецъ, высказывалъ матери намѣреніе вести себя во Франціи сдержанно, какъ можно менѣе говорить и какъ можно болѣе слушать, и вообще, сохраняя по возможности инкогнито, «не воображать и не питать мысли объ успѣхѣ въ такой странѣ.» Въ половинѣ апрѣля, Іосифъ, подъ именемъ графа Фалькенштейна, явился въ Парижъ, остановился

*) См. выше, т. II, стр 763 — 787.

въ маленькой скромной гостинницѣ, и принялся осматривать все, что представлялось ему интереснымъ. Его удивленіе было не малое, когда онъ узналъ, что самъ король никогда не былъ въ Домѣ Инвалидовъ. А удивленіе парижанъ было еще больше, когда они узнали, что скромный графъ—родной братъ пышной королевы — посѣщаетъ госпитали, присутствуетъ при перевязкѣ раненыхъ, пробуетъ супъ нищихъ, и особенно когда услышали, что графъ не выдержалъ инкогнито и разразился императорскимъ гнѣвомъ, увидѣвъ брошенными на ту же самую постель — одного поправлявшагося бѣдняка вмѣстѣ съ другимъ, бредившимъ въ горячкѣ, съ третьимъ—умиравшимъ, и съ четвертымъ—трупомъ! Рано утромъ видѣли графа сидѣвшимъ терпѣливо на скамьѣ у одного общественнаго сада и ждавшаго, пока сторожъ откроетъ входъ; вечеромъ его замѣчали въ простонародныхъ трактирахъ, прислушивавшагося къ общественному говору. Разсказывали, что онъ спитъ на шкурѣ какого-то дикаго звѣря; что онъ ѣстъ вовсе не окруженный придворною роскошью, а даже часто не садясь за столъ, стоя. Въ Версали его встрѣтили любезно, но, повидимому, не очень радушно; самыя привычки его должны были казаться тамъ живымъ протестомъ противъ двора.... Въ концѣ концовъ, взаимное впечатлѣніе было не очень благопріятно: Іосифу не понравились парижане и Версаль; и въ свою очередь они отнеслись къ нему не съ большей симпатіей. Къ пребыванію въ Парижѣ относится одно замѣчаніе Іосифа, особенно смутившее французское общество и вызвавшее нападки, перешедшіе въ исторію [1]). Въ то время, все предавалось сочувствію къ американскому дѣлу. На одномъ вечерѣ, гдѣ находился Іосифъ, шли восторженныя желанія успѣха. Одна дама, видя, что Іосифъ молчитъ, вздумала обратиться къ нему съ вопросомъ: — «А вы, графъ, какъ думаете объ этомъ, и чью сторону держите вы?» — «Сударыня, отвѣтилъ спокойно Іосифъ — мое ремесло состоитъ въ томъ, чтобъ быть роялистомъ.» И Іосифъ былъ совершенно правъ, и конечно поступалъ гораздо добросовѣстнѣе, чѣмъ всякіе популярные Фридрихи, говорившіе одно и дѣлавшіе совершенно другое. Въ словахъ Іосифа заключался урокъ тогдашнему французскому обществу о полезности не забывать положенія, *ремесла*, какъ говорилъ Іосифъ, той или другой особы, того или другого государственнаго слоя [2]).

Въ перепискѣ находится всего нѣсколько сужденій Іосифа о Фран-

---

[1]) *Sismondi* и др.

[2]) *L. Blanc*, во II томѣ «Исторіи Франц. Революціи», приписываетъ путешествію Іосифа пагубное вліяніе на отношеніе французовъ къ Маріи-Антуанетѣ, на заподозрѣніе ея въ австрійскихъ симпатіяхъ и на прозвище, данное ей: *l'Autrichienne*. L. Blanc ошибается, преувеличивая тогдашнее положеніе. Названіе *Австрійки* явилось гораздо позже, а недовѣріе и несочувствіе — не народа, а Лудовика XVI къ Австріи существовало уже ранѣе.

ціи; но и они очень поучительны въ устахъ лица, столь близкаго къ французскому трону. Отлагая въ сторону мнѣнія Іосифа о вѣтренности своей сестры, о немощи своего шурина, укажемъ на его общее впечатлѣніе. — «Мнѣ не особенно надоѣдаютъ — писалъ онъ брату — нѣсколько человѣкъ у дверей, когда я выхожу, вотъ и все... Дворъ и городъ, составляющіе два предмета совершенно отдѣльныхъ, наполнены бездною любопытнаго, поучительнаго и интереснаго.... Все здѣсь заключается во внѣшности, и когда идешь далѣе и ищешь дѣйствительно полезнаго, то остаешься весьма обманутымъ.... Здѣсь ищутъ внѣшности даже великихъ чувствъ, что еще не составляетъ добродѣтели, и довольствуются пріобрѣтеніемъ славы за свою внѣшность, хотя бы на недѣлю. Для этой цѣли жертвуютъ всѣмъ, и въ этомъ Вавилонѣ совершенно не знаютъ ни законовъ природы, ни законовъ общества, а только одинъ извѣстный лоскъ вѣжливости.... Версальскій дворъ совершенно другое дѣло; тамъ царитъ аристократическій деспотизмъ, хотя это и кажется противорѣчащимъ (общему настроенію). Каждый въ своемъ вѣдомствѣ абсолютный господинъ, только со страхомъ — быть смѣщеннымъ съ своего мѣста. Отъ этого каждый заботится только о сохраненіи себя, и все творится только согласно съ такой заботою. Тѣ, которые хотѣли поступать иначе, стали жертвою и тотчасъ же были изгнаны. Король — абсолютный господинъ только для того, чтобъ переходить изъ одного рабства въ другое рабство. Онъ можетъ перемѣнить министровъ, но никогда не можетъ, если онъ не чрезвычайный геній, стать господиномъ въ веденіи дѣлъ.... Я вижу, что всѣ мелкія личныя дѣла обдѣлываются ловко въ то время, какъ важныя государственныя дѣла остаются въ полномъ пренебреженіи... Все дворянство и чиновничество, въ которыхъ каждый добивается стать министромъ, постоянно кричатъ противъ тѣхъ, кто занимаетъ главныя мѣста; но еслибъ захотѣли рушить эту отвратительную форму ужаснаго деспотизма, въ которомъ каждый участвуетъ, сидя на своемъ мѣстѣ, то всѣ соединились бы, чтобъ воспрепятствовать тому, ибо каждый надѣется пробиться впередъ».

Вѣрный своему намѣренію, Іосифъ отправился изъ Парижа въ провинціи, и остался ими гораздо болѣе доволенъ. Въ мемуарахъ знаменитаго жирондиста Бриссо [1]) встрѣчается разсказъ о свиданіи Іосифа въ Ліонѣ съ однимъ изъ друзей Тюрго, и въ тоже время шефомъ полиціи въ Ліонѣ — съ Простъ-де-Ройе. Разсказъ въ высшей степени интересный, еслибъ даже въ немъ и не была соблюдена полная точность. Ройе упрекалъ Іосифа за худое отношеніе къ французамъ, за ея опредѣленіе имъ, какъ *nation charmante* и не болѣе, что́ очень не понравилось французамъ.—«Да, отвѣчалъ Іосифъ, глядя на дворъ и столицу,

[1]) Mémoires de Brissot. Bruxelles. 1830. Т. II, стр. 223 и сл.

видишь пріятную націю и больше ничего. Но въ кабинетахъ администраторовъ, у ученыхъ, у *нашихъ друзей* (этимъ онъ обозначалъ нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ своего собесѣдника, въ томъ числѣ и Тюрго [1]), въ мастерскихъ артистовъ, нѣтъ народа болѣе интереснаго во всѣхъ отношеніяхъ, а вы должны знать, что я путешествую, чтобъ избавиться отъ предразсудковъ воспитанія и всюду учиться». Ройе заговорилъ съ Іосифомъ о системѣ управленія, и Іосифъ заключилъ рѣчь признаніемъ:—«Увы! я ничего не могу подѣлать; я только первый совѣтникъ моей государыни.» Іосифъ былъ правъ, и такое положеніе перваго совѣтника не переставало преслѣдовать его цѣлые долгіе годы съ того случая первой размолвки, о которой мы разсказывали выше, и до самаго возвратнаго пути изъ Парижа. Каждый разъ, когда онъ возвращался въ Вѣну, и оставался тамъ болѣе или менѣе долго, онъ все надѣялся на измѣненіе въ отношеніяхъ, но напрасно. Дѣло сводилось на объясненія и упреки, и онъ снова искалъ случая вырваться изъ тяжелой обстановки. Въ письмахъ къ брату онъ не перестаетъ жаловаться на свое двусмысленное положеніе сорегента; отъ мелочей и до серьёзныхъ мѣръ всюду проникало несогласіе; одно огорчало Іосифа, при другомъ онъ угрожалъ публичной оглаской. Такъ, въ 1771 г., по поводу разныхъ военныхъ производствъ къ новому году, оказалось много недовольныхъ. Марія-Терезія свалила отвѣтственность на Іосифа, а у него лежали въ столѣ именные списки представленныхъ къ наградѣ и доказывавшіе, что мать поступила по своему усмотрѣнію:—«Такимъ образомъ меня считаютъ за фальшиваго и двуличнаго мои хорошіе знакомые, и даже за лгуна, и я обязанъ казаться таковымъ, не имѣя возможности разубѣждать изъ уваженія и долга. Мнѣ весьма тяжело переносить все это.» Въ тоже самое время изъ-за несогласій по внѣшней политикѣ, когда Марія-Терезія считала недобросовѣстнымъ и нехристіянскимъ затѣвать войну съ Россіей изъ-за Турціи, Іосифъ писалъ брату:—«Если здѣсь ничего не хотятъ дѣлать и, предавъ все на жертву случайности, засвидѣтельствовать тѣмъ свою полную слабость,—я долженъ буду произвести скандалъ и показать обществу, что я вовсе не составляю половины въ правленіи.» Въ октябрѣ 1772 г., онъ сообщаетъ брату о засухѣ, о боязни нищеты еще худшей, чѣмъ за годъ предъ тѣмъ, и—«никто ничего не дѣлаетъ, и это приводитъ меня въ отчаяніе. Но надо терпѣть; повидимому, Богъ такъ хочетъ,

[1]) Извѣстно, что Іосифъ былъ между прочимъ у Бюфона, настоятельно прося не покидать халата, въ которомъ Бюфонъ и принялъ гостя, будучи нездоровъ. Иначе велъ себя Іосифъ съ Вольтеромъ, и выразивъ сначала намѣреніе побывать у него въ Ferney, возлѣ Женевы, кончилъ тѣмъ, что не хотѣлъ его видѣть и не поѣхалъ къ нему. Вольтеръ былъ безутѣшенъ цѣлыя двѣ недѣли отъ такого непочтенія къ его знаменитости, и доказалъ тѣмъ, по выраженію Бриссо, „que les plus grands génies ont parfois de bien petites faiblesses“.

ибо когда у меня спрашиваютъ мнѣнія о полутораста тысячахъ мелочей, надъ которыми коптитъ ежегодно государственный совѣтъ, я всегда отвѣчаю, что пока основаніе не будетъ другое, все побочное безполезно, и это совершенно все равно, какъ еслибы я совѣтовалъ язычнику обратиться для спасенія души къ Юпитеру, Юнонѣ или другимъ богамъ.»

Сама Марія-Терезія тоже видитъ, что дѣла идутъ несогласно и нестройно, что сынъ не сочувствуетъ общему управленію страной, и лично обращается къ нему съ своимъ сомнѣніемъ:—«Я берусь за перо, потому, что мое сердце слишкомъ удручено всевозможными чувствами, чтобъ я могла устно объясниться, ясно и не растрогиваясь.... Откуда происходитъ, что, при правдивыхъ, одинаковыхъ намѣреніяхъ, дѣла принимаютъ совсѣмъ другой оборотъ; что мы часто рознимся въ нашихъ мнѣніяхъ, что мы споримъ, что даже изъ этого произошло недовольство? Это уже давно занимаетъ меня и дѣлаетъ еще болѣе убитой и сомнѣвающейся, чѣмъ обыкновенно.... Каждый изъ насъ слѣдуетъ своей склонности. Мы заняты недостатками другъ друга, не ища и не исправляя своихъ собственныхъ.... У меня начинаетъ недоставать бодрости; вы полны ею; вы только начинаете свою карьеру; я же кончаю мою гораздо еще несчастнѣе, чѣмъ начала ее. Я хочу дѣлить съ вами трудность нашего положенія.... Я была бы совершенно уничтожена, еслибъ не имѣла такого сына, какъ вы, коего мнѣ дало Провидѣніе; и пока вы не впадете въ порокъ и сохраните вѣру и вѣрность ея святому закону, я не могу не надѣяться, чтобъ вы не стали спасителемъ вашихъ народовъ». Въ отвѣтъ на находившуюся въ этомъ нѣжномъ письмѣ просьбу—сообщить матери тѣ основанія и принципы, по которымъ слѣдовало бы организовать общее движеніе дѣлъ въ государствѣ, Іосифъ отвѣчаетъ ей указаніемъ на необходимость совершенно преобразовать государственное устройство и измѣнить составъ лицъ въ правленіи, такъ, чтобы не было ни преимуществъ, ни предпочтеній той или другой части, той или другой особѣ, и чтобъ всѣ земли, всѣ департаменты, всѣ лица, всѣ сословія, безъ исключенія, содѣйствовали одному общему благу. Но ни старые годы Маріи-Терезіи, ни ея нерѣшительный характеръ, ни ея сложившіяся понятія, ни ея личныя привычки не допускали ея подчиненія мнѣніямъ сына, и Іосифъ снова жалуется брату:—«Мелкіе резоны, интриги, которыя долго дурачили меня, останавливаютъ и мѣшаютъ всему, и все идетъ къ дьяволу! Промѣняемся, мой другъ, я уступаю вамъ и безъ чечевичной похлебки право старшинства, ибо меня одолѣваетъ черная тоска и отсутствіе вѣры въ будущее.... Прощай имя и слава! Я противъ воли участвую въ этомъ общемъ *разложеніи*, и мое патріотическое сердце разрывается». Съ такимъ чувствомъ относился Іосифъ къ старой габсбургской монархіи. Не съ меньшимъ горемъ относилась Марія-Тере-

зія къ видамъ сына. Въ концѣ 1773 года, неловкость положенія, недоразумѣнія дошли до того, что даже Кауницъ, вѣрный слуга и другъ императрицы, хотѣлъ подать въ отставку, «не считая себя долѣе способнымъ отправлять службу съ желаемою поспѣшностью». Марія-Терезія отвѣтила ему собственноручнымъ отказомъ въ отставкѣ:—«Я не могу и не хочу принять вашего желанія, и я жду отъ вашей преданности и даже дружбы, что вы не покинете меня въ моемъ жестокомъ положеніи. Посмотримъ, есть ли еще средство *спасти* государство и не потерять напрасно 33-хъ лѣтъ тяжелой и вѣрной службы, которую мы вмѣстѣ принесли ему; и *если нѣтъ средствъ*, то оставимъ его вмѣстѣ, но не иначе, и полагайтесь на мою дружбу, уваженіе и признательность такъ точно, какъ я полагаюсь на вашу преданность».

Когда Іосифъ узналъ о поступкѣ Кауница и о мнѣніи матери, то тоже рѣшился подать въ отставку и послалъ ей длинное объясненіе:—«Не съ сего дня боялся я и предвидѣлъ всѣ почти неодолимыя препятствія, которыя должно было причинить мое положеніе и обязанность, возложенная на меня... Я предвидѣлъ, что по моему положенію и, можетъ быть, по образу мыслей моихъ, я не могъ играть роли моего покойнаго августѣйшаго отца.... Я старался и путешествовать, и удаляться даже отъ драгоцѣнной нѣжности вашего величества.... Я зналъ, что двѣ воли никогда не могутъ оставаться столь соединенными, чтобъ не представить колебаній и не открыть чрезъ то доступъ проискамъ, интригамъ и партіямъ.... Вы иначе смотрите на меня, считаете меня другимъ, нежели я есть и каковъ я долженъ быть. Вы несправедливы ко мнѣ, если считаете меня самолюбивымъ и желающимъ повелѣвать. Я отъ всего сердца желаю даже не имѣть никогда подобной перспективы». Далѣе, онъ напоминаетъ ей о ея нерѣшительности; увѣряетъ, что дѣло шло бы лучше, еслибъ она полагалась на самоё себя, а не на своихъ министровъ, и совѣтуетъ не задумываться надъ выборомъ между нимъ и министрами, если онъ не внушаетъ ей полнаго довѣрія, если она вполнѣ полагается на ихъ опытность. — «Если вы боитесь огорчить меня (отставленіемъ отъ дѣлъ), убѣдитесь, что я желаю только добра и возможности остаться безупречнымъ предъ собой; отбросьте мои идеи, и, увѣряю васъ, это не причинитъ мнѣ горя; но если вы обращаетесь ко мнѣ съ вопросомъ, то допустите, чтобъ моими единственными руководителями были мое убѣжденіе и мой разумъ.... Если лица, окружающія васъ, не исключая и меня, не могутъ служить вамъ какъ должно — перемѣните ихъ, возьмите другихъ. Если моя особа отдаляетъ отъ васъ людей, которые во-сто разъ полезнѣе и способнѣе меня, то дозвольте мнѣ, во имя Бога и вашей славы, вашего долга и нѣжности, тó удаленіе, котораго я желаю.... Я люблю на свѣтѣ только васъ и государство; рѣшайте, и пусть такъ бу-

деть! Еслибъ я думалъ только о себѣ, я хорошо знаю, какъ поступилъ бы!...»

Марія-Терезія отвѣчаетъ Іосифу тоже предложеніемъ своего собственнаго удаленія и предоставленіемъ ему полной власти; но, едва высказавъ такую мысль, она торопится указать на нежеланіе покидать его одного среди всѣхъ трудностей. Странно и поучительно слышать отъ Маріи-Терезіи признаніе не только въ равнодушіи, но почти и въ отвращеніи къ власти: — «Я еще разъ предлагаю вамъ мое удаленіе — пишетъ она — какъ единственное, что̀ можетъ успокоить и утѣшить меня. Не бойтесь никакого сожалѣнія съ моей стороны. Я слишкомъ испытала, что̀ такое свѣтъ, чтобъ не оставить его съ величайшей готовностью. Только два обстоятельства останавливаютъ меня: ваша оппозиція и наши дѣла, которыя я нахожу въ такомъ худомъ состояніи, что *не хотѣла бы* отяготить ими васъ одного *противъ вашей воли (?)*.... Я должна признаться вамъ, что мои способности, зрѣніе, слухъ, сообразительность страшно падаютъ, и является тотъ недугъ, котораго я страшилась всю жизнь — нерѣшительность, рядомъ съ уныніемъ, и недостаткомъ увѣренности.... Оставленіе меня вами, Кауницомъ, смерть всѣхъ моихъ близкихъ совѣтниковъ, упадокъ религіи, развращеніе нравовъ, рѣчи, которыя говорятся теперь и которыя я съ горечью слушаю — все это причины слишкомъ достаточныя для обремененія меня!... Я предлагаю вамъ работать съ кѣмъ пожелаете, надъ устройствомъ государственнаго совѣта, возвращаясь къ первой мысли объ установленіи *началъ правленія, но безъ измѣненія въ должностяхъ и лицахъ*.... Скажите же, что̀ хотите вы, чтобъ я сдѣлала, и ничто не будетъ дорого стоить мнѣ въ томъ ужасномъ состояніи, отъ котораго я страдаю уже шесть лѣтъ».

Страданіямъ ея не суждено было еще кончиться. Обмѣнявшись взаимными предложеніями отреченія, мать и сынъ остались попрежнему императрицею и императоромъ, и распрѣ суждено было тянуться еще долѣе года. И чѣмъ дальше шла она, тѣмъ болѣе обозначалась сущность розни, которая является въ началѣ весьма смутною и касается, повидимому, только измѣненія въ нѣкоторыхъ лицахъ. Но уже въ представленномъ здѣсь отрывкѣ изъ письма Маріи-Терезіи высказываются жалобы на общее настроеніе той эпохи, на то, что̀ она считала безвѣріемъ и извращеніемъ нравовъ. Въ ея словахъ слышится протестъ противъ новаго созерцанія, идущаго на смѣну старому, привычному ей; въ словахъ Іосифа сказывается твердая, непоколебимая увѣренность въ правотѣ своихъ понятій, и рѣшительная невозможность отказаться отъ своихъ «руководителей—убѣжденій и разсудка». Она—тревожна и разбита боязнью за паденіе «того дѣла, которому служила 33 года»; она упорно держится за свое и не хочетъ выпустить изъ рукъ послѣдней надежды на возвратное торжество ея

понятій, на покореніе имъ сына! Онъ — спокоенъ и держится только за простую логику; какъ-бы зная, что его время не уйдетъ, что его понятія должны взять свое! А пока, въ ожиданіи лучшаго, положеніе оставалось все тѣмъ же запутаннымъ, и Іосифъ продолжалъ изливать предъ братомъ всю накипавшую злобу: — «Нетерпѣніе овладѣваетъ одними, интрига другими; эти торопятъ, тѣ мѣшаютъ, и вотъ какъ дѣла путаются. Люди опутываютъ императрицу, бранятся въ выраженіяхъ дѣйствительно-неприличныхъ; въ ту минуту, какъ какое-нибудь дѣло рѣшено и даже опубликовано, его снова отмѣняютъ и измѣняютъ. Все это отвратительно, и такъ какъ я стою твердо на своемъ и противлюсь интригамъ, — то меня нещадно поносятъ, и при этомъ — лица, съ которыми я встрѣчаюсь самымъ дружескимъ образомъ. Я знаю то, но я смѣюсь надо всѣмъ и иду своимъ путемъ, относительно дѣлъ и общества, какъ-будто бы ничего не происходило».

Подобная картина канцелярскаго управленія, за отсутствіемъ общественнаго, даетъ весьма ясное понятіе о томъ, какъ всѣ частныя семейныя распри изъ-за различныхъ воззрѣній должны были отзываться на состояніи страны, и нечего прибавлять, долженъ ли былъ народъ терпѣть отъ всего подобнаго.

Грустное свидѣтельствованіе Іосифа относится къ іюлю 1775 года. Въ декабрѣ того же года снова вскипаетъ наружу долго-сдержанная буря, и снова идутъ взаимные упреки, увѣренія и отреченія. Только на этотъ разъ Марія-Терезія прямо ставила въ вину Іосифу его религіозную терпимость, его требованіе религіозной свободы, свободнаго отправленія каждаго культа. Она объявила ему, что «слишкомъ стара, чтобъ подчиниться подобнымъ принципамъ», и грозила тѣмъ, что подобные принципы, «недозволенные никакому католическому принцу», повели бы къ уничтоженію *существующаго величія* (а за два года предъ тѣмъ, мы видѣли, какъ она сама признавала паденіе старой Австріи!) и къ его собственному несчастію. Іосифъ отвѣчалъ прямымъ объявленіемъ, что не чувствуетъ себя ни въ чемъ виновнымъ, ни въ чемъ не можетъ упрекнуть себя, и потому, принимая ея неодолимое недовѣріе къ его мнѣніямъ за неизбѣжную судьбу, онъ снова повторяетъ и требуетъ отставки, обѣщаетъ ей совершенно удалиться отъ дѣлъ, безъ всякаго шума и огласки:—«Освободите меня, вашего сына, молодого человѣка безъ опытности, отъ жестокаго бремени, никогда на свѣтѣ никого столь не тяготившаго, даже среди частныхъ людей; увольте меня отъ мѣста коррегента... Мнѣ нечего дѣлать.... Измѣнить моимъ принципамъ? Я охотно то сдѣлалъ бы, не смотря на весь трудъ переработки, еслибъ только я могъ убѣдиться, что мои принципы пагубны для отечества и оскорбительны для вашего величества. Этого признать я ни въ какомъ случаѣ не могу. Но такъ какъ ваше величество во всѣхъ моихъ устныхъ и письменныхъ объясненіяхъ видитъ

столь опасные принципы, то даже все то, чтó могло бы между ними найтись хорошаго — все это будетъ отброшено вами.... Я нахожу въ себѣ волю и силы повиноваться, но отнюдь не возможность измѣнить моимъ принципамъ и убѣжденіямъ».

Грустное Рождество пришлось встрѣтить Маріи-Терезіи; она все еще надѣялась на исправленіе сына, на оставленіе имъ своихъ «старыхъ предразсудковъ», и снова сталкивалась въ его упорствѣ съ послѣднимъ терминомъ всѣхъ споровъ, съ готовностью отреченія.—«Между нами существуетъ великое несчастіе!» — обращалась она къ нему 25 декабря 1775 г. — «съ наилучшей волей мы не понимаемъ другъ друга.... я не встрѣчаю ни довѣрія, ни откровенности. 36 лѣтъ занята я только вами; 26 лѣтъ я была счастлива, но я не могу сказать того же въ настоящій часъ, не будучи въ состояніи примириться съ слишкомъ распущенными началами въ дѣлѣ религіи и нравовъ. Вы слишкомъ выказываете вашу антипатію ко всѣмъ старымъ обычаямъ и ко всему духовенству, и выражаете слишкомъ свободныя начала морали и поведенія. Это справедливо тревожитъ мое сердце за ваше особое положеніе, и заставляетъ содрогаться за будущее».

Еще прошли годы. Іосифъ, какъ мы видѣли, искалъ выхода въ частыхъ путешествіяхъ; но и вдали отъ Вѣны, на пути, тянулась старая распря, все болѣе облекаясь въ клерикальный оттѣнокъ. Распря вѣка съ католицизмомъ, поглотившая въ то время, повидимому, всѣ другіе интересы, произведшая союзъ самыхъ противоположныхъ сторонъ — роялизма и энциклопедіи, фаворитокъ и философовъ, распря эта преслѣдовалась между нашими лицами съ той же энергіей и почти съ тѣмъ же ожесточеніемъ. Изъ Франціи, въ іюнѣ 1777 года, Іосифъ пишетъ матери: — «Имѣю честь возвратить в. в-ству прилагаемое извлеченіе изъ богемской канцеляріи. Я не присоединяю никакого размышленія. Ваше в-ство знаетъ мой образъ мыслей по этому предмету; я никогда ему не измѣню.... съ политической точки зрѣнія, различіе религій въ государствѣ тогда только представляетъ зло, когда является фанатизмъ, разъединеніе и духъ партій; но эти свойства падаютъ сами собой, когда обращаются съ послѣдователями той и другой религіи совершенно равно, и когда предоставляютъ все остальное Тому, кто одинъ управляетъ сердцами». Въ это же время Марія-Терезія спѣшитъ подѣлиться съ сыномъ страшными извѣстіями, увѣренная, что теперь, наконецъ, онъ пойметъ свое затрудненіе; его отвѣтъ объясняетъ дѣло: — «Открытіе, сдѣланное въ Моравіи касательно нерелигіозности, утверждаетъ меня еще болѣе въ моихъ принципахъ — свобода вѣры! и тогда будетъ только одна религія, состоящая въ томъ, чтобъ вести одинаково все населеніе ко благу государства. Безъ этой системы, вы все же не спасете души, и только потеряете весьма многихъ полезныхъ и необходимыхъ существъ. Дѣлать вещи на поло-

вину — не входитъ въ мои принципы; или нужно дать полную свободу культа, или же имѣть возможность изгнать всѣхъ тѣхъ, которые не вѣрятъ тому, чему вы вѣрите, и не принимаютъ тѣхъ же самыхъ формъ для поклоненія и служенія тому же Богу и тому же ближнему. Наконецъ, для того, чтобъ души не терзались послѣ смерти, изгонять и препятствовать всѣмъ выгодамъ, кои можно извлечь изъ прекрасныхъ земледѣльцевъ, изъ хорошихъ подданныхъ въ теченіе ихъ жизни—какую же власть надо взять на себя для того? И развѣ она можетъ распространяться такъ далеко, чтобъ судить о божественномъ милосердіи, хотѣть спасать людей помимо ихъ желанія, и, наконецъ, повелѣвать совѣсти?... О, свѣтскіе администраторы! что вамъ за надобность входить въ стороннія обстоятельства, если только служеніе государству совершается, если законы природы и общества соблюдаются, если не оскорбляютъ, а почитаютъ и преклоняются предъ верховнымъ существомъ? Духъ святой долженъ просвѣтить сердца; ваши же законы ничего не сдѣлаютъ, кромѣ отдаленія его дѣйствія».

— «Какъ? — спрашиваетъ съ ужасомъ Марія-Терезія, нѣсколько позже, — безъ господствующей религіи? Терпимость, индиферентизмъ — именно составляютъ вѣрныя средства, чтобы подо все подкопаться и лишить насъ всякой опоры; мы сами первые же попались бы.... Я говорю только политически, не какъ христіанка, ничего нѣтъ спасительнѣе и необходимѣе религіи (подразумѣвается, единственно католической).... безъ опредѣленнаго культа, безъ подчиненія одной церкви, что сталось бы съ нами?... Подобныя рѣчи ваши могутъ причинить величайшія бѣдствія, и сдѣлать васъ отвѣтственнымъ за многія тысячи душъ. Посудите же, какъ должна я страдать за васъ, за ваши ложные принципы?.. Дѣло уже не идетъ о благѣ государства, ни о вашемъ сохраненіи.... дѣло идетъ о спасеніи вашей души.... Видя и слушая, мѣшая въ себѣ духъ противорѣчія и духъ созданія въ одно время, вы гибнете и влечете за собою всю монархію, со всѣми великими заслугами вашихъ предковъ, которые передали намъ съ такими трудностями эти провинціи, и много улучшили ихъ, введя нашу святую вѣру не такъ, какъ наши противники, съ насиліемъ и жестокостью, а съ заботами, трудами и тратами (знающіе исторію габсбургскаго дома, помнящіе Карла V, Филиппа II, тридцатилѣтнюю войну, могутъ подивиться смѣлымъ увѣреніямъ католической императрицы!). Не надо духа гоненія, но еще менѣе — индиферентизма и терпимости, на что я и надѣюсь, пока останусь въ живыхъ, съ надеждою унести въ гробъ утѣшеніе, что сынъ мой будетъ столь же великъ, столь же религіозенъ, какъ и его предки, и покинетъ ложныя сужденія, худыя книги и тѣхъ, которые щеголяютъ блескомъ ума насчетъ всего самаго святого и хотятъ ввести воображаемую свободу, никогда не могущую

существовать и только ведущую къ распутству и *совершенному низверженію всего*».

Предчувствіе «совершеннаго низверженія», подобное предсказанію Людовика XV о грядущемъ потопѣ, было вполнѣ справедливо; но насколько основательно было отрицаніе Маріей-Терезіей духа гоненія, это другой вопросъ, отвѣтъ на который находится въ позднѣйшемъ письмѣ къ ней Іосифа (сентябрь 1777 г.):—«Мѣры, которыя хотятъ предпринять противъ религіозныхъ раскольниковъ въ Моравіи, столь глубоко противорѣчатъ всему, что во всякое время было признаваемо за начала, требуемыя нашею религіею и хорошей администраціей, и я скажу болѣе, требуемыя здравымъ смысломъ, что я не сомнѣваюсь въ вашей проницательности для принятія иныхъ мѣръ. Можно ли вообразить что-либо безобразнѣе данныхъ распоряженій? Какъ? для обращенія людей—дѣлать ихъ солдатами? посылать ихъ въ рудники или на тяжелыя работы?! Это не видано, со времени преслѣдованій при началѣ лютеранизма, и это повело бы къ невообразимымъ послѣдствіямъ.... Я считаю себя обязаннымъ объявить весьма положительно, и докажу то, что человѣкъ, задумавшій и сочинившій тѣ приказы, есть самый недостойный изъ вашихъ слугъ, и слѣдственно, человѣкъ, заслуживающій только мое презрѣніе, ибо онъ столько же глупъ, какъ и гадокъ.... Надѣясь на измѣненія, я долженъ весьма почтительно увѣрить васъ, что, если подобныя вещи должны совершаться при моемъ коррегентствѣ, то вы дозволите мнѣ прибѣгнуть къ давно-выраженному намѣренію, и, отрѣшась отъ всѣхъ дѣлъ, показать всему свѣту, что я не вхожу въ нихъ рѣшительно нисколько; того требуютъ моя совѣсть, мой долгъ, мое доброе имя....»

Вслѣдъ за тѣмъ, религіозный предметъ распри смѣнился предметомъ военнымъ, когда началась война за баварское наслѣдство, о чемъ и было уже сказано. Распря перешла на область государственныхъ учрежденій, когда Іосифъ возвратился изъ утомительнаго похода и снова сталъ указывать матери (май 1779 г.) на необходимость кореннаго преобразованія всей правительственной системы. Она потребна была, по его словамъ, для прочнаго и плодоноснаго утвержденія мира; настоятельно необходимымъ представлялась ему реформа «въ предметѣ финансовъ, и установленіе истинной прочной системы.» А для этого онъ опять указывалъ на измѣненіе лицъ, безъ всякаго вниманія къ старымъ привычкамъ и предпочтеніямъ.—«Односторонне думающіе люди, если они не могутъ преклоняться или быть руководимы, должны быть оставлены въ сторонѣ; всѣ прочіе должны быть поставлены въ возможность дѣйствовать цѣлесообразно, при посредствѣ вѣрнаго, центральнаго пункта... люди должны забыть свой личный мелкій интересъ и служить общему дѣлу.» И эта попытка опять ни къ чему не повела. Онъ работалъ, составлялъ проекты, распредѣлялъ обязанности;

мать осталась при своемъ.—«Я ничего новаго не нашелъ здѣсь (Іосифъ къ Леопольду, 14 ноября 1779 г.); безпорядокъ, непослѣдовательность, интрига, все тѣ же самыя дѣла, подлежащія изслѣдованію, въ самой страшной запутанности. Ея величество мѣшается во все частнымъ путемъ; мелкіе люди окружаютъ ее совѣтами и толкаютъ ее по своему; она ничего не можетъ понять, и оттого слѣдуютъ вѣчныя колебанія и перемѣны, къ великому ущербу службъ и дѣлъ...»

Это писано въ ноябрѣ 1779 года, и представляется уже одною изъ послѣднихъ жалобъ; скоро распря должна была разрѣшиться безапелляціоннымъ путемъ смерти—ровно чрезъ годъ, Марія-Терезія умерла, и тотъ годъ Іосифъ снова почти весь провелъ въ путешествіяхъ. Сюда принадлежитъ поѣздка въ Россію на свиданіе съ Екатериною II. Въ Могилевѣ — который своею грязью, убогими деревянными домишками нагналъ на путешественника тоску,—онъ встрѣтился съ Екатериною. Онъ увидѣлъ ее въ первый разъ при ея торжественномъ въѣздѣ.—«Она была прекрасна; все польское дворянство на коняхъ; гусары, кирасиры, бездна генераловъ, окружавшихъ карету; наконецъ, она сама въ двухмѣстной каретѣ съ своей Kamerfräulein Энгельгардъ.» — Здѣсь-то и завязались тѣ переговоры, которые, по мнѣнію Екатерины II-й, должны были представить совершенно новое, особое разрѣшеніе восточнаго вопроса; указаніе въ перепискѣ по этому предмету тѣмъ болѣе важно, что историки не согласны, кому принадлежитъ первая мысль о завоевательномъ торжествѣ—обоимъ ли монархамъ вмѣстѣ, одному ли изъ нихъ, и кому первому? Іосифъ, въ письмѣ къ матери, отдаетъ всю принадлежность мысли одной Екатеринѣ.—«Она заговорила объ Италіи и особенно о папскихъ владѣніяхъ—нравились-ли бы они мнѣ какъ владенія римскаго императора и притомъ въ столь прелестной странѣ? Я сначала отвѣтилъ шуткой, но потомъ сказалъ серьезно только то, что status quo въ Италіи—дѣло столь интересующее всѣ державы, что я никогда не могъ бы заявить своего права, еслибъ оно даже шло отъ Августа; а вотъ ея Римъ, т. е. Константинополь, его гораздо легче завоевать! Она извинилась за свой вопросъ, повидимому, смутилась, увѣряя, что она желаетъ только мира, а не побѣдъ.» Тѣмъ не менѣе разговоръ снова возобновился, потому что изъ Смоленска, куда онъ отправился вмѣстѣ съ Екатериной, Іосифъ сообщилъ матери (14 іюня 1780 г.) разговоръ о турецкихъ дѣлахъ и о союзѣ Екатерины съ Фридрихомъ; она говорила ему, что «ея нація была болѣе чѣмъ она сама удивлена нашимъ отказомъ ей въ помощи противъ турокъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ, она хотѣла указать Іосифу на средство ослабить союзъ съ Пруссіею, но не сочла нужнымъ распространяться и —«только сказала мнѣ вдругъ, что у меня и у самого нѣтъ еще моей столицы. Всѣ эти частные намеки въ разныхъ видахъ на Италію заставляютъ меня думать, что она замышляетъ какіе-нибудь планы... За-

мѣчу еще, что когда она говоритъ мнѣ о Римѣ, я всегда, смѣясь, говорю ей о Константинополѣ. Она даже разъ отвѣтила мнѣ положительно, что еслибъ даже завоевала его, то не удержала бы для себя самой... Все это заставляетъ меня припоминать ту мечтательную идею, по которой она еще думаетъ раздѣлить свою имперію и дать внуку Константину восточную имперію,—конечно, когда завоюетъ ее.» Нѣсколько недѣль спустя, давая отчетъ матери о своихъ переговорахъ въ Петербургѣ, Іосифъ снова сообщилъ, что какъ только зайдетъ рѣчь объ Италіи, и особенно о Римѣ, Екатерина—«съ жаромъ повторяетъ мнѣ, что тамъ должна быть моя столица, тамъ я имѣлъ бы широкое поле для славы и безсмертія, и много подобнаго, что я всегда оставляю безотвѣтнымъ, ограничившись тѣмъ, что слѣдовало въ первыхъ разговорахъ; но это химера или эта приманка держится въ ея головѣ.»

Наконецъ, на возвратномъ пути изъ Петербурга, получивъ письмо отъ Екатерины и пересылая его матери, Іосифъ обращалъ ея вниманіе на одну фразу:—«Вы замѣтите въ письмѣ фразу о благословеніяхъ *двухъ* церквей, это опять намекъ на ту безумную идею о соединеніи завоеванія для нея Константинополя съ завоеваніемъ Рима для насъ.» Въ письмѣ Екатерины (помѣщенномъ въ изданіи Арнета) дѣйствительно находится слѣдующее выраженіе:—«Если вы станете нашимъ апологистомъ на словахъ и *на дѣлѣ*, то не только пріобрѣтете верхъ нашей признательности, но и соедините на себѣ благословенія церкви восточной и церкви западной.»

Не смотря на высказываемое здѣсь скептическое и небрежное отношеніе Іосифа къ подобнымъ планамъ, въ сущности они запали въ его голову весьма глубоко, и должны были слишкомъ серьёзно безпокоить его честолюбіе; изъ-за нихъ онъ совершенно измѣнилъ свое воззрѣніе на восточный вопросъ, сталъ союзникомъ на сторонѣ Россіи, и, держа вѣрно свое слово, фатально запутался, какъ увидимъ, во внѣшнихъ дѣлахъ, въ то время, какъ всего вниманія требовали дѣла внутреннія. Кромѣ этого главнаго предмета свиданія, имѣвшаго вообще цѣлью установленіе дружескихъ отношеній, въ перепискѣ интересно свидѣтельство о впечатлѣніи, которое Іосифъ вынесъ изъ Москвы:—«Москва гораздо обширнѣе всего, что я до сихъ поръ видѣлъ: Парижъ, Римъ, Неаполь не могутъ сравниться съ ней. Правда, внутри ея есть много скверныхъ домовъ, среди которыхъ разсѣяны чрезвычайно красивые дворцы. Улицы — хороши, широки, удобно проложены и, наконецъ, городъ этотъ весьма интересенъ по своимъ различнымъ костюмамъ и нравамъ... Послѣ обѣда я отправился посмотрѣть на родъ праздника, посвященный Троицыну дню, который *греки* (т. е. греческаго исповѣданія) вчера праздновали. На лугу было по крайней мѣрѣ 50 тысячъ душъ, собравшихся, чтобъ пить, плясать, пѣть и забавляться на вертящихся качеляхъ — любимая за-

бава народа. Веселость и оригинальность того праздника не могутъ быть описаны... Послѣ я былъ въ дворцовомъ саду, составляющемъ общественную прогулку; тамъ я видѣлъ все свѣтское общество, и конечно тысячу дамъ или женщинъ, всѣхъ весьма хорошо одѣтыхъ по французски, и изъ которыхъ множество было весьма красивыхъ.» Этотъ комплиментъ нашимъ бабушкамъ тѣмъ болѣе лестенъ, что Іосифъ вообще строго относился къ женскому полу и, не смотря на то, въ слѣдующемъ письмѣ онъ снова возвращается къ тому же заявленію:—«Мое пребываніе въ Москвѣ было весьма пріятно; это прекрасный городъ; его окрестности плодоносны и миловидны; общество очень хорошее, *особенно женщины*, изъ нихъ много весьма красивыхъ.»

Изъ Петербурга Іосифъ унесъ особенно дружеское расположеніе къ женѣ тогдашняго наслѣдника престола, къ в. к. Маріи Өеодоровнѣ, и пророчилъ ей о ея будущей важной роли:—«Это принцесса, которой можетъ прійдтись играть большую роль... Она рѣдкаго ума и характера, и при этомъ, съ весьма симпатичной наружностью и превосходнымъ поведеніемъ. Еслибъ десять лѣтъ тому назадъ я могъ встрѣтить или подумать о существованіи подобной принцессы, я женился бы на ней не задумываясь, и она соотвѣтствовала бы моему званію и положенію: это значитъ сказать все» [1]).

Въ августѣ 1780 года, Іосифъ возвратился въ Вѣну, и мы снова встрѣчаемъ въ письмахъ къ брату:—«Здѣсь все по прежнему путаница, нерѣшительность, грабежъ, мелочные виды, наглые, подъ прикрытіемъ покровительства, подчиненные...»

Въ октябрѣ его уже опять не было въ Вѣнѣ, и онъ сообщилъ матери свой взглядъ на состояніе Богеміи:—«Крестьяне въ лучшемъ состояніи нежели въ прошломъ году, но ткачи остаются безъ работы. Помѣщики, разоренные своими крѣпостными, вовсе не находятся въ такомъ положеніи, чтобъ ваше в-ство оказывало имъ денежныя ссуды. В. в-ство говоритъ, что хочетъ помочь въ общности, а не отдѣльнымъ лицамъ; я никогда не сдѣлалъ бы иного предложенія. Принцъ Шварценбергъ, наприм., отдѣльное лицо,—ав. в-ство ссудило ему милліонъ; если онъ обязанъ заплатить этотъ милліонъ, чрезъ то не станетъ бѣднѣе; ему стóитъ только продать часть земли для того, уплачивая проценты; а между тѣмъ, съ этимъ милліономъ тысяча ткачей могла бы быть употреблена въ дѣло, и промышленность страны поддержана.»

Въ этихъ словахъ можно было видѣть, какъ будетъ дѣйствовать

---

[1]) Т. III, стр. 271, 280, 290. Тамъ же приведены письма великой княгини и ея мужа къ Іосифу. Іосифъ вообще остался очень доволенъ поѣздкою, только одно обстоятельство едва не испортило дѣла, по его мнѣнію, и поставило его въ затрудненіе: Потемкинъ передалъ австрійскому посланнику желаніе императрицы получить орденъ Золотого Руна, въ знакъ знакомства и дружбы; затрудненіе состояло въ томъ, что орденъ тотъ никогда не давался ни одной женщинѣ.

Іосифъ, чьи интересы будутъ ему дороже, когда онъ станетъ самостоятельнымъ правителемъ. Время самостоятельности пришло. Въ послѣднихъ числахъ ноября, Марія-Терезія расхворалась, начавъ простымъ насморкомъ; простуда затруднила давно уже страдавшее дыханіе, и она кончила почти неожиданною смертью. Съ смертью кончилась долгая распря. Оставшись одинъ, Іосифъ почувствовалъ всю свою привязанность къ старой матери, «къ старому другу Терезѣ.» — «Сорокалѣтняя привязанность, предметъ моей жизни и моей благодарности за всѣ ея благодѣянія,—утрата ея почти выше моего разсудка. Вотъ моя система жизни, все наконецъ разрушено, и я чувствую себя почти одинокимъ на свѣтѣ! Судьба вырвала у меня женъ, дѣтей, отца, мать. Пусть же мнѣ останется хоть ваша дружба, я искренно прошу васъ о ней.» — Просьба, обращенная къ брату Леопольду, и какъ увидимъ, оставшаяся тщетною!

Три большіе тома переписки, съ которою мы старались довольно подробно познакомить читателя, какъ съ интереснымъ и важнымъ историческимъ матеріаломъ для истиннаго понятія о жизни одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей XVIII-го вѣка, — заканчиваются письмомъ Екатерины II-й къ Іосифу II-му, полнымъ одобренія и надеждъ:—«Для вашихъ высокихъ добродѣтелей открывается широкое поле; весь міръ ждетъ отъ васъ примѣровъ, и я нисколько не сомнѣваюсь въ нихъ.»

IV.

Оставшись одинъ, ставъ единодержавнымъ властелиномъ, Іосифъ могъ наконецъ отдаться безъ помѣхи осуществленію своихъ реформъ. Изъ предъидущихъ главъ становится понятнымъ, что чѣмъ ранѣе были задуманы тѣ реформы, и чѣмъ долѣе оставались неприложимыми, тѣмъ нетерпѣливѣе долженъ былъ хотѣть Іосифъ ихъ немедленнаго примѣненія. Другая психологическая причина его поспѣшности, за которую каждый историкъ считаетъ долгомъ попрекнуть коронованнаго новатора, — лежала, повидимому, въ его болѣзненномъ состояніи; онъ какъ будто сознавалъ близость своей кончины, и жаловался, что многіе удары и пораженія въ жизни преждевременно состарѣли его [1]). Онъ боялся теперь не успѣть привести въ исполненіе свои планы, и въ этой боязни пробивалось сомнѣніе въ его преемникахъ; онъ вѣрилъ только въ свое личное дѣло, сдѣланное его руками, его головой.

Передъ нимъ стояла по истинѣ трудная задача. На землѣ, составлявшей пеструю амальгаму, зовущуюся Австрійской имперіей, — жило

---

[1]) Въ письмѣ къ Леопольду, 14 декабря 1780 г. — «Tout cela me fait sentir que je suis vieux et que de pareils coups m'ont abattu, en ayant malheureusement ressenti les plus cruels.»

24 милліона народа, различныхъ нарѣчій, обычаевъ, нравовъ, подъ различными экономическими условіями, съ различными умственными и моральными свойствами, и все это было связано только однимъ обобщающимъ факторомъ, только однимъ единствомъ,—единствомъ гнета и эксплуатаціи, въ силу привилегій католичества и дворянства. Средневѣковой феодальный правежъ царилъ во всемъ безобразіи. Дворянство гуляло на счетъ народнаго труда; католичество богатѣло на счетъ народной совѣсти; городское сословіе не имѣло почти никакого значенія; крестьянство, въ бóльшей части земель, нищало въ рабствѣ; и надъ всѣмъ этимъ міромъ господствовала, прикрывавшая всѣ злоупотребленія, канцелярская интрига въ Вѣнѣ. Внѣшнія отношенія всеобщаго управленія выражались въ мѣстныхъ собраніяхъ каждой провинціи, состоявшихъ преимущественно изъ духовенства и дворянства, съ немногими городскими депутатами. Въ принадлежность тѣхъ собраній входила почти вся мѣстная юрисдикція и право постановленія налоговъ и податей. То и другое вмѣстѣ давало всесильное орудіе привилегіи противъ народа, и понятно, какою тяжестью падали суды и налоги на бѣдные безсловесные классы.

Іосифъ слишкомъ хорошо зналъ все зло существовавшей іерархіи; всѣ его помыслы были обращены цѣлые пятнадцать лѣтъ на одно и тоже положеніе, на необходимость коренного преобразованія. Уже, въ 1765 году, онъ изображалъ [1]) матери общественное положеніе яркими, но правдивыми красками:—«Нельзя даже и представить себѣ страшной расточительности, небрежности и лѣности, господствующихъ между нашими министрами и совѣтниками. Люди, получающіе 400 флориновъ, управляютъ государствомъ, въ то время, какъ получающіе 4 и 12 тысячъ флориновъ—тянутъ изъ него всѣ соки. Они только портятъ все, часто воображая, что все знаютъ, ничего не читая и не имѣя опытности... Такимъ образомъ, всѣ эти охоты, увеселительныя прогулки, большіе обѣды, собранія и спектакли не должны бы твориться между людьми, которые, вытягивая изъ бѣднаго крестьянина столько денегъ за то, чтобъ посвящать ему по крайней мѣрѣ 12 часовъ изъ 24-хъ — обязаны оказывать ему справедливость, защищать его, помогать ему. Требовать отъ людей труда не только справедливо, но и необходимо.»

Та же забота о трудящихся классахъ высказывается Іосифомъ по поводу финансовъ:—«Взиманіе доходовъ и расходы составляютъ двѣ рубрики, на которыхъ все основывается. Въ первомъ случаѣ, финансистъ долженъ соблюдать, чтобъ доходы собирались съ наименьшими издержками, вѣрно, добросовѣстно, и наименѣе тягостно для общихъ интересовъ; чтобъ повинности были равны; чтобъ помѣщикъ, горожа-

[1]) Denkschrift der Kaisers Joseph über den Zustand der Österreichischen Monarchie (Ende 1765). Въ приложеніи къ 3-му тому у Арнета.

нинъ и крестьянинъ участвовали въ справедливой пропорціи. Еслибъ встрѣтились тамъ или сямъ нѣкоторыя лица, пребывающія въ слишкомъ большомъ довольствѣ, слѣдовало бы уравномѣрить ихъ съ другими. Справедливость требуетъ въ свою очередь подобной же мѣры, еслибъ встрѣтились люди слишкомъ обремененные... Положеніе: дважды два = четыре, не вѣрнѣе того, по которому сто флориновъ въ каждомъ изъ различныхъ десяти кармановъ стоютъ больше и полезнѣе, чѣмъ тысяча въ одномъ... Нужно, чтобъ расходы были сокращены сколь возможно, чтобъ безполезные и всѣ не необходимые были уничтожены, ибо я никогда не въ состояніи буду признать справедливымъ—душить двѣсти хорошихъ крестьянъ для обогащенія какого-нибудь лѣниваго синьора.»

Такой взглядъ Іосифъ рѣшился провести и въ жизнь, когда въ первый же годъ самостоятельнаго правленія освободилъ крестьянъ отъ помѣщичьей зависимости, преобразовалъ поземельный налогъ, уничтожилъ всѣ помѣщичьи права, какъ десятинный поборъ (dîmes), барщину,— считая при этомъ ненужнымъ и безправнымъ вознагражденіе помѣщиковъ; въ то же время дано сёламъ право выбора своихъ сборщиковъ податей, обязанныхъ подъ общною отвѣтственностью вносить подати въ государственную казну. Уничтожено право старшинства; вычеркнуты изъ расходовъ императорскія охоты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, шло уничтоженіе мѣстныхъ частныхъ юрисдикцій; монархія раздѣлена на 13 управленій подраздѣленныхъ на округи. Во главѣ каждаго округа поставлено особое должностное лицо, съ обязанностью блюсти за исполненіемъ законовъ и ограждать крестьянъ отъ покушеній феодаловъ. Учреждены новые суды съ восходящими инстанціями къ высшему трибуналу въ Вѣнѣ. Торговля получила живительный толчокъ чрезъ устройство путей, проведеніе каналовъ. Въ первый разъ тогда осуществился вывозъ пшеницы изъ Венгріи и смежныхъ земель внизъ по Дунаю для снабженія итальянскихъ и французскихъ портовъ.

Невѣжество и мракъ — съ колыбели и до высшихъ ступеней — не мирились съ надеждами Іосифа на преобразованіе государства, и онъ взялся за основаніе школъ [1]), библіотекъ, университетовъ; обратилъ особенное вниманіе на доступность къ изученію медицины, хирургіи, ботаники, физики и вообще естествознанія; учредилъ обсерваторіи и лабораторіи. Но образованіе, просвѣщеніе встрѣчало, по воззрѣнію

[1]) Историки, единодушно обвиняющіе въ поспѣшной непослѣдовательности, должны будутъ обратиться теперь къ указанному проекту Іосифа, писанному въ 1765 г., и удивиться, увидѣвъ съ какой энергической послѣдовательностью брался онъ за осуществленіе всего уже заранѣе обдуманнаго и начерченнаго. Такимъ образомъ, и вопросъ воспитанія занималъ его уже тогда, и онъ осуждалъ бывшую систему, говоря, что оно было бы прекрасно — «si notre Etat était un monastère et nos voisins des chartreux.»

Іосифа, суровое препятствіе въ закоснѣлости іезуитскаго католическаго духовенства. Іосифъ, подобно французскимъ революціонерамъ, тоже не рѣшился прямо отказать католической церкви въ признаніи ея господствующею, но все же поступилъ съ присвоенными ею прерогативами не менѣе рѣшительно, чѣмъ и французы. На епископовъ было наложено обязательство не признавать никакой папской буллы помимо утвержденія правительствомъ; религіозные ордена подвергнуты общей обычной юрисдикціи; болѣе двухъ тысячъ монастырей [1]) уничтожено въ одномъ 1780-мъ году, и въ томъ числѣ закрыты всѣ женскіе монастыри, за исключеніемъ только двухъ, посвященныхъ дѣтскому воспитанію. Вообще, всѣ монастырскія зданія отданы подъ школы, казармы, госпитали [2]). Наконецъ, 13-го октября 1781 г., обнародованъ эдиктъ, признаваемый славнѣйшимъ актомъ царствованія Іосифа: «Убѣжденный въ пагубномъ дѣйствіи всѣхъ насилій надъ совѣстью и въ существенныхъ преимуществахъ истинно-христіанской терпимости, его импер. корол.-апостолическое величество повелѣваетъ, чтобъ частное отправленіе религіи было допущено всѣмъ его подданнымъ протестантамъ гельветическаго и аугсбурскаго исповѣданій, равно и всѣмъ его подданнымъ религіи греческой — во всѣхъ частяхъ австрійской имперіи... Тѣ, которые не исповѣдуютъ католическую религію, отнюдь не будутъ принуждены приносить присягу по формулѣ, противной началамъ ихъ секты, точно также какъ и присутствовать въ процессіяхъ и церемоніяхъ господствующей церкви. Возлагая государственныя обязанности, государь не будетъ обращать никакого внаманія на различіе религіи, а только на способность и прилежаніе. Смѣшанные браки разрѣшаются. Никто не можетъ быть наказанъ по дѣлу религіи, если только онъ не нарушилъ закона гражданскаго.» Реформа относительно брака не ограничивалась тѣмъ и шла глубже: Іосифъ отказалъ браку въ признаніи за нимъ религіознаго характера, провозглашая его гражданскимъ контрактомъ, предоставляя большую свободу разводу и признавая права наслѣдія за побочными дѣтьми. Не забыты были и загнанныя дѣти Израиля: прежде лишеннымъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ правъ, евреямъ разрѣшено было заниматься искусствами и ремеслами, становиться земледѣльцами, посѣщать школы и даже университеты. Съ ликованіемъ ободренныхъ евреевъ слился скрежетъ дрогнувшаго іезуитства. А Іосифъ вырывалъ у него и послѣднее ору-

---

[1]) Въ томъ же проектѣ Іосифъ возставалъ противъ монастырей и раннихъ обѣтовъ: «Pour conserver à l'Etat plus d'hommes de génie, capables de le servir, j'établirais, quoiqu'en pourrait dire le Pape et tous les moines de l'univers, qu'aucun de mes sujets ne pût embrasser aucun état ecclésiastique avant l'âge de majorité de 25 ans accomplis.»

[2]) Іосифъ пощадилъ только бенедиктинцевъ изъ уваженія къ ихъ ученымъ трудамъ. Въ остальномъ, изъ 36 тысячъ монаховъ уцѣлѣло только 2,700.

діе—клерикальная цензура была отмѣнена, послѣ ея вѣкового разгула надъ человѣческой мыслью [1]). Ропотъ клерикаловъ встревожилъ самого папу. Онъ обратился съ пастырскимъ увѣщаніемъ къ Іосифу, какъ къ преемнику благочестивыхъ предковъ; Іосифъ отвѣтилъ невозможностью отмѣнить задуманныя реформы; папа рѣшился лично объясниться съ упрямцемъ; Іосифъ отвѣчалъ, что никакое объясненіе ни къ чему не поведетъ. Пій VI, несмотря на то, несмотря на холодную зиму и свои дряхлые годы, все же отправился въ Вѣну (февраль 1782 г.). Іосифъ оказалъ папѣ торжественный пріемъ вмѣстѣ со всѣмъ вѣнскимъ народомъ. Грозный императоръ преклонилъ колѣно предъ смущеннымъ отцемъ католическаго міра; болѣе того, чтобъ показать, что его реформы отнюдь не касаются истинной вѣры и христіанскихъ постановленій, Іосифъ пожелалъ пріобщиться св. таинъ отъ руки папы; но когда рѣчь зашла о реформахъ, о покушеніяхъ трона на души человѣческія, Іосифъ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ какихъ бы то ни было измѣненій, и все, что папа могъ вымолить у императора, свелось на оставленіе въ сторонѣ проекта о принесеніи духовными лицами политической присяги [2]). Униженіе папы не прошло Іосифу даромъ. За него готовилось на борьбу слишкомъ много мстителей. Не одни клерикалы жаждали гибели смѣлаго новатора; ихъ лагерь удвоился всѣмъ озлобленнымъ дворянствомъ. Лишенное, подобно католичеству, главныхъ средствъ къ лихоимству, оно было оскорблено отнятіемъ у него всякаго вліянія на мѣстное населеніе,—уничтоженіемъ мѣстныхъ провинціальныхъ собраній. Здѣсь-то и завязывается открытая борьба, которая, будучи перенесена на другую почву,—разъиграется въ крови и потопитъ все дѣло Іосифа! Злоупотребленіе, игра словами существовали уже въ то время. Клерикалы роптали за покушеніе на *свободу религіи*, то-есть на свободу католичества давить всякое другое исповѣданіе; феодалы вопили на уничтоженіе мѣстныхъ *вольностей*, на истребленіе духа *свободы*, то-есть привилегированныхъ вольностей и феодальной свободы разорять крестьянство поборами. Трагическій элементъ борьбы заключается въ томъ, что реформаторъ, поддаваясь раздраженію, увлекается нежданной оппозиціей и тогда уже хочетъ побить ее систематическимъ истребленіемъ всякой традиціи, всякаго намека на возможность возврата. Но въ этомъ систематическомъ истребленіи, въ этой tabula rasa — наносится ущербъ и тѣмъ элементамъ, которые виноваты только своимъ именемъ и злоупотреб-

---

[1]) «Les ecclésiastique l'avaient exercée dans toutes les branches des connaissances humaines de telle sorte qu'un bon ouvrage était presque toujours un ouvrage défendu.» *Coxe.*

[2]) Подобная присяга, постановленная французской конституціей, произвела во Франціи, при помощи заговоровъ и интригъ католическаго духовенства, страшныя кровавыя смуты, много содѣйствовавшія паденію республики.

леніемъ ими, но которые въ сущности представляютъ собою жизненную силу общественной организаціи, народнаго быта. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Безъ сомнѣнія, провинціальныя собранія были преисполнены феодальной эксплуатаціи, но то было только злоупотребленіе; въ сущности же, провинціальныя собранія должны были представлять собою оплотъ повсемѣстной свободы, и феодалы злостно сознавали свою узурпацію, протестуя теперь во имя свободы: провинціальныя собранія дѣйствительно должны были служить выраженіемъ свободнаго народнаго указанія на свои нужды и требуемыя измѣненія. Надо было уничтожить злоупотребленіе, очистить составъ, но не уничтожить самого принципа, самого элемента. Важность этого народнаго элемента тѣмъ болѣе выростала, чѣмъ энергичнѣе шло уничтоженіе всѣхъ искусственныхъ связей фальшиваго единства австрійской амальгамы. До тѣхъ поръ, господствующій католицизмъ, правящій феодализмъ, — подъ сѣнью вѣнской канцеляріи — вотъ что составляло узы единства Австріи. Разбитыя Іосифомъ, они требовали на смѣну себѣ другого правдиваго звена для связи всѣхъ разнородныхъ частей монархіи; естественно, народное сознаніе свободнаго процвѣтанія, повсюду одинаково основаннаго на взаимномъ уваженіи религіозныхъ вѣрованій, умственныхъ стремленій, жизненнаго труда, — процвѣтаніе каждой мѣстности для себя самой и въ тоже время готовой на взаимное охраненіе всѣхъ другихъ мѣстностей—вотъ въ чемъ заключалось бы истинное единство того переходнаго момента въ Австріи. Іосифу и въ голову не могло придти подобное современное намъ понятіе о единствѣ и его средствахъ; Іосифъ искалъ средствъ единства въ формальномъ выраженіи одинаковости между всѣми частями; — для этого, въ отвѣтъ на притязаніе мѣстной автономіи, въ которой онъ видитъ тѣнь разлада, сепаратизма, — онъ уничтожаетъ всякіе мѣстные обычаи, требуетъ не только одинаковаго повсюду служенія государству, но даже на одномъ и томъ же языкѣ, на нѣмецкомъ, чуждомъ славянамъ и венграмъ [1]). Все должно исходить и возвращаться, получать начало и теченіе изъ одного только источника,—изъ центральнаго управленія въ Вѣнѣ,—источника искусственнаго, хоронившаго живые источники народной силы, съ ея повсемѣстнымъ творческимъ геніемъ. За непониманіе такого простого положенія, Іосифъ поплатился гибелью всѣхъ своихъ начинаній, въ которыхъ, безспорно, лежало много полезнаго и просвѣщеннаго. Но прежде, чѣмъ обратимся къ послѣднему эпизоду его жизни, къ примѣру, поразительно подтверждающему приведенное сужденіе, мы зара-

---

[1]) Ce prince consut le projet impraticable de faire cesser toute distinction de langage et de coutumes, et déclara qu'à l'avenir il n'y auroit plus de provinces qu'il n'y auroit qu'une nation, une famille et un empire. *Coxe.*

нѣе снимемъ съ памяти Іосифа и строгую вину и грозную отвѣтственность, которую историки такъ щедро возлагаютъ на отжившихъ дѣятелей.

Іосифъ не могъ поступить иначе, и особенно не могъ иначе понимать общественную организацію, въ которой, отвергая участіе извращеннаго общества, онъ и не подозрѣвалъ необходимости участія всей страны. Онъ былъ въ этомъ отношеніи вполнѣ сыномъ своей эпохи, послѣдователемъ и другомъ философовъ XVIII вѣка. Сравненіе, не разъ дѣланное между Іосифомъ и французскими реформаторами, какъ въ философіи, такъ позже и въ государственности [1]), дѣйствительно, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Дѣйствительно, они поступали весьма сходно, съ одинаковой энергіей, съ одинаковымъ упорствомъ относительно одного, съ одинаковыми ошибками относительно другого. И прежде всего ими руководило одно и тоже начало: они ищутъ прежде всего освобожденія мысли и духа, и встрѣчая сопротивленіе въ католичествѣ — стремятся къ уничтоженію его преградъ, и для того ищутъ союзника въ свѣтской государственной власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обращаясь къ злу феодализма, видя во французскихъ парламентахъ только феодально-клерикальную привилегію и принимая ее за существенный элементъ, а не наносное злоупотребленіе, они призываютъ гибель парламентовъ и снова возлагаютъ всѣ надежды только на единую волю, на единую абсолютную силу, имѣющую право безпрекословныхъ измѣненій, коихъ они и ждутъ отъ верховной администраціи. Такимъ образомъ, XVIII-ый вѣкъ, къ которому принадлежитъ и Іосифъ II, говоря вообще, выработалъ сознаніе необходимости универсальной реорганизаціи, но запнулся на государственной опекѣ [2]) и остался чуждъ понятію объ общественной иниціативѣ. Подобное отношеніе было на столько сильно, что, не смотря на замѣтный поворотъ въ первомъ національномъ собраніи въ Конституантѣ; отъ такого направленія къ болѣе новому, дающему повсемѣстное развитіе силамъ и способностямъ націи, третье народное собраніе, Конвентъ, снова послѣ краткой борьбы, возвращается къ понятію философовъ, возводитъ его въ догматъ и олицетворяетъ его въ Комитетѣ общественнаго спасенія, который ревниво сосредоточиваетъ все въ себѣ и приковываетъ всю Францію, со всѣми ея желаніями и стремленіями, къ своему письменному столу, — къ этой лабораторіи декретовъ, рапортовъ, приказаній. Исторія была на этотъ разъ до конца и крайне

---

[1]) Ce qui ne peut échapper à l'esprit du lecteur—говоритъ *Caraccioli* (vie de Joseph)—c'est de voir presque tous les plans de l'Assemblée Nationale, qui se tient actuellement à Paris, ebauchés par l'empereur.... Rien de plus ressemblant.

[2]) Les *économistes* avaient une haute idée des *droits de l'État*, trop haute, car ils lui reconnaissaient la toute-puissance, pourvu qu'il se conformât à leur doctrine etc. *Laurent*, La Revolution française. 1-re partie, (1867) p. 485.

логична; одни и тѣже пріемы и мѣры вызвали одни и тѣже печальные результаты. Все искреннее стремленіе Іосифа къ реформамъ рушилось точно также, какъ и вся гигантская, платившая кровью своихъ труженниковъ работа конвентистовъ. Ложный принципъ, оказывавшійся совершенно старымъ, не хотѣлъ и не могъ служить новому состоянію, и тѣмъ подтверждалъ евангельское поученіе: въ старые мѣха не вливаютъ новаго вина!

Исторія взялась даже дать назидательный урокъ и французамъ и императору Іосифу на одной и той же почвѣ—въ Бельгіи. Извѣстно, что политика Конвента, его якобинской части, относительно Бельгіи и ея присоединенія къ Франціи, введенія въ ней всѣхъ радикальныхъ измѣненій сообразно съ французской политикой — не устояла предъ взрывомъ народнаго чувства независимости. Извѣстно также, сколь сильно было при томъ вліяніе клерикаловъ и иностранныхъ кабинетовъ. Французское господство въ концѣ было навязано Бельгіи и не могло бы долго удержаться, — народъ не хотѣлъ терпѣть ни энергической расправы съ своимъ духовенствомъ, ни разрушенія своихъ вольностей. Конвентъ не обратилъ вниманія на урокъ, данный Іосифу.

Въ Бельгіи, принадлежавшей тоже къ Австрійской монархіи, реформаторскія мѣры Іосифа были встрѣчены прямымъ отпоромъ. Въ Бельгіи, болѣе далекой отъ центра, болѣе чуждой австрійскимъ нравамъ, полной своихъ собственныхъ историческихъ традицій,—всякое вмѣшательство въ религіозныя дѣла имѣло свойство возбуждать недовольство народа; еще болѣе волновало народъ всякое покушеніе на то, что онъ привыкъ считать своей гражданской свободой, или — вѣрнѣе даже по формальному выраженію—своими политическими привилегіями [1]). Борьба, не разъ кончавшаяся кровью въ отечествѣ Артефельдовъ и Вильгельмовъ Молчаливыхъ, какъ въ былое время между бельгійцами и предкомъ Іосифа, Филиппомъ II,—теперь снова завязалась; только борцы совершенно помѣнялись ролями. Съ началомъ реформъ въ другихъ земляхъ, Іосифъ рѣшился поступить также и въ Бельгіи. Религіозныя реформы въ ней вызвали глухой ропотъ, перешедшій въ открытое сопротивленіе, когда Іосифъ захотѣлъ сразу покончить съ

---

[1]) Изъ частныхъ мѣстныхъ привилегій бельгійскихъ провинцій, особенно важна была хартія *Брабантская*, извѣстная подъ именемъ *Joyeuse entrée*; въ ней постановленія свободы смѣшаны были съ постановленіями исключительно въ интересахъ господствующихъ кастъ. *Art. 58* обязывалъ новаго государя, при вступленіи, подтвердить всѣ привилегіи, которыми пользовались прелаты, дворяне, и жители городовъ Брабанта. *Art. 59* (и послѣдній) разрѣшалъ гражданамъ отказъ службы и повиновенія государю, если онъ нарушитъ договоръ и клятву свою касательно учрежденій страны. Это значило признанное властью право возстанія.

іезуитскимъ вліяніемъ, и вмѣсто главнаго его разсадника [1]), университета въ Лувенѣ,—основать тамъ же просто одну общую семинарію, съ свѣтскимъ направленіемъ, съ либеральнымъ преподаваніемъ даже при помощи иностранныхъ профессоровъ. Молодежь, фанатизированную клерикалами, пришлось убѣждать солдатами. Когда же Іосифъ коснулся мѣстныхъ учрежденій, захотѣлъ измѣнить сословныя собранія—штаты, уничтожить мѣстные суды, замѣнивъ ихъ новыми, подобными введеннымъ въ Австріи, и, наконецъ, дать Бельгіи новое раздѣленіе, на девять интендантствъ, — то городское сословіе взволновалось за-одно съ клерикалами и аристократами. Штаты отказали въ субсидіяхъ впредь до возстановленія прежнихъ конституціонныхъ привилегій, воспретили сборщикамъ податей признавать власть новыхъ интендантовъ, закрыли новую семинарію въ Лувенѣ, выгнали иностранныхъ профессоровъ, и за тѣмъ, Брабантскіе штаты пригласили штаты другихъ провинцій къ образованію общей бельгійской конфедераціи. — Феодальная и прогрессистская партіи вступили въ союзъ для борьбы съ Іосифомъ; первая руководилась систематической оппозиціей всякому нововведенію, противному феодальнымъ и клерикальнымъ привилегіямъ; вторая, возставая по принципу противъ насильственнаго способа дѣйствій Іосифа, думала съумѣть провести въ Бельгію идеи французской революціи. Замѣтимъ мимоходомъ, что опасный ненормальный союзъ партій съ противоположными интересами, привелъ и здѣсь, какъ въ большинствѣ случаевъ, къ торжеству дряхлыхъ тенденцій и къ уничтоженію новыхъ. Какъ бы то ни было, враги Іосифа не довольствовались фактами, но занимались распространеніемъ ложныхъ тревожныхъ слуховъ и толковали, будто Іосифъ хочетъ ввести въ Бельгіи рекрутскій наборъ, обложить страшнымъ налогомъ всѣ имущества, продукты и торговлю, отдать бельгійцевъ въ произвольную власть интендантовъ. Въ смущенномъ народѣ появилась національная кокарда; возстаніе грозило разразиться. Общее положеніе, положеніе правителей, во главѣ которыхъ стояла сестра Іосифа Марія-Христина [2]), становилось тѣмъ болѣе затруднительно, что самого императора не было даже въ Вѣнѣ.

---

[1]) Th. *Juste*, t. I: L'orthodoxe academie pense, «que la tolérance serait le germe de dissensions interminables, parce que la religion catholique regarde tous les hérétiques sans distinction, comme des victimes dévouées à toute l'horreur d'un supplice éternel.»

[2]) Ея первыя письма къ Леопольду (Leopold II und Marie Christine; Ihr Briefwechsel. 1781—1792. Herausg. von A. Wolf. 1867), именно относятся къ этому періоду; она говоритъ о смутахъ, о ея несочувствіи къ политикѣ брата, о его несправедливости къ ней, о трудности своего положенія. Леопольдъ согласенъ съ нею: «Il ne sera pas aisé d'avoir de si tôt les ordres el les résolutions de S. M., et bien moins dans des circonstances pareilles de prendre quelque chose sur soi... Je croit que dans les circonstances présentes il n'y a aucun autre parti possible à prendre que celui de céder... (Письмо Леопольда къ Маріи-Христинѣ 13 іюня 1787).

Въ то время (май 1787 г.), онъ находился на новомъ свиданіи съ Екатериной II въ Херсонѣ, по поводу восточнаго вопроса и общей войны съ Турціей. Первое извѣстіе о смутахъ въ Бельгіи, полученное при переправѣ чрезъ Днѣпръ, повидимому, не очень смутило его; только когда приближенные заговорили объ умѣренности, раздраженіе вырвалось наружу въ его восклицаніи: «Огонь возмущенія можетъ быть погашенъ только въ крови!» Страшное изрѣченіе, которымъ воспользовались французскіе революціонеры, вздумавъ примѣнить его къ обвиненной въ смутахъ сестрѣ его, Маріи-Антуанетѣ! Новыя извѣстія, полученныя въ Переяславлѣ, удивили Іосифа, оповѣщая успѣхъ возстанія; онъ быстро простился съ Екатериной и поспѣшилъ въ Вѣну. Извѣстіе, ждавшее его здѣсь, что бельгійцы взялись за оружіе — жестоко поразило его. Несмотря на недовольство и гнѣвъ на всѣхъ управлявшихъ лицъ за уступки, невольно ими сдѣланныя, онъ самъ долженъ былъ прибѣгнуть тоже къ политикѣ уступокъ, боясь отвлечь военныя силы отъ войны съ Турціей. Въ сентябрѣ 1787 года, новые эдикты были отмѣнены, старая организація возвращена, привилегіи подтверждены. Ясно однако было, что Іосифъ не могъ примириться съ подобнымъ торжествомъ надъ собой своихъ старыхъ закоснѣлыхъ враговъ; очевидно, онъ дѣйствовалъ уступчиво не по убѣжденію, а изъ минутной политики. Скоро военные гарнизоны въ Бельгіи были увеличены; опять приступлено къ новымъ мѣрамъ, и снова вызвано народное волненіе; въ этотъ разъ дѣло дошло до перестрѣлки; народъ оставилъ на площади свои кровавыя жертвы.... Нѣсколько разъ движеніе шло то въ одну, то въ другую сторону, то затихая, то вздымаясь, сообразно съ поведеніемъ вѣнскаго кабинета. За выстрѣлами слѣдовали амнистіи; за отмѣненіемъ нововведеній снова открывалась общая семинарія, пока наконецъ, въ ноябрѣ 1789 г., не поднялась вся Фландрія. Въ декабрѣ, въ Брюсселѣ возстали даже женщины и дѣти, принявшись разрушать окопы и траншеи; битва народа съ войскомъ кончилась отступленіемъ и выходомъ войска изъ Брюсселя; за Брюсселемъ послѣдовали другіе города въ возстаніи; за брюссельскимъ гарнизономъ послѣдовали другіе въ отступленіи.

26 декабря памятнаго 89 года, Брабантскіе штаты объявили себя независимыми; и 11 января 1790 г., бельгійскія провинціи провозгласили себя независимыми Бельгійскими Соединенными-Штатами. Зарыдалъ Іосифъ, узнавъ про такой исходъ бельгійскихъ смутъ! Нравственно сраженный, физически больной мучившею его водяною, подступавшей къ сердцу, Іосифъ вдругъ потерялъ вѣру въ свое дѣло, въ возможность успѣха своихъ реформъ. Онъ обратился за совѣтомъ къ старому Кауницу, а тотъ совѣтовалъ политику умѣренности и примиренія. Іосифъ отправилъ чрезвычайнаго посла въ Бельгію съ предложеніемъ отмѣнить эдикты, возвратить привилегіи.

Посолъ вступилъ въ Бельгію уже какъ на чужую землю: конгрессъ провинцій презрительно отвергъ предложенія австрійскаго императора. Іосифу оставалось пережить другое униженіе — онъ рѣшился обратиться къ папѣ. Пій VI дѣйствительно послалъ бельгійцамъ увѣщательную буллу, но тщетно! Оставалось прибѣгнуть къ военной силѣ; но собственное войско Іосифа было занято Турціей; Россія была занята тамъ же; Франція — его союзница — измѣнила свои привычки: вмѣсто короля пришлось бы имѣть дѣло съ небывалымъ прежде національнымъ собраніемъ! Іосифъ обратился къ врагамъ — къ Пруссіи, Англіи, Голландіи, и претерпѣлъ презрительные отказы. Онъ и не зналъ, какую важную роль игралъ прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ въ возстаніи бельгійцевъ: оно цѣликомъ входило въ прусскую программу униженія австрійскаго дома. Скоро прусскія продѣлки и феодальная ненависть къ нововведеніямъ Іосифа — отозвались гуломъ возстанія уже не въ далекой Бельгіи, а у самаго трона Іосифа — въ Венгріи! Рекрутскій наборъ, съѣстные припасы для арміи въ Турціи соединили недовольный народъ съ магнатами; а рядомъ съ тѣмъ грозила новая война съ Пруссіей. Іосифъ терялся средь выроставшихъ трудностей неожиданнаго положенія, а болѣзнь, быстро подкашивавшая его, уносила заранѣе всю энергію, всю рѣшимость. Онъ еще разъ собралъ послѣднія силы и переломилъ себя: снова рѣшительный и крутой — онъ повернулъ на другую дорогу, словно увидѣвъ тщетность избраннаго скользкаго пути. Онъ окончательно отмѣнилъ многіе эдикты, возстановилъ провинціальныя собранія, возвратилъ венграмъ ихъ такъ называвшуюся конституцію, обѣщалъ короноваться въ слѣдующемъ году и даже послалъ имъ обратно ихъ завѣтную корону св. Стефана. Венгерскіе магнаты торжествовали, и народъ шелъ съ ними и помогалъ ихъ кликамъ: «Да здравствуютъ вольности венгерскаго народа!....»

То были похоронные клики для Іосифа! Послѣдняя турецкая кампанія, его личныя неудачи, лагерная жизнь, придунайскія болота — быстро развили его болѣзнь; пораженіе всѣхъ замысловъ всей жизни добило его окончательно. Больное сердце неотступно говорило о близости конца; страданія становились невыносимы; а когда иногда давали ему отдыхъ и выбирались спокойные часы, нравственная агонія являлась еще невыносимѣе физическихъ мученій. Онъ уносился думами въ утраченную Бельгію, въ революціонную Францію. Французскій переворотъ живо занималъ его. Когда разъ къ нему вошелъ французскій посланникъ въ Россіи, графъ Сегюръ, и ужаснулся увидѣвъ происшедшую перемѣну въ императорѣ, Іосифъ пояснилъ ему свое состояніе: — «Всеобщее помѣшательство — проговорилъ онъ — кажется овладѣло всѣми народами; вотъ въ Брабантѣ они возстаютъ, потому что я хотѣлъ дать имъ то, чего ваша нація требуетъ съ неотступными

криками!» Голосъ его задрожалъ, онъ замолчалъ и впалъ въ мрачную задумчивость.

За нѣсколько времени до смерти, бельгійскій принцъ де-Линь, остававшійся вѣрнымъ Іосифу, пріѣхалъ навѣстить его изъ арміи. Видъ его напомнилъ еще живѣе Іосифу Бельгію; онъ поднялся съ мѣста весь дрожа:—«Ваша страна убила меня! воскликнулъ онъ болѣзненно; Гентъ взятый—моя агонія, Брюссель покинутый — моя смерть! какой позоръ! какое оскорбленье.... Я умираю отъ этого! нужно бы быть изъ дерева, чтобъ перенести все это!... Я благодарю васъ за вашу вѣрность. Отправьтесь въ Бельгію, уговорите ее возвратиться къ своему государю, и если не можете того сдѣлать, то останьтесь тамъ, не жертвуйте для меня своими интересами, вѣдь у васъ есть дѣти.» Чувствуя близость смерти, онъ самъ созвалъ совѣтъ докторовъ, расспросилъ ихъ о положеніи и ходѣ болѣзни и, выслушавъ спокойно смертный приговоръ, принялся за спѣшныя дѣла. Написалъ письмо къ брату, тосканскому эрцгерцогу Леопольду, чтобъ явился на смѣну ему, какъ наслѣдникъ престола. Это письмо было тяжелою обязанностью для Іосифа, оно пробуждало въ немъ воспоминанія всей жизни, ихъ интимную переписку, горячую дружбу, смѣнившуюся не только холодностью, но и враждою. Леопольдъ не терпѣлъ брата [1]), и всѣ семейныя чувства, всю нѣжную привязанность своей жизни, Іосифъ перенесъ на сестру той, которая такъ понравилась ему въ Петербургѣ,

[1]) Въ письмахъ Леопольда къ Маріи-Христинѣ обрисовываются отношенія братьевъ; Леопольдъ жалуется на произвольное поведеніе Іосифа, на его обращеніе съ нимъ и съ его семьей, на то, что бракъ сына его Франца совершается помимо его вѣдѣнія; на то, что Іосифъ даже не считаетъ нужнымъ увѣдомлять его о дѣлахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезъ своихъ довѣренныхъ, слѣдитъ за каждымъ шагомъ Леопольда. Боязнь надзора до того преслѣдуетъ Леопольда, что онъ переписывается съ Маріей-Христиной тайнымъ способомъ — невиднымъ лимоннымъ писаніемъ, и пересылаетъ письма чрезъ своего брата Максимиліана, Кёльнскаго курфюрста. Перемѣна отношеній въ Іосифѣ произошла, повидимому, оттого, что онъ зналъ несочувствіе Леопольда къ реформамъ и тѣмъ болѣе пораженъ былъ такимъ несочувствіемъ, что Леопольдъ всегда казался либераломъ. Естественно, сознаніе имѣть своимъ преемникомъ человѣка, относящагося враждебно къ той реформаторской дѣятельности—не могло быть отрадно для Іосифа. Болѣзнь Іосифа, развивая въ немъ недовѣріе и подозрительность, заставляла его глядѣть на брата, какъ на наслѣдника, нетерпѣливо ждущаго его конца! Въ письмахъ Леопольда и его сестры, дѣйствительно, находимъ указаніе на то, что Леопольдъ ждалъ смерти брата уже въ 1788, и тогда сообщилъ сестрѣ инструкціи для поведенія въ Бельгіи въ случаѣ его восшествія на престолъ (стр. 44). По письмамъ Леопольда можно судить о ходѣ болѣзни Іосифа и о продолжительности его страданій; уже въ концѣ 1789 г., Іосифъ лежалъ въ опасной лихорадкѣ; послѣ нѣсколько разъ поправлялся и снова падалъ. Позже, ставъ императоромъ, Леопольдъ измѣнилъ воззрѣнія, напр., на бельгійскія дѣла, и писалъ сестрѣ: Il ne faut compter que sur la force pour appuyer la raison; car chez vous ce n'est plus la zèle de la religion, quand on met Vandernôt (предводитель феодальной партіи) dans l'église et qu'on donne la bénédiction avec son buste (стр. 169).

на сестру Маріи Ѳеодоровны, принцессу виртембергскую Елизавету, повѣнчанную съ любимымъ племянникомъ Іосифа—Францемъ. Слѣпая судьба, неразумная случайность торопилась нанести ему ударъ и въ этой привязанности. Беременная принцесса присутствовала при всѣхъ приготовленіяхъ Іосифа къ смерти. Окруженный всѣмъ дворомъ, Іосифъ принялъ причастіе (17 февраля); общее молчаніе прерывалось рыданіемъ приближенныхъ; старые генералы плакали. Молодая принцесса была слишкомъ потрясена мыслью о кончинѣ дорогого друга, названаго отца.

Преждевременные роды унесли ее въ могилу днемъ ранѣе Іосифа! Сраженный этимъ ударомъ, Іосифъ впалъ въ забытье, потомъ оправился и цѣлые два часа спокойно утѣшалъ племянника Франца. Попросилъ принести новорожденную дочь умершей Елизаветы, взялъ ее на руки и заплакалъ:—«Милый ребенокъ... портретъ дорогой матери... Унесите ее, мой послѣдній часъ пришелъ».... Началась смертная агонія, мучившая тѣло Іосифа, мучившая сознаніе его, потому что онъ сохранилъ его до послѣдней минуты. Въ эти послѣднія минуты, онъ какъ-бы созналъ всю бывшую невозможность задуманнаго труда, непосильнаго, не свойственнаго одному смертному; созналъ, что дѣло, которое онъ думалъ поднять одинъ, во имя народа, но не чрезъ самый народъ [1]), рушилось! и одно утѣшеніе, оставявшееся ему, было въ сознаніи чистоты своихъ намѣреній: — «О Господи — произнесъ онъ — Ты, который одинъ зналъ мое сердце, я беру тебя въ свидѣтели. Да, всѣ мои намѣренія имѣли только одну цѣль — благо и процвѣтаніе подданныхъ, заботу о коихъ ты возложилъ на меня. Да будетъ воля твоя!»

Въ 6 часу утра 20 февраля 1790, Іосифъ кончилъ свое 49-лѣтнее существованіе и 10-лѣтнее царствованіе. Въ 16-мъ пунктѣ его завѣщанія значилось:—«Я повелѣваю, чтобъ это писаніе, заключающее мою послѣднюю волю, было обнародовано по моей смерти. Я прошу всѣхъ тѣхъ, кому, противъ моего намѣренія, не оказалъ полной справедливости, простить меня, по христіанству или по человѣчности. Я прошу ихъ подумать, что монархъ на престолѣ, какъ и нищій въ хижинѣ—одинаково человѣкъ, и оба они подвержены одинаковымъ ошибкамъ.»

И. Н.

---

[1]) „Un monarque, vraiment homme d'État, consultera toujours, avant d'agir, le génie et les dispositions de ses sujets.“ *Coxe*.—«Онъ, безспорно, отъ души желалъ блага своихъ подданныхъ, но въ то же время и въ особенности основаніемъ его реформъ были не требованія народа, но могущество государства». *Зибель*.

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ГУГЕНОТЫ ВНѢ ФРАНЦІИ.

The Huguenots, their settlements, churches and industries in England and Ireland,
by Samuel Smiles. London, John Murray. 1868.

Въ большомъ кэнтрберійскомъ соборѣ, соборѣ англиканской метрополіи, позади большого алтаря, находится кирпичная гробница, въ формѣ саркофага. Здѣсь лежитъ кардиналъ Одѐ де-Шатильонъ, братъ знаменитаго адмирала Колиньи́, вождя французскихъ гугенотовъ, павшаго въ постыдную ночь св. Вареоломея. Есть преданіе, что кардиналъ былъ жертвою той же мрачной силы, того же изувѣрства, которое поразило его брата. Кардиналъ пріѣхалъ въ Англію въ царствованіе королевы Елисаветы, повидимому, съ намѣреніемъ остаться въ этой странѣ. Его подозрѣвали даже въ намѣреніи перейти въ протестантство, за что́, какъ говорятъ, онъ умеръ отъ яда. Его положили въ кирпичный саркофагъ, за престоломъ кэнтрберійскаго собора, съ тѣмъ, чтобы перевезти останки во Францію. Но въ это время пришло извѣстіе о погибели семейства Колиньи, и временная гробница кардинала утвердилась въ нѣдрахъ англиканской церкви навсегда, обратившись въ живой памятникъ католическаго изувѣрства съ одной стороны и всеобъемлемости гуманныхъ идей протестантства, въ храмѣ котораго нашлось убѣжище для «князя» такъ-называемой римско-вселенской церкви папъ: эта римско-вселенская церковь оказалась тѣсною даже и для могилы своего собственнаго князя.

Но посѣтителю, осматривающему древній соборъ, объясняютъ, что этой краснорѣчивой гробницей не ограничиваются слѣды, оставлен-

ные французскими гугенотами въ метрополитанскомъ соборѣ англиканской церкви. Посѣтителя ведутъ въ обширный склепъ, подъ главнымъ алтаремъ, и здѣсь, въ полумракѣ, онъ видитъ нѣчто въ родѣ придѣла, съ окнами; изъ этихъ оконъ виднѣется внутренность придѣла, скамьи вѣрующихъ, амвонъ для проповѣдника, мѣсто для пѣвчаго или кюстера. Это—протестантская французская церковь. Въ ней до сихъ поръ собираются потомки французскихъ гугенотовъ и поютъ на французскомъ языкѣ псалмы, древнимъ гугенотскимъ напѣвомъ. Надъ этимъ склепомъ раздаются въ соборѣ звуки торжественнаго англиканскаго богослуженія и звуки эти достигаютъ скромнаго, полутемнаго убѣжища послѣднихъ гугенотовъ [1]). Такимъ образомъ, англиканская церковь продолжаетъ до сихъ поръ покровительствовать той диссидентской капеллѣ, которую прикрываетъ собою соборъ, а горсть французскихъ гугенотовъ, молящихся о благоденствіи Великобританіи въ самомъ фундаментѣ ея митрополитанскаго храма, символизируетъ въ себѣ ту огромную силу, которую нѣкогда принесли Англіи французскіе выходцы, то могущественное содѣйствіе, которое они оказали своимъ искусствомъ, трудолюбіемъ и своимъ духомъ свободы религіозному освобожденію, политическому и промышленному развитію пріютившей ихъ страны.

I.

Франція, можно сказать, два раза полагала основаніе Англіи. Въ 1066 г., армія Вильгельма-Завоевателя, эта громадная колонія въ 60,000 человѣкъ одного мужескаго пола, и притомъ однихъ взрослыхъ, уничтожила саксонскую Англію и построила Англію феодальную и католическую, со всѣми ея аттрибутами, рабствомъ внутри, предпріимчивостью и страстью къ завоеваніямъ извнѣ. Это была Англія Ричардовъ, Эдуардовъ! Въ XVI вѣкѣ, изъ той же Франціи начинаютъ являться новыя арміи, во главѣ которыхъ стоятъ не Вильгельмы-Завоеватели, но иногда искусный ткачъ, иногда опытный суконный валяльщикъ; ихъ оружіе—не мечъ и не бердышъ, а ткацкій челнокъ и другіе подобные ему инструменты. Этимъ-то мирнымъ завоевателямъ и обязана Англія своимъ современнымъ величіемъ,—та Англія, которую можно назвать Англіею Уаттовъ, Стеффенсоновъ, въ противоположность Англіи Ричардовъ и Эдуардовъ феодальной эпохи.

Но эта важная доля, принадлежащая эмигрантамъ съ материка Европы, во всей судьбѣ британскаго государства, до послѣдняго вре-

---

[1]) Членовъ этой древней общины остается теперь всего 20 чел., изъ которыхъ шестеро принадлежатъ къ причту. Церковь эта поддерживается фондомъ, изъ котораго она получаетъ ежегоднаго пособія 200 фунтовъ.

мени не всѣми историками была справедливо признаваема. Даже Маколей умалчиваетъ многое, и тѣмъ лишаетъ насъ возможности поучительно прослѣдить, какимъ образомъ на Англіи отразилась та истина, что болѣе гуманные принципы протестантства не только соотвѣтствуютъ теоретической справедливости, но и заключаютъ въ себѣ плодотворныя государственныя начала, источники нравственной и матеріальной силы страны, условія неизбѣжной побѣды надъ тѣми политическими агломераціями, которыхъ охраненіе въ странахъ католическихъ было довѣрено духу фанатизма и притѣсненія, какъ напр. въ Испаніи, гдѣ преслѣдовали еретиковъ, или въ Польшѣ, гдѣ страдали диссиденты, и гдѣ сращиваніе разнородныхъ частей было поручено силѣ грубой, механической, не имѣвшей корней ни въ организмѣ, ни въ духѣ учрежденій.

Представьте себѣ съ одной стороны громадное и богатое государство Филиппа II, а съ другой — небольшую и бѣдную Англію при вступленіи на престолъ Елисаветы. Въ испанской монархіи не заходитъ солнце; туда обильными ручьями течетъ чрезъ океанъ золото Новаго Свѣта, тамъ стоятъ въ распоряженіи короля несмѣтныя арміи; и все это, всѣ эти силы и богатства принадлежатъ королю; самыя убѣжденія, самая совѣсть его подданныхъ принадлежитъ ему, такъ какъ въ странѣ господствуетъ государственная совѣсть—инквизиція. Ея угрызенія не безсильны, ее нельзя отстранить отговорками, ея полное господство несомнѣнно. Все разсчитано на безусловное сосредоточеніе силъ въ государствѣ, на безусловное его единство; никто даже думать и вѣрить не смѣетъ иначе, какъ король. Какая, повидимому, идеально-могущественная государственная машина! Тутъ нѣтъ «партій, ведущихъ къ безначалію», тутъ нѣтъ «пагубнаго разлада нравственныхъ силъ». Подданные, которые дерзнутъ думать несогласно съ оффиціяльной совѣстью, должны возстать, иначе они будутъ просто сожжены, какъ сѣмена пагубнаго разномыслія. А если они возстанутъ, то на нихъ есть Альба, есть сила достаточная, чтобы, если не истребить ихъ всѣхъ, то разорить въ конецъ гнѣзда этихъ вредныхъ вольнодумцевъ. Дерзнетъ ли иностранное государство изъ-за моря противодѣйствовать всесильному Филиппу — онъ вышлетъ на него сто-тридцать большихъ кораблей, съ 2,650 пушками и 33,000 солдатъ и матросовъ, съ 180 монахами, съ самимъ генеральнымъ викаріемъ святой инквизиціи, съ цѣпями и орудіями пытокъ. Мало того,—онъ съ другой стороны, съ другого берега соорудитъ громадный флотъ изъ транспортныхъ судовъ и посадитъ на него 100,000 человѣкъ, вооруженныхъ такъ, какъ люди могутъ быть вооружены только въ странѣ лучшаго оружія.

Чтó видимъ мы съ другой стороны? Два небольшіе острова, надъ которыми царствуетъ женщина; двѣ трети ея подданныхъ рознятся

съ ней въ вѣрѣ [1]), цѣлая половина ея народа отрицаетъ законность ея царствованія, не признаетъ даже законности ея рожденія. Арміи въ этой странѣ вовсе нѣтъ, а флотъ ея ничтоженъ; вліянія на дѣла свѣта она не имѣетъ никакого. Казна этого государства совершенно пуста; оно бѣдно и ремеслами. И это-то государство, обуреваемое безъ того уже внутренними партіями, еще рѣшается давать у себя убѣжище буйнымъ выходцамъ изъ-за границы, бунтовщикамъ изъ Франціи и фламандскихъ земель, подвергаетъ себя, изъ-за этихъ сомнительныхъ гражданъ разныхъ толковъ, опасности страшной войны, вводитъ у себя новый элементъ раздора, и передъ всѣмъ свѣтомъ являетъ соблазнъ покровительства духу разномыслія и мятежа!

А посмотрите, что̀ сдѣлала изъ такихъ данныхъ исторія; уже въ концѣ царствованія Филиппа II, испанская монархія находится въ упадкѣ; она побѣждена и разорена; Голландія освободилась. Между тѣмъ, Англія, при концѣ царствованія Елисаветы, представляетъ сильную державу, властительницу морей, страну, въ которой народъ разныхъ толковъ и убѣжденій самъ постоялъ за государство, и въ которой положено прочное основаніе колоссальному промышленному развитію. Посмотрите—что̀ Испанія теперь, и что̀ теперь Англія.

Эту поучительную параллель проводитъ Смайльсъ, англійскій писатель, извѣстный у насъ по переводу одного изъ послѣднихъ его сочиненій: *Self-Help*, «Самодѣятельность»,—и посвятившій всего себя на прославленіе главнаго героя человѣческой исторіи, имя которому — трудъ! Сочиненія Смайльса: Lifes of Engineers, Industrial Biography, Lifes of Boulton and Watt, Story of the life of Georg Stephenson — составили славу автора, а новѣйшій его трудъ: *«Гугеноты, ихъ поселеніе, церковь и промыслы въ Англіи и Ирландіи»*, указалъ на истинное происхожденіе величія Англіи, которое не было еще достаточно оцѣнено даже лучшими историками этой страны. Смайльсъ предпосылаетъ своему труду очеркъ возникновенія протестантизма, его борьбы съ католичествомъ, картину преслѣдованій, которымъ были подвергнуты гугеноты во Франціи и протестанты въ Нидерландахъ, описаніе ихъ бѣгства въ Англію и ихъ поселеній и дѣятельности въ Англіи и Ирландіи, съ біографическими эскизами замѣчательнѣйшихъ изъ ихъ представителей. Этотъ эпизодъ исторіи XVI и XVII вѣка останется на вѣки поучительнымъ примѣромъ побѣды принципа протестантской свободы надъ принципомъ католическаго деспотизма, которая должна была представляться невѣроятною современникамъ, соображавшимъ только громадность средствъ и страшную энергію насилія. Свобода совѣсти, которую Англія основала у себя, привлекла

[1]) При восшествіи Елисаветы на престолъ, еще около двухъ третей англійскаго народа были католики.

къ ней все лучшее изъ испанскихъ Нидерландъ и изъ Франціи, и спасенныя ею жертвы католическаго фанатизма отплатили ей за это образованностью, политическимъ развитіемъ и матеріяльнымъ обогащеніемъ. На эту-то малоизвѣстную и любопытную сторону исторіи, на участіе призрѣнныхъ Англіею гугенотовъ, во всестороннемъ развитіи могущества Великобританіи, мы обратимъ особенно вниманіе читателя, при ознакомленіи его съ сочиненіемъ Смайльса. По счастливому выраженію одного историка XVII вѣка, англичане до гугенотовъ «столько же пользовались, напримѣръ, шерстью овецъ и барановъ, сколько пользовались ею сами овцы и бараны». Не прошло съ того времени и ста лѣтъ, какъ всѣ забыли, что Англія есть государство исключительно земледѣльческое, и намъ кажется, что въ Англіи промыслы и торговля процвѣтаютъ цѣлыя тысячелѣтія.

II.

«Послѣ римлянъ, весь міръ — пустота», сказалъ Сенъ-Жюстъ. Знаменитый дѣятель французской революціи говорилъ какъ представитель ея. Она отрицала все предшествовавшее себѣ, она съ себя начала лѣтосчисленіе. Могло ли быть что́-нибудь до «провозглашенія правъ человѣка?» Что́ такое для революціи возрожденіе? — Пустяки, литературное событіе. Что́ для революціи реформація? — Видоизмѣненіе рабства духа. — Все это отрицалось, все отмѣнялось, революція не хотѣла имѣть «отцовъ». Она считала себя Минервой, рожденной во всеоружіи, видѣла въ себѣ откровеніе человѣческаго разума, вдохновеніе разума и одному разуму установила культъ. Немудрено, что великій переворотъ, великое изверженіе не помнило прошлаго; оно вскорѣ, по живописному выраженію Ламартина, преслѣдуя творца Марсельезы, не узнало, наконецъ, и собственнаго своего голоса.

Но въ метрикѣ исторіи записано родословное древо французской революціи, указаны источники ея идей, и потому-то сама она со степени эры низводится на степень эпизода.

Реформація была предтечею политическихъ революцій во имя свободы, могущественнымъ орудіемъ духа свободы въ его борьбѣ. Реформація оказала свободѣ огромную услугу не потому, что она очистила вѣру, не потому, что католическій матеріализмъ былъ потрясенъ протестантскимъ спиритуализмомъ. Нѣтъ; эта очищенная вѣра, этотъ спиритуализмъ самъ по себѣ, какъ совокупность вѣрованій, не сдѣлали бы для свободы того, что́ сдѣлала реформація, потому что очищенная вѣра въ Германіи, своемъ отечествѣ, еще не стала врагомъ политическаго деспотизма; напротивъ того, германскіе государи укрѣпились нѣкоторыми ея непосредственными результатами; въ Англіи этотъ спиритуализмъ самъ создалъ деспотическую церковь, между тѣмъ

какъ во Франціи явился страшнымъ врагомъ королевской власти, а въ Голландіи спокойно жилъ среди республиканскихъ формъ. При такихъ разнообразныхъ условіяхъ дѣйствовалъ протестантизмъ. И, однакожъ, нѣтъ сомнѣнія, что именно реформація оказала дѣлу свободы величайшую услугу. Но почему? Она освободила разумъ; она заключила союзъ съ *знаніемъ* и, провозгласивъ принципъ свободы отъ религіознаго рабства, расчистила дорогу для торжества человѣческой личности.

Сама реформація была также только эпизодомъ великой борьбы, эпизодомъ сравнительно короткимъ. Отъ возникновенія ея до ея торжества, отъ Лютера до англійской революціи 1688 г., прошло всего 140 лѣтъ. Но человѣчеству она дала громадный толчокъ, именно потому, что основалась на знаніи, вступила съ нимъ въ союзъ, воспользовалась его средствами и, провозглася свободу религіозной мысли, подкопала невѣжество, этого могущественнаго и безусловнаго врага свободы. Достаточно напомнить нѣсколько числъ. Послѣ паденія западной римской имперіи, цѣлую тысячу лѣтъ въ мірѣ была, въ самомъ дѣлѣ, если не «пустота», то темнота. Въ половинѣ XV вѣка является печать; католичество ополчается противъ печати и сожигаетъ печатныя библіи; въ концѣ того же вѣка является Америка; католичество, устами саламанкскихъ теологовъ, отрицало ея существованіе, на основаніи твореній отцевъ церкви; въ первой четверти XVI в., является реформація и объявляетъ войну самому врагу успѣховъ мысли, переноситъ войну на его собственную территорію; первые печатники не слушались папы; Лютеръ его отрицаетъ; Колумбъ былъ ослушникъ отцевъ церкви; Лютеръ отбрасываетъ ихъ авторитетъ. Послѣ того, какъ открытіе Америки сдѣлалось плодомъ грѣховнаго ослушанія священному, до того времени, авторитету, надобно было отказаться отъ убѣжденія въ грѣховности такого ослушанія, которое открыло міру—міръ, или усомниться въ святости авторитета, противившагося открытію. Лютеръ ко дверямъ виттенбергской церкви прибиваетъ манифестъ, которымъ не только отвергается право папѣ разрѣшать грѣхи, но и устанавливается разрѣшеніе свободы мысли. 31 октября 1517 года, можно сказать, были протестованы папскіе векселя—индульгенціи, былъ потрясенъ кредитъ римскаго религіознаго банка, основаннаго на монополіи. Двадцать шесть лѣтъ спустя (1543 г.) принесли умирающему Копернику печатные листы его *De orbium coelestium revolutionibus*, которые папство прокляло за тѣмъ въ лицѣ Галилея, проповѣдника новаго ученія. Итакъ, революція, начатая на землѣ станкомъ Гуттенберга, компасомъ Колумба и хораломъ Лютера, какъ-бы проникла въ самое небо. Еще чрезъ сто лѣтъ (1649 г.) реформація въ Англіи, возставая противъ собственной своей реакціи, казнивъ Лоуда, производитъ уже полную политическую революцію: несчастный Карлъ I только

слѣдуетъ на эшафотъ за своимъ министромъ. Еще сорокъ лѣтъ (1688 г.) спустя, реформація изгоняетъ изъ Англіи, по слѣдамъ Стюарта, Якова II и утверждается окончательно въ лицѣ Вильгельма III Ораискаго. Во Франціи отмѣна нантскаго эдикта (1685 г.) крайній актъ самовластія, вершина безусловнаго правленія Людовика XIV, служитъ однимъ изъ предвѣстій и одною изъ причинъ громадной политической революціи, послѣдовавшей чрезъ сто четыре года. Какъ прежде принуждено было эмигрировать до полумилліона гугенотовъ, такъ тутъ эмигрировала вся аристократія; какъ гугенотовъ, бѣжавшихъ изъ Франціи, хватали по дорогамъ и казнили, такъ были схвачены на дорогѣ и казнены бѣжавшіе король и королева. Какъ барабанъ билъ при казни пастора Рея, въ Бокерѣ, заглушая его прощальную рѣчь, такъ онъ покрылъ слова стоявшаго на эшафотѣ Людовика XVI, преемника и вмѣстѣ жертвы Великаго Людовика.

III.

Побѣду новаго времени надъ средневѣковыми порядками обыкновенно оцѣниваютъ по тѣмъ плодамъ, которыми мы наслаждаемся отъ этой побѣды въ настоящее время. Но оцѣнить эту побѣду во всемъ ея объемѣ можно не иначе, какъ припомнивъ оба могущества враговъ свободы мысли въ средніе вѣка, когда эти гигантскія силы, поочередно враждуя другъ съ другомъ, пытались вылить въ свою форму все общественное устройство.

Развитіе человѣческаго общества совершается не такъ просто, какъ ростъ отдѣльнаго организма. Въ жизни растительной качества сѣменъ, свойства почвы и атмосферическія условія только усиливаютъ или ослабляютъ ростъ, совершающійся по безусловному, опредѣленному закону и оказываютъ вліяніе въ степени плодотворности новыхъ особей. Жизнь обществъ только тогда слѣдуетъ опредѣленному закону и развивается логично, когда она сознательна. Свѣтъ знанія еще болѣе необходимъ для логичнаго естественнаго развитія общества, какъ свѣтъ солнца для развитія ростковъ выступающихъ изъ земли. Безъ этого свѣта — мысль человѣческая или не управляетъ судьбою — и тогда въ судьбѣ его отражается темная игра случайностей, или по недостатку свѣта заблуждается — и тогда въ развитіи его видны увлеченія въ сторону, увлеченія безплодныя, и даже увлеченія назадъ, внизъ, во мракъ—гибельныя реакціи. Такъ называемый «постепенный, правильный и спокойный прогрессъ» общества въ полномъ смыслѣ этого слова никогда не существовалъ. Консерваторы, возстающіе противъ такъ называемыхъ ими скачковъ впередъ, защищаютъ по преимуществу именно тѣ политическіе девизы, во имя которыхъ были совершены въ разныя времена колоссальные скачки назадъ. Языческіе

консерваторы назвали бы христіанство великимъ «скачкомъ впередъ»; въ западной церкви, это же христіанство, изъ котораго можно было вывесть идею свободомыслія, равенства людей, отмѣны рабства, общественнаго самоуправленія и взаимнаго вспоможенія, вступивъ въ союзъ съ идеею римско-цесарскою, произвело въ средніе вѣка, повидимому, неожиданные два результата: идея вселенской власти Рима сказалась во вселенской власти римскаго епископа; двойственность власти императора, который былъ, по большей части, Augustus и Pontifex Maximus, перешла въ католичество, съ тою только разницею, что Pontifex подчинилъ свѣтскую власть себѣ; унаслѣдовавъ отъ Рима идею государственности, католицизмъ стремился подчинить государство «намѣстнику Бога».

Но не одно христіанство, подъ вліяніемъ союза съ римскими идеями, пришло къ реакціи. Римская идея о верховной власти императоровъ сама видоизмѣнилась подъ вліяніемъ христіанства. Въ принципѣ римскаго цесаризма лежало народное избраніе. Императоръ считался какъ-бы делегатомъ народовластія. Но подъ вліяніемъ христіанства верховная власть является уже имѣющею отвлеченное, безусловное начало, какъ тó представляютъ собою германскіе императоры и короли. Понятно, что безусловная верховная власть, имѣющая сама въ себѣ свое происхожденіе, должна была смотрѣть на все находившееся внѣ ея, на всѣ общественныя формы, будь то личныя или общинныя, какъ на незаконныя препятствія для своего дѣйствія. И въ самомъ дѣлѣ, сперва она была въ союзѣ съ ленниками противъ городовъ, потомъ въ союзѣ съ городами противъ великихъ ленниковъ, сперва въ борьбѣ съ двойственной властью папства, когда оно было для нея опасно, и потомъ въ союзѣ съ инквизиціею, когда опасность миновалась со стороны папства и явилась со стороны народовъ,—идя такими путями къ устраненію всякихъ преградъ и къ установленію полнаго самовластія, деспотизма Людовика XIV.

Такимъ образомъ, на западѣ сѣмена свободы заключавшіяся въ христіанствѣ не взошли, заглушенныя реакціею. Послѣдній поборникъ платоническаго зачатка христіанства, Абеларъ, учившій въ XII вѣкѣ, что Сынъ Божій—не «любовь», какъ утверждало средневѣковое католичество, а разумъ и слово, былъ побѣжденъ. Въ концѣ XII вѣка, мы видимъ уже полное торжество двойственной власти папства, мы видимъ созданіе Григорія VII—попытку подчиненія Европы теократіи. Монархія вступаетъ съ нимъ въ борьбу, не за свободу человѣка, конечно, а за преобладаніе. Тринадцатый вѣкъ проходитъ въ этой борьбѣ. Въ началѣ XIV вѣка, примѣры Филиппа-Прекраснаго французскаго и Эдуарда I англійскаго показываютъ намъ, что монархія возьметъ верхъ надъ теократіею. И въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ XIV и въ XV вѣкѣ великій западный расколъ, послѣдствіе перенесенія папской столицы въ Авиньонъ, до-

вершаетъ это дѣло. Въ XV вѣкѣ уже мы видимъ Людовика XI, Фердинанда-Католическаго, а въ XVI — Карла V и Филиппа II. Монархія беретъ перевѣсъ надъ всѣми политическими формами, и силу клерикальную уже употребляетъ какъ орудіе для огражденія государственнаго единства и безусловности верховной власти. Далѣе, въ XVII вѣкѣ дѣло это продолжаетъ Ришельё (во внутренней политикѣ), и наконецъ, на рубежѣ XVII и XVIII побѣдоноснымъ представителемъ его является король-солнце, «великій Людовикъ.»

Кромѣ христіанства, среднимъ вѣкамъ предоставленъ былъ судьбою другой важный матеріялъ для политическаго развитія — Римъ завѣщалъ имъ свое муниципальное право. Но и съ этимъ либеральнымъ элементомъ побѣдоносно совладала реакція. Христіанство она переиначила и исказила въ папизмъ,—муниципальныя свободы, могущество вольныхъ общинъ, которыя мѣстами, въ Италіи, южной Франціи, сѣверной Испаніи, во Фландріи, въ Швейцаріи, въ Ганзѣ, явили блестящіе примѣры республиканскаго развитія, реакція или задавила, или стѣснила въ желѣзномъ кругѣ, предотвративъ всякое распространеніе ихъ.

Итальянскія общины, южныя и срединныя, могли развиться, въ особенности благодаря отдаленности своихъ верховныхъ владыкъ—императоровъ византійскихъ; сѣверно-итальянскія общины были спасены отъ порабощенія варваровъ (лонгобардовъ) разрушеніемъ Лонгобардскаго царства (Карломъ-Великимъ). Но, обратясь въ богатыя и славныя республики, эти общины, подъ вліяніемъ двухъ постороннихъ силъ боровшихся между собою — папъ и императоровъ, и иностранныхъ: испанскаго и французскаго вторженій, никогда не могли свободно развиваться. Внутренняя исторія ихъ, подъ вліяніемъ вѣчной мысли объ оборонѣ, представляетъ не развитіе въ смыслѣ демократизма, а напротивъ — постепенное отступленіе къ олигархіи и даже къ единовластію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, раздираемыя раздорами и междоусобіемъ, которые искусно поддерживали папы, эти «измѣнники Италіи», общины не могли создать національнаго единства Италіи, которое положило бы конецъ иностраннымъ вторженіямъ и предохранило бы ихъ самихъ отъ гибели, отъ той судьбы, которая выпала на долю всей Италіи.

Отдѣльныя реформаторскія попытки не могли спасти этихъ республикъ, и, за двадцать лѣтъ до реформаціи, когда на римскомъ престолѣ сидѣлъ Александръ Борджіа, — Савонарола, предвидя свою гибель и гибель своего дѣла, восклицалъ въ отчаяніи: «Вся торжествующая церковь говоритъ Христу — Ты умеръ напрасно!»

Общины на югѣ Франціи были побѣждены двумя мрачными силами, соединившимися вмѣстѣ: феодализмъ соединился съ клерикализмомъ, и истребленіе альбигойцевъ было настоящимъ крестовымъ походомъ рыцарей и жрецовъ противъ свободы. Эта побѣда не дала общинамъ

южной Франціи, сестрамъ общинъ итальянскихъ, развиться въ независимыя республики. На сѣверѣ Франціи общины были слишкомъ стѣснены феодализмомъ, а во Фландріи и въ Германіи (разумѣя собственно Ганзу) онѣ были заключены въ желѣзныхъ кругахъ феодальной системы, среди которой играли роль убѣжищъ; онѣ только защищались, но распространиться не могли, не могли влить Европу въ свою форму, не могли дать въ ней преобладанія единственному благотворному наслѣдію древняго Рима. Могущественные представители феодализма, герцоги бургундскіе не успѣли разрушить фландрскихъ общинъ, ни покорить Швейцарію, потому что сами были сломлены возвышавшимся уже надъ всѣми политическими элементами началомъ централизаціоннаго монархизма.

Въ XV вѣкѣ, надъ всѣми этими элементами, бродившими въ средніе вѣка, уже господствуютъ два начала: непогрѣшимаго папства и безотвѣтственнаго монархизма. Мысль и совѣсть скованы папствомъ, которое устранило контроль соборовъ; самоуправленіе и голосъ народный подавлены централизирующею верховною властью, которая возвысилась надъ общинами, союзами городовъ и генеральными чинами.

Что́ освободитъ мысль, опираясь на знаніе? Что́ потрясетъ авторитетъ папства, оживитъ остатки общинной оппозиціи противъ феодальныхъ королей, возстановитъ многихъ свѣтскихъ повелителей противъ европейскаго микадо, что́ положитъ прочное основаніе подчиненію церкви государству? — Реформація. Какимъ образомъ революція чисто-религіозная, въ своемъ началѣ, вступитъ въ союзъ съ знаніемъ? Для этого ей сто́итъ только найти снова мысль брошенную еще великимъ Роджеромъ Бэкономъ въ темноту XIII вѣка: «Христіанинъ только тотъ, кто читаетъ св. писаніе!»

III.

Но кто могъ въ средніе вѣка читать св. писаніе? На этотъ вопросъ мы найдемъ подробный отвѣтъ у Смайльса; онъ показываетъ намъ, до какой степени было затруднительно распространеніе знанія до изобрѣтенія Гуттенберга. Рукописный экземпляръ библіи стоилъ 40—60 фунтовъ стерлинговъ. Чтобы дать понятіе о цѣнности, какую представляла эта цифра въ XV столѣтіи, Смайльсъ сообщаетъ, что въ то время приходскій священникъ въ Англіи получалъ около 5 ф. 10 шилл. (35 — 40 р.) въ годъ. Стало быть, цѣна библіи представляла для образованнаго человѣка 7 — 10-лѣтнее содержаніе. Вслѣдствіе того, за немногими исключеніями, никто не имѣлъ доступа къ тѣмъ документамъ вѣры, на которыхъ духовенство утверждало свое господство. Если являлся человѣкъ ученый, способный даже быть возбудителемъ и вождемъ умственнаго движенія, онъ былъ лишонъ сообщенія съ массами;

изобрѣтенія, сдѣланныя отдѣльными личностями, терялись для всего человѣчества, какъ потерялась бы теперь какая нибудь и великая мысль, осѣнившая человѣка за минуту его погибели среди полюсныхъ льдовъ.

Замѣчательно, что первая книга, отпечатанная Гуттенбергомъ и его товарищами была именно латинская библія. Она состояла изъ 641 листа, и отпечатаніе ея потребовало 7 — 8-лѣтней работы, такъ какъ, при несуществованіи еще словолитнаго искусства, приходилось вырѣзывать руками, при помощи несовершенныхъ инструментовъ, каждую букву, нужную для цѣлой страницы in-folio. Смайльсъ не сомнѣвается, что цѣль предпріятія Гуттенберга и его товарищей была чисто-промышленная: ихъ соблазняла именно высокая цѣнность рукописей. Ни у Гуттенберга, ни у Шёффера денегъ не было; вотъ почему они обратились къ Іогану Фаусту, богатому майнцскому ювелиру, который и сдѣлался капиталистомъ книгопечатанія. Первое изданіе печатной библіи было продано товарищами по цѣнѣ рукописей. Второе изданіе, вначалѣ, продавалось ими по тѣмъ же цѣнамъ, т. е. по 750—900 руб. за экземпляръ. Въ Парижѣ, куда Фаустъ повезъ часть изданія, люди платили эти деньги и не видѣли въ самомъ изданіи ничего чудеснаго, пока платили за него какъ за обыкновенныя рукописи. Но когда Фаустъ, желая сбыть скорѣе оставшіеся у него экземпляры, понизилъ цѣну и сталъ продавать ихъ по 90, а потомъ даже по 45 рублей, то тотчасъ возникло подозрѣніе, что онъ дѣлаетъ рукописи посредствомъ волшебства; у него произвели обыскъ, нашли еще экземпляры чудесныхъ рукописей, въ красныхъ заглавныхъ буквахъ заподозрили кровь и заключили его въ тюрьму, изъ которой онъ освободился, только выдавъ вполнѣ секретъ печатанія.

Гуттенбергъ и Шёфферъ отпечатали, кромѣ библіи, еще нѣсколько книгъ: латинскій псалтырь и *De officiis* Цицерона. Но эти изданія, также какъ и первыя изданія библіи, были отпечатаны въ маломъ числѣ экземпляровъ и продавались по цѣнамъ рукописей; печатныя книги сдѣлались доступными массѣ только послѣ того, какъ Шёфферъ вырѣзалъ буквы въ матрицахъ и сталъ отливать во множествѣ каждый типъ. Только тогда явилось настоящее типографское искусство, но для удобнаго примѣненія его потребовалось еще усовершенствованіе бумаги. Взятіе и разореніе Майнца архіепископомъ Адольфомъ, въ 1462 году, разсѣяло рабочихъ Гуттенберга и Шёффера по всей Европѣ, и искусство печатанія перестало быть тайною.

Первые печатники во всѣхъ странахъ Европы главнымъ образомъ занимались воспроизведеніемъ библіи, потому что она расходилась всего болѣе. Да и что́ имъ было печатать, кромѣ библіи и нѣсколькихъ классическихъ, именно: латинскихъ авторовъ? Печатаніе библіи тотчасъ вызвало необходимость ея перевода, для бо́льшаго распростра-

ненія ея. Въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ по разореніи Майнца, въ Германіи были отпечатаны всего 24 книги; изъ нихъ 5 были латинскія библіи, а 2 нѣмецкія. Въ 1471 году уже является итальянскій переводъ, въ 1475 — чешскій, въ 1477 — голландскій, въ 1477 — французскій, въ 1478—испанскій, и польскій только въ 1556 году. Экземпляръ перваго изданія библіи Гуттенберга (1450 — 1455) извѣстенъ подъ названіемъ «мазариновой библіи» (онъ найденъ въ библіотекѣ этого кардинала въ Парижѣ, въ половинѣ XVIII в.). Въ библіотекѣ лорда Спенсера есть 20 изданій латинской библіи, вышедшихъ между первымъ изданіемъ Гуттенберга (второе было въ 1462 году) и 1480 включительно.

Духовенство скоро встревожилось новымъ изобрѣтеніемъ; оно поняло, что распространеніе библіи ведетъ ко всенародной повѣркѣ тѣхъ документовъ, на которыхъ оно утвердило свою власть. Къ чему была эта повѣрка, когда авторитетъ церкви былъ непогрѣшимъ? Значеніе средневѣковаго католичества, какъ силы мрачной, краснорѣчиво проявилось въ мѣрахъ, которыя духовенство поспѣшило принять для стѣсненія распространенія печатной библіи. Въ самомъ вѣкѣ «инкунабулъ», т. е. первичныхъ печатныхъ изданій, уже является духовная цензура надъ типографщиками. Первый примѣръ былъ данъ архіепископомъ майнцскимъ, въ 1486 году. Въ началѣ слѣдующаго столѣтія папа Александръ VI буллою воспретилъ типографщикамъ Кёльна, Майнца, Трира и Магдебурга, издавать какія-либо книги безъ особаго разрѣшенія мѣстныхъ архіепископовъ. Въ Англіи, втеченіе XV вѣка, не было допущено ни одной переводной библіи, а чтеніе виклефова перевода ея было воспрещено подъ карою отлученія отъ церкви и смерти.

Печатники однако продолжали издавать библіи и—что̀ было всего опаснѣе для оффиціальнаго толкованія христіанства — стали печатать ветхій завѣтъ на еврейскомъ языкѣ, и новый — на греческомъ. Извѣстно, что знаніе еврейскаго и греческаго языковъ въ западной церкви къ XV столѣтію пришло въ полный упадокъ, позднѣйшее распространеніе эллинизма было уже плодомъ возрожденія. Но пока еврейскій и греческій языки были мертвою буквою для массы духовенства, печатаніе библіи на этихъ языкахъ, распространеніе въ свѣтскихъ школахъ подлинныхъ текстовъ должно было приводить духовенство въ страхъ. Вотъ слова одного монаха того времени: — «Нынѣ открыли новый языкъ, называемый греческимъ. Этотъ языкъ станетъ матерью всякихъ ересей. Я вижу въ рукахъ многихъ людей книгу написанную на этомъ языкѣ и называющуюся «Новый Завѣтъ»; эта книга преисполнена тернистыхъ кустарниковъ, въ коихъ скрываются ехидны.»

Чтеніе св. писанія, въ самомъ дѣлѣ, неизбѣжно вело къ ереси, въ томъ смыслѣ, что, будучи, по употребленному нами уже выраженію,

«повѣркою документовъ» церковной власти, вносило критику въ понятіе о ея непогрѣшимости. Духовенство болѣе и болѣе убѣждалось, что печать — его опаснѣйшій врагъ; Смайльсъ приводитъ слова произнесенныя кройдонскимъ викаріемъ въ проповѣди: «Мы должны искоренить печать, или она искоренитъ насъ».

Народъ съ жадностью бросился на открытый ему источникъ познанія. Когда печатныя библіи были еще рѣдки въ Англіи, то въ соборахъ выставляли по экземпляру ихъ, прикрѣпляя книгу цѣпью къ стѣнѣ, и около этихъ библій толпился народъ, «жаждущій испить отъ живой истины». Библію читали съ энтузіазмомъ, и распространеніе ея скоро оказало вліяніе на самый языкъ общества, сообщивъ ему примѣсь библейскихъ оборотовъ и подобій. Лютеръ, въ своихъ «застольныхъ бесѣдахъ», говоритъ: — «Мнѣ было двадцать лѣтъ, и я еще не видалъ библіи, не подозрѣвалъ даже существованія иныхъ евангелій или посланій, кромѣ тѣхъ, которые были употребляемы при богослуженіи. Въ Эрфуртской библіотекѣ (во время новиціата Лютера), я впервые встрѣтился съ библіею и часто читалъ ее д-ру Штаупицу, съ постоянно возраставшимъ удивленіемъ». Докторъ Штаупицъ былъ прелатъ, пріѣхавшій въ Эрфуртъ для ревизіи монастыря, въ которомъ находился Лютеръ; онъ полюбилъ Лютера и приблизилъ его къ себѣ. Передъ отъѣздомъ своимъ, онъ подарилъ Лютеру экземпляръ библіи. Лютеръ говоритъ, что онъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ прочитывалъ всю библію ежегодно дважды.—«Д-ръ Узингеръ, августинскій монахъ», пишетъ онъ, «бывшій моимъ наставникомъ въ монастырѣ, часто говаривалъ мнѣ:—«Ахъ, братъ Мартынъ, къ чему ты трудишься надъ библіею? Читалъ бы ты лучше древнихъ учителей, которые собрали для тебя всю ея суть и весь ея медъ. А сама библія—причина всѣхъ нашихъ замѣшательствъ». Почтенный монахъ не могъ предвидѣть, до какой степени ученикъ его оправдаетъ его католическое мнѣніе.

Библія, которую читалъ Лютеръ, была библія латинская, Vulgata. Нѣмецкій переводъ, какъ извѣстно, онъ предпринялъ самъ во время пребыванія своего въ Вартбургскомъ убѣжищѣ, въ 1521 году. Въ слѣдующемъ году, онъ издалъ переводъ новаго завѣта, а черезъ два года—переводъ ветхаго завѣта. Лютеръ самъ лучше всѣхъ выразилъ значеніе печати для реформаціи:—«Печать», говоритъ онъ, «это—послѣдній и величайшій даръ, коимъ Богъ сподобляетъ насъ къ торжеству евангелія». Библія Лютера съ необыкновенною быстротою распространились не только по Германіи, но и въ Швейцаріи, Богеміи, Франціи и Англіи. Англійскій переводъ, сдѣланный Тиндэлемъ, былъ напечатанъ въ Антверпенѣ, въ 1526 году. Втеченіи 10 лѣтъ его вышло уже 14 изданій, а между тѣмъ, употребленіе его въ Англіи было запрещено. Антверпенъ былъ центромъ печатанія переводовъ библій. Въ теченіи первыхъ 36 лѣтъ XVI вѣка, тамъ вышло не менѣе 13 изда-

ній библіи и 24 изданій новаго завѣта на фламандскомъ языкѣ; сверхъ того, тамъ же вышли изданія на языкахъ: французскомъ, датскомъ и испанскомъ. Замѣчательно, что въ числѣ первыхъ типографщиковъ было очень много славянъ, судя по сохранившимся именамъ ихъ, именно чеховъ и поляковъ, особенно же чеховъ. Отсюда возникла догадка славянофиловъ, что самъ Гуттенбергъ былъ славянинъ — Янъ Крутогорскій.

Реформація, опираясь на печать, давала массамъ практическое основаніе нравственнаго освобожденія. Имѣя у себя дома священное писаніе, на своемъ родномъ языкѣ, каждый вѣрующій былъ вполнѣ уволенъ отъ произвола земныхъ правителей и судей. Имѣя у себя сводъ священныхъ законовъ, онъ имѣлъ и верховнаго своего судью и могъ вступать съ нимъ въ бесѣду, безъ посредства всякихъ руководителей, кромѣ тѣхъ, которые сами учили его читать библію и размышлять надъ нею. Сознаніе нравственной свободы мгновенно озарило людей; значеніе же этого факта въ примѣненіи къ дальнѣйшему развитію политическому и соціальному указывается уже тѣмъ, что однимъ изъ первыхъ отраженій реформаціи было возстаніе крестьянъ на Рейнѣ. Понятно, что Римъ строго воспретилъ печатаніе библій, проклиная и осуждая на смерть всѣхъ печатавшихъ и всѣхъ читавшихъ ихъ.

IV.

Во Франціи, преслѣдованіе реформаціи выразилось въ самой оригинальной формѣ: въ 1536 году, Сорбонна исходатайствовала королевскій декретъ, воспрещавшій книгопечатаніе вообще. Понятно, что этотъ декретъ не имѣлъ иного дѣйствія, какъ только усиленіе, при его помощи, преслѣдованій. Избіеніе вальденцовъ въ 1545 году было первымъ актомъ той трагедіи, которая длилась болѣе ста лѣтъ и окончилась драгонадами Лувуà, предшествуя въ свою очередь революціи.

Относительно названія «гугенотовъ», Смайльсъ приводитъ слѣдующія мнѣнія: слово huguenot производятъ отъ huguon, названіе усвоенное въ Турени ночнымъ бродягамъ (такъ какъ протестанты, подобно первымъ христіанамъ, собирались для богослуженія ночью); другіе видятъ въ немъ искаженіе Eidgenossen, т. е. «союзники», слова будто бы проникшаго изъ Швейцаріи; наконецъ, происхожденіе слова huguenot объясняютъ еще именемъ одного женевскаго проповѣдника Hugues. Замѣтимъ, что существуетъ еще одно мнѣніе, по которому «гугеноты» были названы такъ въ окрестностяхъ города Тура, гдѣ въ тѣ времена будто бы являлась по ночамъ тѣнь Гуго Капета.

Преемникъ Франциска I, Генрихъ II продолжалъ преслѣдованіе гугенотовъ, хотя Францискъ, умирая, и выражалъ сожалѣніе объ ужа-

сахъ сопровождавшихъ избіеніе вальденцовъ. Неразлучно съ реформаціею находилась подъ преслѣдованіемъ или враждебнымъ надзоромъ и печать. Въ 1599 году, наконецъ, папа Павелъ VI издалъ первый «индексъ», исчислявшій запрещенныя церковью книги. Въ этотъ индексъ были внесены всѣ библіи, напечатанныя на живыхъ языкахъ; ихъ было исчислено 48 изданій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отлучены были отъ церкви 61 типографщикъ, и были запрещены всѣ книги напечатанныя ими.

Во Франціи, въ числѣ первыхъ послѣдователей реформаціи, были люди знаменитые своими познаніями и искусствомъ, философы: Петръ Рамусъ и Іосифъ Скалигеръ, юристъ Карлъ Дюмуленъ, врачъ Амбросій Пиpé, скульпторъ Жанъ Гужонъ, земледѣлецъ Оливье́ де-Серръ, художникъ — эмальщикъ Бернардъ де-Палисси и др.

Смайльсъ посвятилъ цѣлую главу одному эпизоду изъ жизни Бернарда де-Палисси, въ видѣ иллюстраціи къ своему изложенію распространенія протестантизма во Франціи. Въ сочиненіяхъ Палисси находится живое изображеніе духа и судьбы первыхъ гугенотовъ. Вотъ какъ описываетъ Палисси обычаи своихъ единовѣрцевъ:—«Въ тѣ дни, можно было видѣть, по воскресеньямъ, толпы рабочихъ, удалявшихся на луга, въ рощи и поля, и пѣвшихъ тамъ псалмы и духовныя пѣсни или занимавшихся чтеніемъ и поучавшихъ другъ друга. Въ садахъ сидѣли группами дѣвушки и также пѣли священныя пѣсни; можно было видѣть группы мальчиковъ, сопровождаемые ихъ духовными наставниками, которыхъ поученіе на этихъ мальчикахъ сказывалось уже не только мужественною поступью и осанкою, но и стойкостью въ поведеніи. Въ самомъ дѣлѣ, совмѣстное дѣйствіе всѣхъ этихъ вліяній произвело уже тотъ добрый плодъ, что не только люди измѣнили къ лучшему нравы и обычаи общежитія, но и самый видъ ихъ казался измѣненнымъ и улучшеннымъ». Что протестантизмъ, не смотря на бывшіе примѣры жестокаго преслѣдованія,—проявлялся во Франціи открыто, явствуетъ уже изъ того факта, что въ 1558 году, во время затишья въ преслѣдованіяхъ въ Парижѣ на такъ называемомъ pré aux clercs собирались тысячи народу, чтобы слушать, какъ пѣли псалмы торжественно проходившіе гугеноты. Но вскорѣ преслѣдованія возобновились съ большею силою, и самое пѣніе псалмовъ было запрещено подъ карою смерти.

Усиливаясь съ необыкновенною скоростью, протестанты во Франціи при Генрихѣ II составляли уже почтенную политическую силу, такую силу, къ которой обращались уже люди политическіе за помощью, которая уже принималась въ разсчетъ во всѣхъ политическихъ комбинаціяхъ. Съ своей стороны, гугеноты во Франціи должны были обратиться въ политическую партію для самосохраненія. Точно также какъ въ Англіи и въ Нидерландахъ, они должны были возстать съ

оружіемъ въ рукахъ.—«Что имъ оставалось дѣлать», говоритъ Мишлé [1]): «христіяне скажутъ пожалуй — принять мученичество; отвѣтъ всегда пріятный тиранамъ, желанный для нихъ отвѣтъ. Но ужъ сорокъ лѣтъ принимали мученичество. Рабочіе, купцы, горожане, эти мирные христіяне предоставляли себя на бойню; мало того — не говоря ни слова, они смотрѣли, какъ жгли ихъ женъ и дѣтей. Ихъ покорность властямъ, бичу Божію, чрезмѣрная, неестественная, виновная, была измѣною передъ семьею, бросала въ жертву не только смерти, но искушенію, развращенію, погибели невинныя души слабыхъ, защищать которыхъ было самой священной ихъ обязанностью. Да, говорятъ, — первоначальные христіяне побѣдили именно *терпѣніемъ*, упорствомъ въ мученичествѣ. Старая поговорка! прибавьте къ этому *силу:* большую соціальную революцію въ нисшихъ классахъ, да еще завоеваніе: мечъ Константина». — «Нѣтъ», говоритъ тотъ же писатель далѣе, «если бы протестанты не взялись за мечъ, если бы они не обратились въ большую вооруженную партію, которая съ осужденнаго континента спаслась на свободу островонъ, въ Англію, въ Нидерланды; если бы непобѣдимый мечъ, побѣдоносные корабли Голландіи не охранили на крайнемъ островкѣ Европы убѣжище человѣческой мысли, — вы никогда не увидѣли бы новаго луча свѣта... На порогѣ той великой войны, которою протестантизмъ спасъ свободу человѣчества, позвольте мнѣ, съ сердцемъ исполненнымъ благоговѣнія, привѣтствовать священное трехцвѣтное знамя голландской республики, которая защитила міръ противъ Филиппа II, противъ Людовика XIV».

Гизы видѣли опасность той силы, на которую готовы были опереться ихъ противники. Всемогущій кардиналъ сказалъ Генриху II: «Если свѣтская власть не исполнитъ своего долга, всѣ недовольные въ государствѣ пристанутъ къ этой ненавистной сектѣ. Они сперва разрушатъ власть духовенства, а потомъ наступитъ очередь и для власти королевской.» Эдиктъ 1559 года, объявлявшій еретикамъ смертную казнь, и «огненныя палаты» (chambres ardentes), присуждавшія еретиковъ къ смерти на кострахъ, были послѣдствіемъ этого совѣта. Но огнемъ нельзя было сжечь духа свободы, точно такъ, какъ въ сожигаемыхъ печатныхъ станкахъ оставалось невредимымъ великое изобрѣтеніе,—печать, союзница свободы.

Генрихъ II, лично привязанный къ Бернарду Палисси, убѣждалъ его, заключеннаго въ Бастиліи, обратиться, и говорилъ ему: «Теперь меня такъ понуждаютъ Гизы и мой собственный народъ, что я не могу извлечь васъ изъ ихъ рукъ, и завтра они сожгутъ васъ, если вы не обратитесь.» Палисси отвѣчалъ ему:—«Государь, вы не разъ мнѣ говорили, что жалѣете меня; теперь я сожалѣю о васъ, за то,

[1]) Guerres de Religion, p. 152 — 154.

что вы произнесли слова — «меня понуждаютъ.» Вы говорите не такъ, какъ подобаетъ королю, и гизарды, съ ихъ клевретами, которые принуждаютъ васъ, никогда не сдѣлаютъ того со мною, ибо я знаю, кàкъ умирать.» (Палисси не былъ казненъ, но умеръ въ Бастиліи, послѣ годичнаго заключенія.)

Смайльсъ видитъ въ конференціи между протестантами и католиками, оффиціяльно устроенной въ Пуасси, въ 1561 году, въ присутствіи короля Карла IX и его матери, Катерины Медичи, примирительное усиліе со стороны средней партіи, которую представлялъ въ то время канцлеръ Лопиталь, и признакъ склонности королевы-матери къ гугенотамъ. Съ этимъ нельзя согласиться. Изъ конференціи съ гугенотами, бывшей въ Пуасси (le Colloque), не могло выйти ничего путнаго, потому что она непремѣнно должна была превратиться въ религіозное словопреніе. Напрасно думаетъ Смайльсъ, что если бы въ то время французскіе гугеноты имѣли представителемъ не де-Беза, честнаго, но ограниченнаго проповѣдника, а Лютера или Нокса, то изъ этой конференціи что нибудь бы вышло. Являясь въ Пуасси, какъ орудіе въ игрѣ партій, и Лютеръ бы ничего не сдѣлалъ. Это было не то, что въ Вормсѣ. Скорѣе всего можно принять догадку Мишлѐ, что Гизы сами устроили эту конференцію, единственно съ цѣлью компрометтировать французскихъ гугенотовъ въ лютеранской Германіи, такъ какъ словопреніе было тотчасъ направлено именно на вопросъ о «дѣйствительномъ присутствіи» въ дарахъ,—догматѣ, который, какъ мы уже сказали, лютеране принимаютъ, а реформаты отвергаютъ.

Чтó касается собственно примирительной попытки Лопиталя, то она обнаружилась не конференціею въ Пуасси, а сборомъ въ Сенъ-Жерменѣ депутатовъ отъ всѣхъ парламентовъ для обсужденія вопроса, который Лопиталь самъ опредѣлилъ такъ (по словамъ Де-Ту): «Можно ли быть вѣрнымъ подданнымъ короля, не будучи католикомъ», и «выгодно ли, при настоящихъ обстоятельствахъ, дозволять сборища кальвинистовъ?» Послѣдствіемъ этого-то собранія и былъ относительно толерантный эдиктъ 1562 г., который, однакоже, такъ скоро былъ самымъ вопіющимъ образомъ нарушенъ избіеніемъ гугенотовъ Гизомъ въ Васси. Замѣтимъ еще, что Смайльсъ смѣшалъ этотъ послѣдній городъ съ Пуасси, и ошибочно говоритъ, что упоминаемая имъ конференція происходила въ Васси.

Относительно же склонности самой Катерины Медичи къ протестантамъ, замѣтимъ, что эта склонность вовсе не имѣла значенія, такъ-какъ Катерина постоянно колебалась между Гизами и ихъ соперниками, и кончила тѣмъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ сама назначила день св. Варѳоломея для избіенія гугенотовъ. Письмо къ папѣ, которое приводитъ Смайльсъ и въ которомъ Катерина какъ-бы оправдываетъ гугенотовъ необходимостью реформъ въ церкви, въ которомъ она заходитъ

даже далѣе, чѣмъ видно изъ извлеченія, заимствованнаго Смайльсомъ изъ «Исторіи французской реформаціи» Пюó, потому что допускаетъ, напримѣръ, даже, что богослуженіе могло бы обходиться безъ образовъ,—письмо это было составлено, по мнѣнію французскихъ историковъ, Монлюкомъ, епископомъ валенцскимъ [1]).

Мы вдались на минуту въ критическую провѣрку фактовъ, относящихся къ первымъ преслѣдованіямъ гугенотовъ во Франціи, упоминаемыхъ Смайльсомъ для того только, чтобы показать, что это самая слабая часть его труда. Но мы и не будемъ долѣе останавливаться на ней, такъ какъ событія во Франціи, въ царствованіи Карла IX, изъ всей исторіи гугенотовъ наиболѣе извѣстны. Замѣтимъ еще только, по поводу убіенія Колиньи, что Смайльсъ ошибочно утверждаетъ, будто Мореверъ покусился на жизнь адмирала, чтобы заслужить награду, обѣщанную королемъ, который, между тѣмъ, выразилъ негодованіе, когда Колиньи былъ раненъ и обѣщалъ наказать убійцу. Это бросаетъ на Карла IX лишнюю тѣнь, безъ которой и такъ довольно мрачна память этого полу-безумца. По наиболѣе достовѣрнымъ источникамъ, и именно, по разсказу самой Маргариты Валуá, который подтверждаетъ разсказъ, приписываемый брату короля, Генриху анжуйскому, Мореверъ былъ орудіемъ Катерины Медичи и любимаго ея сына Генриха, и что они уже потомъ, черезъ бывшаго воспитателя Карла IX — Реца, признались въ этомъ королю (именно 23 августа, т. е. на другой день послѣ покушенія Моревера). Это ясно вообще изъ всѣхъ отношеній между дѣйствовавшими лицами: Колиньи былъ именно врагъ Катерины и Генриха, онъ былъ причиною того, что Генрихъ долженъ былъ принять польскій престолъ, и раненый, Колиньи предупреждалъ короля объ опасности со стороны Генриха анжуйскаго.

V.

Въ то время, какъ во Франціи король Генрихъ II началъ серьёзное преслѣдованіе гугенотовъ, Филиппъ II испанскій ввелъ инквизицію во Фландрію. Тамъ вскорѣ вспыхнуло возстаніе. Богатства этой страны разсматривались Филиппомъ просто какъ добыча; его система правленія была настоящая система убійства и грабежа. Онъ грабилъ съ Нидерландовъ въ пять разъ больше, чѣмъ сбиралъ въ Америкѣ, а именно по 20 милліоновъ талеровъ въ годъ. И замѣтимъ, что, при этомъ, испанская казна все-таки была пуста, такъ что королю приходилось иногда просто захватывать деньги или слитки, пересылаемые частнымъ лицамъ, выдавая имъ взамѣнъ обязательства въ полу-

[1]) Anquetil, Histoire de France, t. I. 634.

ченіи ренты. Дѣло въ томъ, что подъ вліяніемъ клерикализма и именно инквизиціи, въ самой Испаніи народъ просто пересталъ заниматься дѣломъ: кто не былъ занятъ по сыскной части, тотъ ничего не дѣлалъ, не будучи увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ.

Фландрскіе города наполнились нищими и ворами. Чрезъ 11 лѣтъ, по введеніи инквизиціи, по донесенію самой правительницы, герцогини пармской, писанномъ въ 1567 году, народъ бѣжалъ въ такомъ числѣ, что въ теченіи нѣсколькихъ дней убывало изъ страны по сту тысячъ жителей; они уносили съ собою все, что могли. Герцогъ Альба, какъ извѣстно, хвалился, что онъ казнилъ 18 тысячъ человѣкъ. Страна разорилась, но Филиппъ утѣшалъ себя торжествомъ своей воли. Герцогъ пармскій, Фарнезе, сообщалъ ему, что духовенство замѣчаетъ на Пасхѣ большее число исповѣдающихся, чѣмъ прежде, и Филиппъ отвѣчалъ на это:—«Вы не можете себѣ представить моего удовольствія по поводу вашихъ извѣстій относительно послѣдней Пасхи».

Смайльсъ исчисляетъ въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ тотъ цвѣтъ населенія Фландріи, все славные ремесленники, которыхъ она лишилась въ это время. Они бѣжали преимущественно въ Голландію, но многіе изъ нихъ переселились и въ Англію.

Оставимъ въ сторонѣ войны лиги съ Генрихомъ IV, и исторію преслѣдованій протестантовъ во Франціи, окончившуюся на время изданіемъ нантскаго эдикта, и обратимся къ эмиграціи протестантовъ съ материка въ Англію. Много бѣжало туда и фламандцовъ, и французовъ. Преслѣдовавшія правительства запрещали это переселеніе подъ страхомъ казни и отъ Англіи требовали выдачи переселенцевъ. Филиппъ II убѣдилъ папу посредничать между нимъ и Елисаветою по этому дѣлу. Въ своемъ письмѣ къ ней, папа увѣрялъ, что люди, переселившіеся въ ея владѣнія, не только еретики, но еще и пьяницы (sectarii et ebriosi). Но епископъ Джюэль хорошо отвѣчалъ на это письмо; онъ упрекалъ папу въ томъ, что онъ самъ держитъ въ Римѣ 6 тысячъ ростовщиковъ и 20 тысячъ продажныхъ женщинъ, а возстаетъ противъ великодушія, оказаннаго королевою англійскою несчастнымъ людямъ, лишившимся имущества въ наказаніе не за порокъ, а единственно за приверженность къ евангелію.

Смайльсъ нѣсколько преувеличиваетъ значеніе отказа Елисаветы не допускать въ Англію бѣжавшихъ подданныхъ французскаго и испанскаго королей, объясняя этимъ обстоятельствомъ и интриги Гизовъ, направленныя на жизнь «дѣвственной королевы», и даже самую войну съ Испаніею. Вообще, Смайльсъ смотритъ несправедливо на отношенія между Елисаветою и Маріею Стюартъ, смотритъ на нихъ съ полнымъ предубѣжденіемъ протестанта, отъ котораго писателю въ наше время пора тоже освободиться. Не могли же Гизы, которые сами играли въ Шотландіи издалека роль предводителей католической пар-

тіи, да еще, сверхъ того, были близкіе родственники Маріи, оставить безъ мести захвата и заключенія ея Елисаветою. Ходатайства Маріи при дворахъ французскомъ и испанскомъ о помощи онъ называетъ «интригами», какъ будто королева шотландская, заботясь о сохраненіи своей власти, не дѣйствовала совершенно естественно. Хотя бы даже и было несомнѣнно доказано, что Марія принимала участіе въ замыслахъ противъ жизни Елисаветы, что́ мы допускаемъ, все-таки это можетъ быть признано только преступнымъ средствомъ защиты, а не интригою. Прибавимъ, что выставляя поведеніе Елисаветы относительно Маріи, какъ внушенное только политическими соображеніями, Смайльсъ опускаетъ важныя, чисто-личныя побужденія, и наконецъ, проходитъ молчаніемъ вѣроломство Елисаветы въ исполненіи казни надъ Маріею. Марію нельзя, конечно, оправдывать, ни какъ женщину, ни какъ правительницу; хитрость и жестокость она имѣла сообща съ Гизами, и была еще болѣе непредусмотрительна, чѣмъ они, не смотря на всю ихъ хитрость. Но одна изъ непріятнѣйшихъ сторонъ историческаго разсказа бываетъ именно, если онъ стремится оправдать лицемѣрную чистоту сильнаго, которому удалось поразить личнаго врага во имя высокихъ цѣлей и съ общимъ одобреніемъ окружающихъ.

VI.

«Первоначально англичане» говоритъ Смайльсъ, «были народъ пастушескій и земледѣльческій и нисколько не мануфактурный. Въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіяхъ, бо́льшая часть предметовъ служащихъ для одежды, за исключеніемъ тѣхъ, которые изготовлялись простою домашнею работою, привозились туда изъ Фландріи, Франціи и Германіи». Кромѣ одежды, всѣ главные предметы роскоши, продукты усовершенствованной фабрикаціи, напримѣръ зеркала, шелкъ, кружева, иголки, ножи, шпаги, хрусталь, фарфоръ — все это ввозилось въ Англію изъ Фландріи, Франціи, Италіи и Испаніи. Сама Англія производила шерсть, но эта шерсть вывозилась за границу для обработки въ сукно. Когда началась война между Англіею и Испаніею, то во Фландріи фабриканты сукна, за непривозомъ англійской шерсти были поставлены точно въ такое положеніе, какъ ланкаширскіе фабриканты во время послѣдней американской войны вслѣдствіе прекращенія привоза хлопка. Въ то же время, англійскіе производители шерсти бѣдствовали за недостаткомъ сбыта. Короли англійскіе давно обратили вниманіе на выгодность привлечь обработку шерсти въ самую страну ея производства, и старались съ этой цѣлью привлечь въ Англію фламандскихъ рабочихъ. Еще въ царствованіе Эдуарда III было вызвано въ Англію много фламандцевъ, которые и поселились

въ Лондонѣ, Кентѣ, Норфолькѣ, Йоркшейрѣ, Ланкашейрѣ и т. д. Всѣ короли слѣдовали этой политикѣ. При Генрихѣ VIII были вызываемы въ Англію искусные ремесленники разныхъ спеціальностей: оружейники, ткачи, ножевщики, пивовары, корабельные мастера. При Эдуардѣ VI началось уже переселеніе въ Англію бѣжавшихъ съ материка протестантовъ, такъ что уже не настояло надобности въ особыхъ вызовахъ. Въ 1550 году, король даже предоставилъ фламандскимъ эмигрантамъ особую церковь, «для избѣжанія разныхъ сектъ анабаптистовъ и тому подобныхъ».

Приливъ эмигрантовъ особенно увеличился въ началѣ царствованія Елисаветы. Узнавъ, въ 1561 году, что значительная партія фламандцевъ пристала къ англійскому берегу и поселилась въ городѣ Сандвичѣ, королева предписала мэру и городскому совѣту допустить ихъ къ производству ихъ ремеслъ, предоставляя имъ всю пользу, какую могутъ несть эти иноземцы городу, «утверждая въ ономъ людей знающихъ по разнымъ ремесламъ»; при чемъ она особенно озабочивалась, чтобы эти «весьма искусные иноземцы» вводили именно «the makinge of says, bays, and other cloth, which hath not been used to be made in this our realme of Englonde» (дѣланіе матерій, непроизводимыхъ въ Англіи). За этимъ поселеніемъ фламандцевъ въ то же время послѣдовало нѣсколько другихъ. Черезъ годъ, мѣстныя береговыя начальства уже начинаютъ сообщать министерству о прибытіи переселенцовъ изъ Франціи.

Англійскій народъ и власти принимали бѣглецовъ съ сочувствіемъ и оказывали имъ всякую помощь, что́ впрочемъ не исключало жалобъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, мастеровъ туземныхъ на лишеніе ихъ заработковъ иностранцами. Въ пользу несчастныхъ жертвъ континентальнаго фанатизма производились денежные сборы по церквамъ въ Англіи и Шотландіи, и прежде-прибывшіе иноземцы помогали сами вновь прибывавшимъ. Въ послѣдующіе года̀ этотъ приливъ эмигрантовъ продолжался безъ перерыва. «Прибывали бѣжавшіе изъ разныхъ мѣстностей Франціи и Фландріи — суконщики и ткачи изъ Антверпена и Брюгге, кружевники изъ Валансьена, дѣлатели батиста изъ Камбре́ (батистъ до сихъ поръ по англійски называется cambric), зеркальные мастера изъ Парижа, ткачи изъ Мо́, купцы изъ Руана, корабельщики и моряки изъ Діеппа и Гавра. Такъ какъ прибытіе бѣглецовъ было непрерывно, то ихъ посылали, какъ можно скорѣе, вовнутрь страны, чтобы очищать мѣсто для новыхъ, такъ какъ средства маленькихъ городовъ вдоль англійскаго берега были ограниченныя. Изъ Рея (Rye) многіе направлялись въ Лондонъ, для соединенія съ поселившимися здѣсь земляками, другіе отправлялись въ Кэнтрбэри, Соутгемптонъ, Норвичъ и другіе города, въ которыхъ уже были основаны валлонскія поселенія. Часть ихъ поселилась въ Винчельси, древній и нѣкогда

очень значительный прибрежный городъ, нынѣ лежащій уже на сухой мѣстности, внутри страны.

Въ числѣ переселенцевъ были и пасторы, и врачи, и адвокаты, и школьные учителя и т. д. Сандвичское поселеніе вскорѣ сдѣлалось цвѣтущимъ. Тамошніе поселенцы кромѣ выдѣлки разныхъ видовъ матерій, какъ-то: шерстяной пряжи, валенаго сукна и т. п., занялись мельницами, гончарнымъ дѣломъ, пивоварствомъ, плотничествомъ, судостроеніемъ. Сандвичъ превратился почти въ фламандскій городъ, и теперь еще видъ его отличенъ отъ обыкновеннаго вида англійскихъ городовъ. Изъ Сандвича распространилось по Англіи, въ числѣ другихъ искусствъ — садовничество и огородничество. Искусство огородничества въ Англіи совсѣмъ было исчезло, такъ что Екатерина аррагонская, чрезъ Генриха VIII, выписывала себѣ саладъ изъ Нидерландовъ. Сандвичскіе огородники пріобрѣли себѣ славу своей капустою, морковью и селлереемъ, на которые въ самомъ Лондонѣ оказался большой запросъ; вслѣдствіе того, фламандскіе огородники заложили огороды въ окрестностяхъ столицы, и до сихъ поръ самые производительные огороды въ окрестностяхъ Лондона именно тѣ, которые были устроены фламандцами изъ Сандвича.

Въ самомъ Лондонѣ поселилось множество переселенцевъ—которые не увеличили собою населенія празднаго и нищаго, и оказались людьми трудолюбивыми и почтенными. Большей частью, они сосредоточились по разнымъ предмѣстьямъ Лондона, въ группахъ по народности, но многіе поселились и въ самомъ Сити, и уже въ царствованіе Елисаветы нѣкоторые изъ нихъ были первостепенными купцами. Они внесли въ англійскую торговлю новый духъ предпріимчивости. Когда Елисавета открыла заемъ по добровольной подпискѣ въ Сити, то изъ этихъ купцовъ-иноземцовъ 38 человѣкъ подписались на сумму 5,000 фунтовъ.

Перепись населенія Лондона, сдѣланная въ 1571 году, т. е. за годъ до Варѳоломеевой ночи, показываетъ въ одномъ Сити иностранцевъ, принадлежавшихъ къ англиканской церкви 889; къ церквамъ голландской, французской и итальянской — 1.763 и т. д., а всего 9.704 человѣка. Перепись 1621 года доказываетъ, что приливъ иностранныхъ ремесленниковъ въ Лондонъ продолжался; иностранцовъ она показываетъ въ одномъ Сити 10 тысячъ человѣкъ, раздѣленныхъ на 121 различныя ремесла и занятія. Въ приведенныхъ числахъ преобладаютъ ткачи, купцы и портные.

Иноземные поселенцы распространились по Англіи съ расчетливостью, такъ чтобы не вредить другъ другу. Вообще изъ всего ихъ образа дѣйствій въ Англіи явствуетъ громадная сила ассоціаціи, которая и поддерживала ихъ противъ препятствій и давала всей ихъ дѣятельности направленіе раціональное, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдерживала ихъ

въ границахъ порядка и осторожности. Нѣкоторые города, какъ Сандвичъ и Норвичъ, положительно обязаны иностраннымъ поселенцамъ тѣмъ значеніемъ, какимъ они пользовались. Въ Норвичѣ было значительное поселеніе фламандцевъ, которые ввели тамъ неизвѣстное до того времени въ Англіи приготовленіе бобровыхъ и поярковыхъ шляпъ, а также занимались огородничествомъ и гончарнымъ дѣломъ. Но въ Норвичѣ именно былъ примѣръ зависти туземныхъ жителей къ переселенцамъ, зависти, которая повела даже къ составленію настоящаго заговора (1570) объ изгнаніи иноземцевъ силою. Елисавета энергически защитила переселенцевъ. Предводитель заговорщиковъ, Джонъ Срогмортонъ и еще двое зачинщиковъ были схвачены и казнены, и королева, въ письмѣ норвичскимъ гражданамъ, сильно порицала ихъ за обнаруженную ими зависть, напоминая имъ, что городъ возрожденіемъ своимъ обязанъ именно этимъ трудолюбивымъ пришельцамъ, и требуя, чтобы жители сообразовались съ ея, королевы, желаніемъ помочь пострадавшимъ въ своемъ отечествѣ за правую вѣру и полезнымъ гостямъ Англіи. Въ то время въ Норвичѣ было 4.000 иностранцевъ.

До поселеній въ Англіи протестантовъ, спасавшихся съ континента, сукна и ткани если и выдѣлывались въ Англіи, то только самыхъ нисшихъ сортовъ. Фламандскіе ткачи, распространясь по всей странѣ, первые подняли это производство на удовлетворительную степень. Они ввели льняно-прядильное производство, а переселенцы изъ Валансьена и Алансона — кружевное. До сихъ поръ, въ Девонширѣ, въ городахъ гдѣ производятся плетёныя кружева, очень распространены имена Раймундсовъ, Жераровъ, Кеттелей, Женѐ, Рошеттовъ и т. п. фламандскія и французскія имена, принадлежащія чистымъ англичанамъ.

Производство металлическихъ издѣлій въ Англіи и Шотландіи тоже обязано своимъ развитіемъ переселившимся съ континента протестантамъ. Приготовленіе стальныхъ издѣлій было введено изъ Литтиха, тогдашними эмигрантами, поселившимися близь Ньюкэстля-на-Тейнѣ. Славная стальная и чугунная фабрикація въ Шеффильдѣ была основана колоніею иностранцевъ, поселенныхъ тамъ подъ покровительствомъ графа Шрюсбэри. Онъ вмѣнилъ имъ въ условіе, чтобы они принимали учениковъ изъ англичанъ. Въ то время во всей Германіи только нюрембергцы равнялись съ фламандцами по искусству въ стальной и чугунной работѣ.

Переселенцы не ограничились основаніемъ своихъ колоній въ Великобританіи. Они перешли и въ Ирландію, гдѣ поселялись въ Дублинѣ, Уотерфордѣ, Лимерикѣ, Бельфастѣ и другихъ городахъ.

Приливъ иностранныхъ протестантовъ въ Англію возобновлялся каждый разъ, какъ гдѣ либо на континентѣ усиливалось преслѣдова-

ніе ихъ. Въ 1567 году, въ Лондонѣ считалось 4.851 фламандецъ и 512 французовъ, а черезъ 10 лѣтъ, числа эти утроились; чрезъ столѣтіе же въ одномъ Лондонѣ считалось однихъ французовъ до 13,500 человѣкъ. Англійское правительство вообще держалось по отношенію къ переселенцамъ покровительственной политики королевы Елисаветы. Въ 1622 году, правда, епископъ Лаудъ, министръ Карла I, замыслилъ принудить переселившихся протестантовъ къ переходу въ англиканскую церковь. Переселенцы обратились съ представленіями къ королю, напоминая о привилегіяхъ, дарованныхъ имъ Эдуардомъ VI, подтвержденныхъ Елисаветою, Яковомъ I и самимъ Карломъ I, обезпечивавшимъ имъ свободу вѣроисповѣданія. Но король истолковалъ привилегіи такъ, что ими могли пользоваться только тѣ члены иностранныхъ колоній, которые сами родились за границею, и предоставивъ этимъ свободу исповѣданія, онъ требовалъ, чтобы дѣти ихъ, рожденныя въ Англіи, принадлежали къ англиканскимъ приходамъ. Затѣмъ и то исключеніе, которое было сдѣлано въ пользу диссидентовъ, родившихся внѣ предѣловъ королевства, было ограничено одною кэнтрбэрійскою конгрегаціею.

Фанатикъ Лаудъ доказывалъ королю, что лучше пусть Англія останется совсѣмъ безъ этихъ иностранныхъ гостей, чѣмъ имѣть въ нихъ примѣръ, опасный для церкви, господствующей въ государствѣ. Эта неестественная реакція протестантизма противъ основной его мысли была сметена первою англійскою революціею. Но въ нѣсколько лѣтъ господства, реакція побудила нѣсколько тысячъ иностранныхъ переселенцевъ спасаться изъ Англіи, для охраненія того блага, которое они полагали обезпечить себѣ навсегда прибытіемъ въ Англію. Изъ Норвича 140 семействъ отправились въ Голландію, гдѣ были приняты со всевозможными облегченіями. Большинство же переселенцевъ-диссентеровъ, оставляя во второй разъ пріобрѣтенное имущество, во имя религіозной свободы, отправилось въ Сѣверную Америку, гдѣ и положило основаніе Новой-Англіи.

VII.

Преслѣдованіе гугенотовъ возобновилось во Франціи при Людовикѣ XIII. Ришельё, этотъ созидатель королевскаго могущества на послѣднихъ развалинахъ феодализма, сломилъ ихъ, какъ политическую партію.

Кольберъ держался политики благопріятной гугенотамъ. Но логическій ходъ исторіи къ тѣмъ крайностямъ, которыя должны были разрушить всемогущество одного лица, былъ неудержимъ. Кольберъ умеръ въ немилости. Фаворитизмъ, фанатизмъ и вакханалія грубой военной силы—вотъ тѣ неизбѣжные спутники всемогущества, которые въ ли-

цахъ г-жи Ментенонъ, іезуитовъ и Лувуá увлекли, Людовика XIV къ одному изъ безумнѣйшихъ его дѣйствій—къ отмѣнѣ нантскаго эдикта 1685 г. «Драгонады» внутри государства довершили дѣло разорительныхъ внѣшнихъ войнъ.

Протестантовъ во Франціи въ то время было около полутора милліона. Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, послѣ отмѣны эдикта, было разорено около 800 протестантскихъ храмовъ. Протестанты снова бросились въ бѣгство къ берегу Ламанша, къ фландрской и германской границамъ. Но эмиграція была запрещена, подъ опасеніемъ каторги. И вотъ, на границахъ начались страшныя сцены ловли и избіенія бѣглецовъ. Запрещеніе бѣгства, однакоже, не остановило его. Множество французскихъ эмигрантовъ переселилось въ Германію, особенно въ Пруссію. Англійскія суда подбирали въ Ламаншѣ съ лодокъ бѣжавшихъ гугенотовъ. Въ Пруссіи они много способствовали и къ развитію промышленности, и къ устройству арміи. Въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ ихъ было множество испытанныхъ солдатъ и искусныхъ офицеровъ, которыми курфирстъ бранденбургскій, Фридрихъ-Вильгельмъ, съумѣлъ воспользоваться. Эдиктъ потсдамскій, даровавшій протестантскимъ эмигрантамъ привилегіи, былъ отвѣтомъ на отмѣну нантскаго эдикта.

Это изгнаніе протестантовъ нанесло страшный ударъ народному богатству Франціи. По исчисленію Вобана, Франція лишилась тогда не менѣе 100 тысячъ полезнѣйшихъ гражданъ, милліоновъ 60 ливровъ денегъ, которыя они унесли съ собою, и наиболѣе цвѣтущихъ своихъ мануфактуръ. Людей же военныхъ, по тому же исчисленію, Франція потеряла: 12 тысячъ отличныхъ солдатъ, 600 офицеровъ и 9 тысячъ матросовъ. Рядомъ съ этими бѣжавшими, упомянемъ о тысячахъ, посланныхъ въ каторжную работу за попытки къ бѣгству.

Въ Англію, французскихъ протестантовъ, вслѣдствіе новыхъ преслѣдованій, переселилось, какъ полагаетъ Смайльсъ, около 120 тысячъ (цифра Вобана была гораздо ниже дѣйствительности). Эти переселенцы были люди не только промышленные, но и военные; въ числѣ ихъ было много принадлежавшихъ къ высшимъ классамъ. Естественно, что они должны были принять участіе не только въ промышленномъ развитіи Великобританіи, не только обогатить ее, но и участвовать также въ ея политическомъ развитіи. И въ самомъ дѣлѣ, имъ прежде всего представился случай содѣйствовать освобожденію ея самой отъ торжества тѣхъ началъ, которыя были причиною ихъ бѣгства изъ Франціи.

Яковъ II былъ подражатель Людовика XIV. Въ оксфордской университетской коллегіи капелланомъ былъ уже іезуитъ, и Яковъ не скрывалъ своего намѣренія уничтожить протестантскую церковь въ Англіи. Въ революціи 1688 года французскіе гугеноты приняли уча-

стіе, какъ главная сила, ядро войска Вильгельма Оранскаго, который заботливо собралъ этихъ сподвижниковъ Шомберга, Тюренія и Кондé. Въ экспедиціонномъ войскѣ Вильгельма было три полка французской пѣхоты, составленные изъ старыхъ солдатъ. Французскихъ офицеровъ было 736, сверхъ тѣхъ, которые командовали въ собственно французскихъ полкахъ. Мишлè основательно жалуется, что Маколей прошолъ молчаніемъ важное участіе, принятое французами въ экспедиціи Вильгельма Оранскаго. Въ самомъ дѣлѣ, именно французскіе офицеры пользовались у Вильгельма наибольшимъ довѣріемъ. Знаменитый маршалъ Шомбергъ, сподвижникъ Кондè, сложившій съ себя свои званія во Франціи, вслѣдствіе отмѣны нантскаго эдикта, и служившій затѣмъ у Фридриха-Вильгельма бранденбургскаго, откликнулся на призывъ Вильгельма Оранскаго, къ защитѣ дѣла протестантизма. Отвергнувъ званіе министра, генералъ-губернатора и члена тайнаго совѣта, которыя предлагалъ ему Фридрихъ-Вильгельмъ, чтобы удержать его у себя, этотъ семидесятилѣтній старикъ перешолъ въ голландскую службу, чтобы служить протестантизму, и былъ главнымъ помощникомъ Вильгельма Оранскаго. Довѣріе къ нему было таково, что жена претендента дала ему тайныя инструкціи дѣйствовать независимо отъ воли Вильгельма, въ случаѣ, еслибы онъ поколебался. Въ собственномъ конномъ полку Вильгельма служили 54 французскихъ дворянина, въ конвоѣ его — 34. Всѣ три его адъютанта (Летанъ, Ламелоньеръ и маркизъ Арзиллье) были французы. Французы же командовали артиллеріею и инженерами.

Яковъ II бѣжалъ, и гугеноты вступили съ Вильгельмомъ въ Лондонъ. Здѣсь они нашли уже не мало своихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ. Въ Гринвичѣ образовалась аристократическая гугенотская колонія, которой центромъ былъ маркизъ Рювиньи, бывшій генераломъ и дипломатомъ во Франціи и не захотѣвшій остаться въ отечествѣ, несмотря на то, что ему лично была обѣщана полная безопасность. Высадка Якова II въ Кинсалѣ, въ Ирландіи, въ 1689 году, подняла на его защиту 40 т. ирландцевъ, для которыхъ оружіе и деньги были доставлены изъ Франціи. Пришлось повторить покореніе Ирландіи. Въ этомъ случаѣ, французскіе гугеноты не могутъ быть разсматриваемы вполнѣ, какъ воины свободы, но это противорѣчіе только кажущееся, нерѣдкое въ такихъ вопросахъ, гдѣ замѣшаны разнородныя начала. Возставая на защиту Якова II, ирландцы являлись не только воинами своей національной независимости, но и союзниками религіознаго и политическаго порабощенія Великобританіи. Защищая династію, которую привѣтствовалъ англійскій народъ, династію революціонную, преданную конституціоннымъ свободамъ, солдаты Вильгельма III въ Ирландіи были воинами свободы въ этомъ смыслѣ.

Лучшіе англійскіе и голландскіе полки Вильгельма находились въ это время во Фландріи. Для подкрѣпленія небольшой оранской арміи, находившейся въ Ирландіи, нáскоро были собраны французскіе полки. Маркизъ Рювиньи поставилъ пѣхоту, въ которой, послѣ его смерти, случившейся вскорѣ, остались его сыновья — маркизъ Генрихъ Рювиньи и братъ его, Петръ Рювиньи, болѣе извѣстный подъ прозвищемъ Ла-Кайллемота. Шомбергъ поставилъ конный полкъ, составленный исключительно изъ дворянъ. Командованіе надъ оранжистами въ Ирландіи принялъ онъ. Но ни Яковъ, со своимъ генераломъ Розеномъ, ни Шомбергъ, долго не вступали въ битву; между тѣмъ болѣзни страшно пожирали обѣ стороны, а для Якова изъ Франціи отправлялось подкрѣпленіе въ 7,300 человѣкъ пѣхоты, подъ начальствомъ Лозёна. Вильгельмъ сталъ призывать гугенотовъ изо всѣхъ странъ континента. Въ іюлѣ 1690 года, оранжистское войско въ Ирландіи составляло уже 36 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ англичанъ, французовъ, голландцевъ, нѣмцевъ и датчанъ. Самъ Вильгельмъ принялъ начальство надъ ними. При Бойнѣ, французскіе гугеноты увидѣли на шляпахъ своихъ противниковъ тотъ самый бѣлый крестъ, который носили убійцы въ варѳоломеевскую ночь, еще далеко не забытую. Сынъ маршала Шомберга, Менаръ, получилъ приказаніе обойти лѣвый флангъ непріятеля. Когда двинулся центръ, Ла-Кайллемотъ былъ поверженъ на землю пулею. Когда его несли, покрытаго кровью, по наступавшимъ рядамъ товарищей, онъ кричалъ имъ: A la gloire, mes enfans, à la gloire! Сильный отрядъ ирландской пѣхоты ударилъ на наступавшихъ и отразилъ ихъ. Тогда, старикъ Шомбергъ, видя критическую минуту, сталъ во главѣ своей конницы и, показывая ей шпагою на непріятеля, сказалъ: Allons, mes amis, rappelez votre courage et vos ressentiments: voilà nos persécuteurs! Затѣмъ онъ бросился въ рѣку, отдѣлявшую его отъ мѣста главной схватки. Выйдя на поле, онъ жестоко ударилъ на непріятеля. Голландская и гугенотская пѣхота построилась снова, и Вильгельмъ, явясь съ другой стороны, со своей кавалеріею, рѣшилъ дѣло. Ирландцы ударились въ бѣгство, впереди всѣхъ самъ Яковъ II. Потеря Вильгельма была не велика числомъ: онъ лишился всего 400 чел. Но она была все-таки велика, потому что въ числѣ убитыхъ былъ старикъ Шомбергъ, павшій въ кавалерійской схваткѣ. Оставшійся въ живыхъ сынъ маркиза Рювиньи, Генрихъ, былъ сдѣланъ полковникомъ шомбергова коннаго полка. Гугенотамъ же принадлежала честь побѣды при Аўримѣ, надъ французскимъ генераломъ Сенъ-Рютомъ. За это дѣло Вильгельмъ III пожаловалъ маркизу де-Рювиньи ирландское пэрство, съ титуломъ графа Гальуай. Сынъ маршала Шомберга, герцогъ Карлъ Шомбергъ, былъ посланъ Вильгельмомъ съ помощью въ Савоію противъ французовъ, которыми командовалъ Катинà, но былъ тамъ раз-

битъ и умеръ отъ ранъ. Мы не будемъ описывать судьбы всѣхъ французскихъ гугенотовъ, занявшихъ высокія должности въ Англіи. Достаточно было показать, что они, весьма дѣйствительною помощью протестантской династіи, отблагодарили Англію за данное имъ убѣжище. Упомянемъ только имена Жана Кавалье́, который былъ генералъ-майоромъ и губернаторомъ на Джерси, Рапена—воина-историка, Жана де-Бадта—инженера, Жана-Луи-Лигонье́, который былъ сдѣланъ лордомъ и фельдмаршаломъ (онъ былъ сподвижникъ Мальборо́) и адмирала Гамбье́.

Изъ числа переселившихся въ Англію ученыхъ гугенотовъ, остановимся на Денисѣ Папенѣ, одномъ изъ изобрѣтателей паровой машины и первомъ изобрѣтателѣ парохода. Папенъ былъ врачъ. Въ 1681 году послѣдовали во Франціи постановленія, сильно стѣснявшія возможность практики для врачей-протестантовъ. Тогда Папенъ уѣхалъ сперва въ Голландію, потомъ въ Англію, гдѣ былъ принятъ королевскимъ обществомъ наукъ и получилъ въ немъ мѣсто лаборанта, съ жалованьемъ по 30 фунтовъ въ годъ. Обязанностью его было дѣлать опыты въ каждомъ засѣданіи общества. Во время пребыванія своего въ Англіи, онъ и сдѣлалъ свое великое открытіе—устроилъ паровую машину. Оставивъ Англію въ 1687 году, для занятія каѳедры математики въ марбургскомъ университетѣ, онъ послалъ изъ Марбурга своимъ друзьямъ въ Лондонѣ модель колеснаго парохода, для испытанія его на Темзѣ. Объ этомъ пароходѣ онъ писалъ Лейбницу, въ 1707 году: — «Очень важно, чтобы судно моей постройки было испытано именно въ морской гавани, какъ Лондонъ, гдѣ довольно глубины, для примѣненія моего изобрѣтенія, которое, при помощи огня, дастъ возможность одному или двумъ человѣкамъ производить болѣе дѣйствія, чѣмъ нѣсколько сотъ гребцовъ». Къ несчастью, лодочники на Везерѣ, увидавъ эту машину, разломали модель, а Папенъ умеръ через три года, не построивъ новой.

Другой французскій гугенотъ, д-ръ Дезагюльѐ, авторъ «Курса опытной философіи», напечатаннаго въ Англіи, также занимался, повидимому, устройствомъ паровой машины. Онъ сдѣлалъ улучшеніе въ механизмѣ Савери, и говоритъ въ названномъ сочиненіи, что съ 1717 г. онъ построилъ три «огненныя машины», и именно первую изъ нихъ— «для покойнаго царя Петра Великаго, для его сада въ Петербургѣ, *гдѣ она и была установлена*». Онъ умеръ въ 1747 г. Интересно бы знать, нѣтъ ли у насъ какого-нибудь подтвержденія объ этой паровой машинѣ, дѣйствовавшей въ Петербургѣ въ первой четверти XVIII вѣка?

Много ученыхъ доставила эмиграція Англіи, и они не мало оказали ей пользы. Въ числѣ ихъ назовемъ еще только математика де-

Муавра, друга Ньютона, и Соломона изъ Ко́, который также былъ изъ первыхъ изслѣдователей силы пара.

На англійскую промышленность эмиграція изъ Франціи въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. имѣла огромное вліяніе. До этого переселенія французскихъ мастеровъ въ Англію, предметы роскоши въ ней выписывались всѣ изъ Франціи. Ввозъ въ Англію изъ Франціи простирался до 2½ милл. фунтовъ, а вывозъ изъ Англіи во Францію не доходилъ и до одного милліона. Правда, англичане умѣли уже дѣлать сукно и шерстяныя ткани, даже ленты, чулки и т. д., но фабрикація ихъ все-таки находилась еще на низкой степени. Англія выписывала изъ Франціи: атласныя и шелковыя матеріи, кружева, ленты, перчатки, пуговицы, са́ржу, шляпы, желѣзныя издѣлія, кожи и инструменты, льняныя ткани, соль, вина, пухъ, иглы, гребни, мыло, водки, уксусъ, фрукты, матрацы, одѣяла, бумагу всѣхъ сортовъ,—однимъ словомъ, все, относящееся къ комфорту, въ обширномъ смыслѣ.

Замѣчательно, что важная фабрикація поярковыхъ и бобровыхъ шляпъ была не только внесена гугенотами въ Англію, но и *унесена* ими изъ Франціи. Франція стала сама выписывать англійскія шляпы, и до половины XVIII в. во Франціи люди, заботившіеся о своемъ туалетѣ, носили только «англійскія» шляпы, пока наконецъ, французъ Матьё, работавшій въ Лондонѣ, не привезъ секретъ этой фабрикаціи обратно въ Парижъ и сообщилъ его тамошнимъ мастеровымъ. Англійская шляпная фабрика, основанная гугенотами въ Уандсуортѣ, пріобрѣла большую славу. До сихъ поръ, какъ извѣстно, англійскія поярковыя шляпы (Christhie) преобладаютъ на всѣхъ рынкахъ своей добротою и сравнительною дешевизною.

Фабрикація всякаго рода пуговицъ, исключительно принадлежавшая Франціи, была также введена въ Англіи гугенотами. Они же ввели тамъ важную фабрикацію набойки миткалей (первая фабрика была основана въ Ричмондѣ). Другія отрасли набойки были разработываемы въ Эссексѣ, потомъ въ Ланкашейрѣ. Шпалерная фабрикація была введена въ Англіи гугенотомъ Пассаваномъ, который усовершенствовалъ свои обои при помощи Гобеленовъ. Шелковая фабрикація была самая важная изъ всѣхъ введенныхъ въ Англіи гугенотами. До отмѣны нантскаго эдикта, Англія выписывала изъ Франціи одного люстрину на 200 тысячъ фунтовъ ежегодно. Люстринъ такъ и дѣлался во Франціи спеціально для Англіи и назывался «англійскою тафтою». Послѣ отмѣны эдикта, въ непродолжительное время, ввозъ люстрину въ Англію совсѣмъ прекратился.

Фабриканты изъ Тура и Ліона устроили фабрики шелковыхъ тканей въ Спиталфильдсѣ (въ Лондонѣ) и занялись производствомъ, въ обширныхъ размѣрахъ, бархатовъ, люстриновъ и другихъ смѣшанныхъ тканей, а также чистыхъ шелковыхъ съ разводами или рисунками.

Первые шелковые фабриканты въ Лондонѣ назывались Лансонъ, Мариско́ и Монсо́. Правительство, по преобладавшему въ то время экономическому убѣжденію, незамедлило наложить, вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, запретительныя, тройныя пошлины на привозныя изъ Франціи шелковыя матеріи, а потомъ и совсѣмъ запретило ввозъ важнѣйшихъ изъ нихъ по сбыту.—«Странно сказать», замѣчаетъ Смайльсъ, «однимъ изъ доводовъ къ такой протекціи было приводимо именно то, что фабрикація этихъ предметовъ въ Англіи достигла *высшей* степени совершенства, чѣмъ та, на которой находились иностранные продукты того же рода — доводъ, который, казалось бы, долженъ былъ служить свидѣтельствомъ о безполезности законодательнаго вмѣшательства въ ихъ пользу. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что при концѣ столѣтія, французскіе мануфактуристы въ Англіи не только удовлетворяли всей потребности самой Англіи, но и вывозили значительное количество своихъ товаровъ въ тѣ страны, которые прежде выписывали ихъ изъ Франціи.

Въ прошеніи, поданномъ въ парламентъ обществомъ ткачей въ 1713 году, изъяснялось, что благодаря поощренію оказанному правительствомъ и законодательною властью, шелковая фабрикація въ это время производила въ двадцать разъ болѣе, чѣмъ въ 1664 году; что всѣ сорты черныхъ и крашеныхъ шелковыхъ матерій, парчей и лентъ дѣлались здѣсь столь же хорошо, какъ во Франціи; что черный шелкъ для капоровъ и шарфовъ, который 25 лѣтъ тому назадъ привозился весь изъ-за границы, на ежегодную сумму 300 тысячъ фунтовъ, теперь приготовляется весь въ странѣ; наконецъ, что вывозъ шерстяныхъ и другихъ мануфактурныхъ товаровъ въ Турцію и Италію, гдѣ покупался сырой шелкъ, значительно увеличился. Таковы были между прочимъ, заключаетъ Смайльсъ, результаты переселенія въ Лондонъ французскихъ ремесленниковъ». Стеклянное производство и фабрикація писчей бумаги всякого рода также были развиты и поставлены на высокую степень въ Англіи, только гугенотами. Въ стеклянномъ дѣлѣ, техническій языкъ въ Англіи до сихъ поръ сохранилъ французскія названія пріемовъ и орудій. Точно также и въ бумажной фабрикаціи. Кружевное производство, введенное первоначально валлонами, было преобразовано и расширено гугенотами. «Однимъ словомъ», говоритъ Смайльсъ «едва ли какая либо отрасль промышленности въ Великобританіи не ощутила на себѣ немедленно благотворнаго вліянія большого прилива опытныхъ рабочихъ изъ Франціи. Они не только улучшили тѣ мануфактуры, которыя уже существовали, но и ввели много совершенно новыхъ отраслей производства; своимъ искусствомъ, умомъ и трудолюбіемъ, они богато отплатили Англіи за гостепріимство, великодушно оказанное имъ въ то время, когда они находились въ нуждѣ».

Потомки этихъ французскихъ и фламандскихъ гугенотовъ въ Англіи совершенно слились съ англійскимъ обществомъ. Имена ихъ часто встрѣчаются и въ нынѣшнихъ спискахъ англійскихъ политическихъ людей и дворянства Англіи, какъ напр.: Блакіеры, Тренчи, Ромилльи, Гроты и т. д. Но многія гугенотскія фамиліи измѣнили свои имена, переведя ихъ на англійскій языкъ. Такъ Loiseau сдѣлался Bird, Leblanc — White, Lemaur — Brown, Leroy — King, Lemonnier — Miller, Lacroix — Cross и т. д. Другія только придали англійскую форму своимъ первоначальнымъ именамъ. Такъ: Condé сдѣлался Cundy, De Moulins — Mullins, Pelletier — Pelters, Huyghens — Huggins, Beaufoy — Buffy. Наконецъ, третьи измѣнили свои имена оттого, что получили пэрство; такъ лордъ Нортвикъ происходитъ отъ гугенота Рюшо́та, лордъ Рендлешэмъ — отъ гугенота Телюсона и т. д.

Англійское дворянство породнилось съ гугенотами. Какъ сама королева Викторія происходитъ по женской линіи отъ внука маркиза д'Ольбрёзъ, гугенота переселившагося въ Бранденбургъ, такъ аристократическія фамиліи въ Англіи болѣе или менѣе всѣ «имѣютъ въ себѣ частицы гугенотской крови». Назовемъ нѣсколько такихъ фамилій, исчисляемыхъ Смайльсомъ, указывая и на титулъ главъ ихъ: Россели (герцогъ Бедфордъ), Кэвендиши (герцогъ Девонширскій) — эти двѣ фамиліи были въ родствѣ съ родомъ Рювиньи; Осборны (герцогъ Лидскій) въ родствѣ съ Шомбергами; Форбсы (графъ Грэнардъ); Элліоты (графъ Минто); Гай-Дромонды (графъ Кинноуль) и т. д.; изъ новыхъ пэровъ лорды Тоунтонъ, Эверслей и Ромилли — прямые потомки гугенотовъ.

Указывая на плачевные для Франціи послѣдствія эмиграціи гугенотовъ, Смайльсъ съ прискорбіемъ напоминаетъ, что Франція, которая не захотѣла терпѣть протестантскихъ учителей и библейскаго Бога, получила въ надѣлъ учителей такихъ, какъ Вольтеръ, Руссо́, Дидро́ и богиню Разума. Остановимся только на неоспоримомъ фактѣ, что преслѣдованіе не остановило стремленія человѣчества къ свободѣ, и напомнимъ еще разъ, что защитники такъ называемой теоріи «постепеннаго прогресса», столь громко осуждающіе французскую революцію, какъ «насильственный скачекъ впередъ», часто упускаютъ изъ виду, какими «насильственными шагами назадъ», не менѣе покушавшимися на «постепенность прогресса», были обусловлены подобные перевороты. «Eppur si muove» сказалъ Галилей. Но если подъ могущественное колесо той великой машины, которая работаетъ для человѣчества будущность, попадаютъ жертвы, если оно, проходя черезъ поставленные ему на пути препятствія, безжалостно, съ равнодушіемъ механизма, давитъ цѣлыя учрежденія, цѣлыя массы людей, цѣлыя государства, то оно ли виновно въ этомъ, — или тѣ люди, учрежденія и государства, которые думаютъ своими ничтожными усиліями, своимъ жалкимъ сопротивленіемъ, остановить развитіе человѣчества, какъ римскіе инквизиторы

пытая Галилея, пытались остановить вращеніе земли за солнцемъ, за свѣтомъ?....

Легко понять, что книга Смайльса произвела глубокое впечатлѣніе во Франціи, руками которой, въ лицѣ гугенотовъ, была создана вся лучшая сила Англіи. Мы уже закончили нашу статью, когда у насъ явился тотъ апрѣльскій номеръ «Revue des deux Mondes», въ которомъ литературный критикъ этого журнала приводитъ свои размышленія по поводу труда Смайльса. — «Весьма позволительно, говоритъ Альф. Эскиросъ, сожалѣть вмѣстѣ съ г. Смайльсомъ о томъ, что Франція не довершила свою религіозную революцію въ XVI вѣкѣ. Привычка къ изслѣдованію, быть можетъ, приготовила бы насъ лучше къ пользованію политическою свободою. Всматриваясь въ общее состояніе стараго и новаго материка, признаюсь, мы поражаемся печальнымъ сближеніемъ, которое наводитъ насъ на многія размышленія. Группа протестантскихъ народовъ вездѣ достигла благополучія, и въ силу естественнаго родства,—формъ представительнаго правительства. Швейцарія, Голландія, Пруссія, Англія, Сѣверо-американскіе Штаты, пользуются конституціею, которая, хотя и въ различной степени, но допускаетъ участіе страны въ управленіи дѣлами. То-ли представляютъ католическія государства? Не замѣчать ихъ отсталости въ этомъ отношеніи значило бы не знать исторіи или искажать факты. Франція нѣсколько разъ кидалась къ идеалу свободы, и она это дѣлала съ энтузіазмомъ, увлекавшимъ половину Европы за собою; но за гигантскими усиліями, какое послѣдовало мрачное возвращеніе къ прошедшему, какое горькое разочарованіе!... Конечно, этотъ контрастъ производитъ болѣзненное впечатлѣніе: не слѣдуетъ ли дать католическимъ странамъ совѣтъ обратиться въ протестантство? Но теперь это уже поздно, и въ наше время въ душахъ нѣтъ даже столько вѣры, чтобы перемѣнять религію. Можно сдѣлать одно, а именно отдѣлить въ католическихъ странахъ политическій порядокъ отъ религіознаго, церковь отъ государства, и поставить обязанности гражданина рѣшительно выше вѣрованій».

Такое громкое признаніе въ своихъ несправедливостяхъ, произнесенное въ бывшемъ отечествѣ гугенотовъ, и притомъ въ виду процвѣтанія ихъ вторичнаго отечества, — процвѣтанія, которымъ Англія обязана этимъ же самымъ гугенотамъ, — весьма краснорѣчиво говоритъ въ пользу книги Смайльса, гдѣ съ такою поразительною ясностью разсказанъ примѣръ, какъ религіозный фанатизмъ можетъ заставлять государство отсѣкать себѣ свои лучшіе члены и обезсиливать свой организмъ на цѣлые вѣка.

Л. А — ВЪ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПОЗИТИВНАЯ ШКОЛА ФИЛОСОФІИ ИСТОРІИ И НОВАЯ КНИГА ЛИТТРЕ.

Études sur les Barbares et le Moyen Age, par *E. Littré*, de l'Institut. Paris, 1867.

Какъ слѣдуетъ опредѣлять историческую цѣнность среднихъ вѣковъ, — ее теперь очень различно понимаютъ люди разныхъ историческихъ школъ, или, вѣрнѣе, различныхъ общественныхъ направленій — вотъ вопросъ, къ разрѣшенію котораго направленъ новый трудъ Литтрѐ, извѣстнаго представителя позитивной школы философіи. Авторъ, конечно, ограничивается только западно-европейской исторіею, но его книга можетъ имѣть большой интересъ и для насъ, потому что вопросъ изслѣдованія сводится къ историческому методу вообще, который, слѣдовательно, возможно приложить и къ изученію нашего собственнаго прошедшаго. Вопросы науки начинаютъ соприкасаться съ вопросами практической дѣйствительности даже и въ нашей литературѣ; наши историческіе взгляды становятся солидарны съ нашими взглядами на интересы общественные, и такъ какъ мы пріобрѣтаемъ уже наклонность защищать наши житейскія стремленія ссылками на науку, на исторію, то вопросъ о характерѣ и смыслѣ среднихъ вѣковъ можетъ стать любопытнымъ вовсе не для однихъ присяжныхъ спеціалистовъ.

Книга Литтрѐ конечно не исчерпываетъ предмета, но она ставитъ нѣсколько положеній, которыя кажутся намъ вѣрными, и усвоеніе которыхъ могло бы быть полезно для многихъ изъ нашихъ изслѣдователей: эти положенія, очень часто сочувственныя среднимъ вѣкамъ въ

большей степени, чѣмъ то можно было бы ожидать отъ «позитивиста», служатъ достаточнымъ отвѣтомъ на тѣ преувеличенія, съ какими у насъ нерѣдко говорится напр. о «старой» Руси, и доказывается обязательность ея принциповъ для нашего времени.

Литтрè принадлежитъ къ школѣ Огюста Конта, хотя принимаетъ его положительную философію только съ оговоркой, отказываясь отъ послѣднихъ фантастическихъ увлеченій своего учителя. Свою позитивную точку зрѣнія авторъ высказываетъ на первыхъ же страницахъ, гдѣ онъ опредѣляетъ предметъ и цѣль своей книги,—хотя, замѣтимъ мимоходомъ, выражаемые имъ взгляды могли бы и не считаться специфической принадлежностью «положительной философіи», и могутъ быть смѣло принимаемы даже людьми, не исповѣдующими строго всѣхъ положеній этой философіи. Или, другими словами: если взглядъ Литтрè есть взглядъ собственно «позитивной философіи», какъ школы, — въ такомъ случаѣ, эта школа совпадаетъ съ требованіями научной исторической критики.

Установляя взглядъ на средніе вѣка, Литтрè приходилось имѣть дѣло въ особенности съ двумя ложными понятіями, которыя онъ находилъ въ своей литературѣ, и которыя, съ извѣстными видоизмѣненіями, мы можемъ найти и въ своей собственной. Съ одной стороны, скептическая философія XVIII вѣка отвергала средніе вѣка какъ періодъ безплодія мысли, какъ періодъ вреднаго суевѣрія, которое намъ остается только бросить; для человѣческаго развитія это время не принесло ничего, кромѣ остатковъ стараго варварства и невѣжества, которые только затрудняютъ теченіе нынѣшней цивилизаціи. Другое мнѣніе (по преимуществу, конечно, клерикальное), напротивъ, превозноситъ средніе вѣка, потому что имъ принадлежитъ основаніе католицизма, который смѣнилъ «изжившуюся пустоту древняго міра», и открылъ новую христіанскую цивилизацію, а вмѣстѣ съ тѣмъ (что́ не всегда договариваютъ люди этого взгляда) установилъ всѣ послѣдствія средневѣковаго порядка, господство авторитета, и наконецъ, свѣтскую власть папы, столь драгоцѣнную для клерикаловъ. Оба взгляда отражались на историческомъ опредѣленіи среднихъ вѣковъ, такимъ образомъ, что у однихъ средніе вѣка безполезнымъ образомъ прерывали традицію древней греко-римской цивилизаціи, и становились ненужной вставкой, не имѣющей въ себѣ историческаго смысла и необходимости; у другихъ—исторія окончательно завершалась средними вѣками, и новѣйшее развитіе представлялось только порчей, подкопомъ подъ данные разъ и единственные принципы, на которыхъ цивилизація должна строиться, — а новое время, съ его совсѣмъ не похожими на средніе вѣка тенденціями, становилось безправнымъ періодомъ, который ожидаетъ своей реставраціи — въ католическо-средневѣковомъ смыслѣ, правда съ нѣкоторыми уступками новому времени, безъ настоя-

щаго феодализма, но съ чѣмъ-то, все-таки, на него очень похожимъ, и съ той же непогрѣшимой свѣтской и духовной властью папы.

Понятно, что обѣ эти крайности рѣдко высказываются въ литературѣ въ своемъ чистомъ видѣ и совершенно открыто; но они высказываются безпрестанно въ смягченномъ видѣ: крайній скептицизмъ долженъ былъ смягчиться передъ требованіями исторической критики; клерикалы поняли, что было бы слишкомъ безтактно заявлять открыто средневѣковые вкусы. Въ историческомъ изученіи продолжается однако характеръ мнѣній, отчасти похожихъ на указанныя нами, хотя они начинали руководиться не одними личными вкусами и пристрастіями, а различными историческими данными и соображеніями. Скептицизмъ XVIII вѣка конечно забывалъ много историческихъ условій, но тѣмъ не менѣе его филиппики имѣли свои основанія, потому что все-таки средніе вѣка были періодомъ мрака, феодализма и суевѣрія. Съ другой стороны, развились въ нынѣшнемъ столѣтіи національныя изученія; имъ пришлось явиться рядомъ съ политической реставраціей и литературнымъ романтизмомъ, и они привели къ преувеличенному восхищенію средними вѣками, причемъ, какъ извѣстно, поэтическій идеализмъ и ученыя пристрастія не разъ становились апологіей средневѣкового феодализма и католичества. Національныя изученія, поощряемыя метафизикой философовъ исторіи, вводили свои историческія увлеченія: возвеличеніе расы, которая являлась привилегированнымъ факторомъ событій; историческій фатумъ, который осуждалъ одни явленія жизни и отдавалъ мѣсто другимъ и т. д., — такъ что въ концѣ концовъ историческій вопросъ вообще сильно запутывался, и особенно запутывался въ томъ пунктѣ, съ котораго начинается историческая жизнь новой Европы. Отчего пала римская имперія? Какую роль играли варвары, ее разрушившіе? Какая перемѣна произведена была христіанствомъ? Въ чемъ заключается смыслъ среднихъ вѣковъ? и т. д.

На эти вопросы старается отвѣтить Литтрè съ точки зрѣнія положительной философіи. Эта философія принимаетъ вообще три основные способа воззрѣнія, которыми руководится человѣческая мысль, и послѣдовательная смѣна которыхъ составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ путь всей человѣческой цивилизаціи. Эти три воззрѣнія — теологическое, метафизическое и положительное: это послѣднее воззрѣніе положительная философія и кладетъ своимъ основаніемъ.

Руководящимъ положеніемъ своей книги Литтрè ставитъ мысль, что «средніе вѣка вовсе не составляютъ періода безплоднаго и обездоленнаго, въ которомъ преданіе прерывается, но что напротивъ, они, черезъ рядъ затрудненій, наслѣдственныхъ и пріобрѣтенныхъ, продолжали историческое развитіе, и не измѣнили ни его природы, ни направленія».

Эта мысль можетъ показаться даже парадоксальной для тѣхъ, кто

считаетъ конецъ римской имперіи разрушеніемъ гнилого зданія, а начало среднихъ вѣковъ дѣломъ новаго свѣжаго племени, которое возвело свою собственную постройку, бросивъ догнивать старыя развалины. Литтрѐ знаетъ эти мнѣнія и отвѣчаетъ на нихъ. Его выводы, какъ мы видимъ, совершенно противоположны этому: по его мнѣнію, старое преданіе не прерывалось, и средніе вѣка правильно продолжали прежнее развитіе. Точку зрѣнія позитивной философіи онъ опредѣляетъ такимъ образомъ:

«Для тѣхъ, кто не знакомъ съ положительной философіей, безъ сомнѣнія, покажется удивительно, если я скажу, что она могла возникнуть и явиться только съ того момента, когда исторія сдѣлалась наукой, или другими словами, когда найденъ былъ основной законъ. И, сказать мимоходомъ, эта лежавшая на ней необходимость была не послѣднимъ отличіемъ, отдѣлявшимъ ее отъ философіи теологической и философіи метафизической: эти послѣднія могли существовать и безъ научной исторіи, и исторія, какъ наука, пожалуй даже стѣсняетъ ихъ.

«Основной законъ, о которомъ я говорю и который начинаетъ получать силу между мыслителями, состоитъ въ томъ, что человѣческій умъ, въ древніе періоды, объясняетъ явленія тѣмъ, что приписываетъ ихъ индивидуальнымъ волямъ, подобнымъ волѣ человѣка; что, впослѣдствіи, умъ, прилагая критику къ понятіямъ теологическимъ, съуживаетъ область сверхъестественнаго и вездѣ, гдѣ можно, замѣняетъ эти предполагаемыя воли тайными сущностями и качествами; и что наконецъ опытъ, анализируя явленія, извлекаетъ изъ нихъ *законы*, которые замѣняютъ собой и первоначальныя воли и промежуточныя сущности (метафизическія понятія). Понятно, что этотъ законъ вовсе не есть простой взглядъ, который философія налагаетъ на факты, но результатъ опыта, показывающій, что факты повелѣваютъ философіей. Я не говорю также, чтобы цивилизація могла идти только этимъ путемъ; объ этомъ я ничего не знаю; я говорю только, что этимъ путемъ она шла въ дѣйствительности. Если мы представимъ себѣ въ мысли развитіе этого основного закона, мы увидимъ, что подъ его управленіемъ развертывается передъ нами весь ходъ исторіи.

«Тому, кто будетъ смотрѣть на это зрѣлище, представятся средніе вѣка, періодъ подозрительный для многихъ умовъ; потому что это— эра феодализма и католичества. Феодализмъ, разлагаясь самъ собой и отъ прогресса вещей, тѣмъ не менѣе передавалъ изъ вѣка въ вѣкъ учрежденія, хотя разрушенныя, но гнетущія и непріятныя для людей, которые пробуждались къ новой свободѣ и равенству; буржуазія и народъ были одинаково возстановлены противъ этихъ неумѣстныхъ остатковъ стараго вѣка, и не имѣютъ охоты одобрять въ прошедшемъ того, что̀ они рѣзко и справедливо осудили въ настоящемъ. Противъ католицизма вооружились сначала ересь и реформа, раздѣлившія Европу;

потомъ противъ него боролась наука, и въ этой борьбѣ Галилей составляетъ только одинъ поразительный и трогательный эпизодъ; за наукой послѣдовала свободная мысль; пока она была слаба, къ ней относились сурово, и теперь она, также какъ буржуазія и народъ, не имѣетъ охоты судить благопріятно о томъ вѣкѣ и тѣхъ воззрѣніяхъ, которые хотѣли задушить ее».

Это отвращеніе естественно, но исторически оно ложно, говоритъ Литтрѐ и защищаетъ средніе вѣка, — впрочемъ совершенно не такъ, какъ дѣлаютъ это ихъ поклонники и, между прочимъ, наши ученые старовѣры.

«Научная истина должна всегда высказываться безпристрастно, во что бы то ни стало. Справедливость, которую я отдаю среднимъ вѣкамъ, есть справедливость *историческая*, которая никакимъ образомъ не оказываетъ вліянія на современную борьбу. Мало того; многіе изъ тѣхъ, кто возстаетъ противъ суевѣрія и мрака этого періода, желая однако спасти дорогія имъ лохмотья схоластической теологіи и метафизики, отступаютъ передъ радикальными выводами положительной философіи, — той философіи, которая далеко отбрасываетъ отъ себя всѣ эти лохмотья, но которая, не имѣя ни революціонной ненависти къ эрѣ христіанства, ни христіанской ненависти къ эрѣ язычества, выражаетъ удивленіе и признательность къ послѣдовательному ряду великихъ дѣлъ человѣчества.

«Средніе вѣка не создали условій, въ которыхъ совершалось ихъ образованіе; они получили эти условія готовыми. Такимъ образомъ, на средніе вѣка можетъ быть положена отвѣтственность только за то употребленіе, какое они сдѣлали изъ этихъ условій, или чтобы улучшить ихъ, если они ихъ улучшили, или ухудшить, если ухудшили»...

Періодъ собственно среднихъ вѣковъ Литтрѐ считаетъ съ паденія карловинговъ. За римской имперіей, когда начался упадокъ цивилизаціи, послѣдовала имперія варваровъ, сосредоточившаяся при Карлѣ Великомъ, когда упадокъ дошелъ до своего крайняго пункта; и наконецъ, идутъ средніе вѣка, когда началось возстановленіе цивилизаціи, которое безъ перерывовъ доходитъ до новѣйшаго времени.

Въ общихъ чертахъ историческій взглядъ Литтрѐ состоитъ въ слѣдующемъ:

Характеръ и значеніе среднихъ вѣковъ прежде всего опредѣляются полученнымъ ими историческимъ наслѣдствомъ. Это было наслѣдство отъ римской имперіи. Первые вѣка нашей эры представляютъ постепенное паденіе имперіи; причиной того было вырожденіе соціальнаго и политическаго порядка, на которомъ были построены античныя государства. Упадокъ Рима былъ приведенъ внутри тѣми же причинами, какія произвели упадокъ греческихъ республикъ. Это были государства, построенныя на принципѣ аристократической республики.

Жизненный процессъ развитія Рима состоялъ въ постепенномъ возвышеніи плебса, составлявшаго главную гражданскую массу республики и постепенно пріобрѣтавшаго политическія права, и когда этотъ процессъ былъ въ полномъ своемъ развитіи, Римъ достигъ своего высшаго могущества. Но, съ паденіемъ Гракховъ, этотъ процессъ остановился, и съ тѣхъ поръ началось быстрое и неудержимое разложеніе. Отсутствіе общественной реформы, къ какой стремились послѣдніе представители плебса, Гракхи,—подѣйствовало губительно на весь внутренній бытъ Рима: плебсъ упадалъ все больше и больше, превращаясь въ привилегированный пролетаріатъ; высшая аристократія, соединявщая въ своихъ рукахъ всѣ богатства, была безсильна для политической задачи, и въ римскомъ обществѣ легли зародыши анархіи, которая произвела попытки диктатуры. Цезарь, потомъ Августъ стали этими диктаторами; но такими же диктаторами были бы навѣрно и ихъ противники, если бы побѣда осталась на ихъ сторонѣ. Римскіе цезари вовсе не были представителями плебса, какъ ихъ иногда изображаютъ: «въ Цезарѣ и Августѣ плебейскаго было только борьба ихъ противъ аристократіи; а въ Помпеѣ и Брутѣ республиканскаго было только—аристократическая борьба противъ одного господина». Такимъ образомъ, паденіе плебса продолжалось и въ имперіи. Самовластіе императоровъ довершило внутреннее разстройство. Императоры конфисковали, когда вздумается, имѣнія богатыхъ; но крупная собственность все-таки продолжала возрастать и увеличивать бѣдность массы; фискъ грабилъ городскія куріи, на которыхъ лежала отвѣтственность за подати; куріи въ свою очередь грабили низшихъ гражданъ... Къ этому присоединилось, наконецъ, нашествіе варваровъ.

«Тогда—говоритъ Литтрè—произошло очень странное явленіе, которое было бы необъяснимымъ, если не принять въ соображеніе общаго состоянія времени. Свобода перестала быть особенно желательнымъ благомъ; многіе увидѣли, что не могутъ содержать себя сами, и искали покровительства у людей болѣе сильныхъ, чѣмъ они. Движеніе, разъ начавшись въ этомъ смыслѣ, уже не останавливалось. Имперія разрушается, и въ ней основываются варвары. Въ столь продолжительномъ потрясеніи, отдѣльный человѣкъ больше и больше терялъ свою силу; по мѣрѣ того, какъ время идетъ, люди свободные исчезаютъ и является множество разныхъ категорій зависимости: каждый становится чьимъ нибудь «человѣкомъ». Такимъ образомъ начинается и утверждается *феодализмъ*».

Итакъ, зародыши феодализма даны были самимъ древнимъ міромъ. Феодализмъ былъ выше порядковъ римской имперіи уже тѣмъ, что онъ представилъ собою извѣстную общественную организацію, которая тамъ исчезла, въ которой хотя и была зависимость, но уже не было рабства. Наконецъ, онъ представилъ возможность дальнѣйшаго раз-

витія. Изъ этого порядка въ дальнѣйшемъ ходѣ вещей естественно развивается другой порядокъ, элементы котораго также даны были отчасти древнимъ міромъ.

«Завоеваніе имперіи—продолжаетъ Литтрè—сдѣлало этотъ феодализмъ преимущественно германскимъ; но существенное здѣсь то, что, при неисправимомъ разложеніи имперіи, онъ сталъ новой организаціей. Въ самомъ дѣлѣ, когда различные классы общества разъ стали подъ власть своихъ начальниковъ, и когда феодальныя обязательства возъимѣли разъ свое взаимное дѣйствіе, то обнаружилось движеніе, обратное тому, которое обозначило упадокъ имперіи; предметомъ желаній стало *освобожденіе;* коммюны добыли себѣ свободу, но уже *отличную* отъ той, какую имѣли граждане Рима и Аѳинъ; свободу, которая уже не имѣла подъ собой населенія изъ *рабовъ.* Въ этомъ основномъ результатѣ мы можемъ видѣть то вліяніе, которое произведено было новымъ соціальнымъ порядкомъ на общій составъ понятій».

Такъ происходила смѣна общественныхъ порядковъ и понятій, первый корень которыхъ данъ былъ римской имперіей. Въ этой имперіи стало организовываться и христіанство. Его распространеніе было въ большой мѣрѣ приготовлено тѣмъ же старымъ періодомъ: такимъ приготовительнымъ явленіемъ былъ полный упадокъ и истощеніе языческаго политеизма, который уже давно сталъ предметомъ сомнѣнія для болѣе развитыхъ людей, наконецъ былъ совершенно отвергнутъ философіей и остался только суевѣрной пищей для массы. Въ самомъ языческомъ мірѣ рождалась потребность новой религіи, и когда явилось христіанство, оно удовлетворило этой потребности больше, чѣмъ могли удовлетворить другія существовавшія религіи, эллинизмъ или іудейство. Сила религіозной потребности, обнаружившейся въ это время, выразилась и въ томъ, что само язычество, почувствовавъ слабость своихъ преданій, стало искать возрожденія въ союзѣ съ философіей: оно усилило себя гностическими элементами и неоплатонизмомъ, но не могло выдержать борьбы съ христіанствомъ. Этотъ переходъ отъ стараго язычества къ новому язычеству и затѣмъ къ христіанству Литтрè изображаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Старое язычество, съ многоразличнымъ вмѣшательствомъ всѣхъ боговъ во всѣ событія жизни и всѣ области міра, было достаточно для умовъ, которые требовали только такого непосредственнаго соприкосновенія божественнаго съ человѣческимъ. Этому соотвѣтствовали и ихъ понятія. Ихъ міръ былъ въ гармоніи съ богами міра, и эти люди удовлетворялись вполнѣ; религіозныя потребности не встрѣчали никакого внутренняго противорѣчія, которое бы заставляло сомнѣваться въ этой религіи. До тѣхъ поръ, пока это умственное состояніе политеистическихъ населеній поддерживалось, политеизмъ былъ крѣпокъ и допускалъ всю возможную для него цивилизацію, и эта ци-

вилизація, за извѣстными ограниченіями, была въ самомъ дѣлѣ удивительна, т. е. прекрасна въ настоящемъ и плодотворна для будущаго. Но когда (вслѣдствіе развитія самой античной цивилизаціи, ея собственныхъ знаній и философіи) уже не представлялось больше возможности понимать міръ такъ, чтобы боги могли имѣть въ немъ какое-нибудь мѣсто, когда такой взглядъ пересталъ быть разсудительнымъ, тогда началось безпокойное чувство религіозной неудовлетворенности; и такъ какъ все-таки это были еще вѣка̀, близкіе къ эрѣ христіанства, т. е. времена, когда предполагалось, что природа управляется божественными лицами, то отсюда произошло чрезвычайное суевѣріе, алчное и необузданное даже тогда, когда оно было невѣрующимъ и хвасталось своимъ презрѣніемъ къ вѣрованіямъ толпы. Таково было состояніе язычества, которое хотятъ характеризовать, называя его *смертью* язычества: метафорическое выраженіе, которое полезно перевести точнымъ словомъ, чтобы не было сомнѣнія относительно сущности дѣла. Это объясненіе *смерти* язычества показываетъ, что̀ надобно понимать подъ воскресеніемъ, которое за ней послѣдовало: это было возстановленіе умственнаго равновѣсія, т. е. извѣстное согласіе между тѣмъ, чему вѣрили, и тѣмъ, что̀ знали. Зрѣлище, представляемое этими вѣками, несмотря на столько частныхъ безпорядковъ, катастрофъ и упадка, есть прекрасное зрѣлище: покрывало какъ будто разрывается, и глазамъ открывается громадная перспектива. Высшей заботой и интересомъ становится забота о вещахъ божественныхъ; умъ, пораженный тѣмъ, что̀ онъ видитъ, находитъ безконечное удовлетвореніе въ томъ, чтобы ознакомиться съ тѣми новыми областями, которыя передъ нимъ открылись и овладѣть ими. Боги, преобразованные для язычниковъ, исчезнувшіе для христіанъ, оставляютъ столько пустыхъ мѣстъ! Устройство и управленіе міра являются совершенно иными, чѣмъ они когда нибудь представлялись прежде; и проникнуть въ эти глубины съ свѣтильникомъ, который зажигался прежде только для немногихъ мудрецовъ, изслѣдовать вещи, происходившія изъ этой великой перемѣны, и ввести ихъ въ сознаніе человѣческаго рода, — вотъ дѣло, которое становится предметомъ труда и страстью тогдашнихъ людей».

Этотъ процессъ — смерти и возрожденія религіозныхъ понятій — совершался въ средѣ древняго міра, собственными силами его элементовъ, такъ что и въ этомъ отношеніи античный міръ давалъ уже тѣ начала, которыя должны были потомъ развиваться въ среднихъ вѣкахъ. Старое язычество пыталось подняться на философскую высоту, чтобы оспорить успѣхи и распространеніе христіанства; но эта оппозиція была однако безуспѣшна. Христіанство само уже вскорѣ вооружилось философскими орудіями; а на массы оно дѣйствовало несравненно сильнѣе непосредственной проповѣдью и энергіей прозели-

товъ: нравственная сторона новой религіи стояла несравненно выше того, что представляли идеалы античной философіи и языческая религіозная обрядность. Все это дало христіанству окончательный успѣхъ.

Но почему римская имперія пала передъ варварами, не смотря на обращеніе къ христіанству? Христіанство было безсильно спасти имперію; оно въ самомъ началѣ выбрало себѣ другой путь и не бралось за мудреный политическій вопросъ спасенія имперіи. — «Когда на оскорбительную насмѣшку язычниковъ, требовавшихъ, чтобы новая религія одерживала побѣды, — говоритъ Литтрè, — христіанство отвѣчало указывая на небо, ожидаемое жилище вѣрныхъ, оно очевидно предоставляло земной власти идти къ своему паденію, и чувствовало, что его миссія не состояла въ томъ, чтобы объяснять это паденіе». Христіанство отдѣлило себя отъ имперіи, и когда имперія пала, христіанство уцѣлѣло въ ея разгромѣ. Христіанство съ самаго начала не думало ограничиваться предѣлами имперіи, но долго оно должно было однако оставаться въ этихъ предѣлахъ, гдѣ всѣ условія и уровень цивилизаціи способствовали его расширенію; но потомъ оно овладѣло и варварами. «Оно присоединилось къ варварамъ, обратило ихъ, засѣдало въ ихъ совѣтахъ, оказывало вліяніе на ихъ правительство, проникло въ феодализмъ, и поставило рядомъ съ королями папу, рядомъ съ сеньорами епископовъ и аббатовъ, рядомъ съ народомъ городовъ и деревень — низшихъ священниковъ, повсюду внося свой высокій характеръ, т. е. независимость духовной власти и сохраненіе вѣры и нравственности».

Въ общемъ выводѣ, Литтрè не видитъ въ переходѣ римской имперіи къ новымъ временамъ такого рѣзкаго перерыва, какой видятъ въ этомъ обыкновенно. По его мнѣнію, развитіе продолжалось послѣдовательно, и перерыва собственно не было. Римская имперія пала отъ истощенія политическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ идей античнаго міра; паденіе это было медленное, но въ ту минуту, когда она пала явно, такъ сказать оффиціально, изъ этого паденія уцѣлѣли зачатки новаго общественнаго порядка и новая религія, развивать которые и предоставлено было среднимъ вѣкамъ. Новая религія была христіанство, раздѣлившее духовную власть отъ свѣтской; новый порядокъ — феодализмъ, въ которомъ уже не было древняго рабства. Это были формы болѣе совершенныя, чѣмъ формы римскія, и образованіе ихъ принадлежитъ еще древнему міру.

Но варвары, разрушившіе имперію?... Обыкновенно этимъ варварамъ приписывается обширное значеніе въ этомъ переворотѣ; самая возможность возрожденія цивилизаціи считается дѣломъ новыхъ племенъ, кровь которыхъ оживила ослабѣвшее латинское племя; только варваровъ считаютъ обыкновенно первыми начинателями новой исторіи.

Новѣйшая историческая литература переполнена разсужденіями на эту тему, и поэтическая романтика сходилась съ романтикой ученой въ поклоненіи передъ средними вѣками, въ которомъ это возвеличеніе расы составляетъ одно изъ основныхъ положеній. По мнѣнію романтиковъ, тотъ поворотъ цивилизаціи, какой совершился на границѣ между римской имперіей и средними вѣками, былъ именно и исключительно заслугой новыхъ свѣжихъ племенъ: по ихъ взгляду выходитъ такъ, — что достаточно было быть новымъ племенемъ, чтобы получить первое мѣсто и пріобрѣсти историческую заслугу; довольно было придти послѣ, чтобы быть лучше. У нѣмецкихъ историковъ національный патріотизмъ вполнѣ развилъ эту тему въ пользу германскаго племени. Въ нашей литературѣ, какъ извѣстно, таже тема развивается въ пользу славянскаго племени, потому что оно пришло еще позднѣе.

Литтрѐ смотритъ на приходъ варваровъ и на роль ихъ въ разрушеніи имперіи совершенно иначе, и въ его выводахъ (которые, замѣтимъ кстати, дѣлались подобнымъ образомъ и однимъ изъ нашихъ писателей), по нашему мнѣнію, есть очень много вѣрнаго, что можетъ служить полезнымъ противоядіемъ противъ преувеличеній учено-романтической школы. Литтрѐ ставитъ вопросъ такъ:

«Существуетъ извѣстная цивилизація; варварскіе народы дѣлаютъ вторженіе и основываются господами среди цивилизованнаго населенія: какой будетъ результатъ этого? Такова задача, которую рѣшило нашествіе германскихъ племенъ. Удержался ли умственный уровень, или онъ понизился? Осталось ли управленіе нетронутымъ? И если на дѣлѣ пострадало все, то до какого пункта достигъ безпорядокъ? И что̀ дѣлало древнее общество для излеченія ранъ, ему нанесенныхъ? Нѣтъ сомнѣнія, что историческая наука имѣетъ передъ собой трудъ чрезвычайно любопытный и полезный.

«Утверждаютъ, и это стало уже очень избитымъ общимъ мѣстомъ, что германское нашествіе было благодѣяніемъ для римской имперіи, что оно *обновило* истощенную кровь и смѣнило выродившееся населеніе молодымъ и сильнымъ народомъ; что еслибы этого событія не произошло, упадокъ продолжался бы безъ препятствій до предѣла, который трудно указать. На мой взглядъ нѣтъ ничего ошибочнѣе этого утвержденія. Можно сказать, быть можетъ абсолютно, что германское нашествіе произвело только невознаградимое зло».

Литтрѐ вполнѣ соглашается съ однимъ французскимъ изслѣдователемъ этихъ временъ (Гераромъ), опровергавшимъ также это мнѣніе, которое, «или изъ любви къ добродѣтели варваровъ и къ таинственной прелести мрачныхъ лѣсовъ, или изъ почтенія къ Провидѣнію, располагающему человѣческія дѣла къ лучшему, — съ сочувствіемъ слѣдитъ за переходомъ дикихъ ордъ черезъ Рейнъ и за быстрымъ движеніемъ этихъ племенъ черезъ имперію». Мы упоминали,

что это мнѣніе было принадлежностью цѣлаго романтическаго направленія литературы, развившагося во времена реставраціи. Литтрè принимаетъ слова Герара, что если съ обѣихъ сторонъ, т. е. со стороны и имперіи и варваровъ, былъ упадокъ или грубость, то доля, внесенная варварами въ тогдашнюю жизнь, все-таки была худшая: духъ независимости, одушевлявшій ихъ, былъ не что иное, какъ неудержимая наклонность необузданно предаваться своимъ дикимъ страстямъ и грубымъ инстинктамъ; презрѣніе къ смерти было только жадностью къ добычѣ. Литтрè дѣлаетъ одну оговорку въ указанномъ выше смыслѣ, что паденіе стараго римскаго порядка было вмѣстѣ съ тѣмъ и возникновеніемъ новаго, которому и предстояло будущее: это обновленіе совершалось силами самой античной цивилизаціи, и сѣмена нравственнаго перерожденія были посѣяны еще греческими философами, которыхъ критика разрушила въ умахъ всѣ опоры политеизма, такъ что дорóга для новой религіи была уже приготовлена. Правда, современные римскіе писатели не замѣчали переворота, происходившаго на ихъ глазахъ, но тоже бываетъ и теперь. — «Уже вѣкъ тому назадъ, подверглись нападенію средневѣковыя схоластическія традиціи нашего общества; католико-феодальное общество низвергнуто, и въ европейской республикѣ собираются другіе элементы, столько же мало замѣчаемые нашими государственными людьми, какъ мало замѣчались тогда элементы христіанскаго общества». Сдѣлавъ это замѣчаніе, Литтрè продолжаетъ:

«Устранивъ такимъ образомъ всякія недоразумѣнія о томъ, кàкъ слѣдуетъ понимать разложеніе античнаго общества, легко опредѣлить смыслъ нашествія сѣверныхъ народовъ. Прямое зло, причиненное ими, извѣстно и признано всѣми; но имъ силятся приписать косвенное благо и такіе результаты, которые въ концѣ концовъ были выгодны. Посмотримъ, чтó это такое. Въ то время положеніе міра требовало и обѣщало разрушеніе политеизма, утвержденіе христіанства, отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской, распространеніе нравственности на всѣ человѣческие индивидуумы, и потому, уничтоженіе рабства, однимъ словомъ, лучшую теологію и лучшее политическое устройство. Какую пользу принесли варвары во всемъ этомъ? Нѣтъ сомнѣнія, что они не подвинули утвержденія христіанства, не служили дѣлу нравственности, и рабство не пошло скорѣе къ своему уничтоженію. Напротивъ того, безпорядокъ, распространенный ими вездѣ, замедлилъ необходимыя перемѣны и надолго затруднилъ ихъ. Мало того, умственный уровень понизился; и точно также какъ смѣсь горячей и холодной воды принимаетъ среднюю температуру, такъ эта смѣсь варварства и цивилизаціи дошла до средней ступени, на которой она колебалась до тѣхъ поръ, пока безпорядокъ улегся, новопришедшіе перемѣшались съ старымъ населеніемъ, и пока силы, созданныя *до* на-

шествія, снова начали дѣйствовать и подняли цивилизацію до болѣе высокой точки, чѣмъ она стояла въ древности».

Литтрѐ доказываетъ свое положеніе и гипотетическимъ образомъ; предположивъ, что варвары были цивилизованы и судьба имперіи шла безъ этихъ внѣшнихъ помѣхъ, онъ находитъ, что переходъ древняго міра къ новому былъ бы короче и лучше.

«Разсмотрѣніе подобныхъ гипотетическихъ случаевъ, — продолжаетъ онъ, — полезно тѣмъ, что оно заставляетъ старательно отличать въ исторіи то, что́ *необходимо*, отъ того, что́ является въ ней *случайнымъ*. Въ настоящемъ случаѣ, необходимое—есть развитіе зародышей, положенныхъ въ обществѣ наукой, философіей, литературой, искусствами, нравами и учрежденіями, и это такъ необходимо, что самое страшное нашествіе варваровъ, какое только помнитъ исторія, не могло одолѣть и похоронить цивилизаціи подъ развалинами городовъ и подъ ногами завоевателей. Случайнымъ былъ напримѣръ особенный характеръ Тиберія, который боялся Германика и думалъ, что долженъ держаться чисто-консервативной политики. Общественное тѣло такъ сложно и образуется изъ столькихъ элементовъ, солидарныхъ между собой, что въ немъ безпрестанно происходятъ пертурбаціи. Эти нарушающія причины каждую минуту разстроиваютъ правильный ходъ вещей и занимаютъ въ немъ очень значительное мѣсто, которое можно назвать случайнымъ, т. е. находящимся внѣ всякаго разсчета и теоріи. Я этимъ вовсе не хочу сказать, чтобы эти причины не имѣли своего основанія; но они не принадлежатъ къ историческому порядку, а бываютъ или физическія или физіологическія. Такимъ образомъ, наводненіе, которое, какъ говорятъ, выгнало кимвровъ изъ ихъ жилищъ и которое такъ сильно угрожало римской исторіи, было причиной физической. Болѣзнь, причинившая смерть Александра и имѣвшая такое большое вліяніе на ходъ событій, была причиной физіологической. Дѣйствіе этихъ случайностей бываетъ велико, оно видоизмѣняетъ исторію въ извѣстныхъ границахъ, и не можетъ быть подчинено никакой комбинаціи. Таково въ исторической наукѣ отдѣленіе необходимаго и случайнаго, произвольнаго и правильнаго, пертурбаціи и закона *).

---

*) Это мѣсто у Литтрѐ напоминаетъ намъ новѣйшую попытку нашего талантливаго романиста, гр. Л. Н. Толстаго, доказать своимъ романомъ «Война и Миръ» (если только можно такимъ образомъ что-нибудь доказывать), что историческая жизнь человѣчества есть жизнь «безсознательная, роевая» и т. д. Еще одинъ шагъ, и послѣдователи философіи исторіи Л. Н. Толстаго будутъ вынуждены, по прирожденной человѣку логикѣ, ввести въ число историческихъ факторовъ нечистую силу, вѣдьмъ и т. под. Наука ищетъ, по возможности, ограничить кругъ случайнаго, а нашъ романистъ желаетъ ввести случай даже и въ тѣ области, которыя уже вырваны наукой изъ рукъ случая. Но у Литтрѐ, Л. Н. Толстой нашелъ бы для себя объясненіе, а

«Говорятъ, — продолжаетъ Литтрè, — что варвары обновили свѣжей кровью истощенную и выродившуюся кровь романскихъ населеній. Эта фраза, часто повторяемая и какъ будто имѣющая видъ строгой научности, заключаетъ въ себѣ двѣ ошибки, — одну физіологическую, другую историческую. Что̀ значитъ въ физіологіи улучшить кровь? Это значитъ ввести въ расу индивидуумы, одаренные высшими качествами. Черезъ наслѣдственность, составляющую свойство живыхъ тѣлъ, эти качества переходятъ къ потомкамъ; и если при этомъ позаботятся отклонить смѣсь съ низшими индивидуумами, то̀ можно достигнуть усовершенствованнаго типа, который размножается самъ собой. Такимъ образомъ достигнута была раса англійской лошади. Происходило ли что-нибудь подобное при смѣшеніи варваровъ съ романскими населеніями? Конечно, нѣтъ. По теоріи наслѣдственности, дикіе народы, у которыхъ меньше идей и способностей, чѣмъ у народовъ цивилизованныхъ, своей примѣсью могутъ вліять только неблагопріятно, и исторія доказываетъ, что, далеко не улучшая крови, они напротивъ сами нуждаются въ такомъ улучшеніи. Проходитъ всегда много времени, пока они дѣлаются способны воспринимать даже такія идеи, которыя кажутся намъ самыми простыми. Это именно препятствіе и дѣлаетъ напрасными всякія попытки примѣнять къ отсталымъ націямъ учрежденія націй болѣе цивилизованныхъ, и оно всегда замедляетъ перерожденіе тѣхъ, которыя, по какой бы ни было причинѣ, упали въ низшее состояніе. Такимъ образомъ, физіологически, не варвары улучшили романское населеніе, а романское населеніе улучшило варваровъ. Но такъ какъ нашествіе было многолюдно, то произошло конечно пониженіе типа. Въ галло-римлянъ вошло извѣстное количество дикости, упрямства и тупости, и это въ значительной степени было виной той медленности, съ которой происходило обновленіе.

«Исторически, ошибка, указываемая мной, также значительна; она происходитъ отъ страннаго смѣшенія и неполнаго пониманія вещей. Говорятъ, варвары помолодили устарѣвшее общество. Да, правда, тогда было устарѣвшее общество; но варвары не помолодили его, и обломки, еще остававшіеся отъ него, продолжали разлагаться и наконецъ совершенно исчезли: это устарѣвшее общество — было общество языческое, разрушенное безвозвратно внутренней работой идей. Но рядомъ съ нимъ было новое общество, которое развивалось собственными силами и было естественнымъ продуктомъ древней цивилизаціи; это послѣднее общество не имѣло никакой нужды въ вмѣшательствѣ варва-

именно, что историческая «аберрація» не уничтожаетъ добытыхъ историческихъ законовъ, и что, по поводу этой аберраціи, не слѣдуетъ еще приглашать насъ вернуться въ состояніе простодушнаго невѣжества. — *Ред.*

ровъ для своего процвѣтанія, и конечно, рядомъ съ нимъ германцы, съ своимъ дикимъ Олимпомъ, съ богами, пившими изъ непріятельскихъ череповъ, съ своей жизнью, лишенною всякой культуры, принадлежали въ сущности міру болѣе древнему и болѣе отдаленному историческому періоду, чѣмъ самое язычество (греко-римское), которое было однако брошено новымъ римскимъ обществомъ, какъ старое платье. Итакъ, въ минуту нашествія варваровъ въ античномъ мірѣ было не одно устарѣвшее общество, а два общества: одно старое, другое новое; одно—больное до того, что уже никакое лекарство не могло продлить его существованія, и даже блестящій Юліанъ потерпѣлъ неудачу въ этомъ ретроградномъ предпріятіи; другое—здоровое и выроставшее съ такой силой, что оно не только освободилось отъ связывавшихъ его пеленокъ, но покорило варварское нашествіе и поглотило его».

Литтрѐ не могъ конечно упустить изъ виду доказательства своей мысли, которое представляетъ романскій языкъ, языкъ народовъ, образовавшихся на почвѣ римской имперіи послѣ варварскаго нашествія. Германскіе элементы въ романскихъ языкахъ играютъ несравненно меньшую роль, чѣмъ ихъ старые римскіе элементы.—«Знаменитый нѣмецкій ученый, Гриммъ, — говоритъ Литтрѐ по этому поводу, — сожалѣлъ, что дѣло не произошло иначе, и что германскія нарѣчія, внесенныя нашествіемъ, не получили преобладанія, какъ въ Англіи, и не заняли мѣста романскаго. Я не могу присоединиться къ этому сожалѣнію; вовсе не потому, чтобы мнѣ было пріятнѣе, чтобы наша (французская) національность была—лучше латинская, чѣмъ германская—у меня нѣтъ этой заботы о расахъ; но я полагаю, что эта побѣда романскаго надъ германскимъ была знáкомъ времени и показывала, что уменьшеніе нравственности и просвѣщенія, необходимо сопровождавшее такой переворотъ, было менѣе важно и менѣе продолжительно, чѣмъ если бы шансы повернулись иначе. О качествахъ латинской среды можно составить себѣ идею и по другой сторонѣ дѣла: это — сравнивъ германцевъ переселившихся съ германцами, оставшимися въ Германіи. Между тѣмъ какъ эти послѣдніе еще продолжаютъ поставлять только дикихъ воителей, пиратовъ и грабителей, между первыми являются ученые люди, святые монахи, апостолы, знаменитые государи, и величайшій изъ всѣхъ, Карлъ Великій, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и послѣднимъ изъ германцевъ на латинскомъ западѣ: его внукъ, Карлъ Лысый, говорилъ уже по романски».

Въ томъ же смыслѣ Литтрѐ судитъ о томъ нравственномъ содержаніи, какое могло быть внесено варварами въ римскую жизнь и которое обыкновенно такъ высоко цѣнятъ ученые приверженцы среднихъ вѣковъ. Приводя замѣчанія одного историка о грубости франкскихъ нравовъ и о томъ, что франки были плохіе христіане, Литтрѐ говоритъ:—«По

моему мнѣнію, это нравственное состояніе франковъ и другихъ варваровъ было совершенно естественно и въ порядкѣ вещей, и я объясняю его по *законамъ наслѣдственности*, теперь хорошо установленнымъ, и по *сравненію съ дикими и полудикими племенами*, которыя были наблюдаемы въ послѣднія триста лѣтъ въ новооткрытыхъ странахъ. Наслѣдственность, т. е. наклонности пріобрѣтенныя и передаваемыя образомъ жизни и обстановкой, неизмѣняющимися въ теченіе долгаго времени, сохраняютъ свое вліяніе долго послѣ того, какъ этотъ образъ жизни и обстановка измѣняются; отсюда происходитъ абсолютная невозможность для населенія, подвергнутаго такъ сказать этому соціальному опыту, войти безъ переходнаго пункта въ новыя идеи, новыя привычки, новые нравы. Голова и сердце одинаково сопротивляются этому; ни просвѣщеніе, ни нравственность не проникаютъ въ нихъ. По этой же самой причинѣ, эти племена, перемѣняя религію, не перемѣняютъ своего культа. Франкъ смотрѣлъ на реликвіи точно также, какъ прежде смотрѣлъ на своихъ собственныхъ боговъ; это былъ божественный предметъ, который могъ приводить человѣка въ трепетъ, но не имѣлъ никакого нравственнаго и христіанскаго вліянія. Иной варваръ, готовясь совершить какое нибудь кровавое насиліе въ священномъ мѣстѣ, справлялся, не имѣетъ ли святой обычая мстить за насилія, производимыя въ его святилищѣ. Вотъ настоящее состояніе христіанства у этихъ варваровъ, вдругъ обратившихся къ христіанству устами, а не сердцемъ. Такъ на о. Сенъ-Доминго, уже давно католическомъ, негръ еще не потерялъ своей наклонности къ фетишизму; и рядомъ съ Мадонной, передъ которой онъ смиренно преклоняется, онъ имѣетъ свой тайный и ревностный культъ къ ящерицѣ, которой поклонялись его предки.... Нужно извѣстное время, чтобы новая наслѣдственность, повторяясь, ассимилировала новыхъ пришельцевъ. До тѣхъ поръ они остаются на низшей ступени умственной и нравственной; и если случайность обстоятельствъ даетъ имъ власть, то нѣтъ излишества, которому бы они не предались».

Въ этомъ опредѣленіи отношеній среднихъ вѣковъ къ античному міру, безъ сомнѣнія, есть чрезвычайно много справедливаго. Въ самомъ дѣлѣ, ученые, выставлявшіе противоположную точку зрѣнія, т. е. изображавшіе варваровъ обновителями одряхлѣвшаго античнаго міра, черезъ мѣру идеализировали своихъ героевъ и забывали настоящую жизнь того времени, на дѣлѣ очень грубоватую. И нельзя не согласиться съ Литтрѐ, что въ романтической постановкѣ вопроса нарушался и самый законъ историческаго развитія: древняя цивилизація обрывалась, и новое племя съ самаго начала является привилегированнымъ рѣшителемъ судебъ цивилизаціи, какъ будто даромъ прошли всѣ долгіе вѣка, создавшіе образованность Греціи и Рима. Литтрѐ болѣе правъ, когда думаетъ, что историческая традиція образованія вовсе не преры-

валась, а только была на время подавлена дикимъ нашествіемъ. Это нашествіе историческіе фаталисты представляютъ исторической необходимостью, явившеюся какъ разъ въ то время, когда нужно было оживлять Римъ свѣжею кровью. Нѣтъ сомнѣнія, что и это утвержденіе совершенно произвольно; причины, произведшія великое переселеніе народовъ, не имѣли никакой связи съ внутреннимъ развитіемъ римской имперіи и съ возникновеніемъ христіанства, и для Рима, конечно, не могло быть никакой субъективной необходимости въ нашествіи варваровъ.

Книга Литтрè составлена изъ статей, писанныхъ имъ по поводу различныхъ изслѣдованій о среднихъ вѣкахъ; ея содержаніе опредѣляется этими внѣшними поводами, и хотя всѣ отдѣльныя статьи сводятся къ общему вопросу о варварахъ и среднихъ вѣкахъ, но онъ конечно разработывается не вполнѣ и неравномѣрно. Но если въ книгѣ Литтрè и нѣтъ цѣльнаго систематическаго изложенія, общая мысль достаточно разъясняется въ отдѣльныхъ частностяхъ, на которыхъ онъ останавливается. Любопытны, напр., его замѣчанія о состояніи науки на западѣ до введенія арабскихъ книгъ. Основываясь на указаніяхъ Дарамберга, Литтрè объясняетъ, что научная римская традиція не прерывалась и въ томъ періодѣ варварской имперіи; отъ VI до XI-го столѣтія, который считается вообще самымъ мрачнымъ періодомъ среднихъ вѣковъ,—такъ что арабская ученость, вновь познакомившая западъ съ произведеніями греческой философіи и науки, нашла уже нѣсколько подготовленную почву. Арабскія книги потому собственно и могли возбудить здѣсь вниманіе и наука могла найти ревностныхъ послѣдователей, что интересъ мысли, хотя и чрезвычайно подавленный невѣжествомъ варваровъ, продолжалъ жить на латинской почвѣ и одушевлять лучшіе умы.

Во всемъ этомъ есть много справедливаго; но, по нашему мнѣнію, для полной доказательности своего взгляда Литтрè нужно было бы еще опредѣлить мѣру того упадка древней цивилизаціи, который былъ произведенъ въ началѣ самимъ же христіанствомъ. По своей ревнивой борьбѣ съ политеизмомъ, древнее христіанство, какъ извѣстно, отвергало и многое въ самой древней образованности: наука древнихъ становилась ненужна его послѣдователямъ; искусство—также, и погибель древнихъ памятниковъ, обозначившая начало среднихъ вѣковъ, была виной не однихъ варваровъ. Такимъ образомъ, въ общемъ счетѣ, который Литтрè выводитъ въ пользу *новаго* общества, развивавшагося въ средніе вѣка изъ основаній древней цивилизаціи,—въ этомъ счетѣ долженъ быть сдѣланъ извѣстный вычетъ. Съ этимъ вычетомъ, мнѣнія Литтрè, какъ намъ кажется, будутъ ближе къ истинѣ.

Наконецъ, Литтрè не считаетъ средніе вѣка чѣмъ нибудь законченнымъ и установившимъ какіе нибудь неизмѣнные и обязательные

для послѣдующихъ временъ принципы: католическая церковь и феодализмъ, господствующіе надъ средними вѣками, окончили свою историческую роль съ окончаніемъ этого періода, и XIV-й вѣкъ, который Литтрѐ считаетъ гранью среднихъ вѣковъ, открываетъ собой новую эпоху. Четырнадцатое столѣтіе уже заявило тотъ поворотъ, который развился потомъ въ открытую оппозицію въ XVI в., и потому это столѣтіе по справедливости можетъ считаться началомъ новаго движенія. Съ этихъ поръ общество перестаетъ удовлетворяться своими прежними руководителями, и ищетъ себѣ новыхъ идей и новыхъ учрежденій. Эта борьба противъ стараго и процессъ развитія новыхъ общественныхъ и нравственныхъ идей составляютъ содержаніе новой исторіи. Средніе вѣка остаются съ своимъ относительнымъ значеніемъ; они были перепутьемъ цивилизаціи; ихъ образованность и учрежденія сдѣлали свое для своего времени; средніе вѣка не были безсодержательнымъ періодомъ мрака и суевѣрія, какъ утверждаютъ слишкомъ требовательные скептики, но они не были и такимъ идеальнымъ временемъ, какимъ представляютъ ихъ романтики и клерикалы.

Такой общій выводъ кажется вовсе не новымъ; но мы думаемъ, что въ нашей литературѣ и наукѣ многимъ было бы не безполезно вникнуть въ историческія соображенія, которыми достигается этотъ выводъ, и въ тѣ логическія послѣдствія, какія изъ него проистекаютъ. Въ нашей литературѣ въ послѣднее время очень часто повторяются взгляды, противъ которыхъ споритъ Литтрѐ; къ намъ они переносятся конечно прямо изъ той же западной литературы, авторитетъ которой мы такъ любимъ отвергать, и преимущественно изъ нѣмецкой (хотя они имѣютъ много представителей и во французской, и въ англійской литературѣ),—и въ параллель этой нѣмецкой романтикѣ и возвышенію среднихъ вѣковъ до идеала національнаго развитія является русская романтика. Средніе вѣка и для насъ принимаютъ идеальный колоритъ, мѣшающій ихъ историческому пониманію. Пріемы одни и тѣже: тамъ являются привилегированной расой германцы, которые принесли «свѣжую кровь» и новыя, имъ только однимъ свойственныя начала цивилизаціи; у насъ — славянское племя, также «свѣжее», также обладающее своими исключительными духовными свойствами и міровоззрѣніемъ и не зараженное болѣзнями западной цивилизаціи; тамъ средніе вѣка кажутся любезны своей наивной «непосредственностью» и единствомъ своего «народнаго» міровоззрѣнія»; у насъ также восхищаются непосредственностью и стремятся къ ея возстановленію, и т. п. Но есть и разница: если тамъ литература имѣетъ достаточно независимости, чтобы бороться съ ретроградными наклонностями, къ которымъ романтика довольно склонна, то у насъ литература находится съ этой стороны въ менѣе удобномъ положеніи.

Правильное разрѣшеніе вопроса о цивилизаціи среднихъ вѣковъ и

отношеніи ея къ древнему міру получаетъ такимъ образомъ большую важность для рѣшенія самыхъ вопросовъ настоящаго, общественныхъ и нравственныхъ. Въ нашемъ обществѣ, также какъ въ западномъ, является вопросъ о значеніи старыхъ традицій, о степени ихъ дѣйствительности для настоящаго, и нѣтъ сомнѣнія, что историческое изслѣдованіе даетъ—конечно, не единственное, но одно изъ главныхъ средствъ для рѣшенія дѣла. Основываясь на томъ ученіи о расахъ, противъ котораго споритъ Литтрè, у насъ также утверждали нерѣдко, что мы должны создать свою цивилизацію, что старая насъ не удовлетворяетъ и т. п. Но отношеніе новыхъ расъ къ цивилизаціи опредѣляется, какъ мы видѣли, совершенно иначе. Германцы не создавали новой цивилизаціи: сначала они были вовсе неспособны принимать ее, потому что она стояла выше ихъ, и если черезъ нѣсколько поколѣній они стали въ ней воспріимчивы, то это произошло именно отъ того, что они успѣли ознакомиться съ содержаніемъ старой цивилизаціи и тѣмъ подняли свой умственный уровень. Съ этихъ поръ только для нихъ стала возможна самостоятельная дѣятельность. И тогда имъ не было нужно создавать сначала какую нибудь особенную цивилизацію. Они только послѣдовательно развивали тотъ запасъ идей и знаній, какой они получили прежде, и который стали увеличивать теперь собственнымъ трудомъ. Первымъ блистательнымъ періодомъ новой европейской образованности былъ именно періодъ возрожденія, т. е. именно время, когда новое образованіе всего меньше думало отказываться отъ великихъ произведеній чужой мысли и чужого времени. Эта строгая школа возрожденія была первымъ шагомъ новой образованности западной Европы.... Въ нашей исторіи совершается нѣчто подобное послѣ эпохи Петра Великаго. Первыя поколѣнія въ преобразованной Россіи заняты были именно задачей—повысить свой умственный уровень до того, какой существовалъ въ западной Европѣ; отсюда—подражательность, которую такъ осуждаютъ наши новѣйшіе критики и которая служитъ, однако, совершенно неизбѣжнымъ, единственно возможнымъ и очень полезнымъ для будущаго направленіемъ умственной дѣятельности нашего общества. Этотъ періодъ усвоенія, собственно говоря, не кончился для насъ и до сихъ поръ....

Съ своей точки зрѣнія, Литтрè главнѣйшимъ интересомъ историческаго знанія ставитъ развитіе человѣческой цивилизаціи; на этомъ онъ сосредоточиваетъ вниманіе въ своемъ изслѣдованіи о среднихъ вѣкахъ, и этимъ опредѣляются его историческіе приговоры. Въ этомъ смыслѣ онъ считаетъ германское нашествіе гибельнымъ, а вліяніе католической церкви и феодализма благотворнымъ—въ тѣ первыя времена среднихъ вѣковъ, когда католицизмъ представлялъ собой лучшее удовлетвореніе нравственныхъ интересовъ времени, а феодализмъ—интересовъ общественнаго устройства. Положеніе своей критики въ

вопросѣ о католицизмѣ, этомъ пробномъ камнѣ «романскаго» писателя, Литтрѐ опредѣляетъ слѣдующими словами, по которымъ можно судить о степени его безпристрастія:

«Когда историкъ пишетъ свою исторію съ тайнымъ желаніемъ, чтобы вещи, которыя онъ разсказываетъ, не происходили или происходили иначе, можно быть увѣреннымъ, что въ его произведеніи не будетъ ни характера, ни реальности; это будетъ, пожалуй, хорошій памфлетъ; но читатель получитъ только извращенныя свѣдѣнія. Такъ писали въ XVIII вѣкѣ, когда въ христіанствѣ видѣли только суевѣріе и въ его побѣдѣ одно бѣдствіе, исторія являлась тогда исполненной необъяснимыхъ противорѣчій. Дайте, напротивъ, — продолжаетъ Литтрѐ, — въ руки католическаго писателя изложеніе побѣдъ церкви надъ язычествомъ, подчиненія сикамбровъ, повелѣвавшихъ западомъ, закону религіи, и наконецъ основанія духовной власти въ средніе вѣка, и, какъ бы далеко ни зашелъ авторъ въ своихъ мнѣніяхъ, какъ бы вы ни расходились съ нимъ въ общихъ понятіяхъ, вы, однако, почерпнете у него свѣдѣнія хорошаго качества; его страницы будутъ живы; дѣла, совершеніе которыхъ онъ съ чувствомъ разсказываетъ, стоили быть сдѣланными; лица, которыхъ онъ прославляетъ, достойны величайшихъ похвалъ.

«Это расположеніе ума должно быть доведено до всѣхъ своихъ послѣдствій. Въ самомъ дѣлѣ, оставимъ времена, по преимуществу католическія, и перейдемъ къ какому нибудь другому событію, напримѣръ, къ реформѣ, которая приготовлена была вѣками еретическихъ попытокъ, и наконецъ вырвала у папства бóльшую часть Европы. Если бы я захотѣлъ узнать причины такого движенія и стремленія такой эпохи, я въ особенности обратился бы къ протестантскому писателю. Не потому, что я хотѣлъ бы довѣриться всѣмъ его страстямъ, предразсудкамъ, антипатіямъ, умолчаніямъ; но у него я найду соціальныя причины, которыя сдѣлали реформу потребностью и дали ей успѣхъ. Этотъ писатель почувствуетъ то, чтó чувствовали предводители, подавшіе сигналъ, и масса, послѣдовавшая ему; и такимъ образомъ реформа уже не будетъ казаться дѣйствіемъ безъ причины, безъ прошедшаго и безъ будущаго, неожиданнымъ ударомъ грома на безоблачномъ небѣ»...

Литтрѐ такъ именно и поступаетъ, и говоря о средневѣковомъ католицизмѣ часто соглашается не только съ Брольи (L'Église et l'Empire Romain au IV-e siècle), но даже съ Монталамберомъ (Les Moines d'Occident, depuis saint Benoît jusqu'à saint Bernard), сочиненія которыхъ онъ разбираетъ. Его несогласіе съ ними заключается только въ томъ существенномъ пунктѣ, что онъ допускаетъ историческую роль средневѣковыхъ идей только въ предѣлахъ извѣстнаго времени, и не считаетъ ихъ общія положенія безусловно обязательными для насъ.

Принимая вообще на себя роль апологета среднихъ вѣковъ, Литтрѐ

однако весьма строго опредѣляетъ ихъ историческія границы. Защищая средніе вѣка противъ тѣхъ, кто считаетъ ихъ только временемъ умственнаго униженія и общаго упадка, онъ приписываетъ имъ ту заслугу, что они однако приготовили людей возрожденія и реформы: люди, которые въ это время способны были дать древнему содержанію такое широкое развитіе и способны были къ такой независимости мысли, было конечно лучше одарены, чѣмъ тѣ ближайшіе преемники древности, въ рукахъ которыхъ она погибла, — и эта бóльшая способность была результатомъ долгаго труда въ теченіе среднихъ вѣковъ. Мы упоминали выше, какимъ образомъ, по объясненію Литтрè, церковно-феодальное устройство средневѣкового общества стояло выше устройства древнихъ обществъ; но кромѣ того, средніе вѣка положили основаніе цѣлому умственному и политическому перевороту, въ литературѣ создали первобытный циклъ рыцарской поэзіи, въ философіи привели къ концу великій споръ номиналистовъ и реалистовъ, въ наукѣ создали алхимію (которая, по мнѣнію Литтрè, была такимъ же первоначальнымъ опытомъ химіи, какъ умозрѣнія древнихъ дали первый опытъ біологіи), наконецъ въ искусствѣ произвели готическую архитектуру и положили начало новой музыкѣ.

Весь процессъ средневѣкового развитія завершается въ XIV-мъ столѣтіи; здѣсь кончается и историческое значеніе среднихъ вѣковъ. Что процессъ этотъ совершился, и именно съ XIV-мъ вѣкомъ, т. е. именно въ предѣлахъ, которые и обыкновенно считаются еще вполнѣ средневѣковыми, Литтрè доказываетъ такъ:—«Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что потрясеніе средневѣковой системы совершилось только въ XVI-мъ вѣкѣ, какъ обыкновенно думаютъ. Тогда не безъ нѣкотораго основанія можно было бы утверждать, что событіе было случайно, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что оно произошло не отъ неудовлетворительности католическо-феодальнаго организма, но отъ внѣшнихъ причинъ, которыя и могли бы быть указаны съ большей или меньшей точностью. Предположите, что папа Левъ X меньше нуждался въ деньгахъ, что продажа индульгенцій была менѣе скандалёзна, что однимъ августинскимъ монахомъ было тогда меньше*),—реформы не происходитъ, и вещи остаются въ старомъ видѣ; съ этой точки зрѣнія, Боссюэтъ, во второй половинѣ XVII-го вѣка, можетъ дѣйствительно предсказывать конецъ расколовъ и возвращеніе къ католическому

*) Это именно философскій пріемъ автора романа: «Война и Миръ». Представьте себѣ, говоритъ онъ, что ни одинъ французскій капралъ не захотѣлъ бы поступить на службу въ армію Наполеона I — и вотъ война 1812 года не состоялась бы, а историки ищутъ ея причины—Богъ знаетъ гдѣ, и т. д. Представьте себѣ, что Лютеръ не пошелъ бы въ августинскій орденъ, да еще присоедините къ тому другое условіе, что онъ не захотѣлъ бы жениться, будучи монахомъ, — тогда и реформаціи не было бы! *Ред.*

единству. Но это предсказаніе, столь ужасно опровергнутое событіями, было впередъ осуждено исторической необходимостью.... Если же факты показываютъ, что среди полнаго процвѣтанія, внутренняго и внѣшняго, въ XIV-мъ столѣтіи, въ среднихъ вѣкахъ само собой происходитъ потрясеніе, и что это потрясеніе, нисколько не успокоиваясь, продолжается во всемъ XV-мъ вѣкѣ: тогда мы приходимъ къ заключенію, что реформа есть только частный моментъ въ революціи, которая съ нею начинается, но не оканчивается съ нею; что эта реформа въ свою очередь обманулась, полагая, что нашла себѣ опредѣленную границу; и что всѣ части католическо-феодальной системы, какъ религіозныя, такъ и политическія, подверглись ревностной критикѣ, однимъ изъ главнѣйшихъ обнаруженій которой былъ французскій переворотъ конца XVIII-го столѣтія. XIV-ый вѣкъ открываетъ дѣло, и за нимъ каждое столѣтіе только приготовляетъ, въ порядкѣ идей, новыя воззрѣнія, и въ практической жизни, новыя учрежденія».

Съ тѣхъ поръ средневѣковое содержаніе становится чуждымъ для новой жизни и не имѣетъ въ ней будущаго,—точно также какъ историческая роль древняго міра окончилась, когда онъ приготовилъ преемственныя начала среднихъ вѣковъ.

Взглядъ Литтрѐ на средніе вѣка, и особенно на католицизмъ, критика находила слишкомъ большой уступкой съ его стороны; онъ говоритъ объ этомъ такъ:

«Меня упрекали за то, что я отвергнулъ мнѣнія, дѣлающія періодъ среднихъ вѣковъ пропастью суевѣрія и мрака, что я хвалилъ благодѣянія церкви въ тѣ времена, когда она одна стоитъ между падающимъ Римомъ и наступающимъ варварствомъ; что въ числѣ великихъ созданій общества, совершенно проникнутаго потребностью молитвы и христіанскаго аскетизма, я ставилъ тѣ монастыри, которые среди самихъ германцевъ вводили культуру, обучали, цивилизовали; наконецъ, что я приписалъ могущественную роль и благородную долю въ цивилизаціи тому, что̀ считается глубокимъ паденіемъ и жалкимъ вырожденіемъ относительно языческой древности. Такимъ образомъ, съ этой стороны я потерялъ друзей и не пріобрѣлъ ихъ на другой сторонѣ (авторъ разумѣетъ сторону клерикаловъ); и если я не пріобрѣлъ ихъ здѣсь, это было совершенно справедливо; потому что дѣйствительно историческая доктрина, которая даетъ общественнымъ фазисамъ только относительное значеніе, не удовлетворитъ людей, которые даютъ имъ абсолютное значеніе, и что съ этой точки зрѣнія религіозныя идеи и учрежденія суть степени развитія, опредѣляемаго соотносительнымъ движеніемъ впередъ человѣческаго знанія и человѣческой нравственности».

Этой чертой Литтрѐ конечно рѣзко отодвигаетъ себя отъ писате-

лей, какъ Брольи и Монталамберъ, и какъ всякіе другіе романтики. Факты прошедшаго не имѣютъ для него ничего безусловнаго, но его критическое отношеніе не есть однако индифферентизмъ: передъ нимъ стоитъ свой прочный идеалъ, приближеніемъ къ которому опредѣляется смыслъ всего движенія человѣческой исторіи, и который указываетъ и историку путь въ его изслѣдованіяхъ.

«Когда мы бросаемъ взглядъ на великую эпоху, которую хотимъ изучать, надобно спросить себя, чѣмъ мы будемъ интересоваться, и чью сторону мы возьмемъ въ паденіи того или возвышеніи другого. Отвѣтъ на это даетъ философія исторіи:—брать сторону того, что́ должно *благопріятствовать человѣческому развитію*. Историкъ, который въ извѣстныхъ вѣрованіяхъ и извѣстныхъ учрежденіяхъ прошедшаго видитъ типъ, отъ котораго нельзя уклониться, не подвергаясь упадку или порчѣ, — такой историкъ будетъ только оплакивать все то, что́, являясь вновь, будетъ видоизмѣнять, извращать, сокрушать священный типъ. Съ другой стороны, историкъ, который для оцѣнки вещей руководится только раціонализмомъ, болѣе или менѣе метафизическимъ и революціоннымъ, не можетъ удержаться, чтобы не изливать ненависти и презрѣнія на тѣ эпохи, которыя не удовлетворяютъ его представленіямъ, не контролируемымъ фактами и опытомъ. Одно это, то-есть, эта печаль, которую возбуждаетъ характеръ будущаго, и эта ненависть, которую возбуждаетъ характеръ прошедшаго, достаточно опредѣляютъ существенное основаніе философіи исторіи, — эта философія можетъ состоять только въ томъ, чтобы понять, что характеръ будущаго и характеръ прошедшаго не имѣютъ ничего различнаго между собой и ничего противорѣчиваго, что одна и та же сила производитъ *сцѣпленіе развитій* (évolutions), и что тотъ, кто умѣетъ вездѣ находить это сцѣпленіе, достигъ до философскаго пониманія. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ, который не только думаетъ, но въ то же время и чувствуетъ, очень часто будетъ желать, чтобы эта исторія шла иначе; но сколько другихъ областей, въ числѣ тѣхъ, гдѣ жизнь открывается передъ нашими глазами и передъ нашимъ изслѣдованіемъ, — сколько областей, въ которыхъ слышится тоже желаніе! Судьба (я разумѣю подъ судьбой положеніе вещей) господствуетъ надъ нами вездѣ, и господствуя возбуждаетъ въ тоже время это чувство тягости отъ несовершеннаго порядка, это страданіе отъ золъ, производимыхъ ходомъ вещей, и эти героическія и вѣковыя усилія измѣнить ихъ: это чувство, страданіе и эти усилія борьбы составляютъ удѣлъ человѣчества, когда оно сознаетъ самого себя!»

А. Н—въ.

ЗЕМСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВОПРОСЪ О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ЗЕМСКОМЪ СОБРАНІИ 1868 ГОДА.

И для земскаго дѣла было время радужныхъ надеждъ: съ жадностію читались газетныя извѣстія о преніяхъ земскихъ собраній; съ живымъ участіемъ слѣдили не только за первыми *дѣйствіями*, но и за первыми *рѣчами* русскаго люда, которому даровано было право позаботиться о самомъ себѣ — намъ, воспитаннымъ старымъ порядкомъ опеки, приходилось учиться даже мыслить и говорить! Люди благоразумные называли настоящими именами вполнѣ естественныя ошибки и увлеченія начинающихъ земскихъ дѣятелей; преданіе промаховъ ихъ гласности предостерегало другихъ дѣятелей, еще не выступавшихъ на общественное поприще, или уже стоявшихъ на немъ.... То была пора радужныхъ надеждъ, то было время, когда мыслящая часть общества видѣла въ полной гласности земскаго дѣла, кромѣ другихъ, самыхъ благодѣтельныхъ результатовъ, лучшее *воспитывающее* начало, для земства и администраціи, для всего русскаго общества. Не успѣла однако эта гласность принести своихъ плодовъ, какъ она была ограничена закономъ, поставившимъ ее въ зависимость отъ личнаго усмотрѣнія 56 различныхъ администраторовъ, т. е. начальниковъ губерній. Не останавливаясь на этомъ правительственномъ распоряженіи и вполнѣ признавая его обязательную силу, мы только заносимъ въ земскую лѣтопись тотъ несомнѣнный фактъ, что, послѣ обнародованія означеннаго закона, извѣстія о земскихъ собраніяхъ сдѣлались рѣдкими въ газетахъ; къ тому же онѣ уже не появляются болѣе, такъ сказать, въ видѣ фотографическихъ снимковъ съ земскихъ собраній; снимки доходятъ до насъ не иначе, какъ съ ретушью административ-

ной, предварительной цензуры. Сколько художниковъ, столько и различныхъ кистей; столько и различныхъ колоритовъ въ картинѣ... Среди такихъ обстоятельствъ особенно отрадно подѣйствовало на насъ напечатаніе въ газетахъ весьма обстоятельнаго отчета о тѣхъ засѣданіяхъ московскаго губернскаго земскаго собранія, которыя были посвящены вопросу о народномъ образованіи.

Итакъ, губернское земство русской столицы посвящаетъ *три* засѣданія, цѣлыхъ три дня, вопросу о просвѣщеніи массъ—фактъ многознаменательный! Будущій историкъ не можетъ обойти его; рядомъ съ этимъ явленіемъ назоветъ онъ и тѣ изъ губернскихъ земскихъ собраній, почти вездѣ состоящихъ, подобно московскому, изъ дворянъ, въ протоколахъ которыхъ ни слова не записано о народномъ образованіи, или не замолвлено ни словечка въ пользу его, или наговорено множество и не сдѣлано, для народнаго образованія, *ровно ничего*. Итакъ, *московское* дворянство дало Россіи такихъ *земскихъ* дѣятелей, которые способны три дня посвятить преніямъ о содѣйствіи земства къ устройству школъ сельскихъ обществъ и открыть кошѐль на это дѣло. Даже потому, что это совершилось въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ, мы придаемъ значеніе: вѣдь, въ глазахъ не малочисленной партіи, «Петербургъ» составляетъ родникъ противонародныхъ стремленій; другіе считаютъ «Петербургъ» питомникомъ какихъ-то крайнихъ, противообщественныхъ воззрѣній; въ такихъ ужасахъ никто не обвинялъ еще, до сихъ поръ, старушки-Москвы, этого патріархальнаго, консервативнаго, степеннаго, народнаго сердца русской земли. И эта-та «Москва» заговорила о просвѣщеніи массы и, представьте, не ограничилась словами, но дала денегъ; въ *Москвѣ*, три засѣданія посвящены вопросу о народномъ образованіи и въ концѣ концовъ щедрая ассигновка въ пользу его!

Честь заявленія вопроса о народномъ образованіи принадлежитъ московской губернской земской управѣ, явившейся, впрочемъ, отчасти исполнительницею предначертаннаго вѣрителями ея въ предъидущую сессію собранія. Управа представила гласнымъ докладъ въ 3-хъ частяхъ: а) общія соображенія о вопросѣ; б) способъ наилучшаго содѣйствія уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ учрежденій преуспѣянію народныхъ училищъ; и в) способъ подготовки преподавателей, для народныхъ школъ. Обращаясь къ такой читающей публикѣ, которая вѣроятно уже знакома, по газетамъ, со всѣми подробностями доклада управы и постановленія собранія, мы коснемся въ настоящей замѣткѣ того и другого, на сколько нужно, для того, чтобы подѣлиться съ публикою мыслями, возбужденными въ насъ чтеніемъ этихъ любопытныхъ документовъ. Да проститъ намъ московское земство тó, что мы съ грустнымъ чувствомъ приступили къ этому чтенію. «Не будетъ ли *фразъ*», сказали мы себѣ прежде всего; вѣдь за сло-

вомъ «народное образованіе» у насъ почти всегда слѣдуетъ потокъ, потоки словъ;... «а вѣдь на Москву смотритъ вся Россія», думали мы, «неужели и въ Москвѣ люди возьмутся за дѣло, не ознакомившись съ нимъ, и потому польются фразы, фразы и фразы...» Больно стало намъ, когда мы въ журналахъ перваго же засѣданія прочли: «г. Васильчиковъ указалъ, что московскій училищный совѣтъ *не ознакомился ни съ однимъ училищемъ*,... что училища онъ не осматривалъ... Г. Васильчикову никто не возражаетъ»... «Значитъ, правда», думали мы, «упрекъ справедливъ, и съ такой подготовкой люди приступаютъ къ дѣлу, и такое оружіе противъ себя даютъ они врагамъ народнаго образованія и врагамъ народа...» Еще не зная, окажутся ли такія лица въ собраніи, мы читаемъ далѣе, что г. Погодинъ восклицаетъ: «Я желалъ бы, чтобы *кто нибудь* сказалъ здѣсь: *я былъ* въ такомъ-то училищѣ... Всѣ нужды обозначаются *общими мѣстами*...» «Боже мой — думали мы — фразы; что же можетъ быть кромѣ фразъ, если нѣтъ фактовъ? Какая пища и какая легкая побѣда для приверженцевъ реакціи; вотъ, вотъ они заговорятъ!...» Мы думаемъ такъ, и читаемъ дальше, въ журналѣ слѣдующаго засѣданія: «Изъ 13 уѣздовъ губерніи только 6 внесли въ смѣты свои на 1868-й годъ извѣстную сумму на пособіе училищамъ.» Но изъ кого же состоитъ московское губернское земское собраніе? Изъ представителей тѣхъ уѣздныхъ собраній, бо́льшая часть которыхъ не дала и алтына на народное дѣло. «Знаемъ, знаемъ — думается намъ опять — реакція во имя экономіи, во имя самостоятельности уѣзднаго земства, не дастъ ни гроша на дѣло». И мы тысячу разъ ошибались, читатель! Такой реакціи, такихъ противниковъ земскаго интереса не оказалось въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи; одиноко раздался голосъ г. Жеребцова, находившаго, «что въ этомъ случаѣ все идетъ опережая потреб«ности и не удовлетворяя даже (?) потребности честныхъ (?) граж«данъ»; 11-го января, московское губернское земство ассигновало 30,237 руб. сер. въ пособіе начальнымъ народнымъ училищамъ! Собраніе поступило такимъ образомъ, видоизмѣнивъ нѣсколько предложенія управы и, согласно проекту ея, избрало коммисію, для составленія всесторонняго и подробнаго проекта устройства учительской семинаріи. Собраніе не ограничилось этимъ и дополнило проектированное управою по предложенію одного изъ гласныхъ; но мы еще возвратимся къ этому постановленію, а теперь перейдемъ къ нѣкоторымъ соображеніямъ управы, не разработаннымъ въ собраніи, оставленнымъ имъ безъ отвѣта, но весьма существеннымъ; глубокое уваженіе наше къ собранію и управѣ не мѣшаетъ намъ выразить, что ближайшее знакомство съ этими соображеніями обнаружитъ, мы надѣемся, какъ опасно не имѣть подъ собою, при обсужденіи предмета, *фактической* почвы,

на что столь краснорѣчиво жаловались гг. губернскіе гласные въ Москвѣ.

Губернская управа говоритъ, между прочимъ, въ докладѣ: «Необ-«ходимость *обязательности* въ дѣлѣ народнаго образованія болѣе и «болѣе сознается всѣми образованными государствами Европы и Аме-«рики; что именно тѣ страны, *въ которыхъ образованіе обязательно*, «опередили прочія въ отношеніи къ успѣхамъ народнаго образованія; «что дѣло народнаго образованія, къ которому такъ долго и общество «и правительство относились съ такимъ полнымъ безучастіемъ, тре-«буетъ у насъ болѣе сильнаго двигателя чѣмъ тотъ, который заклю-«чается въ личной инициативѣ именно тѣхъ, которые нуждаются болѣе «всѣхъ въ образованіи, которые сами не довольно ясно и сознательно «еще понимаютъ всю необходимость образованія... Если обязательность «образованія и можетъ быть введена у насъ, то лишь путемъ прави-«тельственной инициативы, на средства всего государства, подъ наб-«люденіемъ и контролемъ администраціи... Дѣйствительно, можно бы «желать, чтобы (образованію) данъ былъ тотъ толчокъ, который оно «можетъ имѣть отъ правительства, а отнюдь не отъ земства». Изъ гг. гласныхъ только г. Уваровъ отвѣчалъ на этотъ пунктъ доклада и, *не оспаривая необходимости введенія у насъ обязательности образованія*, возражалъ управѣ лишь въ томъ отношеніи, что, по его мнѣнію, «народное образованіе только тогда пойдетъ хорошо, когда ему данъ будетъ толчокъ (не отъ правительства), но отъ земства; мы полагаемъ, что г. Уваровъ желалъ выразить «не только отъ правительства, но и отъ земства».

Мы были вынуждены привести довольно обширныя выписки изъ документовъ для того, чтобы получить предъ читателемъ право сказать, что московская губернская управа требуетъ обязательности первоначальнаго образованія. Если не вполнѣ опредѣленныя выраженія доклада управы ратуютъ лишь въ пользу того, чтобы правительство энергически, *самымъ дѣломъ*, высказалось за просвѣщеніе массы и такимъ образомъ дало *«толчокъ»* дремлющему дѣлу, то мы съ этимъ согласны уже потому, что, какъ писалъ Петръ Великій своему непокорному сыну: «до чего охотникъ начальствуяй, до того и всѣ; а отъ чего отвращается, отъ того всѣ.» Если же, что гораздо вѣроятнѣе, управа высказалась въ пользу введенія у насъ *обязательности* образованія и собраніе не опровергло этого, то такой взглядъ на вещи, по нашему мнѣнію, доказываетъ, что управа и собраніе стояли не на *фактической* почвѣ, при обсужденіи этого вопроса.

Для того, чтобы въ свою очередь не заслужить упрека въ пареніи въ выси поднебесной, я спѣшу признать мнѣніе управы аксіомой *для «Европы и Америки»*, и перейду къ наблюденіямъ, сдѣланнымъ мною въ ничтожномъ уголкѣ нашей обширной Россіи; мнѣ кажется, что эти

наблюденія могутъ послужить *фактами* и для московскаго земства, пока оно не имѣетъ ближайшихъ.

Дѣло въ томъ, что въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи примѣняются двѣ системы народнаго образованія — обязательное и необязательное обученіе грамотѣ; *обязательное* обученіе введено, по закону, съ давнихъ поръ, въ нѣмецкихъ колоніяхъ нашего уѣзда и *не обязательно* посѣщаются школы въ русскихъ сёлахъ. Если обязательность обученія, *при всякихъ обстоятельствахъ*, составляетъ плодотворное начало, то въ Александровскомъ уѣздѣ мы въ правѣ потребовать отъ нея результатовъ, послѣ тридцатилѣтняго примѣненія къ дѣлу. Что же мы видимъ? Дѣйствительно, законъ подвергаетъ штрафу родителей и опекуновъ изъ нѣмецкихъ колонистовъ, если только они, хотя бы на одинъ день, отъ 1-го октября до 1-го марта, не пошлютъ въ школу дѣтей своихъ, воспитанниковъ, слугъ, учениковъ, которымъ минуло 7 лѣтъ и не наступило еще 15 лѣтъ. Правда и то, что вслѣдствіе угрозы закона несмѣтное множество дѣтей загоняются въ школу на 8 лѣтъ времени, но что́ дѣлается въ школахъ?... Я не буду вдаваться въ подробности, изложенныя мною въ отчетѣ, напечатанномъ Совѣтомъ и сообщенномъ, въ числѣ другихъ и Московской губернской земской управѣ; я не стану останавливаться на тѣхъ неисчислимыхъ недостаткахъ школы, устраненіе которыхъ возможно безъ нарушенія обязательности обученія грамотѣ; обращу вниманіе читателей только на тѣ погрѣшности, которыя очень трудно, если не невозможно устранить до тѣхъ поръ, пока въ нѣмецкихъ колоніяхъ существуетъ *обязательность* обученія. Всѣ такого рода погрѣшности касаются, къ несчастію, самой существенной, педагогической стороны дѣла: самые лучшіе ученики по ариѳметикѣ не имѣютъ, за весьма рѣдкими исключеніями, никакого понятія о рѣшеніи самыхъ простыхъ ариѳметическихъ задачъ и, зная механически четыре дѣйствія, сами не могутъ дать себѣ отчета въ томъ, для чего ихъ научили этой премудрости. Дѣти, обучающіяся лѣтъ по пяти и по шести, не въ состояніи передать содержанія двухъ, трехъ строкъ, прочитанныхъ ими изъ дѣтской книги, для младшаго возраста. Письмо превращено въ рисованіе механическимъ списываніемъ съ прописей и не далѣе, какъ въ октябрѣ прошлаго года, намъ пришлось убѣдиться въ такихъ ужасныхъ результатахъ отъ механическаго, неосмысленнаго обученія, которыхъ мы никакъ отъ него не ожидали, хотя, по испытанному нами весною прошлаго года, мы ожидали отъ него *многаго*. Пріѣзжаемъ въ одну изъ колонистскихъ школъ; послѣ испытанія въ чтеніи, т. е., вѣрнѣе сказать, въ процессѣ чтенія, мы отнеслись къ ученику, третій годъ посѣщающему училище, съ вопросомъ, какъ называется тотъ предметъ, на которомъ въ настоящую минуту покоится его рука? (Онъ держалъ руку на столѣ.) Затѣмъ мы просили этого ученика написать на бумагѣ

названіе этого предмета; мы даже помогали ему, повторяя нѣсколько разъ слово «Tisch» («столъ»), которое ему надлежало написать. Ученикъ ставилъ букву за буквой, а желанное слово не выходило; учитель-же, въ это время, глубокомысленно покачивалъ головою за спиною ученика и на вопросъ мой, чрезвычайно любезно замѣтилъ, что такая задача не по силамъ ребенку (третій годъ посѣщающему школу!), что до сихъ поръ ученикъ писалъ только прописи. Каковъ же, наконецъ, окончательный результатъ отъ *обязательнаго* обученія или, лучше сказать, обязательнаго, по закону, притупленія дѣтей? Результатъ великій! Всякій колонистъ умѣетъ весьма некрасиво подписать свою фамилію, а если между ними и есть люди читающіе, люди относительно развитые, то они обязаны этимъ, *какъ сами они мнѣ говорили*, отнюдь не школѣ, но состоянію, давшему возможность бывать въ городахъ, среди людей, развиться посредствомъ торговыхъ сношеній. Неужели умѣнье подписать свою фамилію хоть *что нибудь* значитъ для жизни общества, кромѣ того только, что лице, окончившее такимъ образомъ курсъ, прибавитъ одну единицу къ статистическому итогу грамотныхъ? Неужели общество заинтересовано въ томъ, чтобы члены его, которыхъ оно само знаетъ за неграмотныхъ или безграмотныхъ, считались грамотными въ статистикѣ? Стóитъ ли обществу расходовать на это деньги? Стóитъ ли лишать дѣтей на 8 лѣтъ свободы, подставляя ихъ къ тому же подъ «перстъ указательный» и «всѣ признаки ученья?» Намъ кажется, что въ отвѣтѣ на такой вопросъ не можетъ быть разнорѣчія...

Намъ остается однако объяснить, какое мы имѣемъ основаніе обвинять въ печальныхъ результатахъ отъ школъ въ колоніяхъ, примѣненную къ нимъ, *обязательность обученія* грамотѣ? Дѣло очень просто: благодаря требованію закона, въ *каждой* колоніи, какъ она бы ни была незначительна, *должна* быть школа и *долженъ* быть учитель. Колонисты поселены большею частью весьма немноголюдными посёлками, такъ что при налогѣ въ 30 коп., иногда въ 40 коп. и болѣе отъ души, собирается на жалованье учителю до 70 руб. сер.—Тѣ же колонисты платятъ часто годовымъ полевымъ рабочимъ до 100 р. с. въ годъ жалованья; послѣ этого предоставляю читателю судить о томъ, ктò рѣшится за 70 р. сер., кромѣ провизіи и права пользованія шестью десятинами земли, ктó изъ нѣмцевъ рѣшится, на этихъ условіяхъ, вступить въ званіе учителя колонистской школы?

Между тѣмъ всѣ учительскія должности въ колоніяхъ замѣщены, потому что онѣ *должны* быть замѣщены. Для колоній требуется около 40 нѣмецкихъ педагоговъ, готовыхъ довольствоваться семьюдесятью руб. сер. въ годъ; ихъ нѣтъ, но они *должны* быть... и что же: «повелѣ и создашася!» Но что же создалось? Въ большинствѣ колоній преподаютъ колонисты, но каковъ долженъ быть — мы не говоримъ

объ исключеніяхъ—тотъ колонистъ, который за 70 р. сер. пойдетъ въ народные учители въ то время, какъ работникъ получаетъ больше. Но учителя *должны* быть и они имѣются! Въ нѣкоторыя колоніи приглашаютъ учителей изъ-за границы съ уплатою отъ 150 до 200 р. сер. въ годъ. Но опять спрошу читателя, каковъ долженъ быть тотъ народный учитель, который оставляетъ родину, предлагающую ему за трудъ 300 р. сер. въ годъ для того, чтобы ѣхать въ далекій край за половинное вознагражденіе? Прибавимъ къ этому, что во всякой колоніи *долженъ* быть не только учитель, но и писарь; если трудно пріискать 40 лицъ *хорошо* грамотныхъ на учительскія мѣста, то пригласить 80 такихъ лицъ еще труднѣе; отсюда выходъ одинъ, что́ и совершилось въ колоніяхъ, должность учителя должна быть соединена съ должностью писаря; а много ли отъ этого выигрываетъ школа? Наконецъ, благодаря тому, что въ школу, *въ которой некому учить*, сгоняютъ всё могущее двигаться, отъ семилѣтняго до пятнадцатилѣтняго возраста, очень часто поручаютъ *одному* учителю до 100 учащихся; и этотъ учитель-писарь, помощникъ пастора, органистъ, долженъ одинъ справляться съ сотнею учениковъ и ученицъ, подраздѣленныхъ на три, или четыре класса! Намъ скажутъ: сто́итъ лишь пригласить хорошихъ учителей, дать имъ хорошее жалованье, обязать общества имѣть въ школѣ не болѣе 30 или 40 учениковъ на учителя и приглашать къ нему потребное число помощниковъ, и дѣло преобразуется. Не споримъ, но тогда мы будемъ въ Пруссіи, а не въ Россіи, бѣдной на людей и на деньги. Обязательность обученія грамотѣ въ нѣмецкихъ колоніяхъ, создаетъ школы по имени и грамотныхъ по названію, такъ какъ *благодаря ей* существуетъ такое количество обучающихъ, которыхъ взять негдѣ, и такое число учащихся, которыхъ некому учить. Обязательность обученія грамотѣ не допускаетъ никакой реформы въ дѣлѣ школы, такъ какъ прежде всего, во всѣхъ колоніяхъ, пришлось бы удвоить жалованье учителямъ и удвоить число учителей, т. е. увеличить теперь уплачиваемое жалованье учителя въ четыре раза, а на это не станетъ средствъ у населенія, которое вовсе не такъ мало платитъ податей какъ обыкновенно думаютъ.

Мы изложили одну изъ дѣйствующихъ у насъ системъ народнаго образованія; обращаемся къ другой—необязательному посѣщенію школъ, и затѣмъ намъ останется лишь сравнить обѣ, для того чтобы прійти къ окончательному заключенію.

Въ русскихъ селеніяхъ нашего уѣзда почти половина тѣхъ школъ, на которыя сельскими обществами ассигнованы суммы, остались неоткрытыми *за неимѣніемъ жителей;* такой фактъ возможенъ только потому, что закономъ не повелѣно, чтобы въ *каждомъ* селѣ была школа; существуй у насъ обязательность обученія, то и въ нашихъ сёлахъ дѣйствовали бы наставники, подобные учителямъ нѣмецкихъ

колоній. Школы русскихъ селъ посѣщаются не обязательно и потому, пропорціонально населенію, учащихся гораздо меньше, чѣмъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ. У колонистовъ число учащихся обоего пола составляетъ приблизительно третью часть ревизскаго населенія; у насъ же, въ русскихъ сёлахъ, тамъ, гдѣ дѣло идетъ хорошо, число учащихся часто составляетъ только $^1/_{15}$, $^1/_{30}$, даже $^1/_{60}$ ревизскаго населенія; правда, что русскіе крестьяне почти не посылаютъ дочерей въ школу. Повидимому выводъ отсюда очень простой: народъ не хочетъ учиться, а потому нужно *заставить* его учиться. Но не торопитесь съ выводомъ; выслушайте прежде, что при настоящемъ числѣ учащихся, послѣ преобразованія школъ училищнымъ совѣтомъ, населеніе почувствовало такую симпатію къ школѣ, что существующія у насъ училищныя постройки *переполнены* учениками; училища иногда до того переполнены, что если бы не безпрерывно отпираемая дверь въ сѣни, то, по гигіеническимъ причинамъ, слѣдовало бы уменьшить число учениковъ. Училищныя постройки въ русскихъ сёлахъ, въ особенности послѣ преобразованій Совѣта, благодаря содѣйствію гг. попечителей и мировыхъ посредниковъ, весьма приличны, отнюдь не убогія хатки, но домà; чтобы помочь читателю представить себѣ нашу училищную постройку я скажу, что нерѣдко онъ встрѣтилъ бы у насъ классную комнату въ 100 и болѣе квадратныхъ аршинъ. Въ нѣмецкихъ колоніяхъ постройки гораздо лучше; но каковы бы онѣ ни были, онѣ въ настоящую минуту *могутъ помѣстить* все число дѣтей, сгоняемыхъ въ школу, въ которой ничему не учатъ обязательностію обученія. Взглянемъ же на то, что́ бы вышло, еслибы въ настоящее время примѣнить обязательность обученія грамотѣ къ школамъ *русскихъ* селеній. Для того, чтобы еще тверже стоять на почвѣ фактовъ, возьмемъ, для сравненія, русское село Ивановку и колонію меннонитовъ Бергталь; мы избираемъ многолюдное русское село и многолюдную колонію; въ Ивановкѣ 1,800 ревизскихъ душъ, въ Бергталѣ 226. Въ Бергталѣ мы застали 89 учащихся, въ Ивановкѣ 30; для помѣщенія подъ ивановскую школу купленъ обществомъ въ этомъ году домъ священника и къ нему предполагается пристраивать; по этому будемъ считать въ Ивановкѣ 60 учащихся; мы имѣемъ полное основаніе разсчитывать на такое количество, такъ какъ Ивановское общество весьма сочувственно относится къ школѣ. Представимъ себѣ, однако, что къ Ивановкѣ примѣняется обязательность обученія грамотѣ. Въ колоніи Бергталь этотъ законъ собралъ въ школу *болѣе* трети ревизскаго населенія на 8 лѣтъ; пусть у насъ сократится учебный періодъ жизни человѣка на половину, т. е. ограничится четырьмя годами, но и въ такомъ случаѣ обязательность обученія грамотѣ соберетъ въ Ивановкѣ шестую часть ревизскаго населенія, т. е. 300 учащихся обоего пола; освободимъ, наконецъ, отъ обязательности обуче-

нія женщинъ, что́ было бы въ высшей степени нераціонально, но на нужду нѣтъ закона,—въ Ивановкѣ будетъ 150 учащихся! Затѣмъ слѣдуютъ вопросы: кто́ дастъ намъ денегъ на постройку школы на 300, или хотя бы 150 учениковъ? Кто́ дастъ намъ денегъ, для приглашенія 6, или 3 учителей въ Ивановку? Гдѣ возьмемъ мы этихъ учителей, наконецъ, если и по одному учителю на каждую изъ школъ, которыя желали открыть крестьяне, мы не могли найти?... Итакъ, первымъ результатомъ отъ примѣненія обязательности обученія грамотѣ, смягченной въ своихъ требованіяхъ до-нельзя, оказалось бы то, что намъ некуда было бы посадить учениковъ и некому было бы ихъ учить; больно падать съ выси поднебесной и ушибаться о землю, но иногда и полезно! Расходы на постройку училища въ Ивановкѣ оказались бы гораздо значительнѣе, чѣмъ читатель, вѣроятно, предполагаетъ, такъ какъ ему неизвѣстно, что село растянуто на цѣлыя версты, и что поэтому въ настоящее время ходятъ въ школу только дѣти съ ближайшихъ улицъ; если бы погнать ихъ всѣхъ, то пришлось бы, вѣроятно, строить не одну школу на 300, или 150 учениковъ, но, по крайней мѣрѣ, двѣ на 150, или 75 учениковъ каждую; отъ этого значительно возрасли бы расходы по сооруженію, ремонту и отопленію училищныхъ зданій. Сказанное нами о селѣ Ивановкѣ относится ко всѣмъ русскимъ селамъ нашего уѣзда, за весьма немногими исключеніями; мы даже думаемъ, что это относится къ русскимъ селамъ вообще, весьма часто многолюднымъ и бѣднымъ. Не убѣдимся ли теперь, читатель, въ томъ, что, стоя на *фактической* почвѣ, нѣтъ возможности желать введенія обязательнаго обученія, при *настоящихъ* матеріальныхъ и педагогическихъ средствахъ русскаго народа; неужели у насъ еще мало неисполнимыхъ законовъ?... «Но — скажетъ читатель — если дѣло рѣшается такъ просто людьми, стоящими лицомъ къ лицу къ отсутствію учителей и бѣдности народа, то почему придаете вы такое значеніе высказанному объ этомъ предметѣ въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи?» На такой вопросъ мы бы отвѣчали, что, потому, во-1-хъ, что глубоко уважаемъ земство вообще и московское въ особенности, а потому и не умѣемъ относиться апатично къ тому, какъ оно мыслитъ; во-2-хъ, потому, что, призванные въ качествѣ членовъ алекс. уѣзд. училищн. совѣта отъ земства, заботиться о преуспѣяніи народныхъ школъ, мы считали бы величайшимъ вредомъ для дѣла, если бы *въ настоящее время* правительство пожелало выразить свое сочувствіе и содѣйствіе дѣлу обнародованіемъ закона объ обязательности обученія грамотѣ. Теперь меньшинство крестьянскаго населенія, *привлеченное къ школѣ успѣхами учащихся, вслѣдствіе трудовъ училищнаго совѣта*, неудержимо стремится къ школѣ; если же приказать посылать дѣтей въ школу, то крестьяне сочтутъ это, пожалуй, за новую *повинность*, и тогда не ждите успѣховъ отъ школы.

Въ странѣ, въ которой *большинство* поняло пользу отъ обученія и имѣетъ средства обойтись безъ дѣтской работы, понятенъ законъ, вынуждающій коснѣющее меньшинство не вредить обществу; а у насъ велика была бы польза отъ того, если бы сгономъ стольких дѣтей, что и учить-то ихъ было бы некому, мы помѣшали бы учиться тому меньшинству, которое теперь съ восторгомъ относится къ школѣ, и отсутствіемъ успѣховъ отъ школы на столько уронили бы дѣло школы въ глазахъ народа, что пришлось бы замѣнить членовъ училищнаго совѣта становыми приставами для того, чтобы настоять на исполненіи того закона, который изрекъ бы обязательное обученіе грамотѣ тамъ, гдѣ негдѣ, и некому, и не на что учить. Но правда ли это? Гдѣ *факты*, гдѣ *факты* на то, что народу вездѣ и во всемъ чудится повинность, и что повинности онъ страшится? Требуя фактовъ отъ другихъ, мы и сами обязаны не ограничиваться апріористическими соображеніями. Изъ многихъ фактовъ изберемъ два: въ селеніи Маіорскомъ, общество не пожелало избирать помощника попечителю школы, опасаясь того, что ему придется платить жалованье; въ селеніи Кремьевкѣ, по открытіи въ немъ совѣтомъ воскресной школы для взрослыхъ, стали крестьяне поговаривать:—«Чтó это паны такъ хлопочутъ о школахъ, ужъ не возьмутъ ли всѣхъ грамотныхъ въ солдаты?» Къ такому ли матеріальному и нравственному уровню массы, каковъ уровень нашего сельскаго населенія, примѣнима обязательность обученія грамотѣ? Будемъ лелѣять то, чтó совѣтъ успѣлъ создать: народъ ему довѣряетъ теперь потому, что онъ не обманулъ его успѣхами въ школахъ.

Не нами только, но многими изъ гг. гласныхъ московскаго губ. зем. собранія заявлено, что только *хорошая* школа привлекаетъ народъ; московское земство обратило особенное вниманіе на вопросъ объ *улучшеніи* школъ, но прежде всего оно задалось вопросомъ, съ какою цѣлью создавать школы: для того ли, чтобы сдѣлать народъ *грамотнымъ*, или для того, чтобъ *образовать* его? У многихъ изъ гг. гласныхъ московскаго собранія этотъ вопросъ былъ на устахъ. Г. Погодинъ, опровергая практичность учрежденія учительской семинаріи, предложенной управой, говорилъ:—«Чему же выучится 17—18-лѣтній молодой человѣкъ и чему онъ можетъ учить впослѣдствіи? Опять *только* (?) одной грамотѣ и счетамъ. Развѣ это образованіе? Учить *грамотѣ* можно, не прибѣгая ни къ какой семинаріи, и это, кажется, всего для насъ сподручнѣе... грамотность есть только средство для образованія». Г. Голохвастовъ опровергалъ тотъ же проектъ управы, но совершенно съ иной точки зрѣнія; не желая того, чтобы земство ограничивалось привитіемъ одной грамотности и требуя для народа образованія, онъ говорилъ:—«Увеличили бы значительно число школъ и число обучающихся *грамотѣ*, но все-таки результатъ былъ

бы малъ: если изъ 100 душъ прежде обучалось 10 грамотѣ, то теперь ихъ обучится 20; но грамотность не есть образованіе, а есть только средство получить образованіе». Г. Самаринъ также отдѣлялъ грамотность отъ образованія, говоря, «что грамотность есть орудіе, средство, безъ котораго дальнѣйшее образованіе немыслимо». Г. Васильчиковъ былъ совершенно противоположнаго мнѣнія; онъ доказывалъ, «что самая плохая школа не можетъ не дать вмѣстѣ съ грамотностію и образованія»; онъ доказывалъ, что понятіе о грамотности и образованіи совершенно неразрывны, и что ошибочно судятъ тѣ, которые какъ бы противупоставляютъ одно другому. Но и этотъ гласный отдѣлилъ грамотность отъ образованія, говоря о приготовленіи учителей для народныхъ школъ; онъ замѣтилъ: — «Для того, чтобы обучать *грамотности*, не нужна учительская семинарія: для этого достаточно научить грамотнаго человѣка болѣе или менѣе наглядному, доступному способу преподаванія грамотности; семинарія необходима для приготовленія учителей, которые были бы пригодны для *народнаго образованія*». Наконецъ, г. Самаринъ, указывая на лучшіе способы обученія *грамотѣ*, заявилъ категорически, что «тѣ лица, которыя преподаютъ теперь въ школахъ — священники, причетники (!), отставные солдаты (!)—могли бы быть приглашены къ ознакомленію съ этой методой». Итакъ, почти всѣ, участвовавшіе въ преніяхъ собранія, отдѣляли грамотность отъ образованія, и всѣ безъ изъятія, не исключая и г. Васильчикова, выяснявшаго нераздѣльность этихъ понятій, доказывали, какъ просто, какъ легко обучить *грамотѣ* и этимъ ограничиться. Но тщетно искали мы въ преніяхъ собранія отвѣта на вопросъ, въ чемъ же состоитъ грамотность, что̀ слѣдуетъ называть этимъ именемъ? Намъ кажется, что только опредѣливъ предварительно это понятіе надлежащимъ образомъ, возможно произнести мнѣніе о томъ, легко ли, трудно ли достигается *грамотность?* Намъ отвѣтятъ на это: «веревка—вервіе простое, а грамотность означаетъ умѣнье читать и писать—и концы въ воду». Дѣло это дѣйствительно просто, но усложняется желаніемъ тѣхъ же лицъ, которыя считаютъ его простымъ желаніемъ ихъ сдѣлать изъ грамотности *средство*, для достиженія образованія. Мы ставимъ слѣдующіе вопросы: возможно ли называть грамотнымъ того, кто способенъ буквы соединить въ слова, прочесть одно слово за другимъ такъ, что ни онъ самъ, ни окружающіе его не поймутъ прочитаннаго? Слѣдуетъ ли назвать читающимъ того крестьянина, который, читая книгу, *писанную для народа*, изъ 10 словъ пойметъ только одно, даже при бѣгломъ, выразительномъ и осмысленномъ чтеніи, — потому что остальныя 9 словъ, какъ книжныя или литературныя, ему незнакомы? Возможно ли, наконецъ, считать *средствомъ* къ дальнѣйшему образованію такое чтеніе, лучше сказать, такое развитіе, данное школой, при которомъ, для *русскаго*

крестьянина изъ тысячи книгъ 999 писаны *не по-русски*, такъ какъ онъ почти ничего въ нихъ не пойметъ. Или нужно, чтобы школа научила такъ читать, чтобы чтецъ своимъ чтеніемъ отвлекалъ отъ шинка, чтобы читающій крестьянинъ могъ прочесть и *понять* молитву, прочесть и *понять* законъ, касающійся его быта, прочесть и *понять* болѣе или менѣе *всякую* книгу (кромѣ спеціяльныхъ), содержащую въ себѣ такія полезныя свѣдѣнія, дѣйствительное пріобрѣтеріе которыхъ *посредствомъ* чтенія доказало бы, что грамотность есть ступень къ образованію, а не оврагъ, изъ котораго нельзя выбраться на дорогу. Полагаю, что всѣ, искренно желающіе подвинуть просвѣщеніе массы, только чтеніе послѣдняго рода и назовутъ *грамотностію*, а чтеніе неосмысленное, или возможность чтенія одной тысячной доли изъ существующаго въ русской печати назовутъ неграмотностію и безграмотностію. Но пойдемъ далѣе:

Значитъ ли умѣть *писать*—обладать искусствомъ подписать свое имя, пожалуй настрочить очень красивыя буквы по прописи? Или нужно, чтобы *пишущій* крестьянинъ, хотя бы съ многочисленными орѳографическими ошибками, но толково и связно могъ написать письмо брату, сданному въ солдаты, справиться чрезъ почту о цѣнахъ на хлѣбъ въ портѣ, написать заявленіе въ Управу и мировому посреднику, предложить издали письмомъ свои услуги, вмѣсто того, чтобы идти на авось за сотни верстъ? Но намъ скажутъ, можетъ быть, что умѣющій подписаться и письмо напишетъ.... Противъ этого будемъ спорить, на основаніи опыта; мы знаемъ сотни примѣровъ лицъ, по 5-ти лѣтъ обучавшихся, обладающихъ сноснымъ почеркомъ, и не могущихъ написать и *двухъ* словъ, какъ говорится «изъ головы»; ихъ никогда и никто не упражнялъ въ умѣньи изложить свою мысль на бумагѣ, даже въ умѣньи «собрать слово въ головѣ», т. е. въ умѣньи написать, безъ пропуска буквъ, чтобы то ни было безъ прописи. Или такое писанье будемъ мы также относить къ грамотности, служащей *средствомъ* къ образованію? Нѣтъ, такого рода грамотность не средство, но сама себѣ *цѣль* и такая цѣль, достиженіе которой не вознаграждаетъ за трудъ, употребленный на то, чтобы къ ней приблизиться. Допустимъ наконецъ, что крестьянинъ читаетъ и пишетъ какъ слѣдуетъ, и навыкъ читать *писанное* (а это опять особая наука), но владѣетъ ли онъ вполнѣ этими орудіями, служатъ ли онѣ ему могучимъ средствомъ, если онъ не въ состояніи провѣрить свою податную тетрадь, не въ состояніи повѣрить волостного писаря въ его счетахъ? Конечно, нѣтъ! Значитъ, истинно *грамотный* человѣкъ, на столько грамотный, чтобы грамотность была въ рукахъ его *средствомъ* къ образованію, долженъ умѣть читать, писать и считать и отнюдь не ограничиваться знаніемъ процесса чтенія, письма и счета.

Затѣмъ слѣдуетъ вопросъ, легко ли, при *неподготовленныхъ* пре-

подавателяхъ, достигаются подобные результаты? Правъ г. Самаринъ, утверждая, что за нѣсколько часовъ возможно познакомить любого причетника и отставного солдата съ улучшеннымъ способомъ научить дѣтей процессу чтенія, но неужели этотъ почтенный гласный будетъ утверждать, что «причетники» и «отставные солдаты», научатъ народъ, при новой методѣ обученія чтенію, тому, о чемъ мы говорили выше, и *разовьютъ* его на столько, чтобы грамотность получила силу *средства*; а если же она останется цѣлью, то изъ-за чего мы хлопотали? Предоставимъ такія хлопоты тѣмъ, которые желаютъ имѣть грамотныхъ въ Россіи для счета, только на бумагѣ; земство этого не желаетъ, и конечно всѣхъ менѣе желаетъ того г. Самаринъ, столь тепло относящійся къ народу и его самоуправленію. Смѣемъ увѣрить г. Самарина въ томъ, что мы имѣемъ дѣло не съ причетниками и отставными солдатами, но съ лицами, окончившими курсъ въ уѣздномъ училищѣ, и при этомъ ариѳметика у насъ на столько еще хромаетъ, что ни въ одной изъ *преобразованныхъ* Совѣтомъ школъ въ этомъ году еще не рѣшили ученики слѣдующей задачи, мною имъ предложенной: «За нитки слѣдуетъ заплатить 8 коп.; какъ заплатить ихъ пятью мѣдными монетами»; понятно, само по себѣ, что при этомъ предварительно объяснялось значеніе слова «монета», и ученикъ самъ говорилъ, что мѣдныя деньги бываютъ въ 1 к. сер., 2 коп. сер., 3 коп. сер. и 5 коп. сер. Чтеніе и письмо въ этомъ году идутъ весьма удовлетворительно, но это стоитъ Совѣту огромныхъ хлопотъ и усилій, потому что, обучая дѣтей, учатся и сами учители. Для того, чтобы указать хоть въ немногихъ словахъ, какъ сложенъ процессъ обученія *«грамотѣ»*, если грамотность должна послужить средствомъ къ образованію, я перечислю всѣ тѣ упражненія, которыя введены Александровскимъ уѣзднымъ училищнымъ Совѣтомъ въ школахъ: 1) Обученіе чтенію по звуковой методѣ. 2) Чтеніе внимательное, т. е. одинъ читаетъ въ слухъ, а прочіе ученики слѣдятъ по своимъ книгамъ, а учитель ежеминутно предлагаетъ продолжать чтеніе именно тѣмъ ученикамъ, которые всего менѣе того ожидаютъ. 3) Чтеніе выразительное, при постоянномъ упражненіи разсказывать прочитанное. Это достижимо только послѣ механическаго чтенія, которымъ пріобрѣтается нѣкоторая бѣглость въ чтеніи. 4) Скоропись. Этимъ именемъ называемъ мы въ школахъ письмо безъ прописей и не подъ диктовку; ученики излагаютъ письменно читанное, или слышанное ими въ классѣ, пишутъ письма и сочиненія на заданную тему. 5) Чистописаніе, т. е. писаніе тѣхъ фигуръ, которыя изображаютъ элементы письменной азбуки. 6) Упражненія изъ «Родного Слова» Ушинскаго, т. е. умѣнье распредѣлять различные предметы по разрядамъ, наприм. столъ — мебель; сусликъ — четвероногое, травоядное, дикое животное; узда — сбруя; яблоня — плодовое дерево; соха — орудіе и

проч. 7) Диктовка звуковая и диктовка съ цѣлью хоть сколько нибудь упражнить въ орѳографіи. Какъ сказано будетъ ниже, звуковая метода преподается въ нашихъ школахъ по составленному мною руководству; звуковая диктовка упражняетъ дѣтей только въ томъ, чтобы они не смѣшивали звуковъ напр. «У» и «О»; «Ы» и «И»; «Ы» и «Э»; «Ч» и «Ш» и проч. Кромѣ того диктуютъ дѣтямъ не по одному слову, какъ при звуковой диктовкѣ, но цѣлыя предложенія. 8) Игра въ буквы. Въ каждой школѣ есть печатныя буквы, наклеенныя на картонъ: ученикъ, задумываетъ какое нибудь слово, и затѣмъ, подобравъ изъ ящика на него буквы, смѣшиваетъ ихъ въ кучу, которую кладетъ предъ товарищемъ, указывая только на первую букву задуманнаго слова; этотъ товарищъ долженъ отгадать слово, раскладывая положенную предъ нимъ кучу буквъ и дѣлая всевозможныя перестановки, пока выйдетъ слово; очевидно, что при такой игрѣ первый ученикъ пишетъ, а второй читаетъ. Эта игра необыкновенно занимаетъ дѣтей и въ высшей степени полезна; она изобрѣтена не мною, я видѣлъ ее въ образованныхъ семействахъ столицы, и очень счастливъ тѣмъ, что удалось примѣнить ее съ успѣхомъ къ народнымъ школамъ. 9) Ариѳметика. Умственное счисленіе, письменныя ариѳметическія дѣйствія и счисленіе на счетахъ по первымъ 4 дѣйствіямъ. О Законѣ Божіемъ мы не упоминаемъ потому, что, къ величайшему сожалѣнію, наблюденіе за преподаваніемъ его изъято, изъ вѣдѣнія училищныхъ Совѣтовъ.

Въ девяти вышеприведенныхъ пунктахъ намъ удалось только намекнуть на каждый изъ видовъ упражненій въ народной школѣ, обучающей только грамотѣ; намъ кажется однако, что и сказаннаго достаточно, если бы мы даже и не указывали на испытанное Алекс. уѣздн. училищнымъ Совѣтомъ, чтобы доказать, что школа грамотности не по плечу отставнымъ солдатамъ и причетникамъ; понятно, что нѣтъ правила безъ исключеній. Говоря вообще, главною цѣлью школы должно быть *развитіе* ума и сердца дитяти; что же касается преподаванія причетниковъ и отставныхъ солдатъ, то мы были столь несчастливы до сихъ поръ, что не видѣли иного, кромѣ притупляющаго. Много ли тутъ пособитъ новая метода, и захотятъ ли еще причетникъ и отставной солдатъ ей подчиниться? Допустимъ однако, что и между ними, *какъ преподавателями*, есть прогрессисты, которые отрекутся отъ родныхъ «азовъ». И что же? Дѣти научатся быстро процессу чтенія, а дальше что?.. Надняхъ отставной солдатъ обратился ко мнѣ съ слѣдующею просьбою:—«Сдѣлайте милость, примите сына въ школу; четвертый годъ его учу; себя сложить не можетъ, а восьмую каѳисму уже читаетъ». Онъ хотѣлъ сказать, что ученикъ не знаетъ, какія нужны буквы, для того чтобы составить его прозваніе. Многое множество можно бы сказать по этому поводу, но я ограничусь однимъ вопросомъ: легко ли достигнуть того, чтобы человѣкъ, воспитанный въ духовномъ училищѣ

или семинаріи стараго времени, или человѣкъ 20 лѣтъ прожившій въ полку обходился кротко съ учениками и старался *привязать* ихъ къ себѣ?.. Въ очень многихъ школахъ нашего уѣзда дѣти не идутъ и обѣдать домой, чтобы только не прозѣвать возобновленія класса; самъ я видѣлъ не разъ, какъ дѣти *на-взрыдъ* плакали о томъ, что родители оставляли ихъ дома и не пускали въ школу; только при такой *привязанности дѣтей къ школѣ* дѣло и можетъ подвигаться.

Не убѣдили ли мы наконецъ читателя въ томъ, что и для обученія грамотѣ недостаточно Россіи существующихъ педагогическихъ силъ, изъ числа которыхъ почти всегда приходится исключать священниковъ, такъ какъ они обременены обязанностями по сану, а толковая школа требуетъ *безотлучнаго* пребыванія учителя съ учениками. Мы не вступимъ сегодня въ полемику съ священникомъ Воронцовымъ, доказывавшимъ московскому губернскому земскому собранію, что лучше всего предоставить обученіе народа священникамъ; у насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, времени на то, чтобы сегодня же коснуться этого вопроса, но фактовъ у насъ не мало, для того чтобы отвѣчать г. Воронцову, что́ мы и сдѣлаемъ, при случаѣ. Сегодня же мы обращаемъ лишь вниманіе читателей на то, на сколько основательно поступили тѣ гг. гласные московск. губ. зем. собранія, которые доказывали, что не нужно учительской семинаріи, потому что есть у насъ и безъ того кому учить *грамотѣ*. Не говоря уже о томъ, что большинство ораторовъ высказывалось въ пользу образованія, не ограничивающагося одною грамотностію, мы, полагаемъ, выяснили, что и обученіе грамотности въ настоящемъ смыслѣ слова дѣло не пустое, если только обучать народъ не для вѣдомостей, но для будущаго Россіи. Такъ какъ московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ не отвергнута мысль управы объ учительской семинаріи, а напротивъ избрана коммисія, для разработки вопроса, то литература еще успѣетъ коснуться его, если пожелаетъ послужить насущной потребности общества. Мы же перейдемъ теперь къ послѣднему вопросу, изъ области народнаго образованія, затронутому въ Москвѣ въ январскую сессію губернскаго земства.

Г. Самаринъ указалъ собранію на быстрые успѣхи, достигнутые въ Самарской губерніи преподаваніемъ грамоты по методѣ Золотова, и собраніемъ поручено коммисіи разсмотрѣть вопросъ о распространеніи въ губерніи лучшихъ способовъ обученія грамотѣ. Считая такое постановленіе въ высшей степени раціональнымъ и полагая, что все сдѣланное земствомъ одной какой нибудь мѣстности должно быть провѣряемо земствомъ цѣлой Россіи, я считаю себя обязаннымъ изложить вкратцѣ тотъ новый способъ обученія, который *уже испытанъ* въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи.

Несомнѣнно, что метода Золотова, о быстрыхъ успѣхахъ которой докладывалъ московскому губернскому земскому собранію гласный Са-

маринъ, составляетъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ прежнимъ обученіемъ, что́ касается *ускоренія* процесса обученія чтенію; но и въ этой методѣ, также какъ и въ прежнихъ, всё основано на *заучиваньи:* прежде зубрили буквы, зубрили склады, а у Золотова начинаютъ непосредственно съ заучиванья слоговъ. Такъ называемая *звуковая* метода, примѣненная въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, обращается гораздо болѣе къ *мышленію*, нежели къ *памяти* ребенка, именуя буквы такъ, какъ онѣ слышатся въ словахъ, т. е. называя *звуки* (напр. «ш» называется не «ша», но «шъ» и т. д.). Эта метода обременяетъ память учащагося только изученіемъ буквъ и, согласно составленному мною руководству, съ перваго же урока добивается того, чтобы ребенокъ *понялъ*, сообразилъ, что два звука «шъ» и «а» составятъ не «шъ-а», но «ша», т. е. сольются, отъ быстраго произношенія одного звука за другимъ, въ третій, новый звукъ «ша». Читателямъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что *звуковое* именованіе буквъ алфавита давно извѣстно и употребительно въ Европѣ; собственно *моего* въ методѣ, примѣняемой въ нашихъ народныхъ школахъ то, что по моему руководству обучаютъ читать и *писать* въ одно и то же время; первоначально дѣти пишутъ печатнымъ шрифтомъ. Звуковая диктовка, т. е. весьма отчетливое и протяжное произношеніе словъ учителемъ, для того, чтобы ученики написали *слышанное* ими, *по слуху*, т. е. написали произнесенныя слова, начинается съ самаго перваго урока. Предположимъ, что пройдено 3 урока; ученики узнали только 7 звуковъ: а, м (мъ), ш (шъ), о, к (къ), у, р (ръ), но они могутъ прочесть, *или написать* подъ диктовку *всевозможныя* слова, составленныя изъ этихъ семи пройденныхъ буквъ, или звуковъ: мама, Маша, мамка, комокъ, курокъ, кошка, кашка, окошко, рука, ракъ, макъ, Макаръ, кора, корка, рама, рамка, шаръ, каша, шкура, око, шумъ, Машка, мамаша, мука, кумъ, кума, мошка, мушка, кукушка, кумушка и пр.; мы привели 31 слово, но не ручаемся за то, что ихъ нельзя подобрать болѣе на вышеозначенные 7 звуковъ, и *всякое* слово, изъ пройденныхъ буквъ составленное, ученикъ долженъ умѣть прочесть, если оно собрано учителемъ на классной доскѣ изъ подвижныхъ буквъ, или написать, если оно ему диктуется. За каждымъ урокомъ прибавляется по одному, или по два новыхъ звука и производится чтеніе и письмо на всю пройденную часть алфавита; такимъ образомъ, съ перваго же урока ученикъ чувствуетъ себя уже грамотнымъ человѣкомъ, потому что онъ читаетъ и пишетъ. Мы не будемъ обременять вниманія читателя изложеніемъ всѣхъ техническихъ подробностей нашей методы; мы ограничимся сдѣланными указаніями, полагая, что сказаннаго достаточно для того, чтобы убѣдить читателя въ томъ, что ученикъ, обучающійся по нашей методѣ, постоянно *соображаетъ* и не заучиваетъ ничего, кромѣ произношенія очертанія буквъ; опытъ до-

казалъ намъ, что *звуковое* именованіе буквъ, дикостію котораго обыкновенно пугаютъ людей, незнакомыхъ съ дѣломъ, достается очень легко.

Но г. Самаринъ говорилъ въ собраніи о *быстротѣ* результатовъ отъ методы Золотова, поэтому и читатель въ правѣ потребовать отъ насъ того, чтобы мы сравнили звуковое обученіе грамотѣ съ Золотовскимъ не только по вліянію ихъ на развитіе учащагося, но и по *быстротѣ* результатовъ отъ того и другого, что́ составляетъ едва ли не самую существенную сторону дѣла въ глазахъ многихъ. Намъ было бы крайне неудобно говорить, какъ автору, о результатахъ отъ нашего труда на практикѣ, если бы мы должны были ограничиться изложеніемъ того, что испытано нами самими; желая пользы дѣлу, мы очень счастливы, что можемъ не произносить ни слова о себѣ и изъвѣданномъ нами самими и указывать только на то, чего достигла метода въ рукахъ другихъ, что́ испытано другими, и ссылаться при этомъ на такіе факты, которые очень легко могутъ быть провѣрены. По составленному нами «Руководству къ обученію грамотѣ» (всего 16 стран.) обучены въ 14 *русскихъ* школахъ (не считая греческихъ и нѣмецкихъ колоній) ввѣреннаго намъ III-го училищнаго участка Александровскаго уѣзда, въ минувшую зиму, 300 совершенно неграмотныхъ учениковъ чтенію и *письму*, и около 100 читавшихъ, но не писавшихъ, учениковъ—письму. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ нами изъ остальныхъ двухъ училищныхъ участковъ уѣзда, мы можемъ сказать, что въ эту зиму обучены чтенію и *письму* болѣе 800 совершенно неграмотныхъ учениковъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ школахъ потребовалось не болѣе *одного* мѣсяца для того, чтобы пройти мое руководство; въ тотъ самый день, что́ руководство мое окончено, ученику дается въ первый разъ въ жизни книга въ руки, и онъ читаетъ медленно, но безошибочно, любое слово въ любой книгѣ и пишетъ не только подъ диктовку, но, къ величайшему удовольствію своему, можетъ написать любое слово, которое придетъ ему въ голову. Мы сказали, что обученіе процессу чтенія и письму въ теченіе одного мѣсяца составляетъ *правило*; добавимъ къ этому, что такія исключенія, чтобы учителю, у котораго на рукахъ два класса, потребовалось *болѣе* мѣсяца на окончаніе методы, составляютъ величайшую рѣдкость; напротивъ, часто бываютъ случаи обученія отдѣльныхъ учениковъ въ въ срокъ гораздо *менѣе* продолжительный. Я могъ бы привести множество примѣровъ, но ограничусь однимъ и именно такимъ примѣромъ, который обнаружитъ вліяніе *быстроты* обученія грамотѣ на то крестьянское населеніе, на глазахъ котораго оно совершается: въ начальномъ народномъ училищѣ селенія «Благодатное», учителемъ Кобылинскимъ обучена дѣвочка 8 лѣтъ, Марья Крыжановская, чтенію и письму (печатнымъ шрифтомъ) съ 22-го января по 10-е февраля этого

года, т. е. приблизительно за 15 учебныхъ дней; 15-го февраля былъ я въ школѣ, куда поспѣшилъ придти отецъ Крыжановской, для того чтобы благодарить меня за руководство; *самъ Крыжановскій, пораженный успѣхами дочери, сталъ обучаться грамотѣ.* При испытаніи присутствовалъ начальникъ велико-анадальскаго лѣсничества, попечитель благодатненской школы А. Г. Баркъ и гласный изъ крестьянъ г. Головко; при нихъ Марья Крыжановская, поступившая въ школу, никогда и ничему неучившаяся, прочла въ 20-й день обученія по незнакомой ей книгѣ лучше недавно поступившаго въ школу ученика Семенчова, *три года обучавшагося чтенію* въ школѣ стараго закала; это отнюдь не доказываетъ, впрочемъ, того, чтобы Марья Крыжановская читала бѣгло, или выразительно — она читала 15-го февраля медленно и безъ выраженія; на 20-й день обученія она была занята, при чтеніи, преимущественно самымъ процессомъ чтенія; но такое сопоставленіе доказываетъ, тѣмъ не менѣе, на сколько школа шагнула впередъ, благодаря улучшенному способу преподаванія. Примѣръ Крыжановскаго, крестьянина селенія «Благодатное», лѣтъ сорока, привлеченнаго къ грамотѣ *быстротою* обученія — далеко не единственный; я могъ бы назвать не мало и другихъ крестьянъ, вообще взрослыхъ людей всякаго званія, не учившихся до сихъ поръ только потому, что не хватало у нихъ мужества взбираться на неприступную скалу; такъ весьма характеристично, не подозрѣвая ни малѣйшей ироніи въ этой аллегоріи, изображали науку и грамотность на средневѣковыхъ картинахъ. Вмѣсто того, чтобы называть отдѣльныя лица, я предпочитаю указать на цѣлую школу, для взрослыхъ, учрежденную мною, на правахъ частнаго лица, съ разрѣшенія училищнаго совѣта; эта воскресная школа находится въ селеніи Времьевкѣ; обучаютъ въ ней, на основаніи свидѣтельствъ совѣта, гг. Владисл. Адам. фонъ-Шварцъ и Кир. Вас. Ковалевскій, и 14 учащихся, изъ которыхъ многіе уже женаты, поступивъ совершенно неграмотными, на 15-й день обученія взялись за книги, т. е. были въ состояніи, окончивъ всю методу мою, прочесть и *написать* любое слово. На 15-й же день ученики перешли къ замѣнѣ печатныхъ буквъ писанными, при диктовкѣ; на это требуется не болѣе пяти дней; слѣдовательно, за 19 дней 14 взрослыхъ неграмотныхъ крестьянъ будутъ обучены умѣнью прочесть любое слово въ любой книгѣ и написать любое слово обыкновеннымъ письменнымъ шрифтомъ (первоначально мы ограничиваемся печатнымъ шрифтомъ при письмѣ, для того, чтобы не затруднять памяти учащагося двоякимъ очертаніемъ буквъ—печатнымъ и письменнымъ) подъ диктовку, или собственному вдохновенію, что необыкновенно тѣшитъ учащихся. Въ Времьевской воскресной школѣ для взрослыхъ производилъ испытаніе членъ александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта Д. Т. Гнѣдинъ и часто бывалъ мѣстный

мировой посредникъ Г. И. Сонцовъ, приглашенный училищнымъ совѣтомъ, по просьбѣ моей, какъ учредителя, попечителемъ этой школы для взрослыхъ.

Итакъ, факты доказываютъ, что звуковая метода, преподаваемая по моему руководству, примѣнима къ дѣтямъ и взрослымъ; опытъ убѣдилъ гг. преподавателей нашихъ школъ въ томъ, что если поступаетъ ученикъ, знавшій только однѣ *буквы*, по старому, то такія свѣдѣнія въ первые дни нѣсколько затрудняютъ его успѣхи по нашей методѣ; если же поступаетъ въ школу ученикъ, читающій «по складамъ», то *гораздо скорѣе* переучить его по нашей методѣ, нежели отъ чтенія «по складамъ» довести до чтенія «по верхамъ». Эти выраженія теперь уже какъ-то странно звучатъ въ Александровскомъ уѣздѣ — до такой степени его населеніе убѣдилось въ превосходствѣ звукового обученія сравнительно съ прежнимъ. Приводя факты, доказывающіе, какъ намъ кажется, что обученіе по нашему руководству даетъ *быстрые* результаты, мы желали бы еще сравнить эти успѣхи съ результатами отъ методы Золотова, рекомендованной г. Самаринымъ своимъ сочленамъ, но на это у насъ мало данныхъ, такъ какъ мы не наблюдали примѣненія методы Золотова въ обширныхъ размѣрахъ. Мы позволимъ себѣ сказать только, что въ александровской школѣ обучали до настоящаго года по методѣ Золотова, и что учитель г. Роопъ, замѣнивъ ее звуковою методою, нашелъ, что послѣдняя достигаетъ цѣли гораздо *быстрѣе* первой; это подтвердитъ и попечитель школы г. Гнѣдинъ; это могли бы подтвердить и мы, если бы мы не желали устранить себя, при обсужденіи этого вопроса; къ сказанному добавимъ, что Золотовская метода обучаетъ только чтенію, а звуковая метода, примѣняемая къ дѣлу, по составленному нами руководству, обучаетъ *одновременно* чтенію и *письму*. Если мы настаиваемъ на этомъ различіи, то потому, что мы сотни разъ замѣчали, какъ именно то свойство методы, что она обучаетъ *писать*, что́ въ глазахъ народа почти равняется достиженію «класса философіи», привлекаетъ къ ней даже и тѣхъ крестьянъ, которые въ первые дни преподаванія, слыша какіе-то дикіе звуки и видя, что учащемуся «и книжки не даютъ», относятся къ ней насмѣшливо и недовѣрчиво. Первые дни преподаванія ставятъ, впрочемъ, въ тупикъ и такого преподавателя, который преподаетъ по нашему руководству въ *первый* разъ въ жизни: въ первые два три дня незамѣтно, *повидимому*, никакихъ успѣховъ; ученики только запоминаютъ различные звуки, но не сливаютъ два звука въ одинъ; на 5-й или 6-й день преподаванія, *сліяніе* звуковъ понятно, и тогда начинается наслажденіе для учителя, такъ какъ, если ученикъ, напримѣръ, знаетъ буквы «а», «м», «к», то онъ прочитаетъ свободно «мак» (буква «ъ» показывается при окончаніи методы, какъ не имѣющая звука); но тотъ же ученикъ столь же сво-

бодно прочитаетъ и слово «рак», если только сказать ему, что знакъ «р», который онъ видитъ въ первый разъ въ жизни, называется «ръ» однимъ словомъ, ученикъ уже *понялъ* сочетаніе звуковъ, въ чемъ вся и сила.

Московское земство, къ которому, преимущественно, мы обращаемся съ этой статьей, потому что оно серіознѣе земства многихъ другихъ губерній взглянуло на существенность вопроса объ улучшенныхъ способахъ обученія, можетъ потребовать отъ насъ, чтобы мы указали на то, какъ подвигаются далѣе дѣти, быстро обученные чтенію и письму; этого могутъ отъ насъ потребовать, такъ какъ мы сами же заявляемъ въ настоящей статьѣ, что улучшенная метода усвоенія процесса чтенія, если ею ограничиться, ничего не значитъ, сама по себѣ не даетъ результата, не даетъ учащемуся того, что́ сто́итъ названія *«грамотности»*. Считая себя обязаннымъ, и въ этомъ случаѣ, ничего не утверждать голословно, мы приведемъ, отъ слова до слова, оффиціальное удостовѣреніе, выданное членомъ совѣта учителю, послѣ испытанія учениковъ такой школы, которая приняла дѣтей совершенно не грамотными въ октябрѣ и ноябрѣ прошлаго года; испытаніе происходило, въ присутствіи мѣстнаго мирового посредника, мѣстнаго приходскаго священника и посторонних свидѣтелей, 19 февраля этого года. Вотъ самый текстъ удостовѣренія: «Членомъ Александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, Дмитріемъ Титовичемъ Гнѣдинымъ, по испытаніи учениковъ Времьевскаго начальнаго народнаго училища, Екатеринославской губерніи, Александровскаго уѣзда, выдано сіе удостовѣреніе въ нижеслѣдующемъ: 1) Начальная школа, въ составѣ 31 ученика, состоитъ изъ двухъ отдѣленій, которые, по испытаніи 19 февраля 1868 года, оказали: а) *Младшее* отдѣленіе изъ 13 учениковъ, поступившихъ совершенно неграмотными, 15 ноября прошлаго 1867 года, въ настоящее время, т. е. *за 3 мѣсяца*, можетъ прочитать относительно свободно, въ совершенно незнакомой книгѣ, и *разсказать прочитанное*, а также свободно написать перомъ на бумагѣ, подъ диктовку, самыя трудныя, многосложныя слова, не дѣлая ошибокъ въ звукахъ, хотя бы то стояли въ словѣ *рядомъ двѣ* гласныя, или согласныя, и, что самое главное, не дѣлая ошибокъ въ гортанныхъ звукахъ. б) *Старшее* отдѣленіе изъ 18 учениковъ, поступившихъ также совершенно неграмотными, 6 октября прошлаго 1867 года, читаетъ выразительно и объясняетъ читанное въ незнакомой книгѣ; сверхъ того, излагаютъ письменно, своими словами, прочитанное ими, или разсказанное имъ кѣмъ либо другимъ. Старшее отдѣленіе, въ продолженіи учебнаго года, сокращеннаго свирѣпствовавшими оспой и корью, прошло Упражненія изъ «Роднаго Слова» Ушинскаго до 15-го урока, и бойко отвѣчаетъ, при самыхъ сбивчивыхъ вопросахъ, распредѣляя предметы по разрядамъ. Не смотря на такой быстрый успѣхъ въ чте-

нія русскомъ, старшее отдѣленіе читаетъ и по-славянски. 2) Оба отдѣленія знаютъ главныя молитвы безошибочно. Мальчики старшаго отдѣленія на столько подготовлены, что могутъ слушать и, дѣйствительно, будутъ слушать, чрезъ четыре недѣли, преподаваніе Закона Божія священникомъ Тарасьевымъ. Въ заключеніе должно сказать, что мальчики объясняются по-русски, держатъ себя совершенно непринужденно, но весьма прилично; вообще они весьма желаютъ учиться и любятъ своего учителя. Всему вышеозначенному дѣти выучены, по методѣ барона Николая Александровича Корфа, учителемъ крестьяниномъ-собственникомъ Яковомъ Васильевичемъ Лобовымъ [1]), подъ руководствомъ барона Корфа, какъ попечителя школы.» Удостовѣреніе подписано, кромѣ экзаменатора и мирового посредника, всѣми присутствовавшими при испытаніи въ Времьевской школѣ. Полагаю, что сказаннаго достаточно для того, чтобы познакомить земство съ примѣняемымъ у насъ улучшеннымъ способомъ обученія грамотѣ; если бы гг. спеціялисты поинтересовались этимъ вопросомъ, то они получатъ возможность познакомиться со всѣми мельчайшими подробностями нашихъ педагогическихъ пріемовъ, нашихъ удачъ и неудачъ, добытыхъ нами результатовъ и надеждъ нашихъ изъ отчета моего, за истекающій 1867—1868 учебный годъ, который я буду имѣть честь представить совѣту и который будетъ напечатанъ.

Подведемъ итогъ сказанному нами, по поводу отношенія московскаго губернскаго земскаго собранія къ вопросу о народномъ образованіи. Намъ казалось, что уваженіе къ дѣятелямъ и учрежденію не должно мѣшать относиться критически къ дѣйствіямъ; поэтому, основываясь на положительныхъ данныхъ, мы рѣшились сказать, что впрочемъ выражали и сами гг. гласные, что управа и собраніе, обсуждая вопросъ, не стояли на почвѣ *фактовъ*, а потому давали оружіе противъ себя въ руки врагамъ народныхъ школъ. Такихъ людей, однако, не оказалось въ собраніи и, *безъ борьбы*, не съ бою, какъ часто бываетъ, состоялась щедрая ассигновка въ пользу народныхъ школъ. Управа предлагала собранію открытіе учительской семинаріи; возраженія противъ этого, какъ мы старались доказать, были слабы и вытекали, какъ намъ кажется, опять изъ того же источника—незнакомства *съ фактами;* возраженія не поколебали собранія, которое постановило выработать проектъ семинаріи. Но если московское губернское собраніе и показало себя, по нашему мнѣнію, не достаточно близкимъ къ дѣйствительной жизни по нѣкоторымъ частямъ вопроса о народномъ образованіи, то съ другой стороны оно выска-

---

[1]) Г. Лобовъ окончилъ курсъ въ той школѣ лѣсниковъ, которая закрыта министерствомъ государственныхъ имуществъ, вопреки ходатайству земства, предлагавшаго 2,000 р. для образованія въ ней народныхъ учителей.

залось *честнымъ*, въ гражданскомъ значеніи этого слова: оно охотно дало денегъ на школы. Мало того, московское собраніе, на нашъ взглядъ, поступило въ высшей степени *практично* въ двухъ отношеніяхъ: 1) обративъ вниманіе, съ перваго же дня ассигновки денегъ, на улучшенные пріемы обученія грамотѣ, и 2) ассигновавъ *теперь же* деньги на школы. Пока соберутся деньги, коммиссія несомнѣнно давнымъ давно обсудитъ вопросъ о методахъ и начнется *дѣло* школъ въ губерніи; предпослать же ассигновкѣ суммы «всестороннюю разработку вопроса», какъ у насъ любятъ выражаться, или оставить вопросъ «*открытымъ*»—значило бы, или затянуть дѣло, или не сдѣлать ровно ничего. Такъ, въ первую сессію Екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія, «общій вопросъ о народномъ образованіи оставленъ *открытымъ*», а въ слѣдующую сессію вопросъ *закрытъ* тѣмъ, что не сдѣлано ровно ничего, кромѣ того, что въ протоколѣ записано о томъ, что «народное образованіе крайне необходимо.»

Мы считали своимъ правомъ и своею обязанностію высказаться о январской сессіи московскаго собранія, на основаніи напечатанныхъ о ней извѣстій. Кто знаетъ?... Можетъ быть, мы и судили по неполной и потому ужъ неточной картинѣ; можетъ быть, «ретушь» и здѣсь сдѣлала свое? Если мы были введены въ заблужденіе печатью, то, надѣемся, не насъ станутъ винить; мы сдѣлали что́ могли, и отъ души желаемъ, *для пользы всего государства и правительства*, чтобы скорѣе наступила пора довѣрія къ земскимъ учрежденіямъ, пора земской гласности. Неужели опаснѣе обнародывать вполнѣ пренія земскихъ собраній, чѣмъ преступныя дѣйствія, обличаемыя въ судахъ? Если, что́ несомнѣнно, полезна судебная гласность, то почему вредна земская? Вредъ ея еще не можетъ быть доказанъ тѣмъ, что она многимъ можетъ не приходиться по вкусу; вѣдь не всѣ въ Россіи желаютъ *гласнаго* суда, — и не мало людей, старающихся обойти его и опасающихся гласности судебнаго процесса и независимости судей.

БАРОНЪ Н. КОРФЪ.

6 апрѣля 1868 г.

ПЕРВЫЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ СЪѢЗДЪ ВЪ НОВГОРОДѢ.

Вѣковое молчаніе приходскаго духовенства наконецъ было прервано въ Новгородѣ. *Vinctum catenis corpus* обнаружилъ первые признаки жизни послѣ вѣкового сна, длившагося съ тѣхъ поръ, какъ приходское духовенство насильственно было разъединено съ земствомъ. Результаты такого разъединенія слишкомъ общеизвѣстны. Поставленное съ одной стороны въ полное подчиненіе, доходившее до рабскаго униженія, съ другой въ безгласное и безучастное отношеніе къ проявленіямъ общественной жизни, приходское духовенство могло только выражать дѣятельность въ одной обрядовой сторонѣ своего служенія. Вслѣдствіе этого выработался въ обществѣ извѣстный взглядъ на приходское духовенство. Явленіе священника въ обществѣ обусловилось исключительно оффиціальнымъ требоисправленіемъ; оно даже стѣсняло, какъ его самого, такъ и общество. Вслѣдствіе всего этого появилось какое-то враждебное отношеніе общества къ духовенству, въ особенности раздражаемое явленіями въ литературѣ отрывочныхъ и поверхностныхъ указаній на больныя мѣста въ этомъ vinctum catenis corpus. Но все это произошло отъ совершеннаго удаленія приходскаго духовенства отъ общественной жизни, по причинамъ совершенно отъ него независящимъ. Между тѣмъ приходское духовенство имѣло прежде лучшую исторію: жизнь его нѣкогда была тѣсно связана съ жизнію земства, и даже община не отличалась отъ прихода; приходъ былъ первоначальнымъ ядромъ, изъ котораго развивалась русская земская жизнь. Еще во времена язычества народъ собирался на игрища при идолахъ между селъ, и здѣсь скрѣплялись всѣ семейныя и общественныя связи. Здѣсь завязывались родственныя связи — браки, торговыя сдѣлки и товарищества, здѣсь была складчина на общественныя праздники, здѣсь же были судъ и расправа первоначальной, зараждающейся только русской земской общины. Эта языческая форма земской жизни сохранилась и по водвореніи христіанства на Руси, и приходъ или погостъ сдѣлался самостоятельной единицей въ обширной земской общинѣ. Сила приходскаго центра такъ была велика, что отъ него не могла отдѣлиться особая община, и отдѣленіе это не иначе было возможно, какъ подъ условіемъ устройства новой церкви съ особымъ причтомъ подъ названіемъ «выставки», что конечно не избавляло новаго прихода отъ подчиненія основному приходу. Если же жизнь земской общины обусловливалась и выражалась только въ области при-

хода, то нельзя отвергать всецѣлаго участія приходскаго духовенства въ дѣлахъ общины, какъ членовъ уже имѣющихъ авторитетъ и по своему служенію, и по своему нравственному превосходству, особенно когда первоначально они избирались изъ среды общины. Складъ этой русской общины сохранился и до настоящей поры; стремленіе сельскаго населенія къ устройству отдѣльныхъ приходовъ развито въ настоящее время до того, что каждое селеніе готово строить у себя особую церковь, только бы даны были на то ему воля и средства. Выборное начало въ отношеніи къ причту имѣло широкія права, его не могла стѣснять даже власть святительская, и пока не измѣнился правильный ходъ общественной земской жизни введеніемъ ленныхъ началъ, злоупотребленій этимъ правомъ не видно; по крайней мѣрѣ, въ этотъ періодъ времени не указываютъ ничего ни акты, ни лѣтописи. Дѣло производилось просто,—община избирала изъ среды себя достойнаго и способнаго члена на извѣстное служеніе при церкви, заключала съ нимъ условіе, касательно его обезпеченія въ средствахъ къ жизни со стороны общины, — а отъ него требовало исполненія въ точности извѣстныхъ обязанностей, по его служенію, и представляло его святителю для посвященія. Даже въ позднѣйшее время, когда отношенія приходскаго духовенства къ общинѣ потерпѣли измѣненія въ ущербъ земскихъ интересовъ, представленіе общины сохранило свою силу до того, что могло спорить съ епископскою властію. Церковное имущество находилось въ полномъ распоряженіи общины и вѣдалось выборнымъ старостой, безъ всякаго контроля со стороны епархіальнаго начальства. Члены причта были вмѣстѣ и члены земской общины, они только были лично и по надѣлу земли отъ общины для прихода обѣлены; но, въ случаѣ поселенія не на церковной землѣ и владѣнія черной землею, несли одинаково всѣ манты общины. Все это тѣсно связывало приходское духовенство съ земствомъ, какъ и въ видахъ ихъ служенія, такъ и въ частныхъ интересахъ. Устройство церквей производилось съ разрѣшенія владыки: но бывали примѣры, что у владыки только просила разрѣшенія община освятить церковь, построивъ безъ его вѣдѣнія. Такимъ образомъ, земство и приходское духовенство составляли одно цѣлое въ лицѣ прихода, и интересы ихъ были тѣсно связаны между собою.

Появленіе леннаго права вызвало борьбу со стороны земства. Высшая духовная власть присвоила себѣ тѣ же ленныя права и наравнѣ съ своими отчинами обложила данями и приходское духовенство, какъ на содержаніе себя, такъ и на содержаніе своихъ бояръ. Пока еще не были разрушены совершенно связи духовенства съ земствомъ, оно находило защиту у земства противъ притѣсненія владычныхъ бояръ, и случалось, что давало отпоръ вооруженною силою. Это, конечно, побудило уединить духовенство и поставить его въ совершенно зави-

симое положеніе отъ епархіальнаго начальства. Съ этого времени начинается бѣдственное положеніе приходскаго духовенства, появляется нищета, бродяжничество, — бродячіе попы, — уничиженіе и совершенное удаленіе отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Съ одной стороны, само приходское духовенство, вслѣдствіе своего труднаго положенія, замкнулось въ своемъ кругу, а съ другой стороны высшая власть воспользовалась этимъ случаемъ и создала особенный классъ изъ приходскаго духовенства, изъ котораго образовалось духовное сословіе, до того замкнутое въ самомъ себѣ, что даже бывали распоряженія, чтобы поступающій на служеніе къ приходской церкви не могъ вступить въ бракъ, не только съ дѣвицей изъ другого сословія, но даже и съ духовной изъ другой епархіи безъ разрѣшенія высшаго начальства. Дѣти же членовъ причтовъ не иначе могли поступать учиться въ гимназіи и другія свѣтскія учебныя заведенія, какъ по увольненіи изъ духовнаго званія. Совершенная замкнутость сословія, отчужденіе полное отъ общества и общественной дѣятельности, безусловное подчиненіе произволу старшаго, стѣсненіе самодѣятельности до совершеннаго уничтоженія свободы—мысли и слова, и униженіе до совершенной безличности было слѣдствіемъ этой замкнутости. При такихъ, конечно, условіяхъ не было мыслимо какое нибудь жизненное проявленіе между приходскимъ духовенствомъ.

Новый уставъ духовно-учебныхъ заведеній засталъ въ расплохъ приходское духовенство, большинство даже и не подозрѣвало объ его существованіи. Потому не мудрено, что нѣкоторые епархіальные съѣзды не совсѣмъ были удачны, какъ заявлено въ нѣкоторыхъ газетныхъ статьяхъ. Судить строго за это духовество было бы несправедливо. Пріученное дѣйствовать по указанію старшаго и сообразно съ видами начальства, духовенство на первый разъ не могло выказать своей самостоятельности, и должно было дѣйствовать, не то, чтобы осторожно, а не рѣшительно; тѣмъ болѣе, что благочинные, ближайшіе распорядители—есть не больше, какъ агенты духовнаго правительства, а не выборные люди отъ духовенства. При ихъ вліяніи могло случиться, что на съѣздъ были выбраны не тѣ лица, которыхъ слѣдовало избрать, а тѣ, на кого было указано. На первоначальномъ выборѣ депутатовъ на епархіальный съѣздъ, имѣли только въ виду избраніе депутатовъ и изысканіе средствъ на проѣздъ ихъ въ губернскій городъ и содержаніе на время съѣзда: но о цѣли самаго съѣзда и изученіи новаго устава духовно-учебныхъ заведеній, было вполнѣ предоставлено съѣзду. При такихъ обстоятельствахъ не должно было ожидать полнаго успѣха.

Уставъ духовно-учебныхъ заведеній ставитъ приходское духовенство совершенно въ другія отношенія къ семинаріи. По смыслу его, семинаріи имѣютъ значеніе спеціальнаго приготовленія священно-цер-

ковно-служителей, въ томъ числѣ, какое потребно для замѣщенія праздныхъ вакансій на священно-церковно-служительскія должности въ теченіе года изъ всѣхъ сословій; а приходскому духовенству дается право голоса въ правленіи семинаріи, какъ по педагогической, такъ и по хозяйственной части въ числѣ трехъ членовъ, выбранныхъ отъ духовенства. Въ случаѣ же превышенія штата семинаріи желающими въ ней обучаться изъ дѣтей духовнаго званія—духовенству предоставлено рѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли при семинаріи учредить для этого параллельные классы и найти источники на покрытіе расхода по этому предмету? Содержаніе же и распредѣленіе низшихъ учебныхъ заведеній предоставлено такъ же приходскому духовенству. Вотъ что́ разсмотрѣть и рѣшить слѣдовало епархіальному съѣзду.

Вопросы очень не легкіе, въ особенности послѣ такого продолжительнаго бездѣйствія и совершеннаго отсутствія знакомства даже съ порядкомъ самаго дѣлопроизводства.

По новому штату, въ новгородской семинаріи полагается 274 воспитанника съ тѣмъ, чтобы каждогодно изъ этого числа кончило курсъ 38, согласно съ годовою потребностію для замѣщенія праздныхъ священнослужительскихъ мѣстъ, выведенной изъ десяти-лѣтней сложности. Въ настоящее время въ семинаріи находится 379, слѣдовательно лишнихъ противъ штата 105 человѣкъ, которые должны быть уволены изъ семинаріи, если бы епархіальное духовенство не признало надобности учредить параллельные классы.

Вопросъ о параллельныхъ классахъ въ семинаріи былъ поставленъ изъ первыхъ на съѣздѣ. Правленіе семинаріи сообщило съѣзду смѣту на устройство параллельныхъ классовъ въ первые два года, въ теченіи которыхъ предполагается открыть только два параллельныхъ класса, и исчислило на этотъ предметъ 12,945 рублей и 51$^1/_3$ копѣекъ, а именно: на жалованье наставникамъ 4,920 рублей; на содержаніе сверхштатныхъ бѣдныхъ воспитанниковъ 5,137 рублей и тридцать три съ четвертью копѣйки; на ремонтъ зданій, — больницу и прочіе расходы 2,180 рублей 18 копѣекъ; — на жалованье третьему помощнику инспектора 700 рублей. Сумма значительная, въ особенности при всеобщемъ безденежьи и стѣсненномъ положеніи духовенства въ матеріальномъ отношеніи. Надо замѣтить, что по новому уставу семинаріи не даютъ уже тѣхъ правъ, какъ было прежде, не кончившимъ курсъ въ спеціальномъ богословскомъ классѣ, а насчетъ параллельныхъ классовъ богословско-спеціальныхъ въ уставѣ ничего не сказано—имѣетъ ли право открывать ихъ приходское духовенство или нѣтъ? Кромѣ того, программа преподаванія сокращена противъ прежняго, а потому выходъ воспитанникамъ семинаріи въ другія свѣтскія учебныя заведенія затрудненъ значительно. Не смотря на эти затрудненія, съѣздъ признаетъ необходимымъ открыть при семинаріи параллельные классы, а на покрытіе

расходовъ по этому предмету указалъ на обложеніе всѣхъ церковныхъ доходовъ въ епархіи сборомъ извѣстнаго процента, изъ чего бы могла составиться требуемая сумма. Кромѣ того онъ указалъ на представляемую отъ духовенства сумму въ семинарію на улучшеніе быта наставниковъ, которая съ введеніемъ новаго устава должна поступить въ вѣдѣніе епархіальнаго духовенства. Разработка этого вопроса была поручена съѣздомъ особой коммиссіи, избранной изъ среды его. Коммиссія нашла, что если обложить весь церковный доходъ въ епархіи четырехпроцентнымъ сборомъ, — составится сумма до девяти тысячъ; а денегъ, собираемыхъ съ духовенства на улучшеніе быта наставниковъ семинаріи представляется каждогодно 3,836 рублей; такимъ образомъ, коммиссіею изыскана была сумма на учрежденіе параллельныхъ классовъ 12,836 рублей. Кромѣ того, по заявленію членовъ съѣзда и изысканіямъ коммиссіи, оказалось, что тридцать три церкви въ епархіи совершенно уклонялись отъ участія въ сборѣ на улучшеніе быта наставниковъ семинаріи, а двадцать двѣ произвольно сбавили сборъ на половину на этотъ же предметъ. На основаніи доклада коммиссіи, съѣздъ постановилъ просить епархіальное начальство сдѣлать распоряженіе о четырехпроцентномъ сборѣ съ доходовъ всѣхъ церквей въ епархіи, на содержаніе параллельныхъ классовъ въ семинаріи, чрезъ благочинныхъ, и деньги представлять прямо въ правленіе семинаріи, которое просить, чтобы оно этимъ суммамъ вело счетъ особо и не смѣшивало бы съ штатными суммами семинаріи. Въ случаѣ могущихъ быть остатковъ, отсылать ихъ въ ближайшее кредитное учрежденіе для приращенія процентами. О тѣхъ же церквахъ, которыя уклонились и не досылали назначеннаго сбора на улучшеніе быта наставниковъ семинаріи, ходатайствовать, чтобы этотъ сборъ доставлялся впредь исправно и тѣмъ же путемъ. Вопросъ о параллельныхъ классахъ въ семинаріи рѣшенъ такимъ образомъ удовлетворительно, и приступлено было къ рѣшенію вопроса объ училищныхъ округахъ въ епархіи.

По новому уставу, распредѣленіе епархіи на училищные округи предоставлено епархіальному съѣзду, съ правомъ назначать новыя училища и закрывать старыя, сообразно съ требованіями мѣстныхъ условій, но съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы въ каждомъ училищѣ число воспитанниковъ не превышало ста шестидесяти человѣкъ, въ противномъ случаѣ требовалось открытіе параллельныхъ классовъ, требующихъ въ свою очередь особенныхъ расходовъ. По новому уставу, училища содержатся на сборы съ приходскаго духовенства за исключеніемъ жалованья наставникамъ, которое ассигнуется изъ суммъ святѣйшаго сунода.

Новгородская епархія простирается въ длину на девятьсотъ верстъ, а въ ширину болѣе чѣмъ на триста, и вся прорѣзана топкими бо-

лотами; въ ней прежде было семь училищъ, сократить которыхъ, по мѣстнымъ условіямъ епархіи, нѣтъ никакой возможности; потому въ Новгородской епархіи необходимо было назначить семь училищныхъ округовъ. Съѣзду представились большія затрудненія при раздѣленіи епархіи на училищные округи потому, что въ иныхъ училищахъ въ настоящее время находится учениковъ на половину менѣе противъ штата, а въ другихъ болѣе указаннаго штата (каковы Новгородское и Боровичское). Надо было опредѣлить по картѣ положеніе приходовъ и разграничить ихъ по округамъ, исчисливъ сколько въ годъ можетъ поступать отъ причта среднимъ числомъ учениковъ въ училище. При этомъ надо взять во вниманіе, какъ сказано выше, что съѣздъ многихъ изъ духовенства засталъ въ расплохъ и потому на мѣстѣ приготовительныхъ свѣдѣній мало было собрано. Все это усложняло и затрудняло работы съѣзда, который подробную разработку этого вопроса поручилъ также особой коммиссіи. Въ этомъ случаѣ оказался руководящей книгой «Новгородскій Сборникъ», издаваемый статистическимъ комитетомъ: но жаль, что приготовлены только пять уѣздовъ, а не всѣ одиннадцать. Впрочемъ эта работа была кончена успѣшно, и приходы распредѣлены по училищнымъ округамъ соразмѣрно, какъ съ штатнымъ числомъ воспитанниковъ, такъ и съ разстояніемъ приходовъ отъ училищъ, чтобы не было большихъ затрудненій въ сообщеніи приходовъ съ училищами.

Смета на содержаніе училищъ исчислена въ 16,628 рублей и 68 копѣекъ въ годъ, а именно: на содержаніе училищныхъ домовъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, 1,855 рублей; на канцелярскія потребности и экстраординарные расходы 218 рублей и 67 копѣекъ; на учебныя пособія для бѣдныхъ воспитанниковъ, назначено вновь съѣздомъ, 355 рублей, и на содержаніе бѣдныхъ учениковъ (тоже вновь назначено) 14,200 руб. Источниками на покрытіе этого расхода съѣздъ опредѣлилъ суммы мѣстныхъ средствъ семинаріи и училищъ (составившіеся изъ пожертвованій частныхъ лицъ 7,119 рублей 74 копѣйки); бывшее пособіе изъ сборовъ приходскаго духовенства на улучшеніе быта наставниковъ училищъ 3,740 рублей и 67 копѣекъ; не поступившихъ по назначенію прибыльныхъ свѣчныхъ суммъ отъ церквей бывшихъ военныхъ поселеній за 1867 годъ 3,500 рублей; отъ удвоенной цѣны при продажѣ вѣнчиковъ и разрѣшительныхъ молитвъ по всей епархіи до 2,000 рублей, и изъ остатковъ недосылаемыхъ суммъ отъ духовенства на улучшеніе быта наставниковъ, до 300 рублей, а въ общей сложности до 15,000 рублей. Дефицитъ въ 2,000 рублей съѣздъ опредѣлилъ дополнить изъ сборовъ собственныхъ доходовъ причтовъ епархіи, полагая среднимъ числомъ по восьми рублей съ причта, предоставивъ равномѣрное распредѣленіе этаго сбора по состоянію со-

держанія каждаго причта училищнымъ округамъ. Такимъ образомъ и этотъ вопросъ былъ рѣшенъ удовлетворительно.

Въ избраніи членовъ отъ духовенства въ правленіе семинаріи съѣздъ руководился болѣе личными достоинствами и способностями избираемыхъ, а не титулами и старшинствомъ, и выборъ оказался удаченъ.

Не ограничиваясь этимъ, съѣздъ, съ особаго дозволенія епархіальнаго начальства, разсуждалъ о составленіи общаго капитала на удовлетвореніе епархіальныхъ нуждъ и составленіе основного капитала для эмеритуры; разсматривалъ проектъ самой эмеритуры. Онъ занимался изыскиваніемъ средствъ для болѣе выгодной для епархіи и правильной свѣчной продажи, улучшеніемъ и увеличеніемъ сборовъ на призрѣніе бѣднаго духовенства и изложеніемъ основныхъ началъ для суда благочинныхъ. По недостатку времени съѣздъ по этимъ предметамъ изложилъ только въ общихъ чертахъ свои предположенія и желанія, предоставивъ разработать частности особо избранной имъ для того коммиссіи, которой поручилъ приготовить эти проекты, сообщить чрезъ благочинныхъ на одобреніе духовенства и потомъ представить на утвержденіе высшему епархіальному начальству.

Началъ свои засѣданія съѣздъ 23 января, а окончилъ къ 30 января; въ такое короткое время рѣшены были очень важные и трудные вопросы, ходъ которыхъ мы изложили сжато, въ первый разъ данные на рѣшеніе духовенству. Надо замѣтить, что собранія съѣзда были по большей части утренніе и продолжались не болѣе пяти часовъ, поэтому можно судить, какъ ровно и дѣльно велись пренія на съѣздѣ, иначе не мыслимо было придти къ удовлетворительнымъ результатамъ въ такой короткій срокъ. Все это даетъ чувствовать, что приходское духовенство способно руководиться выборнымъ началомъ, которое къ сожалѣнію ему еще не дано, а если бы оно было поставлено въ тѣ отношенія къ земству, въ какихъ бывало прежде, — бытъ его улучшился бы самъ собою безъ трудныхъ заботъ со стороны правительства, и дѣло народнаго развитія и образованія подвинулось бы значительно впередъ.

Въ настоящемъ положеніи приходское духовенство на половину принадлежитъ къ правительству, на половину къ обществу; но къ тому и къ другому поставлено въ неудовлетворительное отношеніе; по своему положенію въ церкви, оно не агентъ правительства, а отъ него получаетъ жалованье, хотя не обезпечивающее его, но все же обязывающее къ чему-то, и вмѣстѣ съ тѣмъ, хоть и не въ полной мѣрѣ, охраняющее его отъ зависимости отъ общества. Въ обществѣ оно поставлено еще въ болѣе невыгодное положеніе съ одной стороны, какъ лица принадлежащія къ правительству, а съ другой, какъ сборщики податей, сами собирающіе себѣ вознагражденіе за требы на содержаніе.

Сборы эти болѣе всего роняютъ его въ мнѣніи общества, потому что сборщики податей, хоть и невинныя орудія власти, никогда и нигдѣ не пользовались симпатіями народа. Если же на приходскаго священника смотрѣть только какъ на необходимаго нравственнаго дѣятеля въ обществѣ, тогда его положеніе опредѣлится правильно. Нравственный руководитель нуженъ обществу, оно и должно дать средства на его содержаніе, а это самое обязываетъ получающаго содержаніе отъ общества служить ему и скрѣпляетъ личные частные интересы съ интересами общества. Основаніемъ прочнаго и полезнаго въ приходѣ значенія священника должно быть положено правило, что всякій приходъ, желающій имѣть священника, долженъ дать ему приличное содержаніе. Слѣдовательно, прежде нежели принять священника на служеніе, приходъ долженъ сыскать средства, чтобы дать приличное содержаніе и опредѣлить, чего онъ долженъ требовать отъ своего пастыря въ отношеніи его приходской дѣятельности. Смотря по тому, каково назначается содержаніе отъ прихода, поступающій можетъ судить, будутъ ли вознаграждены его труды какъ слѣдуетъ, и въ состояніи ли онъ исполнить требованія прихода. Испытаніе, достоинъ ли избранный кандидатъ извѣстной степени священства, всегда остается во власти епархіальнаго начальства, а въ настоящее время, при учрежденіи духовныхъ семинарій, въ каждой епархіи затрудненій въ выборѣ быть не можетъ, еслибы даже былъ введенъ порядокъ выборнаго начала, какъ велось издревле.

Чтó же въ настоящее время мы видимъ? По большей части избираютъ молодого человѣка, совершенно неопытнаго въ жизни и назначаютъ его приходскимъ священникомъ куда нибудь въ глушь, безъ вѣдома прихода, и на такое содержаніе, что онъ съ большимъ трудомъ едва самъ можетъ набрать рублей сто въ годъ, обнадеживая, впрочемъ, что въ непродолжительномъ времени ему дадутъ лучшее мѣсто. Есть ли какая возможность развитому и семейному человѣку прожить годъ на какіе нибудь двѣсти рублей, которыя получитъ приходскій священникъ доходами и жалованьемъ? Это съ перваго раза давитъ тяжелымъ гнетомъ молодого человѣка, убиваетъ его и по необходимости заставляетъ обратиться къ самымъ грубымъ сельскимъ работамъ, чтобы не испытать всѣхъ ужасовъ нищеты, и бросить свои спеціальныя занятія. Между тѣмъ обѣщаніе бываетъ забыто, и несчастный труженикъ не видитъ исхода изъ своей нищеты, впадаетъ въ безотрадное отчаяніе, послѣдствія котораго хорошо извѣстны. На это можетъ быть скажутъ, что священникъ по характеру своего званія и служенія долженъ безропотно покоряться тяжелому игу.... Если же обѣщаніе исполняется, тогда приходъ теряетъ свои выгоды. Приходскій руководитель его ждетъ только случая, когда можно выбраться на лучшее мѣсто, и

въ виду этого, конечно, ничего не дѣлаетъ съ усердіемъ, потому что не имѣетъ никакого расположенія къ приходу.

Въ настоящее время, какъ нарочно, размножены подобные приходы безъ всякой надобности. Каждогодно происходитъ дробленіе приходовъ на части, и вслѣдствіе этого, съ каждымъ годомъ духовенство становится въ самое жалкое положеніе въ отношеніи его содержанія. Явленіе тѣмъ болѣе странное, что раньше, когда не было, какъ теперь, такого удобства сообщенія между селеніями, не предвидѣлось надобности дробить приходы. А между тѣтъ хлопочутъ объ улучшеніи быта духовенства!

Дѣйствительно, съ уничтоженіемъ крѣпостного права и съ введеніемъ самоуправленія въ сельскомъ населеніи, между крестьянами появилось стремленіе учреждать самые дробные приходы, и потому они осаждаютъ просьбами епархіальное начальство объ открытіи новыхъ приходовъ, не представляя даже надежнаго обезпеченія въ содержаніи причта, а епархіальное начальство удовлетворяетъ эти просьбы въ виду той необходимости, чтобы не оскорбить отказомъ просителей, опасаясь уклоненія ихъ въ расколъ, чѣмъ нерѣдко даже грозятъ ему. Такое положеніе епархіальнаго начальства происходитъ отъ того, что оно поставлено въ непосредственное отношеніе съ просителями, и что между ними не находится такого посредника, какъ земство. Еслибы дѣло устройства новыхъ приходовъ первоначально обсуждалось въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, то, не говоря о томъ, что необходимость и возможность открытія новаго прихода была бы выяснена, само епархіальное начальство было бы избавлено отъ затрудненія отказывать неосновательнымъ просьбамъ. Изъ этого слѣдуетъ, что содержаніе приходскаго духовенства должно болѣе подлежать вѣдѣнію земства, чѣмъ правительства, а тѣмъ менѣе епархіальнаго начальства. Бывали въ земскихъ собраніяхъ заявленія о неудовлетворительности приходскаго духовенства; оно, конечно, если приходское духовенство было бы поставлено не въ тѣхъ условіяхъ, какъ теперь, дѣла земства были бы въ болѣе выгодномъ положеніи. Земству пришлось вести свое хозяйство въ то время, когда сельское населеніе было предоставлено самому себѣ послѣ долгой опеки, и послѣдствіемъ этого была распущенность сельскаго населенія, которая выразилась пьянствомъ и голодомъ. Въ этомъ случаѣ напрасно винятъ акцизную систему; будь какая угодно система, она не отвратитъ пьянства; причина этого зла въ недостаткѣ нравственныхъ руководителей народа. Духовенство имъ не можетъ быть, какъ мы объяснили выше, а кромѣ его некому руководить народомъ въ нравственномъ отношеніи. Стало быть, духовенство необходимо должно быть поставлено въ лучшее отношеніе къ земству.

Прежде всего, конечно, слѣдуетъ дать духовенству право выборнаго начала въ отношеніи своей администраціи — благочинныхъ и чле-

новъ консисторіи, съ тѣмъ, чтобы вознагражденіе за исполненіе этихъ должностей было назначаемо отъ самого духовенства. При помощи только этой администраціи возможно округленіе приходовъ въ тѣхъ границахъ, которыя поставятъ приходъ въ возможность дать удовлетворительное содержаніе причту, безъ жалованья отъ правительства и поручныхъ сборовъ самого духовенства. Надо замѣтить, что возвращеніе приходовъ къ тѣмъ границамъ, какъ они были при генеральномъ межеваніи, принесло бы земству огромную выгоду; оно бы облегчило самый сложный, и едва исполнимый безъ этого условія, трудъ земскихъ управъ въ точномъ опредѣленіи количества и границъ владѣльческой земли потому, что при составленіи плановъ генеральнаго межеванія за условную административную единицу были приняты приходы, и на основаніи этой единицы составлялись планы. Послѣ генеральнаго межеванія приходы дробились и измѣняли свои границы по произволу, и это такъ запутало дѣло, что розысканія границъ владѣльческихъ земель, во многихъ случаяхъ, невозможны безъ возвращенія приходовъ въ тѣ границы, какъ они были. Конечно, въ настоящее время могутъ встрѣтиться большія неудобства при возвращеніи приходовъ къ тѣмъ границамъ, какъ было при генеральномъ межеваніи, но это неудобство можетъ быть устранено правильнымъ введеніемъ нѣсколькихъ приходовъ въ тѣ границы, какія занималъ одинъ приходъ во время генеральнаго межеванія. Нечего и говорить, что работа это будетъ трудная и сложная; но нельзя сказать, чтобъ была совершенно неисполнима и только при условіи выборной администраціи приходскаго духовенства.

Опредѣленіе же содержанія причта и веденіе церковнаго хозяйства само собой должно подлежать вѣдѣнію земства. Епархіальное начальство идетъ къ тому же, но очень нерѣшительнымъ шагомъ. Оно хлопочетъ объ устройствѣ церковныхъ попечительствъ: но учрежденіе ихъ поручило распоряженіямъ консисторій, которыя, конечно не въ состояніи ихъ устроить потому, что это дѣло чисто земское. Еслибы эта мѣра церковнаго хозяйства была передана въ земство, давно бы имѣла тѣ послѣдствія, которыхъ ожидаетъ епархіальное начальство и не можетъ дождаться.

Намъ кажется, что возвращеніе къ тому порядку, въ которомъ находились отношенія приходовъ къ земской общинѣ, сдѣланъ уже шагъ; не достаетъ только, чтобы это дѣло было передано въ тѣ руки, гдѣ бы оно могло имѣть правильный исходъ. Еслибы передали дѣло введенія выборнаго начала на обсужденіе епархіальнаго съѣзда, а устройство церковнаго попечительства и изысканіе средствъ на содержаніе причтовъ—земству съ участіемъ духовенства, то этотъ вопросъ рѣшился бы и скоро и удовлетворительно. Земство очень хорошо понимаетъ, какіе требуются люди на приходскую службу, и потому всегда назна-

чить приличное имъ и содержаніе. Какъ же получать это содержаніе, помимо поручныхъ сборовъ самихъ членовъ причта,—земство, конечно, всегда найдетъ средства удобнѣе, чѣмъ епархіальное начальство. Возстановленіе же приходовъ въ тѣхъ границахъ, которыя дадутъ возможность прилично содержать причтъ, избавитъ правительство отъ излишней заботы изыскивать средства на жалованье духовенству, а съ духовенства сниметъ невыгодное отношеніе къ обществу.

Можетъ случиться, что нѣкоторымъ приходамъ невозможно будетъ дать приличнаго содержанія своему причту по мѣстнымъ условіямъ,— въ такомъ случаѣ, суммы ассигнованныя на жалованье всѣмъ причтамъ въ епархіи могутъ быть обращены въ субсидіи тѣмъ бѣднымъ и мелкимъ приходамъ, которые сами не въ состояніи содержать своихъ причтовъ. Такимъ образомъ, уравняются всѣ приходы, что̀ послужитъ еще къ большему скрѣпленію причтовъ съ приходами потому, что тогда не будетъ необходимости членамъ причта искать новыхъ и лучшихъ мѣстъ, и приходское духовенство будетъ привязано къ одному мѣсту въ теченіи всей жизни, что̀ особенно важно въ приходскомъ служеніи.

Н. В.

Новгородъ. — 1868 г., 20-го марта.

ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА.

1-го мая, 1868.

Давно уже начали иностранцы дѣлать свои наблюденія надъ нами, и, при всѣхъ ихъ ошибкахъ, нельзя отказать западнымъ путешественникамъ, особенно XVI-го и XVII-го вѣка, въ значительной услугѣ, которую они оказали, иногда сами не помышляя о томъ, нашей древней исторіографіи, а они писали свои записки собственно для согражданъ о странѣ невѣдомой, какъ пишутъ теперь и новѣйшіе путешественники, возвращаясь изъ полудикихъ странъ. Правда, они не мало пользовались извѣстной поговоркой: a beau dire, qui vient de loin! правда и то, что они смотрѣли на «московитовъ» съ немалымъ высокомѣріемъ, но все же ихъ нельзя обвинить въ неблагонамѣренности, въ ненависти къ намъ, и наши читатели не разъ найдутъ, что голландскіе резиденты, наприм., часто сознаются, что въ Россіи XVII вѣка имъ приходится имѣть дѣло далеко не съ такими дикарями, какими считались въ западной Европѣ «московиты». Но какъ отнестись въ наше время къ тѣмъ иностраннымъ публицистамъ, которые во что бы то ни стало стараются, описывая современную Россію, остаться на точкѣ зрѣнія Олеаріевъ, Флетчеровъ и т. д. Думаютъ ли они, что Россія все та же, и что ихъ писанія обращены исключительно къ ихъ согражданамъ; или они полагаютъ, что ихъ почтенные сограждане также невѣжественны, какъ были невѣжественны современники Олеарія и Флетчера, выслушивавшіе съ знаками удивленія все, что имъ ни разсказывали о странахъ гиперборейскихъ?. Во всякомъ случаѣ, то, что̀ у Олеаріевъ являлось наивнымъ, у современныхъ публицистовъ обращается въ невѣжественное и не соотвѣтствуетъ самымъ обыкновеннымъ понятіямъ критики.

Вотъ, что̀ пришло намъ на мысль, когда мы прочли, въ одной изъ апрѣльскихъ книгъ извѣстнаго и весьма уважаемаго французскаго журнала «Revue des deux Mondes», статью г. Шарля де-Мазада, или лучше сказать, подписанную г. Шарлемъ де-Мазадомъ, и озаглавленную: «La

Russie sous l'empereur Alexandre II». Вышла пока первая часть: «Deux ans de l'histoire intérieur de Russie 1866—1867.» Г. де-Мазадъ употребляетъ всѣ усилія сохранить колоритъ древнихъ писателей Россіи, и аффектируетъ въ этомъ отношеніи такъ усердно, какъ будто онъ желаетъ, чтобы его приняли за современника Герберштейна. Аффектація доходитъ до изысканности въ терминологіи.—«Мы имѣемъ предъ собою — такъ начинаетъ г. де-Мазадъ свою статью — цѣлый періодъ новѣйшей, самой современной исторіи Россіи, который можно заключить между двумя покушеніями — одинъ совершенъ въ Петербургѣ, *en plein sol moscovite*—на самой *московской* почвѣ; другой, еще болѣе непредвидѣнный быть можетъ, хотя его легче (?) было предвидѣть, въ Парижѣ» и т. д. Итакъ, терминологія временъ Герберштейна!

Вопросъ теперь можетъ состоять въ томъ, можетъ ли новѣйшій Герберштейнъ разсчитывать на невѣжество французской публики, какъ могъ не опасаться древній наблюдатель надъ русскими нравами и обычаями критическихъ пріемовъ своихъ соотечественниковъ? Едва ли это такъ! Даже нѣтъ надобности современному французскому читателю лично повѣрять своего публициста, который собрался показывать ей Россію; одна непослѣдовательность въ тенденціяхъ г. де-Мазада должна навести подозрѣніе на каждаго. Что́ составляетъ сущность всей статьи? Съ одной стороны, авторъ постоянно относится съ презрѣніемъ къ нашему прошедшему; съ другой стороны авторъ не знаетъ предѣловъ ненависти къ намъ.... и за что́? Именно за то, что мы въ послѣднее время быстро начали отходить отъ этого прошедшаго. Нельзя же относиться къ намъ враждебно и за то, и за другое вмѣстѣ; а г. де-Мазадъ нисколько не стѣсняется отсутствіемъ логики въ общемъ, разсчитывая, вѣроятно, на эффектъ отдѣльныхъ мелочей.

«Нѣтъ сомнѣнія—восклицаетъ авторъ въ самомъ началѣ статьи—если существуютъ признаки очевидные, осязаемые, развитія вещей, неудержимыхъ преобразованій европейскаго общества, то къ числу ихъ нужно отнести ту работу, силою которой колоссальная Россія, повидимому, хочетъ создать новое существованіе и приготовить себя къ какой-то невѣдомой судьбѣ,—то́ движеніе, которое все болѣе и болѣе обнаруживается, гдѣ смѣшивается все, броженіе мнѣній, борьба интересовъ, антагонизмъ классовъ, національное самолюбіе, финансовые кризисы, революціи въ нравахъ, — и все это составляетъ новую сторону, скажу даже, оригинальную—въ настоящемъ царствованіи, за которымъ уже считаютъ 13 лѣтъ. Кто́ сказалъ бы за 13 лѣтъ, что Россія стоитъ на границѣ такого глубокаго переворота?... Изъ всего этого вышла Россія новая, честолюбивая и тщеславная, глухо волнуемая, насупившаяся, гордая предъ западомъ; она легко принимаетъ свою ненависть и свои тревожныя посягательства за откровенія народной совѣсти, смѣшиваетъ часто миражъ съ дѣйствительностью, и въ концѣ концовъ

вноситъ и во внутреннюю политику и во внѣшнюю новый духъ разсужденія и независимости»....

Вотъ нашъ портретъ, который стараются сообщить многочисленнымъ читателямъ «Revue des deux Mondes», разсѣяннымъ по лицу обоихъ полушарій. Но художникъ замѣтилъ, что и въ этомъ изображеніи могутъ еще найтись пріятныя черты, а потому онъ спѣшитъ далѣе доказать, что и то, что̀ можетъ найтись хорошаго въ современномъ бытѣ Россіи, есть только оптическій обманъ.

«Le vieux fond moscovite — старая московская закваска, по выраженію де-Мазада, остается неприкосновенною даже и въ эту эпоху преобразованій».

Усиливаясь доказать свой тезисъ, г. де-Мазадъ не оставилъ въ покоѣ и нашей послѣдней судебной реформы. Остановимся на этомъ пунктѣ разсужденій французскаго публициста. Ему, очевидно, особенно непріятно то̀, что судъ присяжныхъ, который до сихъ поръ считался исключительнымъ достояніемъ западныхъ государствъ, введенъ теперь и на «московской почвѣ», и, что̀ всего хуже для него, преблагополучно дѣйствуетъ. И вотъ, этотъ сочинитель, черпающій свои вдохновенія въ кружкахъ польской эмиграціи, увѣряетъ своихъ легковѣрныхъ читателей, что хотя судъ присяжныхъ и введенъ въ Россіи, но западная Европа можетъ оставаться спокойною: никакой пользы для Россіи оттого не предвидится (мы уже замѣтили, что вся статья написана такъ, какъ будто автору нужно кого-то успокоить относительно полезности нашихъ реформъ), и непредвидится пользы потому, что въ Россіи «теперь, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, представляется таже смѣсь восточнаго произвола и бюрократизма, и что если дѣлаются реформы, то съ тою же процедурою административнаго полновластія, и въ практикѣ эти реформы ограничиваются всеобщимъ произволомъ. Верховная власть дѣлаетъ реформы, а губернаторы и оберъ-полицiймейстеры (?!) истолковываютъ ихъ». Все это измышленіе нисколько не мѣшаетъ нашему публицисту, нѣсколькими строчками ниже, воскликнуть:—«Странное дѣло (т. е. послѣ того, что̀ онъ сказалъ выше), Россія едва ли не единственная въ настоящую минуту страна, гдѣ больше всего можно говорить, гдѣ больше всего существуетъ собраній, банкетовъ: адресовъ, манифестацій, и что̀ всего знаменательнѣе, нигдѣ эти манифестаціи не носятъ на себѣ такого народнаго характера. Изъ всего этого вытекаетъ какая-то сложная картина, гдѣ произволъ сочетается съ довольно широкою свободою, гдѣ партіи волнуются и преслѣдуютъ, не знаю, какую-то невидимую цѣль».

Еслибы авторъ ограничился сознаніемъ, что онъ не знаетъ, что онъ не понимаетъ современной Россіи, мы назвали бы его незнаніе мудрымъ; но, къ сожалѣнію, онъ забылъ свое незнаніе и представилъ обращикъ знанія по поводу судебной реформы.

Де-Мазадъ утверждаетъ, въ доказательство ничтожества нашей судебной реформы, что у насъ верховная власть можетъ изъять изъ вѣдомства суда присяжныхъ *всякое преступленіе противъ лица и имущества*, *даже всякую кражу* (... Seulement l'empereur peut soustraire au jury ce qu'il ne veut pas laisser juger par lui, crimes contre les personnes ou les propriétés, même les vols). Все это, какъ видитъ читатель, утверждается авторомъ съ такою безцеремонною самоувѣреностью, что недоставало только одного, чтобы тутъ же была помѣщена имъ ссылка на тѣ статьи устава уголовнаго судопроизводства, въ которыхъ вышеупомянутыя изъятія установлены! Читая такую незастѣнчивую импровизацію, подумаешь, что верховная власть, даровавшая Россіи новые судебные уставы, заинтересована въ томъ, чтобы какого-нибудь грабителя или вора судили не тѣмъ общимъ судомъ, въ составъ котораго отнынѣ входятъ присяжные, а какимъ-нибудь особымъ порядкомъ. Смѣемъ увѣрить г. Мазада съ братіею, что не державная воля колеблетъ въ Россіи созданныя ею новыя основы гражданственности и суда! Что же касается спеціально круга вѣдомства русскаго присяжнаго суда, то этотъ кругъ не только не болѣе узокъ чѣмъ во Франціи, но даже значительно шире. Правда, у насъ, *точно также какъ и во Франціи*, ни политическія преступленія, ни преступленія противъ печати не подлежатъ суду присяжныхъ. Что дѣлать, изъ двухъ образцовъ присяжнаго суда, — англійскаго, компетентнаго для всѣхъ уголовныхъ дѣлъ безъ исключенія, и французскаго, допускающаго его съ значительными лишь ограниченіями (только для *crimes*, но не для *délits et contraventions*), мы, подобно многимъ другимъ континентальнымъ европейскимъ государствамъ, слѣдовали въ нѣкоторой степени французскому образцу, и, конечно, не французскому публицисту насъ въ томъ упрекать. Слѣдуя однако французскому образцу, мы тѣмъ не менѣе, въ нашей судебной организаціи, весьма выгодно отличаемся отъ Франціи: въ то время, какъ французскій судъ исправительной полиціи (которому подсудны всѣ délits и contraventions, но въ составъ котораго не входятъ присяжные) можетъ за такія, отнесенныя къ менѣе тяжкимъ преступленіямъ и проступкамъ, противозаконныя дѣйствія — присуждать наказанія до 5 лѣтъ тюремнаго заключенія, у насъ всѣ преступныя дѣйствія, которыя влекутъ за собою не только лишеніе, но даже одно ограниченіе правъ состоянія, подсудны суду присяжныхъ. Итакъ, что касается суда и судебной организаціи, то не публицистамъ второй имперіи, деморализировавшей магистратуру, читать намъ уроки. Впрочемъ, одной деморализаціей судебнаго сословія дѣло во Франціи не ограничивается. Такъ какъ подсудность присяжному суду или суду исправительной полиціи зависитъ отъ того, какимъ наказаніемъ обложено въ законѣ извѣстное преступное дѣяніе—а отъ этого опять зависитъ отнесеніе этого дѣянія

къ *crimes* или къ *délits* и *contraventions*,—то правительственная власть второй имперіи не такъ давно упражнялась въ законодательномъ проектѣ, имѣвшемъ цѣлію, подъ предлогомъ нѣкотораго смягченія наказаній, положенныхъ въ *code pénal*, перевести извѣстныя преступныя дѣянія изъ разряда *crimes* въ разрядъ *délits* и *contraventions*, и вмѣстѣ съ тѣмъ поставить обвиняемыхъ въ такихъ дѣяніяхъ, вмѣсто присяжнаго суда, предъ судъ исправительной полиціи; объ этомъ г. Мазадъ можетъ справиться у Прево-Парадоля (Essais de politique et de lit. 1863. с. 89 и слѣд.).

Вотъ, какими пріемами старается г. де-Мазадъ ослабить выгодную картину нашей внутренней политики, которую онъ предпосылаетъ вышеприведеннымъ размышленіямъ о нашей судебной реформѣ: —«Въ отношеніи внутренней политики, я не могу утверждать, говоритъ авторъ, что царствованіе императора Александра II не было ознаменовано прогрессомъ, столько же важнымъ, какъ и непредвидѣннымъ. Достаточно подумать о томъ, чѣмъ была Россія 20 лѣтъ тому назадъ, и что́ такое она теперь, чтобы понять, какой путь она совершила въ это время (г. де-Мазадъ совсѣмъ забылъ, что въ началѣ статьи онъ отказывалъ намъ въ какомъ бы то ни было различіи). Двадцать лѣтъ тому назадъ, Россія—безмолвна, мрачна, повидимому ко всему безразлична, и угрожаетъ одною своею тяжестью и массой; теперь—Россія оживлена, подвижна, и принимаетъ во всемъ участіе и словомъ, и дѣломъ. Но дѣйствителенъ-ли и вѣренъ ли этотъ прогрессъ?...»

Г. де-Мазадъ отвѣчаетъ отрицательно на этотъ вопросъ, а въ доказательство приводитъ вышепоказанныя нами свои размышленія о судебной реформѣ и кажущейся ея силѣ.

Остается намъ спросить себя: какое могутъ имѣть значеніе современные иностранные писатели о Россіи, подобные г. де-Мазаду? Мы полагаемъ, что они, дѣйствительно, могутъ имѣть значеніе, и притомъ вовсе не заслуженное; но для того необходимо отнести ихъ къ числу запрещенныхъ сочиненій, и тогда ихъ извѣстность и распространенность обезпечена. Безъ этого же условія, мы сомнѣваемся, чтобы они сообщили намъ что нибудь любопытное о насъ; да и сама иностранная публика не придастъ имъ большой цѣны, если будетъ извѣстно, что подобныя статьи не успѣли удостоиться даже запрещенія.

Благодаря послѣднимъ реформамъ, мы имѣемъ нынѣ тысячи средствъ, несомнѣнныхъ, познавать сами себя и рисовать собственные портреты, не прибѣгая къ иностраннымъ художникамъ, и потому «мазадовскія» статьи для насъ теряютъ все болѣе и болѣе свою прелесть. Ко всему, что́ уже совершилось, въ послѣднее время мы можемъ присоединить, какъ новое средство къ самопознанію, безъ помощи иноземныхъ артистовъ, первый примѣръ *финансоваго отчета* въ Россіи, и, оставивъ

въ покоѣ г. де-Мазада, сосредоточиться на этомъ новомъ и весьма утѣшительномъ фактѣ нашей современной исторіи.

«Деньги любятъ счетъ»—говоритъ практическая мудрость русскаго человѣка. Правда, ни русскій человѣкъ въ частномъ быту, ни русскій народъ въ быту государственномъ, до сихъ поръ не привыкли держаться съ большою послѣдовательностью и строгостью этого мудраго правила. Счетоводство, въ большинствѣ нашихъ частныхъ хозяйствъ, въ средѣ грамотной, вовсе неизвѣстно, и къ примѣру, который ему, въ этомъ отношеніи, подаетъ нѣмецъ, русскій человѣкъ относится скептически, считая нѣмца педантомъ. Но и въ торговомъ нашемъ быту, правильное счетоводство составляетъ исключительную принадлежность компаній и немногихъ первостепенныхъ коммерческихъ домовъ. Среднее и низшее купечество наше ведетъ свои книги чуть не безобразнымъ образомъ. Настоящая цѣль счетоводства тутъ собственно—усчитываніе прикащиковъ, а не анализъ своей торговой дѣятельности, способный дать указаніе для болѣе раціональнаго направленія ея. Одною изъ причинъ частыхъ банкротствъ у насъ (хотя она, конечно, не главная) можно навѣрное признать отсутствіе правильнаго счетоводства и возникающій отсюда характеръ неопредѣленности и случайности торговыхъ комбинацій.

Но если свои деньги любятъ счетъ, то общественныя его требуютъ, и государство, собирая съ гражданъ деньги на опредѣленныя цѣли, обязано издерживать ихъ именно на эти цѣли. Иначе, при неясности и запутанности счетовъ, въ его денежное хозяйство проникаетъ пагубная непредусмотрительность, и исключается всякая возможность бережливости. Безъ правильнаго счета деньгамъ, бережливости быть не можетъ.

Все это—аксіомы. Но ни общественный, ни государственный строй, не только у насъ, но и въ странахъ далеко насъ опередившихъ, еще не вышелъ изъ того періода, въ которомъ напоминаніе объ аксіомахъ, даже самыхъ первоначальныхъ, полезно. Что же касается собственно нашего общества, то оно, по отношенію къ политическому развитію, стоитъ еще ниже Эвклидова ученика и требуетъ на все доказательствъ.

Два факта первостепенной важности въ нашей государственной дѣятельности послужатъ первыми предметами нынѣшней нашей бесѣды съ читателемъ: представленіе государственнымъ контролеромъ отчета по исполненію финансовой смѣты на 1866 годъ, съ опубликованіемъ этого отчета и объяснительной записки къ нему, и—обнародованіе финансовой смѣты на текущій, 1868 годъ.

Внесеніе въ государственный совѣтъ государственнымъ контролеромъ отчета по исполненію смѣты—фактъ, какъ мы замѣтили, являющійся у насъ впервые; это есть первое примѣненіе 24 ст. высочайше утвержденныхъ 22 мая 1862 года смѣтныхъ правилъ, первый примѣръ *финансоваго отчета* въ Россіи. Фактъ этотъ является плодомъ новой

контрольной системы и представляетъ важнѣйшій шагъ къ полному, правильному анализу нашего государственнаго хозяйства, а на основаніи этого анализа, и къ раціональному руководству имъ. Только имѣя подъ рукою отчеты въ дѣйствительномъ исполненіи прежнихъ смѣтъ, можно судить основательно о предвидѣніяхъ текущей смѣты и объ общемъ направленіи нашихъ финансовыхъ дѣлъ. Зная съ достовѣрностью, въ какой мѣрѣ прежнія предположенія наши оправдались и неоправдались, насколько доходовъ поступило болѣе или менѣе ожидаемаго, насколько пришлось израсходовать болѣе, чѣмъ было предположено, и почему именно все это случилось, вслѣдствіе ли непредвидѣнныхъ экономическихъ и политическихъ обстоятельствъ, или вслѣдствіе того, что предварительное исчисленіе составлено было ошибочно или же неискренно, т. е. такъ, что мы сами отъ себя какъ бы скрывали такіе «экстренные расходы», которыхъ нельзя было не предвидѣть,—зная все это можно съ полною основательностью усовершенствовать порядокъ составленія смѣтъ, принять мѣры къ своевременному пріисканію средствъ, убѣдиться въ необходимости сбереженій и стремиться къ уничтоженію дефицитовъ — этого червя, подтачивающаго медленно, но неумолимо, самые корни государственнаго кредита не у однихъ насъ.

Мы говоримъ — все это *можно* сдѣлать, какъ по вѣрной діагнозѣ *можно* излечить болѣзнь, *если* она излечима, и *если* больной имѣетъ серьёзное желаніе лечиться. Забѣгая нѣсколько впередъ, выскажемъ здѣсь же убѣжденіе, что наша болѣзнь излечима, мало того, — въ желаніи излечиться у насъ нѣтъ недостатка. Но относительно того, находится-ли нашъ паціентъ въ положеніи благопріятномъ для леченія, и можно-ли разсчитывать на достаточную рѣшимость со стороны врачей — убѣжденіе не такъ легко формулировать.

Другой фактъ, о которомъ мы ведемъ рѣчь—обнародованіе финансовой смѣты на 1868 годъ — не представляетъ самъ по себѣ новости. Обнародованіе смѣты является уже въ седьмой разъ (первое обнародованіе смѣты происходило въ 1862 году). Но нынѣшняя смѣта сама по себѣ представляетъ новый шагъ впередъ къ устройству финансоваго порядка въ томъ смыслѣ, что составленіе ея совершеннѣе, чѣмъ прежнихъ росписей. Въ сравненіи со старыми смѣтами, она представляетъ преимущества и въ опредѣленіи самыхъ средствъ и потребностей, и въ росписаніи или изложеніи ихъ. До 1862 года, въ нашихъ смѣтахъ неопредѣленность назначенія суммъ равнялась съ неясностью ихъ показанія. Тогдашнія смѣты составлялись въ виду такого несовершеннаго кассоваго и контрольнаго порядка, при которомъ обращеніе бюджетныхъ суммъ на другія потребности, мимо ихъ назначенія, такъ называемыя virements de fonds—составляли преобладающую черту денежнаго хозяйства. Въ то время многіе доходы государства вовсе

не зависѣли отъ министерства финансовъ, расходовались другими вѣдомствами, и даже бюджетныя суммы, поступая въ спеціальные капиталы нѣкоторыхъ вѣдомствъ расходовались или хранились независимо отъ общаго государственнаго бюджета. Однимъ словомъ, безпорядокъ былъ полный, и государство само не могло знать съ опредѣленностью, сколько оно расходуетъ, сколько у него къ данному сроку наличныхъ средствъ, и сколько ему въ дѣйствительности потребуется на послѣдующій финансовый періодъ. Это—по отношенію къ назначенію средствъ.

Что́ касается росписанія ихъ въ бюджетѣ, то оно было неудовлетворительно уже и потому, что доходы показывались въ смѣтахъ валовые, то есть, безъ отчисленія издержекъ ихъ взиманія. Такимъ образомъ, доходы являлись преувеличенными, и нельзя было уяснить себѣ ни дѣйствительныхъ цифръ ожидаемыхъ поступленій, ни степени удовлетворительности того или иного налога въ отношеніи къ производительности его.

Система составленія смѣтъ была преобразована уже упомянутымъ нами положеніемъ 22-го мая 1862 года. Итакъ, 1862-й годъ представляетъ важную эру въ нашемъ государственномъ счетоводствѣ: онъ внесъ въ счетоводство и гласность и начало порядка.

Въ концѣ 1866 года, были приняты мѣры къ тому, чтобы государственный бюджетъ составлялъ не только *цѣль*, къ которой стремится администрація въ управленіи средствами страны, но и былъ на самомъ дѣлѣ нормою и ограниченіемъ всего хозяйства; однимъ словомъ, чтобы роспись была не пожеланіемъ только, а *правдою* относительно финансоваго положенія страны. Предписано было всѣмъ вѣдомствамъ сократить, по возможности, расходы, и затѣмъ, внесть въ свои предварительныя требованія всѣ тѣ «экстренные» расходы, которые можно заранѣе предвидѣть, такъ, чтобы къ дополнительнымъ кредитамъ обращаться уже только въ случаяхъ «самыхъ экстренныхъ». Людямъ, привыкшимъ въ своемъ частномъ быту отдавать себѣ вѣрный отчетъ въ своемъ положеніи и соразмѣрять свои запасы съ потребностями, и потребности ограничивать сообразно средствамъ, должно показаться страннымъ, что у насъ не ранѣе, какъ въ 1866 году догадались сдѣлать серьезный шагъ въ этомъ смыслѣ. Имъ покажется страннымъ этотъ фактъ невключенія экстренныхъ, но предвидимыхъ расходовъ, въ предварительное положеніе, котораго вся цѣль заключается именно въ опредѣленіи всѣхъ потребностей. Но малѣйшаго знакомства съ тѣми порядками, при которыхъ каждое вѣдомство имѣетъ себя конечною цѣлью всего существующаго, и потому старается избѣгать включенія въ смѣту, подлежащую *урѣзыванію* сообразно съ общими средствами государства, своихъ сверхсмѣтныхъ расходовъ, которые съ такимъ удобствомъ могутъ быть выставлены неизбѣжными, при отдѣльномъ ходатайствѣ, при чемъ убѣдительность еще увеличи-

вается ссылкою на бывшіе примѣры, напоминаніемъ, что *прежде* на такой-то предметъ средства испрашивались сверхсмѣтно, что это ужъ такъ заведено,—малѣйшаго знакомства съ этими порядками и воззрѣніями, говоримъ мы, достаточно, чтобы распоряженія 1866 года, которыя въ сущности были только исполненіемъ смѣтныхъ правилъ, постановленныхъ въ 1862 году, показались совершенно естественными.

Между тѣмъ, эти разсужденія произвели тотъ результатъ, что смѣта на 1867 годъ вдругъ представила огромное возвышеніе цифръ. Сокращеніе издержекъ и включеніе въ смѣту, по возможности, всѣхъ дѣйствительныхъ потребностей продолжалось съ особенной заботливостью въ 1867 году, и мѣры эти отразились на нынѣшней смѣтѣ.

Всякій теперь пойметъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, почему мы признали смѣту на 1868 годъ — новымъ шагомъ впередъ къ устройству финансоваго порядка, въ томъ смыслѣ, что составленіе ея совершеннѣе, чѣмъ прежнихъ росписей. Въ ней къ издержкамъ взиманія отнесены не только собственно издержки, непосредственно назначенныя на полученіе дохода (какъ напр. содержаніе таможенъ), но и издержки, связанныя такъ или иначе съ доходомъ и уменьшающія его (напр. содержаніе почтъ); такъ что цифры чистаго дохода, показанныя въ этой смѣтѣ, вѣрнѣе, и смѣта въ бо́льшей степени освободилась отъ валовой неопредѣленности. Сверхъ того, въ нее включены нѣкоторые расходы, являвшіеся прежде сверхсмѣтными; наконецъ, въ нее внесены нѣкоторые доходы и расходы царства польскаго [1]), и бюджеты Закавказскаго и Туркестанскаго края.

Итакъ, мы, какъ народъ, находимся нынѣ въ положеніи того хозяина, который, спохватившись, что дѣла у него идутъ неладно, взялся за счеты и достигъ, наконецъ, довольно-приблизительнаго пониманія положенія своихъ дѣлъ. Это, безъ сомнѣнія, важный шагъ. Во всякомъ случаѣ, это первый шагъ ко введенію у себя порядка, къ устройству своихъ дѣлъ. «Бюджетъ государственный, — говоритъ государственный контролеръ въ объяснительной запискѣ къ своему отчету по исполненію смѣты 1866 года, — достигаетъ своей цѣли только тогда, когда онъ представляетъ полную и вѣрную, за извѣстный періодъ времени, картину всѣхъ ожидаемыхъ доходовъ и предстоящихъ расходовъ, когда предположенія о нихъ излагаются систематически, доступны повѣркѣ, и, бывъ утверждены подлежащею властью, получаютъ силу временного закона, воспрещающаго назначенныя на одинъ

[1]) Доходы царства польскаго на 30 милл. р. были внесены въ бюджетъ имперіи въ первый разъ по смѣтѣ 1867 г. Но въ нынѣшнюю общую смѣту вошли изъ отдѣла расходовъ по царству нѣкоторыя новыя суммы. Остаются еще невключенными въ общія подраздѣленія и показываются особо доходы царства на 13,337 тысячъ, и расходы — на 12.898 тысячъ.

предметъ деньги употреблять на другой, и въ общемъ правѣ сбора и расходованія суммъ идти далѣе того періода времени, на который смѣтное предположеніе составлено».

Достаточно взглянуть на цифры, приводимыя въ томъ же отчетѣ, чтобы убѣдиться, что мы далеко еще не пришли и къ этому желанному результату, къ ограниченію нашихъ расходовъ смѣтными предположеніями, не говоря уже о томъ, что даже полное соблюденіе баланса между расходами и доходами еще само по себѣ не было бы ручательствомъ въ совершенно раціональномъ устройствѣ хозяйства, въ наиболѣе производительномъ употребленіи средствъ государства. Изъ отчета мы узнаемъ, что въ 1866 году далеко не было исполнено постановленное въ 1862 году правило, чтобы дополнительные кредиты требовались только въ тѣхъ случаяхъ, когда потребность положительно не могла быть предусмотрѣна при составленіи смѣты, и когда удовлетвореніе ея нельзя отложить до слѣдующей смѣты, безъ явнаго ущерба для государства. По исполненію смѣты 1866 года, оказывается сверхсмѣтныхъ, дополнительныхъ кредитовъ на сумму 55.209,355 рублей съ копѣйками. Такое превышеніе смѣты, представлявшей цифру 396.068,004 рубля, доказываетъ, что бюджетъ на 1866 годъ составленъ былъ еще очень неудовлетворительно, и что различныя вѣдомства еще далеко не признавали его цифръ окончательно обязательными для себя.

Съ тѣхъ поръ, повторяемъ, приняты мѣры для пополненія росписи, и подтверждено управленіямъ помнить правила и относительно бережливости, и относительно «невхожденія со сверхсмѣтными требованіями. Но въ виду приведеннаго, краснорѣчиваго факта, едва ли бы не было преждевременнымъ видѣть въ нынѣшней росписи доходовъ и расходовъ на 1868 годъ полное ручательство въ томъ, что факты втѣснятся въ ея рамки. Скажемъ еще разъ, мы находимся теперь еще только въ положеніи того хозяина, который взялся за счеты съ искреннимъ желаніемъ узнать положеніе своихъ дѣлъ. Но со стороны такого хозяина было бы неблагоразумно полагать, что, сведя счеты, онъ сдѣлалъ не только все, но даже *многое* для возвышенія своего дохода или уменьшенія своихъ расходовъ.

Приведемъ главныя цифры росписи на 1868 годъ, чтобы дать понятіе объ ожидаемомъ балансѣ. Затѣмъ, намъ придется обратиться къ нѣкоторымъ даннымъ, не входящимъ, по своему предмету, въ роспись, для того, чтобы оцѣнить наше финансовое положеніе, какъ оно представляется въ своей совокупности. Послѣ этого взгляда, мы возвратимся къ смѣтѣ, для болѣе подробнаго ознакомленія съ нею.

Расходы обыкновенные, оборотные и чрезвычайные (по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ), считая и издержки на взиманіе доходовъ, представляютъ итогъ въ . . . . 480.593,517 р. 63½ к. *А*.

Валовой итогъ обыкновенныхъ, оборотныхъ и специальныхъ (на желѣзныя дороги) доходовъ составляетъ . . . . 468.131,381 » $41^{1}/_{2}$ » *B.*

Такимъ образомъ, предвидится дефицитъ въ . . . . *12.462,136 р. 22 к.*

Доходы распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

I) 410.468,702 р. $91^{1}/_{2}$ к. *E*—обыкновенные; вычтя издержки взиманія . . . 355.839,989 р. $37^{1}/_{4}$ к. *C.*
II) 18.997,984 » 62 » —оборотные [1]).
III) 38.665,693 » 88 » —ресурсы, специально назначенные на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ.

Расходы раздѣляются на:

I) 418.929,839 р. $13^{1}/_{2}$ к. *F*—обыкновенные; а вычтя издержки на взиманіе доходовъ. . . . . 364.302,125 р. $59^{1}/_{4}$ к. *G.*
II) 4.000,000 р. — к. —на недоборъ въ доходахъ . . . 4.000,000 р. — к.
368.302,125 р. $59^{1}/_{4}$ к. *D.*
III) Оборотные расходы, равные такимъ же доходамъ.
IV) Расходы экстраординарные по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, равные специальнымъ на то ресурсамъ.

Изъ сравненія приведенныхъ нами цифръ *чистаго* обыкновеннаго дохода (*C*) и обыкновеннаго расхода безъ издержекъ взиманія, но съ прибавленіемъ суммы ожидаемаго недобора (*D*), исходитъ таже цифра дефицита, которая составляетъ излишекъ общей суммы расхода (*A*) передъ итогомъ валового дохода (*B*), именно около *$12^{1}/_{2}$ милліоновъ рублей*. Разница же между расходомъ валовымъ и доходомъ чистымъ, или между расходомъ съ издержками на взиманіе и расходомъ чистымъ, (т. е. между *E* и *C* или *F* и *G*) составляетъ 54.627,713 р. $54^{1}/_{4}$ к., т. е. сумму издержекъ на взиманіе доходовъ. При этомъ доходы, расходы оборотные и расходы на постройку желѣзныхъ дорогъ, съ ресурсами, специально предназначенными для ихъ покрытія, остав-

[1]) Оборотными поступленіями называются такія, которыя не составляютъ дѣйствительнаго дохода государства, а только возмѣщеніе расходовъ, дѣлаемыхъ со специальными цѣлями, какъ напр., доходъ отъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, обращаемый на ея содержаніе, или же остатки отъ заключенныхъ смѣтъ. Соотвѣтствующіе этимъ доходамъ расходы называются также оборотными.

ляются въ сторонѣ какъ не имѣющія вліянія на сравненіе цифръ дохода съ расходомъ или валовой суммы съ чистою [1]).

Дефицитъ, исчисленный около 12½ милліоновъ, предполагается покрыть изъ 5-го англо-голландскаго займа 1866 г. [2]). Итакъ, скажутъ оптимисты, наше финансовое положеніе вовсе не дурно. Всего 12½ милл. дефицита, между тѣмъ какъ во Франціи, по бюджету 1867 года, оказался дефицитъ въ 189 милл. франковъ, и даже въ Англіи, торійское управленіе ознаменовалось въ 1867 г. дефицитомъ въ 250 т. фунтовъ. Но если мы припомнимъ, что въ 1866 году у насъ представилось 55 милл. сверхъсмѣтныхъ ассигнованій, да еще примемъ въ соображеніе, что въ предшествовавшій двадцати-лѣтній періодъ долги наши увеличивались ежегодно на 50 милліоновъ рублей, то предполагаемая цифра 12½ милл. дефицита представится не совсѣмъ убѣдительною. Положимъ, что въ послѣднія двѣ смѣты включено много предварительныхъ расходовъ, являвшихся прежде въ видѣ сверхсмѣтныхъ, но и это едвали можетъ служить достаточнымъ ручательствомъ, что цифра показаннаго дефицита будетъ окончательною. Заботливость наша о приведеніи смѣты въ порядокъ не есть нѣчто новое, нигдѣ небывалое и достаточное для устройства финансовъ. О томъ же старалось постоянно, въ послѣдніе года, французское правительство. Во Франціи дополнительный бюджетъ, какъ мы видимъ изъ доклада г. Маня, въ 1862 году представлялъ 231 милл. фр., а въ 1865 г.—только 88 милл., въ 1866 г.—84 милл. А между тѣмъ, французскія финансы не находятся въ цвѣтущемъ положеніи.

Правда, доходы наши возрастаютъ, а это—основаніе для лучшихъ надеждъ. Безнадежно только такое положеніе, въ которомъ проявляется застой, относительная безплодность. Въ новомъ бюджетѣ предполагается, на основаніи дѣйствительнаго поступленія доходовъ въ 1867 году, увеличеніе доходовъ на 23 милліона 375 т. (за вычетомъ соотвѣтствовавшаго уменьшенія). Но присмотримся ближе, изъ чего составляется это увеличеніе. Самое важное изъ нихъ замѣчается по желѣзнымъ дорогамъ (5 м. 814,000 р.); затѣмъ — въ подушной подати (5.609,000; зависитъ отъ увеличенія оклада въ 1867 году, и поступленія въ 1867 г. увеличенныхъ платежей только за вторую половину года, между тѣмъ какъ теперь поступленіе увеличенныхъ платежей исчислено за весь 1868 годъ); въ выкупныхъ, отъ рекрутства, сум-

---

[1]) Мы распредѣлили цифры, для наглядности, въ иномъ порядкѣ, чѣмъ онѣ распредѣлены въ сводѣ росписи. Намъ кажется, что наглядность ея была бы больше, если бы въ одномъ столбцѣ стояли доходы и расходы съ издержками взиманія, а въ другомъ—чистые. Теперь же однородныя цифры поставлены въ перекрестномъ порядкѣ.

[2]) Этотъ заемъ былъ заключенъ чрезъ Гопе и Беринга для облегченія заграничныхъ платежей казначейства по долгамъ. Онъ состоялся 86 за 100.

махъ (3.357,000); въ таможенномъ доходѣ (3.441,000; зависѣло отъ увеличенія ввоза по европейской границѣ); въ питейномъ доходѣ (3.337,000; произошло отъ возвышенія цѣны нѣкоторыхъ патентовъ и отъ ограниченія безъакцизнаго, въ пользу заводчиковъ, перекура, т. е. отъ мѣръ законодательныхъ); въ монетномъ доходѣ (2.100,000; зависѣло отъ возвышенія нарицательной цѣнности серебрянной размѣнной монеты); оставляемъ въ сторонѣ менѣе важныя увеличенія и всѣ тѣ, которыя происходятъ отъ простыхъ перечисленій, какъ, напр., доходовъ царства польскаго, Туркестанскаго края, и др.

Итакъ, мы видимъ, что изъ этихъ главныхъ увеличеній только два, именно по желѣзнымъ дорогамъ и таможенному сбору, свидѣтельствуютъ о дѣйствительномъ развитіи нашей производительности (понимая это слово въ широкомъ смыслѣ). Остальныя являются или какъ случайныя (напр., излишекъ въ подушной подати передъ 1867 г. и разныя перечисленія), или какъ возвышенія налоговъ (по акцизу и монетѣ).

Если мы возьмемъ цифры нашихъ обыкновенныхъ доходовъ за послѣдніе пять лѣтъ, что увидимъ, то значительное, повидимому, увеличеніе ихъ — свидѣтельствомъ быстраго экономическаго развитія страны служить никакъ не можетъ.

Въ 1863 году итогъ обыкновенныхъ итоговъ былъ . .	318.830,644
» 1867 » » » » » . .	387.092,535
Разность	68.261,891

Разность—довольно значительная. Но если изъ нея мы вычтемъ увеличеніе, происшедшее отъ замѣны виннаго откупа акцизной системой въ 1863—1864 гг. (между этими годами разница въ 28 милл.), да около 30 милл. внесенныхъ въ смѣту 1867 года доходовъ царства польскаго, то разность окажется вовсе незначительная, милліоновъ 10—15.

А сколько мы заняли въ соотвѣтствующій періодъ времени? Вотъ займы послѣднихъ лѣтъ:

Въ 1864 и 1865 гг. выпущено 5% билетовъ государственнаго банка, на	10	милл.	р.
» 1864 г. заемъ у Гопе и Бэринга въ	40	»	»
» 1864 » 1-й внутренній выигрышный заемъ . .	100	»	»
» 1866 » 2-й » » » . .	100	»	»
« 1866 » заемъ у Гопе и Бэринга	50	»	»
Всего	300	милл.	р. [1]).

Итакъ, соотвѣтственно увеличенію доходовъ въ 10 — 15 милл., мы

[1]) Мы не включили въ эту цифру займа 1867 г. подъ Николаевскую желѣзную дорогу, какъ имѣющаго экстраординарное назначеніе.

имѣемъ увеличеніе въ тотъ же пятилѣтній періодъ суммы долга на 300 милл. А какова эта сумма?

Она составляла (не считая займа подъ николаевскую дорогу, еще не вполнѣ реализированнаго, но включая кредитные билеты и выкупныя свидѣтельства) около 1,820 милліоновъ рублей или, на франки, около 7,280 милліоновъ.

Цифра эта даетъ намъ почетное мѣсто среди государствъ, наиболѣе обремененныхъ долгами: Англіи—съ 18½ милліярдами фр. долга, Соединенныхъ Штатовъ—съ 13½ милліярдами фр. долга, Франціи—съ 12½ милліярдами, Австріи—съ 7½ милліярдами, Италіи—съ 5¼ милліярдами. Положеніе наше, въ отношеніи долговъ, выгоднѣе австрійскаго; Австрія платитъ въ годъ процентовъ до 380 милліоновъ фр., а Россія только около 305 милл. Но нельзя сказать, что наше положеніе по отношенію къ долгамъ даже одинаково въ сравненіи съ Франціею, а особенно Англіею, хотя наша цифра долга и гораздо меньше ихъ цифръ, а народонаселеніе Россіи несравненно болѣе, чѣмъ Франціи и Великобританіи. Кредитъ зависитъ не столько отъ цифры долга, сколько отъ экономическихъ средствъ страны, отъ ея силы производительности. Долгъ Англіи больше чѣмъ вдвое противъ долга Австріи, а населеніе Англіи менѣе, чѣмъ—Австріи. Однакоже, кредитъ Англіи стоитъ внѣ всякаго сравненія съ австрійскимъ. Россія, дѣлавшая въ послѣдніе года такъ много займовъ, можетъ пожалуй утѣшать себя тѣмъ, что Франція сдѣлала ихъ не меньше. Но Франція богаче насъ, и у нея увеличенію долга соотвѣтствовало огромное увеличеніе дохода въ косвенныхъ налогахъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, ссылки напримѣръ, на Францію, а тѣмъ болѣе на Австрію — плохое утѣшеніе. Для сравненія нашего кредита съ англійскимъ достаточно сказать, что на лондонской биржѣ, англійскіе *трехпроцентные* консоли стоятъ 92, а облигаціи нашихъ *пятипроцентныхъ* англоголландскихъ займовъ 85—86. Трехпроцентные французскіе консоли въ Лондонѣ стоятъ по 69 слишкомъ, а облигаціи нашего трехпроцентнаго внѣшняго займа по 53—54 [1]).

Да и можетъ ли нашъ кредитъ быть въ удовлетворительномъ положеніи, когда у насъ въ обращеніи почти 692 милліона рублей бумажныхъ денегъ. Деньги эти, при существованіи обязательнаго курса, правда, принимаются у насъ по номинальной цѣнѣ. Но вѣдь и признаніе за ними нарицательной стоимости само — чисто номинальное. Во всякихъ частныхъ и даже общественныхъ транзакціяхъ, если оговаривается уплата золотомъ, то и цѣна выговаривается, сообразно существующему лажу. Въ этомъ отношеніи, государственный банкъ самъ подаетъ примѣръ. Въ прошломъ году, онъ открылъ покупку золота и серебра по курсу, и сталъ принимать полуимперіалы въ 5 р. 98 к.,

[1]) Биржа 4 (16) апрѣля.

20 франковые монеты въ 5 р. 84 к., соверены въ 7 р. 32 к. [1]), а серебрянный рубль въ 1 р. 17½ к. Хотя, въ объявленіи объ этой операціи, она и не была названа покупкою металловъ, а только «предоставленіемъ дѣлать взносы и производить платежи звонкою монетою» по курсу, но названіе тутъ ровно ничего не значитъ.

Итакъ, если покупая какую нибудь вещь мы заплатили 100 рублей, мы очень хорошо знаемъ, что заплатили въ самомъ дѣлѣ 17½% менѣе, то есть 82½ к., такъ какъ самъ банкъ цѣнитъ въ это бумажный рубль. Если бы дѣло ограничивалось только названіями, то это бы еще ничего; мы знали бы, что въ просторѣчіи 82½ копѣйки называются рублемъ. Но этимъ дѣло, къ сожалѣнію, не ограничивается. Упадокъ бумажныхъ денегъ, во-первыхъ, всею своею тяжестью ложится на людей, получающихъ опредѣленные платежи отъ государства, не только жалованье и пенсіи, но и платежи по долгосрочнымъ уговорамъ. Во-вторыхъ, этотъ упадокъ возвышаетъ цѣны на всѣ предметы и возвышаетъ ихъ въ степени, непремѣнно превосходящей степень пониженія бумагъ. Наконецъ, въ третьихъ, упадокъ бумажныхъ денегъ равнозначущъ съ конфискаціею части имущества кредиторовъ государства. Для самой казны этотъ упадокъ, пожалуй, выгоденъ. Представимъ себѣ, что казна выпустила столько неразмѣнныхъ знаковъ, что цѣнность ихъ упала на 50%. Ясно, что такимъ образомъ она освободилась бы отъ половины прежняго своего по нимъ долга. Но вѣдь объявленіе банкротства, въ этомъ смыслѣ, еще выгоднѣе. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы еще не пришли даже къ твердой рѣшимости не выпускать болѣе кредитныхъ билетовъ. А до тѣхъ поръ, пока не будутъ уничтожены у насъ ассигнацій, наши кредитныя отправленія не придутъ въ правильное положеніе. Тутъ никакія гарантіи фондомъ, лежащимъ въ петропавловской крѣпости, ни попытки возобновлять размѣнъ не действительны. Дѣйствительною тутъ можетъ быть только та желѣзная клѣтка, которая стоитъ напротивъ Апраксина рынка. Ассигнаціи должны бы быть отмѣнены, и находящіяся въ обращеніи извлечены по курсу и обращены въ консолидированный процентный долгъ. Но эта жертва такъ велика, что на нее мы рѣшимся, по всей вѣроятности, только тогда, когда съ нынѣшними кредитными билетами повторится то, что́ было съ прежними ассигнаціями. Обратить безпроцентное рублевое обязательство въ процентное окажется возможнымъ только тогда, когда это можно будетъ сдѣлать по 75% ниже нарицательной цѣны. И безъ того мы уже платимъ въ годъ по долгамъ 76 милліоновъ рублей.

Но возвратимся къ смѣтѣ на 1868 годъ. Мы видѣли, что она представляетъ итогъ въ 480 милл. р.

---

[1]) Цѣнность 20 фр. = 5 нариц. рублей; соверена = 6 р. 28 коп.

Сравнимъ эту цифру съ цифрами итоговъ нѣкоторыхъ иностранныхъ бюджетовъ.

Французскій бюджетъ на 1868 г. представляетъ балансъ въ 550 м. р. (принимая фр. за $1/4$ руб.).
Англійскій бюджетъ на 1868 г. представляетъ балансъ въ 456 м. р. (принимая фунты стерл. въ 6 р. 40 к.).
Соединенныхъ-Штатовъ бюджетъ на 1867 г. представляетъ балансъ въ $437^2/_3$ м. р. [1]) (принимая долларъ въ 1 р. 25 к.).
Австрійскій бюджетъ на 1867 г. представляетъ балансъ въ $260^1/_3$ м. р. (гульденъ въ 60 к.)
Прусскій бюджетъ на 1867 г. представляетъ балансъ въ $189^1/_2$ м. р. (талеръ въ 90 к.).

Стало быть, нашему бюджету принадлежитъ первое мѣсто за французскимъ. Но чтобы сравнивать наше положеніе съ положеніемъ Франціи, слѣдуетъ сперва вычесть изъ французскаго бюджета около 60 милл. рублей расходовъ мѣстныхъ, падающихъ у насъ на земство, да къ нашему бюджету пожалуй еще прибавить 3% съ обращающихся у насъ бумажныхъ денегъ, что тотчасъ перенесло бы цифру нашего бюджета за 500 милл. рублей. Сверхъ того, доказательствомъ, что экономическимъ силамъ Франціи бюджетъ въ 550 милл. соотвѣтствуетъ болѣе, чѣмъ нашимъ—бюджетъ въ 480 милл., служитъ лучшее положеніе французскаго кредита, чему мы уже привели выше примѣръ. Наконецъ, повторяемъ, примѣромъ Франціи напрасно было бы утѣшать себя.

Все, что мы сказали о нашемъ финансовомъ положеніи, сказано нами собственно потому, что при обнародованіи послѣдняго бюджета нашлись оптимисты, которые, основываясь на цифрѣ $12^1/_2$ милліоновъ предположеннаго дефицита, объявляли, что положеніе нашихъ финансовъ утѣшительно. Изъ представленной нами картины не слѣдуетъ однакоже выводить заключеніе, будто наше финансовое положеніе отчаянно или даже представляетъ близкую опасность. Замѣтимъ, что значительную часть нашихъ расходовъ составляютъ чрезвычайные издержки на постройку желѣзныхъ дорогъ (38 милл.), издержки производительныя. Г. министръ финансовъ въ докладѣ своемъ говоритъ: «Значительные экстраординарные затраты на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ хотя и обременяютъ въ настоящемъ государственное казначейство, но жертвы сіи съ избыткомъ вознаградятся въ недалекомъ будущемъ, экономическимъ развитіемъ частей имперіи, въ которыхъ

[1]) Собственно говоря, доходъ исчисленъ въ 577 милл. долларовъ, т. е. въ 721.250,000 рублей (величайшій бюджетъ въ мірѣ). Но изъ этого дохода 126.676,254 долл. употребляются на погашеніе долга. Затѣмъ остается собственно на покрытіе расходовъ 350.323,746 долл. Изъ этой суммы на платежъ процентовъ *звонкою монетою* идутъ 148.318,439 милл. долларовъ. Мы привели цифру $350^1/_3$ долл. въ рубляхъ.

открываются новые пути сообщенія. Неуклонное слѣдованіе, въ теченіе немногихъ даже лѣтъ, по пути указанномъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, т. е. обращеніе всѣхъ усилій правительства на довершеніе желѣзныхъ дорогъ, положитъ твердое основаніе улучшенію нашихъ финансовъ и нашего кредита, постепеннымъ возрастаніемъ государственныхъ доходовъ, соразмѣрно вызываемому желѣзными дорогами развитію общественнаго благосостоянія». Съ этими словами нельзя не согласиться, и какъ бы тягостны ни были издержки, производимыя съ этою цѣлью, нельзя не признать, что поправленіе всего нашего экономическаго положенія слѣдовало начать именно съ этого конца. Въ предшествующемъ изложеніи мы хотѣли только показать, что нынѣшнее положеніе финансовъ настоятельно требуетъ улучшенія, что̀ признаетъ и самъ г. министръ.

Но одно развитіе производительности страны построеніемъ желѣзныхъ дорогъ можетъ быть недостаточно безъ правильной финансовой системы. Мы стали уже сводить счеты лучше прежняго — это важно: предусмотрительность есть первое условіе бережливости. Но безъ систематической рѣшимости избавиться отъ неограниченнаго увеличенія нашихъ безпроцентныхъ билетовъ мы не можемъ и думать о положеніи нормальномъ, и безъ значительныхъ сбереженій по непроизводительнымъ расходамъ мы не можемъ выйти изъ ряда тѣхъ государствъ, которые, какъ Франція, придерживаются въ финансахъ политики случайностей — une politique d'aventures et d'expédients — и стать въ рядъ тѣхъ, которыя, какъ Пруссія и Англія, могутъ измѣрять свою будущность, знаютъ — куда идутъ.

Среди нашихъ статей расхода первое мѣсто принадлежитъ расходной смѣтѣ по военному министерству. Смѣта военнаго министерства составляетъ 131½ милліоновъ. Громадность этой цифры сама по себѣ внушаетъ уваженіе. Къ ней надо прибавить еще 2 милл., отнесенные на министерство финансовъ [1]). Но если сообразить, что, сверхъ этой тягости, народъ выноситъ на себѣ съ тою же цѣлью огромныя издержки по постойной повинности и перевозкѣ войскъ, по поставкѣ рекрутъ, да еще принять во вниманіе, что значительныя полосы населенія освобождены отъ податей потому, что поставляютъ иррегулярныя войска, то расходы наши на отвращеніе внѣшней опасности внушатъ намъ уваженіе, не свободное даже отъ нѣкотораго трепета. Готовится ли Россія къ войнѣ? Нѣтъ, мы постоянно слышимъ самыя положительныя объявленія, что политика Россіи имѣетъ самыя мирныя цѣли. Что же, опасаемся ли мы вторженія и потому готовимъ силы? Странное дѣло! Изъ государствъ Европы, Франція и Россія всего менѣе могутъ опасаться вторженія, и онѣ-то именно и издерживаютъ болѣе

[1]) По водвореніи нижнихъ чиновъ на казенныхъ земляхъ и по наборамъ.

всѣхъ на армію. Но намъ говорятъ, что мы даже такъ сказать отличаемся отъ сосѣдей, употребляющихъ чрезвычайныя усилія на вооруженія, между тѣмъ какъ мы обладаемъ средствами обыкновенными [1]). Быть можетъ настоящая минута, когда вопросъ о сокращеніи военныхъ издержекъ, какъ увѣряютъ иностранныя газеты, стоитъ на очереди въ конфиденціальныхъ дипломатическихъ разговорахъ, у насъ позволительно обратить вниманіе на противорѣчіе между политикою поправленія финансовъ, чрезвычайными расходами на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и нормальнаго обремененія финансовъ непроизводительными расходованіями почти вчетверо большей суммы на армію. Эти двѣ системы несогласимы, развѣ если признать просто, что желѣзныя дороги строятся у насъ тоже преимущественно со стратегическою цѣлью.

Одному знаменитому дѣятелю прежняго времени, главному организатору откупной системы, приписывали выраженіе: «у насъ — что́ кабакъ, то одинъ баталіонъ». Теперь же, когда у насъ уже многое старое пагубное замѣнилось новымъ, благотворнымъ,—для осуществленія прекрасной мысли, высказанной въ докладѣ г. министра финансовъ, намъ слѣдовало бы замѣнить и этотъ старый финансовый девизъ новымъ, именно: «у насъ—что́ однимъ наборомъ меньше, то одною желѣзной дорогой больше».

Увеличеніе въ нынѣшней смѣтѣ военнаго министерства, противъ смѣты 1867 показано въ росписи на слишкомъ 11 милл. Военное министерство при болѣе точной классификаціи считаетъ это увеличеніе даже въ слишкомъ 12 милліоновъ (почти цифра предположеннаго дефицита). Но это увеличеніе главнымъ образомъ произошло отъ возвышенія цѣнъ [2]). Такъ и въ докладѣ г. министра финансовъ, замѣчено, что вообще наиболѣе значительное вліяніе на увеличеніе расходовъ по росписи 1868 года имѣлъ неурожай минувшаго года. При этомъ случаѣ, нельзя не замѣтить, что неурожай долженъ отозваться еще и на недоборѣ податей въ 1868 году, такъ что предположенная сумма 4-хъ милліоновъ руб. на недоборы, по всей вѣроятности, будетъ превзойдена.

Вторымъ по значительности изъ нашихъ расходовъ представляется платежъ процентовъ и погашенія по долгамъ, обходящійся болѣе, чѣмъ въ 76½ милл. рублей въ годъ. Здѣсь мы можемъ только повторить замѣчаніе сдѣланное выше, именно, что если по числу населенія сумма

---

[1]) «Русск. Инв.» (№ 85), говоря объ увеличеніи нынѣшней смѣты расходовъ военнаго министерства, замѣчаетъ, что оно «заслуживаетъ тѣмъ бо́льшаго вниманія, что настоящая смѣта военнаго министерства можетъ быть названа въ полномъ смыслѣ слова мирною, незаключающею въ себѣ ни малѣйшихъ тенденцій ни къ увеличенію численности арміи, ни къ какому-либо экстраординарному усиленію ея вооруженій. Она выражаетъ собою только наши обыкновенныя потребности».

[2]) Тамъ же.

платимая нами по долгамъ и ниже, чѣмъ въ Англіи или во Франціи, то, во-первыхъ, для сравненія съ ними надо принять въ соображеніе лежащую на насъ тяжесть внутренняго безпроцентнаго долга, а во-вторыхъ, что по отношенію къ производительности Россіи и эта сумма очень почтенна!

Обращаясь къ управленіямъ съ бюджетами небольшими, замѣтимъ, что издержки государственнаго казначейства по духовному вѣдомству превышаютъ издержки по министерству народнаго просвѣщенія (за исключеніемъ губерній царства польскаго). Первыя составляютъ болѣе 7½ милл., вторыя — 7¼ милл. Первые въ нынѣшней смѣтѣ представляютъ увеличеніе, почти на 800 т. р., вторые остались безъ измѣненія. Правда, въ бюджетѣ духовнаго вѣдомства находятся и издержки на усиленіе средствъ духовно-учебныхъ заведеній. Но во-первыхъ, эта издержка (640 т. р.) составляетъ менѣе 1/10 всего бюджета, а во-вторыхъ, эта образовательная часть все-таки имѣетъ спеціальное назначеніе приготовлять духовныхъ. Между тѣмъ, если бы возможно было вычислить, какія средства на содержаніе духовенства, свѣтскаго и монашескаго, съ церквами и монастырями, даетъ у насъ добровольное религіозное усердіе самаго народа, то этотъ 7½ милліонный бюджетъ оказался бы навѣрное слабымъ дополненіемъ къ бюджету доброхотныхъ пожертвованій.

Третье, по величинѣ, мѣсто, въ ряду государственныхъ расходовъ, занимаютъ издержки министерства финансовъ. Смѣта его представляетъ итогъ болѣе, чѣмъ въ 69½ милл. рублей. Но смѣта министерства финансовъ имѣетъ характеръ сборный. Во-первыхъ, сюда входятъ 24½ милл. издержекъ на взиманіе доходовъ, производимое собственно министерствомъ финансовъ. Во-вторыхъ, въ остальную часть входятъ расходы самые разнообразные, какъ напр.: пособіе разнымъ вѣдомствамъ, городамъ и акціонернымъ обществамъ (почти 5½ милл.); работы горныхъ заводовъ для другихъ вѣдомствъ (болѣе 2½ милл.); расходы за военное вѣдомство [1]) до 2 милл.; Даніи за отмѣну зундской пошлины (580 т. р.) и т. д. Собственно, на личный составъ администраціи центральной и мѣстной по министерству финансовъ по смѣтѣ положено не много, именно менѣе 4½ милл. [2]).

Преобразованіе системы нашихъ налоговъ составляетъ одно изъ неизбѣжныхъ условій поправленія нашего экономическаго положенія. Главные наши доходы, какъ извѣстно: питейный, таможенный и прямые налоги. Первый исчисленъ въ 128.390,507 р. 23½ к., а безъ издержекъ взиманія — въ 119.590,870 руб. 83 коп. Второй исчисленъ въ

---

[1]) См. выше.

[2]) Акцизное вѣдомство и таможни считаются въ отдѣлѣ издержекъ взиманія доходовъ.

32.966.590 р., а безъ издержекъ взиманія — въ 28.025,110 р. 3 к. Подушная подать, безъ издержекъ взиманія, исчислена въ 80.478,481 р. 31 к., и налогъ на право торговли въ 9.278,372 р. — тоже безъ издержекъ взиманія.

Было бы излишне распространяться о томъ, что финансовая система, въ которой подушная подать играетъ такую важную роль — неудовлетворительна. Изъ косвенныхъ налоговъ, важнѣйшіе — питейный и таможенный сборы. Питейный сборъ въ Россіи составляетъ цѣлую треть ея доходовъ. А именно изъ 355½ милл. всей суммы чистаго обыкновеннаго государственнаго дохода 119½ милл. доставляются питейнымъ сборомъ. Мы не беремся рѣшать возникающаго отсюда нравственнаго вопроса; это — дѣло статистики общественной нравственности. Замѣтимъ только, что питейный доходъ составляетъ нашу главную доходную статью, и что, по степени зависимости государственныхъ доходовъ отъ количества выпитаго вина, Россія занимаетъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ государствъ. Таможенный доходъ при системѣ высокаго покровительства, существующей у насъ, несоотвѣтствуетъ фискальной цѣли, какъ то признало нынѣ само правительство. Прямое послѣдствіе высокихъ покровительственныхъ пошлинъ — развитіе контрабанды и стѣсненіе правильнаго ввоза, доставляющаго государству доходъ.

Итакъ, всѣ главныя три статьи нашихъ доходовъ въ ихъ настоящемъ видѣ должны отражаться вредно на экономическихъ силахъ страны. Будемъ заботиться о поднятіи ихъ построеніемъ желѣзныхъ дорогъ, но не забудемъ и о готовомъ пути, указываемомъ въ системѣ доходовъ наукою, а въ системѣ расходовъ — практическимъ благоразуміемъ.

Мы сказали выше, что, по нѣкоторымъ слухамъ, вопросъ о разоруженіи составляетъ въ настоящее время предметъ дипломатическихъ «разговоровъ». Уже одно появленіе такихъ слуховъ слѣдовало бы привѣтствовать, какъ отрадный фактъ, если бы слухи эти не явились непосредственно за новыми опасеніями близости войны. Въ самомъ дѣлѣ, общественное мнѣніе Европы только-что прошло черезъ одинъ изъ тѣхъ маленькихъ тревожныхъ кризисовъ, въ которыхъ слѣдуетъ видѣть одни проходящіе припадки болѣзни хронической, удручающей нашъ континентъ. Достаточно было нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ маршаломъ Ніэлемъ въ бюджетной коммиссіи, въ защиту вооруженій, чтобы произвесть всеобщую тревогу. Тревога на этотъ разъ избрала предлогомъ споръ между Пруссіею и Даніею, который, повидимому, нескоро еще придетъ къ окончанію. Этотъ симптомъ раздражительности исчезъ также скоро, какъ онъ возникъ. Достаточно было нѣсколь-

кихъ общихъ мѣстъ въ пользу мира, включенныхъ въ рѣчь министра юстиціи Бароша, и одной статьи «Journal des Débats», чтобы на время успокоить Европу и даже вызвать реакцію, именно предположенія о разоруженіи. Между тѣмъ, въ успокоительной статьѣ «Journal des Débats» нельзя было не замѣтить подтвержденія извѣстныхъ показаній берлинскаго корреспондента «Times» о политикѣ французскаго правительства скомпрометировать Пруссію передъ Россіею, поставивъ Пруссію въ необходимость отказать Франціи въ своемъ посредничествѣ для сближенія съ Россіею, съ цѣлью рѣшенія восточнаго вопроса. Корреспондентъ англійской газеты недавно повторилъ свои прежнія сообщенія, прибавивъ къ нимъ свѣдѣніе, что графъ Бисмаркъ рѣшился отклонить предложеніе Франціи.

Общественное мнѣніе только-что успокоилось и даже предалось, какъ мы сказали, предположеніямъ о всеобщемъ разоруженіи, какъ вдругъ появилось извѣстіе изъ Парижа, что военная партія тамъ настаивала на помѣщеніи въ «Монитерѣ» иронической замѣтки по поводу послѣднихъ мѣръ относительно сліянія царства польскаго. Но такъ какъ въ томъ же извѣстіи прибавлялось, что г. Руэ восторжествовалъ и на этотъ разъ со своею политикою мира, то Европа продолжаетъ и до сихъ поръ толковать о разоруженіяхъ, недоумѣвая впрочемъ—подъ вліяніемъ двухъ недавнихъ сюрпризовъ—не готовитъ ли ей завтрашній день совсѣмъ иного матеріала для размышленія. Какъ бы то ни было, если правительства не обратятъ теперь вниманія на вопросъ о разоруженіи, теперь, когда со всѣхъ сторонъ требуются усиленныя жертвы на устройство военной части, и когда еще ни одинъ изъ рыцарей, стоящихъ вокругъ поля турнира, не рѣшился бросить своей перчатки — хотя быть можетъ если бы всѣ они показали руки, то обнаружилось бы, что двѣ, три перчатки уже потихоньку сняты — если, говоримъ мы, за этотъ вопросъ о вооруженіяхъ не возмутся теперь, то можно навѣрное ожидать, что недалеко то время, когда они будутъ употреблены въ дѣло. Десятокъ лѣтъ вооруженнаго мира, при нынѣшнихъ его условіяхъ, разорительнѣе войны.

Совершенно иной характеръ представляетъ положеніе дѣлъ на другомъ континентѣ—въ Сѣверной Америкѣ. Новый свѣтъ отличается отъ стараго прекраснымъ качествомъ молодости: вести дѣла, что называется, «черно на бѣло». Сѣвероамериканцы представили примѣръ невиданной еще, по своимъ размѣрамъ, войны, издержали на нее три милліарда долларовъ и, окончивъ ее, приступили къ устройству своихъ дѣлъ. Преданіе суду президента республики явилось какъ дополненіе борьбы между двумя принципами, послѣ того, какъ одинъ изъ нихъ долженъ былъ положить оружіе. Процессъ Джонсона, по совершеніи предварительныхъ формальностей, начался собственно 31 (19) марта. Тѣ подробныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ до сихъ поръ о его ходѣ

касаются только свидѣтельскихъ показаній и борьбы, возбужденной въ сенатѣ главнымъ судьею (Chief Justice) Чэзомъ, съ цѣлью подчинить допросы его непосредственному руководству. Ходъ допросовъ чрезвычайно замедлялся тою неопредѣленностью постановленій и путаницею притязаній, которыя при этомъ обнаружились. Чэзъ, какъ главный судья, предсѣдательствуетъ въ сенатѣ, обращенномъ въ верховный судъ. Но имѣетъ ли онъ право недопускать того или другого вопроса свидѣтелямъ, имѣетъ ли онъ самъ право подавать голосъ въ сенатскомъ судѣ, вслучаѣ равенства голосовъ, подобно тому какъ спикеръ въ палатѣ общинъ? Вотъ, практическіе вопросы процедуры, которые возникли при самомъ началѣ допросовъ. Послѣ показанія чиновника военнаго министерства Криси, что президентъ самъ признавалъ постановленіе конгресса о несмѣняемости министровъ безъ согласія сената (Tenure of office Act), которое онъ потомъ нарушилъ произвольною смѣною военнаго министра Стантона,—и показаній двухъ членовъ конгресса, Ван-Ома и Мургэда, бывшихъ свидѣтелями того, какъ назначенный президентомъ въ военные министры, ad interim, генералъ Томасъ, явился въ военное министерство и требовалъ сдачи ему управленія,—обвинители, уполномоченные отъ палаты представителей, представили свидѣтеля Борлея (члена конгресса), для изложенія разговора, который происходилъ между нимъ и генераломъ Томасомъ наканунѣ дня появленія послѣдняго въ военномъ министерствѣ. Тогда Чэзъ объявилъ, что онъ признаетъ неумѣстнымъ показаніе о фактѣ, предшествовавшемъ оффиціальному дѣйствію Томаса. Сенаторъ Дфэкъ (республиканецъ) заявилъ, что этого вопроса Чэзъ не имѣетъ права рѣшать, что допустить или не допустить допросъ можетъ только самъ сенатъ.

Это было началомъ цѣлаго ряда преній и рѣшеній. Въ теченіи ихъ, однажды оказалось равное числю голосовъ, и Чэзъ подалъ свой голосъ. Тогда возникъ новый вопросъ: имѣетъ ли онъ право подавать голосъ? Мы не будемъ разсказывать хода всѣхъ этихъ споровъ. Скажемъ только, что дѣйствія Чэза свидѣтельствуютъ какъ о его безпристрастіи, такъ и о его благоразуміи, а рѣшенія сената свидѣтельствуютъ о томъ высокомъ инстинктѣ порядка, который служитъ непоколебимою основою самоуправленія. Въ самомъ дѣлѣ, сенатъ рѣшилъ всѣ вопросы въ пользу притязаній Чэза, а Чэзъ, утвердивъ такимъ образомъ свои права, какъ предсѣдателя, сталъ за тѣмъ, каждый разъ, когда возникало сомнѣніе о ходѣ допросовъ, обращаться со спросомъ къ самому сенату. Сенатъ же допускалъ всѣ допросы и тѣмъ показалъ, что онъ не хочетъ ограничиться рѣчью присяжныхъ, которые на допущеніе или недопущеніе свидѣтельскихъ показаній вліянія не имѣютъ.

Изъ показаній Борлея видно, что Томасъ собирался изгнать Стан-

тона изъ военнаго министерства силою, а изъ показанія генерала Имори, командующаго войсками въ Уашингтонѣ, видно, что президентъ требовалъ послушанія со стороны войскъ своимъ личнымъ приказаніямъ, но что свидѣтель, *какъ и все войско*, считаютъ обязательными для себя только тѣ приказанія, которыя они получаютъ установленнымъ путемъ, т. е. чрезъ главнокомандующаго Гранта.

Исходъ суда надъ Джонсономъ въ настоящее время уже не такъ несомнѣненъ, какъ прежде. Дѣло въ томъ, что при подачѣ голосовъ по всѣмъ возникавшимъ спорнымъ пунктамъ, семеро республиканцевъ (сенаторы: Фессенденъ, Фоулеръ, Фрилингюзенъ, Тромболль, Ван-Уэйнкль, Уилліамсъ и Спрэгъ) постоянно высказывались въ смыслѣ благопріятномъ для стороны президента. Если предположить, что при окончательномъ рѣшеніи они соединятся съ демократами — которыхъ въ сенатѣ 12—для оправданія Джонсона, то въ его пользу составится меньшинство изъ 19 голосовъ, т. е. больше одной трети голосовъ сената. А такъ какъ для осужденія президента требуются двѣ трети голосовъ, то онъ имѣетъ шансъ выйти изъ суда неосужденнымъ.

Во всякомъ случаѣ, такъ какъ обвиненіе въ государственной измѣнѣ теперь оставлено, и Джонсонъ судится только за нарушеніе Tenure of office Act и за оскорбительные отзывы о конгрессѣ, то послѣдствіемъ осужденія его могло бы быть только удаленіе отъ должности, съ лишеніемъ права на время занимать общественныя должности въ республикѣ.

Существованіе въ Англіи торійскаго министерства представляетъ слѣдующій парадоксъ: оно доказываетъ невозможность торійскаго кабинета. Министерство Россель-Гладстона удалилось вслѣдствіе парламентскаго пораженія по вопросу о реформѣ. Торійское министерство, въ свою очередь, взялось за этотъ вопросъ и прошло чрезъ цѣлый рядъ пораженій, подчиняясь требованіямъ своихъ противниковъ, такъ что проведенный имъ билль о реформѣ оказался либеральнѣе того, который былъ предложенъ вигами. Итакъ, тори въ управленіи возможны въ настоящее время только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы торизмъ ихъ существовалъ въ одной ихъ программѣ, но на дѣлѣ уступалъ бы либеральнымъ требованіямъ, да еще сверхъ того, чтобы тори преклоняли свое знамя передъ противниками, рѣшаясь оставаться въ управленіи какъ бы на зло своимъ убѣжденіямъ и вопреки явному ихъ осужденію парламентомъ.

Такое пораженіе они претерпѣли недавно вновь по вопросу объ англиканской государственной церкви въ Ирландіи. Резолюціи въ смыслѣ отмѣны этого *establishment*, внесенныя Гладстономъ, были приняты палатою общинъ, несмотря на угрозу со стороны министерства распустить ее. И однакожъ, увертливый г. Дизраэли счелъ возможнымъ не слагать съ себя недавно пріобрѣтеннаго сана перваго министра и вос-

пользовался близостью пасхальныхъ вакацій парламента, чтобы «отложить свое рѣшеніе», т. е. чтобы выиграть время.

Онъ намѣренъ по возобновленіи сессіи внесть въ палату общинъ предложеніе объ отстрочкѣ приведенія гладстоновыхъ резолюцій въ исполненіе. Онъ разсчитываетъ на успѣхъ этого маневра вслѣдствіе «затруднительности положенія.» Въ самомъ дѣлѣ, распустить теперь палату было бы крайне неудобно, такъ какъ организація новыхъ избирательныхъ округовъ и составленіе избирательныхъ списковъ на основаніи прошлогодняго акта о реформѣ далеко еще не готовы. Если же нынѣшнее министерство подастъ въ отставку, то кабинетъ, который его замѣнитъ, можетъ быть только временный, такъ какъ въ началѣ будущаго года, во всякомъ случаѣ, должны произойти новые общіе выборы, на новыхъ основаніяхъ, и министерство въ то время все-таки должно будетъ измѣниться, сообразно съ результатомъ выборовъ. Вотъ на эту-то «затруднительность положенія» и разсчитываетъ Дизраэли, надѣясь, что палата общинъ приметъ такую оговорку, которая будетъ равносильна отсрочкѣ дѣйствія гладстоновыхъ резолюцій. Понятно, что если эта надежда рушится, то ему придется оставить свой постъ или рѣшиться на крайне-неудобную нынѣ мѣру распущенія парламента.

Рѣшеніе англійской палаты общинъ въ смыслѣ отмѣны въ Ирландіи господствующей протестантской церкви всѣми партіями было принято, какъ предвѣстіе отмѣны господствующей церкви и въ самой Англіи. Несмотря на отговорки Гладстона, ясно, что дѣло идетъ именно къ этому, и что почва Ирландіи служитъ только «огородомъ для экспериментовъ», примѣнимыхъ къ самой Англіи. Между тѣмъ, замѣтимъ, что господство англиканской церкви въ Англіи, какъ и въ Ирландіи, обременительно только въ экономическомъ отношеніи. Подъ «господствомъ» протестантизма, государство нисколько не стѣсняетъ свободы перехода гражданъ въ иныя вѣроисповѣданія, не обязываетъ родителей крестить дѣтей въ господствующей вѣрѣ подъ страхомъ наказанія или вообще открыто признавать себя непринадлежащими къ унаслѣдованной отъ предковъ, господствующей вѣрѣ. Духовное иго протестантизма еще легко, но и это иго собирается сбросить съ себя либеральная Англія.

Литература публицистики у насъ такъ ограниченна, что нельзя не обратить вниманія на только-что появившуюся книжку М. П. Погодина: «Польскій вопросъ. Собраніе разсужденій, записокъ и замѣчаній 1831 — 1867». «Я писалъ о Польшѣ — говоритъ авторъ, въ своемъ предисловіи — нѣсколько разъ, съ 1830 года, по разнымъ случаямъ, и представилъ осязательныя доказательства расположенія къ полякамъ, въ самое тяжелое для нихъ время: напримѣръ, въ 1839 г., я настаи-

валъ на покровительствѣ польскому языку, литературѣ и исторіи; въ 1854 г. — предлагалъ совершенное отдѣленіе Польши отъ Россіи и возвращеніе политической самобытности въ предѣлахъ польскаго языка; въ 1856 г. — желалъ ей полной автономіи. При такихъ данныхъ, я считаю своимъ долгомъ и вмѣстѣ правомъ подать голосъ и въ новыхъ отношеніяхъ, созданныхъ ужасными событіями 1862 года.» Эти событія привели автора къ новымъ заключеніямъ, а именно, что «Польша *разумно*, не должна и желать отдѣленія отъ Россіи, а Россія, *разумно*, не можетъ отдѣлить отъ себя Польшу, еслибъ и хотѣла.» Все это составило содержаніе предисловія; но «это предисловіе (написанное въ мартѣ 1863 г.) не могло быть напечатано по цензурнымъ недоразумѣніямъ, о которыхъ послѣ». Такимъ образомъ, появленіе сборника въ 1868 г. имѣетъ уже значеніе знака времени, не страдающаго, вѣроятно, болѣзнью къ литературному слову. Главная заслуга автора состоитъ въ откровенности, съ которою онъ намъ представилъ исторію польскаго вопроса, какъ она совершалась въ немъ самомъ, отражая до извѣстной степени тѣ различные фазисы, которые этотъ вопросъ проходилъ и въ общественномъ мнѣніи страны. Авторъ не дѣлаетъ самъ никакихъ заключеній, никакихъ выводовъ для настоящей минуты, ни разсчетовъ и выкладокъ на будущее ближайшее время, ни критическихъ взглядовъ на нашу современную внутреннюю политику по этому вопросу; и мы не имѣемъ права взять на себя истолкованіе такого умолчанія. Впрочемъ, авторъ хотѣлъ строго ограничиться историческимъ изложеніемъ дѣла, въ томъ убѣжденіи, что его «сборникъ, въ этомъ историческомъ, такъ сказать, видѣ, прямой и искренній, можетъ принести пользу въ настоящихъ обстоятельствахъ: для славянъ западныхъ, выступающихъ теперь на сцену, преимущественно чеховъ, моравлянъ, словаковъ и пр. (недавно найдено сочиненіе словака Стура, который сходится со мною въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ); для умѣренныхъ и благоразумныхъ поляковъ, сколько ихъ найдется (въ послѣднихъ газетахъ есть извѣстіе о вновь появившихся польскихъ славянофилахъ); для людей безпристрастныхъ между европейскими читателями (помянемъ съ благодарностью Прудона); и для тѣхъ изъ русскихъ, которые недостаточно уяснили еще себѣ вопросъ.»

ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ.

ТРИ БОННСКІЕ ИСТОРИКА.

18-го октября, въ день достопамятной лейпцигской битвы, боннскій университетъ празднуетъ ежегодно годовщину своего основанія. Торжество это, какъ и вездѣ, сопровождается приличными ему рѣчами, рѣдко, однако, имѣющими интересъ для большинства публики, въ особенности иностранной. Истекшій годъ представляетъ въ этомъ отношеніи отрадное исключеніе. Вновь избранный ректоръ, столь извѣстный читающей публикѣ и за предѣлами Германіи, *Зибель*, вступая въ должность свою, бросилъ ретроспективный взглядъ на дѣятельность своихъ предшественниковъ по каѳедрѣ. Побудительною причиною къ избранію этой темы было, по словамъ Зибеля, естественное желаніе подвести итогъ дѣятельности университета (празднующаго, 3-го августа новаго стиля, во время его ректорства, 50-лѣтній юбилей своего существованія), въ области исторической науки. Къ этому побуждало его не столько сознаніе, что предметъ, который онъ преподаетъ въ прирейнскомъ университетѣ Пруссіи, относится къ болѣе доступнымъ большинству публики, но, главнымъ образомъ, убѣжденіе, что боннскіе историки, его предшественники, исполнили свое призваніе и задачу съ честью, успѣхомъ, и были не только наставниками и руководителями болѣе или менѣе ограниченнаго кружка непосредственныхъ слушателей, но главнымъ образомъ представителями цѣлой эпохи историческаго строго-научнаго изслѣдованія. Очертивъ такимъ образомъ свою задачу, Зибель остановился, конечно, на выдающихся только личностяхъ между своими предшественниками.

Въ эпоху основанія боннскаго университета (1818 г.), на историческую науку повѣялъ свѣжій, живительный духъ, предвѣстникъ новой, исполненной надеждъ, эпохи. Въ теченіе XVIII вѣка, историческая наука въ Германіи состояла преимущественно въ услуженіи имперскихъ судовъ или мѣстныхъ правительствъ. Правда, рядомъ съ этого рода дѣятельностью ея, возникъ, не рѣдко блестящій, но часто очень неосновательный, философическій и космополитическій взглядъ на исторію, но чисто-историческое изслѣдованіе, соединяющее критическую разработку частностей съ духовнымъ оживленіемъ цѣлаго, не покидая почвы фактической, національной жизни, возникаетъ впервые въ первой четверти текущаго столѣтія. Въ печальную эпоху фран-

цузскаго владычества, подъ гнетомъ нестерпимаго настоящаго, Германія искала отрады въ лучшемъ прошедшемъ. Разбитая на поляхъ брани, она черпала внутреннія силы въ созерцаніи своего тысячелѣтняго существованія, въ сокровищницахъ своей культуры, въ своеобразности своего права, въ богатствѣ и силѣ своего языка. Съ этого времени изслѣдованіе прошедшаго предпринималось уже не только для адвокатовъ имперскаго суда. Оно сдѣлалось жизненнымъ интересомъ цѣлаго народа. Не ограничиваясь, какъ прежде, изслѣдованіями придворныхъ интригъ, такъ-называемой высшей государственной дѣятельности, и повѣствованіями о военныхъ побоищахъ, историческая наука раздвинула свой горизонтъ, включивъ въ него бытовой элементъ въ самомъ пространномъ смыслѣ этого слова. Между тѣмъ, подоспѣли войны освобожденія. Германія пережила во время ихъ славную эпоху и принимала дѣятельное участіе въ міровомъ событіи. Такое настоящее не могло не отразиться и на историческомъ взглядѣ народа. Онъ прояснился и расширился. Живущее тогда поколѣніе было свидѣтелемъ страшныхъ катастрофъ; оно принесло громадныя жертвы для освобожденія родины. Всѣ страсти были прочувствованы и пережиты; всѣ возможные интересы были въ игрѣ или въ опасности. Лучшей школы для уразумѣнія прошедшаго едва ли возможно придумать!

Но наврядъ ли кто изъ современниковъ былъ сильнѣе увлеченъ этимъ потокомъ, какъ человѣкъ, которому по праву принадлежитъ честь считаться основателемъ современнаго нѣмецкаго историческаго изслѣдованія, какъ *Бартольдъ-Георгъ Нибуръ*, слава юнаго разсадника германской науки на берегахъ Рейна. Натура всесторонняя и, можно даже сказать, болѣзненно-впечатлительная, соединявшая проницательность ума съ пылкимъ воображеніемъ, способность пониманія съ даромъ творчества, спеціалистъ необыкновенно точный и основательный и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ необыкновенно многосторонне-развитый, Нибуръ, пройдя разнообразныя поприща дѣятельности, политическое и финансовое, подготовивши себя филологическими и юридическими занятіями, приступилъ къ труду, составившему цѣль его жизни — къ разработкѣ римской исторіи. Онъ самъ свидѣтельствуетъ о томъ впечатлѣніи, которое произвели на него войны освобожденія. Прежде — говоритъ Нибуръ — древней исторіей можно было довольствоваться, какъ мы довольствуемся географическими картами, или ландшафтною живописью. Мы не воспроизводили предметовъ и событій въ душѣ нашей; теперь же (т. е. послѣ войнъ освобожденія) подобная исторія насъ не можетъ уже удовлетворить, если она не въ силахъ, опредѣленностью и ясностію, стать на ряду съ исторіею настоящаго. Въ другомъ мѣстѣ Нибуръ замѣчаетъ: — «Историкъ тѣмъ способнѣе возсоздать прошедшую эпоху, чѣмъ громаднѣе были событія, которыя онъ пережилъ и прочувствовалъ, какъ зритель или дѣйствующее лицо;

чѣмъ больнѣе онъ при этомъ страдалъ или радовался. Онъ живѣе чувствуетъ правду и неправду, правильнѣе судитъ о дѣяніяхъ разумныхъ и безразсудныхъ, и проч. Не смотря на свое положеніе отдаленнаго потомка, уста его глаголятъ о повѣствуемыхъ имъ событіяхъ, какъ-будто онѣ совершались въ-очію передъ нимъ.»

Жить, при повѣствованіи прошедшаго, какъ современникъ его — объ этомъ старается каждый историкъ, но что подобное требованіе не легко — знаютъ даже лучшіе изъ нихъ, по собственному опыту. Изъ этого требованія возникъ критическій методъ изслѣдованія, легшій въ основу современной исторической науки. Первое положеніе его гласитъ: не упускать никогда изъ виду, при каждомъ историческомъ извѣстіи, что оно заключаетъ въ себѣ не изложеніе самаго событія, какъ оно случилось на самомъ дѣлѣ, а воспроизводитъ только впечатлѣніе, которое оно произвело на своего перваго повѣствователя. Затѣмъ дѣло историка возсоздать изъ этого впечатлѣнія, при посредствѣ творческаго воображенія, само событіе, такъ что, наконецъ, онъ смотритъ на него уже не глазами свидѣтеля, а какъ-будто своими собственными, какъ очевидецъ. И это требованіе кажется легкимъ и почти само собою подразумѣвающимся, но только при легкомысленномъ отношеніи къ нему. Удовлетвореніе же его проводитъ рѣзкую черту между поверхностнымъ диллетантизмомъ и научнымъ изслѣдованіемъ. Нибуръ является творцомъ этого требованія, такъ, что историческая критика Ранке и его школы есть только дальнѣйшее развитіе нибуровской техники. Понятно, что заслуги его ни мало отъ того не уменьшаются, что онъ, иногда увлекаясь, впадалъ, при посредствѣ своего критическаго метода, въ крайности. Едва ли найдемъ въ исторіи наукъ геніальнаго изобрѣтателя, который, преслѣдуя мысль, которой онъ задался, не дѣлалъ ошибокъ, или не доходилъ до преувеличенія; но съ другой стороны, геніальный изобрѣтатель безъ увлеченія—немыслимъ. Прогрессъ только и возможенъ при слѣдованіи по пути ошибокъ. Не смотря на нѣкоторые промахи Нибура, теперь окончательно установилось мнѣніе, что критическій методъ его тождественъ съ строго-научнымъ изслѣдованіемъ.

Второе послѣдствіе Нибурова принципа не достаточно еще усвоено нѣмецкими историками. Кто заявляетъ притязаніе видѣть прошедшія событія въ-очію, какъ современникъ, тотъ не можетъ ограничиться критической разработкой и провѣркой свидѣтельствъ; онъ долженъ еще пріобрѣсти возможность фактическаго пониманія ихъ; безъ этого положительнаго знанія онъ не обладаетъ качествами очевидца. Представимъ себѣ человѣка, который употребилъ извѣстное число часовъ, чтобы слѣдить за работой какой-нибудь машины, не понимая, однако, ни ея цѣли, ни ея механизма. Въ результатѣ выйдетъ, что онъ потерялъ только время; видѣлъ множество рычаговъ, зубчатыхъ колесъ,

винтовъ, но отнюдь не машину. Тоже самое вышло бы въ результатѣ, если бы человѣкъ, обладающій громадною книжною ученостью, вздумалъ писать исторію медицины, не имѣя необходимыхъ практическихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Поэтому, нельзя не удивляться, что множество историковъ, занимаясь изслѣдованіемъ важныхъ эпохъ въ жизни народовъ, не обращаютъ должнаго вниманія на разные спорные вопросы въ области религіи, философіи, политической экономіи; излагая важныя политическія событія, они незнакомы съ законодательствомъ и государственнымъ устройствомъ страны; повѣствуя о борьбѣ сильныхъ страстей, они пренебрегаютъ изученіемъ человѣческаго сердца и его побужденій.

Недостатки такой подготовки проявляются въ особенности на поприщѣ средневѣковой исторіи. Хотя Тьера нельзя представлять начинающему историку за образецъ, однако нельзя не отдать ему справедливости, что онъ вполнѣ правъ, требуя отъ приступающаго къ историческому изслѣдованію полнаго и всесторонняго «уразумѣнія» предмета. Критика источниковъ, даже вполнѣ добросовѣстная и методическая, не простирается за предѣлы констатированія извѣстныхъ фактовъ. Затѣмъ начинается новая задача историка—обнаружить внутренній смыслъ ихъ, на основаніи внѣшняго ихъ проявленія; опредѣлить ихъ духовную связь и такимъ образомъ перейти къ ихъ нравственной оцѣнкѣ. Тому, кто желалъ бы получить вполнѣ наглядное понятіе о значеніи фактическаго «уразумѣнія» событій, нельзя дать лучшаго совѣта, какъ сравнить римскую исторію Нибура съ сочиненіями его предшественниковъ по этому же предмету. Какъ ни важны открытія, за которыя наука обязана его критикѣ источниковъ, однако самые важные результаты его изслѣдованій (напр., опредѣленіе и изображеніе значенія римскаго plebs) добыты скорѣе прозорливостью государственнаго человѣка, чѣмъ кропотливыми усиліями ученаго. Сравнительная этнографія и политическая практика подготовили его къ пониманію, а проницательный умъ его открылъ связь и жизнь тамъ, гдѣ предшественники его видѣли только непонятныя для нихъ развалины.

Въ непосредственной связи съ сказаннымъ находится третье качество—нравственная энергія—оживляющая каждое слово Нибура, и доходящая нерѣдко до страстнаго увлеченія. Это даетъ особенный колоритъ его сочиненіямъ и лекціямъ. Нибуръ откровенно сознается, что онъ не въ силахъ удержаться отъ слезъ, говоря о такомъ-то событіи; онъ ненавидитъ и любитъ, предается восторгу и впадаетъ въ уныніе, какъ лицо, непосредственно заинтересованное въ событіи, какъ современникъ его. При этомъ, однако, онъ вполнѣ сохраняетъ свои особенности, свой національный характеръ. Нибуръ, живя въ воображеніи посреди римлянъ, оставался германцемъ, и чѣмъ сильнѣе было его воодушевленіе древнимъ величіемъ чуждаго ему народа, тѣмъ пла-

меньше пылалъ въ груди его огонь любви къ возрождающейся родинѣ.

Такъ дѣйствовалъ Нибуръ до самой смерти своей. Какъ профессоръ, онъ обладалъ неоцѣненнымъ даромъ переносить свою аудиторію, при самомъ уже началѣ чтенія, посреди эпохи и народа, исторію которыхъ онъ излагалъ; неисчерпаемый запасъ свѣдѣній выливала потокомъ его счастливая память; страстное увлеченіе, рѣзкое сужденіе, одушевленная, какъ-будто безсознательно-порывистая рѣчь его — все это вмѣстѣ производило на слушателей его впечатлѣніе, что онъ передаетъ имъ не выученное, только добытое наукой и трудомъ, а пережитое. Нибуръ поражалъ всѣхъ массою своихъ свѣдѣній и, если можно такъ выразиться, всеоружіемъ своей громадной учености, всегда готовой, никогда не захваченной врасплохъ. Но главное, — каждый слушатель его чувствовалъ, что знаніе это глубоко коренилось въ чувствѣ политической справедливости, религіозной независимости и пламенной любви къ родинѣ. Нибуръ сталъ образцомъ для своихъ преемниковъ; направленію, имъ указанному, преемники его по каѳедрѣ старались и стараются теперь слѣдовать.

Первымъ по времени былъ *Іоганъ-Вильгельмъ Лёбель*, натура вполнѣ противоположная Нибуровой. Основная черта его характера, точка отправленія была совершенно иная, чѣмъ у его предшественника. Лёбель былъ по преимуществу эстетикъ. Самою завидною дѣятельностью онъ считалъ дѣятельность художника и поэта, и этимъ объясняется требованіе его даже отъ ученаго—художественности изложенія. Лёбель не обращалъ особеннаго вниманія на критическую разработку предмета, но едва ли кто обладалъ въ такой степени чутьемъ прекраснаго, какъ онъ. Кто желаетъ, на немногихъ страницахъ, познакомиться съ отношеніями, въ которыхъ находятся исторія къ поэзіи, критика къ преданію, тому нельзя рекомендовать лучшихъ монографій по этимъ предметамъ, какъ Лёбелевскія. Нибуръ и Ранке не могли произвести ничего лучше и вѣрнѣе. Вслѣдствіе этого направленія, Лёбель родился, можно сказать, историкомъ литературы, и нельзя не пожалѣть, что онъ слишкомъ поздно вышелъ на это поприще и былъ застигнутъ смертью посреди труда, который, по настоящему, долженъ былъ бы составить призваніе его жизни. Подъ перомъ его, каждое начатое изслѣдованіе принимало, собственно говоря, форму отдѣла изъ исторіи литературы. Такъ, онъ занимался, въ теченіе многихъ лѣтъ, бытомъ древней Германіи и франкской монархіи. Изслѣдованія эти, необыкновенно замѣчательныя, подъ перомъ всякаго другого выросли бы непремѣнно въ исторію права, государственныхъ учрежденій, церкви, культуры эпохи Меровинговъ. Что́ же завѣщалъ намъ Лёбель вмѣсто нихъ? Руководствуясь извѣстнаго рода скромностію, но еще болѣе слѣдуя указанному выше направленію

своего господствующаго взгляда, Лёбель удовольствовался изданіемъ монографіи о древнемъ франкскомъ историкѣ, Григоріѣ Турскомъ, которая и въ настоящее время составляетъ главный источникъ для его эпохи. Лёбель знакомитъ насъ съ развитіемъ Григорія, показываетъ намъ вліяніе, которое оказала на него окружающая среда, ка̀къ онъ собираетъ матеріалы своего труда, наконецъ, ка̀къ онъ, уже писатель, разработываетъ ихъ, облекаетъ въ литературную форму, ка̀къ онъ судитъ о событіяхъ. При этомъ мы знакомимся съ государственнымъ и церковнымъ строемъ VI вѣка, какъ со средствами образованія и литературнымъ матеріаломъ замѣчательнаго писателя. Такимъ образомъ, этимъ окольнымъ путемъ, какъ бы мимоходомъ, мы узнаемъ о Меровингахъ гораздо болѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ изъ всѣхъ сочиненій по этому предмету до Лёбеля.

Эта господствующая эстетическая черта проходитъ красною нитью чрезъ всю его дѣятельность. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что Лёбель заслуживаетъ упрекъ въ односторонности или ограниченности взгляда. Напротивъ, его, какъ и подобаетъ эстетику, занимала каждая умственная проблемма, каждый нравственный конфликтъ, гдѣ бы они ему ни попадались: въ древней ли, или въ новой исторіи; въ дворцахъ ли коронованныхъ лицъ, или въ убогой хижинѣ; на западѣ ли, или на востокѣ. Лёбель, подобно Нибуру, обладалъ способностію углубляться въ безконечное разнообразіе явленій, могъ, посреди ихъ, оставаться созерцающимъ наблюдателемъ. Но, между тѣмъ, какъ Нибуръ немедленно предавался, подъ ихъ впечатлѣніями, радости, или разгорался гнѣвомъ, хулилъ или хвалилъ, Лёбель всегда высказывался осторожно, рѣдко безусловно, вездѣ искалъ примиренія. Изъ этой объективности не слѣдуетъ, однако, заключать о нравственномъ, политическомъ или религіозномъ индиферентизмѣ Лёбеля. Эта объективность взглядовъ спасла его отъ фанатизма партіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она была умѣрена и облагорожена его либеральнымъ и патріотическимъ настроеніемъ.

Послѣ сказаннаго, не трудно понять, что этотъ кроткій и умѣренный ученый, избѣгавшій всякой односторонности и горячихъ преній, проникнутый теплымъ патріотизмомъ и обладавшій свѣтлымъ политическимъ взглядомъ, не могъ разсчитывать въ нашу бурную, реалистическую, взволнованную политическими партіями, эпоху, на блестящій успѣхъ. Но цѣлыя поколѣнія его многочисленныхъ слушателей знаютъ, ка̀къ плодотворна и благодѣтельна была дѣятельность его, какъ преподавателя, въ особенности на почвѣ нижняго Рейна. Здѣсь, назадъ тому 50 лѣтъ, большинство населенія, не исключая средняго и, такъ называемаго, высшаго классовъ, почти не знало, что нѣмецкая литература, благодаря произведеніямъ Лессинга, Гёте, Шиллера, стала на ряду съ другими, прежде считавшими себя неизмѣримо выше ея. Ни

курфирсты кёльнские и трирские, ни наполеоновские префекты не заботились о томъ, чтобы юношество теперешней прирейнской Пруссіи черпало изъ этихъ источниковъ вѣчной красы и гуманной нравственности. При этомъ порядкѣ вещей не трудно понять, какія важныя для Германіи послѣдствія имѣла продолжительная дѣятельность Лёбеля, въ особенности если мы примемъ въ соображеніе его настроеніе къ области исторіи литературы. Изъ этого уже можно заключить, какое громадное для Германіи значеніе имѣло основаніе боннскаго университета, поставленнаго на окраинѣ ея стражемъ, вооруженнымъ духовнымъ оружіемъ, котораго не въ силахъ побороть никакая грубая сила, даже при посредствѣ самой усовершенствованной техники.

Съ неменьшимъ успѣхомъ, хотя въ совершенно иномъ направленіи, дѣйствовалъ третій корифей боннскаго университета, *Фридрихъ-Христофъ Дальманъ*. Если Лёбеля можно было назвать по преимуществу эстетикомъ, то Дальмана слѣдуетъ назвать политикомъ par excellence. Его не прельщала краса духовной формы, но сила нравственнаго содержанія; только въ безусловномъ подчиненіи долгу онъ видѣлъ источникъ неограниченной самостоятельности и несокрушимой силы. Правилами этими онъ руководствовался въ жизни и наукѣ. Въ исторіи онъ не подавался ни на какія сдѣлки: для него существовало въ ней *только* правое дѣло, и его поборники и враги. Но подобная точка отправленія, поневолѣ вселяющая уваженіе чистотою и возвышенностью своего принципа, не могла избѣжать упрека въ нѣкоторой односторонности. Политикъ такого благороднаго закала ставитъ самыя возвышенныя задачи, готовъ принести себя самого въ жертву имъ, но ему рѣдко удается ихъ рѣшить. Онъ, созидая свои сооруженія на чувствѣ долга людей, не принимаетъ въ разсчетъ остальныхъ факторовъ человѣческой дѣятельности: разнородности ихъ характеровъ и страстей. Онъ предписываетъ программу будущности,—призваніе, конечно, въ высшей степени благородное, — но предоставляетъ осуществленіе ея и вмѣстѣ съ тѣмъ господство надъ настоящимъ своимъ противникамъ. Этой судьбы не избѣжалъ и Дальманъ! Нѣтъ спора, что онъ былъ самымъ замѣчательнымъ лицемъ между основателями такъ называемой мало-германской программы, но ему суждено было, въ 1850 г., быть свидѣтелемъ паденія ея вслѣдствіе усилій партіи, коноводу которой, шестнадцать лѣтъ спустя, удалось, завладѣвши поставленною дальмановскою партіею задачею, осуществить блестящимъ образомъ первую половину ея. И, какъ историкъ, Дальманъ заплатилъ отчасти долгъ этой односторонности своего направленія, хотя, нельзя не признаться, въ возможно малыхъ размѣрахъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ силѣ своего таланта. Труды его о Геродотѣ и *Saxo grammaticus* суть безспорно образцы методической критики; изслѣдованія его необыкновенно точны, и каждый поставленный имъ вопросъ разрѣшается

съ замѣчательною основательностью. Его датская исторія останется навсегда украшеніемъ нѣмецкой исторической литературы. На сколько точно и мѣтко здѣсь критическое изслѣдованіе, на сколько поучительно и наглядно развиваются передъ глазами читателя образы быта, права, народнаго развитія, на столько же живо и сильно дѣйствуютъ на читателя взгляды и приговоры автора. Когда Дальманъ изображаетъ морскія войны датчанъ, борьбу норвежскихъ крестьянъ и т. п., то, конечно, передъ нашими глазами предстаютъ отчетливо, живо, исполненные мѣстнаго колорита всѣ изображаемыя имъ событія; но нельзя не сознаться, что вниманіе наше сосредоточено болѣе на самомъ повѣствователѣ, чѣмъ на повѣствуемомъ, такъ что, при концѣ чтенія, въ душѣ нашей рѣзче отпечатлѣлись черты Дальмана, чѣмъ пиратовъ и богатырей, имъ изображенныхъ.

Изъ сказаннаго можно уже заключить, какое вліяніе должна была оказывать личность Дальмана на его слушателей. Чтеніе его было спокойное, почти всегда ровнымъ тономъ, безъ риторическихъ прикрасъ. Притомъ, самое содержаніе ихъ, не смотря на самостоятельные и интересные взгляды профессора, нельзя было однако назвать, съ точки зрѣнія ученой, особенно богатымъ. Главною его заботою было, очевидно, нравственно-политическое дѣйствіе чтенія на аудиторію, и его, конечно, не избѣжалъ ни одинъ изъ его слушателей. Глубокое убѣжденіе увлекаетъ, сила воли подчиняетъ аудиторію; въ Дальманѣ и то и другое представляло такое тѣсное сочетаніе, что слушатели его должны были проникнуться нравственною необходимостью слѣдовать по стезѣ права, въ духѣ свободы, съ полною преданностью интересамъ народа и отечества. Эта сторона дѣятельности Дальмана принесла не менѣе плодовъ, какъ указанная выше дѣятельность Лёбеля. Благодаря растлѣвающему дѣйствію мѣстныхъ правительствъ, въ теченіи XVIII вѣка, на роскошныхъ берегахъ Рейна исчезло почти совершенно правильное воззрѣніе на государственный организмъ. Понятіе о гражданскихъ обязанностяхъ и связанныхъ съ исполненіемъ ихъ послѣдствіяхъ, утратилось въ народѣ, равно какъ и знаніе отечественно-классической литературы, о которомъ упомянуто было выше. Съ 1814 г., тому и другому данъ былъ сильный толчекъ, который, при воспріимчивости и живости прирейнскаго населенія, проявился на разныхъ направленіяхъ народной жизни. Поэтому-то Пруссія оказала германскому дѣлу великую услугу, поручивъ воспитаніе молодого поколѣнія такому человѣку, какъ Дальманъ, жизнь и ученіе котораго были образцомъ патріотической преданности и стремленія къ политической свободѣ.

Такъ дѣйствовали эти три замѣчательные ученые на историческомъ поприщѣ прирейнскаго университета, немало способствовавшіе усвоенію за нимъ особенности его характера. Мы видѣли выше, въ чемъ состояло ихъ индивидуальное различіе; намъ остается указать, что̀ было

между ними общаго. Всѣ они были образцовыми изслѣдователями; всѣ они отличались неутомимымъ, строго научнымъ, геніальнымъ прилежаніемъ. Всѣ они были проникнуты стремленіемъ къ духовному уразумѣнію и изящной отдѣлкѣ историческаго матеріала, и какъ ни разнообразны были пути, по которымъ они преслѣдовали свои цѣли, въ окончательномъ итогѣ они стремились къ одному и тому же идеалу. Всѣ трое были проникнуты убѣжденіемъ, что знаніе только тогда претворяется въ науку, когда оно подчиняется общимъ законамъ человѣческой жизни, когда оно не только обогащаетъ предметъ новыми пріобрѣтеніями, но когда оно споспѣшествуетъ облагороженію человѣческаго существованія. Потому-то знаніе никогда не достигаетъ своего полнаго развитія на эгоистической почвѣ, какъ бы ни называлась эта почва въ отдѣльныхъ случаяхъ: высокомѣрною ли сосредоточенностію, легкомысленною ли жаждою наслажденій, или педантическою односторонностію,—но только тогда, когда оно направлено къ благу общему, не страшится никакихъ жертвъ и лишеній на терновомъ пути стремленія къ истинѣ, и не справляется съ ходячими и близорукими взглядами толпы.

Мы видѣли, что самымъ богатымъ источникомъ въ развитіи Нибура, какъ историка, было живое участіе, принятое имъ въ судьбахъ отечества. Что́ касается Дальмана и Лёбеля, то какъ ни разнообразны были ихъ направленія, однако они представляли сходство въ томъ, что національная основа ихъ наукъ была общею у нихъ обоихъ, равно какъ и у Нибура. Къ разнымъ вопросамъ политическихъ партій они относились не одинаково, и притомъ Нибуръ и Лёбель различно въ разные періоды ихъ жизни. Въ одномъ однако они сходились всѣ, именно въ главныхъ, путеводныхъ началахъ: всѣ они были отъявленные ненавистники абсолютизма и революціи; всѣ они были поборниками и служителями свободы, развитіе которой для нихъ было тождественно съ распространеніемъ образованія и укрѣпленіемъ добрыхъ нравовъ. Наконецъ, они всѣ трое были глубоко проникнуты сознаніемъ необходимости независимости науки. Они вполнѣ признавали необходимость вмѣшательства государства въ вопросы, касавшіеся внѣшнихъ порядковъ обученія, но они требовали, чтобы внутреннее содержаніе научной работы было свободно почерпаемо изъ свободнаго духа, не допуская никакихъ, ни свѣтскихъ, ни духовныхъ стѣсненій, опекъ и попечительствъ. Эти руководящія начала, легшія въ основаніи, въ 1810 и 1818 годахъ, при учрежденіи берлинскаго и боннскаго университетовъ, при своемъ дальнѣйшемъ развитіи обусловившія процвѣтаніе этихъ обоихъ разсадниковъ образованія, были вмѣстѣ съ тѣмъ и главной причиной политической силы, которой достигла въ настоящее время Пруссія.

А. С.

Боннъ-на-Рейнѣ.—Апрѣль, 1868.

КРЫЛОВЪ И РАДИЩЕВЪ.

Кто писалъ въ «Почтѣ Духовъ»? — Вопросъ изъ исторіи русской литературы прошлаго вѣка.

Въ настоящей замѣткѣ, мы желали бы обратить вниманіе историковъ нашей литературы на вопросъ о литературныхъ связяхъ Радищева и Крылова, до сихъ поръ очень темный и однако чрезвычайно любопытный.

Біографія Радищева до послѣдняго времени очень мало извѣстна, какъ біографіи многихъ другихъ дѣятелей литературной и общественной жизни, на долю которыхъ выпадала печальная судьба, подобная судьбѣ Радищева. Историки литературы о немъ совсѣмъ умалчивали, и даже новѣйшій историкъ, г. Галаховъ, далъ Радищеву только полторы строчки въ своей объемистой книгѣ, хотя уже могъ имѣть достаточно матеріала для характеристики писателя, во всякомъ случаѣ исторически болѣе важнаго, чѣмъ десятки другихъ писателей, пересчитанныхъ въ этой исторіи.

Въ послѣднее время имя Радищева названо было въ біографіи Крылова. Въ статьѣ г. Кеневича, помѣщенной въ одномъ изъ предъидущихъ нумеровъ «Вѣстника Европы», сообщены были неопредѣленные намеки на какія-то отношенія между этими двумя писателями. Эти намеки дѣлалъ самъ Крыловъ въ позднѣйшее время своей жизни, но не разъяснялъ ихъ, такъ что изъ нихъ трудно извлечь что-нибудь кромѣ темнаго представленія о какихъ-то связяхъ, существовавшихъ между нимъ и Радищевымъ. Когда начались розыски о книгѣ Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», — нашли нужнымъ обратить вниманіе на Крылова: на первый разъ, пока не объяснилось, что книга напечатана была въ собственной типографіи Радищева, думали, что не была ли она напечатана въ типографіи Крылова [1]).

Дѣло это происходило въ 1790 году. Крыловъ былъ тогда юноша 22 лѣтъ; Радищевъ былъ старше его почти двадцатью годами (род. 20 авг. 1749). Крыловъ только-что начиналъ свое литературное поприще; за годъ передъ тѣмъ, въ 1789, издавалась «Почта Духовъ», которую считаютъ его первымъ литературнымъ предпріятіемъ и одной изъ лучшихъ его заслугъ въ области русской сатиры.

«Почта Духовъ» выходила въ 1789 г. безъ имени издателя или

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1868, февр., стр. 712. Рѣчь идетъ конечно о типографіи, принадлежавшей собственно Рахманинову, гдѣ печаталась «Почта Духовъ».

автора; второе изданіе, вышедшее въ 1802 году, явилось также безъ имени. Крыловъ признавалъ «Почту Духовъ» за свой трудъ; и преданіе считаетъ это изданіе за Крыловымъ. Я. К. Гротъ въ своей статьѣ приписываетъ Крылову единственное и исключительное авторское право. Между тѣмъ, давно уже представлялись какія-то соображенія, по которымъ Крыловъ становился не единственнымъ авторомъ этой сатиры. Плетневъ, въ первомъ и до сихъ поръ единственномъ полномъ изданіи Крылова, сдѣланномъ въ 1847 году, говоритъ, что «въ нынѣшнемъ собраніи сочиненій Крылова напечатаны *всѣ* статьи, принадлежащія *собственно его перу* и помѣщенныя имъ въ тогдашнемъ его журналѣ» — и между тѣмъ изъ 48 писемъ, составляющихъ «Почту Духовъ», онъ приводитъ только 18, почти одну только треть; это были тѣ письма, которыя пишутся отъ имени духовъ *Зора*, *Буристона* и *Вѣстодава*, хотя и изъ этихъ писемъ одно также не вошло въ собраніе Плетнева. Такимъ образомъ, остальныя тридцать писемъ приходится приписывать какимъ нибудь другимъ участникамъ изданія. Преданіе, упоминаемое Я. К. Гротомъ, считало сотрудниками Крылова въ изданіи Рахманинова и Николая Эмина, сына извѣстнаго авантюриста и писателя. Г. Гротъ думаетъ, однако, что участіе Рахманинова ограничивалось только внѣшней стороной изданія, которое печаталось въ его типографіи, — хотя это заключеніе кажется намъ не вполнѣ согласнымъ съ свидѣтельствомъ Быстрова, приводимымъ также у г. Грота: Быстровъ именно упоминаетъ, — со словъ Крылова, — что Рахманиновъ, бывши товарищемъ Крылова по изданію «Почты Духовъ», «давалъ ему матеріалы»; а относительно Эмина г. Гротъ полагаетъ, что упоминаніе его у Плетнева произошло, вѣроятно, по недоразумѣнію, изъ смѣшенія его съ Эминымъ-отцомъ, издателемъ «Адской Почты». Вообще, г. Гротъ думаетъ, что «Почта Духовъ» представляетъ собой совершенно цѣльное произведеніе, и что «слѣдуетъ включить всю ее въ составъ сочиненій Крылова»,—или по крайней мѣрѣ, что его слѣдуетъ считать «главнымъ редакторомъ» писемъ [1]).

При этой неопредѣленности вопроса о томъ, принадлежитъ ли «Почта Духовъ» одному Крылову исключительно, или честь авторства этой сатиры должна быть раздѣлена имъ съ другими, — мы желали бы обратить вниманіе нашихъ историковъ на одно извѣстіе, до сихъ поръ не имѣвшееся въ виду, и указывающее не только сотрудника, но *автора* «Почты Духовъ» — въ Радищевѣ.

Это свидѣтельство принадлежитъ автору книги: «Mémoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I» (3 voll. Paris, An VIII, т. е. 1800). Авторъ записокъ прожилъ довольно долго въ Россіи; и хотя

[1]) Вѣстн. Евр. 1868, III, 222, прим. 1.

иностранные писатели нерѣдко возбуждаютъ у насъ недовѣріе къ совершенной точности сообщаемыхъ ими свѣдѣній, но въ настоящемъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ писателемъ, который могъ близко видѣть общественную жизнь и дѣйствительно сообщаетъ о ней много отзывовъ и свѣдѣній, если не всегда благосклонныхъ къ русскому обществу и точныхъ въ частностяхъ, то въ общемъ показывающихъ хорошія для иностранца пониманіе вещей и наблюдательность. При томъ, самое свидѣтельство о Радищевѣ писано, очевидно, такъ сознательно, что его, по нашему понятію, нельзя оставить безъ вниманія.

Авторъ не сочувствовалъ многимъ мѣрамъ императрицы Екатерины, особенно за послѣднее время ея царствованія, и въ числѣ этихъ мѣръ говоритъ о ссылкѣ Радищева. Этотъ отрывокъ мы приведемъ собственными словами автора, чтобы предоставить читателю самому судить о томъ, въ какомъ тонѣ выражаются мнѣніе автора о Радищевѣ и свидѣтельство о литературной его дѣятельности.

...«Въ числѣ многихъ жертвъ политической инквизиціи, Радищевъ въ особенности заслуживаетъ сожалѣнія друзей разума. Извѣстно, что Екатерина II часто посылала молодыхъ русскихъ путешествовать и учиться на счетъ казны: многіе изъ нихъ были удачно выбраны, стали потомъ полезными людьми и принесли съ собой въ отечество философскія познанія и идеи о человѣчности (des connaissances et des idées de philosophie et d'humanité). Самымъ замѣчательнымъ и самымъ несчастнымъ изъ этихъ воспитанниковъ Екатерины былъ Радищевъ. По возвращеніи въ Россію, онъ сдѣланъ былъ директоромъ таможни, и въ этой должности мытаря, его честность, вѣжливость его обращенія и пріятность его бесѣды заставляли уважать и любить его. Онъ занимался литературой и *издалъ уже сочиненіе* (ouvrage) *подъ названіемъ: «Почта Духовъ», періодическое изданіе, самое философическое и самое ѣдкое* (piquante), *какія только когда нибудь осмѣливались издавать въ Россіи.* Его однакоже не безпокоили: но послѣ революціи (т. е. французской, 1789) онъ имѣлъ смѣлость напечатать небольшую брошюру, гдѣ онъ рѣшился высказать отчасти (laisser transpirer) свою ненависть къ деспотизму, свое негодованіе противъ фаворитовъ и свое уваженіе къ французамъ. Удивительно было здѣсь то̀, что на многихъ экземплярахъ этой книги было выставлено дозволеніе полиціи. Начальникъ полиціи, Рылѣевъ, столько же знаменитый въ Россіи своими нелѣпостями, сколько д'Аржансоны, Ле-Нуары и Сартины знамениты во Франціи своею тонкостью, былъ призванъ къ отвѣту за это дозволеніе. Онъ не зналъ, что̀ отвѣчать, потому что не читалъ книги, да и не понялъ бы ея. Но почтенный Радищевъ, также призванный къ допросу, сознался, что самыя смѣлыя мѣста его книги не находились въ рукописи, когда онъ представилъ ее въ цензуру, но что онъ напечаталъ ихъ (т. е. безъ дозволенія) у себя. Простить Радищева было

бы достойно того характера, который Екатерина II выказала въ другихъ случаяхъ: но Радищевъ былъ сосланъ въ Сибирь»...

Авторъ говоритъ дальше о томъ, какъ Радищеву не удалось проститься въ послѣдній разъ съ семьей при выѣздѣ изъ города, и кончаетъ:

«Такъ онъ отправился, съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Ахъ! Если онъ живетъ еще въ обширныхъ пустыняхъ, куда онъ сосланъ, и если онъ еще дышетъ, погребенный въ Колыванскихъ рудникахъ, пусть его философія и добродѣтель еще утѣшаютъ его! Его мужество не было безполезно его отечеству. Несмотря на обыски въ домахъ..., его сочиненіе существуетъ у многихъ изъ его соотечественниковъ, и его память дорога всѣмъ разсудительнымъ и чувствительнымъ людямъ».

Въ примѣчаніи къ своему разсказу, авторъ говоритъ: «Сочиненіе Радищева называется: «Путешествіе въ Москву». Были примѣры, что русскіе купцы давали до двадцати пяти рублей, чтобы имѣть книгу на одинъ часъ и тайкомъ прочесть ее. Я читалъ изъ нея только нѣсколько отрывковъ (или обрывковъ, lambeaux)»... [1]).

Авторъ указываетъ, какіе отрывки [2]).

Таково современное свидѣтельство, представляющее, какъ видитъ читатель, вопросъ объ авторѣ «Почты Духовъ» совершенно несогласно съ тѣмъ, что́ принималось до сихъ поръ въ нашей литературѣ. Это свидѣтельство прямо указываетъ Радищева, какъ автора «Почты Духовъ», не упоминая ни однимъ словомъ о Крыловѣ.

Вотъ вопросъ, существеннымъ образомъ касающійся дѣятельности двухъ замѣчательныхъ писателей.

Не рѣшая теперь этого вопроса за недостаткомъ болѣе положительныхъ данныхъ, мы сдѣлаемъ только нѣсколько замѣчаній объ обстоятельствахъ дѣла, какъ они представляются въ настоящемъ своемъ видѣ, пока дальнѣйшихъ данныхъ еще нѣтъ. Представляетъ ли вѣроятія приведенное нами свидѣтельство?

Оно можетъ представлять ихъ по разнымъ основаніямъ. Прежде всего, какъ мы видѣли, вопросъ объ авторѣ «Почты Духовъ» далеко

---

1) Mém. secr., t. II, p. 188—191, 200.

2) Цитаты его, замѣтимъ, вѣрны; въ другомъ мѣстѣ онъ приводитъ также цитату изъ «Вадима» Княжнина. (Срав. Mém. II, 153 и «Вадимъ Новгородскій», Спб. 1793, стр. 30—31.) Біографическія показанія о Радищевѣ также совершенно вѣрны. «Нелѣпости» Рылѣева были дѣйствительно замѣчательны; одну изъ нихъ разсказываетъ Сегюръ (Записки, Спб. 1865, стр. 39—41), — какъ Рылѣевъ, по мнимому приказанію императрицы, совсѣмъ былъ готовъ сдѣлать *чучелу* изъ придворнаго банкира Судерланда: на самомъ дѣлѣ, чучелу велѣно было сдѣлать изъ околѣвшей собаченки Судерланда, которая называлась этимъ именемъ потому, что была подарена императрицѣ банкиромъ Судерландомъ. Несчастный банкиръ только счастьемъ избавился отъ операціи, которую собирался сдѣлать съ нимъ Рылѣевъ.

не ясенъ. Крыловъ не противорѣчилъ, когда ему приписывали это изданіе, хотя съ другой стороны нѣтъ положительныхъ извѣстій, которыя давали бы право приписывать ему *все* изданіе. Напротивъ того, въ первомъ полномъ изданіи его сочиненій, Плетневъ, въ которомъ можно конечно предположить знакомство съ литературной дѣятельностью Крылова, помѣщаетъ въ этомъ собраніи только третью долю «Почты Духовъ», упомянувъ, что это именно и есть статьи, принадлежащія *собственно его перу* въ этомъ журналѣ. Даже при этой, все-таки не довольно мотивированной, постановкѣ дѣла остается двѣ трети журнала, которыя, какъ надо предположить, приходится приписать какому нибудь другому писателю. Участіе Рахманинова, писателя далеко не замѣчательнаго, какъ мы видѣли, иные ограничиваютъ даже одной только типографской частью дѣла; другія свѣдѣнія приписываютъ Рахманинову только доставленіе матеріала, можетъ быть простые разсказы или анекдоты. Эминъ также писатель мало замѣтный, которому г. Гротъ и вовсе не находитъ возможнымъ дать какую нибудь долю въ сильной сатирѣ «Почты Духовъ».

Если, въ подобномъ положеніи дѣла, новымъ участникомъ въ этой сатирѣ (если не единственнымъ ея авторомъ) называютъ Радищева, это обстоятельство не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, и напротивъ бросаетъ на дѣло нѣкоторый свѣтъ.

Но можно ли довѣрять писателю, который сообщаетъ это свѣдѣніе? Мы говорили уже, что хотя онъ и былъ иностранецъ, но онъ жилъ въ Россіи долго и, какъ можно видѣть по всему содержанію его записокъ, имѣлъ случай знать и часто дѣйствительно зналъ жизнь средняго и высшаго класса, слѣдилъ за фактами умственной жизни общества, интересовался литературой (онъ зналъ по-русски) и нѣсколько разъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ о разныхъ ея подробностяхъ. Правда, у него есть свои историческія ошибки, — но такія же, какимъ неизбѣжно подвергается всякій писатель, описывающій современныя событія, о которыхъ свѣдѣнія доходятъ до него не въ формѣ документальной исторіи, а въ видѣ слуха. Ему извѣстны и гораздо менѣе важные литературные факты, чѣмъ «Почта Духовъ», а слѣдовательно, тѣмъ больше возможности думать, что онъ могъ имѣть здѣсь болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія. Въ самомъ извѣстіи мы видимъ, что онъ очень точно передаетъ біографическія данныя о Радищевѣ, знаетъ самую книгу, подробности катастрофы и т. д. Наконецъ, то одушевленіе, съ какимъ авторъ говоритъ о Радищевѣ, предполагаетъ, что онъ говоритъ о вещахъ, его близко интересовавшихъ, и сочувствія автора къ Радищеву нельзя объяснять однимъ только отраженіемъ его антипатіи къ другимъ явленіямъ русской жизни, — какъ иные захотѣли бы это объяснять. Слова автора — не простыя фразы либеральной реторики, среди которой онъ могъ бы напутать имена и факты.

Вѣроятность приведеннаго извѣстія подтверждается упомянутыми выше намеками на какія-то связи между Крыловымъ и Радищевымъ. По выходѣ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», какія-то темныя обстоятельства, по словамъ его біографа, заставили Крылова закрыть типографію и прекратить журналъ. Крыловъ, и впослѣдствіи времени не разъяснявшій этого обстоятельства, на вопросы объ этомъ, говорилъ только: «Тутъ много было причинъ... полиція, и *еще одно обстоятельство.... кто не былъ молодъ* и на вѣку своемъ не дѣлалъ *проказъ*». У него въ типографіи сдѣланъ былъ родъ обыска, и біографъ Крылова дѣлаетъ предположеніе, что его подозрѣвали, что онъ напечаталъ книгу Радищева [1]). Значитъ, было въ то время какое нибудь основаніе ставить ихъ въ связь. Самъ Крыловъ впослѣдствіи упорно не желалъ разъяснять и вспоминать своихъ старыхъ литературныхъ отношеній, и это обстоятельство, по нашему мнѣнію, только подтверждаетъ существованіе этой связи.

Въ самомъ дѣлѣ, это упорное нежеланіе едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Въ послѣдующіе годы, прежнія литературныя отношенія и дѣятельность казались Крылову только «проказами». Панегиристъ Крылова, Лобановъ приводитъ нѣсколько отзывовъ Крылова, имѣющихъ этотъ смыслъ. Ему не хотѣлось печатать собранія своихъ сочиненій, потому что въ прежнихъ было «много вздору» или не было «ничего путнаго»; когда случалось, что при немъ повторяли какую нибудь шутку изъ его старыхъ комедій, онъ спрашивалъ, по словамъ Лобанова: «откуда это? чье это?»—Ваше, Иванъ Андреевичъ.— «Быть не можетъ!»—Да вотъ посмотрите, напечатано съ вашимъ именемъ. «Я *не помню ничего*; это *проказы молодости*, это *грѣхи прошлыхъ лѣтъ*» [2]). Другъ его Лобановъ, вполнѣ согласный съ нимъ во взглядахъ, сообщая эти слова, также выражалъ желаніе, чтобы тѣ, кому принадлежитъ право на изданіе сочиненій Крылова, напечатали только комедіи его: «Модную Лавку», «Урокъ дочкамъ», басни и нѣкоторыя мелкія стихотворенія. Слѣдовательно все остальное, въ томъ числѣ конечно и «Почта Духовъ», по его мнѣнію, не должно было имѣть мѣста въ изданіи Крылова. Понятно, что Крыловъ могъ выражаться, какъ выше указано, о прежнихъ своихъ произведеніяхъ, потому что въ числѣ этихъ произведеній находились такія, какъ опера «Кофейница», трагедіи «Клеопатра» и «Филомела», шуточная трагедія «Трумфъ» и т. п., въ которыхъ дѣйствительно было «много вздора» или не было «ничего путнаго», — но вспоминать объ изданіи «Почты Духовъ» ему было непріятно по другимъ основаніямъ. Образъ мыслей,

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1868, II, 712.

[2]) Жизнь и сочиненія Ивана Андреевича Крылова. Сочиненіе академика Михаила Лобанова. Спб., 1847, стр. 5,

при которомъ это изданіе было возможно прежде, впослѣдствіи значительно измѣнился. Крыловъ, какъ можно видѣть изъ разсказовъ его друга Лобанова, не только не могъ позволить себѣ какого нибудь вольнодумства, но негодовалъ противъ подобныхъ вещей. Въ образчикъ можно привести случай подобнаго рода, сообщаемый Лобановымъ (стр. 63), какъ Крыловъ ушелъ съ одного литературнаго обѣда, при которомъ читались «эпиграммы нѣкоторыхъ людей противъ нѣкоторыхъ лицъ», какъ говоритъ Лобановъ. Крыловъ объяснялъ потомъ свое удаленіе такъ: «Вѣдь могутъ подумать: онъ тамъ былъ, стало быть дѣлитъ ихъ образъ мыслей». Не знаемъ, къ какимъ лицамъ относились эти эпиграммы, но едва ли онѣ могли быть особенно компрометирующими, если могли быть читаны въ большомъ обществѣ, гдѣ были и дамы, и гдѣ былъ академикъ Лобановъ. По всей вѣроятности, осторожность Крылова была преувеличенная. Во всякомъ случаѣ, въ его взглядѣ на вещи преобладало благоразуміе, которымъ онъ еще не руководился во времена «Почты Духовъ», — какъ это доказывается самымъ содержаніемъ этого журнала, значительно смѣлымъ сравнительно съ послѣдующими его изданіями. Это благоразуміе, вѣроятно, и производило ту скрытность, которой отличались его отзывы о старыхъ временахъ. Онъ предпочиталъ оставлять эти старыя событія въ совершенной неизвѣстности, — въ какой они дѣйствительно и остались.

Другъ его Лобановъ или не зналъ или также не хотѣлъ сообщать того, что̀ зналъ о первыхъ литературныхъ предпріятіяхъ Крылова. Своему перечисленію сочиненій Крылова, онъ предпосылаетъ такое замѣчаніе: «Приступая къ исчисленію *всѣхъ* его сочиненій, *по неволѣ* долженъ я говорить и о тѣхъ его сочиненіяхъ, которыя *онъ* какъ попытки, какъ проказы молодости, вѣроятно, *желалъ бы истребить изъ памяти человѣческой;* но *зная* обязанность библіографа и справедливое любопытство публики, я *не смѣю* умолчать о нихъ» (стр. 5), — и затѣмъ перечисляетъ «Кофейницу», «Клеопатру», «Филомелу», и т. д., не говоря совсѣмъ о «Почтѣ Духовъ». О ней Лобановъ упоминаетъ нѣсколько выше только одной неопредѣленной фразой, что въ началѣ своихъ занятій литературой, Крыловъ «участвовалъ» въ изданіи журналовъ «Почта Духовъ», «Зритель» и «Спб. Меркурій», и что первую онъ «издавалъ вмѣстѣ съ капитаномъ Рахмановымъ» [1]).

Итакъ, по тѣмъ свидѣтельствамъ, какія мы знаемъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Крылову принадлежитъ извѣстная доля въ изданіи «Почты Духовъ», но едва ли не слѣдуетъ также сдѣлать предположенія, что въ этомъ изданіи участвовали и другіе, и что съ нимъ

---

[1]) Т. е. Рахманиновымъ.

связано было какое-то обстоятельство, о которомъ Крыловъ впослѣдствіи не хотѣлъ давать никакихъ разъясненій.

И то и другое объясняется, если принять (хотя и не въ абсолютномъ смыслѣ) извѣстіе автора «Мемуаровъ», что въ «Почтѣ Духовъ» печатались сочиненія Радищева. При той усиленной осторожности, какой отличался Крыловъ впослѣдствіи, понятны становятся его нежеланіе считать за собой прежнія «проказы» и его ссылки на то, что «кто не былъ молодъ»...

Но соотвѣтствуетъ ли этому внутренняя сторона дѣла? Какъ относится содержаніе «Почты Духовъ» къ тому, чтó мы знаемъ о литературномъ характерѣ — съ одной стороны Крылова, съ другой Радищева?

Намъ кажется, что на эту часть вопроса можно отвѣчать въ томъ же смыслѣ.

До послѣдняго времени, вопросъ о содержаніи «Почты Духовъ» не представлялся съ этой точки зрѣнія. Г. Гротъ, кажется, первый счелъ нужнымъ опредѣлить это обстоятельство, и опредѣляетъ его согласно съ своимъ мнѣніемъ о томъ, что Крыловъ былъ если не единственный авторъ «Почты», то первое лицо ея, главный редакторъ, на все наложившій печать своего таланта и *своей* сатиры. По словамъ Плетнева,—письма Зора, Буристона и Вѣстодава «составляютъ одну картину».—«Читая Почту Духовъ,—говоритъ г. Гротъ,—нельзя не признать, что *и* всѣ ея письма *составляютъ одну картину*, въ которой трудно отличить участіе разныхъ авторовъ: вездѣ одни и тѣ же пріемы, одинъ языкъ, одинъ взглядъ на міръ и общество, частое повтореніе тѣхъ же образовъ и мыслей, словомъ, общая связь и внутреннее единство содержанія. Трудно представить себѣ, чтобы такія сатирическія письма могли быть писаны нѣсколькими лицами» [1]...

Мы находимъ возможнымъ думать объ этомъ иначе. Разумѣется само собою, что трудно отличать здѣсь участіе разныхъ авторовъ и трудно положительно распредѣлять между ними статьи, когда для этого нѣтъ ни малѣйшихъ фактическихъ указаній: авторовъ могло быть два, могло быть три или четыре, и критикѣ пришлось бы сдѣлать tour de force, если бы она захотѣла утверждать здѣсь что нибудь рѣшительно. Тѣмъ не менѣе, если мы ограничимся двумя главными лицами, между которыми приходится дѣлить содержаніе журнала, и останемся въ границахъ общихъ указаній, вопросъ можетъ не быть *безнадежнымъ*, какъ выражались классическіе ученые. Для него остается критеріумъ въ общемъ характерѣ обоихъ писателей, который извлекается изъ всего объема ихъ сочиненій,—мы разумѣемъ не характеръ художественный, а характеръ критическій, т. е. отношеніе того и дру-

[1]) Вѣстн. Евр. ibid. 222.

гого писателя къ обличаемой дѣйствительности, степень и свойство обличенія.

Мы не беремся, въ настоящую минуту, за эту критическую задачу и сообщимъ только нѣкоторыя мысли объ этомъ предметѣ. Говоря о «Почтѣ Духовъ», біографы Крылова не одинъ разъ выражали удивленіе: «читая его ѣдкія сатирическія статьи, *съ трудомъ вѣримъ*, что онѣ написаны почти *мальчикомъ*, и притомъ мальчикомъ, *нигдѣ не учившимся*» и т. д. Дѣйствительно, съ трудомъ вѣрится, когда мы припомнимъ ближайшія по времени произведенія Крылова, состоявшія изъ обычныхъ трагедій, комедій, мелкихъ стихотвореній, обличительныхъ статеекъ: всѣ эти вещи, хотя и писались наканунѣ и послѣ «Почты Духовъ», вообще не превышали средняго уровня и обыкновенно вовсе даже не касались особенно трудныхъ и щекотливыхъ общественныхъ вопросовъ, что́ мы находимъ однако въ «Почтѣ Духовъ». Трагедіи вполнѣ вѣрны псевдоклассическимъ преданіямъ и были мало любопытны даже для Лобанова, еще дорожившаго этими преданіями; комедіи представляютъ конечно больше жизни, но предметъ ихъ также не выходитъ изъ обыкновенныхъ предметовъ тогдашней русской сатиры и комедіи: здѣсь осмѣиваются подражаніе французскимъ нравамъ и модамъ, свѣтская пустота и мотовство, страсть къ стихотворству, игроки, дешевыя красавицы и т. п. Впослѣдствіи, критики Крылова вообще не затруднялись говорить, что онъ въ первый разъ сталъ на свою дорогу уже сорока̀ лѣтъ, когда онъ окончательно обратился къ баснѣ,— такъ, что предыдущая его дѣятельность, даже съ лучшими его комедіями: «Модная Лавка» и «Урокъ дочкамъ», не представлялась имъ чѣмъ нибудь особенно характеристичнымъ и соотвѣтствующимъ тому таланту, о какомъ свидѣтельствовали потомъ его басни. «Почта Духовъ», когда они объ ней вспоминали, представлялась имъ однако серьезной сатирой, и тогда она вызывала тѣ выраженія изумленія, какія мы приводили. Критики удивлялись ея смѣлости, съ которой сатирикъ «поражалъ порокъ, скрывающійся отъ общественнаго порицанія подъ величественною тогою заслуженнаго гражданина, подъ личиною свѣтской образованности, подъ маскою скромности» и т. д. Эта смѣлость едва ли была вообще литературнымъ характеромъ Крылова, если мы оставимъ въ сторонѣ «Почту Духовъ». Его старыя сочиненія, какъ мы замѣчали, относились вообще къ такимъ общественнымъ недостаткамъ, которые уже составляли общую тему тогдашней сатиры. Но его басни? Изъ объясненій, изданныхъ г. Кеневичемъ, извлекалось заключеніе, что Крыловъ былъ очень смѣлымъ обличителемъ; но намъ кажется, что это заключеніе еще нуждается въ ближайшемъ опредѣленіи. Именно, есть большая разница между тѣмъ, что́ писатель думалъ *про себя*, и тѣмъ, что́ находилъ читатель въ его *произведеніи*. *Первое* относительно Крылова мы нѣсколько узнаемъ только теперь,

когда случайно отыскались извѣстія о томъ, по какимъ поводамъ написаны были нѣкоторыя изъ его басенъ; въ свое время публика знала только *послѣднее*. Первое очень любопытно тѣмъ, что узнавая поводы и настоящіе сюжеты басенъ, мы можемъ судить о степени ума и наблюдательности автора, его взглядахъ на разные общественные вопросы,—мало того, съ этими комментаріями извѣстныя басни пріобрѣтаютъ для насъ больше смысла и опредѣленнаго значенія; но смѣлость автора, какъ *общественнаго писателя*, опредѣляется только послѣднимъ,—той формой и той обстановкой, съ какими онъ самъ передавалъ свое произведеніе публикѣ. При этихъ условіяхъ, дѣло становится нѣсколько иначе. Степень смѣлости значительно умѣрялась самой формой басни; иносказательность ея совершенно скрывала всякій намекъ, и какъ бы ни былъ рѣзокъ его смыслъ басни по ея первоначальному поводу — въ публику сатира ея являлась въ такомъ видѣ, что ближайшее примѣненіе ея оставалось или совершенно недоступнымъ для читателя, или чисто гадательнымъ. Басня, самая рѣзкая при одномъ объясненіи, становится совершенно невинной при другомъ: мужикъ, у котораго плясали рыбы на горячей сковородѣ, — лиса, предлагавшая сдѣлать волка настухомъ надъ пестрыми овцами, могли пожалуй означать сильнаго вельможу, но они могли обозначать и секретаря уѣзднаго суда [1]). Въ образѣ мыслей Крылова, вѣроятно, въ самомъ началѣ были задатки того спокойнаго, или лѣниваго консерватизма, какимъ онъ отличался впослѣдствіи; этому соотвѣтствовалъ и весь его взглядъ на вещи. Онъ видѣлъ и наблюдалъ общественные недостатки, но относился къ нимъ, какъ моралистъ: онъ объяснялъ ихъ порчей нравственности и несоблюденіемъ существующихъ правилъ, и исправлять недостатки хотѣлъ только внушеніемъ этихъ правилъ и нравоученіемъ, или же относился къ нимъ, что называется художественно, съ спокойнымъ безучастіемъ, хладнокровный къ обѣимъ сторонамъ. Общественныя движенія, новаторство, смѣлые запросы критическаго изслѣдованія, кажется, вовсе ему не нравились: молодой горячій конь въ его баснѣ перебиваетъ горшки, которые везетъ; водолазъ, ищущій драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ моря, погибаетъ въ пучинѣ, изображая собой гибель дерзкаго ума; литературѣ поставленъ примѣръ вольнодумнаго сочинителя, который жарится въ адскомъ котлѣ хуже всякаго разбойника, и т. д.

---

[1]) Какъ поступалъ въ этомъ случаѣ Крыловъ, и какъ смотрѣли на этотъ предметъ его друзья, разсказываетъ Лобановъ: «Читатель пожелаетъ, можетъ быть, знать исторію каждой оригинальной его басни, т. е. случаи, побудившіе автора къ изобрѣтенію той или другой изъ нихъ. Безъ сомнѣнія, случаи эти были, и я самъ *желалъ бы* ихъ знать; но *эту тайну авторъ унесъ съ собою въ могилу*. Мы знаемъ ключъ только къ нѣкоторымъ, весьма немногимъ, но, по весьма уважительнымъ причинамъ, *не можемъ передать* читателю» (стр. 55).

Совершенно инымъ представляется намъ Радищевъ,—въ томъ отношеніи, о какомъ мы упоминали, т. е. въ его взглядѣ на жизнь и въ свойствахъ его критики. Его взглядъ былъ очень смѣлъ, какъ это доказывается «Путешествіемъ»; и не надобно думать, чтобы «Путешествіе» стояло чѣмъ-нибудь слишкомъ исключительнымъ въ ряду другихъ его сочиненій, — напротивъ, тотъ же общій характеръ и направленіе понятій мы найдемъ и въ остальныхъ его сочиненіяхъ, писанныхъ до и послѣ «Путешествія». Къ тому времени, о которомъ мы говоримъ, Радищевъ былъ уже человѣкъ установившихся мыслей; его лейпцигское образованіе, — какъ, быть можетъ, оно ни было неправильно, — дало ему наклонность къ послѣдовательному разсужденію, сообщило извѣстный запасъ научныхъ знаній, направило его мысли на критику дѣйствительности, и, при тогдашнемъ характерѣ времени, навело на общіе философскіе вопросы и вопросы объ общественномъ устройствѣ. Радищевъ и его товарищи читали Гельвеція и, конечно, другихъ энциклопедистовъ, еще въ Лейпцигѣ; школьная нѣмецкая наука, хотя и съ другой точки зрѣнія, занимала ихъ тѣми же вопросами права и нравственности. Въ біографіи своего друга Ушакова, Радищевъ даетъ намъ понятіе объ умственныхъ интересахъ этого кружка, и самъ Радищевъ остался имъ вѣренъ въ своихъ стремленіяхъ къ разъясненію общественныхъ предметовъ и въ наклонности къ философскому взгляду на вещи,—какова бы ни была эта философія, все равно. Въ примѣненіи къ дѣйствительности, которую Радищевъ подвергалъ своей критикѣ, этотъ взглядъ наводилъ его на общія разсужденія, и выводомъ его бываетъ не мораль, а мысль объ исправленіи общественныхъ учрежденій.... Этотъ послѣдній элементъ былъ вообще рѣдокъ въ нашей литературѣ, хотя переводы иностранныхъ сочиненій вводили въ русскую книгу такія разсужденія о политическихъ предметахъ, какія, вѣроятно, затруднили бы позднѣйшую цензуру; у Радищева была, безъ сомнѣнія, своя привычка къ этой иностранной литературѣ, вынесенная еще изъ Лейпцига, и онъ говоритъ объ этихъ предметахъ съ такой же свободой, — это была свобода въ теоретическихъ вещахъ, и притомъ не такая, какъ у иныхъ писателей того времени, которые свободу своихъ отзывовъ объ однихъ лицахъ покупали безмѣрной лестью другимъ лицамъ. Литературная манера Радищева отличается, такимъ образомъ, наклонностью къ общимъ вопросамъ, къ критикѣ общественныхъ порядковъ, и извѣстной свободой литературнаго изложенія: къ внѣшнимъ чертамъ этой манеры принадлежитъ привычка вспоминать знаменитыхъ мыслителей древнихъ и новыхъ временъ, приводить историческіе примѣры и т. п.

Чтó же представляетъ намъ «Почта Духовъ»? Намъ кажется, что въ этомъ журналѣ можно именно встрѣтить черты обоихъ литера-

турныхъ характеровъ, нами указанныхъ. Читая внимательно эту книгу, едва ли можно придти къ заключенію, чтобы она составляла одну картину, чтобы въ ней вездѣ были одни и тѣ же пріемы, одинъ взглядъ на міръ и общество и т. д. Напротивъ того, все единство, какое есть въ книгѣ, заключается въ ея сатирической, или, вѣрнѣе, обличительной цѣли, но затѣмъ она представляетъ нѣсколько различныхъ пріемовъ обличенія: въ однихъ письмахъ мы встрѣчаемъ почти только сцены изъ непосредственной жизни, сатиры на петиметровъ и щеголихъ, на пристрастіе къ французскимъ модамъ, на судейскія плутни, на игроковъ и т. д., безъ дальнѣйшихъ отвлеченныхъ разсужденій; другія, напротивъ, больше заняты общими соображеніями о недостаткахъ общественной жизни, ея устройства и обычаевъ, и разсужденіями о предметахъ нравственности. Различіе писемъ заключается не только въ выборѣ сюжетовъ (разные сюжеты могли бы быть взяты и однимъ писателемъ), но и въ самомъ изложеніи, и мы думали бы, напр., что Крыловъ едва ли былъ авторомъ писемъ второго, отмѣченнаго нами, разряда,—между прочимъ и потому, что въ этихъ послѣднихъ можно замѣтить извѣстную начитанность, которую трудно предположить у тогдашняго 20-лѣтняго Крылова; можетъ быть, онъ не былъ и авторомъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ писемъ, какія приписываются ему Плетневымъ. Если, наконецъ, мы сравнимъ сатиру «Почты Духовъ» съ сатирой послѣдующихъ журналовъ Крылова, намъ, кажется, будетъ еще замѣтнѣе присутствіе въ «Почтѣ» элемента, какого уже не было въ другихъ изданіяхъ Крылова. Въ «Зрителѣ» мы опять видимъ обличенія кокетокъ, петиметровъ, игроковъ, и т. под., короче, одну ходячую рутину тогдашней сатиры и комедіи. Мало того, мы найдемъ даже вещи совершенно противоположныя тому, что было въ «Почтѣ Духовъ». Укажемъ, напр., для сравненія, описаніе пріемной вельможи или разсужденіе о дворянствѣ — въ томъ и въ другомъ журналѣ [1]).

[1]) Напр., описаніе пріемной вельможи въ «Почтѣ Духовъ» исполнено самыхъ рѣзкихъ обличеній во вкусѣ времени, и вельможа изображенъ въ самомъ дурномъ свѣтѣ. Замѣтимъ притомъ, что описаніе находится въ письмѣ гнома Буристона (XXVI), слѣдовательно, считается принадлежащимъ Крылову, и дѣйствительно внесено въ Плетневское собраніе. «Зритель» описываетъ такую же пріемную въ совершенно другомъ тонѣ, и вельможа является всеобщимъ благодѣтелемъ. Это бы еще ничего, потому что могли быть и добрые вельможи; но статья написана какъ-будто въ прямое опроверженіе письма Буристона. Авторъ говоритъ, что, читая описанія вельможъ, онъ былъ очень предубѣжденъ противъ нихъ; что по этимъ описаніямъ, вельможи обращаются вообще дурно съ тѣми, кто приходитъ къ нимъ съ просьбой. Авторъ не разъ находилъ это въ книгахъ,—и радовался, что ему незачѣмъ идти въ переднюю вельможи.

....«Развернулъ я еще книгу, нашелъ и тамъ описаніе передней, гдѣ господинъ дома будто всѣхъ принимаетъ ласково; но благосклонность его питаетъ всегда просителей завтремъ».

Въ этомъ именно родѣ и было описаніе, помѣщенное въ «Почтѣ Духовъ». Дальше:

Повторяемъ опять, что трудно дѣлать здѣсь какія-нибудь положительныя указанія, — мы ничего не знаемъ о редакціонномъ порядкѣ изданія; имена духовъ могли не составлять исключительной принадлежности того или другого автора, — но, судя по общимъ чертамъ, повторяющимся въ письмахъ, мы приписали бы Радищеву именно письма второго, указаннаго нами, разряда, въ особенности письма Сильфа Дальновида, можетъ быть, также письмо VIII и др. Прочитавъ въ особенности письма «о ненасытности человѣческихъ желаній» — съ примѣрами, взятыми отъ государей, придворныхъ и духовныхъ (письмо II); «о свойствахъ мизантроповъ» (IV); «о нѣкоторыхъ государяхъ и министрахъ, кои поступками своими причиняли великій вредъ людямъ» (XX); «о томъ, что гораздо бы лучше для людей, когда бы они непрестанно спали и видѣли хорошія сновидѣнія» (XXII); «о томъ, что въ гражданскомъ обществѣ часто называютъ *честнымъ человѣкомъ* того, который ни мало сего названія не заслуживаетъ, и какія нужно имѣть достоинства, чтобы пріобрѣсти названіе истинно *честнаго человѣка*» (XXIV); «о нѣкоторой болѣзни, подобной меланхоліи, въ которую всякаго состоянія люди часто впадаютъ, и проч.» (XXV); «о праздности, которой всякаго состоянія люди безумно предаются, и какія бываютъ отъ того слѣдствія и пр.» (XXIX); «о томъ, что глупые люди часто въ свѣтѣ бываютъ счастливѣе ученыхъ» (XXXIII); «о дворянствѣ и дворянахъ» (XXXVII), — прочитавъ эти письма, по нашему мнѣнію, скорѣе можно находить въ нихъ образъ мыслей и манеру Радищева, чѣмъ Крылова. Разсужденія о государяхъ, придворныхъ, дворянствѣ, обязанностяхъ честнаго человѣка и т. д. идутъ совершенно въ томъ направленіи, какимъ обыкновенно шли мысли Радищева. Не приводя много выписокъ, мы ука-

---

«И такъ, судя по таковымъ описаніямъ, какимъ я пораженъ вдругъ ударомъ, когда представилася мнѣ нужда идти съ просьбою къ большому барину?... Я воображалъ, что или меня туда не пустятъ, или я принятъ буду и провожденъ съ презрѣніемъ: но *колико я обманулся!* о *проклятые* писатели!... вы часто созидаете въ мысляхъ своихъ такія *нелѣпости*, которыя нигдѣ кромѣ воображенія вашего не существуютъ. Какая въ томъ польза, что вы обременяете вашими *мрачными картинами* читателя? Отнынѣ я не повѣрю вамъ ни въ чемъ. Вы, описывая вельможу гордаго, безжалостнаго, корыстолюбиваго, даете знать, что естьли бы судьба поставила васъ самыхъ на чреду вельможъ, то бы вы оправдали описаніе ваше». («Зритель», 1792, I, 190).

Затѣмъ описывается вельможа крайне-добродѣтельный и осыпающій просителей благодѣяніями, даже вовсе нежданными.

Намъ кажется, что это описаніе находится въ нѣсколько-странномъ отношеніи къ статейкѣ «Почты Духовъ»: эта статейка была написана *проклятымъ* писателемъ.

Замѣтимъ еще, что у Радищева нападенія на придворныхъ были очень частой темой; она повторяется не разъ и въ его «Путешествіи», — что императрица Екатерина объясняла неудовлетвореннымъ честолюбіемъ.

жемъ только одинъ отрывокъ изъ его разсужденія о честномъ человѣкѣ: для тѣхъ, кто знакомъ съ общимъ литературнымъ характеромъ Радищева, вѣроятно будетъ достаточно видно указываемое нами сходство:

«Великая разность между *честнымъ человѣкомъ*, почитающимся таковымъ отъ философовъ, и между *честнымъ человѣкомъ*, такъ называемымъ въ обществѣ. Первый есть человѣкъ мудрый, который всегда старается быть добродѣтельнымъ, и честными своими поступками отъ всѣхъ заслуживаетъ почтеніе; а другой, не что иное, какъ хитрый обманщикъ, который подъ притворною наружностію скрываетъ въ себѣ множество пороковъ, или человѣкъ совсѣмъ нечувствительный и безпечный, который хотя не дѣлаетъ никому зла, однакожъ и о благодѣяніи никакого не имѣетъ попеченія. Я въ томъ согласенъ, почтенный *Маликульмулькъ*, что приличнѣе называть *честнымъ человѣкомъ* того, который содержитъ себя въ равновѣсіи между добромъ и зломъ, нежели того, который явно предается всѣмъ порокамъ; но онаго еще не довольно, для полученія сего названія, чтобы не дѣлать никому зла и не обезславить себя безчестными поступками: а именно *честному человѣку* надлежитъ быть полезнымъ обществу во всѣхъ мѣстахъ и во всякомъ случаѣ, когда только онъ въ состояніи оказать людямъ какое благодѣяніе.

«Придворный, который гнуснымъ своимъ ласкательствомъ угождаетъ страстямъ своего Государя, который, не внемля стенанію народа, безъ всякой жалости оставляетъ его претерпѣвать жесточайшую бѣдность, и который не дерзаетъ представить Государю о ихъ жалостномъ состояніи, страшась притти за то въ немилость, можетъ ли назваться *честнымъ человѣкомъ?* Хотя бы не имѣлъ онъ ни малаго участія въ слабостяхъ своего Государя, хотя бы не подавалъ ему никакихъ злыхъ совѣтовъ, и хотя бы по наружности былъ тихъ, скроменъ и ко всѣмъ учтивъ и снисходителенъ, но по таковымъ хорошимъ качествамъ онъ представляетъ въ себѣ *честнаго человѣка* только въ обществѣ, а не въ глазахъ мудрыхъ философовъ; ибо по ихъ мнѣнію не довольно того, чтобъ не участвовать въ порокахъ Государя, но надлежитъ къ благосостоянію народа изыскивать всевозможные способы, и стараться прекращать всякое зло, причиняющее вредъ отечеству, хотя бы чрезъ то долженъ онъ былъ лишиться милостей своего Государя и быть навсегда отъ лица его отверженнымъ» [1]).

Эти мысли были бы понятны въ человѣкѣ, который въ это самое время печаталъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», вышедшее вскорѣ послѣ того.

---

[1]) «Почта Духовъ», 2-е изд. II, 172—175.

Считаемъ не лишнимъ, въ заключеніе, сдѣлать еще одно замѣчаніе. Имя Радищева чуть ли не до сихъ поръ носитъ на себѣ отпечатокъ той опалы, которая нѣкогда постигла этого писателя. Извѣстная статейка Пушкина, писанная имъ въ послѣдніе годы, когда его мнѣнія такъ сильно и радикально измѣнились противъ прежняго, вновь бросила въ Радищева камнемъ, и авторитетъ Пушкина (которому бы лучше не быть здѣсь авторитетомъ) внушалъ и другимъ пренебрежительные отзывы о Радищевѣ. Сужденіе Пушкина, по нашему мнѣнію, есть глубокая несправедливость, и когда онъ писалъ это сужденіе, имъ, кажется, руководилъ вовсе не историческій взглядъ на стараго писателя, а ревность адепта новыхъ мнѣній, который рѣзкимъ отзывомъ о чужой ошибкѣ хочетъ скрыть досаду, что самъ нѣкогда ошибался точно такимъ же образомъ. Потому что, въ самомъ дѣлѣ, книга Радищева, по своей «непозволительности», ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ сочиненій самого Пушкина, — стихотвореній, «одъ», эпиграммъ, четверостишій политическо-общественнаго характера, — которыя не могли войти въ собранія его сочиненій: разница таланта, конечно, здѣсь громадная, но что касается до серьезности самыхъ понятій, разница едва ли склонится въ пользу Пушкина.

Другіе критики, которые съ пренебреженіемъ относятся къ Радищеву и не хотятъ дать ему мѣста въ исторіи русской литературы, вѣроятно, не читали его сочиненій довольно внимательно и не сравнивали ихъ *исторически* съ тѣмъ, что писалось въ то же время другими людьми поколѣнія Радищева (если только эти критики, въ своемъ пренебреженіи, не слѣдовали другимъ, не литературнымъ соображеніямъ). У Радищева не было, конечно, большого дарованія, были свои преувеличенія и увлеченія, и свои литературные недостатки (отчасти принадлежавшіе эпохѣ); но у него есть, однако, умъ, свѣдѣнія, и есть чувство. Какъ человѣкъ изъ поколѣнія, которое воспитывалось на французской философіи того времени, онъ есть личность очень характерная. Людей того времени начинали уже глубоко занимать отвлеченные вопросы нравственнаго и общественнаго порядка, о природѣ человѣка, его правѣ какъ нравственнаго существа, о гражданскомъ устройствѣ и т. п. Упомянутая нами біографія Ушакова и нѣкоторыя сочиненія его, напечатанныя Радищевымъ при этой біографіи, вмѣстѣ со всѣми сочиненіями самого Радищева, знакомятъ насъ съ особой группой въ образованномъ слоѣ тогдашняго общества, группой, въ которой уже выростала потребность опредѣлить свое міровоззрѣніе по требованіямъ разума и согласно ему поступать въ жизни. Это міровоззрѣніе можетъ, конечно, казаться намъ мало продуманнымъ, поверхностнымъ и т. п.,—каждое новое поколѣніе легко видитъ ошибки

предъидущаго, а мы отдѣлены отъ того времени не однимъ поколѣніемъ, — но съ исторической точки зрѣнія нельзя не признать, что это міровоззрѣніе имѣло свое право, и что оно во всякомъ случаѣ было выше рутины, которая не питала никакихъ сомнѣній и не трудилась задавать себѣ никакихъ задачъ. Философія Радищева и его друзей была, конечно, несостоятельна, какъ и ея первообразъ, но въ умственномъ развитии общества она составляла логическую ступень, которая принадлежитъ исторіи. Найти себѣ извѣстный кодексъ убѣжденій — становилось тогда потребностью для мыслящихъ людей: одни предались мистицизму, и въ число ихъ попалъ товарищъ и другъ Радищева (и Карамзина), Кутузовъ; другіе увлекались французской философіей. Если понятія Радищева мало клеились съ дѣйствительностью, если они часто кажутся фантастическими, то и это есть знакъ времени: для этихъ понятій дѣйствительность того времени давала слишкомъ мало опоры, и недостатки Радищева принадлежали въ значительной мѣрѣ условіямъ времени. Въ такую же фантастику и разладъ съ дѣйствительностью впадали тогда и люди противоположнаго направленія — масонскіе мистики. Жизнь, не знавшая никакой свободы мысли, не представлявшая для новыхъ идей никакого практическаго выхода, невольно загоняла этихъ мечтателей въ идеальныя области и затѣмъ въ печальныя столкновенія съ практикой. Не надобно, впрочемъ, думать, чтобы Радищевъ былъ крайнимъ «волтеріянцемъ», какъ тогда говорили; онъ не былъ матеріалистомъ, вѣрилъ въ безсмертіе, и идеалъ его былъ въ господствѣ справедливости и добродѣтели, во вкусѣ Руссо. Книга его была большимъ, но честнымъ заблужденіемъ. Слабость, которую онъ обнаружилъ при допросахъ, отреченіе отъ этой книги и проч. находятъ свое простое объясненіе въ характерѣ времени и обстоятельствъ; такую же слабость выказалъ и Новиковъ.

Историки, которые пренебрегаютъ Радищевымъ, ошибаются и въ томъ, когда думаютъ, что онъ остался безъ вліянія на общество. Напротивъ, есть основаніе думать, что книга произвела впечатлѣніе. Мы привели выше свидѣтельство «Мемуаровъ», съ какой жадностью читаны были уцѣлѣвшіе экземпляры «Путешествія». Мы укажемъ еще одно свидѣтельство — людей новаго поколѣнія, въ началѣ царствованія Императора Александра, послѣ смерти Радищева, какъ извѣстно, отравившагося въ минуту отчаянія. Это свидѣтельство находится въ маленькомъ альманахѣ: «Свитокъ Музъ» (1803 г.), который изданъ былъ петербургскимъ Обществомъ любителей искусствъ, наукъ и художествъ [1])

---

[1]) Библіогр. Записки, Лонгинова, Совр. 1856, № 8, стр. 151.

Въ концѣ 2-й части этого сборника помѣщено стихотвореніе: «На смерть Радищева», и затѣмъ небольшая статейка, съ нѣкоторыми воспоминаніями о немъ (стр. 136—144). И то и другое исполнено самаго пылкаго уваженія къ имени Радищева. Мы приведемъ одинъ отрывокъ изъ этой мало-извѣстной книжки.

«На сихъ дняхъ умеръ Радищевъ,—говоритъ авторъ,—мужъ вамъ всѣмъ извѣстный, коего смерть болѣе нежели съ одной стороны важна въ очахъ философа, важна для человѣчества. Жизнь подвержена коловратности и всякимъ перемѣнамъ. Нѣтъ дня, похожаго на другой. Какъ легчайшій вѣтеръ возмущаетъ поверхность водъ, такъ жизнь наша есть игралище вѣчнаго движенія. Радищевъ зналъ сіе, и съ твердостію философа покорился року. Будучи въ иркутской губерніи, въ мѣстечкѣ Илимскѣ, сдѣлался онъ благодѣтелемъ той страны; умъ его просвѣщалъ, а добродушіе утѣшало всѣхъ, помогало всѣмъ, и память добродѣтельнаго мужа пребудетъ тамъ священною у позднѣйшаго потомства. Когда они услышали, что просвѣтитель ихъ, ихъ отецъ, ихъ ангелъ-хранитель (онъ многихъ вылечилъ, особливо отъ зобовъ, болѣзни тамошнихъ мѣстъ), что Радищевъ ихъ оставляетъ, стеклись къ нему благодарные на разстояніи пяти-сóтъ верстъ! всякой несъ чтó-нибудь отъ сердечной признательности, слезы каждаго мѣшались съ слезами торжествующаго честнаго человѣка....

«Радищевъ съ горестію разстался съ илимскими жителями; на возвратномъ своемъ пути остался онъ вездѣ въ памяти. Въ проѣздъ мой чрезъ Тару, остановился я въ томъ домѣ, гдѣ онъ прожилъ недѣлю, и хозяинъ не могъ нахвалиться его добродушіемъ, его ласковостію. Такова сила ума и добродѣтели! Истинно великій человѣкъ вездѣ въ своемъ мѣстѣ, счастіе и несчастіе его не перемѣняютъ. Во всякомъ кругу дѣйствій, какъ въ большемъ, такъ и въ маломъ, творитъ онъ *возможное* благо. Истинна и добродѣтель живутъ въ немъ, какъ солнце на небѣ, вѣчно не измѣняющееся.

«Радищевъ умеръ, и, какъ сказываютъ, насильственною, произвольною смертію. Какъ согласить сіе дѣйствіе съ непоколебимою оною твердостію философа, покоряющагося необходимости и радѣющаго о благѣ людей въ самомъ изгнаніи, въ ссылкѣ, въ несчастіи, будучи отчужденнымъ круга родныхъ и друзей? — Или позналъ онъ ничтожность жизни человѣческой? или отчаялся онъ, какъ Брутъ, въ самой добродѣтели?—Положимъ перстъ на уста наши и пожалѣемъ объ участи человѣчества.

«Друзья! посвятимъ слезу сердечную памяти Радищева. Онъ любилъ истинну и добродѣтель. Пламенное его человѣколюбіе жадало озарить всѣхъ своихъ собратій симъ немерцающимъ лучемъ вѣчности; жадало видѣть мудрость, возсѣвшую на тронѣ всемірномъ. Онъ зрѣлъ

лишь слабость и невѣжество, обманъ подъ личиною святости — и сошелъ въ гробъ. Онъ родился быть просвѣтителемъ, жилъ въ утѣсненіи — и сошелъ въ гробъ; въ сердцахъ благодарныхъ патріотовъ да сооружится ему памятникъ достойный его!» —

Не думаемъ, чтобы можно было усомниться въ искренности этого отношенія къ Радищеву у людей новаго поколѣнія; на нашъ взглядъ, эти строки могутъ свидѣтельствовать, что литературная дѣятельность Радищева произвела на умы извѣстное впечатлѣніе и способна была поселить нѣсколько честныхъ мыслей *).

Въ настоящей замѣткѣ мы хотѣли собственно только выставить вопросъ объ отношеніяхъ Крылова къ Радищеву и объ авторахъ «Почты Духовъ». Данныя еще не вполнѣ достаточны для его рѣшенія. Наше мнѣніе можетъ оказаться и ошибочнымъ; но вопросъ существуетъ, и, ставя его, мы желали бы вызвать новое изслѣдованіе этого неяснаго историческаго пункта.

А. ПЫПИНЪ.

*) Во время печатанія настоящей замѣтки, мы узнали о только-что вышедшей въ свѣтъ книгѣ, подъ заглавіемъ: «Радищевъ и его книга — Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». — *Ред.*

КРИТИКА

И

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

АПРѢЛЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Очерки юридической энциклопедіи. Профессора университета св. Владиміра *Н. Ренненкампфа.* Кіевъ. 1868. Стр. 313. Ц. 2 руб.

Когда, лѣтъ тридцать тому назадъ, Неволинъ издавалъ въ двухъ обширныхъ томахъ свою энциклопедію законовѣдѣнія, то онъ не безъ основанія могъ сказать о ней, что подобнаго сочиненія, во всемъ его объемѣ, не представляетъ не только русская, но и иностранная литература. Съ тѣхъ поръ, энциклопедія Неволина во многомъ устарѣла, а въ иностранной литературѣ появилось множество энциклопедій права, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательныя, какъ напр., французская—Эшбаха (Introduction générale à l'étude du droit), и нѣмецкія—Пютера, Варнкёнига и Аренса, если не превосходили трудъ Неволина по объему, то по научному своему содержанію, конечно, не уступали ему. Въ русской же юридической литературѣ за все это долгое время появились, за исключеніемъ спеціальной и добросовѣстной монографіи г. Стоянова о методахъ разработки положительнаго права (1862 г.), лишь два перевода: одинъ — энциклопедіи Аренса, а другой естественнаго права — Шиллинга, остановившійся впрочемъ на первомъ выпускѣ. Развѣ для полноты только можно упомянуть еще объ энциклопедіи г. Рождественскаго. Уже поэтому нельзя не усумниться въ мнѣніи, высказываемомъ г. Ренненкампфомъ (с. 17), что послѣ возвращенія изъ за-границы «молодыхъ юристовъ» первой посылки, «русская юриспруденція нетолько стала въ уровень съ европейскою наукою, но пустила корни въ самомъ обществѣ, образовала подлѣ себя дѣйствительно ученую среду и вышла изъ зависимости отъ случая и личностей профессоровъ, въ какой находилась до 30-хъ годовъ.» Тѣмъ не менѣе, или лучше сказать, именно потому, что русская юриспруденція, послѣ возвращенія изъ за-границы «молодыхъ юристовъ» не только первой, но и послѣдующихъ посылокъ, далеко еще не стала въ

уровень съ европейскою наукою и отличается крайнею бѣдностію, мы взялись не безъ любопытства за трудъ кіевскаго профессора.

Отъ каждой юридической энциклопедіи мы вправѣ ожидать такъ называемой общей или формальной части, въ которой излагаются основныя понятія о правѣ, о различныхъ его отрасляхъ, о научныхъ методахъ, а затѣмъ очерка исторіи какъ философіи права, такъ и положительныхъ законодательствъ. При этомъ энциклопедія должна обратить особенное вниманіе на изученіе отечественнаго законодательства, и въ какомъ состояніи это изученіе находится. Таково болѣе или менѣе установившееся содержаніе юридической энциклопедіи, хотя изъ этого не слѣдуетъ, чтобы каждая изъ выше названныхъ энциклопедій представляла все это въ одинаковой полнотѣ. По крайней мѣрѣ у насъ энциклопедія должна имѣть въ виду всѣ указанныя части, такъ какъ особые отъ энциклопедіи курсы исторіи философіи права далеко еще не въ общемъ обычаѣ въ нашихъ университетахъ, а учрежденная по новому университетскому уставу особая каѳедра исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ едва ли еще скоро вездѣ будетъ занята. Намъ кажется, что всего болѣе достигаютъ цѣли тѣ сочиненія по энциклопедіи права, которыя, какъ напр., Варнкёнига, оставаясь на положительной почвѣ, представляютъ, независимо отъ изложенія общихъ юридическихъ понятій, обзоръ не только источниковъ права и памятниковъ законодательства, но и развитія отдѣльныхъ отраслей права въ различныя историческія эпохи.

Разсматриваемое сочиненіе г. Ренненкампфа, обнимающее, по словамъ его, все содержаніе юридической энциклопедіи, по внѣшнему объему своему по крайней мѣрѣ на половину менѣе энциклопедій Неволина и Варнкёнига и отличается отъ нихъ тѣмъ, что не имѣетъ такъ называемой особенной части, которую Неволинъ посвящаетъ исторіи философіи права и исторіи положительныхъ законодательствъ; а Варнкёнигъ, у котораго исторія почти исключаетъ философію, и который уже въ первой части даетъ обзоръ исторіи источниковъ права и правовѣдѣнія, посвящаетъ вторую часть теоретическому и историческому обозрѣнію ученій права частнаго, государственнаго, уголовнаго и т. д. Ограничиваясь одною общею частію энциклопедіи, автору «хотѣлось внести въ эту общую часть главнѣйшія положенія всѣхъ частей права и тѣмъ самымъ сдѣлать излишнею особенную часть юридической энциклопедіи.» Достигнуто это, главнымъ образомъ, посредствомъ примѣчаній, вставленныхъ въ текстъ и подстрочныхъ, неотличенныхъ особымъ шрифтомъ и до того обширныхъ, что всему этому сочиненію гораздо болѣе соотвѣтствовало бы заглавіе: примѣчанія къ юридической энциклопедіи, чѣмъ очерки. Разумѣется, отъ подобнаго способа изложенія, самый обзоръ предмета ни въ какомъ случаѣ не облегчается, все сочиненіе получаетъ характеръ отрывочности, и въ концѣ концовъ, хотя читатель узнаетъ о многомъ изъ сочиненія г. Ренненкампфа и пріобрѣтетъ много свѣдѣній, особенно по литературѣ предмета—но сколько нибудь цѣльныхъ понятій о системахъ философіи права или о развитіи институтовъ права въ различныя историческія эпохи, онъ не вынесетъ изъ него.

Все сочиненіе заключается въ двухъ раздѣлахъ, изъ которыхъ первый трактуетъ о существѣ права, а второй—о правовѣдѣніи. Послѣ введенія, посвященнаго объясненію задачи юридической энциклопедіи, исторіи ея обработки и литературы, авторъ въ первой главѣ перваго раздѣла останавливается на понятіи права, и, не касаясь психологической основы его и не указывая на субъективное и объективное значеніе права, — эти школьные термины однако значительно поясняютъ самое понятіе, и впослѣдствіи авторъ ими пользуется,— приводитъ отдѣльныя черты, характеризующія право, и опредѣляетъ его какъ «порядокъ жизни цѣлаго общества, установленный для разумныхъ цѣлей общежитія.» Это опредѣленіе вѣрно только въ объективномъ смыслѣ, и не содержитъ въ себѣ и намека на тотъ смыслъ, который заключается въ словахъ человѣка, когда онъ говоритъ: «я имѣю право». Если авторъ, вслѣдъ за своимъ опредѣленіемъ, поясняетъ, что «въ обыденной жизни слово *право* употребляется иногда какъ равнозначущее съ правотою, справедливостію, и означаетъ въ такихъ случаяхъ настроеніе духа или поведеніе не обидное ни для кого, сообразное съ природою людей и вещей», то это, очевидно, не одно и тоже, что право въ субъективномъ смыслѣ слова, означающее сознаніе власти, господства. О субъективной сторонѣ права мы узнаемъ, конечно, впослѣдствіи,

на 145 стр., но это такая сторона, которую не слѣдуетъ упускать при самомъ опредѣленіи того, что такое право. Учебникъ требуетъ, чтобы все было объяснено во время и на своемъ мѣстѣ. Независимо отъ этого, нельзя не указать на слѣдующее: авторъ, говоря о томъ, что право есть законъ общественный и простирается главнымъ образомъ на общественную сторону человѣка, замѣчаетъ, «что міръ личный не входитъ въ право; но такъ какъ личность есть основаніе всего человѣчества, то между міромъ личнымъ и общественнымъ нельзя провести точной и постоянной черты». Это совершенно такъ; но далѣе авторъ продолжаетъ: «... *въ нѣкоторыхъ случаяхъ личное можетъ входить въ область права, насколько оно прямо связывается и вліяетъ на общественное; напр., отношенія религіозныя, семейныя, благодарности и т. п.* Положеніе этой черты во многомъ зависитъ отъ состоянія и направленія общества». Мы понимаемъ, что здѣсь рѣчь идетъ о чертѣ, отдѣляющей личное отъ общественнаго; но того, что авторъ хотѣлъ выразить подчеркнутыми словами, мы совершенно не понимаемъ, до того оно темно.

Вообще, авторъ не всегда удачно выражается. Напр., на стр. 8-й, мы читаемъ: «Гуго и Пухта, горячіе приверженцы этой школы (т. е. исторической), хотѣли въ ея духѣ обработать свои энциклопедіи, но *успѣли быть вѣрны ей только въ отдѣльныхъ вопросахъ*»... Далѣе: на стр. 59, гдѣ авторъ коротенько излагаетъ ученіе Моля объ общественныхъ сферахъ, онъ между прочимъ замѣчаетъ: «...общественныя сферы не ограничиваются политическими границами и *простираются на столько, на сколько влекутъ ихъ общіе интересы*». Еще далѣе: на стр. 82, гдѣ рѣчь идетъ о томъ, что законъ, какъ общая норма, долженъ содержать только общее опредѣленіе, подъ которое разнообразныя отношенія могли бы быть подводимы, авторъ совершенно справедливо говоритъ, «что опредѣленіе всѣхъ отдѣльныхъ конечныхъ явленій и отношеній совершенно невозможно и повело бы только къ запутанности и стѣсненію», но затѣмъ онъ продолжаетъ: «*Никогда отношенія не совершаются въ однѣхъ и тѣхъ же фактическихъ составныхъ частяхъ и положеніяхъ;* каждое отношеніе представляетъ свои особенности, уклоненія; двухъ вполнѣ равныхъ случаевъ не бываетъ.» Подобныя мѣста производятъ впечатлѣніе, какъ будто мы имѣемъ дѣло съ плохимъ переводомъ, а не съ самостоятельнымъ ученымъ трудомъ.

Вслѣдъ за общимъ опредѣленіемъ права, авторъ обращается (стр. 28) къ естественному праву и начинаетъ съ того, что, «и въ противуположность праву положительному, ставятъ право естественное, которое называли также jus naturale, jus divinum, право разума, право метафизическое, философское и т. п.» Это совершенно справедливо, только кажется, что прежде, чѣмъ противополагать естественное право положительному, слѣдовало бы опредѣлить, что такое положительное право, такъ какъ этого въ предшествующемъ изложеніи авторомъ еще не сдѣлано. Этому же самому способу изложенія авторъ слѣдуетъ и при обращеніи къ государству: «Высшая ступень союзовъ, въ которыхъ живутъ люди, есть государство». (стр. 46). А какія низшія ступени союзовъ бываютъ, или какія вообще общественные союзы бываютъ, кромѣ государства, объ этомъ авторъ тоже еще не проронилъ слова. Нѣсколько далѣе, на стр. 51, авторъ, по поводу происхожденія государства, указываетъ на эти союзы: семейство, племя, община, союзъ племенъ и общинъ и даже союзы вотчинные, патримоніальные. Но нельзя сказать, чтобы подобный способъ изложенія отличался особенною логическою послѣдовательностію. Въ историческихъ замѣчаніяхъ автора о естественномъ правѣ (стр. 31—34) много справедливаго, хотя, намъ кажется, что въ юридической энциклопедіи можно бы нѣсколько дольше остановиться на этомъ предметѣ. А то, при черезъ-чуръ краткомъ обзорѣ судебъ естественнаго права, авторъ, коснувшись плана государственнаго устройства Платона, прямо переходитъ къ концу среднихъ вѣковъ, причемъ читатель спрашиваетъ себя, почему совершенно опущены понятія римскихъ юристовъ о естественномъ правѣ. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ строкъ о происхожденіи средневѣковыхъ системъ естественнаго права и о Гуго-Гроціѣ, авторъ спѣшитъ перейти къ концу XVIII вѣка. Точка зрѣнія автора здѣсь вообще вѣрна и все-таки, вслѣдствіе того, что онъ скользитъ по предмету, не останавливаясь на немъ и не углубляясь въ него, мы въ результатѣ и здѣсь получаемъ только общія мѣста. Далѣе, рѣчь идетъ о нравственности и о ея отношеніяхъ къ праву: все какъ слѣдуетъ. Но затѣмъ мы желали бы

здѣсь видѣть отличіе права еще отъ одного сопредѣльнаго понятія, именно отъ общественной экономіи. Мы думали, что, обходя этотъ вопросъ объ отношеніяхъ права и общественной экономіи въ самомъ началѣ, авторъ остановится на немъ впослѣдствіи, когда будетъ говорить о гражданскомъ правѣ. Но и здѣсь (стр. 200—210) авторъ, распространяясь о содержаніи частнаго права и объ отношеніяхъ его къ публичному, ни однимъ словомъ не намекаетъ о существованіи упомянутаго вопроса. А между тѣмъ изслѣдованія Данквардта (Jurisprudenz u. Nationalökonomie), Арнольда (Recht u. Wirthschaft nach geschichtlicher Ansicht) и Мингетти (Des rapports de l'économie politique avec la morale et le droit)—заслуживали бы кажется того, чтобы коснуться этого предмета въ энциклопедіи права. Если старыя юридическія энциклопедіи не касались этого вопроса, то это потому, что въ ихъ время его не существовало, и изъ этого, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ, чтобы русскій ученый, издающій свою энциклопедію въ 1868 г., вправѣ былъ обходить его.

Подъ тѣмъ предлогомъ, что право относится къ человѣку, какъ къ лицу самостоятельному и дѣйствуетъ въ союзахъ людей, высшая форма которыхъ есть государство, авторъ послѣ нравственности обращается къ свободѣ воли и къ государству. Излагая различные взгляды на свободу воли, г. Ренненкампфъ напрасно не обратился къ сочиненію г. Троицкаго о нѣмецкой психологіи, тѣмъ болѣе, что въ другихъ мѣстахъ онъ приводитъ это сочиненіе. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы важный для цѣлой науки права вопросъ о свободѣ воли и о необходимости былъ изложенъ у г. Ренненкампфа неудовлетворительно; мы думаемъ, напротивъ, что различные взгляды на этотъ вопросъ охарактеризованы у него вообще вѣрно; только этотъ самый вопросъ взятъ у г. Троицкаго (стр. 264—267) нѣсколько глубже.

Вторая глава перваго раздѣла: «Образованіе права и различныя стороны права» (стр. 63—167) составляетъ цѣлую треть сочиненія г. Ренненкампфа и особенно полно обработана у него. Собственно, здѣсь рѣчь главнымъ образомъ идетъ объ источникахъ права, но вмѣсто этого обыкновеннаго и привычнаго термина, авторъ предпочитаетъ говорить: «о формахъ права (объективная сторона права)». Мы не вступимъ съ авторомъ въ пререканіе о томъ, почему онъ, обращаясь къ образованію права, распространяется опять, на 64 стр., объ общественномъ договорѣ, тогда какъ имъ говорено уже объ этомъ при вопросѣ о происхожденіи государства, на стр. 53, гдѣ кстати и слѣдовало привести подлинное мнѣніе Жанъ-Жака Руссо объ общественномъ договорѣ. А то, это мнѣніе сначала подвергается разбору и опроверженію, а потомъ, уже возвращаясь къ нему послѣ разныхъ другихъ матерій и по другому поводу, авторъ приводитъ его въ нѣсколько болѣе полномъ видѣ, чѣмъ прежде. Ограничимся только замѣчаніемъ, что если общественный договоръ, какъ основаніе государства и права, теоретически не выдерживаетъ критики уже потому, что нельзя на части изъ цѣлой системы права утвердить всю эту систему или весь государственный и юридическій бытъ, то тѣмъ не менѣе авторъ поступилъ бы лучше, если бы не предрѣшалъ вопроса о значеніи общественныхъ договоровъ для будущихъ поколѣній. Поставивши же вопросъ объ этомъ значеніи, авторъ отвѣчаетъ: «Приводимые примѣры Исландіи, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Калифорніи, неудовлетворительны: тамъ существовали общества, связанныя единствомъ положенія, интересовъ, даже власти, прежде всякихъ общественныхъ договоровъ, и все дѣло шло *только* объ образованіи формы государственнаго устройства» (стр. 53). Въ вопросѣ о происхожденіи государства, это образованіе формы государственнаго устройства вовсе не такая бездѣлица, чтобы приведенные авторомъ примѣры,—когда дѣло идетъ о томъ, что возможно въ будущемъ для исторіи,—не ослабляли всей его аргументаціи, потому что двухъ остальныхъ элементовъ государства, т. е. государственной территоріи и народа, Руссо, конечно, не думалъ создавать посредствомъ своего договора, и этотъ договоръ ихъ предполагаетъ.

Если мы здѣсь нѣсколько уклонились назадъ, то по винѣ самого автора и его нѣсколько разбросаннаго способа изложенія. Мы замѣтили, что ученіе объ источникахъ права изложено у г. Ренненкампфа довольно полно. Во главѣ всѣхъ источниковъ права, или формъ права, какъ выражается авторъ, у него поставлено обычное право (стр. 70—80). Вопросъ объ обычномъ правѣ имѣетъ для насъ не только научное, но и важное практическое значеніе, такъ какъ наиболѣе многочисленные слои рус-

скаго народа руководствуются въ своемъ ежедневномъ юридическомъ быту своими особыми обычаями, а не статьями Свода. «Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, крестьянскія дочери не пользуются опредѣленными долями въ наслѣдствѣ, оставшемся отъ отца; крестьянскіе младшіе сыновья исключаютъ старшихъ изъ наслѣдованія дворомъ и домомъ отца, а родители-крестьяне требуютъ съ жениховъ своихъ дочерей опредѣленной платы (запросъ); въ купеческомъ сословіи, отецъ нерѣдко завѣщаетъ старшему сыну полную власть надъ меньшими сыновьями (взрослыми) и ихъ имуществами, и завѣщаніе исполняется строго», т. е. разумѣется, пока меньшіе сыновья не спорятъ противъ такихъ завѣщательныхъ распоряженій. И вообще, юридическіе обычаи указанныхъ разрядовъ лицъ дѣйствуютъ только въ той степени, въ какой жизнь этихъ лицъ не соприкасается ни съ общимъ порядкомъ, ни съ жизнію лицъ другихъ классовъ. Раньше или позже, «лица, пользующіяся обычнымъ правомъ, сами убѣдятся въ его шаткости, недостаточности и предпочтутъ устанавливать свои отношенія и совершать свои сдѣлки по законамъ общимъ, болѣе твердымъ, способнымъ обнимать сложныя отношенія и доставлять вѣрную защиту въ случаѣ нарушеній. Но съ другой стороны, для ускоренія и облегченія такого направленія, законодательство наше необходимо должно сдѣлать уступки, и принять, въ видѣ изъятій, нѣкоторыя начала обычнаго права, болѣе соотвѣтственныя условіямъ жизни и отношеніямъ извѣстныхъ разрядовъ и классовъ лицъ» (стр. 79).

Намъ кажется, что авторъ разсуждаетъ объ обычномъ правѣ несравненно правильнѣе, чѣмъ тѣ наши доморощенные публицисты, для которыхъ обычное право крестьянъ и волостные суды, руководствующіеся этимъ правомъ и пощаженные судебною реформою, — бѣльмо на глазу. Эти публицисты увѣрены, что задача государственной власти, сознающей свои обязанности въ отношеніи къ народу, въ томъ и должна состоять, чтобы какъ можно скорѣе, однимъ почеркомъ пера, искоренить вѣковѣчные обычаи простого народа въ его гражданской жизни и подчинить его безъ разбора всѣмъ гражданскимъ постановленіямъ Свода, невѣдая того, что эти постановленія Свода, во всемъ что касается семейныхъ имущественныхъ распорядковъ и права наслѣдованія, исторически возникли въ средѣ одного служилаго сословія. Говоря вообще, господство обычнаго права ограничивается дѣтскимъ возрастомъ народомъ, тѣмъ періодомъ, когда его экономическій и юридическій бытъ вообще мало развитъ. Это справедливо; но изъ этого не слѣдуетъ, какъ думаютъ тѣ же доморощенные публицисты, что стоитъ только уничтожить обычное право, и экономическій бытъ народа тотчасъ разовьется, и на мѣсто болѣе или менѣе грубыхъ понятій о юридическихъ отношеніяхъ тотчасъ водворится всеобщее чувство законности. Этого чувства было до сихъ поръ, какъ извѣстно, очень мало не только въ средѣ народныхъ слоевъ, руководствующихся обычнымъ правомъ, но и у другихъ общественныхъ классовъ. Мы не станемъ, вмѣстѣ съ г. Ренненкампфомъ, ссылаться на Англію въ доказательство того, что государство можетъ «достигнуть высокаго благосостоянія матеріальнаго, пользоваться обезпеченностію лица и имущества, совершать сдѣлки сложныя и обширныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣть полной системы законодательства». Приводить здѣсь Англію примѣромъ намъ кажется потому нельзя, что во-первыхъ англійское обычное право, на которое ссылаются въ судахъ, не есть обычное въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, а есть нѣчто въ высшей степени техническое, и во-вторыхъ потому, что и въ самой Англіи сильно и давно уже чувствуется недостатокъ въ кодификаціи законовъ, которая упростила бы нѣсколько юридическій бытъ. Тѣмъ не менѣе авторъ правъ, когда говоритъ, что «обычное право, несмотря на всѣ его недостатки, олицетворяетъ однакоже въ себѣ юридическую свободу народа, и потому ежели бы въ какомъ либо государствѣ совершился слишкомъ крутой переворотъ, не вполнѣ соотвѣтствующій требованіямъ всѣхъ классовъ общества, или издавались бы законы, несообразные съ коренными условіями народной жизни, то конечно обычное право можетъ получить самостоятельное значеніе, ослабляя и отмѣняя дѣйствіе законовъ, по крайней мѣрѣ въ сферахъ, неподлежащихъ непосредственному наблюденію государственной власти» (стр. 75). Такъ было между прочимъ и съ гражданскимъ кодексомъ самой Франціи, въ первое время по введеніи его какъ на родинѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ.

По поводу того, что у автора содержится

объ англійскомъ обычномъ правѣ (стр. 77), мы должны сдѣлать одно замѣчаніе. Говоря о томъ, что источники этого права суть общіе обычаи, выраженные въ рѣшеніяхъ судовъ, въ трактатахъ ученыхъ юристовъ и въ другихъ книгахъ, написанныхъ во времена древности и сохраненныхъ до настоящихъ дней, авторъ прибавляетъ, что книги, въ которыя записывались судебныя рѣшенія, въ прежнее время велись правительствомъ, со временъ же Генриха VIII частными лицами, и что нѣкоторыя изъ послѣднихъ пріобрѣли такое уваженіе, что на нихъ ссылаются безъ названія имени автора. «Особенно извѣстны книги высшаго судьи Кока (Lord Chief Justice Coke), Гланвиля (лы), Флета (ы)». Это не совсѣмъ точно, и можно подумать, что эти особенно извѣстныя книги суть сборники судебныхъ рѣшеній. Между тѣмъ, хотя Кокъ, умершій въ первой половинѣ XVII столѣтія, дѣйствительно оставилъ книгу *reports*, но особенно извѣстны его институты англійскаго права,—ученое сочиненіе, на которое и до сихъ поръ иногда ссылаются въ англійскихъ судахъ. Гланвилла же, бывшій великимъ юстиціаріемъ Англіи еще въ концѣ XII стол., извѣстенъ своимъ трактатомъ о законахъ и обычаяхъ Англіи, въ которомъ изложенъ порядокъ дѣлопроизводства въ королевской куріи, и который поэтому имѣетъ одно чисто историческое значеніе. Наконецъ, что касается третьяго автора, приводимаго г. Ренненкампфомъ, именно Флеты, то его латинская компиляція о законахъ Англіи написана въ концѣ XIII стол., въ одной изъ лондонскихъ тюремъ, куда Эдуардъ I, въ 1289 г., засадилъ нѣкоторыхъ своихъ юстиціаріевъ. Какого бы то ни было современнаго значенія въ англійской судебной практикѣ компиляція эта также не имѣетъ. Кстати замѣтимъ еще одну неточность. Говоря объ англійской справедливости (equity) и о томъ, какъ она примѣняется въ канцлерскихъ судахъ Англіи (стр. 128), авторъ на основаніи того, что содержится въ изданномъ въ 1862 г. сочиненіи Фишеля объ англійской конституціи и одной статьи, появившейся въ томъ же году въ журналѣ м-ва юстиціи (Суды общаго закона и справедливости), замѣчаетъ, что—«Судъ справедливости не связывается правилами, установленными для судовъ общаго закона, и обращаетъ болѣе вниманія на сущность дѣла, нежели на формы его совершенія. *Судья справедливости рѣшаетъ дѣла безъ посредства присяжныхъ* на основаніи собственныхъ понятій о справедливости...» (стр. 128). Такъ было именно до 1862 г., но статутомъ изданнымъ въ томъ году, канцлерскимъ судамъ предоставлено, для разрѣшенія фактическихъ вопросовъ, приглашать присяжныхъ, и такимъ образомъ старинное различіе между судами общаго закона и судами справедливости въ этомъ отношеніи исчезло. Авторъ можетъ о томъ справиться въ сочиненіи Гомершама Кокса (The institutions of the English Government. 1863. стр. 348 и 509). Кромѣ того, нельзя не пожалѣть, что по поводу этой англійской *equity* и ея отношеній къ общему праву, авторъ не коснулся преторскаго эдикта и его отношеній къ *jus cuvile*. Эту параллель англійскіе юристы, трактующіе о своей справедливости, довольно часто проводятъ. Вообще понятій римскаго права авторъ черезъ чуръ мало касается въ своей энциклопедіи и вслѣдствіе этого чисто-юридическій элементъ довольно слабъ въ ней: мы думаемъ, что выписки изъ Бокля и Гельмгольца не замѣнятъ для юриста этихъ понятій римскаго права.

Мы бы могли сдѣлать еще довольно много замѣчаній по поводу того, что содержится въ юридической энциклопедіи г. Ренненкампфа, и по поводу того, чего въ ней недостаетъ, но мы уже и безъ того слишкомъ долго на ней остановились. Хотя энциклопедія эта далеко не можетъ имѣть для нашего времени того значенія, какое энциклопедія Неволина имѣла для своего, тѣмъ не менѣе книга г. Ренненкампфа, заключающая въ себѣ особенно много свѣдѣній по литературѣ предмета, можетъ служить нѣкоторымъ пособіемъ для приступающихъ къ изученію юридическихъ наукъ. Конечно, по немалому учено-литературному аппарату этого сочиненія, можно бы ожидать, что и самое содержаніе его будетъ нѣсколько глубже касаться основныхъ понятій науки, чѣмъ мы видимъ то въ нѣкоторыхъ частяхъ. Но мы относимъ это не исключительно къ винѣ г. Ренненкампфа: мы именно думаемъ, что незавидная доля всякой энциклопедіи заключается въ томъ, что она должна болѣе исчислять и приводить понятія, чѣмъ останавливаться на нихъ и исчерпывать ихъ. Наконецъ, жаль, что по внѣшности своей, изданіе нѣсколько неряшливо: довольно большое число опечатокъ авторъ самъ въ концѣ книги объясняетъ тѣмъ, что

эти очерки энциклопедіи печатались отдѣльными оттисками при кіевскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ, въ теченіи болѣе двухъ лѣтъ. Вѣроятно, этимъ же объясняется, почему цѣлыя двѣ страницы (27 и 28) отпечатаны вдвойнѣ, сначала на своемъ мѣстѣ, а потомъ еще разъ, послѣ 62-й страницы. в. у.

Шекспиръ въ переводѣ русскихъ писателей. Изданіе *Н. А. Некрасова* и *И. В. Гербеля*. Томъ четвертый. Спб. 1868.

Изданіемъ этого тома оканчивается предпріятіе гг. Некрасова и Гербеля. Въ четырехъ большихъ компактныхъ томахъ, русскій читатель имѣетъ переводъ всѣхъ драматическихъ произведеній Шекспира, и притомъ въ стихахъ, что особенно цѣнится любителями (и что дѣйствительно имѣетъ цѣну, если для стиха иной разъ не жертвуютъ точностію, какъ бываетъ очень нерѣдко); къ переводу присоединены двѣ статьи — о литературѣ и театрѣ въ Англіи до Шекспира, г. Боткина, и біографія Шекспира, составленная г. Полевымъ; при каждой пьесѣ помѣщены историческія свѣдѣнія о ней и разборъ ея содержанія. Издатели сознаютъ сами, что предпринимая изданіе, не могли имѣть въ виду дать русской литературѣ переводъ Шекспира, послѣ котораго ничего больше не оставалось бы желать для знакомства съ великимъ писателемъ; но все возможное они, кажется, сдѣлали. Много пьесъ переведено было именно по ихъ вызову и является здѣсь въ первый разъ; многія другія, напечатанныя прежде, помѣщены здѣсь въ исправленномъ видѣ; между разными переводами издатели старались выбрать лучшій. Если въ исполненіи дѣло не могло обойтись безъ неровностей и недостатковъ, этого едва-ли можно было избѣжать. Предпріятія подобнаго рода бываютъ мѣркой состоянія всей литературы, и недостатки могутъ даже совсѣмъ не зависѣть отъ издателей. Они помѣстили лучшія работы надъ Шекспиромъ, какія представляла русская литература, — каковы, напр., переводы Дружинина, Кронеберга, Сатина, Островскаго, — но конечно, не въ ихъ волѣ было сдѣлать, чтобы всѣ переводы были именно этого достоинства. Изданіе гг. Некрасова и Гербеля есть во всякомъ случаѣ цѣнный вкладъ въ русскую литературу, серьёзное дѣло, какихъ только можно желать для ея благополучія.

Наше время меньше занято вопросами искусства, чѣмъ было прежде. Лѣтъ тридцать тому назадъ, изданіе всего Шекспира на русскомъ языкѣ сочтено было бы громаднымъ литературнымъ событіемъ, — теперь ему едва-ли дадутъ такіе размѣры. Люди прежнихъ литературныхъ поколѣній назовутъ это, пожалуй, огрубленіемъ вкуса; но это едва-ли такъ. Прежнее преклоненіе передъ Шекспиромъ и вообще искусствомъ было такъ сильно и исключительно именно потому, что это была въ тѣ времена единственная почва, на которой развивались въ области литературы нравственные вопросы и идеальныя стремленія. Съ тѣхъ поръ интересы искусства потеряли свою исключительную силу потому, что тотъ запасъ мысли и чувства, который прежде сосредоточивался только здѣсь, теперь раздѣлился на много другихъ предметовъ и цѣлей. Самая литература больше и больше оставляла свои идеальныя высоты, и въ такъ называемомъ реальномъ направленіи больше вмѣшивалась въ непосредственную дѣйствительность.

Тѣмъ не менѣе, мы не считаемъ нынѣшняго времени неблагопріятнымъ для появленія Шекспира въ русской литературѣ, теперь, быть можетъ, онъ могъ бы найти себѣ — въ общемъ счетѣ — болѣе пониманія, чѣмъ прежде. Шекспиръ имѣлъ у насъ пламенныхъ энтузіастовъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, но это былъ избранный кружокъ; мы не думаемъ, чтобы тогдашняя читающая масса вполнѣ уразумѣвала эти диѳирамбы. Шекспиръ, конечно можетъ быть понятенъ и безъ дальнѣйшихъ толкованій, но для болѣе серьёзнаго пониманія комментарій необходимъ, а между тѣмъ этого комментарія (за исключеніемъ недавно переведеннаго «Шекспира» Гервинуса) въ нашей литературѣ до сихъ поръ не было. Издатели настоящаго перевода сдѣлали очень хорошо, помѣстивши при каждой пьесѣ объяснительныя статьи, но они, къ сожалѣнію, не сдѣлали вещи, столько же, если не болѣе важной,— не дали статьи объ общемъ значеніи Шекспира въ исторіи поэзіи, и его общемъ эстетическомъ достоинствѣ. Въ разноголосицѣ литературныхъ теорій было бы очень полезно для русскихъ читателей Шекспира установить опредѣленную точку зрѣнія на этотъ предметъ. Біографія Шекспира, конечно, не можетъ еще выполнить этой задачи, статья объ англійской литературѣ *до* Шекспира — также.

Осмнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый *Петромъ Бартеневымъ* (издателемъ «Русскаго Архива»). Книга первая. М. 1868. Стр. 464. Ц. 2 р. 50 к.

Г. Бартеневъ говоритъ въ предисловіи, что обиліе собранныхъ имъ историческихъ бумагъ дало ему возможность, независимо отъ «Русскаго Архива», издать еще этотъ сборникъ, уже не тетрадями, а цѣлыми книгами, выходящими безсрочно. Словомъ, это тотъ же «Архивъ,» но вышедшій изъ береговъ отъ обилія матеріаловъ. Характеръ изданія тотъ же самый; мы замѣтили только одну разницу, что матеріалы нѣсколько меньше отличаются отрывочностью, которая составляетъ свойство «Архива», по нашему мнѣнію не весьма завидное. Въ «Осмнадцатомъ вѣкѣ» помѣщены, напр., цѣлая большая переписка императрицы Екатерины съ московскимъ главнокомандующимъ княземъ М. Н. Волконскимъ; большіе отрывки изъ записокъ графа Комаровскаго; переписка имп. Екатерины съ прибалтійскимъ генералъ - губернаторомъ графомъ Броуномъ; довольно обширныя и хорошо составленныя статьи кн. Павла Вяземскаго, о политикѣ Фридриха II съ 1763 по 1775 г., и статья г. Шугурова, объ отношеніяхъ Дидро къ императрицѣ Екатеринѣ. Но за тѣмъ опять клочки и обрывки, къ которымъ, можетъ быть, когда нибудь напечатаются и продолженія; самыя записки гр. Комаровскаго уже не одинъ разъ являлись въ «Архивѣ», и вѣроятно, явятся еще не одинъ разъ.

Степень интереса новаго изданія опять таже. Это почти исключительно сырой матеріалъ, въ которомъ далеко не все важно и интересно, но встрѣчаются и многія любопытныя историческія подробности и черты времени. Въ концѣ книги, какъ будто для пробы читательскаго терпѣнія, помѣщена цѣликомъ «Ценсурная вѣдомость 1786 — 1788 годовъ»: любопытны въ ней (для библіографовъ) указанія книгъ, представленныхъ тогда въ цензуру, но издатель счелъ нужнымъ помѣстить вмѣстѣ и всѣ росписки, которыми авторъ или издатель обязывались по отпечатаніи книги доставлять цензору экземпляръ для сличенія съ рукописью; росписки, какъ и слѣдуетъ, всѣ написаны по одной формѣ. На 25-ти страницахъ «вѣдомости» больше *130* этихъ росписокъ; сохранивъ изъ этихъ росписокъ одни имена, которыя только и нужны, и даже пожалуй нѣкоторыя варіаціи, г. Бартеневъ сберегъ бы цѣлый печатный листъ.

Страницы изъ книги страданій болгарскаго племени. Повѣсти и разсказы *Любена-Каравелова*. Москва. 1868. Стр. 312. Ц. 1 р.

Имя Любена - Каравелова уже знакомо въ въ русской литературѣ: разсказы его печатались въ журналахъ; въ 1861 году, онъ издалъ книжку «Памятниковъ народнаго быта болгаръ», гдѣ помѣщено не мало любопытнаго этнографическаго матеріала для знакомства съ болгарской народностью. Въ своей настоящей книгѣ авторъ собралъ разсказы, личныя наблюденія, этнографическія замѣтки, которыя могутъ дать читателю понятіе о положеніи вещей въ болгарской части турецкой имперіи. Это положеніе ужасно; показанія автора не расходятся съ тѣмъ, что давно извѣстно объ этомъ предметѣ, и заглавіе книги, выбранное авторомъ, къ сожалѣнію, очень подходитъ къ содержанію его книги. Для тѣхъ читателей, которыхъ интересуетъ вопросъ о нашихъ «братьяхъ» и «единовѣрцахъ»,и которые желали бы познакомиться съ ихъ настоящимъ положеніемъ, мы рекомендовали бы особенно книгу г. Каравелова, написанную легко и дающую понятіе о дѣлѣ.

Разсказы автора, безъ сомнѣнія, основаны на дѣйствительныхъ происшествіяхъ, и, кажется, произвели бы больше впечатлѣнія, еслибы авторъ ближе держался чистыхъ фактовъ, не придавая имъ обычной литературной отдѣлки, которая нѣсколько закрываетъ настоящее историческое зерно, — въ этомъ зернѣ, конечно, и заключается сущность дѣла. Этнографическія подробности въ этихъ разсказахъ и въ статьяхъ «изъ записокъ болгара» стоятъ конечно на почвѣ вполнѣ фактической; въ нихъ очень много любопытнаго и рисующаго нравы. Жаль, что ко всему этому авторъ не прибавилъ хотя короткаго общаго очерка страны и ея исторической судьбы; та большая публика, для которой должна бы быть назначена книжка г. Каравелова, къ сожалѣнію, имѣетъ весьма смутныя представленія о «братьяхъ» и «единовѣрцахъ», и въ большинствѣ случаевъ едва-ли потрудится искать этихъ свѣдѣній въ другой книгѣ. Съ такой прибавкой читатель могъ бы пріобрѣсти себѣ довольно отчетливое понятіе о предметѣ.

Авторъ посвящаетъ свою книгу «тѣмъ русскимъ людямъ, сердцу которыхъ близко великое дѣло славянской свободы». Мы искренно желали бы, чтобы такихъ людей было больше, и чтобы ихъ сочувствіе могло сколько нибудь помочь дѣлу несчастнаго славянскаго населенія турецкой имперіи, хотя (вѣроятно противъ ожиданій г. Каравелова) сильно сомнѣваемся, чтобы было много людей, которымъ это великое дѣло дѣйствительно близко не на однихъ словахъ.

Философія природы. *Г. В. Ф. Гегеля*, изданная Карломъ Мишле. Переводъ В. П. Чижова, съ дополненіями, излагающими науку о природѣ въ ея современномъ состояніи. Т. I. Москва. 1868 г. Больш. 8°, 447 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Философія природы Гегеля есть часть его очерка энциклопедіи философскихъ наукъ, написанной имъ еще въ 1817 году въ Гейдельбергѣ. Послѣ смерти знаменитаго учителя, энциклопедія философскихъ наукъ была издана въ дополненномъ видѣ его учениками, 1840—1843 г.

Книга, переведенная г. Чижовымъ, въ настоящее время не имѣетъ практическаго значенія. По составу и расположенію своему, философія природы Гегеля не можетъ служить даже краткимъ очеркомъ тѣхъ наукъ, которыхъ она касается. Она относится къ фактамъ ихъ, только какъ къ матеріаламъ для проведенія своей основной, апріорической мысли.

Извѣстно, что гегеліянцы считали систему своего учителя *окончательнымъ* обнаруженіемъ философской истины. И, дѣйствительно, въ прежнемъ смыслѣ философіи, какъ науки, не истекающей изъ точныхъ изслѣдованій естествознанія, а подчиняющей ихъ своимъ выводамъ изъ произвольной гипотезы, трудно было идти далѣе Шеллингова ученія о тождествѣ бытія съ понятіемъ, дополненнаго гегелевскою методою, приводящею все знаніе къ единству на основаніи двухъ категорій: свободы и закона необходимости.

Подчиняя факты естествознанія діалектическому методу, Гегель дѣлитъ философію природы на три части: механику, физику и органику. За тѣмъ, въ философіи духа является тождество субъекта и объекта. Но изъ среды самихъ учениковъ Гегеля, изъ такъ называемой «лѣвой стороны» его школы, вышли смѣлые толкователи, которые единство это поняли въ совершенно противоположномъ смыслѣ, чѣмъ его понимала правовѣрная правая сторона. Какъ только допущено было это толкованіе, то факты опытные, факты внѣшняго міра взяли рѣшительно верхъ надъ абстрактнымъ мышленіемъ и привели къ совершенному разрушенію абстрактной философіи, которой система Гегеля, въ настоящее время, можно сказать, служитъ мавзолеемъ.

Въ такое время, когда уже безвозвратно миновала пора отвлеченнаго измышленія, когда всѣ надежды философіи возлагаются на успѣхи опытныхъ наукъ, подготовляющихъ для нея матеріалы, когда вопросы о дѣйствіи нервной системы, о самозарожденіи, о единствѣ видовъ смѣнили собой прежнія философскія категоріи мышленія, произвольно установляемыя то въ Парижѣ, то въ Гейдельбергѣ, то въ Іенѣ, то въ Берлинѣ, когда ключъ къ философской истинѣ разыскивается во всемъ свѣтѣ по одной и той же системѣ, системѣ знанія положительнаго, — книга, переведенная г. Чижовымъ, является, повидимому, въ нашей литературѣ какъ роскошь, какъ принадлежность мюнцкабинета человѣческой мысли. Но «Философія природы» Гегеля снабжена переводчикомъ множествомъ дополненій, излагающихъ нынѣшнее знаніе, и поэтому трудъ переводчика «энциклопедіи философскихъ наукъ» во всякомъ случаѣ весьма почтенный и имѣетъ цѣну для исторіи развитія человѣческой мысли.

«Философія природы» Гегеля составляетъ вторую часть его «энциклопедіи». Вышедшій нынѣ 1-й томъ заключаетъ въ себѣ гегелевскіе отдѣлы «механики и физики». Во 2-мъ томѣ будетъ помѣщена органика. Въ предисловіи г. Чижовъ возражаетъ г. Каткову, оспаривавшему потребность для русскаго человѣка заниматься гегелевскою системою. Мы согласны съ мнѣніемъ г. Каткова. Но согласны ли сами съ собою наши гуманисты, проповѣдывая съ одной стороны практичность въ занятіяхъ лично для себя, а съ другой, изгоняя ее изъ общественнаго воспитанія.

Исторія земли. Геологія на новыхъ основаніяхъ. Сочиненіе *Фридриха Мора*. Перевелъ съ нѣмецкаго П. И. Шульгинъ. изд. А. И. Глазунова. Москва. 1868. Больш. 8°. 510 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Фридр. Моръ поставилъ себѣ задачею провѣрить существующія системы геологіи на осно-

ваніи законовъ физики и химіи, не стѣсняясь авторитетами. Его критика общепринятыхъ геологическихъ объясненій мѣтко бьетъ въ то, что въ нихъ есть гипотетическаго, а гипотетическаго въ геологіи много. «Въ геологической химіи — говоритъ авторъ — заставляютъ огнепостоянныя вещества улетучиваться, изъ вязкихъ, густыхъ, расплавленныхъ массъ выводятъ чистые, прозрачные кристаллы; окислы отдѣляютъ отъ кислотъ простымъ охлажденіемъ; сплавляютъ кремнекислыя и углекислыя соединенія, безъ разложенія; словомъ, открываютъ такія диковины, о какихъ обыкновенная химія не имѣетъ понятія. Точно такимъ же образомъ, особенная геологическая физика придаетъ парамъ силу вдесятеро большую, чѣмъ показываютъ опыты; допускаетъ, что тѣла удѣльно тяжелѣйшія могутъ плавать въ легчайшихъ; въ жильныхъ трещинахъ охлаждаетъ расплавленныя вещества безъ уменьшенія ихъ въ объемѣ и т. п. Обращаясь къ точнымъ наукамъ, я долженъ срѣзать всѣ эти уродливые наросты.» Моръ объясняетъ, что единственный извѣстный ему трудъ о главныхъ основаніяхъ мірозданія, съ которыми онъ почти вполнѣ согласенъ — трудъ Раденгаузена, который, также стремится къ упрощенію науки и къ ломкѣ насильственныхъ гипотезъ.

Моръ даетъ совершенно новое объясненіе очень многихъ геологическихъ фактовъ, какъ напримѣръ: происхожденія известковыхъ горъ изъ гипса моря при содѣйствіи растеній и животныхъ; происхожденія слюды; измѣненія цеолитовъ, гранитовъ и гадолинитовъ отъ дѣйствія теплоты; сжатія земли у полюсовъ; морскихъ газовъ и т. д. Трудъ Мора не прошолъ безслѣдно въ наукѣ, какъ сильный протестъ противъ тѣхъ натянутыхъ объясненій, которыми наполняются пробѣлы плутонической системы. Переводъ г. Шульгина совершенно удовлетворителенъ, и нельзя не поблагодарить издателя, которому мы обязаны распространеніемъ у насъ очень многихъ изъ наиболѣе извѣстныхъ современныхъ сочиненій по части естествознанія, какъ напр.: Дарвина, Ляйелля, Тиндалля, Гартвига, Льюза и др.

Замѣчательные процессы. Собраніе юридическихъ статей разныхъ иностранныхъ авторовъ. Изданіе М. О. Вольфа. Спб. и Москва. 1863 г. 8° 195 стр.

Здѣсь изложено собственно четыре процесса: Каляба, похищавшаго письма въ австрійскомъ почтамтѣ; Джона Броуна, Контегреля за убійство, и священника Шобара за раскрытіе тайны исповѣди, и Уаррена Гастингса, генералъ-губернатора Остъ-Индіи. Почему убійство Сіаду помѣщено рядомъ съ процессомъ Гастингса или какое отношеніе имѣетъ воръ Калябъ къ Джону Брауну — этого спрашивать незачѣмъ, потому что цѣль изданія слишкомъ спекулятивная. Подборъ статей — случайный, изложеніе процессовъ не имѣетъ никакой юридической цѣны, издано все это на желтой разноцвѣтной бумагѣ и цѣна всему этому — 1 р.

Принцъ Канишь. Романъ (?) съ французскаго. Соч. *Лабулэ*. Изд. Львова. Спб. 1868. Стр. 177. Ц. 75 к.

Нашимъ читателямъ знакомо содержаніе этой сатиры и ея отношенія къ господствующему порядку въ современной Франціи (см. «Политическая сатира во Франціи», февр. и апр.). Эти отношенія и составляютъ главный интересъ новаго сочиненія Эд. Лабулэ, гдѣ, въ формѣ фантастической сказки, ученый авторъ нашелъ возможность подвергнуть меткой критикѣ и общепонятной — духъ и установленія второй имперіи. Переводъ довольно удовлетворителенъ и изданіе опрятно; во всякомъ случаѣ, оно лучше другого изданія того же сочиненія, подъ заглавіемъ: «Принцъ Собачка», съ приложеніемъ къ нему «Трехъ Лимоновъ» и еще чего-то: послѣдній переводчикъ нашелъ даже для себя удобнымъ издать одну и ту же книгу различными шрифтами, что весьма оригинально, но весьма небрежно, и вѣроятно дорого, потому что книжка стоитъ 1 р. 25 к.

М. Стасюлевичъ.

кновенная исторія. Романъ, въ двухъ частяхъ, *Ивана Гончарова.* Изданіе четвертое, вновь исправленное. Спб. 1868. Стр. 229 и 261. Ц. 1 р. 50 к.

оманъ не новый,—но, въ наше скудное на бель- ристику время, можно справедливо сказать, по оду четвертаго изданія «Обыкновенной исторіи», «старый другъ лучше новыхъ двухъ», а по- уй и гораздо больше, чѣмъ двухъ. Какимъ азомъ мы пришли къ современному состоянію щной литературы, имѣя предъ собою замѣча- ьные образцы въ недавнемъ прошедшемъ—это тавитъ любопытную задачу для будущаго исто- ка нашей современной литературы. Но въ чи- щей публикѣ не порваны связи съ тою эпохою, доказательствомъ тому служатъ новыя изданія жнихъ произведеній, которыя не утрачиваютъ тереса современности, потому что ихъ достоин- о состоитъ не въ преходящей тенденціи въ ту въ другую сторону, но въ талантахъ авторовъ ъ удовлетвореніи ими вѣчныхъ законовъ спра- ливаго и прекраснаго. И. А. Гончаровъ при- длежитъ именно къ числу такихъ авторовъ. тъ, почему герои его не проходятъ такъ скоро, къ герои многихъ другихъ современныхъ рома- въ, и едва ли когда-нибудь они перестанутъ тъ съ нами, потому что мотивы ихъ «героично- и» коренятся глубоко въ человѣческой натурѣ. а, Адуевы дѣлаютъ свое дѣло» — восклицаетъ рой «Обыкновенной исторіи»; и прибавимъ, едва Адуевы когда нибудь кончатъ свое дѣло, и едва какое нибудь поколѣніе не будетъ имѣть своихъ Адуевыхъ». Главное достоинство «Обыкновенной торіи» то, что въ ней дѣйствительно все обы- овенно, развѣ кромѣ высокаго художественнаго ланта автора и его умѣнья вводить насъ въ йны души человѣческой—не разсужденіями, но ивымъ разсказомъ и безпрерывнымъ дѣйствіемъ цъ, выводимыхъ имъ на сцену романа.

ейбницъ и его вѣкъ. Сочиненіе *Владиміра Герье.* Спб. 1868. Стр. 590. Ц. 2 р.

Вторая половина XVII вѣка и первые годы рошедшаго столѣтія нераздѣльно связаны съ име- емъ Лейбница. Исторія должна считать его от- омъ европейской публицистики, первымъ руково- ителемъ общественнаго мнѣнія—новой силы, ко- орая, можно сказать, была впервые вызвана Лейб- ицомъ. Въ исторіи европейской цивилизаціи имя ейбница стоитъ еще выше, какъ преобразователя сего воспитательнаго и научнаго метода. Врагъ холастическаго классицизма, Лейбницъ внесъ въ колу и науки реальный элементъ. Петръ В., съ воею геніальностью, искалъ образцовъ для своей овой Россіи не въ вѣковыхъ схоластическихъ университетахъ Германіи, но обратился именно къ Лейбницу за совѣтомъ о мѣрахъ къ распро- страненію образованія въ своемъ отечествѣ. При такомъ всемірномъ значеніи Лейбница, нельзя не поблагодарить г. Герье за его почтенный и весьма добросовѣстный трудъ, имѣющій цѣлью познако- мить насъ съ жизнью Лейбница, весьма искусно обставленною авторомъ тою средой, на которую дѣйствовалъ Лейбницъ. Ожиданіе новыхъ матеріа- ловъ принудило автора отложить главу о сноше- ніяхъ Лейбница съ Петромъ В. до особаго из- слѣдованія, которое мы будемъ ожидать съ боль- шимъ нетерпѣніемъ, чтобы увидѣть во всѣхъ по- дробностяхъ: былъ ли Петръ Великій классикъ или реалистъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ обѣщаетъ намъ изложить отдѣльно самое ученіе Лейбница.

Земля и Воля. *П. Л.* Спб. 1868. Стр. 239. Ц. 1 р.

Можетъ ли всякій владѣть землею и пользоваться волею? У насъ этотъ вопросъ рѣшенъ безпово- ротно Положеніемъ 19-го февраля 1861 г. Но ав- торъ брошюры считаетъ уничтоженіе *крѣпостного* права «скачкомъ», и берется за перо съ цѣлью выразить свое личное желаніе, а именно, «чтобы вновь *скрѣплена* была нить внутренняго органи- ческаго развитія нашего отечества». Можетъ быть, при Борисѣ Годуновѣ, въ концѣ XVI вѣка, разсужденія автора могли бы пригодиться на что нибудь, но теперь онъ рискуетъ остаться «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Впрочемъ, авторъ идетъ далѣе Годунова, и допускаетъ только «крупныхъ собственниковъ». По его мнѣнію, собственникъ земли долженъ обладать особенными качествами: «для промѣна купоновъ на деньги не требуется никакихъ качествъ и никакого труда»! Совершенно справедливо! А много ли нужно было качествъ и труда для полученія оброка съ бывшихъ крѣпост- ныхъ—этихъ живыхъ процентныхъ бумагъ, и для стриженія съ нихъ купоновъ? Можно согласиться съ авторомъ только въ одномъ, — что «крестьяне не получили всѣхъ угодій, коими прежде пользова- лись»; авторъ сравниваетъ надѣлъ земли съ те- лѣгою, раздѣленною между двумя лицами, изъ ко- рыхъ одинъ получилъ кузовъ, а другой—колеса». Понятно, что крестьянское хозяйство, гдѣ одинъ увидѣлъ себя съ кузовомъ безъ колесъ, а другой съ колесами безъ кузова,—не могло далеко уѣхать впередъ. Но это обстоятельство упраздняетъ всѣ другія размышленія автора.

Сокращенный календарь на тысячу лѣтъ (900—1900), составленный для повѣрки годовъ въ лѣ- тописи *Кн. Н. Туркестановымъ.* Спб. 1868. Стр. 108, in 4°. Ц. 75 к.

Трудъ весьма полезный для читающихъ наши лѣтописи и даже ближайшіе къ намъ мемуары. Расположеніе таблицъ такъ просто, что стоитъ только взглянуть на одну изъ нихъ, чтобы въ одно мгновеніе опредѣлить, что, наприм., 30-е мая 1672 года приходилось въ четвергъ. Но тѣмъ не менѣе автору слѣдовало бы присоединить къ своему из- данію ключъ, какъ пользоваться его таблицами.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ въ 1868 году, 1-го числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 2
до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страни
шесть томовъ въ годъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ

съ доставкою и пересылкою:

С.-Петербургъ и **Москва**. Годъ, **15** руб. — Полгода, **8** руб.
Губерніи . . . . „ **16** „ — „ **9** „

За-границу подписка принимается только на годъ, съ приложеніемъ къ цѣнѣ въ губерні за пересылку по почтѣ въ бандероляхъ: **2** руб. въ *Пруссію* и въ *Германію*; **3** руб. въ Бе гію; **4** руб. во Францію и Данію; — **5** руб. въ Англію, Швецію, Испанію и Португалі **6** руб. въ Швейцарію; — **7** руб. въ Италію и Римъ.

Городская подписка принимается, *въ Петербургѣ:* въ Главной Конторѣ «Вѣстника Европы» (открыта, при книж. маг. А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ пр., у Казан. моста, по буднямъ отъ 9 ч. ут. до 9 ч. веч., и по праздникамъ отъ 12 ч. до 3 ч. пополуд.); и въ *Москвѣ:* въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Иногородная и **заграничная по-
писка** высылается, *по почтѣ*, и ключительно: *въ Редакцію* журна «Вѣстникъ Европы» (Галерная, 2 или прямо въ Газетную Экспеди С.-Петербургскаго и Московскаго По тамтовъ. — Подписывающіеся лич обращаются въ мѣста, указанныя д городской подписки.

Подписывающіеся лично въ Главной Конторѣ «Вѣстника Европы», для обе печенія себѣ правильной и своевременной доставки книжекъ, требуютъ в дачи билета, вырѣзаннаго изъ книгъ Конторы журнала, а не книжна магазина, и съ помѣткою дня выдачи билета.

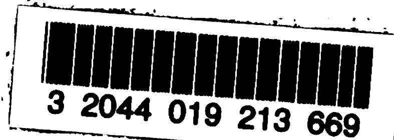
Подписка безъ доставки (годъ — 14 р.; полгода — 7 р. 50 к.) принимае въ мѣстахъ, указанныхъ для городской подписки.

NB. *Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную сдачу экземпляр въ Почтамтъ только предъ тѣми, кто сообщаетъ ей нумеръ и число м сяца: или почтовой квитанціи, или билета, вырѣзаннаго изъ книгъ Глав Конторы «Вѣстника Европы».*

☞ Въ случаѣ недоставки Почтамтомъ сданныхъ ему въ порядкѣ экземпляровъ, ☜ редакція обязуется немедленно выслать новый экземпляръ въ замѣнъ утраченнаго почто но не иначе, какъ по предъявленіи подписчикомъ свидѣтельства отъ мѣстной Почтовой Конто что требуемый нумеръ книги не былъ высланъ на его имя изъ Газетной Экспедиціи.

Желающіе пріобрѣсти полный экземпляръ «Вѣстника Европы» за 1867 го (четыре тома: 8 руб. безъ доставки) обращаются въ Главную Контору журнала. Гг. Иногородные — исключительно въ редакцію (Спб. Галерная, 20), съ приложеніе 1 руб. для пересылки годового экземпляра.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ

3 2044 019 213 669

